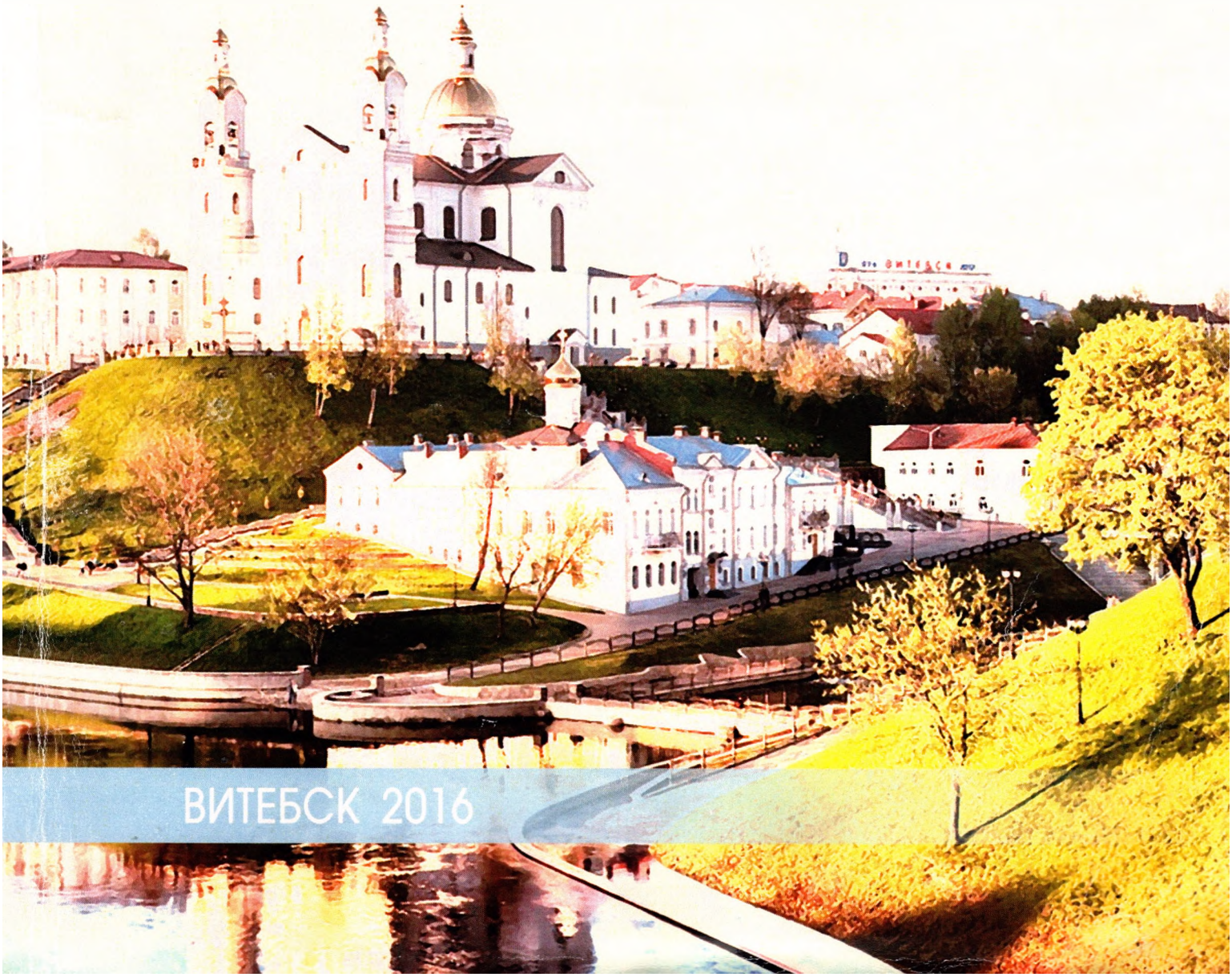
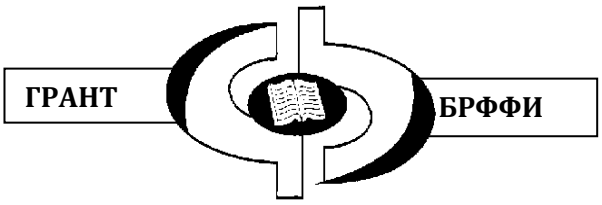
РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИТЕБСК 2016

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
Смоленский государственный университет
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Под научной редакцией А.М. Мезенко

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2016

УДК 81’373.2(045)
ББК 81.031.4я43
Р32

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 24.12.2015 г.

Составители: **А.М. Мезенко, С.В. Николаенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова**

Научный редактор:
заведующий кафедрой общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук, профессор *А.М. Мезенко*

Рецензент:
профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор *И.Э. Ратникова*

Р32 **Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования :** сборник научных статей / сост. : А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова ; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 368 с.
ISBN 978-985-517-520-0.

В сборнике научных статей, составленном по материалам международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», рассматривается широкий спектр вопросов по проблемам региональной ономастики.

Для научных сотрудников, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется проблемами ономастики.

УДК 81’373.2(045)
ББК 81.031.4я43

ISBN 978-985-517-520-0

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2016

Ректор учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
участникам и гостям международной научной конференции
«Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования»

Уважаемые коллеги и друзья!

Позвольте мне от имени многочисленного коллектива студентов и преподавателей Витебского государственного университета имени П.М. Машерова приветствовать вас в Витебске на международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования». В этом зале сегодня собралась научная элита, которая определяет основные направления развития современной ономастики, обеспечивает сохранение и поддерживает распространение знаний об именах собственных в мире.

Мне особенно приятно отметить, что учёные Витебской ономастической школы вносят свой важный вклад в становление и развитие ономастики в целом, а также в формирование белорусской национальной ономастики.

Проблемы становления и развития ономастики, сохранения местной топонимии и антропонимии находятся в центре внимания ономатологов не одно столетие, но не теряют своей актуальности и в наше время, о чем свидетельствует тематика заявленных докладов конференции.

Познание своего через соседнее в сравнении и изучении, уважение к различным идеям и концепциям ученых других стран помогают выйти на конструктивный, свободный от стереотипов диалог, соответствующий XXI веку. И, думается, сегодняшняя научная конференция, собравшая ономастов Беларуси, Канады, Польши, России, Украины, Вьетнама, как раз и будет содействовать выполнению этой высокой и почетной миссии. В современном мире глобализации поддержка, с одной стороны, национальной самобытности, а с другой – единения народов – дело и культурной, и общечеловеческой важности.

Уважаемые друзья, мы надеемся, что за время работы конференции вы сможете не только обсудить свои научные проблемы, но и познакомиться с научными исследованиями витебских учёных в области ономастики, узнать об истории и культуре Витебска, наладить дружеские и деловые контакты. Все это будет содействовать развитию международного сотрудничества и взаимодействия в научной сфере. Хочу пожелать вам хорошего настроения, плодотворных дискуссий, творческого вдохновения, радости и удовлетворения от нахождения на гостеприимной витебской земле.

18 февраля 2016 года

Алексей Егоров

ВИТЕБСКАЯ ОНОМАСТИКА В XXI ВЕКЕ

В 2014 г. в издательстве «ВГУ имени П.М. Машерова» вышла коллективная монография «Научные школы учреждения образования “Витебский государственный университет имени П.М. Машерова”», в которой рассматриваются научные коллективы, сложившиеся и действующие в названном университете. Один из ее разделов посвящен научной школе «Актуальные проблемы ономастики», формирование которой началось в 1996 г.

Становление ее связывается с появлением обобщающих работ по ономастике Беларуси в целом и Белорусского Поозерья в частности, явившихся результатом выполнения ряда научных проектов, финансированных Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований на тему «Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV–XX вв.», 1999–2002; «Витебщина в названиях: история и современное состояние», договор БелИСА № гос. рег. 20102533 от улиц», договор БелИСА Г-06-029 от 15.04.2003 г.; «Витебщина и Смоленщина в языковых, литературных и культурных контактах: 1.10.2010 г.; Министерством образования Республики Беларусь «Ономастикон Витебщины: структура, семантика, география», номер государственной регистрации 20021205 от 15.04.2002 г.; «Лингвокультурологические особенности Белорусского Поозерья», номер государственной регистрации 20011472 от 17.05.2001 г.; «Язык и культура Белорусского Поозерья», номер государственной регистрации 20062006 от 16.11.2006 г.; «Этнокультурные особенности Белорусского Поозерья», номер государственной регистрации 20111546 от 17.06.2011 г.

Становлению школы способствовали также девять международных научных конференций «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология», проведение которых началось с 1991 г., научные связи с отечественными научными организациями и международным научным сообществом, Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Университетом ВАТЕРЛОО (Канада), Университетом в Белостоке, Зеленогурским университетом (Польша), Таврическим национальным университетом имени В.И. Вернадского, Донбасским государственным университетом (Украина), Смоленским государственным университетом, Уральским федеральным университетом имени Б.Н. Ельцина (Россия).

В настоящее время в рамках Витебской ономастической школы работают более двух десятков исследователей, преобладающая часть которых – сотрудники Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. В исследовательское ядро входят 1 доктор филологических наук, профессор, 10 кандидатов филологических наук, доцентов, 1 старший преподаватель, аспиранты, магистран-

ты, студенты. К разработке актуальных проблем витебской ономастики привлечены сотрудники отдела белорусоведения и краеведения Витебского областного объединения по организации внешкольной работы с детьми и подростками, учителя, руководители краеведческих и этнографических кружков школ Витебска.

Результаты исследований внедрены в учебный процесс Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Витебского государственного медицинского университета, Областного института развития образования, гимназий г. Витебска, Гродненского государственного аграрного университета, Смоленского государственного университета (Россия), Белостокского университета (Польша); в работу органов ЗАГСа (рекомендации по имянаречению) и др.

Перспективность развития научного направления видится в значимости получаемых результатов и в их соответствии национальным интересам, в лингвистическом подтверждении мировоззренческих основ идеологии Республики Беларусь; в наличии круга проблем, требующих теоретического осмысления и практического внедрения.

С 2010 г. витебские ономатологи тесно сотрудничают с учеными-ономастами Смоленского государственного университета. Идеи совместного научного проекта «Витебщина и Смоленщина в языковых, литературных и культурных контактах: история и современное состояние», выполнявшегося в 2010–2012 гг. и имевшего своей целью выявление механизма взаимодействия языков, фольклора, культуры на приграничных белорусско-русских и русско-белорусских территориях, что способствовало определению универсальных и идиоэтнических тенденций в функционировании сравниваемых языков и культур белорусского и русского народов, актуальны до настоящего времени.

Своеобразным показателем разнопланового и углубленного изучения ономастики в Смоленском регионе являются научно-практические конференции «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», проводившиеся в Смоленском государственном университете в 2008, 2011 и 2013 г., в последнем из перечисленных носившая название «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования».

Настоящая конференция в определенном смысле является правопреемницей предыдущих, которые планируется попеременно проводить в каждом из указанных городов.

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Zofia Abramowicz
Uniwersytet w Białymstoku,
e-mail: abramowicz.zofia208@gmail.com

УДК 811.162.1'373.2(438)

ZNACZENIE BADAŃ REGIONALNYCH DLA ONOMASTYKI NARODOWEJ

Słowa kluczowe: *nazewnictvo osobowe, zróżnicowanie etniczne, antroponimia Podlasia, antroponimia Śląska, onomastyka polska, badania regionalne.*

W artykule omówiono aktualne problemy toponimii i antroponimii na przykładzie różnych regionów Polski, w szczególności z Podlasia i Śląska. Zwraca się uwaga na ogólnych i charakterystycznych cechach nominacji. Artykuł zawiera ogromny materiał ilustracyjny.

Zofia Abramowicz
Uniwersytet w Białymstoku

THE IMPORTANCE OF REGIONAL RESEARCH FOR NATIONAL ONOMASTICS

Key words: *personal name, ethnic difference, the anthroponymy of Podljas'e, the anthroponymy of Śląsk, Polish onomastics, regional research.*

The article represents topical problems of toponymy and anthroponymy on the material of different regions of Poland, Podljas'e and Śląsk in particular. The common and different features of nomination are emphasized. The vast illustrative material is given.

Każdy naród ma własną historię, która w dużym stopniu znajduje potwierdzenie w warstwie proprialnej jego języka. Badania nad nazewnictwem osobowym i geograficznym mają charakter wieloaspektowy i wymagają wiedzy interdyscyplinarnej. Zmiana przynależności państwowej pociągała za sobą zmiany w nazewnictwie geograficznym oraz w znaczący sposób wpływała na funkcjonowanie nazewnictwa osobowego.

Toponimia

Ustalenie pierwotnego brzmienia toponimu wymaga czasami żmudnych poszukiwań archiwalnych i analizy zmian językowych, jakie zachodziły na określonym terytorium w naturalny bądź wymuszony sposób. Nazewnictwo geograficzne [1] oraz wewnątrzmiejskie wymagało uporządkowania i dostosowania do nowych realiów historycznych i politycznych. Powojenne władze obrały różne sposoby realizacji tego zadania:

1. Pozostawiano nazewnictwo historyczne adaptując je do polszczyzny, np. **Malbork** – niem. nazwa Marienberg, spolszczona – Malbork (w przeszłości stolica państwa krzyżackiego); po II wojnie światowej Malbork.

2. Przywracano nazwę historyczną w wersji znanej rdzennym mieszkańcom tych ziem adaptując do polszczyzny, np. **Ełk** – pierwotna nazwa od pruskiego lub jaćwieskiego łek 'lilia wodna', lub słowa łęg 'nadrzeczna łąka'. Krzyżacy nadali miastu nazwę niemiecką, w historycznych dokumentach występują różne warianty nazwy niemieckiej: Licke, Lick, Lik, Lueck, Lyck; obecna nazwa od wyrażenia przyimkowego *ze Łku > z Ełku*, *we Łku> w Ełku*; po II wojnie światowej – Ełk. Niektóre nazwy miejscowości całkowicie zmieniono. Najczęstszym powodem zmiany nazwy była m. in. chęć upamiętnienia wybitnych obrońców polskości Warmii i Mazur. Odzwierciedla się to w nazewnictwie takich miast jak: **Giżycko** – pierwotna nazwa Łocze, niem. Lotzen, po II wojnie światowej – Lec, od

sierpnia 1945 roku – Łuczany; od 1946 roku Giżycko na cześć Gustawa Gizewiusza (Giżyckiego); **Mrągowo** – niem. nazwa Sensburg lub Regensburg, spolszczona Ządźbork lub Ządzbork (do 1947 roku), od 1947 r. Mrągowo w celu uczczenia pamięci jednego z najwybitniejszych obrońców języka polskiego i polskości Warmii i Mazur – Krzysztofa Celestyna Mrągowiusza; **Kętrzyn** – pierwotnie gród o pruskiej nazwie Rast , strażnica krzyżacką, a następnie miasto o niem. nazwie Rastenburg, polska Rastembork i warianty Raściborz i Racibórz; od 1946 roku Kętrzyn od nazwiska Wojciecha Kętrzyńskiego, historyka z XIX wieku walczącego z germanizacją Mazur.

Podobne zmiany zachodziły w urbanonimii. Nazwy ulic i innych obiektów wewnątrzmiejskich poddawano adaptacji fonetycznej i graficznej, kalkowano lub przemianowywano [2]. O podjęciu decyzji w dużym stopniu pomagała wiedza na temat historii i różnych uwarunkowań rozwoju miast i miasteczek danego regionu.

Antroponimia

W onomastyce polskiej niejednokrotnie padało pytanie o nazwiska Polaków i nazwiska polskie. Przeglądając Słownik K.Rymuta [3] natrafiamy na nazwy osobowe ukształtowane na bazach słowiańskich i obcych. Zgromadzony zasób antroponimów regionu Podlasia w zdecydowany sposób będzie się różnił od zasobu i jakości nazewnictwa np. Śląska, ponieważ historia i uwarunkowania polityczne w obu regionach były inne. W obu zestawach nazewnictwa regionalnego znajdą się zjawiska i cechy wspólne, chociaż znacznie więcej będzie między nimi różnic, ponieważ inaczej przebiegało osadnictwo i inne były warunki rozwoju gospodarczego i kulturowego na przestrzeni wielu stuleci, zwłaszcza po utracie niepodległości.

Zróżnicowanie etniczne, językowe i kulturowe znajduje potwierdzenie w warstwie proprialnej. Aspekt kulturowy, oparty przede wszystkim na wyznaniu i religii, najsilniej przejawia się w zasobie imienniczym. Każda grupa etniczno-wyznaniowa swoim dzieciom nadawała imiona z własnego systemu imienniczego dostosowanego do swojego języka lub gwary. Porównajmy imiona [5] w pełnych formach podstawowych u katolików: *Albert, Ambroży, Benedykt, Jan, Stanisław, Władysław* itp.; prawosławnych: *Borys, Demid, Fieodor, Foma, Grigorij, Ilia, Timofiej, Warfołomiej* itp. Wyznawcy islamu – Tatarzy nadawali swoim dzieciom imiona związane z tureckim i arabskim kręgiem kulturowym: *Abragim/Ibragim, Achmet, Ali, Bajazyd, Murtuza, Mustafa, Omar, Tamerlan* itp. W podobny sposób do nominacji podchodzili wyznawcy judaizmu – Żydzi i Karaimowie: *Aron, Abram, Beniamin, Becalel, Chaim, Dawid, Hirsz, Icchak, Jakub, Lew, Szymon* itp. Na grupę etniczną wskazują także nazwiska odetniczne: *Cygan, Czerkas, Grek, Lach, Litwin, Kaszuba, Mazur, Moskal, Wałach, Żyd* itp. Zróżnicowanie językowe i gwarowe odzwierciedla się w nazwiskach odimiennych przekształconych fonetycznie i strukturalnie pod wpływem języków i gwar funkcjonujących na Podlasiu: *Anchim, Ancuszko, Andrejko, Androżenia, Chomko, Jurgiel i Jagustynik, Jędrzyk, Jozwik, Juzik, Maciejew* itp.; oraz nazwach opartych na bazach apelatywnych: *Barkun* (ap. brus. barkun ‘trawa polna’), *Białowąs i Białous* (por. wsł. us ‘wąs’), *Ciołek, Ciwun* (ap. ciwun, tiwun ‘urzędnik ziemski w średniowiecznej Litwie i Białorusi), *Dołhij* (ap. ukr. dowhyj, brus. douhi ‘długi’), *Dorff* (ap. niem. Dorff ‘wieś’), *Drąg, Drozd, Kiermus* (ap. lit. kermuse ‘dziki czosnek’), *Mądry, Mąka* itp.

Koegzystencja różnych języków, wyznań, kultur w dłuższej perspektywie prowadzi do interferencji na wszystkich poziomach życia społecznego i kształtowania się synkretycznej kultury regionu. W obszarze nazewniczym na Podlasiu przejawia się to zazwyczaj w przejęciu przez ludność napływową od miejscowej ludności słowiańskiej pewnych modeli nazewniczych i stosowaniu tych samych zasad przy tworzeniu deminutywnych form od imion z własnego zasobu imienniczego, następnie dodatkowych określeń tworzących podstawy formalne dla kształtowania się nazwiska zwyczajowego. Porównajmy imiona derywowane za pomocą tych samych sufiksów u Słowian oraz ludności niesłowiańskiej, zwłaszcza Tatarów i Żydów:

-ko:

Słowianie: *Andrejko, Błaszko, Bucko, Chamko, Stanko* itp.

Tatarzy: *Abdyszko, Ainiszko, Alejko, Bańko, Bolatko* itp.

Żydzi: *Awraszko, Berko, Biszko, Boruszko, Calko, Piorko* (< Perec), *Pszczołko* itp.

-ek:

Słowianie: *Bartek, Błażek, Dobek, Florek, Frączek, Janek, Klimek* itd.

Tatarzy: W imionach tatarskich typu: *Belek, Selimbek, Tynibek* i in. element ***-ek*** należy do tematu imienia, więc formy te nie powstały na tym terenie w wyniku derywacji sufiksalnej, ale mogły wpłynąć na zwiększenie popularności takich struktur;

Żydzi: *Abramek, Boruszek, Berek* (< Ber), *Honek, Dawidek, Dawydek, Jurek* itp.

-ik / -yk / -czyk:

Słowianie: *Boryszyk, Fomik* (< Foma), *Ignaczyk, Jagustynik, Janczyk* itp.

Tatarzy: *Asanczyk, Bajczyk, Jednaczyk, Odnaczyk, Kudajczyk* itp.

Żydzi: *Hercyk, Haszyk, Icyk* itp.

-uk / -czuk:

Słowianie: *Andruk, Grzesiuk, Haniuk, Hrynczuk, Janczuk* itp.

Tatarzy: Należy pamiętać, że w imionach tatarskich element ***-uk*** może należeć do tematu pełnego imienia i nie zawsze takie formy powstawały na tym terenie w wyniku derywacji sufiksalnej, por. *Siunduk* (< tur. Söndük) i *Achuk* (< Jachia). W źródłach występują imiona: *Ajniuk, Ajziuk, Balzuk, Dzieszuk, Kazuk* itp.

Żydzi: *Icuk, Koniuk* itp.

-ka:

Słowianie: *Osiwka* (< Iosif), *Sawka, Sanka, Saszka, Wańka* itp.

Tatarzy: *Czepka* itp.

Żydzi: *Ronka* (< Aron), *Calka* (< Becalel), *Biszka / Byszka* (< Biniamin), *Fromka* (< Efraim), *Ilka* (< Ilia), *Jośka* (< Josef), *Judka* (< Juda) itp.

Nazwisko na Podlasiu zaczęło kształtować się nieco później niż w pozostałych regionach Polski i powstawało w podobny sposób u wszystkich mieszkańców Podlasia. We wszystkich grupach etniczno-wyznaniowych pojawiły się strukturalnie tożsame formacje antroponimiczne. Różnice pomiędzy grupami etnicznymi przejawiają się zazwyczaj w podstawach słowotwórczych nazwisk odimiennych i odapelatywnych oraz niektórych strukturach obcego pochodzenia. Porównajmy w nazwiskach patronimicznych kilka najbardziej charakterystycznych struktur:

-ic(z) / -owic(z) / -ewic(z):

Słowianie: *Babicz* (Nieścier *Babicz* 1551), *Bilbicz* (Franciscus *Bilbicz* 1673), *Abramowicz* (Wołos *Abramowicz* 1551, Wojciech *Abramowicz* 1580), *Adamowicz* / *Jadamowicz* (Woyciuł *Adamowicz* 1558, Michał *Jadamowicz* 1565) itp.

Tatarzy: *Ajsicz* (Wojna *Ajsicz*, Asan *Ajsicz* 1631), *Bajkozicz* (Alej *Bajkozicz* 1631), *Bakazicz* (Araz *Bakazicz* 1565), *Fursicz* (k. Mustafa *Fursicz* 1690), *Jechanszyc* (Sołtan *Jechanszyc* 1631) itp.

Żydzi: *Abramowicz* (Juda *Abramowicz*, Slloma *Abramowicz* 1571), *Ajzykowicz* (Iosiela *Ajzykowicz* 1771-1772), *Aronowic* (Moszko *Aronowic* 1635, Dawid *Aronowic* XVII), *Aronowicz* (Jankiel *Aronowicz*, Pinchas *Aronowicz* 1774) itp.

-ik / -yk / -czyk:

Słowianie: *Adamik* (Grzegorz *Adamik*, Paweł *Adamik* 1662), *Arciszyk* (Simon *Arciszyk* 1662), *Babaik* (Michał *Babaik* 1565), *Antonik* (Mikołaj *Antonik* 1565, Samuyło *Antonik* gospodarz 1662) itp.

Tatarzy: *Czernik* (K Chasien *Czernik* z Melechowicz 1683), *Adnaczyk* (tatarin *Adnaczyk* 1555), *Beleczyk* (Czerewije *Beleczyk* 1528) itp.

Żydzi: *Froimik* (Lewko *Froimik* 1662), *Cybulczyk* (Moszko *Cybulczyk* XVII), *Lipczyk* (Ilia *Lipczyk* 1576), *Robaczyk* (Leybko *Robaczyk* 1654) itp.

-ak / -'ak:

Słowianie: *Bielszczak* (nobilis Adamus Wyczołkowski *Bielszczak* 1662), *Borkulak* / *Borkułak* (Bartholomeo Chibowski *Borkulak* 1583, nobilis Albertus *Borkułak* 1662): por. lit. n. os. *Barkulis* (LPŻ I 198) itp.

Tatarzy: *Czerniak* (Aleksander *Czerniak* z Łukiszek 1690), *Półtorak* (Towarzysz Eljasz *Półtorak* 1786): por. n. os. *Półtor* 'spadkobierca półtorej części majątku' itp.

Żydzi: *Charłak* (Lachman Cherszkowicz *Charłak* 1771): por. ap. wsł. charło 'gardło' Dal., *Liwak* (Chaim *Liwak* 1771): por. im. hebr. Lewi, jid. Lejb > Lejwa, Lew, por. n. m. Liwa SG, itp.

-ek:

Słowianie: *Białaszek* (Maciej *Białaszek* 1565), *Bierniczek* (Wasko *Bierniczek* 1662), *Budek* (szl. Stanisław *Budek* 1569), *Cibek* (Jan *Czibek* 1560-1563), *Czortek* (Wojtek *Czortek* 1577) itp.

Tatarzy: w imionach tatarskich ***-ek*** występuje jako część elementu ***-bek***, np. *Aziubek, Chelembek, Selimbek* i w niektórych innych imionach, np. *Belek, Chalek* i in., natomiast w słowotwórstwie nazwisk sufiks ***-ek*** zazwyczaj nie był wykorzystywany.

Żydzi: *Berek* (Abrahama *Berka* krawca… 1771-72), *Brechaczek* (Szmerla *Brechaczka* 1662), Honek (Hiersz *Honek* 1794), *Żydek* (Jakubowi *Żydkowi* 1662) itp.

-uk / -czuk:

Słowianie: *Adamczuk* (Piotr *Adamczuk* 1662), *Adamiuk* (Wawryn *Adamiuk* 1662), *Bojarczuk* (Iwan *Bojarczuk* 1662), *Baraniuk* (Chwiedko *Baraniuk* 1662), *Bołtruk* (Szymko *Bołtruk* 1578), *Chroluk* (Bartosz *Chroluk*, Omelian *Chroluk* 1662),

Tatarzy: w nazewnictwie tatarskim element ***-uk,*** podobnie jak ***-ek,*** występuje zazwyczaj w imionach: *Ajniuk, Ajziuk, Misiuk* i in. W słowniku nazwisk można spotkać pojedyncze przykłady takich nazw, np. *Achuk* (brat jego *Achuk* 1520), ale ilustracja nie daje podstaw twierdzić, że jest to nazwisko.

Żydzi: *Andzeluk* (Herszko *Andzeluk* 1764), *Garbarzuk* (Słoma *Garbarzuk* 1662), *Litmanczuk* (Szmoyłowi *Litmanczukowi* Żydowi 1750), *Mowszuk* (Chaim Bendetowicz *Mowszuk* 1794), *Pinczuk* (Jankiel *Pinczuk* 1726) itp. [6].

Przy zestawieniu antroponimii Podlasia z nazewnictwem osobowym Śląska wyraźnie widać różnice, które wynikają z innych warunków rozwoju terytorialnego. Podstawowe kategorie konceptualizacji, takie jak przywiązanie do małej ojczyzny, języka i gwary, wartości rodzinnych, tradycji, zwyczajów, obrzędowości przez wieki kształtowały także nazewnictwo osobowe tej ziemi i znajdują potwierdzenie w dzisiejszych nazwiskach Ślązaków.

Jeśli dla regionu Podlasia charakterystyczne są nazwiska oparte na bazie imion typowych dla ludności prawosławnej z cechami gwar wschodniosłowiańskich (*Chwiedko, Chomko, Hryń, Ryhor, Wołos* [< im. cerk. Własij] itp.) oraz wsł. i lit. leksyce apelatywnej (*Barkun, Biełyj, Dołhij, Kiermus, Kierżula, Kiskiel* itp.), to dla Śląska typowymi będą nazwiska [7] oparte na imionach katolickich lub protestanckich z cechami języka polskiego, czeskiego i niemieckiego oraz gwary śląskiej (*Albert, Alfons, Antosik, Anzelmi, Alter, Bager, Baniok, Bartel, Bednorz, Bezdek* [ap. czes. bezdek ‘głupiec’], *Biyda* [gw. ciesz. ‘bieda’], *Blaisok, Blysniok, Dostal, Gołymbiosz, Hentscholek* itp.). Nazwiska potwierdzają również obecność na podlaskiej ziemi Tatarów (*Ajdarowicz, Bajramowicz, Mustaficz,Usejnowicz*) i licznej diaspory żydowskiej (*Izraelowicz, Jankielowicz, Izakowicz, Rywkin* itp.). Na Śląsku nie ma diaspory Tatarów, chociaż pojedyncze akcenty turecko-tatarskie znajdziemy, np. nazwisko *Ali*, zaś nazwiska żydowskie nie wyróżniają się w tak widoczny sposób jak na Podlasiu, ponieważ nikną w gąszczu nazw niemieckich (*Aldag, Amler, Arndt, Autenrieth, Bachmann, Bachrach, Blumenkrauz, Blumenthal, Fleischer* itp.). Nie dominują też nazwiska na **-owicz/-ewicz**, chociaż ten ogólnosłowiański typ nazwiska patronimicznego jest tutaj też znany por.: *Adamowicz, Betnerowicz, Brodowicz, Burkowicz, Cholewkiewicz, Duchowicz, Gieruszkiewicz, Hankiewicz, Jankowicz, Jędrkiewicz, Królowicz, Masiewicz, Matejkowicz, Matlenkiewicz, Prokopowicz* itp. i w stpolskim wariancie -owic: *Blaszczekowic;* -ic: *Grodzienic, Iwanczic*; -icz: *Kotwicz.* Dla Śląska typowe są przede wszystkim nazwy osobowe z gwarowymi cechami językowymi, nazwiska odetniczne, odapelatywne, oparte na apelatywach różnych języków oraz obce nazwiska pochodzenia czeskiego lub niemieckiego, które uległy modyfikacji fonetycznej i adaptacji do polszczyzny.

Zestawiając oba regiony możemy wyodrębnić też elementy wspólne, które tworzą tę podstawową tkankę antroponimii polskiej. Należą do nich:

- nazwiska odimienne powstałe na bazie polskich imion katolickich, które w wielu wypadkach pokrywają się w obu regionach:

Podlasie: Imię **Adam** lub **Jadam**: *Adamczyk//Adamczuk//Jadamczuk, Adamik, Adamiuk, Adamowicz//Jadamowicz, Adamowski, Adamów//Jadamow;* Imię **Aleksander:** *Aleksandrow, Aleksandowicz*; Imię **Andrzej,** łac. **Andreas**: *Andreas, Andrejko, Androc(z), Andros, Androsowicz, Andros(z)ewicz, Androw//Andrów* itp*;* Śląsk: Imię **Adam**: *Adamczik//Adamczyk//Jadamczyk,*

Adamec//Adamiec//Jadamiec, Adamek //Jadamek, Adamik//Jadamik//Hadamik, Adamis, Adamowicz, Adamowski, Adamski; Imię **Aleksander:** *Alex, Alexa;* Imię **Andrze**j, łac. **Andreas**: *Anders, Anderski, Andras, Andreas, Andres, Andreski, Andruch, Andrzejek, Andrzejewski, Andziel, Andzioł-* nazwiska odmiejscowe z typowym dla polszczyzny sufiksem **-ski**:

Podlasie: *Babiński, Bagieński, Bagiński, Balicki* itp.

Śląsk: *Babczyński, Babiński, Baczyński, Bagiński, Bąkowski* itp.

- nazwiska odapelatywne (charakteryzujące i odzawodowe) powstałe na bazie leksyki polskiej:

Podlasie: *Paluch, Pastuch, Pąk, Piekarz, Piekło* itp.

Śląsk: *Bączek, Bicz, Bieda, Biskup, Bliźniak, Bogacz* itp.

Znajomość historii osadnictwa, języka, dialektów i kultury mieszkańców poszczególnych regionów oraz polityki państwowej prowadzonej w różnych okresach historycznych umożliwiają nie tylko ustalenie poprawnej etymologii bądź motywacji nazewnictwa proprialnego, lecz także wyodrębnienie typowych dla danego narodu baz słowotwórczych i wspólnych elementów derywacyjnych determinujących rozwój i charakter narodowej onimii.

Literatura:

1. Historia nazewnictwa na Warmii i Mazurach jest przedstawiona na podstawie materiałów źródłowych zgromadzonych w archiwum Urzędu Miasta Ełk oraz publikacji i opracowań: Achremczyk S, *Dzieje Mazur (Wschodnich)* (w:) Województwo suwalskie, przeszłość, teraźniejszość, perspektywy, red. J.Kopciał, Suwałki 1995; Czapliński W., Galos A., Korta W., *Historia Niemiec,* Wrocław, 1981; www.pl.wikipedia.org; www.spartacus.schoolnet.co.uk/GERsa.htm.

2. Zob. Abramowicz Z., *Nazewnictwo miejskie Ełku a tradycja kulturowa*, Studia Śląskie t. LXVII (2008), s. 21-34.

3. Rymut K., *Słownik nazwisk używanych w Polsce na początku XXI wieku,* Zakład Onomastyki Polskiej Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków, 2002 (wersja elektroniczna).

4. Bednarczuk L., *Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego*, Kraków, 2010, s. 25

5. Przykłady imion i nazwisk są zaczerpnięte z prac: Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L., *Słownik historycznych nazw osobowych Białostocczyzny (XV-XVII w.)*, t. I, Białystok, 1997; t. II, Białystok 1998; Dacewicz L., *Antroponimia Tatarów litewsko-polskich w przekroju historycznym,* Białystok, 2012; taż, *Antroponimia Żydów Podlasia w XVI-XVIII wieku,* Białystok ,2008.

6. Obszerniej na ten temat zob. Abramowicz Z., *Sykretyzm antroponimii Podlasia*, Poznańskie spotkania Językoznawcze, t. XXVII, Poznań, 2014, s. 17-32.

7. Przykłady nazwisk śląskich są zaczerpnięte z będącej w druku publikacji I. Łuc, *Słownik nazwisk mieszkańców południowego Śląska XIX wieku*, Katowice, 2016.

Н.В. Бубнова

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского,

e-mail: 85ninochka67@mail.ru

УДК 81.161.1'373.2+81'27

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (из опыта работы со смоленским материалом)

Ключевые слова: *ассоциация, ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент, имя собственное (оним), фоновые знания, языковая личность*.

В работе описаны возможности применения метода ассоциативного эксперимента для выявления ассоциативно-культурного фона ономастических единиц: на примере «провинциального» топонима Смоленщина в его восприятии представителями столичных регионов – Москвы и Санкт-Петербурга. Предложенная в работе методика может быть использована для описания других региональных ономастических массивов с целью последующего объективного описания общенационального ономастикона.

N.V. Bubnova
Army Air Defense Military Academy of the Russian Federation
named after Marshall of the Soviet Union A.M. Vasilevsky

THE USE OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN ONOMASTICS (from the experience of working with the material of Smolensk)

Key words: *association, associative and cultural background, associative experiment, proper noun (onym), background knowledge, linguistic identity.*

The paper describes the possibility of applying the method to identify the association experiment associative and cultural background onomastic units: the example of the "provincial" toponym Smolensk in his perception of the representatives of the metropolitan regions – Moscow and St. Petersburg. Proposed in the technique can be used to describe other regional onomastic arrays for subsequent objective description of the national onomasticon.

В современной лингвистике ассоциативная организация связей между лексическими единицами «мыслится как некая форма семантических сетей, существующих в сознании» [4, 182] и рассматривается как один из эффективных способов отражения информации о мире, заключённой в памяти человека, в связи с чем актуальность изучения ассоциаций языковой личности методом ассоциативного эксперимента очевидна.

Применение метода ассоциативного эксперимента в ономастических исследованиях закономерно получает всё большее распространение. Как отмечает Г.Д. Томахин, «ономастическая лексика в целом обладает высокой национально-культурной маркированностью. Любой топоним и антропоним в сфере языка и культуры воспринимаются на фоне определённых ассоциаций, основанных на некоторых признаках обозначаемого ими объекта, причём фоновые знания, которыми обладают носители данного языка и культуры, существенно отличаются не только объёмом, но и формой их существования. Следовательно, при лингвострановедческом изучении лексики необходимо учитывать не только все значения слова, зарегистрированные в словарях, но и его ассоциации в фоновых знаниях народа-носителя» [9, 115].

Для наименования совокупности ассоциаций, связанных с онимом, мы используем термин ассоциативно-культурный фон (АКФ), предложенный Н.А. Максимчук. АКФ – это вся сопутствующая имени информация, не входящая в его непосредственное содержание, при этом «компонент *культурный* указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент *ассоциативный* называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [5, 166–167].

Около десяти лет мы занимаемся исследованием ассоциативно-культурного фона топонима *Смоленщина*. Основные результаты, характеризующие особенности восприятия данного онима респондентами-смолянами, описаны нами в диссертационном исследовании [1] и монографии [2]. На данном этапе работы мы предложили топоним *Смоленщина* в качестве онима-стимула респондентам из Москвы и Петербурга. На сегодняшний день в эксперименте приняли участие 1128 испытуемых: 652 студента московских вузов и 476 студентов вузов Санкт-Петербурга. Участниками эксперимента стали обучающиеся следующих вузов (в скобках указано количество участников эксперимента из каждого вуза): Московского государственного университета дизайна и технологий (234), Московского государственного областного университета (172), Российского государственного гуманитарного университета (137), Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (62), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (29), Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (18); Санкт-Петербургского государственного университета (209), Санкт-Петербургского государственного технического университета (135), Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (132). В начале эксперимента респондентам было предложено заполнить анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, курс обучения, место рождения (Москва / Петербург или другой город / посё-

лок), образование (среднее / среднее специальное / высшее), сфера будущей профессиональной деятельности (гуманитарная / техническая), родной язык(и).

После заполнения анкеты на первом этапе эксперимента испытуемым было предложено в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется стимул *Смоленщина*, т.е. количество онимов-реакций ограничивалось только временем. По замечанию Г.М. Мандриковой, «немаловажным фактором для процесса и результата объяснения слова является ограничение по времени, что делает весьма вероятной квалификацию данных определений как таких, которые сразу пришли в голову носителю языка. Это позволяет надеяться на то, что в большинстве случаев полученные ответы отражают действительные процессы восприятия и последующего объяснения слова, а не плоды долгого и сознательного «выдумывания»» [6, 115]. Ограничение времени в нашем случае объясняется тем, что мы выявляли фоновые знания языковой личности, а объём оперативной памяти человека выражается знаменитым числом Ингве-Миллера (7 ± 2) – именно такое количество лексем в среднем можно вспомнить и записать в течение 1 минуты. Проведение этого этапа эксперимента и предъявление стимульного материала происходило в письменной форме.

Второй этап эксперимента был посвящён выявлению реакций, формирующих АКФ 11 общезначимых («ядерных») смоленских онимов, выявленных в ходе проведения эксперимента с респондентами-смолянами [см. подробнее 1; 2]: *Днепр, Успенский собор, Крепостная стена, Ю.А. Гагарин, М.И. Глинка, А.Т. Твардовский, М.В. Исаковский, Ф.С. Конь, М.К. Тенишева, Н.И. Рыленков, Василий Тёркин.* На написание реакций на каждый стимул на данном этапе испытуемым было предложено по 7 секунд; такое временное ограничение объясняется использованием опыта авторов Русского ассоциативного словаря, которые отводили респондентам на 100 слов-стимулов 7-10 минут, т.е. в среднем 7 секунд на один стимул. Проведение данного этапа эксперимента происходило в письменной форме, а предъявление стимульного материала осуществлялось в устной форме. Такая форма работы обусловлена тем, что на втором этапе эксперимента в качестве слов-стимулов выступали 11 ономастических единиц, и одинаковое время реакции на каждый из них было ограничено именно скоростью чтения стимулов экспериментатором.

В настоящей работе остановимся на характеристике результатов первого этапа эксперимента. Для анализа полученного ассоциативного материала нами была разработана электронная База данных в программе Microsoft Office Access. Обработав результаты 1128 анкет, мы получили 1502 реакции (это общее количество отдельных лексических единиц, словосочетаний и предложений), 4120 употреблений. К числу наиболее частотных (индекс частотности (ИЧ) ≥ 20) относятся 30 реакций. В исследованиях, посвящённых изучению ассоциаций, понятие частотности реакции тесным образом связано с понятием о коммуникативной готовности лексемы. Слова, так или иначе запечатлённые в нашем языковом сознании, характеризуются разной степенью коммуникативной готовности. Коммуникативная готовность слова (термин В. В. Морковкина) – это «мера трудности его речевой мобилизации по требованию случившегося здесь и сейчас смыслового задания. Коммуникативная готовность слова определяется, во-первых, степенью усвоенности человеком плана содержания слова, во-вторых, продуктивной и/или рецептивной употребительностью слова в речевом поведении человека, в-третьих, формальной и содержательной выделенностью слова на фоне других слов, имеющихся в языковом сознании» [7, 43]. Представим полученный нами ассоциативный материал в форме таблицы:

№	Реакция	ИЧ
	Смоленск	194
	город	135
	смола	120
	деревня	105
	война	95
	история	77

№	Реакция	ИЧ
	Россия	76
	город-герой	64
	провинция	51
	область	50
	природа	35
	«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины…»	33
	люди	32
	лес	31
	ВОВ	31
	посёлок	30
	война 1812 года	29
	Русь	29
	деревенщина	28
	село	28
	битва под Смоленском	25
	Кремль	24
	поле	23
	дорога	23
	далеко	21
	битва	21
	Смоленская область	21
	обломовщина	21
	леса	21
	Днепр	20

Как видим, самыми частотными являются реакции, называющие административный центр Смоленщины – *Смоленск* и *город*, а также реакция, характеризующая этимологию названия областного центра, – *смола*. Отметим, что исследователи выделяют несколько версий происхождения названия города: 1. От лексемы *смола*: в городе смолили суда и спускали их по Днепру (М. Фасмер); 2. От глагола *смолити* в значении ‘выжигать лес’ (О.Н. Трубачёв); 3. От названия племени *смолене*, которое в очень далёком прошлом проживало в этих местах (русская летописная традиция уже не застала смолен как особое племя, так как в летописном сообщении Смоленск называют городом кривичей) (Б.А. Махотин, Е.Н. Борисова).

Реакции *Россия* и *Русь* «задают пространственные координаты» топонима Смоленщина, а реакции *Смоленская область* и *область* являются по факту синонимичными. Выделяется группа реакций, характеризующих Смоленщину как провинцию (с соответствующими характеристиками): *деревня, провинция, природа, лес (леса), посёлок, село, поле, дорога, далеко*, *люди*. Наличие подобных реакций вполне прогнозируемо с учётом того, что в эксперименте приняли участие жители столичных Москвы и Петербурга. Реакции *Днепр* и *Кремль* (так часто на общенациональном уровне называют законченную и освящённую в 1602 году Смоленскую крепостную стену) называют главную географическую и архитектурную координаты Смоленской земли. Попутно отметим, что данные реакции в списке реакций респондентов-смолян входят в тройку наиболее частотных, занимая первую позицию – *Днепр* (953) и третью – *Смоленская крепостная стена* (695).

Особую группу формируют реакции, характеризующие военную историю Смоленщины: *война, история, город-герой, ВОВ, война 1812 года, битва под Смоленском, битва*. Наличие реакций данной тематической прикреплённости в составе АКФ топонима *Смоленщина* закономерно, поскольку Смоленская земля с её более чем тысячелетней историей неоднократно находилась в

эпицентре военных действий. Пограничное положение города (это западная граница России, «ключ» к Москве) определило его историю и судьбу в общей истории и судьбе России, о чём образно и вместе с тем очень точно написал поэт-смолянин Н.И. Рыленков: Город мой, про тебя / Скажет каждый, кого ни спроси: / Это летопись битв, / Это повесть о судьбах Руси... Так, в частности, в 1609–1611 годах 20 месяцев город был осаждён войсками польского короля Сигизмунда III; во время Отечественной войны 1812 года 16–17 августа произошло Смоленское сражение – оборонительное сражение объединённой русской армии (армий М. Б. Барклая-де-Толли и П.И. Багратиона) с армией Наполеона, которое задержало движение французов к Москве; в начале Великой Отечественной войны на Смоленской земле произошло *Смоленское сражение 1941 года.* Бои продолжались в течение двух месяцев (с 10 июля по 10 сентября 1941 года), в результате чего наступление фашистов на Москву было задержано. К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне 6 мая 1985 года Смоленску было присвоено почётное звание «Город-герой» с вручением медали «Золотая звезда». Особо в данной тематической группе следует выделить реакцию *«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины…»* – ставший прецедентным текст, написанный К. Симоновым в 1941 году.

Возникновение реакций *деревенщина* и *обломовщина* на стимул *Смоленщина* объясняется сходством в фонетическом облике слов: наличием неблагозвучного (как его охарактеризовали некоторые респонденты) суффикса *-щин-*. Однако мы изначально разделяли мнение З.А. Потихи, согласно которому присутствующий в составе топонима *Смоленщина* суффикс *-щин-* характеризует «образование имён собственных со значением места», на которые не распространяются свойства образованных с помощью того же суффикса имён существительных, «обобщённо обозначающих бытовые явления, идейные течения с оттенком отрицательного отношения к ним (бар*щин*а, иностран*щин*а и т.п.)» [8, 231]. Кроме того, по данным энциклопедии «Смоленская область», на страницах газет топоним *Смоленщина* получил широкое распространение в первые месяцы Великой Отечественной войны в силу своей краткости и выразительности; в настоящее время он широко используется в бытовой речи, в научной и художественной литературе [3, 473].

Таким образом, реакции на стимул *Смоленщина*, в целом объективно и точно отражают особенности АКФ анализируемого топонима, что является показателем целесообразности и продуктивности использования метода ассоциативного эксперимента при исследовании АКФ имён собственных.

Литература

1. Бубнова, Н. В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Бубнова ; СмолГУ. – Смоленск, 2011. – 285 с.

2. Бубнова, Н. В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян : монография / Н. В. Бубнова. – Смоленск : Смоленская городская типография, 2013. – 245 с.

3. Будаев, Д. И., Меркин, Г. С. Смоленская область : энциклопедия. В 2-х т. / Д. И. Будаев, Г. С. Меркин. – Смоленск : СГПУ, 2003. Т.2. – 624 с.

4. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и линвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

5. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : монография. В 2-х ч. / Н. А. Максимчук. – Смоленск : СГПУ, 2002. Ч.1. – 204 с.

6. Мандрикова, Г. М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. М. Мандрикова ; ГИРЯ им. А. С. Пушкина. – М., 2011. – 328 с.

7. Морковкин, В. В., Мандрикова, Г. М. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие / В. В. Морковкин, Г. М. Мандрикова // Русский язык за рубежом. – 2010. –№5. – С. 42–48.

8. Потиха, З. А. Современное русское словообразование : учеб. пособие / З. А. Потиха. – М. : Просвещение, 1970. – 384 с.

9. Томахин, Г. Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения / Г. Д. Томахин // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 113–118.

Л.А. Климкова
Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

УДК 81'373.21

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ОСНОВА МИКРОТОПОНИМИИ

Ключевые слова: *микротопонимический комплекс, ситуация, событие, событийность, событийная модель, домикротопонимический и собственно микротопонимический уровни, динамика микротопонимии.*

В статье рассмотрены ситуации рождения и функционирования микротопонима в региональной системе и соответственно два событийных блока – домикротопонимический и собственно микротопонимический. При этом актуализирован первый через речевую реализацию (речевую событийность) в микротопонимических комплексах типовых референтных событийных моделей. Событийность как пронизанность жизни объекта и его названия событиями обусловлена деятельностью человека, что и определяет антропоцентричность микротопонимического пространства.

L.A. Klimkova
Lobachevsky Federal State University of Nizhny Novgorod – National Research University (Arzamas branch)

EVENTIVENESS AS BASIS OF MICROTOPONYMY

Key words: *microtoponymic complex, situation, event, eventivenes, eventive model, pre-microtoponymic and microtoponymic levels, microtoponymic dynamics.*

The article deals with the situations of birth and functioning of microtoponyms in the regional system and, consequently, with two blocks of events – pre-microtoponymic and microtoponymic. The former is realized through speech (speech eventiveness) in microtoponymic complexes of standard referential eventive models. Eventiveness as permeation of events into the life and name of an object is conditioned by human activity, and this determines the anthropocentricity of microtoponymic space.

В сознании, в языковой памяти диалектоносителей имя собственное, в частности микротопоним, живет не сам по себе, а обязательно в соотношении с представлением о называемом им объекте, с обстоятельствами его появления (если они еще живы в памяти микросистемы) и использования. Поэтому в своих работах мы говорим о микротопонимических комплексах как единицах, каждая из которых включает в себя несколько компонентов, в их числе, наряду с самим микротопонимом, текст-дискурс к нему [4, 105,107; 5, 311-312]. Он вскрывает условия, ситуацию возникновения онима – домикротопонимическая событийность, а также условия, обстоятельства существования, функционирования микротопонима в системе – собственно микротопонимическая событийность.

Мы уже вскрыли, причем подробно, детально, процесс рождения микротопонима в конкретной микросистеме – в своего рода камерных условиях, своеобразной лаборатории – от возникновения и выражения этой ситуации до номинализации и конвенциализации через линеаризацию, универбацию и другие явления [4, 93-98, 94-100]: «<…> микротопонимия, в массе пока еще стихийная, представляет для исследователя как бы естественную топонимическую лабораторию, в ней можно «подсмотреть» сам процесс стихийного образования названия» [8, 47]. Здесь мы на материале микротопонимии Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья актуализируем некоторые этапы этого процесса. Рождается микротопоним в конкретной ситуации, составной частью которой является событие. По вопросу о сути и соотношении понятий «ситуация», «событие» (и «факт») существует уже объемная научная литература. Мы исходим из следующего раз-

личения этих понятий: ситуация – «некое положение вещей, то есть множество явлений, соотносимых между собой в один момент времени» [2, 23], событие – одно из явлений, следующих во времени друг за другом, таким образом, событие входит в ситуацию [9, 51]. Вписывается в такое понимание и определение события как любого изменения состояния (в нашем случае – объекта, субъекта и его восприятия) [3, 324; ср.: 1, 105; 7].

Ситуация с составляющими ее событиями в целом как фрагмент действительности передается в дискурсе – компоненте микротопонимического комплекса, выражающем взгляд изнутри системы самих ее пользователей, – речевое событие, «событие выражения», по М. М. Бахтину. Например, (при передаче подлинной народной речи): ***Чёрное озеро.*** *У нас много озёров-ти. Есь озеро, в коим чёрна вода. Чёрного цвету она, не гря́зна, прост-ки такого цвету. Тако́ уж дно там; наверно, торф, вот и чёрна вода-та. А можа, от деревьев настойна вода-та, там кругом дерёва́ на берегах-ти, корней много, листьев, вот, можа, потому и чёрна вода. Вот озеро и зовут Чёрно озеро, по воде, по чёрной. Кто-то вот первай заметил, что она чёрна, а тут уж и все заметили, все стали замечать. Вот и назвали. В Больше́м-ти озере вон она совсем друга́, све́тла.* (Мухтолово Ард.) [Полное название районов см. в: 6].

Ключевой здесь (в плане темы нашего разговора) является синтагма-признание *«Кто-то вот первай заметил <...>».* Заметил кто-то при взаимодействии с объектом, оказавшись на нем или вблизи его, необычность его признака, цвета, – это события в рамках ситуации. Далее отражен факт номинализации и конвенциализации: *«а тут уж и все заметили, стали замечать. Вот и назвали»* – признание наличия признака у объекта, приписывания его объекту при каждом упоминании объекта, соотнесенности их, номинация объекта по признаку, закрепление номинации, вход ее в систему в статусе постоянной единицы. Тем самым событие индивидуального характера приобретает социальную значимость.

Заметил (увидел, обнаружил, рассказал) – исходный, ключевой пред- или домикротопонимический момент для каждого микротопонима, даже если он (этот момент) не вербализуется потом в тексте (тогда по определению, по умолчанию), это типовая, архетипическая, начальная ситуация рождения онима – первое знакомство с объектом, здесь взаимодействуют такие явления, встраивающиеся в событийный ряд: увидел объект, оказался на объекте или вблизи его, заметил и выделил его яркий, бросившийся в глаза, характерный и тем самым отличительный признак на фоне окружающего физического пространства, что-то необычное в нем. При этом действия *оказался, увидел, заметил, отметил, выделил* сопровождаются действием *оценил*, оценка же является утилитарной, с точки зрения такого ценностного параметра, как *польза* (нужность, необходимость), возможность практического, хозяйственного использования: объект видится как точка, место приложения сил человека. Этот факт оценки объекта – основа и оправдание самого существования микротопонимии как онимической категории, как результата и показателя освоения окружающего пространства жителями населенного пункта. Таким образом, исходная ситуация в процессе рождения микротопонима – ситуация обнаружения объекта, характеризации его, в том числе через его состояние или другой объект, приписывания ему отличительного признака с целью выделения для практического использования. Например: ***Ветроду́иха.*** Овраг. *Там больно си́льны ветра́. Ставили там мельницы. И вот Ветродуиха и прозвали.* (Тольский Майдан Лук.); ***Влюблённые.*** Осины. *На Ташиной улице две осины ростут, друг с дружкой будто обнимаются. Вот и зовут их Влюблены.* (Симанский Перв.); ***Ределу́б.*** Лес. *Дубы редко стояли в лесу, вот и прозвали Ределуб.* (Шутилово Перв.).

Оценивается объект и в плане возможности досугового использования: ***Где дубы.*** Опушка леса. *Эт хороше место: край леса, сосны редки. А окол них чисто кругом, тут Дол рядом, Молвина́ – красиво место, цветов много, зелень. Вот и выбрали это место. Здесь на праздники массовы гулянья устраивали: палатки были с разной едой, сластями, питьем разным. Гуляли семьями: рассяживались кампаниями, угощались, калякали, песни, частушки пели. Хорошо гуляли. Давно, правды, эт было. Уж только самы стары и помнют.* (Селякино Арз.).

Микротопонимический комплекс может отражать событие-происшествие, случившееся на объекте, вблизи его или в связи с ним и послужившее причиной пространственного выделения

объекта и рождения его названия. См.: ***Да́рьюшкино болото.*** *Дарьюшка была, утонула, вот и пошло: Дарьюшкино болото да Дарьюшкино болото.* (Чернуха Арз.); ***Аксёновы ку́стики.*** Роща. *Жили манашки у нас ещё давно. Адин человек абакрал их и свёз вещи в кустики. А его па деду звали Аксёновым. С тех пор и стали Аксёновы кустики.* (Елизарьево Див.) и др.

Одна из предмикротопонимических типовых ситуаций напрямую, подчеркнуто связана с человеком, который первым начал хозяйственную эксплуатацию объекта: пахать, косить, очищать, облагораживать, разрабатывать и т.д., стал первопоселенцем, получил объект в собственность и др. В этом случае микротопонимический комплекс и сама единица, возглавляющая его, включают номинацию человека (через апеллятив со значением лица, антропоним того или иного рода, вида) или его действия, состояния (отглагольные единицы) Например: ***Аки́фьев коло́дезь.*** *Яфим Иваныч Окифьевёво́ рыл . Вот хто хозяин-то ишшо.* (Большое Туманово Арз.); ***Аки́шинские овра́ги.*** *В Аки́шинских оврагах косили. Были у нас таке люди – Акишины.* (Гагарское Выкс.); ***Охо́пково.*** Деревня. *По богатому человеку назвали нашу деревню-ту. Помещак он был ай купец, ай ищё хто. Он вроде тут построился первай.* (Васильев Враг Арз.); ***Кли́нников Хутор.*** Лес. *Давно это было, коды Столыпин был, выезжали на хутора. Вот Клинниковы и выехали. Теперь там лес токо остался.* (Нарышкино Воз.); ***Разди́рки.*** Поле. *Луг раздирали на тем поле.* (Княжевка Кр.-Окт.) и др.

Типовыми являются и домикротопонимические ситуации проживания на объекте (заселения, отселения) отдельного человека или семьи, а также – объектной смежности. Например: ***Маши́ниха.*** Улица. *На этой улице жила старушка -повиту́шка Машко́ва и улицу назвали Маши́ниха .* (Сергач.); ***Судако́в конец.*** Улица. *Там барин Судаков жил. У них другая барщина была.* (Ушаково Гаг.) и др.

Таким образом, процесс рождения микротопонима представляет собой объемный событийный ряд – последовательность действий, состояний (человека и природного объекта) и в конечном счете совмещенность их результатов в итоговом акте-событии входа новой единицы в микротопонимическую систему, тем самым домикротопонимическая ситуация (событийность) сменяется собственно микротопонимической, состоящей в функционировании, более или менее длительной жизни единицы в микросистеме.

Как только микротопоним как новая, всеми признанная единица входит в систему, начинается его функционирование и здесь возникают другие событийные ряды, другая событийность, обусловленная эксплуатацией объекта. Домикротопонимическая событийность отодвигается в прошлое, отражаясь в тексте-дискурсе как речевое событие с чужих слов (со слов предков – ближних и дальних), получая в нем статус реконструкции.

На собственно микротопонимической ступени с течением времени происходит абстрагирование от конкретного лица, обнаружившего объект, от конкретного времени этого действия, конкретного события и в тексте-дискурсе остаются лишь дейктические показатели неопределенности или предположительности, типа *кто-то, вроде, вроде какой-то, когда(коли)-то, вроде говорят,* или отнесения к отдаленному прошлому: *давно коли-то, давно-предавно, не знай коли, раньше коли-то* и др., отнесенности знания причины номинации и к предкам: *деды-прадеды, поди, имя-то дали; при дедах-баушках назвали; отцы-матеря знали; по отцу-материному зовём; бывало говорили, слыхал(а) я от стариков; кто-то, поди, там (с)делал что-нето* и др. под.

Исходя из внутренней формы микротопонима, в дискурсе может быть приведен антропоним с показателями неопределенности: *какой-то Татулин был; кто-то Гусев, чай, чо-нето делал* и под. – в целом субъектно-акционально-темпоральные показатели. См. примеры микротопонимических комплексов: ***Чиче́рин проулок.*** Переулок. *Чай, Чичерины каке́-нето жили тут.* (Абрамово Арз.); ***Лачу́гин лес.*** *Лачугин лес-эт по фамилии , по Лачу́гину. А кто он был, не помню уж.* (Ужово Поч.).

Следующая событийная ступень в судьбе микротопонимов – забвение событийного и субъектного рядов – процесс динамичный, постепенный, длительный, заканчивающийся полным забвением названных рядов, демотивацией. В тексте-дискурсе, таким образом, отсутствует речевое событие – реконструкция, репродуцирование домикротопонимической ситуации. См: ***Ляпи́ха.***

Место в лесу. *А кто эт знат, поцому Ляпúха: испокóна́ веку так зовут*. (Котиха Арз.); ***Мишáха.*** Место на лугах. *Испокон веков так зовут. Я маминька была – звали, а мне уж за восьмой десяток перевалило.* (Саблуково Спас.).

Однако стремление к мотивированности как дифференциальная черта диалектной лексической системы приводит к неомотивации, к гипотетической мотивированности, исходящей из фонетического облика микротопонима и фонетической ассоциативности. Например: ***Аве́рино.*** Лес. *Тут неподалёку есть лес, Аверино. Не знай, что назвали, наверно, па фамилии.* (Новое Шатк.); ***Комариха.*** Лес. *Можа, комаров много там, не знай точно-то, что Комарихой-то зовут.* (Ковалево Перев.).

Забвение подлинной событийной подоплёки микротопонима ведет и к трансформации его внешнего облика. Этим же объясняется и полимотивированность (поливерсионность). См.: ***Жу́кова гора.*** Холм. *То ли Жуков был, а может, жуков там много? – Жуковой горой зовут по хозяину Жукову.* (Красный Бор Шатк.).

Знаменательно, что и неомотивация, и гипотетическая мотивация, в том числе при полимотивированности, осуществляются в русле отражения типовых ситуаций появления, закрепления и функционирования микротопонима.

Таким образом, в основе формирования и функционирования микротопонимии лежит событийность как свойство пронизанности событиями, причем многомерная, многообразная, прежде всего – референтная и речевая, проявляющиеся на домикротопонимическом и собственно микротопонимическом уровнях. Во втором случае отражается событийный путь от реконструкции ситуации рождения микротопонима до ее забвения и попыток воссоздания, ведущих к появлению неомотивации, гипотетической мотивации, полимотивированности. При этом действуют типовые событийные модели, эксплицированные в микротопонимических комплексах. Событийность невозможна без человека, наблюдателя и / или деятеля по отношению к объекту, она связана с его деятельностью, присутствием и объединена им в физическом и микротопонимическом пространстве, обусловливая его антропоцентричность.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / отв. ред. Г. В. Степанов / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.

2. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореферат дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / В. Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.

3. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координациях интерпретации текста / В. З. Демьянков // Изв. АН ССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4/6. – С. 320-329.

4. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л. А. Климкова. – М. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.; Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 410 с.

5. Климкова Л. А. Микротопонимический комплекс как единица диалектной системы / Л. А. Климкова // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 25-27 окт. 2007 г.) / отв. ред. Т.К. Ховрина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 304–312.

6. Нижегородская область. Административно-территориальное деление: по состоянию на 1 января 1992 г. – Нижний Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993. – 272 с.

7. Николаева Т. М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики / Т. М. Николаева // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 198–210.

8. Никонов В. А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 180 с.

9. Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка / К. А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.

Г.Ф. Ковалев
Воронежский государственный университет
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

УДК 811.161.1’373.2

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Ключевые слова: *имя собственное, литературная ономастика, автобиографизм, хронотоп, имя героя, прототип, протооним, ономастический словарь.*

Статья посвящена разнообразным аспектам исследования литературного имени. Рассматриваются проблемы выбора писателем имени, отношения писателя к имени, а также к вопросам трактования хронотопа и автобиографизма и проблеме создания ономастических словарей.

G.F. Kovalyov
Voronezh State University

THE PROBLEMS OF STUDING NOMINA PROPRIA IN BELLES-LETTRES

Keywords: proper name, literary onomastics, autobiographism, chronotope, name of character, prototype, protonym, onomastic vocabulary.

The article is concerned on different aspects of exploring the proper names in a fiction text. Special attention is payed to the questions of choosing the name of character by the author, author's attitude to the name, as well as to the interpretation of chronotope and autobiographism. The problem of creating the onomastic vocabulary is also examined.

В русской литературе изучение литературной ономастики началось уже тогда, когда термина "ономастика" еще не было в отечественной лингвистике, поскольку зачинателями выступили литературные критики. И в первой трети XIX в. их в основном интересовала взаимозависимость имени и образа, имени и персонажа, имени и прототипа персонажа и т.д. Часто такие критики выступали анонимно. Поэтому практически среди первых критиков, заинтересовавшихся ролью имени собственного в ткани художественного произведения, можно назвать В.Г. Белинского.

В.Г. Белинский в своих литературно-критических трудах обращался к именам собственным как к средству реализации образности художественного произведения: «…в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная доля необходимости, хотя, может быть, и не видимая самим поэтом…» [1, 265]. Имя собственное обычно превращается в нарицательное, уже не просто называя, а обозначая явление, не относящееся к единичным. Именно В.Г. Белинский одним из первых обратил внимание на эту способность имени собственного: «Не говорите: вот чиновник, который подл по убеждению, зловреден благонамеренно, преступен добросовестно – скажите: вот Фамусов! Не говорите: вот человек, который подличает из выгод, подличает бескорыстно, по одному влечению души – скажите: вот Молчалин! <…> Разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? …Как много смысла заключает в себя каждое из них! Это повесть, роман, история, поэма, драма, многотомная книга, короче: целый мир в одном, только в одном слове! [2, 173-174].

А ведь еще в 1970-е годы Э.Б. Магазаник задавался вопросом: «Изучение поэтической ономастики – дело отнюдь не традиционное. Более того, и сегодня оно еще способно вызывать у многих крайнее недоумение недоверие: допустимо ли, дескать, всерьез заниматься таким вздором?! Впрочем, дело тут не только в том, что в прошлом в литературе роль собственных имен практически не изучали, отчего и ныне обращение к ним еще непривычно. Имя собственное трудно априорно представить себе играющим заметную роль оттого, что и в самом языке его назначение, как представляется очевидным, предельно скромно (и по существу своему единообразно для всей категории). Ведь лексических значений имена собственные не имеют!... Какую же это "роль" могут они играть в таком случае в литературе?» [3, 7].

И только в 1971 г. литературовед А.С. Бушмин сформулировал некоторые основные функции имени собственного в произведении: "Что же касается, в частности, такого элемента, как собственное имя персонажа, то и оно в подлинно художественном произведении выступает не только в номинативном значении, не просто как знак простого различения. Оно выполняет функции индивидуально-эмоциональной, психологической, типологической, социальной характеристики действующего лица. Собственные имена, употребленные в различных формах, участвуют в пластической лепке образов и в формировании производимого ими впечатления. Они выражают то или иное – положительное или отрицательное – отношение автора к изображаемым лицам и способствуют созданию определенной – эпической, лирической, иронической, комической, сатирической – тональности всего повествования. Одним словом, имя персонажа – и как таковое, и еще более как формы, в которой оно применено, – существенный семантический и эмоционально-экспрессивный элемент в целостной структуре литературного произведения" [4, 86]. Он же отметил и явную недостаточность исследований роли и характеристик литературного имени собственного в литературоведческих работах: "…вопрос об имени персонажа является важным – в смысле, эстетике и поэтике произведения. А между тем в наших литературоведческих анализах и критических оценках литературно-художественная антропонимика оказалась в полном пренебрежении. Исследования, посвященные этому, появляются крайне редко и обращены они почти исключительно к русской классической литературе. <…> В нашем обширном литературоведческом хозяйстве следовало бы найти место антропонимике и уделить ей необходимое внимание" [4, 91].

Один из первых отечественных исследователей литературной ономастики А.Л. Бем поставил основной вопрос при изучении художественного произведения: "*...какова функция личного имени в творчестве*, покрывается ли она вполне тем, что имеет место в разговорном языке или структура языка поэтического вносит функциональное изменение и в применению к наименованию. Другими словами, есть ли особая поэтика личного имени?" [5, 410].

И, кажется, лучше всех ответил на этот вопрос опять-таки литературовед В.В. Вейдле очень верно сформулировав специфику имен собственных в художественном тексте: "Именам собственным присуще устройство смысла, которого не являют никакие другие элементы языка. Недаром хранят их, в засушенном виде, энциклопедии, а не словари. Поэты оживляют и их, нередко с особым удовольствием. <…> У имени не просто "лексическая окраска", как у любого слова: у него звук, необычный звук, и мир, откуда, для нас, этот звук звучит" [6, 41]. И далее о звукописи именами: "Очарование имен тем и интересно, что имена эти, становясь лишь в поэзии словами, всего ясней показывают нам, как перерождает поэтическая речь слова и как из слов рождается поэзия. Конечно, как и всегда, не из одного (дарованного именам) смысла, но и в той же мере из их звука, становящегося звукосмыслом" [6, 43].

В литературной ономастике крайне важно заниматься и таким, казалось бы, сугубо литературоведческим направлением, как поиск прототипа и протоонима того или иного героя или даже предмета или явления, отраженных в тексте именем собственным. Однако В.В. Набоков довольно сурово предостерегал от буквализма в погоне за идентификацией героя и прототипа: "Искать "прототипы" в личной жизни сочинителя – дело не только опасное, но и нелепое. Доцент или даже ординарный профессор, взявшись за него, распыляет свою ученость и не может ее заменить творческим воображением сочинителя. Как бы добросовестно кандидат ни лепил из архивной пыли историческое лицо, оно роковым образом будет отличаться от Галатеи поэта в той же мере, как слог кандидата отличается от слога творца. Знаменательно, что именно беллетристы посредственные обращаются к истории, к биографии, точно они питают тайную надежду, что "жизнь" восполнит недостатки искусства. Истинный же сочинитель, как Пушкин или Толстой, выдумывают не только историю, но и историков" [7, 813]. Сказано достаточно запальчиво, но автобиографично.

Можно с уверенностью говорить, что уже со времен А.С. Пушкина в отечественной литературе выбор имени персонажа был обусловлен:

1) *авторским сознанием*, авторским выбором, даже если автор не всегда осознает свой выбор;

2) *значением онима*, поскольку литературный оним имеет только два типа значения: этимологическое и коннотативное. На их основе формируется стилистический потенциал имени собственного в художественном тексте.

3) *системностью имени* в самом произведении. Имена в любом произведении составляют систему. Они системны уже по условию самого авторского включения их в произведение. Например, фамилия *Оне́гин* для А.С. Пушкина была хороша тем, что она входила в цикл имен с амфибрахическим ритмом: *Татья́на, Влади́мир, Евге́ний*. Такой тип имен создает в тексте дополнительную именную (почти неощутимую) рифму. Имя *Дубровского – Владимир* – было дано Пушкиным из-за его тяги к амфибрахическим именам, поэтично укладывающимся в систему русского словоизменения, ср., с одной стороны: *Влади́мир Дубро́вский, Кири́ла Петро́вич, Шаба́шкин*; с другой, хоть в именительном падеже и *Андре́й, Дефо́рж, Архи́п, Анто́н* (то есть ямбическая структура), но в остальных падежах (а их употреблений гораздо больше!) все равно оказывается амфибрахий: *Андре́я, Дефо́ржа, Архи́пу, Анто́ном* и т.п.

4) *системностью хронотопа*. Термин *хронотоп* ввёл в литературоведение М.М. Бахтин, он предложил называть так взаимосвязь времени и пространства, художественно освоенных в литературе: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [8, 122]. Как видим, в литературоведении термин хронотоп, как и положено, рассматривается довольно расплывчато (множество слов о гармонии времени и места и т.д). В литературной же ономастике хронотоп следует понимать (не отрицая, естественно, гармонии) более точно, как определенный и образный показатель времени и места, зачастую как бы случайно, а иногда и нарочито, выраженный онимами, характерными для эпохи, отраженной в произведении. Системность имен обусловлено временем, отраженным в произведении, с одной стороны, и, с другой стороны, не так явно – временем, в котором автор писал данное произведение, даже если автор пишет о другой эпохе; хронотопность имени персонажа может быть выражена даже подтекстом имени, связанного с литературно-общественной полемикой определенного времени, например, имена персонажей ряда пьес Шаховского в отношении карамзинистов ("Урок кокеткам" и др.).

5) *социальностью системы имен*. Имена в произведении отражают социумы или точнее их представителей, которые эти социумы репрезентируют и поэтому отражают или единство социальных слоев или их различие. Сюда включаются и различия возрастного характера, поскольку лица различного возраста обладают разным социальным статусом и, соответственно различными вариантами имен.

Поэтому можно определенно утверждать, что главные показатели литературной ономастики отражаются в *хронотопности* и *автобиографизме*. Да если уж говорить по большому счету, эти показатели являются и основными стимулами самой писательской деятельности.

Имена могут стать и средством псевдонаучной эквилибристики. Литературоведы (а иногда и некоторые лингвисты) используют термин, оставшийся от эпохи "неистового Виссариона" – пресловутые "речные фамилии" персонажей типа Онегин, Ленский и Печорин [9]. Начало этому явлению, видимо, положил рецензент комедии А.С. Грибоедова и А.А. Жандра "Притворная неверность", он в частности писал: "Переводчики "Притворной неверности", по примеру некоторых других новейших писателей, дали почти всем действующим лицам своим имена русские, заимствованные от собственных имен русских городов, рек и пр. (напр., Рославлев, Ленский и т.п.)" [Сын отечества, 1818, ч.46, №19, с.263].

Г.Г. Амелин и Б.Я. Мордерер придумали, как к циклу О. Мандельштама «Стихи о русской поэзии» примкнуть его же стихотворение «К немецкой речи» [10, 20]. Они «расшифровывают», о чем О.Мандельштам говорит в русско-немецком аспекте: «Родная немецкая речь говорит о Гумилеве судьбою и стихами поэта-офицера Клейста, «любезного Клейста, бессмертного певца Весны, героя и патриота», как назвал его Карамзин» (10, 21). И разгадку диахронической и межэтнической связи авторы подают через сопоставление значений двух фамилий: «нем. Kleister – «клей», как и Gummi (Клейст/Гумилев)» (10, 22). выглядит красиво и оригинально, но только для … неподготовленных литературоведов или юристов. А на самом деле: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Во-первых, не Kleist, а Kleister равнозначно общеславянскому слову *клей*, во-вторых, нем. Kleist произносится как *Кляйст*, в третьих, Gummi, действительно первично обозначало нечто клейкое, гибкое, но все же это не клей, а *резина*, и это слово входит необходимым элементом в немецкие слова Gummiboot – резиновая лодка, Gummischuh – резиновая обувь, Gummiűberzug – презерватив. А фамилия *Гумилев* никак ни с *клеем*, ни с *резиной* не связана. Это фамилия семинарская, происходит от латинск. humilis – 1) низкий, низкорослый, 2) простой, простонародный [11, 72].

А. Белый иногда подробно объяснял ситуации, когда имена у него вызывали определенные звуко-семантические ассоциации. Так, в романе "Москва под ударом" он трактует именно в этом плане фамилию капиталиста Эдуарда фон *Мандро*: "Если бы осознать впечатление от звука "мандро", то можно было бы увидеть, что в "ман" было синее; в "др" было черное, будто хотевшее вспомнить когда-то виденный сон; "ман" – "манило", а "др" наносило удар... Да, удар над Москвой" (12, 56).

В.Шаламов по-своему интерпретирует качество имен персонажей: "Насколько трудно реалисту менять фамилии своих героев – Толстой, Куприн просто-таки с трудом меняют фамилии, настолько порабощает материал.

Гоголь – пример другого рода. Фамилии героев, веселые фамилии сочиняются на ходу – и Хлестаков, и Яичница, и переплетено все фантастикой, как весь Гоголь.

Достоевский фамилии все мещанские придумывает для романов, и только для романов. Соответствие тут очень малое с "натурой". Вовсе не тот принцип кладется в основание образа, типа. Болконских, Волконских у Достоевского нет. А у Куприна в "Поединке" был реалистический слепок, – вызывающий неуважение" [13, 160].

Изучать в писательском творчестве необходимо все основные единицы ономастического пространства: антропонимы, топонимы, астронимы, зоонимы и т.д., то есть всё то, что может встретиться и в реальной жизни и писателя, и читателя. И тогда открывается еще один аспект изучения имени: имя, как показатель истинной принадлежности автора к тому или иному произведению. Сколько копий сломано по поводу авторства В. Шекспира. Брался в электронную обработку текст (правда, с чем его сравнивать?), делались и другие попытки доказать его авторство или обратное. А вот лучше всего в этом процессе анализа текстов В. Шекспира все-таки сработала ономастика. В работах И. Гилилова вполне аргументированно доказывается, что одними из авторов "Шекспира" являются граф Роджер Мэннерс Рэтленд и его супруга Елизавета [14, 99-100]. В самом деле, В. Шекспир, как и А.С. Пушкин, никогда не выезжал за пределы своей родины. В. Шекспир не знал иностранных языков, да и писал по-английски не как граф. А вот граф Рэтленд учился в Падуе (Италия), и теперь уже документально известно, что его соучениками были датские студенты..., известные по "Гамлету", – да, да, те самые *Розенкранц* и *Гильденстерн*. Более того, известно, что граф Рэтленд специально в 1603 г. ездил в Данию (чтобы "довести" текст "Гамлета"?).

В качестве одного из направлений исследования литературной ономастики можно назвать составление ономастических словарей одного автора и одного произведения. Андрей Белый с сожалением писал о состоянии авторской лексикографии в его эпоху: "…выбор слов индивидуален у каждого поэта; должны бы существовать словари к каждому поэту; но, конечно, таких словарей не существует; только у академика Александра Веселовского в его исследовании о Жуковском встречаем мы робкую попытку исследовать индивидуальный стиль поэта…" [15, 226].

Поскольку "Словарь языка А.С. Пушкина" так и не вобрал в себя всю полноту ономастического материала, приходится дополнять его. Заслуживает внимания проект воронежской исследовательницы ономастикона А.С. Пушкина Е.С. Обуховой. Обнаружив значительные лакуны в Словаре языка А.С. Пушкина, а они пришлись как раз на ономастику, ученая начала готовить Ономастическое приложение к этому словарю: Обухова Е.С. Ономастика лицейской лирики А.С. Пушкина. Словарь. Воронеж, 2005, 208 с.; Обухова Е. С. Ономастика творчества А.С. Пушкина Петербургского периода (1817-1820). Словарь. Воронеж, 2009, 168 с.

Литературная ономастика может быть и уже становится неоценимым помощником лингвиста, литературоведа и историка, да и в целом очень серьезным подспорьем в гуманитарных исследованиях.

Литература:

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., т.4, 1953.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., т.1, 1953.
3. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена в литературе». Ташкент, «Фан», 1978.
4. Бушмин А. С. Имя литературного героя // Страницы истории русской литературы. М., 1971
5. Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ. София, 1933.
6. Вейдле В. В. Эмбриология поэзии. М., 2002.

7. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С.Пушкина "Евгений Онегин". СПб., 1998.
8. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М.Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986.
9. Ковалев Г. Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж, 2004.
10. Амелин Г. Г., Мордерер Б. Я. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М., 2001.
11. Федосюк Ю. Русские фамилии. М., 1996
12. Валентинов Н. Два года с символистами. М., 2000.
13. Шаламов В. Т. Из записных книжек // Знамя, 1995, №6.
14. Гилилов И. М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М., 2000.
15. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. М., 1994, т.1.

О.И. Копач
Белорусский государственный университет
e-mail: aleh@bk.ru

УДК 801.311.5 (043.2)

ОРИЕНТИРЫ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ТОПОНИМОВ

Ключевые слова: *ономасиология, когнитивистика, денотат, сигнификат, концепт, наблюдатель, градуированность, стадиальность.*

В статье представлены отличительные черты когнитивного подхода в сравнении с предшествующей традицией исследования имен. Анализируется интерес когнитивных лингвистов к природным свойствам объектов номинации, сознанию простого человека как хранителю типов репрезентации объектов, привлечению данных других наук, апперцепции, избирательности внимания, возможности существования степеней правильности знания. Определяются причины длительного отсутствия внимания к топонимам со стороны представителей когнитивной науки. Выделяются два направления, по которым возможно изучение человеческого восприятия географических объектов. Предлагается схема номинации в топонимии, включающая в себя категориальное представление об объекте и его признаках.

A.L. Kopach
Belarusian State University

LANDMARKS OF A COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF PLACE NAMES

Key words: *onomasiology, cognitive science, denotatum, significatum, concept, observer, graduation, sequence of stages.*

The article presents distinctive features of a cognitive approach in comparison to previous tradition of studying names. Interests of cognitive linguists to natural properties of objects to be named, the consciousness of a common man as a keeper of types of object representation, applying the data from other sciences, apperception, selectivity of attention, a possible extent of correct human knowledge are analyzed. Causes of long-term neglect of names from cognitive scientists are determined. Two ways of studying human perception through geographical objects are singled out. The scheme of naming in place names studies is suggested. It includes categorical representation of the object and its attributes.

В лингвистических изысканиях последних лет ведущая роль закономерно переходит от репрезентативной функции языка к функциям эпистемологической и кумулятивной [6, 163; 9, 4]. Трактовка слова как заместителя предмета сменилась поиском внутренних слоев культуры, запечатленных в нем и отражающих не столько связь имени с предметом, сколько деятельность сознания человека. Долгое время привязывая имя к понятию и рассуждая о классах, которые выражают существенные признаки предмета и которые не выражают их, ономасты оставляли в стороне представление, с которого, собственно, и начинается познание объекта действительности. Поэтому неудивительным выглядит на данном этапе возвращение назад – к вещи и восприятию ее

человеком, а также замена вопроса «что?», характерного для эпохи обособленности лингвистики от мира, на вопросы «как?» и «почему?». Это объясняет и рост интереса к когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, ищущим пути возвращения к антропологической парадигме.

При этом не следует отказываться и от уже доказавших свою состоятельность направлений исследования. Неслучайно основную примету современных ономастических исследований А.М. Мезенко видит в «полилингвистичности – переплетении системной, коммуникативной, когнитивной парадигм» [15, 130].

Вехами на пути познания функциональной сущности языка были такие области лингвистики, как ономасиология, явившаяся, по словам Е.С. Кубряковой, «одной из ранних и весьма перспективных версий когнитивного подхода к явлениям языка» [12, 10], и лингвистическая прагматика, определившая «модальность как особую разновидность картирования мира» [1, 11]. Когнитивистика оказалась своеобразным синтезом семантической (философия имени), синтаксической (философия предиката), прагматической (философия дейктиков) парадигм философии языка [19, 34]. Поиск смысла, который поможет связать воедино однажды дискретизированную действительность, закономерно породил обращение к классикам логической семантики – Г. Фреге и Б. Расселу, видевшим в собственном имени не только «пустой знак».

В традиционной лингвистической теории значения аспектами семантики слова признаются денотат и сигнификат. Соотношение их в слове определяет отнесение имен к знакам денотативным, главная функция которых – номинативная, и знаков сигнификативных, которые помимо называния явлений и предметов действительности, могут охарактеризовать их, указать на их существенные признаки. Вторые признаются выражающими понятие, а первые определяются как лишенные этой возможности. К группе денотативной лексики, называющей, но не выражающей существенных признаков, по традиции относят собственные имена, которые рассматриваются как имеющие семантику в момент номинации, но впоследствии обязательно ее утрачивающие. Однако до последнего времени и те, и другие имена изучались «по одним канонам», причем на передний план всегда выходила понятийная сторона лексической единицы. Неспособность онима выражать обобщенное понятие трактовалась как дефект [22, 42].

В когнитивной лингвистике понятийность перестает рассматриваться как «верх совершенства», синтаксические и морфологические приметы классов слов начинают объясняться явлениями более высокого, концептуального уровня, а для разграничения ряда формально одинаковых форм лингвисты прибегают к позиции наблюдателя, т.е. к денотативному компоненту семантики: «Если ты когнитивист, то имеешь право говорить только о денотации языковых выражений» [7, 23].

Следовательно, когнитивисты выявили приписываемый человеком смысл на уровне восприятия действительности и резонно предположили, что этот смысл определяет дальнейшие материальные модификации языковых единиц, а не правила их организации определяют смысл слова или предложения. Восприятие представляет собой синтез ощущений и позволяет создать единый образ предмета [13, 269]. Учет всех перспектив рассмотрения созданного образа способствует объяснению языковых особенностей. Создание смыслов оказывается производным от человека – носителя опыта взаимодействия с миром. Как следствие, оппозиция человека говорящего и человека слушающего сменяется единством человека наблюдающего, собирателя и хранителя, «аккумулятора» отношений к вещам и явлениям мира, а сознание «приобретает статус метакатегории как совокупность всего феноменального опыта среды» [9, 13].

В результате прагматика перестает отделяться от семантики, а внелингвистическая информация – «какая бы ни была… включается в описание» [192, 9] языковых единиц и способствует раскрытию их смысла. Язык трактуется только как интегрированная часть среды [9, 4], а вся информация о ней организуется в концептуальную систему, «несводимую к … лингвистической сущности» [16, 12].

Понятие *концепт*, заимствованное лингвистикой у логики, прочно вошло в научный обиход. Этот «сгусток культуры в сознании человека» [20, 43] определяет существование единиц, объективированных в языковой форме. Концепт и его признаки, по свидетельству лингвистов, прямо и однозначно не соотносятся ни с одной языковой категорией [9, 4; 13, 254].

Принципиально новый характер когнитивных исследований состоит в более пристальном и комплексном по сравнению с прежними внимании к предметам и особенностям их осмысления человеком, в привлечении данных других наук для интерпретации языковых явлений. Этим исследованиям присущ демократизм, связанный с обращением когнитологов к естественному языку, к мышлению рядового, обычного человека, «не творца культурных ценностей» [20, 43]. Преимущество отдается опоре на опыт ежедневного общения человека и естественное складывание определенной точки зрения по поводу каждого элемента действительности [11, 5]. Роль наблюдателя и его позиции при наблюдении признается системообразующим фактором [8, 45–56]. Обращение к сознанию и языку простого человека указало на возможность признания градуированности [14, 6] и стадиальности восприятия того или иного явления, на возможность существования ошибок и степеней правильности знания с точки зрения современных представлений о мире: «Когниция внеположена истинностному значению и оперирует как знанием, так и заблуждениями» [7, 24].

До наделения объекта мира именем человек и вещь должны существовать, а вещь для получения имени должна быть значимой для субъекта. Внимание избирательно: «из всех сигналов и стимулов, обрушивающихся на человека, он выделяет лишь некоторые» [13, 81]. При этом сбор информации об объекте осуществляется как перед появлением знака [4, 81; 13, 43], так и после его возникновения / перестройки [3, 64; 5, 200].

В отличие от целостного образа, представленного в сознании, языковой знак не способен отразить в своей структуре всех особенностей референта, поэтому «содержащийся в сознании квант информации, становясь предметом сообщения, подвергается языковой категоризации» [10, 26].

По мнению П. Штекауэра, мышление говорящего при номинации вещи, явления, события проходит через 5 уровней: 1) концептуальный (анализ концепта); 2) семантический (создание семантических маркеров); 3) ономасиологический («именование в абстрактном смысле», т.е. выбор иконимов); 4) ономатологический («именование в конкретном смысле», т.е. выбор морфем); 5) морфонологический (учет морфонологических правил) [23, 5].

Собственные имена географических объектов, несмотря на денотативную специфику, до недавнего времени не привлекали пристального внимания когнитологов. Первые опыты построения концепта локации были осуществлены только в конце 1990-х (М.В. Голомидова). Это, в принципе, объяснимо. Во-первых, функция топонима отлична от сферы применения имени общей лексики: собственное имя объекта и без обращения к позиции номинатора способно осуществить свое предназначение (в имени отражается отличительный признак), а одинаковые имена (например, название реки *Каменка* на разных участках Беларуси) не препятствуют этому в силу того, что они «не обладают всеобщей или хотя бы достаточно широкой известностью. Это является гарантией непересечения контекстов» [18, 65]. К тому же одинаковые названия, по мнению Н.И. Толстого, «существуют в картотеках …, но не в сознании и узусе отдельных коллективов» [21, 379] Во-вторых, учет контекста всегда присутствовал при изучении топонимов. При исследовании топонимов всегда требовалось знание не только общеизвестной лексики, но и названий реалий, окружающих объект с данным именем. Тем не менее, количественные и качественные отличия, а также случаи переноса названий с одного объекта на другой породили необходимость обращения к восприятию пространства человеком и при рассмотрении собственных имен. Главной проблемой при изучении влияния человеческого фактора в топонимике остается сложность строения и доступности для анализа сознания человека.

Уральскими топонимистами – Е.Л. Березович, М.Э. Рут и др. – выдвигается понимание топонимии как репрезентанта конкретно-чувственных представлений носителя языка о действительности: «заложенный в названии признак предмета отражает наиболее устоявшееся в сознании носителя языка представление об объекте, причем не только сложившееся *до* названия, но и затверженное в сознании самим фактом бытования мотивированного слова» [2]. При подобном понимании роли субъективного фактора воспроизводится традиционная цепочка номинативного процесса: объект в совокупности свойств и качеств > представление человека о признаке / признаках объекта > материализация представлений в языке.

Подобная трактовка может рассматриваться как один из двух основных путей изучения человеческого восприятия объектов: (1) изучение характеристик образа; (2) изучение механизма восприятия.

Исследования уральских топонимистов – работа с народными коллективными представлениями о пространстве, которые отразились в энциклопедическом значении топонимов (психологическое направление).

Другое когнитивное направление в топонимике (логическое) – изучение механизма восприятия топообъектов разных классов, выявление генерализующих схем, по которым осуществляется наделение объекта именем. Как отмечал Ч.С. Пирс, естественный ход рассуждений человека «детерминируется ни в малейшей степени не психологическими соображениями» [17, 239]. При встрече с объектом мы не рассматриваем каждое из его свойств по отдельности, чтобы сказать, что это за объект. Осознание целостного объекта, а не его отдельных характеристик позволяет нам отнести его к определенному классу. Человек анализирует объекты восприятия, а не признаки.

В связи с этим в схему номинативной деятельности субъекта при производстве имен для единичных объектов следует включить представление о целостном объекте. Кроме того, введение в модель нового компонента порождает вопрос о взаимодействии традиционно выделяемого в топонимике представления о признаке и предлагаемого нами представления об объекте, т.е. о категориальном взаимодействии двух компонентов. Следует придать схеме номинации в топонимии такой вид: объект в совокупности свойств и качеств > представление об объекте в целом > представление о признаке/-ах объекта > категориальное представление об объекте и его признаках > материализация представлений в языке.

Таким образом, современная наука отходит от понимания онимов как асемантичных знаков. В традиционных работах по топонимике семантика имени рассматривается слишком узко (этимология и словообразование). Признание наличия в проприальных единицах когнитивной семантики позволит отметить принципиальную системность всей топонимии, опирающуюся на целостность восприятия разных объектов мира человеком и специфику представлений о них людей определенной культуры.

Литература

1. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 86 с.

2. Березович Е. Л., Рут М. Э. Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия УрГУ. – 2001. – № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://proceedings.usu.ru/proceedings/ N17_01/win/03.html.– Дата доступа : 10.01.2004.

3. Бибихин, В. В. Слово и событие / В. В. Бибихин. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 280 с.

4. Былинская, Э. В. Ассоциативный потенциал имени собственного в иноязычном тексте / Э. В. Былинская // Материалы юбилейной науч.-практич. конф. преподавателей и аспирантов МГЛУ, посвященной 50-летию ун-та. 23–24 апреля 1998 г.: В 3-х ч. / Минск. гос. лингвистич. ун-т. – Минск, 1998. – Ч. 2. – С. 80–82.

5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 528 с.

6. Гурская, Ю. А. Номинативный и коннотативный аспекты личного имени как особого языкового знака / Ю. А. Гурская // Языковая номинация: Тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 июня 1996 г. / Отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 1996. – С. 163–164.

7. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

8. Кравченко, А. В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке / А. В. Кравченко // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. – Т.52. – № 3. – С. 45–56.

9. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (К вопросу об идеальном проекте языка) / А. В. Кравченко // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2001. – Т. 60. – № 5. – С. 3–13.

10. Кривченко, Е. Л. Очерки по ономасиологии / Е. Л. Кривченко. – Саратов: Издательство Саратов. ун-та, 1989. – 132 с.

11. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1999. – Т.58. – №6. – С. 3–12.

12. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация. Тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 25-26.VI.1996г. / Отв. ред. Н. П. Баранова – Минск: МГЛУ, 1996. – С. 10–11.

13. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М., 1997. – 332 с.

14. Лангаккер, Р. У. Когнитивная грамматика: Науч.-аналитич. обзор / Р. У. Лангаккер / Пер. С. Н. Петровой. – М., 1992. – 56 с.

15. Мезенка, Г. М. Анамастыкон аднаго горада: сутыкненне розных славянскіх моў / Г.М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фальклярыстыка: XIII Міжнародны з'езд славістаў: Дакл. Белорус. дэлегацыі / НАН Беларусі. Беларускі камітэт славістаў. – Мінск: Беларус. навука, 2003. С. 129–143.

16. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

17. Пирс Ч. С. Начала прагматизма / Ч. С. Пирс. – СПб., 2000.

18. Руденко, Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции / Д. И. Руденко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 55–68.

19. Руденко, Д. И., Сватко, Ю. И. Философия имени: в поисках новых пространств / Д. И. Руденко, Ю. И. Сватко. – Харьков : «ОКО», 1993. – 104 с.

20. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

21. Толстой, Н. И. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 520 с.

22. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация: (Виды наименований) / Отв. ред. А. Н. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.

23. Љtekauer, P. Fundamental Principles of an Onomasiological Theory of English Word-Formation / P. Љtekauer // Onomasiology Online. – 2001. – № 2. – P. 1–42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www1.kueichstaett.de/SLF/EngluVglSW/OnOn-Total.pdf. – Дата доступа : 10.12.2015.

А.М. Мезенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
e-mail: mezenka1@yandex.ru

УДК [811.161.1'373.2+811.161.3'373.2](476.5)

ИМЕНОСЛОВ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ В КРУГУ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПОДХОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *виконим, именослов Белорусского Поозерья, регионалистика, региональная ономастика, хортенсионим, экклезионим.*

В статье выявляется роль региональной ономастики в развитии современной лингвистики. Впервые осуществляется анализ места в кругу ономастических исследований именослова Белорусского Поозерья – одного из интереснейших в лингвистическом отношении регионов Беларуси. Определяются степень охвата единиц различных разрядов, проблемное поле, использованные подходы. Устанавливаются перспективы исследования.

A.M. Mezenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

IMENOSLOV OF THE BELARUSIAN LAKE DISTRICT IN THE CIRCLE OF ONOMASTIC STUDIES: PROBLEMS, APPROACHES, PERSPECTIVES

Key words: *viconyn, imenoslov of the Belarusian lake district, regional studies, regional onomastics, hortensionyn, ecclesionyn.*

The article reveals the role of regional onomastics in the development of modern linguistics. For the first time the analysis is being performed ofthe place of imenoslov of the Belarusian lake district, one of the most interesting linguistic regions of Belarus, in the circle of onomastic research. Thearticle determines the degree of coverage of units of various level, problem-solving, and applied approaches. Theresearchperspectivesare being established.

Современная наука о языке – активно расширяющееся пространство, динамично трансформирующее границы гуманитарных и негуманитарных наук и тем самым способствующее формированию новых направлений лингвистического поиска. Оформившаяся в конце XX века антропоцентрическая парадигма отличается от предыдущих (сравнительно-исторической и системно-структурной) перенесением исследовательских интересов с объекта познания на субъект – человека говорящего.

Одним из приоритетных направлений развития современной лингвистики, и ономастики в частности, становится регионалистика, под которой понимают междисциплинарную науку, изучающую объективные процессы регионализации (географической, политической, экономической, культурной) и лучше всего отражающей синтез подходов различных наук к региональным исследованиям. Как подчеркивал известный географ А.Г. Исаченко, регионалистика, основателем которой является американский экономист и географ Уолтер Айзард, задумывалась как учение, объединяющее такие направления, как районистика и регионоведение, направленные на разработку общих принципов и методов систематизации путём районирования, а также изучение специфики развития целостных регионов в самых разнообразных аспектах – от природных до этноконфессиональных, а также ряд других направлений в науках, имеющих дело с районированием и изучением районов[3].

Что же касается лингвистики, изучающей язык регионов, то становление этого направления, судя по отсутствию единообразия его номинации (ср.: «региональная лингвистика»[7], «лингвистическая регионалистика»[8], «лингворегионология»[2], «лингворегионоведение»[6]), только начинается, зарождаясь на стыке классической диалектологии и исследований языка города (см. работы В.И. Беликова, А.С. Герда, Е.В. Ерофеевой, В.Т. Клокова, В.В. Колесова, О.Б. Сиротининой, Б.Я. Шарифуллина, А.А. Юнаковской, W. Labow и др.).

Основным понятием ***региональной ономастики*** как части региональной лингвистики является ***регион*** (от лат. regionis ‘область’) – определенная территория, часто очень значительная по своим размерам, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов (например, Белорусское Поозерье, Полесье в Беларуси и т. д.).

При этом региональный подход показывает, что каждый регион представляет собой не только конкретное территориальное, но и социальное, психологическое, культурное и иное единство и осознается как особая культурная среда со своей системой ценностей. Регионализация – процесс, интенсифицировавшийся в последние годы благодаря и вопреки активизации глобализации (процессы глобализации усилили роль региональных факторов, способствовали складыванию тенденций регионального развития, использующих местные особенности в качестве базы для новых стратегий) и приводящий к формированию региональной идентичности, другими словами, появления в массовом сознании соотнесения себя с региональным локусом. Главная цель региональной ономастики видится в пространственном представлении ономастических явлений, описании, сопоставлении и объяснении особенностей функционирования онимов на определенной территории. Объекты исследований в региональной ономастике должны, на наш взгляд, предполагать возможность районирования – деления на территориальные фрагменты, или ***районы***, по конкретным критериям (конечно, при наличии различий между этими фрагментами). ***Район*** (от франц. rayon– буквально ‘луч, радиус’) – целостная территория, характеризующаяся, как правило, общностью генезиса и взаимосвязанностью компонентов, являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения. Другими словами, региональная ономастика включает в себя как часть районоведение, описывающее районы конкретного региона страны.

Цель же нашей работы состоит в выявлении места именослова Белорусского Поозерья в кругу ономастических исследований, определении степени охвата единиц различных разрядов, проблемного поля его исследования, использованных при анализе научно-исследовательских подходов.

Белорусское Поозерье – северная и северо-восточная часть Беларуси (Витебская область), а также северная часть Могилевской области – в историческом плане представляют собой единый этноязыковой ареал, подвергавшийся в разные эпохи различным общественно-политическим влияниям. В связи с этим изучение онимии народов, проживающих и проживавших на этих территориях, позволяет определить степень исторической устойчивости ономастических и культур-

ных традиций; выявить сегменты национально специфического в языке и культуре данного и смежных регионов; установить тенденции и направления дальнейшего развития языка и культуры на сопредельных территориях.

Изучение взаимовлияния белорусского и русского, литовского, латышского языков и культур создает методологическую основу для лингвистической, лингвокультурологической и лингвоконцептуальной характеристики этого специфического региона. Изучение ономастиконов всегда является социально ориентированным и учитывает весь набор экстралингвистических параметров. К настоящему времени монографическое описание (в том числе и диссертационное) на материале деловой письменности получили антропонимная система Белорусского Поозерья XVI-XVIII вв. (О.М. Ляшкевич, 2004 г.), городской антропонимикон Витебска (Т.В. Скребнева, 2010 г.), личный именник белорусского пограничья (Ю.М. Галковская, 2014 г.), фамилии жителей Витебщины (Г.К. Семенькова, 2002 г.), разрабатываются проблемы функционирования неофициального регионального антропонимикона (И.А. Лисова, 2013-2015 гг.). В сопоставлении с китайской изучена русскоязычная урбанонимия Беларуси, в том числе Белорусского Поозерья (Ван Ли, 2007 г.), в лингвокультурологическомаспекте исследована ойконимия региона (Т.Ю. Васильева, 2014 г.). В связи с тем, что с топонимами теснейшим образом связаны оттопонимные дериваты Витебщины, которые часто утрачиваются и видоизменяются вместе с топонимами и, являясь компонентом культуры, хранят в себе его историю, способствуют сохранению и развитию языка, разработка их (В.М. Генкин, 1999 г.) была вызвана стремлением предотвратить культурную потерю.

На протяжении развития науки об именах собственных периодически происходило и будет происходить переосмысление набора единиц, составляющих ее поле изучения. Для ономастики XXI в., по словам Н.В. Васильевой, использовавшей прототипический подход Э. Рош, свойственна денотатная диверсификация онима [1, 61], при которой нередко от терминов базового уровня переходят к субординатному. В настоящее время такими новыми объектами исследования, требующими всестороннего лингвистического анализа, определения номинативной специфики и установления особенностей функционирования, стали экклезионимы (термин известен со второй половины XX в.), виконимы (от лат.*vicus* ‘село, поселение’ названия внутрисельских объектов, термин введен нами в 2006 г. [4]) и хортенсионимы (от лат.*hortensius* ‘садоводческий’собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества, термин введен нами в 2015 г. [5]). В 2012 г. впервые на белорусском материале выявлены особенности номинации православных, католических, греко-католических, иудаистских, мусульманских культовых сооружений, определены лингвокультурологические особенности экклезионимов, обнаружена специфика распространения названий мест совершения обрядов разных конфессий на территории Беларуси (см. работы О.А. Борисевич).

В связи с неумолимым снижением количественного состава крестьянства и связанным с этим уходом из жизни старых названий деревень, улиц, частей сел, хранящих исторические следы и способствующих раскрытию древних значений целого ряда слов, особую актуальность на рубеже XX-XXI вв. приобретает сельская проблематика. Исследование системы внутрисельских названий Белорусского Поозерья важно для типологических сопоставлений, для изучения внутригородских процессов (виконимы нередко преобразуются в урбанонимы), для выявления закономерностей и причин изменения традиционных урбанонимных систем. В контексте того, как в ономастике «является» культура, важным предметом изучения социальной виконимии и урбанонимии представляется вопрос о том, как воспринимается и как воздействует на воображение бытующий национальный виконим. В центре внимания оказывается психологическая значимость виконимов, приобретаемая ими в лингвокультурном сообществе. Именно отсюда возникают проблемы, связанные с поиском так называемых официальных названий для сельских улиц. Не только в Беларуси, но и за рубежом, прежде всего в России и Польше, виконимика делает пока первые шаги (см. наши работы, М.Л. Дорофеенко, Р.В. Разумова).

До недавнего времени система онимных единиц, используемых для называния топографических объектов в пределах поселения, включала два подвида: *урбанонимы* – для номинации

внутригородских объектов и *виконимы* – для номинации внутрисельских объектов. Однако появление названий улиц, расположенных в садовых товариществах и получивших заинтересованное массовое обсуждение на интернетфорумах, потребовало уложить в систему разнообразный языковой материал, относящийся к хортенсионимии и характеризующийся своей, отличной от урбанонимной и виконимной систем особенностью,заключающейся в становлении нового, неизвестного урбанонимии и виконимии, принципа номинации,состоящего в тематическом соответствии названий линейных объектов названиям конкретного садового товарищества.

Таким образом, разработка проблем региональной ономастики – одна из перспективных областей лингвистики:региональные описания онимии становятся приметой нашего времени, достаточно вспомнить русские научные школы ономастики Вологды, Волгограда, Екатеринбурга, Москвы, Воронежа, Смоленска, Твери, Кавказа. В Беларуси она продолжает складываться. Основными направлениями научных исследований, проводимых в рамках данной научной школы, является разработка вопросов белорусской топонимии и антропонимии Белорусского Поозерья в синхронии и диахронии. Интерес исследователей к изучению ономастической системы Белорусского Поозерья как одного из крупнейших регионов страны продиктован информационным потенциалом названий находящихся на его территории географических объектов и имен населяющих его людей.

Дальнейшее развитие региональной ономастики Беларуси видится в широком исследовании всех существующих регионов и их фрагментов, каждого населенного пункта; в сопоставлении общенациональной и региональных ономастических баз; антропо- и этноцентрическом осмыслении проблемы функционирования ономастических систем, выявлении лингвокультурной, когнитивной, прагматической и другой специфики ономастики. Несмотря на наличие отдельных топонимических словарей региона, назрела необходимость создания топонимического и антропонимического словарей Белорусского Поозерья. Своего решения ждут также проблемы литературной ономастики, ономастической периферии региона.

Литература

1. Васильева, Н. В. Нужен ли ономастике новый терминологический словарь? / Н. В. Васильева // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 7-11 сентября 2015 г. / [отв.ред. Е. Л. Березович]. – Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2015. – С. 60-62.

2. Зубцов, А. С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвотеоретического исследования [Электронный ресурс]: монография / А. С. Зубцов, А. А. Ворожбитова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 204 с.

3. Исаченко, А. Г. Теория и методология географической науки / А. Г. Исаченко. – М.:Академия, 2004. – 400с.

4. Мезенко, А. М. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А. М. Мезенко // Nowenazwywłasne – nowetendencjebadawcze / pod.red. AleksandryCieślikowej, BarbaryCzopek-KopciuchiKatarzynySkowronek. – Kraków: Wyd. PANDIT, 2007. – S. 379-390.

5. Мезенко, А. М.Хортенсионимы в системе наименований топографических объектов в пределах поселения / А. М. Мезенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 7-11 сентября 2015 г. / [отв.ред. Е. Л. Березович]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 176-178.

6. Новикова, Т. Ф. Лингворегионоведение. Ч. 1 : Программа и программно-методические материалы. Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

7. Шипановская Л. М. О проекте коллективной монографии «Лингвистический портрет Приамурья», посвященной проблемам региональной лингвистики / Л. М. Шипановская // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2010. – № 8. – С. 81-86.

8. Шмелева Т. В. Диалекты и язык города / Т. В. Шмелева // Русские народные говоры: история и современное состояние : тез. докл. межвуз. конф. – Новгород, 1997. – С. 103–104.

Р.В. Разумов
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: rvrazumov@list.ru

УДК 811.161.1’373.211

ТИПОЛОГИЯ ГОРОДСКИХ ОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *ономастика, собственное имя, городское онимическое пространство, урбаноним, эргоним, микроурбаноним, столица, провинция.*

В статье рассматриваются основные модели городских онимических систем Российской Федерации. Автор статьи считает, что в несходных по статусу населенных пунктах проявляются различные закономерности в создании и употреблении городских топонимов. В Российской Федерации выделяются три регулярные оппозиции городских онимических моделей: столичный город / провинциальный город, большой город / малый город, полиэтнический город / моноэтнический город. Автор перечисляет основные типологические признаки перечисленных моделей, указывает типичные для них номинативные модели.

R.V. Razumov
K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl

TYPOLOGY OF CITY ONYMIC SYSTEMS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: *onomastics, a proper name, city onymic space, urbanonym, ergonym, microurbanonym, capital, province.*

The article examines the main models of city onymic systems in the Russian Federation. The author considers that the rules of creating and using urban toponyms are different in cities and towns of different status. 3 regular oppositions of city onymic models can be found in the toponymy of the Russian Federation: capital city /provincial city, city / town, polyethnic city / mono-ethnic city. The author lists basic typological features and indicates characteristic nominative models.

В современной российской ономастике появляется сравнительно мало обобщающих теоретических исследований. Отсутствие подобных работ особенно сказывается на развитии тех областей науки, которые полноценно сформировались лишь в последние десятилетия. Одной из таких зон ономастики является городское онимическое пространство.

В течение 2000-х гг. в Российской Федерации защищено более 20 диссертаций, посвященных рассмотрению отдельных аспектов функционирования онимических систем различных населенных пунктов, однако большинство из них констатировало факты, уже зафиксированные другими исследователями. Очевидно, что сделанные ранее частные наблюдения позволяют сформулировать типологические особенности городских онимических систем в целом. Без осуществления подобных исследований, на наш взгляд, невозможно выявлять особенности номинации объектов в отдельном населенном пункте.

Наши многолетние исследования ономастиконов различных населенных пунктов Российской Федерации показывают, что в несходных по социальному статусу городах существуют различия в построении онимических систем. Ранее на конференциях мы уже представляли нашу типологию урбанонимических систем (см. [2], [3]). В данной публикации мы обратимся к типологии городских онимических систем в целом. Источником материала послужили созданная нами база данных «Урбанонимия России», материалы путеводителей и рекламных справочников, а также сведения интернет-ресурсов.

По нашим наблюдениям, в Российской Федерации регулярно реализуются следующие оппозиции онимических систем: *столичный город* / *провинциальный город, большой город / малый город, полиэтнический город / моноэтнический город.* Для онимических систем городов в целом, на наш взгляд, не релевантна оппозиция *старый город / молодой (новый) город*, поскольку она реализуется лишь в урбанонимии, не затрагивая эргонимию и микроурбанонимию.

Система названий **столичного города** является наиболее развитой в онимическом отношении. И в Москве, и в Санкт-Петербурге широко представлены не только ядерные (годонимы, агоронимы, эргонимы и городские хоронимы), но и периферийные (ойкодомонимы, названия фонтанов, монументов и т.д.) разряды городских онимов. Весьма значителен и набор онимических терминов, используемых в столице. Так, если в провинции в основном употребляются термины *жилой комплекс* и *квартал*, то в Москве отмечены и другие термины: *городок, парк, посад, усадьба, резиденция, плаза, особняк, палаты, хаус, таунхаус* и др. [5, 292]. Неофициальные ономастиконы обеих столиц содержат значительное количество микроурбанонимов, многие из которых появились еще в XIX в., в то время как в провинциальных городах данный тип собственных имен стал активно развиваться лишь в конце XX в.

Важной особенностью онимической системы столичного города является наличие разработанной концепции формирования урбанонимического пространства, реализуемой на протяжении многих десятилетий, технологии нейминговой экспертизы вновь создаваемых предпринимателями названий (см. [4]).

Система названий *столичного города* является источником онимических терминов и моделей для остальных населенных пунктов нашей страны. Именно в ней впервые появляются многие типы собственных имен, впоследствии проникающие в провинцию. Например, в топонимии Санкт-Петербурга впервые зафиксированы не только сами персональные посвящения (*Пушкинская улица,* 22.02.1882), но и генитивная модель, при помощи которой они создавались (*улица Глинки*, 20.11.1892; *улица Жуковского*, 10.07.1902). Первые послереволюционные переименования городских объектов в провинциальных городах, по-видимому, копировали аналогичные преобразования, произведенные в Санкт-Петербурге в 1918–1919 гг. Формирование разряда названий жилых комплексов и торговых центров началось в Москве во второй половине 1990-х гг. в связи с началом строительства коммерческой и жилой недвижимости. Впоследствии мода на подобные названия перешла в провинцию. Столичные девелоперы часто переносят в провинцию успешно раскрученные проекты. Например, компания «Ташир» владеет в Ярославле тремя торговыми центрами: *«Рио»* и *«Фараон»*, а также осуществляет строительство жилого комплекса *«Сокольники»*. Последний топоним никогда не существовал в Ярославле, поэтому его выбор выглядит не совсем понятным.

Отличительной особенностью столичного ономастикона является наличие в нем собственных имен, связанных с реализацией функции главного города страны. Так, и дореволюционная петербургская, и послереволюционная московская топонимические системы содержали посвящения населенным пунктам, регионам и рекам нашей страны. Впервые подобные топонимы зафиксированы в Санкт-Петербурге в декабре 1857 года, когда на карте города появились названия *Большая* и *Малая Московские улицы, Можайская улица, Подольская улица* и др. Как отмечают А.Г. Владимирович и А.Д. Ерофеев [1], в Санкт-Петербурге сформировались определенные традиции в области создания посвящений топонимическим объектам: в Московской части города увековечивались города Московской губернии, в Каретной части – населенные пункты Украины, в Литейной части – центры западных губерний, а в Нарвской части – города Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний (современные Эстония и Латвия) и т.д. [1, 119–138]. Столичную функцию реализовывала и эргонимия советской Москвы. В городе были созданы наименования коммерческих объектов, образованные от названий столиц дружественных стран и советских республик: киноконцертные залы *«Варшава», «София»,* гостиницы *«Белград», «Берлин», «Будапешт», «Бухарест», «Варшава», «Киевская», «Минск», «Пекин», «Севастополь»* и др., рестораны *«Баку», «Гавана», «Ереван», «Прага», «Ханой»* и др.

Жители других регионов страны воспринимают столичную онимическую систему как образцовую, черпают в ней свое вдохновение. Появление новых собственных имен в Москве часто является поводом для предложений о создании аналогичных онимов в других регионах страны. Например, возникновение в Москве в 1995 г. *площади Соловецких Юнг* привело к поступлению в топонимическую комиссию Ярославля просьбы присвоить аналогичное название одной из улиц города. Заявители аргументировали свое предложение созданием данного названия в столице. Застройка в Москве в 1960-е гг. микрорайона *Черемушки* привела к возникновению подобных

неофициальных названий в других населенных пунктах (Иванове, Красноармейске, Санкт-Петербурге и др.). Интересно, что данное название продолжает успешно использоваться и в настоящее время уже (жилой комплекс *«Черемушки», Уфа*).

В провинциальных городах реализуются регулярные модели ***большой город / малый город***. Прежде всего, они различаются составом онимов, функционирующих в онимическом пространстве населенного пункта. Система онимов *большого города* содержит не только ядерные разряды онимов (годонимы и агоронимы, городские хоронимы, разные типы эргонимов), но и периферию: названия мостов, зданий, торговых центров и жилых комплексов, объектов транспортной инфраструктуры и др. Онимическая система *малого города* содержит преимущественно урбанонимы (чаще всего годонимы, реже агоронимы) и отдельные типы эргонимов (названия магазинов и кафе), периферия в них практически не представлена.

В малых провинциальных городах употребляется ограниченное количество урбанонимических (*улица, площадь, переулок*) и эргонимических (*магазин, столовая, кафе*) терминов, в то время как в больших провинциальных городах активно используются и такие термины, как *бульвар, набережная, проезд, гипермаркет, ресторан, торговый центр* и др. Онимическое пространство большого города содержит и составные термины, практически не фиксируемые в малых городах. Например, в эргонимии сферы общественного питания встречаются такие термины, как *кафе-бар, кафе-клуб, кафе-пиццерия, клуб-бар, арт-кафе, арт-клуб, интернет-кафе, кофейный салон, пивной клуб, пивной ресторан, спорт-бар, спорт-кафе* и др.

Системы урбанонимов малых и больших городов характеризуются разной степенью концентрации урбооснов. Если первую десятку самых частотных урбанонимов малых городов в Центральном федеральном округе образуют всего 11 названий, то в больших городах их количество достигает 46 названий. Проведенное нами сопоставление систем урбанонимов показало, что в малых городах нет ни одного топонима, который был бы представлен во всех населенных пунктах, в то время как в больших городах 7 названий (*Железнодорожная улица, Комсомольская улица, улица Ленина, Лесная улица, Луговая улица, улица Маяковского, Молодежная улица*) зафиксированы во всех городах региона.

В эргонимии большого города широко представлены так называемые *сетевые эргонимы* («*Перекресток*», «*Карусель*», «*Эльдорадо*», «*М.Видео*», «*Детский мир*» и др.), в то время как в малых городах они практически не употребляются. Исключение составляют лишь эргонимы сетей эконом-сегмента («*Магнит*», «*Пятерочка*»). В больших городах могут создаваться и собственные торговые сети («*Дружба*», «*Мировой*» и «*Молодежный*» в Рыбинске, «*Дом еды*» в Костроме и др.).

В малых городах преобладают названия магазинов описательного типа с прямой мотивировкой, указывающие на характер продаваемого товара: «*Промтовары*», «*Техника*», «*Продукты*», «*Канцтовары*», «*Галантерея*», «*Свежий хлеб*» и др., эргонимы, образованные от слов с нейтральной или положительной окраской: «*Радуга*», «*Берёзка*», «*Росинка*» и др. Малоэкспрессивны в таких городах и названия предприятий общественного питания. Например, в г. Любиме Ярославской области встречаются такие названия кафе и ресторанов, как «*Встреча*», «*Чайка*», «*Сокол*», «*Охотник*», а в г. Бронницы Московской области – названия «*Бронничи*», «*Подкова*», «*Эра*», «*Город*», «*Сказка*». Эргонимия больших городов более разнообразна. В ней часто встречаются иноязычные слова («*JamSESSION*», «*Metro fashion café*», «*Republic Penates*», «*Кофе-тун*», «*КофеIn*»), названия с неясной для потребителя мотивировкой (агентство недвижимости «*Гаттерия*», торговый центр «*Автограф*», типография «*Везувий*»), элементы языковой игры («*Лапша на ушах*», «*Сушим весла*») и др. явления.

Особый тип образует онимическая система **полиэтнического города** – населенного пункта, в котором языки двух и более этносов имеют статус государственных. Основной особенностью ономастиконов подобных населенных пунктов является двуязычность собственных имен. Прежде всего она реализуется в обязательном написании каждого онима на двух государственных языках: *улица Советская / Советский урем* (Йошкар-Ола), *Кремлевская улица / Кремль урем* (Казань), *Башҡорт дәүләт университеты / Башкирский государственный университет* (Уфа). Другой характерной особенностью является двуязычность собственных имен, наличие среди них онимов,

образованных на государственном языке национальной республики: *улица Агачлык* – ‘роща, лесок’, *Яшь урам* – ‘молодая улица’, *улица Кунче* – ‘кожевник’, *улица Яшьлеч* – ‘молодость’, Казан радиомеханика колледжы (Казань). Иногда подобная двуязычность основ приводит к появлению в населенном пункте названий-дублетов. Например, в топонимии Казани зафиксированы следующие подобные наименования: *улица Айлы* (‘лунная’) / *Лунная улица*, *улица Жилякле* (‘ягодная’) / *Ягодная улица*, *улица Миляш* (‘рябина’) / *Рябиновая улица* и др.

Сделанные нами наблюдения носят предварительный характер. Подобные исследования необходимо продолжать, поскольку изучение типологических особенностей городских онимических систем позволит ономатологам выявлять специфику наименования объектов в отдельных населенных пунктах нашей страны, определить, какие из собственных имен являются типичными для подобных поселений, а какие характерны лишь для данной системы.

Литература

1. Владимирович, А. Г. Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко / А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев. – М. : Центрполиграф, 2014. – 319 с.

2. Разумов, Р. В. Типология систем урбанонимов русских провинциальных городов: малый город / большой город / Р. В. Разумов // Ономастика Поволжья : материалы XIV междунар. науч. конф., Тверь, 10–12 сентября 2014 г. – Тверь, 2014. – С. 156–159.

3. Разумов, Р. В. Типология систем урбанонимов Российской Федерации / Р. В. Разумов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III междунар. науч. конф., Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 223–225.

4. Соколова, Т. П. Неймингова экспертиза: организация и производство / Т. П. Соколова. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 208 с.

5. Соколова, Т. П. Проблема нейминга и неймингова экспертиза (на примере названий жилых комплексов) / Т. П. Соколова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. – СПб. : МАПРЯЛ, 2015. – Т. 8. – С.291–295.

А.А. Романовская
Минский государственный лингвистический университет
e-mail: Alla_Rom@tut.by

УДК 811.161.1'37(0,43.3)

АНТИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОГО ЧЛЕНЕНИЯ МИРА В МИРОПОНИМАНИИ

Ключевые слова: *античный символ, символическая метафоризация, «метафорическая модель».*

Статья посвящена античным символам – языковым знакам вторичной номинации, в мифологическом содержании которых отражаются представления о мироустройстве. Посредством «метафорических моделей» смыслы, выявляемые на основе античных символов, функционирующих в современных художественных текстах, включаются в концептуальную модель мира.

A.A. Romanovskaya
Minsk State Linguistic University

ANTIQUE ELEMENTS LINGUISTIC DIVISIONS OF THE WORLD IN THE WORLD VIEW

Key words: *the* antique *symbol, symbolic metaphorization, "metaphorical model".*

The article is devoted to the antique symbols language signs of secondary nomination, in the mythological content of which reflected the concept of the world. Through "metaphorical model" meanings, identified on the basis of antique symbols, functioning in the modern literary texts that are included in the conceptual model of the world.

Основным способом осмысления мира и разрешения противоречий в мифопоэтический период является миф, мифология, понимаемая не только как система мифов, имеющих дело с дискретными единицами, но и как «особый тип мышления, хронологически и по существу противостоящий историческому и естественнонаучному типам мышления». Для мифопоэтической модели мира существен вариант взаимодействия с природой, в котором «природа представлена как результат вторичной перекодировки первичных данных с помощью знаковых систем» [3, 161].

В системе идей о происхождении и структуре мира и роли в нем человека, о причинах и характере изменений в мире, о факторах, создающих и поддерживающих наблюдаемые в нем связи, отношения, важную роль играют античные символы как элементы языкового членения мира, на основании которых языковая компетенция включается в концептуальную модель мира – в константы сознания, отражающие представления о мире, выраженные с помощью «фундаментальных» понятий.

Античный символ – это особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего. Означающее символа – наименование мифологической реалии. Означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа. Античный символ – конденсационный по содержанию архаический знак; это диспонибельный знак, всегда готовый к употреблению. Особая мотивированность, образность, особая конденсационность содержания, диспонибельность, аксиологичность являются основаниями для становления античного символа как языкового знака.

Античный символ – особый языковой знак вторичной номинации. Исходя из положения о том, что символы как вербальные единицы характеризуются наличием оценки в мифологическом значении, мы получили возможность их константной организации и выделили три объединения констант: «геройство» («геройство» / «антигеройство»); «любовь» (античная эмоционально-эстетическая составляющая); «цивилизация» («созидание» / «разрушение»). Общим и для констант, и для символов является наличие аксиологичности. В мифе аксиологичность символа первична, в современном художественном тексте – вторична. В тексте античный символ проявляется в функции символической метафоризации: образной, оценочной и оценочно-экспрессивной.

В оценочно-экспрессивной метафоре на основе символа создается подобие («модель»). «Метафорическая модель» представляется в виде двухэлементного множества, состоящего из денотативного и сигнификативного дескрипторов [1, 78]. Так, сигнификативные дескрипторы (элементы области источника метафорической проекции) – это античные символы. Денотативным дескриптором (элементом области цели метафорической проекции) является, в частности, человек:

мужчина: мужчина – *Геркулес* (*Геракл*) (М. Алданов), Остап – *Антиной* (И. Ильф и Е. Петров); мужчина по профессии (инженер, писатель, философ, поэт): инженер – *Икар* (А. Г. Битов), Пушкин – *Аполлон* (Б. К. Зайцев), Толстой – *демиург* (Б. К. Зайцев), Вольтер – *демиург* (В. Аксенов), Т. Толстая – *пифия* (В. Новиков), Есенин – *титан*, Маяковский – *Прометей* (В. В. Орлов); мужчина по роду занятий (игроки в карты): игроки в карты – *Посейдон* и *Гермес* (Л. С. Петрушевская); мужчина по званию: лейтенант – *Пан* (Д. А. Смирнова); мужчина по возрасту (молодой человек): молодой человек – *Амур* (*Эрот*) (О. А. Славникова), молодой человек – *Минотавр* (П. Костин); мужчина по отношению к женщине (возлюбленный, соблазнитель): соблазнитель – *фавн, сатир* (В. Аксенов), возлюбленный – *Эней* (А. А. Ахматова); мужчина в обществе (бунтующий человек): бунтующий человек – *Сизиф* (В. С. Маканин);

женщина: женщина – *Бавкида* (Л.С. Петрушевская), женщина – *Персефона* (И.А. Бродский), женщины – *нимфы* (А.А. Вознесенский), *сирены* (В. Новиков), *гетеры* (В. Аксенов), женщина – *Артемида* (В. Аксенов); женщина по родству (мать, бабушка): мать – *Гарпия* (Л. Улицкая), бабушка – *Афродита* (Т.Н. Толстая); женщина по профессии (писательница, кассирша, парикмахерша, актриса): кассирша – *Паллада* (Б.К. Зайцев), парикмахерши – *фурии* и *сирены* (Т.Н. Толстая), госпожа Шевалье (актриса) – *Ифигения, Эвридика* (М. Алданов); женщина по должности (завкафедрой): завкафедрой – *Цирцея* (О.А. Славникова); женщина по роду занятий: женщина – *Одиссей* (Л. Улицкая).

В древнегреческой мифологии *Стикс* символизирует подземный мир: отделяет царство мертвых от мира живых; символизирует помощь, порядок (в подземном мире): клятва над водой Стикс самая страшная; во время титаномахии поспешила стать на сторону Зевса и сохранила свой исконный почет и удел, получила от него щедрые дары, а имя ее стало великой клятвой [2]. На синтагматическом уровне, то есть проявляясь в метафорической модели, сигнификативный дескриптор Стикс создает множество метафорических моделей, которые не только имеют очевидное сходство в следствиях, но еще и связаны парадигматическими отношениями. На парадигматическом уровне сигнификативный дескриптор – символ *Стикс*, соотносясь с символами подземного мира: *Персефона, Аид, Харон, Эреб, Танатос, Эвридика, Тиресий, Эринии, Ахерон, Лета, Цербер*, входит в константное объединение «подземный мир», формируемое константами: «верность», «богатство», «порядок», «помощь», «мрак», «злоба», «месть», «безумие», «забвение», «память».

В современном художественном тексте наблюдается возможность сигнификативной стабильности метафорического осмысления источника метафоры для достижения целей денотативной области: *Стикс* символизирует смерть, предел жизни, справедливость, защиту.

Голос зазвенел античной бронзой. – Сердце Соболева разорвалось потому, что было источено годами тяжкой службы во имя отечества, особенно многочисленными ранами, полученными в сражениях с нашими врагами. Не Ахиллесом его следовало бы назвать, о нет! Надежно защищенный Стиксовой водой, Ахиллес был неуязвим для стрел и мечей, вплоть до самого последнего дня жизни он не пролил ни капли своей крови [5, 123–124]. *Стиксовая вода* – защита, делающая героя неуязвимым. Соболев – герой, но не такой, как Ахиллес, потому что не был неуязвим.

Никто из нас и впрямь не мог заглянуть в глаза смерти, и не потому, что страшно, а потому, что уже. Души не родившиеся в Раю, души умершие в Аду; тетка протекает между ними, как Стикс [6, 122]. Смерть, как Стикс, протекает по жизни, она есть, и ее нет (нельзя заглянуть ей в глаза).

Мне, кстати, давно уже приходило в голову, что русским душам суждено пересекать Стикс, когда тот замерзает, и монету получает не паромщик, а некто в сером, дающий напрокат пару коньков (разумеется, та же духовная сущность) [9, 12]. У каждого своя Стикс как переправа в мир иной – у каждого своя смерть.

Дальше, полвека спустя, дальше пошли, уже отбиваясь отдельными выстрелами, исполненные решимости не сдаваться, вооруженные старческой перистальтикой и мальчишеским азартом. Так пересекли парк. Возле реки и расстались, не зная еще, что перед ними Стикс. Лесков пошел назад, в свой богатый дом. Земсков, не дожидаясь Харона, побрел по колено в воде к своему берегу [4, 541]. Не дожидаясь Харона, брести по Стиксу к своему берегу – идти, приближаясь к смерти.

Через гордый язык, // хоронясь от законности с тщанием, // от сердечных музык // пробираются память с молчанием // в мой последний пенат // – то ль слезинка, то ль весточка вербная – // и тебе не понять, // да и мне не расслышать, наверное: // то ли вправду звенит тишина, как на Стиксе уключина, // то ли песня навзрыд сложена // и посмертно заучена [8, 364–365]. Мрачный старец Харон перевозит только тех умерших, чьи кости обрели покой в могиле, и тишина звенит уключиной Харона на Стиксе для поэта, который сложил свою последнюю песню и слушает ее, звенящей в тишине.

Как, однако, там? Не те же ли проблемы? …Если, по Данту, в чистилище еще надо попасть, и даже ад – для души еще своего рода карьера, и толпа топчется у Стикса, не допущенная ни туда, ни сюда (все люди, не исполнившие своего назначения…), то какова же толпа эта на наш четырехмиллиардный мир?… «Ничего не надо. Здесь все есть, все справедливо. Только очень сурово». Что поймет современный человек под словом «сурово» здесь и что поймет он – там? Не нравственная ли норма человека сурова человеку современному? [7, 392]. Стикс как предел жизни и справедливость в ожидании дальнейшей участи, зависящей от соблюдения человеком нравственных законов жизни.

Содержание «метафорической модели» в нашем исследовании выявляется на основе античных символов – сигнификативных дескрипторов как источника метафоры, целью которой является характеристика человека непосредственно или опосредованно, когда метафорическая характеристика направлена на чувства, состояния, окружающую человека действительность. Посредст-

вом «метафорических моделей» смыслы, выявляемые на основе античных символов, функционирующих в современных художественных текстах, включаются в концептуальные представления о мире и о человеке.

Литература

1. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–95.

2. Тахо-Годи, А. А. Стикс / А. А. Тахо-Годи // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 2. – С. 469.

3. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 2. – С.161–164.

Источники примеров

4. Аксенов, В. Вольтерьянцы и вольтерьянки / В. Аксенов. – М. : Изографус ; Эксмо, 2005. – 560 с.

5. Акунин, Б. Смерть Ахиллеса / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2004. – 366 с.

6. Битов, А. Г. Человек в пейзаже / А. Г. Битов. – М. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.

7. Битов, А. Г. Путешествие из России / А. Г. Битов. – М. : Вагриус, 2003. – 478 с.

8. Бродский, И. А. Форма времени : в 2 т. / И. А. Бродский. – Минск : Эридан, 1992. – Т. 1: Стихотворения, эссе, пьесы. – 480 с.

9. Пелевин, В. О. Чапаев и пустота. Желтая стрела / В. О. Пелевин. – М. : Вагриус, 2001. – 416 с.

М.Г. Цинкобурова
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
e-mail: maschek@mail.ru

УДК 81(470.23):908

ГЕОГРАФО-КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРИ РЕШЕНИИ ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ТОПОНИМОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *топонимы, Ленинградская область, Ингерманландия, географо-картографический метод.*

Для Ленинградской области, как для многих в историческом прошлом приграничных областей, характерна сложная топонимическая картина, представляющая собой как сочетание топонимов различных языков (финно-угорских и русских), так и многократные трансформации топонимов. В связи с этим установление этимологии названий географических объектов области крайне сложно. Используя анализ старинных карт и архивных материалов и географические особенности местности, часто являющиеся топонимообразующим субстратом, автор предлагает этимологию некоторых трансформированных топонимов области.

M. Tsinkoburova
National Mineral Resources University (Mining University), Saint Petersburg, Russian Federation

GEOGRAPHICAL AND CARTOGRAPHICAL METHODS IN PROBLEM SOLVING ETYMOLOGY OF LENINGRAD REGION'S TRANSFORMED TOPONYMS

Key words: *toponyms, Leningrad region, Ingermanland, geographical method, cartographical method*

Leningrad region just as other border regions has a difficult toponymic map. There is both the combination of toponyms from different languages (Finno-Ugric and Russian) and multiple transformations of geographical names. Hence, the establishment of one toponym's etymology becomes very difficult. Analysing old maps and archival materials and geographical features of the region (it is a toponymic substrate) the author offers an etymology of some transformed toponyms of the region.

Территория Ленинградской области в относительно недавнем прошлом представляла собой район смешанного проживания различных финно-угорских народов (собственно финнов – эвремейсов и савакот, а также води, ижоры, чуди, карел, эстонцев, вепсов) и русских. С XII и по XX век включительно район с наиболее смешанным составом населения, соответствовавший большей части западной половины области, обособлялся как Ингрия или Ингерманландия. Мультиэтнический состав населения повлиял на топонимическую картину региона, представляющую собой как сосуществование разнообразных финно-угорских (водских, ижорских, финских) и славянских (русских) топонимов, так и трансформации топонимов одного языка в топонимы другого языка. Чаще происходила адаптация топонимов русским языком, но были отмечены неединичные случаи [8] как обратной, так и неоднократной трансформации. По П. Амбросиани [8] у разноязычных топонимических пар, относящихся к одной и той же местности, можно дифференцировать два главных типа соотношения между членами пары: семантическая близость и фонетическая близость. В качестве примера семантических пар П. Амбросиани приводит *Sutela – Волково, Oja – Ручьи, Nuolijoki – Стрельна* и другие, а фонетичекие пары: *Perakyla (Pergelewa) – Перекюля, Suokyla* (*Pihkowitz*) *– Сокули, Ylikyla – Илики* и другие. В связи с вышеуказанным, установление первоначальной формы топонима часто оказывается проблематичным.

В современной топонимике наиболее активно применяются лингвистический, историко-лингвистический и иногда картографический метод с все более активным добавлением в последнее время информационных технологий. Однако установление этимологии топонимов неразрывно связано с выяснением топонимообразующего субстрата. Географические и геологические особенности местности являются одним из наиболее распространенных типов субстрата на ранних стадиях заселения регионов. *С* учетом многократной языковой трансформации топонимов именно совмещение результатов первых трех методов оказывается наиболее объективным способом восстановления палеотопоосновы региона.

Автор на основе ранее установленных основных типов природного топонимообразующего субстрата [10], используя переписные оброчные книги Водской пятины, шведские и русские карты XVII–XIX веков, предлагает геолого-географическое обоснование происхождения некоторых этимологически спорных трансформированных топонимов.

Трансформированные топонимы, образовавшиеся от финского субстрата

Фонетическая трансформация

Котлы (Кингисеппский район) (водск. *Kattila*, ижорск. *Kettele* котел) как Cattilaby впервые отмечена на шведской карте Бергенгейма [10]. Существует несколько версий происхождения названия топонима [9; 17]:

от «котлов», то есть ям, в которых когда-то варили смолу;

от местности, имеющей вид котловины.

Деревня располагается вблизи бровки Балтийского-Ладожского глинта – хорошо выраженного в рельефе уступа, разделяющего главные морфоструктурные элементы района – Предглинтовую (Приморскую) низменность и Ижорскую возвышенность. Здесь наблюдается четко выраженная террасированность, следовательно, котлообразный характер местности вряд ли мог быть причиной формирования топонима. Отсюда можно сделать вывод в пользу второй гипотезы, что подкрепляется и геологическими особенностями местности, указывающими еще и на бывшие промыслы местных жителей. В окрестностях деревни находились богатые месторождения «болотной руды» (бурого железняка) и большинство местных жителей, начиная еще с XV века, занималось железорудным промыслом и выгонкой смолы.

Ладога с этой основой на территории региона встречается название нескольких поселений: *Старая Ладога* (до 1703 г. Ла́дога) и *Новая Ладога* (Волховский район), *Ладога* (Тосненский район), а также два гидронима – река Ладожка и Ладожское озеро. По поводу происхождения названия старейшего из поселений северо-запада России написано достаточно много в различной исторической, топонимической, краеведческой литературе. В настоящее время рассматриваются две основные версии формирования топонима [6, 267]:

– от наименования Ладожского озера (из фин. *Aaldokas, aallokas* «волнующийся» – от *aalto* «волна»);

– от названия реки Ладога (ныне Ладожка, из фин. *Alode-joki*, где *alode, aloe* – «низкая местность» и *jok(k)i* – «река»).

По мнению автора, вопрос о происхождение данного названия следует решать комплексно, учитывая наличие в этой же области, но не в непосредственной близости еще одного поселения с этим же корнем.

Деревня *Ладога* Тосненского района на карте Санкт-Петербургской губернии Ф.Ф. Шуберта [15] обозначена как деревня *Ладога Новая*, но уже в 1839 году [14, 23] деревня фигурирует под названием Ладога;

Деревня расположена на берегу реки Черная, характеризующейся неясно выраженной формой долины с низкой поймой. Аналогичный характер долины имеет и река Ладожка. Указанные особенности свидетельствуют в пользу финно-угорского происхождения данных топонимов, где топонимообразующим субстратом явились особенности рек, на которых расположены поселения. При этом *Alode-jogi (joki)* «нижняя река» следует трактовать не как указание на гипсометрическое положение речной долины, а на характер поперечного профиля реки и степень выраженности берегов.

С помощью геолого-географическим обоснования можно также уточнить этимологию еще одного, вызывающего большое количество споров топонима – реки *Невы*. Среди версий о происхождение названия главной реки [6, 306] области фигурируют две, рассматривающие в качестве субстрата указание на геологическую молодость реки (от шведского слова *ny* – новый или праиндоевропейского *neu̯a* «новая»). Действительно, с геологической точки Нева – река молодая. Именно поэтому сторонники праиндоевропейской гипотезы считают, что древнейшие германцы стали свидетелями прорыва вод Ладожского озера в Финский залив, поэтому и назвали образовавшуюся реку «новой». Однако по данным абсолютной геохронологии геологический возраст реки Нева оценивается в диапазоне 2500 – 3500 лет, в то время как древнейшие германские племена появились в IV веке нашей эры, а шведы – еще позднее.

Автор склоняется к финской версии происхождения названия реки (*neva* – переходные болота), но с учетом особенностей как речной долины, так и побережья Ладожского озера (на большей части протяженности отсутствует хорошо выраженная пойма, способствующая заболачиванию, в то время как для южной части Ладожского озера заболоченные участки вполне типичны) склоняется к версии о случае здесь топонимической метанимии и перехода названия озера на название реки.

Калька

Зайцево (Гатчинский район). В первый раз деревня упомянута как «*Jänixelä*» – заячья деревня, населённая ингерманландцами – савакотами упоминание [16], современное название деревни – калька на русский язык. Как отмечал С. Н. Басик [2] многочисленные среди русскоязычных ойконимов деревни и поселки с корнями, содержащими названия таких животных как «*заяц, щука, сорока, волк, медведь*» с точки зрения семантической классификации являются не зоотопонимами, а антропотонимами. Среди финно-угорских топонимов также помимо истинных зоотопонимов распространены метафорические зоотопонимы. Так небольшие населенные пункты или части населенных пунктов назывались в честь маленьких животных, а крупные в честь крупных. Так появились названия *Kissanmaa* («кошачья земля», район Тампере), *Siilitie* («ежовая дорога», район Хельсинкии) [7, 107]. Таким образом, данный ойконим *Зайцево* можно рассматривать как истинный или метафорический зоотопоним с финским субстратом.

Калька +трансформация

Новая Буря и *Бурский ручей* (Ломоносовский район) название деревни упоминается как *Nova Bura* на карте Ингерманландии Бергенгейма [11]. Однако согласно перечню приходов Ингерманландии [18] деревня располагалась в пределах старинного ингерманландского прихода *Uusi Puro*. Современное название деревни представляет собой полукальку названия прихода (фин. *Uusi* – новый – было переведено, а *puro* – ручей адаптировано путем морфологической трансфор-

мации и переосмысления в наиболее созвучное русское слово «*буря*»). Данная деревня находится в области развития среднеордовикских известняков и связанного с ними второго палеозойского водоносного комплекса, характеризующегося наиболее близким залеганием к поверхности. В окрестностях деревни Новая Буря наблюдаются многочисленные родники, связанные с указанным водоносным комплексом и даже вблизи деревни протекает ручей, получивший название Бурский. В ситуации с ручьем наблюдается случай обратной топонимической метанимии. Обычно гидронимы являются более устойчивыми и, тем самым, первичными наименованиями по отношению к ойконимам, и с гидронимов название переходит на ойконимы. В данном случае часть трансформированного названия деревни *Буря* стало еще и названием ручья. На территории Ижорской возвышенности неоднократно в топонимах встречается если не в целом, то в редуцированном виде корень «*puro*»: *Алапурская* (фин. *Ylä* – верхний, *puro* – ручей), *Покизен-Пурская* (предположительно первая часть топонима отыменная).

Трансформированные топонимы, образовавшиеся от русского субстрата

Келло и Меревское озеро (Лужский район). Данная деревня, расположенная на берегу Меревского озера, находится в южной части Лужского района, примерно в 50 км южнее бывшей границы Ингерманландии и главного ареала распространения финноугорских языков. Тем любопытнее оказывается факт наличия на исконно славянских землях ойконима с таким явно «финским» звучанием. Отсюда в краеведческой литературе начинают появляться версии об исходно финском происхождение ойконима. Так лужский краевед А. Аимин [1] допускает предположение, что чисто финский корень (*kello* по-фински колокол, часы) обусловлен переселением в этот район шведами финнов в период Смутного времени. Далее тот же автор дает несколько иную трактовку происхождения названия деревни («*Келло легко соотносится с финским словом кааламо, что означает брод*»). Однако географическое положение деревни (центральная часть северного берега относительно крупного (длина 6 км при ширине 1 км) озера) не предполагает наличие в этом месте брода как в настоящее время, так и в историческом прошлом (в центральных частях глубины озера достигают 5 м). Учитывая, что по-фински брод звучит как *kahlaamo* данная этимология ойконима по мнению автора статьи абсолютно не убедительна.

Деревня Келло впервые упоминается в переписной книге Водской пятины как *Киложе* на озере *Киломе* [13, 322, 325; 12, 101]. Уже упомянутый А. Аимин [1] считал наличие корня «*мере*» в данном гидрониме косвенным свидетельством проживание здесь представителей еще одного финно-угорского племени – мерей. Однако данная гипотеза полностью противоречит историческим и этнографическим данным, т.к. ареал распространения мерей находился гораздо восточнее, в пределах Окско-Донского междуречья. Анализ писцовых книг показывает, что в случае с Меревским озером снова наблюдается пример обратной топонимической метанимии. В описываемой ситуации исходное, первичное название *Киломе* оказалось утеряно, а озеру перешло наименование одной из наиболее крупных деревень на его берегах.

Жеребут и *Жеребутское озеро* (Лужский район) впервые упоминаются в переписной книге Водской пятины как *Жиробуд* над озером *Жиробуд* [13, 226; 12, 97]. По предположению автора здесь наблюдается совмещение двух корней:

1) «*жир*» – данное слово имеет несколько значений [5]:

– древнерусское и диалектное «имущество», «богатство»

– по В. И. Далю [3] – *жир, жировище* – «пойма, займище, заливаемое полой водой» «место, где рыба жирует», «болотное, сырое место на земле»;

2) «буд(а)» – согласно Э.М. Мурзаеву [5, 98] в разных областях России и Белоруссии насчитывается сотни названий населенных пунктов, производных от *буда*. «Все буда, как правило, – небольшие села, возникшие вдали от старинных путей и местечек, в редконаселенной, чаще лесистой местности» [4].

Жеребутское озеро характеризуется очень низкими заболоченными берегами, поэтому первая часть топонима полностью соответствует описанию данной местности. Традиционно названия гид-

ронимов рассматриваются как первичные по отношению к ойконимам. В такой ситуации становится не понятным формирование второй части топонима. Возможно здесь опять случай обратной топонимической метанимии (как и в ситуации с Меревским озером, расположенным поблизости).

Однако не исключен вариант и отыменного образования топонимов от древнерусского имени Жиробуд.

Турово (Лужский район) впервые упоминается в переписной книге Водской пятины как сельцо Турово над озером Туровым [12, 429; 11, 116]. Согласно В. И. Далю [3] *тур* – «межевая насыпь, курган, бугор». В окрестностях деревни Турово существуют насыпные захоронения – жальники. В переписной книге упоминается еще 2 деревни с указанным корнем – *Турковичи над озером Онтоновым* (современное название Торковичи) и уже несуществующая деревня *Тур на реке Тигоде*.

В заключение можно отметить, что в настоящее время топонимические исследования носят достаточно стихийный характер и некоторую несогласованность действий различных специалистов, в результате чего данные одних исследователей полностью опровергают данные других.

Литература

Издания с одним автором

1. Аимин, А. Луга. Полужье. Л., издательство Голубева 2011 г. 200 с.
2. Басик, С. Н. Общая топонимика. Минск, 2006. 197 с.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб-М. 1882. 712 с.
4. Жучкевич, В. А. Общая топонимика. Минск: Вышэйшая школа,1968. – 432с.
5. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. М., Мысль. 1984. 655 с.
6. Поспелов, Е. М. Географические названия России. М., Астрель. 2008. 523 с.
7. Louhivaara, Maija: Tampereen kadunnimet, Tampere. Tampereen museoiden julkaisuja 51, 1999. 304 p.

Статьи из журналов

8. Амбросиани, П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии//Вопросы ономастики – 2008 – № 6 – С. 83-92.

Статьи из материалов конференций, семинаров, тезисов, докладов

9. Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Материалы научного симпозиума // сост. И. И. Муллонен. –Петрозаводск-2007- С.150
10. Tsinkoburova, M. Geological and geographical features of the region as factor forming the place names (on the example of Ingermanland): Conference Proceedings 14th International Multidisciplinary Scientific GeoConference// SGEM 2014- Book 1 – Vol. 1 -2014- 161-168 pp.

Исторические источники

11. Карта Ингерманландии: Ивангорода, Яма, Копорья, Нотеборга Бергенгейма. 1676
12. Новгородский уезд Водской пятины по писцовой книге 1500 года. Историко-экономический очерк. М. 1900. 119 с.
13. Новгородские писцовые книги изданные археографической комиссией. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина. Том третий. СПб., 1868. 488 с.
14. Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. Санктпетербург. Печатано в губернской типографии. 1838. 142 с.
15. Топографическая карта Санкт-Петербургской губернии составлена под руководством Ф. Ф. Шуберта и издана в 1834 г.
16. Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии П. И. Кеппена 1849 года.

Электронные ресурсы удаленного доступа

17. Топонимика Кингисеппского района. Электронное дополняемое издание. Составитель В. В. Демина. Кингисепп. 2009. С. 33. Режим доступа: http://libr-kingisepp.narod.ru/toponimika.pdf. Дата доступа – 07.12.2015.
18. Портал ингерманландских финнов. Ингерманландия. Режим доступа: http://www.inkeri.ru/virt/p.php?id=29. Дата доступа – 07.12.2015.

В.В. Шур
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: belmovamspu@mail.ru

УДК 808.26-313.1(043.3)

СТАН І АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ ДАСЛЕДАВАННЯЎ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ АНАМАСТЫКІ

Ключавыя словы: *анамастыкон, онім, паэтонім, кантэкст, онімная гульня, прэцэдэнтны онім, алюзія.*

У артыкуле прасочаны асноўныя этапы станаўлення і даследавання беларускай літаратурнай анамастыкі, якая выдзелілася ў асобны напрамак у канцы XX – пачатку XXI ст., названы асноўныя працы і галоўныя накірункі даследаванняў у галіне літаратурнай анамастыкі.

V.V. Shur
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

STATE AND MAIN RESEARCH TENDENCIES OF THE BELARUSIAN LITERARY ONOMASTICS

Key words: *onomasticon, onym, poethonym, context, onym pun, precedential onym, allusion.*

The article deals with the stages of formation and research of Belarusian literary onomastics, which was defined as a separate school at the end of the XX century – the beginning of the XXI century, the basic works and main tendencies of the researches in the sphere of literary onomastics are mentioned.

Да пачатку XXI стагоддзя ў беларусістыцы літаратурная анамастыка разглядалася як частка традыцыйна-апісальнай лінгвістыкі, нягледзячы на значнае назапашванне разнастайнага тэарэтыка-эмпірычнага матэрыялу, які зусім нядаўна пачаў паслядоўна і сістэмна асэнсоўвацца і кваліфікавацца як важнейшы тэкстаўтваральны і моўна-стылістычны кампанент любога мастацкага тэксту. І калі ў канцы XX стагоддзя даследчыкі анамастычнай лексікі, падводзячы вынікі зробленага ў вывучэнні анамастыкону твораў мастацкай літаратуры, сцвярджалі, што гэты аспект (анамастыкон мастацкіх твораў) закрануты і вывучаны фрагментарна, знайшоўшы адлюстраванне толькі ў асобных тэзісах дакладаў і невялікіх нататках літаратурных крытыкаў, пісьменнікаў (гл. публікацыі Р. Шкрабы, У. Юрэвіча, Дз. Бугаёва, А. Марціновіча, пісьменнікаў К. Чорнага, Я. Скрыгана, Б. Сачанкі і інш.), то ў наш час без перабольшвання можна гаварыць пра асобны, новы навуковы напрамак у беларускім мовазнаўстве ў даследаванні літаратурнага анамастыкону, аспекты якога прааналізаваны не толькі ў артыкулах, а і ў манаграфіях, падручніках А. Рогалева [14], В. Ляшчынскай [5], В. Рагаўцова [11, 12], І. Ратнікавай [13], І. Гапоненкі [2], А. Гіруцкага [3], Г. Мезенкі [6, 8, 9, 10], Ю. Гурскай [4], В. Шура [15, 16,17, 18, 19, 20].

Навуковая аснова беларускай літаратурнай анамастыкі грунтуецца на дасягненнях тэарэтычнай анамастыкі (працы А. Супяранскай, В. Бандалетава, Н. Падольскай, В. Ніканава і інш.), этналінгвістыкі (працы М. Талстога, С. Талстой, В. Тапарова, І. Карабулатава, Е. Бартмінскага, Е. Беразовіч, Ю. Гурскай і інш.), лінгвакультуралогіі (працы А. Храменка, С. Варкачова, В. Вараб'ёва і інш.), псіхалінгвістыкі працы Ю. Караулава, Д. Гудкова, А. Сядых і інш.), паэтычнай анамастыкі (В. Фаняковай, Э. Магазаніка, В. Калінкіна, Ю. Карпенка, Г. Кавалёва, І. Каралёвай, В. Сянкевіча, В. Супруна, А. Рогалева, І. Ратнікавай і інш.) Яшчэ раней некаторыя прыватныя аспекты беларускай літаратурнай анамастыкі разглядаліся ў артыкулах Г. Басавай, Т.Бугай, В. Грынёвай, Л. Кузьміча, Н. Чабатар, Г. Усціновіч, Н. Лобань, Г. Цыхуна, А. Станкевіч, З. Драздовай, А. Каўруса, В. Краснея і інш. Такім чынам, адметнасці развіцця беларускай літаратурнай анамастыкі за апошні перыяд знайшлі сваё адлюстраванне не толькі ў колькасці публікацый па розных яе аспектах, а і ў выяўленні новых аб'ектаў даследавання, сведчаннем таму тэарэтычныя і апісальныя работы, прысвечаныя анамастыкону твораў В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, Я. Коласа, Я. Купалы, А. Мрыя, І. Мележа, Я. Брыля, Ф. Янкоўскага, І. Навуменкі, У. Верамейчыка і іншых пісьменнікаў.

За апошнія гады апублікаваны і атрымалі станоўчыя характарыстыкі вучэбныя дапаможнікі, у якіх знайшлі належнае апісанне і класіфікацыю разнастайныя падсістэмы асобных уласных імёнаў, прозвішчаў, мянушак, псеўданімаў, айконімаў, гідронімаў, мікратапонімаў, урбанонімаў, віконімаў, адтапанімічных вытворных, а таксама разнастайных паэтонімаў, што ўжываюцца ў творах беларускай, рускай мастацкай літаратуры. Гэта дапаможнікі, аўтарамі якіх з'яўляюцца дактары філалагічных навук А.Ф. Рогалеў [14], Г.М. Мезенка [6, 8], В.В. Шур [17, 19], В.А. Ляшчынская, М.У. Буракова [19] а таксама калектыўныя дапаможнікі "Беларуская антрапанімія" [8] і "Белорусская ономастика: топонимия" [7], падрыхтаваныя пад рэдакцыяй прафесара Г.М. Мезенка, у якіх у асобных частках праведзена апісанне сутнасці тэкставых онімаў у творах мастацкай літаратуры, прыводзяцца тэарэтычныя звесткі аб сучасным стане вывучэння онімаў у творах беларускіх і рускіх пісьменнікаў, даюцца трэніровачныя матэрыялы для самастойнай працы студэнтаў, накіраваныя на авалодванне і замацаванне тэарэтычнага матэрыялу.

Сёння патрэбна таксама гаварыць пра значную колькасна групу маладых даследчыкаў, якія актыўна працуюць на ніве беларускай анамастыкі. У ліку такіх неабходна назваць: С. Бут–Гусаім (Брэст) – даследуе прагматычную ролю і значнасць онімаў у творах Я. Брыля, Г. Марчука, Г. Далідовіча і інш.; В. Струкава, А. Канцавую (Мазыр) – анамастыкон твораў І. Мележа; І. Зуеву (Віцебск) – мастацкія асаблівасці онімаў у творах У. Караткевіча, В. Быкава; Г. Юдзянкову (Мазыр) – прэцэдэнтныя анамастычныя адзінкі ў творах беларускіх аўтараў XIX ст.; І. Каленік (Мазыр) – онімы-алюзіі ў творах беларускіх пісьменнікаў савецкага перыяду; Л. Хрышчановіч (Мінск) – антрапанімічную прастору беларускай народнай казкі; А. Парамонаву (Віцебск) – анамастычную прастору польскамоўных мастацкіх твораў і асаблівасці іх перакладу на рускую і беларускую мовы; З. Шведаву (Гомель) – антрапанімікон паэзіі М. Багдановіча і Я. Купалы.

У асобны напрамак анамастыкі выдзелілася беларуская анамастычная лексікаграфія. Як было адзначана спецыялістамі, у беларускім мовазнаўстве склалася алагічная сітуацыя, адметнасць якой у тым, што амаль пры поўнай адсутнасці канцэптуальных работ абагульненага характару колькасць разнастайных аспектных публікацый па праблемах гісторыі і тэорыі лексікаграфіі вымяраецца сотнямі. С. Шахоўскай апублікавана абагульняльнае манаграфічнае даследаванне "Беларуская анамастычная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця" (Мн., 2012 – 258 с.), у якім яна ўпершыню ў айчынным мовазнаўстве правяла комплекснае апісанне беларускіх антрапанімічных і тапанімічных слоўнікаў. У манаграфіі акрэслены межы і спецыфічныя рысы асноўных перыядаў у развіцці анамастычнай лексікаграфіі, апісана структура слоўнікаў, распрацавана іх разгалінаваная тыпалогія. Як сведчаць рэцэнзенты гэтай працы, у даследаванні на аснове падрабязнага аналізу васьмі дзясяткаў анамастычных слоўнікаў XIX–XXI стагоддзяў, апублікаваных на тэрыторыі Беларусі, а таксама выданняў, якія надрукаваны за межамі краіны і ўключаюць беларускі матэрыял, вывучаюцца сродкі і спосабы арганізацыі онімнай лексікі ў антрапанімічных і тапанімічных слоўніках.

Першым і самым значным набыткам беларускіх анамастаў з'яўляецца "Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа" (Мінск, 1990), створаны ён на аснове дванаццацітомнага збору твораў класіка і ўключае каля 6000 артыкулаў. Усе разнавіднасці онімаў у слоўніку аналізуецца з улікам іх мастацка-эстэтычнай і стылёвай функцый. Другая значная праца, дзе змешчаны ўсе разнавіднасці онімаў з твораў Янкі Купалы, – шосты том "Слоўніка мовы Янкі Купалы". У яго артыкулах тлумачэнне антрапонімаў, усіх разнавіднасцей тапонімаў, вызначаецца іх семантычны патэнцыял, падаюцца ілюстрацыі, раскрываюцца кантэкстуальныя функцыі онімаў. Трэці том "Слоўніка мовы Скарыны" (Мінск, 1994) прысвечаны лексікаграфічнаму апісанню тапанімічнага і антрапанімічнага матэрыялу, выяўленага ў самых розных творах Ф. Скарыны, да онімаў падаюцца разнастайныя гістарычныя звесткі і інш. Мове класіка беларускай літаратуры, яго анамастыкону прысвечана праца Ю. Гурскай "Словарь имён собственных в поэзии М. Богдановича" (Мінск, 1997), у ім тлумачыцца паходжанне 200 імёнаў-персаналій, імёнаў літаратурных герояў і інш., што выразна характарызуюць ідэастыль паэта. Да сказанага ў гэтым плане можна дадаць наступнае: у Мазырскім педуніверсітэце падрыхтаваны і захоўваюцца на кафедры беларускага мовазнаўства электронныя варыянты анамастычных слоўнікаў твораў Андрэя Мрыя і Уладзіміра Верамейчыка.

У беларускай мастацкай літаратуры з улікам яе жанравых разнавіднасцей выпрацавана сістэма прыёмаў для апісання самых розных паэтонімаў. Характарызуючы тыпы онімаў у

мастацкіх тэкстах, даследчыкі дыферэнцыруюць іх паводле самых розных эстэтычных і кантэкстуальных асаблівасцей у наступныя групы: адносна нейтральныя імёны, гаваркія онімы, імёны з падтэкстам (імёны-алюзіі, імёны-намёкі), імёны-вобразы, перанесеныя з іншых твораў, асацыятыўныя імёны, парадыйныя імёны, імёны ў падтэксце твора, імёны-сімвалы, імёны з міфалагічным падтэкстам, фальклорна-міфалагічныя імёны і інш. З ліку анамастычных адзінак самымі характарыстычнымі, апрача мянушак, з'яўляюцца прозвішчы. Утвараючы антрапацэнтрычную прастору твора вышэйшага ўзроўню, такія онімы з'яўляюцца адным са сродкаў кароткай, сціслай мастацкай характарыстыкі персанажаў, вызначальным элементам усёй анамастычнай прасторы твора, які ў цэлым змяшчае шматбаковую лінгвістычную і экстралінгвістычную інфармацыю. Апрача гэтага, у кантэксце мастацкага твора такія адзінкі звычайна становяцца канатацыйна насычанымі, афарбаванымі і выкарыстоўваюцца як выразны сродак выражэння эмацыйных ацэнак і характарыстык. Больш таго, анамастычныя адзінкі не толькі ў творах мастацкай літаратуры, а і ў соцыуме "валодаюць высокай нацыянальна-культуралагічнай маркіраванасцю" (В.Д. Бандалетаў), а гэта дае магчымасць не толькі засвоіць засведчаныя ў ёй лінгвістычныя асаблівасці ўласных імёнаў, але і адначасова ўспрыняць і суправаджальныя з імі (імёнамі) краіназнаўчыя, культуралагічныя асацыяцыі, авалодаць іншым замацаваным у іх нацыянальна-культуралагічным багаццем. Частка антрапонімаў, як і тапонімаў, у выніку шырокага ўжывання ў соцыуме, фальклоры, мастацкай літаратуры, перыядычным друку набыла нацыянальна-прэцэдэнтны характар, выяўляючы пэўныя тыповыя адметнасці, якія за імі замацаваліся ў свядомасці носьбітаў значнай лінгвакультурнай супольнасці. Параўн.: у беларускіх парэміях імёнам: *Кандрат, Мікіта* называюць людзей нахабных, гультаяватых, *Аркадзь, Кузьма* – злых, прыкрых, *Саўка, Хомка* – гультаяватых, зваротлівых, хітрых і інш. (Г.Параскевіч, Н. Бубнова).

Мастацка-эстэтычныя функцыі самых розных онімаў у структуры перыфраз, прыказак, крылатых выразаў, фразелагізмаў як вызначальных кампанентаў тэксту грунтоўна прааналізаваны ў працах І.Я. Лепешава, В.А. Ляшчынскай, М.А. Даніловіча. Гл., напрыклад, артыкулы М.А. Даніловіча "Фразеалагізмы з псеўдаўласнымі імёнамі ў беларускай дыялектнай мове", "Вялікая літара і Бог у фразеалогіі", што змешчаны ў кнізе "Слова і фразеалагізм у беларускай мове". – Гродна, 2015. – 300 с.

У апошнія два дзесяцігоддзі праведзена некалькі міжнародных навуковых канферэнцый, прысвечаных даследаванням анамастычных праблем (Мінск, Віцебск, Гомель, Мазыр і інш.). Так, у 2010 годзе адбылася Міжнародная навуковая канферэнцыя "*Беларуская анамастыка: гісторыя і сучаснасць*" у Інстытуце мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы, якая засведчыла высокі навуковы ўзровень яе ўдзельнікаў, з'явілася значнай навуковай падзеяй. Паглыбленае даследаванне ў галіне беларускай анамастыкі з'яўляецца важнай і актуальнай задачай, якая, мае не толькі навуковыя мэты, але і выразныя прагматычныя вынікі. Многія даследчыкі, не толькі лінгвісты, справядліва лічаць, што ўласныя імёны ў сукупнасці, калі іх разглядаць у сінхраніі і дыяхраніі, а таксама з улікам лінгвагеаграфічнага аспекту могуць утрымліваць больш этнаграфічных і сацыяльных звестак пра этнагенез і гісторыю народа, яго менталітэт, чым некаторыя вызначальныя прадметы матэрыяльнай культуры.

Мала даследавана ў беларускай дітаратурнай анамастыцы *онімная гульня*, якая спецыялістамі кваліфікуецца, як выразны кампанент вобразнай сістэмы ўласных імёнаў у мастацкім творы. Яна выступае як адзін з эфектыўных спосабаў стварэння выразнага стылёвага эфекту ў мастацкім тэксце. У мовазнаўстве сфарміравана некалькі арыгінальных падыходаў да вывучэння *онімнай гульні.* Так, у рускім мовазнаўстве з'явіліся змястоўныя публікацыі, прысвечаныя аналізу гэтай з'явы (гульні) на матэрыялах мовы сродкаў масавай інфармацыі, фальклору, асобных мастацкіх твораў А. Пушкіна, Н. Ласкова і інш. (гл. публікацыі даследчыкаў Данецкай анамастычнай школы: працы В.М. Калінкіна, Н.В. Мудровай, а таксама Т.А. Грыдзінай, Э.А. Краўчанка, Р.Ю. Шабалава і інш.). А ўпершыню тэрмін *моўная гульня* выкарыстаў аўстрыйскі філосаф і логік Людвіг Вітгенштэйн. Прыкладамі рэалізацыі моўнай гульні найчасцей выступаюць жарт, анекдот, каламбур, розныя тропы, параўнанні, метафары, перыфразы, якія, на наш погляд, комплексна, умела і паслядоўна ў творах беларускай драматургіі даследаваў прафесар В.І. Рагаўцоў, у тым ліку і на шматлікіх антрапонімах, выкарыстаных як мастацкі сродак у творах дрматургіі. Гэты ж даследчык выдаў і "Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект" (Магілёў, 2010. – 172 с.), у якім тлумачыцца

210 тэрмінаў, якія маюць дачыненне да камічнага як адной з катэгорый эстэтыкі. У слоўніку ў асноўных артыкулах тлумачацца і шматлікія анамастычныя тэрміны і паняцці: *Антрапонім; Гаваркія прозвішчы*, іх асноўныя спосабы ўтварэння; *Звароток; Мянушка; Прозвішчы, Прозвішчы*: інтэсіфікатары камічнага; *Уласныя асабовыя імёны* і інш.

Мы мяркуем, што ў бліжэйшай перспектыве павінны з'явіцца комплексныя працы з паглыбленым аналізам анамастычнай прасторы мастацкіх твораў беларускай літаратуры ў асобных яе жанрах – паэзіі, прозе, драматургіі, сатырычных і парадыйных творах. З улікам накопленага тэарэтычнага матэрыялу могуць, на наш погляд, разглядацца самыя розныя асаблівасці онімаў-сімвалаў, алюзійных і прэцэдэнтных онімаў, прадоўжыцца далейшае тэарэтычнае апісанне анамастычных палёў мастацкіх твораў, функцыі тэкставай вяхі антрапонімаў, семантыкі паэтонімаў, якія функцыянуюць на аснове прыёмаў трансанімізацыі, загаловачнага комплексу, прадоўжыцца вывучэнне прагназуючых функцый загалоўкаў мастацкіх тэкстаў, ядзерных анамастычных палёў і фонавых анамастычных намінацый і інш. У галіне беларускай лексікаграфіі перспектыўнымі і запатрабаванымі не толькі для вырашэння праблем анамастыкі нам уяўляюцца разнастайныя анамастычныя слоўнікі твораў асобных пісьменнікаў, асацыятыўныя анамастычныя слоўнікі, слоўнікі канатонімаў, слоўнікі анамастычнай тэрміналогіі і іншыя лексікаграфічныя працы. Аналагічныя даследаванні ў галіне літаратурнай анамастыкі ў названых накірунках, як мы ўжо адзначалі, у беларускім мовазнаўстве да гэтага часу не праводзіліся або толькі пачынаюць праводзіцца.

Літаратура

1. Буракова, М. У. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія / М. У. Буракова, В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2011. – 166 с.
2. Гапоненка, І. А. Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. : асаблівасці станаўлення і развіцця / І. А. Гапоненка. – Мінск : БДУ, 2012. – 307 с.
3. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм : типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий / под ред. П. П. Шубы. – Минск : Университетское, 1990. – 173, [2] с.
4. Гурская, Ю. А. Древние фамилиии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне / Ю. А. Гурская. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2007. – 360 с.
5. Ляшчынская, В. А. Слова ў паэзіі Янкі Купалы : [для студэнтаў] / В. А. Ляшчынская ; [нав. рэд. А. І. Падлужны]. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 270, [2] с.
6. Мезенка, Г. М. Беларуская анамастыка : навуч. дапам. для студ. ун-таў. – Мінск : Выш. шк., 1997. − 119 с.
7. Мезенка, А. М. Белорусская ономастики. Топонимия : учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.
8. Мезенка, Г. М. Беларуская антрапанімія : вуч. дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў па філалагічных спецыяльнасцях / Г. М. Мезенка [і інш.]. – Віцебск : ВДУ, 2009. – 254 с.
9. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснае : манаграфія / Г. М. Мезенка, В. М. Ляшкевіч, У. К. Семянкова. – Віцебск : УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2006. – 238 с.
10. Мезенко, А. М. Имя внутригородского объекта в истории : Об урбонимах Беларуси XIV – нач. XX в. / А. М. Мезенко. – Минск : Выш. шк., 2003. – 301 с.
11. Рагаўцоў, В. І. Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі : манаграфія / Магілёўс. дзярж. ун-т імя А. Куляшова. − Магілеў, 2002. − 304 с.
12. Рагаўцоў, В. І. Вербальныя сродкі камічнага ў беларускай драматургіі : канец XVI – пачатак XX ст. : манаграфія / В. І. Рагаўцоў. – Магілёў : УА "МДУ імя А. Куляшова", 2012. – 260 с.
13. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова ; [науч. ред. И. С. Ровдо]. – Минск : БГУ, 2003. – 213, [1] с.
14. Рогалев, А. Ф. Имя и образ : художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 223 с.
15. Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце : онімы, метафары / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : УА МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2013. – 268 с.
16. Шур, В. В. Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : УП "Тэхнапрынт", 2002. – 226 с.
17. Шур, В. В. Беларускія ўласныя імёны : Беларуская антрапаніміка і тапаніміка : дапаможнік для настаўнікаў / В. В. Шур. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1998. – 237 с.
18. Шур, В. В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мазыр : УА МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2010. – 206 с.
19. Шур, В. В. Уласныя імёны ў часе і прасторы : дапаможнік для школ / В. В. Шур. – Мінск : НІА, 2008. – 100 с.
20. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур – Мінск : Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.

II. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ

Е.Н. Бекасова
Оренбургский государственный педагогический университет
e-mail: bekasova@mail.ru

УДК 811.161.1’373

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *ономастическое пространство, топонимия, микротопонимы, годонимы.*

В статье рассматривается топонимы с. Троицкое Бузулукского района Оренбургской области, которые представляют систему сложившихся на протяжении двух с половиной веков топонимических единиц, где чётко прослеживаются предпочтения в отборе номинаций и закономерности их функционирования на определённых этапах историко-культурного развития села.

E.N. Bekasova
Orenburg state pedagogical university

ABOUT SYSTEM APPROACH TO THE DESCRIPTION OF TOPONYMIC SPACE

Key words: *onomastichesky space, toponymy, microtoponyms, godonima.*

In this article is considered page toponyms. Troitsk the Buzuluksy region of the Orenburg region which represent system of the toponymic units which developed throughout two and a half centuries where preferences in selection of the nominations and regularity of their functioning at certain stages of historical and cultural development of the village are accurately traced.

Среди ономастических единиц, пожалуй, только топонимы обладают качеством «повсеместности», поскольку не только закрепляют за человеком освоенные и присвоенные им территории, сохраняя – иногда на десятилетия и века – «исходные» наименования, но и становятся достоянием проживающего на них социума. Постепенно сложившая топонимическая система определённой территории характеризуется своими специфическими закономерностями самоорганизации, шкалой изменчивости и устойчивости к воздействию экстралингвистических факторов. При этом местные исторические перипетии своеобразно скрещиваются с общей историей соседствующих этносов, выделяя определённое топонимическое пространство среди других «лица необщим выраженьем». В связи с этим любые обобщения по поводу особенностей топонимии какого-либо субъекта государства могут противоречить конкретным территориям, где «послойно» откладывались топонимические пристрастия определённых времён и народов.

В частности, мнение о широком распространении по всей территории Оренбургской области тюркских названий не подтверждается конкретными исследованиями отдельных населённых пунктов. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего особенностями заселения края. С другой стороны, традиционность наименования по водному объекту стало причиной появления целого ряда русских селений типа Бугуруслан, Бузулук и под. Однако при этом не следует забывать, что гидронимы как наиболее древний топонимический пласт трудно поддаются идентификации по языку, а следовательно, и определять название указанных объектов как тюркское некорректно.

Системный подход к исследованию топонимии позволяет не только снять подобные заблуждения, но и выявить определённые тенденции развития конкретной топонимической системы, уровень её варьирования и закономерности эволюции.

В связи с этим нами был предпринят анализ топонимической системы села Троицкое Бузулукского района, расположенного на северо-востоке Оренбургской области.

Топонимическая система с. Троицкого характеризуется удивительной стабильностью. Основанное братьями Ждановыми в 60-е годы XVIII в., село *Ждановка (Ждановое*) после постройки в нём 1784 г. церкви было переименовано в *Троицкое*, при этом агиотопоним сохранился до настоящего времени. Село известно тем, что в 1837 г. через него проезжал царский наследник – будущий Александр II вместе с поэтом В.А. Жуковским.

В сельское поселение официально входят посёлок *Подгорный,* посёлок *Боровский* и деревня *Мотовилово.* Антропотоним *Подгорный* мотивирован фамилией основателей – купцов Подгорновых, которые в XIX в. проводили здесь ярмарки. Другие названия обусловлены особенностями ландшафта: *Мотовилово* (к. 40-х годов XVIII в.) стоит на образованной рекой Боровкой и её притоком развилке, которая напоминает *мотовило* – «приспособление для ручной намотки пряжи при домашнем ткачестве (обычно в виде палки с перекладиной на одном конце и развилкой на другом)» [4, 298]; *Боровский* назван по реке *Боровке*, которая протекает в том числе и по территории знаменитого Бузулукского бора – самого южного хвойного леса на территории нашей страны. Следует отметить, что в данных частях поселения в последние годы стремительно сократилось число жителей (по данным 2014 года [1]: Мотовилово – 65 человек; посёлок Подгорный – 36 человек; посёлок Боровский – 0 чел).

Природные особенности определяют большинство микротопонимов данной местности, например: *Евграфов родник* (*Евграфов сад, Родничный хутор*), расположен в километре от села Троицкого, принадлежал Е.А. Жданову, председателю Бузулукской уездной управы, гласному Самарского губернского земского собрания, депутату 2-й Государственной Думы [3], и в своё время славился родником и великолепными яблоневыми и грушевыми садами; гора *Шихан* (тюрк.) – представляет собой холм.

Следует отметить местные предания, связанные с горой Шихан. По «научной» версии считают, что рядом находилась ставка монгольского хана Сумбеки, который накопил несметные богатства. Но эти территории приглянулись другому хану, и началась между ними страшная междоусобица. В кровопролитном побоище полегло много народа с обеих сторон. Победил пришлый воитель, но в битве он потерял своего любимого сына Ши. Убитый горем отец повелел похоронить юношу с почестями, а в память о нем насыпать над могилой высокий курган – *Ши-хан.* Считается, что холм насыпан в XIV веке. Другое предание повествует также о монгольском хане Шихан-Бей, у которого его подневольные были настолько бедны, что поддать отдавали горстями земли в шапках (так!) и насыпали гору Шихан. Есть версия о хрустальном дворце на горе, части которого ещё долго находили после изгнания монголов. Последнее предание связано с тем, что на горе после битвы отдыхал Чапаев со своими бойцами.

Зафиксировано также название *Попов угол* по месту, где жил поп, которого убили (информанты не сообщают подробности и конкретное время события). Из последних микротопонимов следует отметить *Школьный сад* (одичавший сад с ранетками находится возле школы), *Коровий овражек* (пастбище в низине), *Гора любви* (небольшая возвышенность без определённой мотивации со стороны жителей с. Троицкого), *Титькина гора* («на этой горе очень много ягод, кормит людей летом, как мать»).

Однако наиболее «топонимичным» местом является река *Боровка*, на берегу которой расположено село. Определённые участки реки получают свои особые названия: *Жилинские скалы* (берег похож на скалы), *Зона отдыха* (красивое место, куда ездят отдыхать местные жители), *Карда* (раньше на берегу пасли крупный рогатый скот), *Шум* (на реке находится небольшой водопад, от которого много шума), *Мочалка* (узуальное название без определённой мотивации), *Крутинка* (на крутом склоне находится плотина), *Баранья яма* (считается самым глубоким и холодным местом, где обитает много сомов), *Переход* (мелкое место, брод), *Красный берег* (берега из красной глины), *Слияние* (место слияния Боровки и её притока).

Следует также отметить специфику годонимов с. Троицкого. Большинство из них также отражает расположение на местности: *Набережная* – улица находится на левом берегу реки Боровка; *Озерная* – находится возле небольшого озера; *Подгорная* – улица расположена возле горы Шихан.

Особое восприятие природных условий жителями Троицкого воплощается в названиях улиц типа *Зеленая* – на улице много деревьев, обильная трава; *Садовая* – сады на улице почти в каждом доме, а перед домами высажены деревья, одна из самых зелёных улиц села; *Луговая* – улица возникла сравнительно недавно, дома строились на открытой зеленой местности; *Солнечная* – улица находится всегда освещена солнцем; *Мирный* – небольшой тихий переулок, где много деревьев.

Имеются также улицы названные по находящимся на них определённым объектам, например: *Почтовая* – на данной улице раньше находилась почта; *Центральная* – на ней «находятся все сферы обслуживания населения», считается центром села; *Молодежная* – дома давались молодым семьям. Вопреки устоявшемуся мнению, в селе практически отсутствует «политический окрас» годонимов [3]. В частности, как дань традиции, имеется только одна улица *Советская*, которую неофициально называют *Старая почта*, так здесь до 1999 года находилась почта. Следует также отметить, что неофициальные названия существуют и для других улиц: *Нахаловка* (офиц. название Садовая) – считалось, что там жили «наглые, нахальные люди»; *Курмыш* (офиц. название Набережная) – находится в небольшой яме, там всегда прохладней, чем в других местах села. Последнее название объясняют тем, что слово *курмыш*, которые одни считают татарским, другие чувашским словом, обозначает *круглую конусообразную яму*. Следует отметить, что возможна также трактовка данного слова как *курган* [5], в том числе и на территории Оренбургской области. Однако оренбуржцы достаточно часто слово *курмыш* употребляют в просторечных выражениях типа *жить в (своём) курмыше* – жить ‘вдалеке, на отшибе, в глуши’, ‘в своём мирке’. Возможно, что именно значение, указанное жителями с. Троицкое, ближе к распространенному в настоящее время, которое, вероятно, развилось из него как переносное.

Анализ одного из сегментов ономастического пространства с. Троицкое показывает не только исторически сложившуюся систему топонимов, но и её устойчивость в «приращении» новых названий, ориентированных, в том числе и в реестре годонимов, на особенности прежде всего ландшафта как комплекса признаков рельефа, растительного мира и водных объектов.

Литература

1. Администрация МО Троицкий сельсовет // Официальный сайт Бузулукского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bz.orb.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=56:administracziya-mo-troiczkij-selsovet&Itemid=143. – Дата доступа : 20.12.2015.

2. Бекасова, Е. Н. Политический «окрас» урбанонимии областного города Оренбурга / Е. Н. Бекасова // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 27 ноября 2015 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; редкол.: А. П. Чудинов (гл. ред.). – Екатеринбург, 2015. – С. 23–26.

3. Названия на Бузулукской карте // Официальный сайт Бузулукского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bz.orb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=11&Itemid=70. – Дата доступа : 22.12.2015.

4. Словарь русских народных говоров. – Л. : Наука, 1982. – Вып. 18 : Масленичек–Мутарсливый. – 369 с.

5. Тихонравов, К. Н. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / К. Н. Тихонравов.– М. : Университетская типография, 1857. – 202 с.

Д.В. Бутеев
Областное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Смоленский государственный институт искусств»
e-mail: Boutya@mail.ru
А.И. Винокуров
Областное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Смоленский государственный институт искусств»
e-mail: alvinocurov@yandex.ru

УДК 81-25

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ СМОЛЕНСКА И МИНСКА

Ключевые слова: *неофициальные топонимы, урбанонимика, сопоставительный анализ, этнос, малый жанр фольклора, социокультурный портрет Смоленской области*

В статье представлены материалы сопоставительного анализа неофициальной топонимики Смоленска и Минска. Выявлены общие закономерности появления региональных неофициальных топонимов, описаны некоторые особенности каждой из рассматриваемых языковых топонимических систем. Сопоставительный анализ неофициальной топонимики Смоленска и Минска показывает исторические особенности кросскультурных взаимодействий в контактных (лат. Contaktus – соприкосновение) российско-белорусских социумах, интересно дополняет содержание социокультурного портрета Смоленской области.

D.V. Buteev
The Regional State Educational Budget Establishment of Higher Education
"The Smolensk State Institute of Arts"
A.I. Vinokurov
The Regional State Educational Budget Establishment of Higher Education
"The Smolensk State Institute of Arts"

COMPARATIVE ANALYSIS OF INFORMAL PLACE NAMES OF SMOLENSK AND MINSK

Key words: *informal names, urbanamerica, comparative analysis, ethnos, is a small genre of folklore, sociocultural portrait of Smolensk region.*

The article attempts a comparative analysis of informal place names of Smolensk and Minsk. Traced the General laws of the emergence of informal regional names, identified some features of each considered language toponymic systems. Comparative analysis of informal place names of Smolensk and Minsk shows historical features of cross-cultural interactions in the contact of the Russian-Belarusian society, complements the content of sociocultural portrait of the Smolensk region.

В Смоленске в течение нескольких последних лет велась работа по сбору и изучению городской неофициальной топонимики, результатом которой стали два издания (2012 и 2014 гг.) Словаря неофициальных топонимов г. Смоленска и ряд публикаций в различных научных и научно-популярных журналах. Комплексный анализ региональных неофициальных топонимов не только выявил различные аспекты их функциональности и позволил осуществить их развёрнутую лингвистическую, историко-краеведческую и географическую характеристику, но и обнаружил в объекте исследования черты, позволяющие его относить к малому жанру современного фольклора. Создавая неофициальные наименования, этнос реализует свой творческий потенциал, сохраняет некий культурно-нравственный этногенетический код и в соответствии с этим кодом рефлексирует в условиях современной социокультурной ситуации.

Сопоставление смоленского материала с топонимикой соседних регионов позволяет выявить как типичное, так и особенное в смоленской топонимии; разработать ономастическую систему контактных российско-белорусских социумов.

В сопоставлении неофициальной топонимики Смоленска и Минска мы использовали имеющиеся в интернете сведения о народной топонимии белорусской столицы, которые весьма фрагментарны, не систематизированы и пока ещё научно не осмыслены. Ведущий специалист по белорусской урбанонимике А.М. Мезенко в одном из интервью 2009 г. констатировала: «Ни в Минске, ни в Беларуси в целом неофициальными топонимами, к сожалению, лингвисты пока не занимались. И это большое упущение». Это положение вещей не позволяет осуществить комплексный сопоставительный анализ региональных топонимических систем, но не мешает обнаружить определённые закономерности возникновения народных наименований и выявить своеобразие некоторых из них.

В результате сопоставления смоленских и минских топонимов мы выделили четыре группы наименований, оказавшихся в смежном сегменте. Это, во-первых топонимы-омонимы, обозначающие схожие объекты. Например, топоним **Бродвей** (**Брод**). И в Минске и в Смоленске он возник и наиболее активно употреблялся «в духе модного тогда американизма» [1] примерно в одно и то же время в 1950-е, 1960-е гг. Свой **Бродвей** есть и во многих других городах бывшего СССР. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой (2000 г.) вообще рассматривает слово «бродвей» в качестве нарицательного – разговорное «название центральной улицы в каком-либо городе (обычно с оттенком иронии)». Мы не согласны с Т.Ф. Ефремовой. Наличие улиц Ленина и Кирова почти в каждом городе не лишает их признака «собственности». Пока неофициальный топоним воспринимается как прозвище объекта, в разряд имён нарицательных он не переходит.

К этой же категории топонимов можно отнести **Американку** (тюрьма), **Горбатый мост**, **Железку**, **Камни**, **Проспект**, **Посёлок**, **Пушку**, **Стекляшку**, **Универ**, **Центр**, **Часы (Под часами)**, **Шанхай**, **Чупа-чупс**, **Соху**, **Кулёк**, **Красные дома**, **Шайбу**, **Поле чудес** и **Китайскую стену**. Следует отметить, что порой полной аналогии между смоленскими и минскими реалиями, стоящими за омонимичными топонимами не наблюдается. В Смоленске, например, есть две **Китайских стены**. Как и во многих городах, обе они являются наименованиями одиночных длинных домов. В Минске же **Китайской стеной** называют целый комплекс жилых домов по улице Максима Танка с 4-го по 36-й. В Смоленске к тому же часто используется более лаконичный вариант **Китайка.**

Камнями в Минске называют скверик за филармонией, в Смоленске – излюбленное рыбаками место на Днепре. **Железкой** в обоих городах называют железную дорогу и нечто с нею связанное. В Минске это баня, которая строилась для работников локомотивного депо, в Смоленске – Дворец культуры железнодорожников, Железнодорожная больница и Железнодорожная школа. Но среди объектов, именуемых **Железкой** в Смоленске, был и видеосалон, с железнодорожным ведомством никак не связанный и пользовавшийся на рубеже 1980–1990-х гг. такой популярностью, которая не снилась современным 5D-кинотеатрам. (Никому не нужные ныне видеомагнитофоны в 1980-е и начале 1990-х гг. были для большинства россиян недостижимой мечтой, а для предприимчивых владельцев видеосалонов – средством быстрого обогащения. Типичное газетное объявление тех лет: «Меняю а/м ВАЗ-2108 и видеомагнитофон “Sharp” на однокомнатную квартиру»!) Белорусский топоним **Железка** интересен и тем, что неофициальная сфера предпочла русскоязычное слово столь же лаконичному официальному белорусскому названию железной дороги – **«чыгунке**». И такие смысловые нюансы-отличия можно обнаружить практически в каждом из кажущихся, на первый взгляд, полностью идентичными топонимами.

Другой ряд народных наименований представляет собой омонимичные топонимы, обозначающие не совпадающие реалии и возникшие различными путями. В Минске **Батарейкой** по созвучию называют кафе с официальным наименованием «Батлейка». Батлейка – белорусское слово, обозначающее народный кукольный театр, аналогичный русскому вертепу (в неофициальной белорусской топонимии отчётливо просматривается тенденция к русификации). В дореволюционном Смоленске жители города **Батарейками** называли земляные укрепления, на которых располагались артиллерийские батареи. «Спросите у местных крестьян, что у них за развалины – и всегда получите один ответ: “**Костёлы**”. – “**Костёлы**” да “**батарейки**” – в этих двух словах и заключаются все историко-археологические сведения местных жителей» [2, 94].

Железным Феликсом минчане вполне логично нарекли бюст Феликса Дзержинского, смоляне же подобным словосочетанием в советскую эпоху называли питейное заведение («В нём

стояли винные автоматы, откуда на приобретённый жетон вы получали почти полный стакан неплохого вина» [1]).

Звёздочка в Смоленске – это Вечный огонь в сквере Памяти героев, в Минске – универсам «Звёздный». **Бухенвальдом** в столице Беларуси по созвучию с глаголом «бухать» студенты окрестили две столовые, в которых сответствующим образом проводили время. Другая реалия и другая мотивация породили аналогичный смоленский топоним. Здесь он именует завод «Кентавр». Предприятие создавалось на территории бывшей колонии строгого режима, что, по всей видимости, и мотивировало его прозвище. Ещё один семантический пласт топонима **Бухенвальд** проявляется при сопоставлении с другим смоленским заводским прозвищем **Изнуритель** (так называют завод «Измеритель»): не все в стране победившего безработицу социализма разделяли жизненные установки Алексея Стаханова и Паши Ангелиной. Неофициальное имя завода так прочно укоренилось в сознании его рабочих, что некоторые из них при опросах во время следствия по делу смоленского маньяка Стороженко напротив места работы, нимало не смущаясь, написали **Бухенвальд**, чем вызвали сначала глубокое недоумение, а затем негодование московских следователей.

Пентагон в Минске (штаб Белорусского военного округа) мотивирован функциональностью, совпадающей с «подарившим» прозвище зданием американского министерства обороны. В Смоленске **Пентагоном** назвали, во-первых, жилой пятиугольный дом, и внешне, и наличием внутреннего дворика, напоминающий вашингтонский аналог, а, во-вторых, студенческое общежитие за очень строгий пропускной режим.

Стометровка в белорусской столице – это часть проспекта Независимости, являющаяся рабочим местом девушек лёгкого поведения. В Смоленске – это несанкционированная протяжённая торговая точка на Колхозной площади. Торгующие на ней приезжие белорусы с появлением полиции покидают **Стометровку**, проявляя завидные спринтерские качества. Возможно, в Минске столь же быстро бегут от милиции на проспекте Незавсимости представительницы древнейшей профессии.

И наконец, **Труба** в Минске – это подземный переход, к тому же их здесь две **Маленькая** (**Малая**) и **Большая**. В Смоленске это наземный своеобразный «мост» над оврагом, по которому ходили пить пиво в **Шалман** или в баню («трубы горят – иди по **Трубе**»).

Третья группа топонимов, представляющих интерес при сопоставлении, – это различающиеся наименования схожих реалий. Опираясь на них, можно говорить о своеобразии той или иной региональной системы неофициальных топонимов. Например, комплекс зданий Белорусского государственного педуниверситета минчане называют **Педуном**. Смоляне же Смоленский государственный университет, с 1998 по 2005 гг. бывший педагогическим университетом, называют **Педом** или **Педами** («учусь в **Педах**», «буду поступать в **Пед**»). Аналогичным образом белорусские варианты неофициального наименования медицинского вуза **Медун** и **Медик** отличаются от смоленских наименований **Медуха** и **Меды.** В последнем варианте, типичном для неофициальных имён вузов Смоленска (**Педы, Физы**), слышится к тому же нечто сладкое – глядя на количество желающих «попасть» в вуз абитуриентов, задумываешься, «не мёдом ли там намазано»? Объекты с названием «Юбилейный» (площадь, гостиница и ресторан) в Минске называют **Юбилейкой**. В Смоленске по отношению к Камерному театру (бывший кинотеатр «Юбилейный») и соседствующей остановке общественного транспорта используются более лаконичные топонимы **Юбик** и **Юбочка**.

Примыкают к этой группе случаи, когда идентичные объекты в одной из рассматриваемых региональных систем остаются без неофициального наименования. В связи с недостаточной полнотой минского материала, мы выделили случаи отсутствия смоленских аналогов некоторым белорусским народным топонимам. В Смоленске, в отличие от Минска, не были зафиксированы сокращённые и искажённые варианты, связанные с филармонией (**Фила**, **Филара**), Макдональдсом (**Макдон**, **Макдак**, **Даблдональдс**), Серебрянкой (**Сербия**, **СереБронкс**) и улицей Маяковского (**Маяковка**). Вероятно, для обретения прозвища объекту необходимо стать достаточно значимым для занимающейся словотворчеством социальной группы (чаще всего – это молодёжь).

И последняя группа сопоставляемых наименований – это топонимы, возникшие в силу действия схожих языковых «механизмов». Например, порождающей прозвища домов метафоризации (в приводимых ниже примерах смоленские варианты для наглядности выделяем курсивом: **Кораблик**, **Ослиные уши**, **Тюльпан**, **Шляпа, Кукурузы** – ***Линкор***, ***Крокодил***, ***Паровоз***, ***Градусник, Грибки***) или снижающей официальный пафос ироничности при номинации памятников (**Непьющий**, **Памятник шопоголикам**, **Мужик с сотовым телефоном**, **Дети возле туалета** – ***Памятник мужу***, ***Пивная кружка***, ***Миша с Блони***, ***Слоник на комоде***). Неофициальная топонимика в обоих регионах, да и на территории всего бывшего СССР активно использует сокращеня и определённые разговорные суффиксы, придающие коммуникации динамичность и неформальный характер (**Комса**, **Мясо**, **Грушевка**, **Жданы**, **Коржи**, **Паркуша** – ***Бакуха***, ***Багрянь***, ***Нормашка***, ***Кисель***, ***Черня***, ***Питоша***).

И в Смоленске и в Минске можно встретить антропонимы, хранящие имена и прозвища своеобразных народных героев. В столице Белоруссии **Моргушей** назвали небольшой магазин продовольственных товаров рядом с общежитиями БИМСХ, где в 1980-е гг. работала продавщица с нервным тиком глаза. Гастроном на проспекте Ленина (ныне Независимости) именовали **У Юзика** в честь грузчика Юзека, помогавшего знакомым в дефицитные 1980-е гг. без очереди покупать водку.

В Смоленске забегаловку в угловой части здания по ул. Крупской (44А) прозвали **У Даниловны**, что отразило заслуженно уважительное отношение к Нине Даниловне Котовой, которая более 20 лет приветливо встречает и качественно обслуживает свою не всегда безупречную клиентуру. Блуждающий топоним **У Юрича** используется смоленскими музыкантами-рокерами и рок-н-рольщиками для обозначения своей репетиционной базы, основателем и бессменным руководителем которой является Василий Юрьевич Гетманцев.

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что региональная неофициальная топонимика возникает в силу определённых общеязыковых закономерностей, она обладает своеобразными чертами, отражающими исторические, этнические, географические и социокультурные особенности места её возникновения.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00443.

Литература

1. Разумовский, Олег. Улицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lapsha.su/literatura/razumovsky/18-uliczy.html. – Дата доступа : 19.01.2015.
2. Смоленские мемории. – Смоленск. – 2013. – №3.

Т.Ю. Васильева
Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет
e-mail: vasilieva.vitebsk@yandex.by

УДК 811.161.1’373.211.1

ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЙКОНИМИИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Ключевые слова: *Белорусское Поозерье, ойконим, ойконимия, профессиональная деятельность, социальные отношения, топоним.*

В статье выявляются и описываются ойконимы Белорусского Поозерья, мотивированные названиями людей по профессиональной и социальной принадлежности. Определяются и характеризуются мотивирующие основы, используемые в процессе образования подобных наименований. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются наиболее популярные названия данной группы, для которых выявляется ареал распространения.

T.Y. Vasiljeva
Vitebsk State order of Peoples Friendship Medical University
e-mail: vasilieva.vitebsk@yandex.by

REFLECTION OF PROFESSIONAL ACTIVITIES AND SOCIAL RELATIONS IN THE BELARUSSIAN POOZERJE OYKONYMY

Key words: *Belarussian Poozerje, oykonym, oykonymy, professional activities, social relations, toponym.*

The article is devoted to the research of the settlements of the Belarussian Poozerje, motivated by the names of people for professional and social affiliation. The main motivating bases used in the ways of formation of these names are defined. Based on semantic and quantitative parameters the most popular names of this group are defined, and the distribution area is highlighted.

Ойконимия любого региона представляет особый интерес для научного исследования, поскольку в ней отражаются важнейшие этапы развития материальной и духовной культуры создавшего ее народа. На факт существования тесной связи названий населенных пунктов с хозяйственной, политической и экономической жизнью региона указывают российские и белорусские исследователи (А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Э.М. Мурзаев, В.П. Лемтюгова, Е.А. Валасенко, С.А. Янушкевич и др.). В данном аспекте особый интерес для исследователей представляют наименования, отражающие профессиональную деятельностью и социальную дифференциацию общества, поскольку именно они дают своеобразную историческую, этнографическую и хозяйственную характеристику региону. Цель нашей работы – выявление ойконимов Белорусского Поозерья, зафиксировавших в своих основах названия людей по профессиональной и социальной принадлежности.

Ойконимы Белорусского Поозерья, мотивированные названиями людей по профессиональной и социальной принадлежности, насчитывают 129 наименований, или 2,6% от общего количества топонимов региона. Наиболее распространенными являются ойконимы, отражающие профессиональную деятельность населения региона (117 наименований, или 2% от общего количества ойконимных единиц региона). Такие топонимы образуются от коллективных названий людей по профессиональному признаку, роду занятий: *Бараши* – рус. *бараш* ‘придворный шатерничий, обойщик’ [4, Т. 1, 48]; *Бондари* – бел. *бондар* ‘мастер по изготовлению деревянной посуды’ [7, Т. 1, 395]; *Бортники* (2) – бел. *бортнік* ‘тот, кто занимается бортничеством; пчеловод’ [7, Т. 1, 396]; *Бочкары* – бел. *бочкар* ‘бондарь’ [3, Вып. 2, 173]; *Булынино* – рус. *булыня* ‘скупщик’ [4, Т. 1, 141]; *Гарнаки* – бел. *гарнак* ‘тот, кто делает оружие’ [1, 104]; *Дегтяри* (3) – бел. *дзягцяр* ‘тот, кто гонит деготь’ [7, Т. 2, 178]; *Железняки* (2) – рус. *железняк* ‘торговец железом’ [4, Т. 2, 532]; *Жерносеки* – бел. *жарнасек* ‘человек, который делает и нарубает жернова’ [7, Т. 2, 252]; *Кожемяки* (2) – ст.-бел., рус. *кожемяка* ‘кожевник; мнущий кожу, выделывающий сыромять’ [3, Вып. 15, 175; 4, Т. 3, 131]; *Колесники* – ст.-бел., рус. *колесник* ‘делающий ездовые или повозочные колеса’ [3, Вып. 15, 197; 4, Т. 2, 137]; *Коновалы* – рус. *коновал* ‘простой, неученый конский лекарь’ [4, Т. 2, 156;], ст.-бел. ‘человек, который кастрирует коней’ [3, Вып. 15, 267]; *Кравцы* (2) – ст.-бел. *кравец*, *кровец* ‘специалист по шитью одежды’ [3, Вып. 16, 80]; *Кухты* – ст.-бел. *кухтик*, *кухцик* ‘помощник, стажер повара’ [3, Вып. 16, 257]; *Лесники* (2); *Лесничие*, *Маклаки* – рус. *маклак* ‘посредник при продаже и купле’ [4, Т. 2, 291]; *Медведники* – ст.-бел. *медведник* ‘поводырь прирученного дрессированного медведя’ [3, Вып. 17, 297]; *Мельники*; *Млынарёво* (2) – бел. *млынар* ‘владелец мельницы или работник в мельнице; мукомол’ [7, Т. 3, 166], *Муляры* – бел. *муляр* ‘рабочий, который строит что-либо из камня или кирпича’, ‘печник’ [7, Т. 3, 180]; *Пастушки*; *Перевозники* (2) – бел. *перавознік* ‘перевозчик’ [1, 321]; *Пивовары*; *Писарево* – бел. устар. *пісар* ‘человек, который занимался перепиской чего-либо’ [7, Т. 4, 258], *Прудники* (6) – рус. *прудник* ‘мельник на водяной мельнице’ [4, Т. 3, 529]; *Решетники* – рус. *решетник* ‘кто работает решета’ [4, Т. 4, 95]; *Рыбаки* (5), *Санники* – рус. *санник* ‘мастер, работающий сани или дровни’ [4, Т. 4, 137]; *Смоляки* – рус. *смоляк* ‘смолопромышленник, кто промышляет смолокуреним, сидкою смолы’ [4, Т. 4, 236]; *Ткачи*; *Угольники* – рус. *угольник* ‘лесник, промышляющий жжением угля; торгующий

этим товаром’ [4, Т. 4, 468]; *Фурманы* – бел. *фурман* ‘человек, который управляет лошадьми в запряженной подводе; извозчик’ [7, Т. 5, 161]; *Чашники* – ст.-бел. *чашнік* ‘придворный, который распоряжался винными подвалами и подносил вино и другие напитки к царскому столу’, бел. ‘монах, который распоряжался монастырскими винными подвалами и раздачей напитков во время трапезы’ [7, Т. 5, 312]; *Шубники* – бел. уст. *шубнік* ‘тот, кто занимается шитьем шуб, кожухов, полушубков’ [7, Т. 5, 408]; *Щитники* – бел. устар. *шчытнік* ‘мастер, который изготавливает щиты’ [1, 489] и др. С.А. Янушкевич, рассматривая наименования поселений западной Гродненщины, классифицирует подобные образования как служебные, отмечая, что чаще всего в качестве мотивирующих основ выступают названия людей по повинности, которая выполнялась в пользу королевского, княжеского или бискупского двора [8, 6]. Структурной особенностью ойконимных единиц рассматриваемой группы, отмеченной В.М. Генкиным, является преобладание названий в форме множественного числа [2, 45].

Ряд ойконимов (20 единиц) фиксирует в основах воинские звания: *Аскерино* – рус. из тур. *аскер* ‘воин, боец’ (по данным Н.В. Бирилло, так звали русские турецких солдат) [1, 24–25], *Аскерщина*, *Воеводки*, *Гайдуки* – ст.-бел. *гайдук* ‘пеший вооруженный охранник, солдат’ [3, Вып. 6, 212], *Гайдуковщина*, *Гусаровщина* (до 1960 г. Мостки) – рус. *гусар* ‘легкоконный воин, в венгерской одежде’ [4, Т. 1, 409], *Драгуново* – бел. *драгун* ‘солдат или офицер некоторых кавалерийских частей, способный вести бой и в спешенном строю’ [7, Т. 2, 194], *Драгуны*, *Жавнерчики* – ст.-бел. *жолнер*, *желнер*, *жовнер* ‘солдат’ [3, Вып. 10, 16], *Жолнеровщина*, *Казаки* (3) – ст.-бел. *козак*, *казак* ‘легковооруженный воин в армии Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой’ [3, Вып. 15, 177], *Казаково* (3), *Казачки*, *Капитаново*, *Кашталяновщина* – ст.-бел. *каштелян*, *каштелан*, *каштелян* ‘главный военный начальник города и уезда’ [3, Вып. 15, 11], *Маёришки*, *Маёровщина*, *Поручники* – бел. *паручнік* ‘офицерское звание, которое следует за званием подпоручика’ [7, Т. 4, 61], *Пушкари* (5) – бел. уст. *пушкар* ‘артиллерист’ [7, Т. 4, 528], *Пушкаришки*. Закрепление названий разнообразных воинских званий в основах названий населенных пунктов обусловливается причинами исторического характера. Так, согласно историческим данным, в середине XVI в. на восточных окраинах Великого Княжества Литовского было особенно много крестьян-слуг, несших военную службу [6, 151].

Приведенные ойконимы могут мотивироваться как коллективным названием людей по профессии и роду деятельности, так и соответствующими именами-прозвищами, которые фиксируют памятники белорусской письменности XVI–XVII вв. [1]. На возможность формирования подобных образований на основе коллективного названия людей указывают исторические данные. Так, В.П. Лемтюгова отмечает, что в период Великого Княжества Литовского ремесленники «выделялись в отдельные дворы (службы) и поселения» [5, 59], на которые впоследствии переходили коллективные названия жителей по роду деятельности. В пользу отантропонимного происхождения ойконимов свидетельствуют форманты *-ово*, *-ево*, *-ёво*, *-щина*, *-овщина*, *-евщина*, *-ино*, *-овка*, *-ишки*, *-ёнки*, *-енки*, *-евичи, -цы*: *Бондарево*, *Бондарцы*, *Гончаровка*, *Гончарово* (2), *Дегтярёво*, *Жерносеково*, *Ковалёнки*, *Ковалевичи*, *Ковалевщина* (7), *Кравченки*, *Кушнеровка* – бел. *кушнер* ‘ремесленник, который изготавливает шкуры на шубу и шьет из шубы’ [7, Т. 2, 765], *Писарщина*, *Столяровщина*, *Ткачёво*, *Фурманишки*, *Ярыгино* – рус. *ярыга* ‘низший служитель полиции для рассылки, прислуги и исполнения разных приказаний’ [4, Т. 4, 679] и др.

По справедливому замечанию В.М. Генкина [2, 45], наиболее распространенными на территории региона являются ойконимы, сформированные на базе лексемы *коваль* (бел. ‘рабочий, мастер, который занимается ковкой металла’ [7, Т. 2, 571]), которые насчитывают 8 единиц, или 9% от общего количества топонимов данной группы: *Ковалевичи*, *Ковалевщина* (7), *Ковалёво* (6), *Ковалёвцы*, *Ковалёнки*, *Ковали* (10), *Ковалишки*, *Ковальки* (3). К данной группе наименований следует причислить также ойконимы *Кузнецово* и *Кузнецовка*, мотивированные русским названием данной профессии. Следует отметить, что топоним *Кузнецовка,* зафиксированный в Витебском районе Витебской области, возник в 1964 г. в результате переименования населенного пункта. Ойконимы же, созданные искусственным путем, не отражают реальных признаков поселения и, следовательно, не могут указывать на род деятельности жителей населенного пункта. Приведенные топонимы отмечаются практи-

чески на всей территории Белорусского Поозерья, за исключением юго-восточной части региона. В настоящее время отсутствуют названия, мотивированные лексемой *коваль*, в Бешенковичском, Докшицком, Дубровенском, Оршанском, Толочинском и Чашникском районах Витебской области, что не исключает возможности их существования в пределах данных районов в прошлом. Так, в «Словаре названий населенных пунктов Витебской области» Е.Н. Рапановича оним *Ковалевщина* фиксируется также в Бешенковичском районе Витебской области. Очевидно, что профессия кузнеца была одной из наиболее востребованных на белорусских землях.

Социальные отношения находят отражение в ойконимах, сформированных на базе названий людей по сословным признакам. Особенности социальной дифференциации феодального общества фиксируются в основах следующих ойконимных единиц: *Бояpово* – бел. ист. *баярын* ‘родовитый дворянин, крупный помещик’ [7, Т. 1, 355], *Боярщина* – бел. ист. *баяршчына* ‘вотчина боярина’ [7, Т. 1, 355], *Бояры* (9), *Владычино* (2) – ст.-бел. *владыка* ‘владыка (о высшем духовном сане)’ [3, Вып. 4, 13]; *Капланы* – ст.-бел. *каплан* ‘католический священник’ [3, Вып. 14, 269], *Княжицы* – ст.-бел. *князь* ‘властитель, хозяин’ [3, Вып. 15, 158], *Княжица, Княжино, Князи, Князёво, Пановка* – бел. *пан* ‘владелец поместья, помещик’, ‘человек, который пользуется властью по отношению к зависимым от него людям’ [7, Т. 3, 658]; *Холоповщина* – бел. *халоп* ‘крепостной, зависимый крестьянин’ [7, Т. 5, 173]. Приведенные названия поселений могут мотивироваться как непосредственно лексемами *боярин, владыка, каплан, князь, пан, холоп*, так и соответствующими прозвищами и фамилиями. На факт формирования ойконимов *Бояpово, Боярщина, Владычино* (2), *Княжино, Князёво, Пановка, Холоповщина* на базе соответствующих апеллятивов указывают форманты *-ово/-ёво, -щина/-овщина, -ино, -овка*, имеющие посессивное значение и маркирующие принадлежность поселений лицам, названным лексемами *боярин, владыка, князь, пан, холоп*.

Таким образом, ойконимы Белорусского Поозерья, отражающие профессиональную деятельность и социальные отношения, представляют собой немногочисленную, но весьма интересную как в историческом, так и в лингвистическом аспектах группу. Основы подобных топонимов содержат информацию о специфике производственной сферы и социального устройства феодальной эпохи. Большинство же названий данной группы соотносятся с апеллятивами, являющимися в современных русском и белорусском языках историзмами, что свидетельствует о большой лингвистической ценности данного языкового материала.

Литература

1. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія 2 : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.

2. Генкин, В. М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья : учеб.-метод. пособие / В. М. Генкин. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2009. – 115 с.

3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад. рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983–1998. – Вып. 2–17.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1–4.

5. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць : навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.

6. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Акадэмія навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.

7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.

8. Янушкевіч, С. А. Уласныя назвы паселішчаў заходняй Гродзеншчыны : аўтарэф. дыс. … канд. філал. Навук : 10.02.01 / С. А. Янушкевіч ; Гродз. дзярж. ун-т. – Мінск, 1998. – 20 с.

Источники

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць : нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова ; пад рэд. В. П. Лемцюговай. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 668 с.

2. Рапановіч, Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я. Н. Рапановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.

Н.С. Ганцовская
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
e-mail: gantsovsky_n@mail.ru

УДК 181.161.1

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ ГОВОРОВ КОСТРОМСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ (междуречье Костромы и Унжи)

Ключевые слова: *Костромское Заволжье, междуречье Костромы и Унжи, Костромской акающий остров, низина, болото.*

Объектом рассмотрения заявленной темы в данной статье являются географические номинации (обозначение низменных мест) и связанные с ними однокоренные наименования иных тематических групп пространства Междуречья Костромы и Унжи, где значительную по протяжённости площадь занимает компактная территория Костромского акающего острова. Задача данной статьи – определить номинативные качества, структурно-семантические и функциональные особенности рассматриваемой лексики как показатель места анализируемых говоров в диалектном членении русского языка.

N.S. Gantsovskaya
Nekrasov Kostroma State University

GEOGRAPHICAL NAMES OF THE NORTHWEST OF KOSTROMA REGION AND THEIR REFLECTION IN THE DICTIONARY OF DIALECTS OF THE KOSTROMA TRANSVOLGA (interfluve of the Kostroma and the Unzha)

Key words: *geographical names, the Kostroma Transvolga, interfluve of the Kostroma and the Volga, Kostroma akayushchy island, lowland, swamp.*

The article deals with announced in the topic geographical nominations (designation of low-lying places) and connected with them related names of other subject groups of the interfluve of the Kostroma and the Unzha space, where the compact territory of Kostroma akayushchy island occupies an extensive area. The objective of this article is to determine nominative qualities, structural, semantic and functional peculiarities of the dealt vocabulary as the indicator of the place of the analysed dialects in the dialect division of Russian language.

Территория современной Костромской области расположена по левую (Заволжье) и правую (Приволжье) сторону р. Волги. Причём большая часть её находится в Заволжье и лежит в бассейнах трёх больших притоков р. Волги: Костромы, Унжи и Ветлуги. Наряду с хорошо развитой речной сетью на территории области имеется целый ряд замкнутых естественных водоёмов в виде различной величины озёр. Самыми большими озёрами в области являются Галичское и Чухломское [4, 23–28].

Объектом рассмотрения в данной статье являются географические номинации той части пространства Костромского Заволжья, которая расположена в Междуречье Костромы и Унжи и где значительную по протяжённости площадь занимает компактная территория Костромского акающего острова (КАО). Последняя включает в себя говоры Солигаличского, за исключением селений по реке Совеге на границе с Вологодской областью, целиком Чухломского, части Буйского, Галичского, Парфеньевского и Кологривского районов.

Специфика уникального Костромского акающего острова, как известно, заключается в том, что его говоры являются среднерусскими, смешанными, с севернорусской основой и южнорусским наслоением. В своей монографии и ряде публикаций мы исследовали в лингвогеографическом плане различные тематические группы лексики КАО и установили почти полное господство на сегодняшний день севернорусской по происхождению лексики на этой территории [2]. Здесь же подобную задачу мы ставим по отношению к географической терминологии и однокоренным наименованиям на

их основе, всей обширной территории междуречья Костромы и Унжи, включающей как акающие, так и окающие говоры, которые по классификации Г.Г. Мельниченко находятся в шестой лексической зоне на территории Владимиро-Суздальского княжества и являются однородными по составу и происхождению [8]. На их основе, как известно, формируется топоономастикон любой местности, и их можно рассматривать как ономастическую периферию. Наше исследование опирается на материалы Словаря говоров Костромского Заволжья (междуречье Костромы и Унжи) Н.С. Ганцовской (47 п. л.), находящегося в печати в изд-ве «Просвещение» (г. Москва).

Географические названия и образования на их основе являются активной и наиболее устойчивой составляющей говоров, в силу чего могут служить ареальными маркёрами, показателями их глотто- и этногенеза, а также и более позднего демогенезиса. В большинстве своём они, имея общерусское распространение и праславянское происхождение, обеспечивают связь с другими диалектными системами, тем самым сохраняя единство общенационального языка и говоров Славии. Вместе с тем, обладая определённой спецификой в составе и объёме инвентаря географических номинаций и их словообразовательном и функционально-семантическом потенциале, ареальных связях, они могут свидетельствовать о месте данного языкового идиома в диалектном членении русского языка и шире – Славии.

Представим географические номинации и однокоренные образования от них (в данной статье только пониженных форм рельефа) Междуречья Костромы и Унжи на указанном нами материале в виде широких тематических групп с пересекающимися функционально-семантические полями внутри них, к исследованию которых может быть применён одновременно и ономасиологический, и семасиологический подход. Они номинируют планарные ландшафтные объекты, связанные с обозначением болот, и образуют однокоренное гнездо со словами, включающими флористические и фаунистические элементы значения, способные, наряду с другими признаками, дать опосредованное обозначение данной формы рельефа: **боло′твина, боло′тина, боло′тник, боло′тники, болотня′к, болотя′нка**; – различного рода, точечные и планарные, объекты, углубления почвы и водоёмов: **бакла′чина, ба′лка, бездо′нка, боча′г, бочажи′стое место, буера′к, бе′режное ухо, бузу′н, враг, вра′жина, вы′манья, вьюн, вязу′чее болото, глуби′нка, ендова′, зажо′ра, зажо′ринка, зы′бочный, зыбь, исто′к, калу′га, калу′жа, калу′жина, колдоба′нь, коло′дчик, ко′пань, кочкова′тик, кочкова′тое болото, лог, лощи′на, лы′вина, лы′винка, ля′га, ляд, ля′да, ляди′на, мша′ра, музга′, озери′нко, око′шко, ило′вина, я′ма**; Ранее топонимика костромского культурного ландшафта, основывающаяся на географических названиях, в широком масштабе территории всей Костромской области на материале живых говоров и произведений писателей детально рассматривались Г.Д. Негановой (напр., см. [8]), а географические названия-апеллятивы и микротопонимы в говорах Костромской области, образованные на их основе, Е.В. Цветковой [15].

Приведённые выше названия как бы конкретизируют и уточняют свидетельства географов о ландшафтных особенностях костромского края: по качеству рельефа он принадлежит к равнинным, изобилует болотами (они занимают 60% его территории) с редкими возвышенностями. «Возвышенности эти народ называет горами, потому что не знает настоящих гор» [5, 408]. Различные виды растительности костромского края под влиянием климатических и почвенных условий образуют отдельные естественные группировки: леса, луга, болота и др. Самой большой формацией на территории области являются леса. В поймах рек и озёр распространены аллювиальные почвы, наиболее плодородные, в пониженных местах они переходят в болотные и полуболотные [1, 12].

Самой объёмной группой лексики Междуречья Костромы и Унжи, связанной с обозначением пониженных форм рельефа, по составу, способам мотивации, номинативном разнообразии её членов и структурно-семантическим особенностям, является гнездо с корнем *болот-*, отражающее значимость для данной культурно-исторической зоны понятия ‘низкое, болотистое место’. Само слово **боло′то,** высокочастотное в говорах данной местности и вершинное в гнезде, но отсутствующее в нашем словаре, поскольку последний построен по принципу словаря дифференцированного типа, может считаться ядерным в ряду слов с этим корнем как наиболее выразительное

и цельное по географической семантике. Слова **боло´твина** в 1 значении (*Разве можно в экой-то болотвине строить?* Чухл. (Ножкино) и **боло'тина** (*Болотина-то у нас – это высыхающее озеро.* Галич. (Курьяново) значит то же, что и слово **боло′то** и **боло′тина** в литературном языке [14, 105]. Близко к ядерному и 2 значение ‘лужа, грязь’ слова **боло´твина**: *Хоть бы доску бросили – такая-то болотвина коло дому.* Буйск. (Елегино). Контекст выявляет тонкие нюансы в значениях слов **боло´твина** и **боло′тина** в зависимости от географии их распространения в регионе. Если они употребляются вблизи Галичского и Чухломского озёр с широкой заболочённой полосой вокруг, то в них активизируется сема ‘низкое место с влажной, непросыхающей почвой’, если далеко, то у них появляются дополнительные семы – ‘обширное низменное пространство, где на возвышенных местах может расти лес’ или же ‘небольшое заболоченное место, подобное грязной луже’. В одном из вятских говоров В.Г. Долгушев выявил подобное употребление слова **боло′тина**: в значении ‘лужа’, а также ‘лес, растущий на болоте’ [3, 328, 195].

Ряд лексем со значением ‘болото’ представлено словами с корнями *зыбь- и топь*: **Зыбь**, ж. Болото. *За лесом нет деревни, там одна зыбь.* Буйск. (Ликурга); *На топях-то огромный болотняк растет.* Чухл. (Мазаево). Прилагательное **зы′бочный** в сочетании с лексемой **боло′то** акцентирует внимание на глубине последнего, смертельной для человека, и имеет значение ‘топкое место’, в атрибутивном же комплексе **зы′бочная дорога** нейтрализуется значение ‘топкое место’ и остаётся значение ‘неровного, неудобного места передвижения, но неопасного для жизни’: **Зы′бочный**. 1. Зыбкий, топкий (о болоте, местности). *Аккуратно идите, там болото зыбочное, не утоните.* Солиг. (Куземино). Слову з**ы′бочный** в составном наименовании данного региона для обозначения одного и того же денотата соответствует слово в вятских говорах с этим же корнем, но иным суффиксальным средством – **зы′бельный** (зы′бельное место), там же суффикс *-ель* оформляет и предметные номинации *зыбелица, зыбелище, зыбельник* [3, 330].

Значения ‘низкое место’ и ‘влажность, мокрота’ являются необходимыми составляющими семемы ‘боло′то’. Они реализуются и в лексеме **подпа′рыши** в нашем словаре, которую можно считать синонимом слова боло′то: «Низкое влажное место, где растут грибы. *Сухары-то у нас встречаются только на подпарышах*. Солиг. (Твердислево)». Эти же семы характерны и для слова **мочажи′на**, зафиксированного в словаре А.В. Крюкова в матвеевском говоре Парфеньевского района, значение которого дополнительно подчёркнуто ядерной семой ‘бессточное место’, характеризующее всякое болотистое место любых размеров, местоположения и степени влажности [6, 150].

Относительно небольшое по размерам (скорее точечное, чем планарное) пониженное место, наполненное влагой, но иного локуса: не в лесу, а на дороге или в населённом пункте, в парфеньевских говорах называют **лы′вой** («лужа вообще») [6, 140], **калужей, калу′жиной** («большая лужа»), **калы′вой, калы′виной** («большая непросыхающая лужа» [6, 115]. В наших материалах **лы′ва** многозначно: в солигаличских, буйских, галичских говорах слово отмечено в значении ‘лужа около жилья или на дороге’. То же значение имеют и слова к**алу′жа** и к**алу′жина.** В чухломских говорах **лы′вой** называют или большую лужу типа озерца (*Утки вон в лыве плавают.* Чухл. (Коровье) или же низину, сырое заболоченное место (*Через лыву без сапог не перейдёте.* Чухл. (Серапиха). *Он сегодня коров в лыве пасёт, там трава хорошая.* Чухл. (Судай). Специфической чертой говоров в районе Галицкого озера является использования слова **лы′ва** в переносном значении для обозначения удобрения из озера, сапропеля.

Лы´вина в галичских, буйских и солигаличских говорах обозначает глубокую лужу, чаще всего в форме глубокой колеи на дороге, залитой водой (*Колёса-то до самого верху в лывине тонут.* Буйск., л**ы´винка** же номинирует небольшую влажную полянку в лесу. **Калу′га** в буйских говорах – ‘стоячая вода в низине’ (*На том лугу не пройдёшь, калуга одна.* Буйск. (Куребрино). Подобное значение наблюдается у этого слова в вятских говорах: «КАЛУГА. Топь, болото. Куда ты пошёл, там калуга! Сн.» [9, 19].

Флористический элемент **болотня´к** ‘лес, растущий на болоте’ (*На топях-то огромный болотняк растет.* Чухл. (Мазаево), географическая сема которого усиливается за счёт соотнесения со словом **топь** ‘глубокое болото’ в иллюстративном дискурсе словарной статьи, относится к периферии, но довольно близкой к ядру рассматриваемого поля. В вятских говорах, по наблюдени-

ям В.Г. Долгушева, значение ‘лес, растущий на болоте’ «манифестируется… лексемами *болотник, боло′тняк, (боло′тняк), шохра′ (шо′хра, со′гра, со′хра)*, наиболее употребительной из которых является лексема *шохра′* и её фонематические и акцентологические варианты» [3, 47]. В материалах нашего словаря лексема *шохра′* отсутствует, но, по свидетельству А.В. Крюкова, она имеется в матвеевском акающем говоре Междуречья Костромы и Унжи: «ШохрА – нестроевой бросовый лес и угодья его произрастания. См. Чёрный лес, ешинник, соры [6, 302]. Наконец, также из материалов словаря А.В. Крюкова, к списку лексем, обозначающих объекты мира растений с корнем **болот-** надо добавить наименование миконима **боло′товик**, обозначающего гриб-моховик [6, 38]. Все эти наименования, как говорят географы, обозначают сообщества (ассоциации) болота и лесной растительности. К фаунистическим периферийным элементам поля названий низменного ландшафта можно отнести слова **болотя´нка** ‘болотная ящерица’ (*Болотянку-то ни за что не поймаешь, она, бывает, хвост оторвёт, а сама убежит.* Чухлома) и **боло´тник**, обозначающий ‘мифический персонаж на болоте’ (*Из этого болота только болотник и выведет.* Буйск. (Ильино). Элемент крайней периферии поля ’болото’ артефакт **боло´тники ‘**непромокаемые сапоги с очень высокими голенищами’, широкого употребления во всех говорах Междуречья, хотя и принадлежит к «обувному» коду и косвенно соотносится с понятием ‘человек’, но благодаря общему корню достаточно определённо смыкается с полем географически низменного кода ‘боло′то’.

В повсеместно распространённых в говорах Междуречья Костромы и Унжи слове **боча´г** и составном наименовании **бочажи′стое место** географическая сема ‘глубокое место’ варьируется, указывая, благодаря контексту, на местонахождение локуса: в болоте, реке, любом водоёме, овраге, обрастая добавочными созначениями, указывающими на ценностные для человека качества этого элемента культурного ландшафта. **Боча´г**, м. 1. Глубокое место в реке, озере, омут. *Раньше мы на бочаги купаться ходили.* Галич. (Чёлсма). 2. Водоём со стоячей водой, бывшая часть реки. *Весной много бочагов в овраге.* Буйск. (Ликурга). **Бочажи´стый.** Изобилующий бочагами. *Там места сырые, бочажистые.* Галич. (Лопарево). Вблизи села Матвеева Парфеньевского района, по свидетельству А.В. Кострова, **бочаг′ом** называли ‘небольшой омуток в ручье’ [6, 40]. Слово **глуби′нка** манифестирует то же значение, что и **боча´г**, но по отношению к иному локусу – Галичскому озеру: **Глуби'нка**, *ж.* Глубокое место в озере. *Туда никто не ходит (на лодке), потому что там глубинка.* Галич. (Рыбная слобода). Там же слово **вы′манья** обозначает прорубь во льду озера для ловли рыбы, а одна из прорубей, откуда вытаскивается невод, называется **бе′режное ухо.** Глубокое место в реке может быть обозначено словом **я′ма** (*Рыбу-то на яме ловил?* Чухл. (Панкратово), трясина в болоте – **бузу′н**, провал в реке – **зажо′ра**, **зажо′рина**, опасный для жизни, засасывающий человека провал в реке **вьюн** и провал в болоте – **око′шко,** небольшое озерцо на болоте – **бакла′чина,** гиблое место в трясине – **бездо′нка. Ля′га, ляд, ля′да** и **ляди′на, лядо′чек** могут обозначать в говорах междуречья как болотистое, низкое место в лесу, так и непроходимое место в болоте, а в переносном значении словом **ляди′на** могут назвать и лужу у дома, и пролитую воду в помещении.

Словом **музга′** в галичских говорах номинируется значительное углубление, яма с водой, используемая как колодец: *Воды нонче таскать не надо: Павел в огороде музгу вырыл.* Галич. (Степаново). Таково же, как и в последнем случае, значение слова **колдоба′нь** в буйских говорах: **«Колдоба′нь**, ж. Яма. *Новую колдобань надо под колодец копать.* Буйск. (Ильино)». Слова **исто′к (**‘родник’), **ко′пань (**‘яма с водой, выкопанная в земле**), коло′дчик** (‘родник, ключ’) также можно определить в эту группу точечных обозначений пониженного рельефа местности.

Низкое место, по форме напоминающее выемку, являющееся значением слова **ендова′**, может обозначать не только относительно ровное место, пригодное для сельскохозяйственных работ, но и заболоченное: *Посылают боронить, бывало, бригадир кричит: «На ендову поедете!».* Галич. (Туровское).

Слова **ба′лка, враг, вра′жина, буера´к** ‘овраг’номинируют низину линейного характера разного формата, как сухую, так и заполненную водой (*Балки-то у нас неглубокие, да их и не очень много. Вокруг Оглоблина буераков много*. Солиг. (Оглоблино). В матвеевском говоре **буера′к** отличается от слова овраг по нескольким параметрам значения: размерам – это, собственно, не овраг, а небольшое углубление в почве с особенностями конфигурации – длинные впадины; по

локальным чертам и условиям образования – «промоины на полях и дорогах»: «БУЕРаКИ (БУЕРаК) – длинные небольшие узкие впадины, промоины на полях и дорогах, начала растущих оврагов» [6, 42]. Надо думать, что и в остальных случаях на территории Междуречья буераки обозначают особый тип оврагов извилистой конфигурации, которые образуются от весенних потоков воды и расположены на покатой местности, возможно, в виде рытвины на дороге. С этим значением ‘рытвина, ухаб, ложбина’, и также в парфеньевских говорах Костромской области (наряду с говорами Антроповского и Костромского районов) и ряде ярославских, слово **буера′к,** по данным Ярославского областного словаря, почти так же частотно, как и в первом значении ‘овраг’ [16, 28]. В костромских и ярославских говорах слово не образует гнезда, если не считать единичного употребления глагола **буера′шить** ‘приводить в беспорядок’ (*Смотри, не буерашь половики*) в говоре Любимского района Ярославской области [Там же]. И хотя Словарь русских народных говоров [13, 251], фиксирует слово в вологодских (по данным Словаря говоров Русского Севера оно функционирует в формах **барла′к, барлаву′жина, барлалу′жина** и др. [10, 64–65], вятских, ярославских и др. севернорусских говорах, в том числе уральских и сибирских, оно более характерно для южнорусских говоров, имеется и в Подмосковье. Видимо, эта лексема имеет поздний демогенезис, и, возможно, была занесена в Костромское Заволжье московскими дворянами, получившими после событий Смутного времени от Михаила Романова земли черносошных крестьян Чухломского и Солигаличского уездов. То же, как кажется, можно сказать и относительно слова **ба′лка.** Имеются определённые сомнения в исконности для севернорусских говоров слова **музга′.** Оно функционирует в орловских говорах в том же значении, что и в галичских: «яма, заполненная водой», а также со значением «грязь, слякоть» [12, 153–154], в донских говорах Волгоградской области **музга′** обозначает ‘небольшое заболоченное озеро, образующееся в пойменных лугах после половодья, разлива реки или же это ‘сырая низменность’ [11, 377–378]. Как кажется, гапакс **музга′** в материалах нашего Словаря в костромских говорах – случайное и позднее явление.

В целом же привлечённые для анализа географические номинации и их однокоренные производные демонстрируют особенности севернорусского, достаточно давнего глоттогенеза и этногенеза как на территории КАО, в акающих говорах, так и вне его, в окающих говорах Междуречья Костромы и Унжи. Даже будучи широко известными во многих русских говорах, в зависимости от многих причин, большей частью экстралингвистического характера, они в определённом локусе всегда приобретают особые семантические оттенки, становятся «семантическими диалектизмами» не только по отношению к литературному языку, но и к иным диалектам.

Литература

1. Владимирский, Н. Костромская область : ист.-эконом. очерк / Н. Владимирский. – Кострома : Костром. кн. изд-во, 1959. – 355 с.
2. Ганцовская, Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова : проблемы типологии / Н С. Ганцовская. – СПб. : Наука; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 226 с.
3. Долгушев, В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономасиологическом аспектах : моногр. / В. Г. Долгушев. – М. : МПГУ, 2006. – 415 с.
4. Ерёмин, Г. Природа Костромской области / Г. Ерёмин. – Кострома : Костр. обл. гос. изд-во, 1947. – 74 с.
5. Костромская губерния // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Репринт. изд. 1890 г. – М. : Терра, 1991. – Т. 31 – С. 408–413.
6. Крюков, А. В. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. – Кострома : Фабрика сувениров, 2015. – 308 с.
7. Мельниченко, Г. Г. Лингвистические карты: приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (территориальное распространение, семантика и словообразование) / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1974. – 94 с.
8. Неганова, Г. Д. Названия низменных мест Костромского Заволжья в живой народной речи и в произведениях костромских писателей / Г. Д. Неганова // Вестн. Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2012. – Т. 18, № 3. – С. 80–82.
9. Областной словарь вятских говоров / под ред. З. В. Сметаниной. – Киров : ВятГГУ, 2008. – Вып. 5. – 230 с.

10. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2001. – Т. 1 : А–В. – 252 с.

11. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград : ВГИПК РО, 2007. – Вып. 3 : К–Н. – 516 с.

12. Словарь орловских говоров (Л, М) / науч. ред. Т. В. Бахвалова. – Орёл : ОГПИ, 1994. – 168 с.

13. Словарь русских народных говоров / АН СССР. – Л. : Наука, 1968. – Вып. 3. – 360 с.

14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2 изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 698 с.

15. Цветкова, Е. В. Географический термин бочаг в костромской топонимии / Е. В. Цветкова // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 3. – С. 76–79; Цветкова, Е. В. Географический термин *низина* в костромской микротопонимии / Е.В. Цветкова // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества») : материалы V междунар. конф. по истор. географии, Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 1. – С. 223–227.

16. Ярославский областной словарь / редкол.: Г. Г. Мельниченко (науч. ред.). – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1982. – Вып. 2. – 58 с.

В.М. Генкин
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vgenkin@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ОЙКОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ И СМОЛЕНЩИНЫ

Ключевые слова: *ойконим, ландшафт, ландшафтный ойконим, топонимная система, пространство, лингвокультурологический подход, языковая картина мира.*

Статья посвящена ойконимии двух соседних регионов – Витебской области Республики Беларусь и Смоленской области Российской Федерации. Объектом непосредственного рассмотрения выступает группа названий, в которых прямо или косвенно отражена идея пространства. Целью анализа является установление пространственных и иных ландшафтных приоритетов, что важно для воссоздания языковой картины мира.

V.M. Genkin
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

SPACE MARKS IN THE OIKONYMY OF THE VITEBSK AND SMOLENSK REGIONS

Key words: *oikonym, landscape, landscape oikonym, toponymic system, space, linguistic and cultural approach, language picture of the world.*

The article is devoted to the oikonymy of the two neighboring regions such as the Vitebsk region of Belarus and the Smolensk region of the Russian Federation. The object of the study is a group of names representing directly or indirectly the idea of space. The purpose of the analysis is to establish the spatial and other landscape priorities to reconstitute the linguistic picture of the world.

Топонимия любого региона формируется в условиях определенного природного ландшафта, который прямо или косвенно влияет на характер не только отдельных названий, но и топонимной системы в целом. До того периода, когда номинация географических объектов начала осуществляться на основе преобладающего антропоцентрического взгляда на окружающий мир и ключевую роль стали, соответственно, играть антропотопонимы, основной массив топонимов составляли названия, «привязанные» к реальным, в первую очередь природным, объектам. На этот факт неоднократно указывали исследователи: «По-видимому, названия этой группы появились

раньше других и были, вероятно, первыми топонимами. В современной Белоруссии названия этой группы составляют около 23,5% общего числа названий поселений, но по материалам Актовых книг видно, что в XVI в. их число составляло примерно 35–40%» [1, 91].

Изучение ландшафтных вообще и пространственных в частности названий актуально не только для самой топонимики, но и в целом для современной лингвистики, которая, уходя от рассмотрения слова как сугубо структурной единицы языка, все чаще обращается к выявлению идеи номинации, отражающей особенности сознания носителя языка. Выбирая пространственные ориентиры, человек тем самым подчеркивает важность тех или иных объектов в своей жизни, расставляет определенные приоритеты и, выражаясь языком лингвокультурологии, «означивает» пространство. М.В. Головидова отмечает по этому поводу: «В процессе языкового означивания ландшафтного пространства смыкаются концептуальная картина мира и языковая, поэтому теоретическое решение проблемы языковой интерпретации ландшафтных представлений связано с обсуждением двух проблем: как воздействуют на языковое отображение 1) снятые образы ландшафтной реальности и концепты, представляющие её в общей картине мира; 2) сама система языка» [2, 141].

Таким образом, анализ названий, связанных с пространственными представлениями жителей региона (регионов) и отражающими специфику их взгляда на окружающее, будет способствовать реконструкции языковой картины мира, которая представляет собой эксплицитное или имплицитное выражение в языке результатов когнитивной деятельности носителей этого языка.

Объектом нашего непосредственного внимания стали пространственные названия, закрепившиеся в ойконимии двух соседних областей – Витебской (Республика Беларусь) и Смоленской (Российская Федерация). Возникшие на территории древних поселений кривичей, эти регионы не просто являются соседями, они имеют много общего как в природных условиях и ландшафте, так и в истории, культуре, языке, что обусловило, естественно, значительное сходство топонимных систем, в которых ландшафтные элементы традиционно играют важную роль. По нашему предположению, которое основано, в том числе, и на предыдущих исследованиях ойконимного материала двух регионов, пространственные приоритеты их жителей будут характеризоваться значительной степенью схожести. Заметим попутно, что мы сознательно не ставили целью сравнивать количественные показатели разных типов названий, так как существует явный дисбаланс между числом населенных пунктов Витебской (более шести с половиной тысяч) и Смоленской (менее двух тысяч) областей. Источниками сбора материала послужили топонимические словари Витебской области [3; 4] и карта Смоленской области [5]. Примеры смоленской микротопонимии приводятся по книге Н.А. Максимчук «Шумячское Порубежье в именах и названиях» [6].

Переходя непосредственно к анализу материала, мы полагаем необходимым уточнить терминологический аппарат. В современной ономастике используется термин *ландшафтный топоним*, который в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской определяется как «топоним, называющий любой объект ландшафта (макро- или микро-)» [7, 129]. Мы далее будем употреблять термин *ландшафтный* ***ойконим*** для обозначения названий, прямо или косвенно указывающих на любой объект ландшафта, например *Высокое*, *Гора*, *Болотники*, *Заречье* и т.п. При этом само слово «ландшафт» (от немецкого *land*– земля + *schaft*– суффикс, выражающий значение взаимосвязи) понимается в его географическом смысле: географический ландшафт – это однородная по происхождению и развитию территория с присущими ей природными ресурсами. К ландшафту относятся рельеф местности, а также природные и созданные человеком объекты. Последнее уточнение важно с учетом того, что лексема *ландшафт*, активно употребляемая в качестве термина в современных гуманитарных дисциплинах, расширила свои значения и продолжает приобретать новые дефиниции.

«Пространственные» ойконимы можно рассматривать в качестве разновидности ландшафтных названий. Они являются фрагментами наивной картины мира, показывающими, как человек «видит» окружающую его территорию, как оценивает ее и ориентируется в ней.

Совершенно очевидно, что с прагматической точки зрения наиболее значимым ориентиром пространства будут хорошо заметные уже издали объекты, которые, благодаря особенностям ландшафта, расположены выше других. Значительная часть Витебской области расположена на равнин-

ных и низинных территориях: в первую очередь, это Полоцкая низменность, заходящая на территорию Латвии и Литвы и имеющая протяженность с юго-запада на северо-восток до 200 километров, а севера на юг от 40 до 80. Кроме нее следует отметить Лучесскую низину (протяженность с севера на юг около 50, с запада на восток 50-60 км), Чашникскую и Шумилинскую равнины. Моренные возвышенности и гряды (Городокская, Витебская и Оршанская) размещаются, в основном, по окраинам области. Смоленская область расположена в центральной части Восточно-Европейской (Русской) равнины. Бóльшую часть области занимает Смоленско -Московская возвышенность, на северо-западе располагается Прибалтийская низменность, на юге Приднепровская низменность.

Равнинно-низинные формы ландшафта делают любые, даже не самые значимые по высоте возвышенности, например холмы или небольшие горы (горки), важным ориентирующим элементом. Идея вертикального направления, связанная с понятием возвышенности, так или иначе отражена в целом ряде витебских и смоленских ойконимов:

– *Братняя Гора*, *Валóва Гора*, *Верхнее Кривино*, *Высочаны* (2 населенных пункта), *Высокая*, *Высокое*, *Высокая Гора*, *Высокий Городец*, *Высокие*, *Высоты*, *Верховье* (4), *Гора* (4), *Горная Веревойша*, *Горные Жуки*, *Горные Ходцы*, *Гороватка* (2), *Гороватки* (2), *Горовые* (13), *Горовые Поршни*, *Горане* (2), *Горани* (4), *Горушка*, *Горки* (9), *Козьи Горки*, *Красная Гора*, *Красная Горка* (2), *Малые Пышногоры*, *Тёплая Гора*, *Ясная Гора*, *Холм*, *Холмы* и др. (Витебская обл.);

– *Верхнеднепровский*, *Верхнее Ольгово*, *Верхние Моховичи*, *Верхние Немыкари*, *Верховье*(3), *Высокий Борок*, *Высокий Холм*, *Высоково*, *Высокое* (6), *Вышегор*, *Горки* (5), *Десногорск*, *Загор*, *Загорская*, *Загорье*, *Красная Горка*, *Красный Холм* (2), *Холм Путятов*, *Холм* (5), *Холмец*, *Холм-Жирковский*, *Холмы* (2), *Холмянка* и др. (Смоленская обл.).

Попутно нужно заметить, что географические названия, попадая в ойконимию, приобретают свою специфику и их значение может не совпадать с общеупотребительным. Так, например, в результате топонимизации лексемы *Горка* и *Горки* обозначают уже не саму возвышенность, а поселение на горке.

Наряду с возвышенными рельефными формами языковое сознание жителей регионов фиксирует через ойконимию и низинные формы:

– *Нижние Морозы*, *Нижнее Кривино*, *Нижнее Фомино*, *Нижняя Веревойша*, *Низкоборье*, *Низкий Городец*, *Низкие*, *Низы* и др. (Витебская);

– *Нижнее Дуброво*, *Нижнее Хоронево*, *Нижнее Хотяково*, *Нижнее Шерьково*, *Нижние Луги*, *Нижняя Жарь* (Смоленская).

Среди приведенных примеров можно выделить группу составных и сложных названий, отличительной особенностью которых является наличие пар с оппозиционными отношениями: *Высокий Городец – Низкий Городец*, *Верхние Морозы – Нижние Морозы*, *Верхнее Кривино – Нижнее Кривино*.

Реже встречаются ойконимы, в которых отразилась идея пространственного взгляда, связанная с определением близости и дальности нахождения именуемого объекта: *Ближняя Буда*, *Дальняя Буда*, *Близница*, *Далецкие*, *Далёкое*, *Далёкое Чурилово*, *Далёкие* (Витебская обл.) Учитывая тот факт, что в современной смоленской ойконимии такого рода названия не сохранились, проиллюстрируем идею примерами из микротопонимии: *Дальний* (участок в 32 гектара у деревни Яченье), *Дальний ров* (ров в удалении от деревни Иванов Стан), *Дальний луг* (луг под деревней Галеевка, за Средним лугом, на правом берегу Соженки), *Дальний хутор* (посёлок в домов в полукилометре к западу от деревни Дорошковка) [7, 81].

На территории Витебщины отмечен единичный пример оппозиции составных названий с атрибутивными компонентами, указывающими на географическое направление: *Северное Гнездилово* и *Южное Гнездилово*. Мы не берем во внимание искусственные названия *Восточная* и *Южная*, появившиеся в советскую эпоху.

Вообще ландшафтные ойконимы достаточно разнообразны с семантической и структурной точек зрения: к элементам ландшафта относятся водные, лесные и многие другие природные и созданные человеком объекты, которые играют, помимо прочего, роль ориентира. Рамки одной

статьи не позволяют рассмотреть все разновидности ойконимов, связанных с идеей пространственной ориентации, поэтому мы остановимся еще на одной группе названий – ойконимах, номинативная идея которых состоит в том, что именуемый населенный пункт характеризуется по его местоположению относительно других, очевидно значимых для номинатора, ландшафтных объектах. Здесь выделяется подгруппа названий префиксально-суффиксального образования со следующими словообразовательными типами:

1) ***За- + -je*** (наиболее продуктивный тип с наибольшим числом и разнообразием ойконимообразующих основ, а также с высокой степенью повторяемости названий):

– *За́болотье* (10), *Заболо́тье* (10), *За́борье* (3), *Забо́рье* (17), *За́полье*, *Запо́лье* (10), *Зазерье* (2), *Заозерье* (13), *Забелье* (5), *Загатье* (3), *Загорье* (4), *Задорожье* (3), *Залесье* (16), *Замосточье* (4), *Замошье* (24), *Запрудье* (8), *Замостье, Новое Заозерье, Зарачье* (от белорусского потамонима *Рака*), *Разъезд Замошье* и т.п. (Витебская обл.);

–… *Заболотье, Заборье* (6), *Загорье*, *Замошье* (8), *Заполье*, *Запрудье*, *Заречье* (2), *Засижье* и др. (Смоленская обл.).

С семантической точки зрения сюда логично добавить и ойконимы, образованные по другим моделям с префиксальным компонентом ***за-***: такие названия указывают на местонахождение населенного пункта за другим объектом: *Заозерцы* (2), *Заблотишки*, *Забалотинка*, *Замхово*, *Замхи*, *Замшаны, Замшино* и т.п.

2) ***По- + -je***:

–… *Подберезье* (2), *Повятье*, *Подгрядье*, *Подозерье*, *Поулье* (2), *Двор Поулье*, *Подвинье* (2), *Поречье*, *Полесье* (3), *Понизье*, *Понизовье*, *Поснудье, Поречье* (9) и т.д. (Витебская обл.);

–… *Поречье*, *Понизовье* (Смоленская обл.).

3) ***Под- + -je***:

– *Подозерье*, *Поддубье*, *Полесье*, *Подмошье*, *Подсвилье* и др. (Витебская обл.)

– ойконимы *Подберезье* (2), *Подмошье* (Смоленская обл.).

4) ***при+ -je***:

– *Придворье*, *Придвинье*, *Приднепровье*, *Придорожье*, *Прилесье* (Витебская обл.);

– *Пригорье*, *Приселье* (2) (Смоленская обл.).

Другие модели представлены единичными примерами и фиксируются, в основном, на территории Витебской области: *Межлесье*, *Межречье* (***меж + -je***), *Надозерье*, *Надбережье* (***над + -je***), *Узречье*, *ДворУзречье* (***уз + -je***) и т.д.

Как видно из приведенных примеров, наиболее актуальными объектами-ориентирами для жителей регионов являются:

– болота, заболоченные участки и места перехода через них (*Заболотье*, *Заболотье*, *Замошье*, *Загатье, Подмошье*);

– возвышенности (*Загорье*, *Пригорье*);

– водные объекты, пришедшие в ойконимию в виде нарицательных (*Зазерье*, *Заозерье, Запрудье*, *Надозерье*, *Подозерье*, *Поречье*) и собственных названий: *Задвинье*, *Повятье, Подвинье, Поулье, Приднепровье* (соответственно, от потамонимов *Двина*, *Вята, Ула*, *Днепр*), *Поснудье* (от лимнонима *Снуды*) и т.п.; данная группа ойконимов особенно широко представлена на карте Витебской области;

– обрабатываемые земельные участки (*Заполье*);

– названия путей сообщения, переправ и т.п. (*Задорожье*, *Замостье*, *Замосточье, Придорожье*);

– лесные массивы (*Залесье*, *Заборье*, *Подберезье*, *Поддубье*, *Полесье*, *Прилесье*).

Префиксальные названия со схожей семантикой встречаются редко и образуются от лимнонимов (*Подмуйса* ← *Муйса*, *Завечалье* ← *Вечалье*, *Подъязно* ← *Язно*) или потамонимов (*Заволынка* ← *Волынка*, *Заоболь* ← *Оболь*, *Погребенка* ← *Гребенка*).

Семантически близки к рассмотренным примерам некоторые ойконимы адъективного типа и составные названия с атрибутивным компонентом, выраженным именем прилагательным соответствующего значения:

– ….*Белоозёрный, Боровая, Боровое* (3), *Боровская, Боровые* (6), *Горовые* (15), *Дорожная*, *Дубовое* (5), *Дубравское*, *Загорное, Залесная, Заозёрная* (2), *Зарецкие* (2), *Заречная, Заречная Слобода, Заречное Подберезье, Лесная, Лесной, Набережный, Надозёрная, Озёрная, Подгорные, Подисенные Черемушники* (от потамонима *Дисна*) *Придорожный, Приозёрная, Речные* (Витебская обл.);

– ….*Верхнеднепровский*, *Днепровское*, *Загорская*, *Лесное*, *Лесной*, *Озерный*, *Погорное*, *Приднепровская* (Смоленская обл.).

Анализ показывает, что идея пространства активно представлена в ойконимии обоих регионов и в целом пространственные приоритеты витеблян и смолян можно считать схожими. Витебщина характеризуется большим числом и разнообразием ойконимов, мотивированных гидронимами и нарицательными названиями водных объектов, что объясняется естественным фактором – значительным количеством самих водных объектов на территории региона, где только озер насчитывается более двух тысяч.

Литература

1. Жучкевич, В. А. Общая топонимика : учеб. пособие / В. А. Жучкевич. – 3-е изд., перераб. – Минск : Выш.шк., 1980. – 288 с.

2. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.

3. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь : Віцебская вобласць : нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 668, [1] с.

4. Генкін, У. М. Слоўнік адтапанімных дэрыватаў Віцебшчыны / У. М. Генкін. – Віцебск : Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2005. – 235 с.

5. Смоленск. Смоленская область. Автомобильная карта. – Москва : Министерство экономического развития РФ. Федеральная служба государственной регистрации кадастра. – 2010 г.

6. Максимчук, Н. А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Часть 1 : Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю / Н. А. Максимчук. – Смоленск : Изд-во «Маджента», 2012. – 280 с.

7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2- изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.

М.Л. Дорофеенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mari008@mail.ru

УДК 811.161.1’373.211(476.5)

ТОПОМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ВИКОНИМИИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *виконимы, урбанонимы, ойконимы, коды культуры, топоморфный код культуры, специфика реализации.*

В статье устанавливается специфика реализации топоморфного кода культуры в виконимии Белорусского Поозерья. Осуществляется обзор научных трудов, посвященных изучению как апеллятивного, так и онимного материала в контексте кодов культуры. Установлены группы названий, эксплицирующих топоморфный код культуры. Определено, что преобладание виконимов откомонимного происхождения может быть обусловлено мифологическим контекстом. По результатам нашего исследования виконимии и с учетом данных, полученных белорусскими учеными при изучении урбанонимии и ойконимии сквозь призму кодов культуры, установлено, что реализация топоморфного кода культуры в системах внутрисельских, внутригородских названий и наименований населенных пунктов имеет свои особенности, проявляющиеся в несовпадении знаковых номинативных центров.

M.L. Dorofeenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

TOPOMORPHIC CODE OF CULTURE IN A VICONYMY OF THE BYELARUSSIAN POOZERYE: SPECIFICS OF REALIZATION

Key words: *viconyms, urbanonyms, oykonyms, codes of culture, topomorfphic code of culture, specifics of realization.*

In the article specifics of realization of a topomorphic code of culture in a viconymy of the Byelarussian Poozerye is established. The review of the scientific works devoted to studying of appellative and onym material in the context of codes of culture is carried out. Groups of names, which realize topomorphic code of culture are revealed. It is defined that prevalence of viconyms derived from komonyms can be caused by a mythological context. By results of our research of a viconymy and taking into account the data obtained by the Belarusian scientists when studying an urbanonymy and oykonymy through a prism of codes of culture it is established that realization of a topomorphic code of culture in systems of intra rural, intra city names and names of settlements has the features which are shown in discrepancy of the sign nominative centers.

Имена собственные тесно связаны с окружающей действительностью. В системе названий воплощаются национально-культурные и культурно-исторические сведения, а мир репрезентируется с позиций его видения человеком. Современный этап развития ономастики характеризуется повышенным вниманием к вопросам описания онимов с антропоцентрических позиций и отмечен активным интересом по отношению к региональным ономастическим единицам. Имена собственные являются носителями ценной этнографической и культурно-исторической информации, поэтому все большую актуальность приобретают исследования, осуществляемые в рамках этнолингвистического, когнитивного, лингвокультурологического, лингвострановедческого, лингвогеографического подходов.

В контексте лингвокультурологического аспекта актуальным является рассмотрение языковых явлений сквозь призму кодов культуры. Код – понятие, изначально использующееся в семиотике для раскрытия смысла сообщения и получившее распространение в лингвокультурологии. В белорусской мифологии код трактуется как «система обозначений для передачи, обработки и сохранения информации в форме концептуальных образований, как корпус знаков, определенный словарь и система отношений (синтаксис) …» [8, 557].

Цель настоящего исследования – установление специфики реализации топоморфного кода культуры в виконимии Белорусского Поозерья.

Объектом изучения явились виконимы Витебщины. В ходе исследования применялись дескриптивный, ареальный, сравнительно-сопоставительный методы.

Начало лингвокультурологическому пониманию кодов культуры положено в научных исследованиях Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.Н. Телия, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой. Существуют работы, посвященные реализации отдельных кодов: А.С. Самигуллина рассматривает пространственный код культуры и его смысловые проекции [9], В.А. Маслова исследует представление духовного кода в языке и культуре [5], числового кода в коммуникации (на примере лингвокультурного образа числа «семь») [4], Н.А. Устинова в этнолингвистическом аспекте анализирует пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья [11], Е.В. Капелюшник изучает проявление кулинарного кода культуры в семантике образных средств языка [3].

Код культуры представляет собой исторически сложившуюся ценностную знаковую систему, содержащую информацию о мире, и проявляется в процессах категоризации действительности. Различные фрагменты мира, среди которых и имена собственные, становятся основой кодов культуры, описывающих мир с позиций человека. Именно культурные коды отражают традиции нации, специфические черты определенной культуры, неотъемлемой частью которых являются онимы.

В начале XXI в. в контексте кодов культуры начинают изучаться и имена собственные. А.М. Мезенко, исследуя системы внутригородских наименований, определяет комплекс кодов, реализации которых служит урбанонимия [6; 7]: топоморфный, антропоморфный, физико-

географический, флористический (или ботанический), фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный, социальный, пространственный, духовный.

В 2007 г. появляется диссертационное исследование Е.И. Сьяновой «Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья)», по мнению которой, ономастический код – «совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых в контексте народной ономастики представлена (закодирована) культурная информация» [10, 10]. В системе ономастического кода, по мнению ученого, представлено три его вида: антропонимический, микротопонимический, зоонимический [10, 6]. Поскольку наше исследование посвящено сельским годонимам, составляющим часть топонимного пространства, назовем выделяемые ученым разновидности микротопонимического кода: геофизический (природно-ландшафтный), зооморфный, фитоморфный, локативный, антропоморфный, цветовой, темпоральный, историко-социальный и этноморфный, кванторный коды [10, 16–19].

В 2014 г. Т.Ю. Васильева устанавливает комплекс кодов культуры, свойственных ойконимии Белорусского Поозерья: антропоморфный, ландшафтный, временной, пространственный, растительный, духовный [2, 11–13]. По мнению ученого, ойконимы – хранители и экспликаторы передаваемого различными кодами культурного содержания, выявление которого позволяет определить специфику ойконимикона как фрагмента языковой картины мира [2, 7].

В виконимии Белорусского Поозерья топоморфный код культуры объективируется при помощи отапеллятивных и отонимных названий, указывающих на другой линейный или природный объекты, относительно которых происходит номинация.

Мы полагаем, что виконимы, экспонирующие информацию топоморфного кода культуры, могут рассматриваться в рамках оппозиции *«свой / чужой»*. При этом следует уточнить, что возможно различное понимание объема данной антонимической пары.

В широком понимании компонент *«свой»* объединяет виконимы, мотивированные наименованием другого линейного или природного объекта, расположенного в пределах поселения, онимы, восходящие к названиям населенного пункта, в котором размещен линейный объект, наименованиям другого поселения сельского типа.

В узком понимании компонент *«свой»* включает виконимы, мотивированные наименованием другого линейного или природного объекта, расположенного в пределах поселения, и онимы, восходящие к названию населенного пункта, в котором размещен линейный объект.

Придерживаясь первой точки зрения, считаем, что компонент *«свой»* в виконимии Белорусского Поозерья реализуют наименования, восходящие к 1) названию другого поселения сельского типа (агрогородка, деревни, поселка, хутора): *Барсеевская ул.* – дер. Мальково Лёзн. р-на, *Блошниковская ул.* – х. Новинки Глуб. р-на, *Газьбинская ул.* – дер. Мартыненки Гор. р-на, *Клевцовская ул.* – дер. Бояры Лёзн. р-на, *Уллъская ул.* – аг. Бочейково Беш. р-на;

2) названиям объектов, расположенных в пределах населенного пункта:

- архитектурных: *Леспромхозная ул.* – дер. Дымовщина Вт. р-на, *Музейная ул.* – дер. Ровное Поле Рос. р-на, *Усадебная ул.* – х. Малость Глуб. р-на;
- линейных: *Докшицкая ул.* и *Докшицкий пер.* – дер. Сороки Глуб. р-на, *Радужная ул.* и *Радужный пер.* – аг. Новоселье Шарк. р-на, *Слободская ул.* и *1-й, 2-й, 3-й Слободской пер.* – аг. Ляды Дубр. р-на, *Трудовая ул.* и *Трудовой пер.* – дер. Дачная Орш. р-на;

3) наименованию поселения, в котором размещен линейный объект: *Карасёвская ул.* – дер. Караси Глуб. р-на, *Репешская ул.* – дер. Репешки Пост. р-на, *Хорошковская ул.* – дер. Хорошки Докш. р-на.

Компонент *«чужой»* реализуют внутрисельские названия, образованные от наименований поселений городского типа: *Дисненская ул.* – аг. Кубличи Уш. р-на, *Езерищенская ул.* – дер. Хвошно Гор. р-на, *Сенненская ул.* – аг. Белая Липа Сен. р-на, *Шкловская ул.* – дер. Липки Орш. р-на.

Результаты исследования свидетельствуют о преобладании виконимов откомонимного происхождения, что может быть обусловлено мифологическим контекстом, согласно которому *деревня* – целостное знаковое пространство, транслирующее идею о *своем, освоенном* мире.

Наблюдается несовпадение символических знаковых центров в виконимии, урбанонимии и ойконимии. В первой системе лидируют отойконимные образования (*Ганышевская ул., Голбейская ул., Старосельская ул.*), во второй – отапеллятивные, сформированные на базе наименований архитектурных сооружений (*Академическая ул., Физкультурный пер., Аэродромная ул.*) [6, 101], в третьей – отгидронимные (*Вымно, Иказнь*) [1, 323].

По свидетельству А.М. Мезенко, в системе внутригородских названий объективации топоморфного кода культуры служат и урбанонимы, восходящие к наименованим других населенных пунктов, транспортные, торговые, культурные связи с которыми остаются важными для горожан (*Полоцкая ул., Смоленская ул.*), к названиям водных (*Двинская ул.*) или линейных (*Днепровский пер., Днепровский пр-д* (относительно *Днепровской улицы*)) объектов города [6, 101; 7, 389].

По данным Т.Ю. Васильевой, проанализировавшей ойконимию Белорусского Поозерья, экспликация информации топоморфного кода культуры осуществляется и при помощи единиц, образованных от названий населенных пунктов (*Борок, Кстовка, Пересловка*), культовых сооружений (*Богородицкое, Воскресенская, Спасское*) [1, 325–326].

Таким образом, в настоящее время приобретает актуальность лингвокультурологический аспект исследования имен собственных, что обусловлено содержанием в них богатейшей исторической, культурной, этнографической информации. Экспликация топоморфного кода культуры в виконимии Белорусского Поозерья имеет свою специфику. Так, в системе внутрисельских названий лидирующую позицию занимают откомонимные образования, подчеркивающие важность связи с населенным пунктом, наименование которого выступило мотивирующей основой. Для городских годонимов первостепенным является ценностное значение в первую очередь архитектурных сооружений, для ойконимов – водных объектов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

Список сокращений

Аг. – агрогородок, Беш. – Бешенковичский, Вт. – Витебский, Глуб. – Глубокский, Гор. – Городокский, дер. – деревня, Докш. – Докшицкий, Дубр. – Дубровенский, Лёзн. – Лёзненский, Орш. – Оршанский, пер. – переулок, Пост. – Поставский, пр-д – проезд, р-н – район, Рос. – Россонский, Сен. – Сенненский, Уш. – Ушачский, ул. – улица, х. – хутор, Шарк. – Шарковщинский.

Литература

1. Васильева, Т. Ю. Объективация топоморфногопкода культуры в системе названий населенных пунктов Белорусского Поозерья / Т. Ю. Васильева // Studia Wschodniosłowiańskie. – 2012. – Т. 12. – S. 321–328.

2. Васильева, Т. Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. Ю. Васильева ; НАН РБ Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. – Минск, 2014. – 23 с.

3. Капелюшник, Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Капелюшник ; Томск. политех. ун-т. – Томск, 2012. – 21 с.

4. Маслова, В. А. Числовой код в коммуникации : лингвокультурный обрар числа «семь» / В. А. Маслова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т.25 (64), № 1. Ч. 1. – С. 355–358.

5. Маслова, В. А. Духовный код и его представление в языке и культуре / В. А. Маслова // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVII (64) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14–15 марта 2012 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2012. – Т. 1. – С. 175–177.

6. Мезенка, Г. М. Коды культуры і ўрбананімія славян: падабенства і варыяцыі рэпрэзентацыі / Г. М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка : даклады беларускай дэлегацыі, XV Міжнар. з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. / НАН Беларусі. – Мінск, 2013. – С. 99–108.

7. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). – 2011. – №2. – Часть 1. – С. 388–392.

8. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.]; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

9. Самигуллина, А. С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции / А. С. Самигулина // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2007. – №1. – С. 82–87. Капелюшник, Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Капелюшник ; Томск. политех. ун-т. – Томск, 2012. – 21 с.

10. Сьянова, Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Сьянова ; Рос. гос. пед. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.

11. Устинова, Н. А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья : этнолингвистический аспект : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Устинова ; Томск. политех. ун-т. – Томск, 2011. – 21 с.

О.С. Евсеева
Смоленский государственный университет
e-mail: evseevolya@yandex.ru

УДК 81’373’21

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *Р У Д Н Я*

Ключевые слова: *топоним, топонимия, топонимическое пространство, топонимическая система.*

В настоящей статье обращается особое внимание на топоним Рудня. Данное географическое название отражает специфику ремесленной деятельности первопоселенцев в смоленско-витебском приграничье. Топоним Рудня содержат в себе ценные сведения лингвистического, исторического и культурологического характера, позволяющие выявить взаимосвязь двух славянских народов – русского и белорусского.

O.S. Evseeva
Smolensk state University

ON THE ETYMOLOGY OF THE TOPONYM *R U D N Y A*

Key words: *toponym, toponymy, toponymic space, toponymic system.*

This article focuses on the toponym Rudnya. This geographical name reflects the specifics of the craft activity of first settlers in Smolensk-Vitebsk frontier. The toponym Rudnya contain valuable information of the linguistic, historical and cultural character, allowing to identify the relationship of the two Slavic peoples – Russian and Belarusian.

Топонимия любого региона, т.е. совокупность географических названий какой-либо территории, – сложное явление, анализ которого представляет определенные трудности и предполагает различные пути исследования в зависимости от специфики материала и поставленных задач.

Топонимы как названия географических объектов являются носителями ценнейшей информации лингвистического, исторического и культурологического характера. Как пишет смоленский краевед Б.А. Махотин, «в кустарных промыслах Смоленщины, точно в зеркале, запечатлена многовековая жизнь народа с его богатыми хозяйственными традициями. Носителями этих традиций были деятельные и энергичные люди, народные умельцы не одного десятка поколений, которые оставили неизгладимый след в топонимии своего края» [3, 56]. Особый интерес для изучения представляют топонимы, отражающие специфику занятий первопоселенцев, т.е. тех людей, которые когда-то, в далеком прошлом, являлись основателями населенных пунктов.

Еще Е.Д. Поливанов, основоположник советской социолингвистики, который изучал причинные связи между социально-экономическими и языковыми явлениями, указывал на связь языка «не только с культурой как таковой, но и со всей совокупностью явлений экономического быта

данного коллектива…» [5, 177]. По мнению ученого, необходимо обращать внимание на отражение социально-экономических фактов в языке, и наиболее продуктивный путь – детальный анализ языковых единиц.

Как известно, ремесленная деятельность, т.е. работа по изготовлению каких-либо изделий кустарным способом, была широко распространена на территории Смоленщины в разные времена. Согласно данным энциклопедического издания «Смоленская область», на территории Смоленщины жили ремесленники 60-и специальностей [СОЭ, 438]. Отметим, что и на территории Витебщины, как свидетельствуют исторические источники, уже в середине XVI века зафиксировано не менее 40 ремесленных профессий [2, 114–117]. Большое количество антропонимов, производных от названий профессий, содержит «Словарь фамилий Смоленского края» И.А. Королевой [172–187]. Многие профессии, естественно, имели активное развитие на всей территории приграничья.

Самыми распространенными являются топонимы, образованные от названий ремесел, которые непосредственно связаны с географическими особенностями местности. На это обращают внимание археологи (в частности – известный российский археолог Е.А. Шмидт [6]), которые доказали, что более двух тысяч лет назад наши далекие предки умели из местных болотных руд выплавлять железо и делать металлические орудия труда.

Одной из наиболее интересных географических единиц является топоним *Рудня* Руднянского района Смоленской области, который расположен в приграничной с Республикой Беларусь полосе.

В названии районного города – *Рудня* – нашел отражение тот период в истории региона, когда на его территории значительного развития достигло рудное дело, в основном выплавка железа из местной болотной руды. *Руднями* назывались места, где происходила переработка такой руды.

Смысловое значение названия раскрывается в сопоставлении с западным *руда* – «кровь» [Даль 4, 108]: кровь и руда имеют сходство по цвету. Смоленский краевед Б.А. Махотин отмечает слово *рудный,* что означает «красный, красноватый» [3]. В словаре В.И. Даля оно дается со значением «кровавый»; «замаранный, грязный»; «к ископаемой руде относящийся» [Даль 4, 108]. Зафиксировано и прилагательное *рудой* со значением «рыжий, рыже-бурый»; «темно- и жарко-красный» с пометой «южное, западное» [Там же]. В Смоленских говорах и сегодня бытует слово *руда* – «кровь»; «грязь» [ССГ 9, 144].

В Региональном историческом словаре XVI–XVIII вв., созданном на базе памятников письменности Смоленщины, первое упоминание *рудни* датируется 1670 годом: *рудня (рудница)* – «домна, железоделательный завод». В деловой письменности встречаем также такой пример: «…да нас же сирот твоих на тои руднице целовалник и рудники заставляют работать всякую на себя работу» [РИС, 259]. Известно, что в древнерусском языке подобные заводы назывались словами *домница, домна, домня,* профессия *домник* «крестьянин, занимающийся домничным промыслом, т.е. изготовлением железа» [Сл. РЯ XI–XII вв. 4, 309].

Как видим, в XVII веке, когда активно начали формироваться нормы русского литературного языка, на основании сходства по цвету возникло профессиональное название *рудня* и профессия *рудник.* Приблизительно в это же время появились названия города и населенных пунктов.

Первые же упоминания о *Рудне* датируются примерно 1363 годом. Тогда название поселения упоминается как *Р**о**дня* (относительное прилагательное от слова *род*), что означало «плодородный, урожайный» (для сравнения: польское *rodny* с таким же значением) [3]. Но, нет сомнений, что городок возник намного раньше, так как он являлся важным пунктом известного пути «из варяг в греки». Этот путь соединял Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород между собой и с зарубежными городами. На данном участке путь шел из Днепра по реке Березина до *Рудни*, далее волоком в озеро Большая Рутавечь, через Переволочье, а из озера по реке Рутавечь в реки Касплю и Западную Двину.

Поселение принадлежало Смоленскому княжеству, и было завоевано князем Андреем Ольгердовичем Полоцким. С падением Смоленска в 1404 году *Рудня* оказалась в глубоком тылу польско-литовского государства. После освобождения Смоленска в начале XVI в населенный пункт надолго стал приграничным городом. По Андрусовскому перемирию 1667 года Смоленск

навсегда отошел к России, а Рудня попала под власть Польши. И лишь в 1919 году четыре белорусские волости, в том числе Руднянская, были включены в Смоленский уезд и стали частью России. На территории современной *Рудни* находится городище – укрепленная часть поселения в районе древних *руден*, как раньше называли места добычи железа из болотной руды.

Как видим, топоним *Рудня* отражает не только ремесленную деятельность жителей приграничной зоны, но и дает своеобразную историческую и хозяйственную характеристику смоленско-витебского приграничья.

Литература

1. Будаев, Д. И. Смоленская область (исторический очерк) / Д. И. Будаев // Смоленская область. Энциклопедия : в 2 т. – Смоленск : СГПУ, 2003. – Т. 2. – 624 с.

2. Генкин, В. М. Ойконимы Витебщины и Смоленщины, связанные с ремесленной деятельностью жителей / В. М. Генкин // Десятые Поливановские чтения. – Смоленск : Маджента, 2011. – С. 114–117.

3. Махотин, Б. А. К живым истокам / Б. А. Махотин. – Смоленск : Моск. рабочий. Смолен. отд-ние, 1989. – 127 с.

4. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев // Вести МГУ. – 1963. – № 3 – С. 14–23.

5. Поливанов, Е. Д Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.

6. Шмидт, Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области / Е. А. Шмидт. – М. : Московский рабочий, 1982. – Ч.1. – 189 с.

Источники и словари

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1995.

Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : 1974. – 448 с.

Евгеньева – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус.яз., 1981.

Королева, И. А. Словарь фамилий смоленского края / И. А. Королева. – Смоленск : СГПУ, 2006. – 368 с.

Носович, И. И. Словарь белорусского наречия / И. И. Носович. – СПб. : Наука, 1870. – 756 с.

РИС – Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. – Смоленск : СГПУ, 2000. – 367 с.

ССГ – Словарь смоленских говоров. – Вып. 9. – Смоленск : СГПУ, 1982. – 145 с.; Вып. 11. – Смоленск : СГПУ, 2005. – 180 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4. – 404 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – Т. 1. – М. : Прогресс, 1986. – 562 с.

Н.А. Ещенко
Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко
e-mail: nata.lubyst@gmail.com

УДК 81’373.2

НАЗВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТНОСТЕЙ КИЕВА: СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Ключевые слова: *микротопонимы, словообразование, суффиксы, происхождение, отличительный признак.*

В статье осуществляется исследование названий исторических местностей Киева в словообразовательном и семантическом аспектах. Определяются отличительные признаки, используемые в процессе образования микротопонимов. Осуществляется их классификация на основе семантических и количественных параметров. Выделяются словообразовательные модели и словообразовательные форманты микротопонимов. Устанавливаются наиболее частотные способы словообразования.

N.A. Yeshchenko
National Taras Shevchenko University of Kyiv

THE NAMES OF HISTORICAL PLACES OF KIEV: DERIVATION AND ORIGIN

Key words: *microtoponyms, derivation, suffixes, origin, distinctive feature.*

The article is devoted to the research of the names of historical places of Kiev in the aspects of derivation and origin. The distinctive features used in the ways of formation of microtoponyms are defined. Their classification is carried out on the basis of semantic and quantitative parameters. Derivation models and derivation formants are highlighted. The most frequent ways of derivation are studied.

Микротопонимика Киева, одного из древнейших восточнославянских городов, приоткрывает для исследователей мир восточнославянской топонимики. К изучению городской топонимики обращались Смолицкая Г.П., Суперанская А.В., Тер-Минасова С.Г., Горбаневский М.В. и др. Микротопонимику Киева исследовали Кудрицкий А.В., Ивакин Г.Ю., Тищенко К.Н. Поскольку географические названия (в нашем случае это названия исторических местностей Киева) возникают из нарицательных имен [1], которые с течением времени становятся устойчивыми, конкретизированными и индивидуализированными, то они несут в себе широкую информацию об истории города, его географических особенностях, национальном составе населения, социальной, экономической, культурной жизни.

В топонимах консервируются признаки, характерные для нарицательных названий на той стадии, когда они еще не стали собственными именами. Народ, замечая индивидуальное, дает название географическому объекту по характерному признаку, отличающему его от других объектов. Принципы отбора отличительных признаков, составляющих основу названия, зависят от физико-географических условий местности, характера хозяйственной деятельности и особенностей культуры людей [1].

Мурзаев Э.М. отмечает, что географические названия – «это отличная от других слов часть лексики, не несущая ощутимой смысловой нагрузки и отвечающая служебной задаче – обозначать географический объект» [4]. Наряду с индивидуализацией топоним приобретает типичную топонимическую форму, появляются характерные для географических названий суффиксы или другие словообразовательные форманты.

Словообразование киевских микротопонимов преимущественно суффиксально. В топонимическом употреблении обычно «окостенение» суффикса, неотделимо слившегося с окончанием – показателем грамматического рода и числа (*-ка, -щина*) или только грамматического числа (*-ки, -ны, -ри, -ичи*).

В названиях местностей Киева огромен вес форманта *-ка*. Вначале он, по мнению исследователей [5], выражал уменьшительность, производно-принадлежность, нес ощутимую окраску уничижительности (формы личных имен, особенно в XVI–XVIII вв.). Затем его функции формализовались, он стал лишь средством субстантивации, захватывая в дальнейшем самые различные значения, хотя не до конца утратил некоторый оттенок пренебрежительности: *Приорка, Татарка, Шулявка, Бессарабка, Соломенка, Воскресенка.* В форме *-овка, -евка: Борщаговка, Куренёвка, Лукьяновка, Русановка, Мышеловка, Чоколовка, Демеевка.* Встречается также формант *-ск: Печерск.*

Очень распространены названия местностей с формантами: *-ки, -ри, -ны: Теремки, Нивки, Липки, Грушки, Совки, Пьятихатки, Березняки, Лески, Осокорки, Позняки, Дегтяри, Жуляны, Галаганы.*

Одни из самых распространенных суффиксов киевской топонимии *-ов-(-ев-)* и *-ин-*. Они некогда служили основным средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. Эта историческая функция и сделала их господствующими в топонимии, когда распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования места – кому оно принадлежит. Если основа оканчивалась твердым согласным, к ней присоединялся суффикс *-ов- (Байково, Волейков)*, если мягким, то *-ев- (Китаев)*. Очень древен другой ряд

прилагательных с *-ов- (-ев-)*, но не притяжательных, а относительных: *Берестово, Пирогово, Куликово, Голосеев.*

По географическому распространению и исторической судьбе с *-ов-* совпадает суффикс *-ин-*, отличающийся только тем, что присоединялся к основам другой грамматической формы: *Святошин.*

Частотны названия местностей с суффиксом *-ец: Берковец, Сырец, Кудрявец, Звиринец.* Топонимы с формантом *-щина* чаще обозначали не точку, а площадь: *Церковщина, Паньковщина, Выгуровщина, Троещина.* Среди формантов, образовавших киевские топонимы, сначала означавшие не место, а жителей, преобладают *-ичи: Беличи, Новобеличи, Дорогожичи, Бортничи.* Встречаются форманты: *-ица (Дарница, Вырлица), -а, -я, -ия (Ширма, Быковня, Феофания).*

Достаточно продуктивны названия адъективного типа: *Корчеватое, Мостицкий, Отрадный, Жовтневое, Первомайский, Комсомольское.*

В киевской топонимии несравнимо реже используются префиксы, чем суффиксы: *Подол, Покол.* Префикс часто выступает в сотрудничестве с суффиксом: *Забайковье.* Можна выделить также безаффиксный способ словообразования: *Оболонь, Клов.*

К составным топонимам отнесём состоящие из двух или нескольких основ. Это – двухосновные топонимы: *Водопарк, Рембаза, Академгородок, Соцгород;* аббревиатуры: *ДВРЗ;* топонимы-словосочетания, к которым в основном принадлежат словосочетания типа «прилагательное + существительное»: *Софиевская Борщаговка, Ветряные Горы, Рыбальский остров, Батыева Гора, Протасов Яр, Черепанова Гора, Караваевы Дачи, Лысая Гора, Сапёрная Слободка, Багринова Гора, Никольская Слободка, Старая Дарница, Красный Хутор.* Обычно прилагательные характеризуют объект по антропологическому признаку, то есть по имени или фамилии владельца, по названию монастыря, который владел этими землями, по профессии жителей местности, по природным условиям или внешнему виду объекта.

При классификации по семантическому принципу названия исторических местностей Киева могут быть разделены на группы по смысловому значению образующих основ, по особенностям признаков, фиксированных в апеллятивах, из которых образовались топонимы.

1. Названия, возникшие на базе природных условий местности (рельефа, почвы, растительности, вод и т.д.). В их основе лежат признаки объекта, определяемые природными условиями. Признак местности переходит здесь на называемый объект. В названиях этой группы то один, то другой компонент природной среды выдвигается на первое место и бывает более обильным, чем другие компоненты.

1.1. Названия местностей Киева, данные по растительным ассоциациям и отдельным растениям: *Липки* – название от липовой аллеи, посаженной в середине XVIII века около Кловского дворца и вдоль современной Липской улицы; *Березняки* – название местности происходит от березняка, то есть берёзового леса; *Осокорки* – название происходит от осокорей, которые до сих пор растут возле местных озёр; *Берестово* – название от деревьев породы берест; *Сады* – название связано с расположенными в нижнем течении Днепра садово-дачными участками; *Лесной массив* — название местность получила в честь своего месторасположения; *Лески* — название пошло от небольших лесков, некогда произраставших здесь, и поля, местами покрытого редколесьем; *Корчеватое* — название от слова «корчи», которое обозначает выкорчеванные деревья; *Шулявка* — название от древнеславянского «шелвова борка» (низкорослый лесок с большим количеством лужаек), который упоминается в древнерусских летописях X–XI веков. Эта группа топонимов наиболее частотная, что свидетельствует о растительности как определяющем признаке местности.

1.2. Топонимы, характеризующие рельеф: *Печерск* – название по Печерскому монастырю (Киево-Печерская лавра), помещавшемуся вначале в пещерах (древнерусское – «печеры»); *Подол* – название из-за расположения у подножия киевских холмов на берегу Днепра; *Оболонь* – название родственно древнерусскому слову *болонь, болоние*, что означает «низменное поречье, покрытое травою», «ближайшая окружность города»; *Верхний Город* – историческая местность в центре Киева, расположенная на Киевских горах; *Ветряные Горы* – название от характера местности;

Нивки – название местности происходит от нивы, которая располагалась справа (при выезде из города) от Киево-Брестского (Брест-Литовского) шоссе; *Багринова Гора* – название, уподобляющее характер рельефа местности багру – шесту с железным крюком, которым цепляют улов; *Лысая Гора* – название горы обусловлено главным образом скудостью древесной растительности; *Ширма* – название обозначало чащи, вставшие перед путником «ширмой» – заслоном.

1.3. Названия, связанные с особенностями гидрографии: *Клов* – название происходит от слова «клов», что означает «вода», «влага», в древние времена тут протекал Кловский ручей, который впадал в реку Лыбедь; *Водопарк* – название местности объясняли тем, что здесь в сосновом лесу находились артезианские скважины.

1.4. Названия, сопоставимые с названиями животных: *Верхняя Теличка* — местность долгое время представляла собой пастбище, где выпасали крупный рогатый скот; *Куликово* — название происходит, вероятно, от большого количества куликов, которые водились в этой местности, что в своё время была заболочена; *Быковня* – название связано с быками, которые через болота перетаскивали повозками купеческий товар.

2. Названия местностей, возникшие на базе социальных и экономических явлений (этнический состав, трудовые навыки, благосостояние, транспортные пути, родственные связи и т.д.). В их основе лежат признаки объекта, взятые из области общественного производства и культуры. Здесь в законсервированном виде мы видим исторический процесс развития общественного производства.

2.1. Названия, характеризующие занятия населения и его производственные навыки: *Дегтяри* – название происходит от профессии ее поселенцев-ремесленников – дегтярей; *Бортничи* — название происходит от лесного пчеловодства, бывшего некогда основным промыслом здешних жителей; *Демеевка* — происходит от глагола «дмить» («демить»), то есть «вдувать, надувать, раздувать, дуть», посредством выдувания на здешнем заводе художественного стекла (основан в 1882 году) изготавливали хрустальные сосуды и прочие изделия; *Мышеловка* — название происходит от мельницы, где смешивали различные виды зерна; *Звериец* — во времена Киевской Руси здесь были густые леса, богатые дичью (зверем), тут любили охотиться киевские князья; *Приорка* — название произошло от настоятеля доминиканского монастыря – приора, который в 1634 году обьявил эти земли своими владениями.

2.2. Названия, характеризующие особенности построек: *Теремки* — название местности дал хутор Теремки, застройка которого была выполнена в виде небольших домиков-теремков; *Соломенка* — название от большого количества хат с соломенными кровлями, по другим данным название происходит от фуражного рынка, где, в частности, торговали соломой; *Куренёвка* — название связывают с казацкими куренями; *Мостицкий* —название происходит от деревянного покрытия, которым «мостились» улицы, проложенные в заболоченной местности.

2.3. Названия, повторяющие названия производства, хозяйства, предприятия, которое находилось на данной территории: *Виноградарь* – на месте Виноградаря в 1935 году было основано поселение под таким же названием, засаженное виноградниками; *Борщаговка* – так в конце XVII века в Киевской митрополии называли местности, выделяемые монастырям «на борщи», то есть поля и огородные хозяйства; *Рембаза* – название местности происходит от расположенных здесь предприятий по ремонту военной техники; *ДВРЗ* – название получил от Дарницкого вагоноремонтного завода; *Академгородок* – название получил в честь большого количества размещенных здесь научно-исследовательских институтов.

2.4. Названия, отображающие определённые исторические события: *Дарница* — версия происхождения названия – от слова «дар» – «подарок»: в Средние века, в этом месте находилась некая слобода или постоялый двор для встречи дорогих гостей Киевского князя, в то время было принято ехать навстречу гостям, встречать их с ценными подарками, оказывать всяческое содействие и сопровождать обратно в город; *Выдубичи* — во времена христианизации Руси в Днепр была сброшена деревянная статуя одного из языческих богов, толпы поклонников бежали по бе-

регу Днепра и кричали: «Выдыбай, боже, выдыбай», местность названа в честь места, где языческая статуя всплыла в первый раз; *Голосеево* — название «Голосеево», потому что при монголо-татарском нашествии здесь «голосили» женщины.

2.5. Названия, характеризующие транспортные пути: *Дорогожичи* – в X1–XIII веках тут находилось урочище, куда сходились пути из Вышгорода, Чернигова, Новгорода, Смоленска и других городов; *Добрый Путь* – существует предание, согласно которому в этой местности традиционно провожали чумаков в Крым, желая им доброго пути.

2.6. Названия, характеризующие национальный (или социальный) состав населения: *Татарка* – название местности происходит от нижегородских татар, преимущественно мыловаров и торговцев, которые поселились тут в 1860-х годах; *Бессарабка* – название от большого количества бродячих людей, которые селились тут в трущобах поблизости от Крутого спуска, эти люди получили у киевлян прозвище "бессарабы" ("басарабы"), по другой версии название происходит от переселенцев из Бессарабии (Молдавии) и юга Малороссии, которые торговали тут.

2.7. Названия, дающие оценку благосостоянию и обычаям населения: *Красный Хутор.*

3. Названия патронимические (данные по личным именам и фамилиям) составляют значительную часть микроторпонимов Киева. В их основе лежат антропонимы. Названия поселений особенно тесно связаны с личными именами людей. И те и другие относятся к классу имён собственных и как таковые имеют немало общих черт: *Святошин* – по самой распространённой версии Святошино названо в честь черниговского князя Святослава (в монашестве получившего имя Николай (Никола) Святоша), который владел этими землями; *Китаев* – по лаврскому преданию, основателем обители считают Блгв. Кн. Андрея Боголюбского, прозванного «Китаем»; *Лукьяновка* – название местности связано с Лукьяном Александровичем – подольским цехмейстером, который владел здесь крупными земельными участками; *Паньковщина* – название местности происходит от фамилии наместников киевских митрополитов Паньковичей (Панькевичей), управлявших этими землями в 1516–1577 годах; *Феофания* – название местности связано с первый киевским викарием епископом Феофаном (Шияновым), которому выделили здесь участок земли для благоустройства; *Русановка* – название по фамилии Саввы Русановича, который в XVI веке владел соседними землями; *Выгуровщина* – в 1607 году польский король Сигизмунд III подарил эту местность (вместе с поселением) киевскому городничему Станиславу Выгуре; *Берковец* – впервые упомянута в 1240 году как поселение Берков, которые принадлежали к Киево-Печерскому монастырю; *Караваевы Дачи* – часть этих земель с 1869 года принадлежала известному хирургу-офтальмологу, профессору В. Караваеву; *Батыева Гора* – считается, что во время монголо-татарского нашествия 1240 года на горе находился шатер хана Батыя; *Протасов Яр* – название происходит от имени землевладельцев этой местности Протасовых; *Черепанова Гора* – название возникло после 1815 года, когда киевским гражданским губернатором был Павел Сидорович Черепанов (тут находилась его усадьба); *Байково* – название местности происходит от фамилии генерал-майора Сергея Байкова, жившего в отставке на Печерске и купившего за рекой Лыбедь в 1831 году земельный участок с хутором Лыбедь (он и стал Байковым); *Галаганы* – название поселения возникло от фамилии его собственников, помещиков Галаганов.

4. Названия религиозного и культового характера: *Церковщина* – название свидетельствует о преобладании в этой местности церковных построек; *Троещина* – название местности восходит к названию одноимённого села Троещина, которое принадлежало с XVI века Троицкому больничному монастырю Киево-Печерской лавры; *Воскресенка* – эти земли в XVIII веке были подарены Воскресенской церкви.

5. Названия, отображающие особенности объекта: *Сырец* – название местность получила от реки Сырец, впадающей в Днепр, речка же названа была Сырцом, по-видимому, из-за качества воды (чистой, студеной), особенно в истоках; *Кудрявец* – название произошло от деревьев и зарослей кустарника, которые живописно «кудрявились» в этом бывшем предместье Киева; *Совки* – название дано речкой Совка и восходит к древнерусскому слову «совкий», что значит «юркий», «суетливый».

6. Названия мемориальные и символические. Такие названия увековечивают события или выдающихся людей, героев: *Жовтневое, Комсомольский массив, Село Шевченка, Первомайский, Победа.*

Таким образом, среди микротопонимов-названий исторических местностей Киева преобладают названия, связанные с природными условиями местности (растительностью, рельефом), с социальной и экономической жизнью города (занятиями населения, производством), с антропонимами (именами и фамилиями владельцев этих земель). Образованы киевские микротопонимы преимущественно суффиксальным способом. Наиболее частотные суффиксы: *-ка* (Бессарабка), *-ки* (Нивки), *-ри* (Дегтяри), *-ны* (Галаганы), *-ов-(-ев-)* (Пирогово), *-ин* (Святошин), *-ец* (Сырец), *-щина* (Троещина), *-ичи* (Беличи), *-ица* (Дарница), *-а, -я, -ия* (Феофания).

Литература

1. Жучкевич, В. А. Общая топонимика: учеб. пособие / В. А. Жучкевич. – Минск : Выш. школа, 1980. – 288 с.
2. Киев : энциклопедический справочник / под ред. А. В. Кудрицкого. – Изд. 3-е доп. – Киев, 1986. – 768 с.
3. Київ : історико-біографічний енциклопедичний довідник / Г. Ю. Івакін. – К. : Фенікс, 2007. – 1088 с.
4. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 384 с.
5. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 175 с.

А.В. Кавалёва
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: alena.kavaliova@gmx.de

УДК 811.161.3'373.21 (476)

ПЕРАЙМЕНАВАННЕ НАЗВАЎ НАСЕЛЕНЫХ ПУНКТАЎ ЯК ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ З'ЯВА

Ключавыя словы: *перайменаванне, айканімія, айконім, апелятыў, антрапонім, тапааснова, гісторыка-культурная назва.*

У артыкуле разглядаюцца перайменаванні назваў населеных пунктаў, якія страцілі свае папярэднія назвы ў выніку працэса дэнамінацыі XX стагоддзя. Вызначаны айконімы, утвораныя ад апелятываў з сімвалічным значэннем, выяўлены новыя адзінкі, матываваныя назвамі свят і памятных падзей акрэслена-га перыяду, засведчаны найменні, якія паходзяць ад фларыстычных апелятываў. Сярод новых айконімаў, якія ўзніклі ў савецкі час, таксама выяўлены перайменаванні, што сведчыць пра дэнамінацыю онімаў у кожны гістарычны перыяд.

A.V. Kavaliova
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

DENOMINATION OF THE PLACE NAMES AS A CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

Key words: *denomination, oikonimy, oikonym, appellative, anthroponym, toponymic stem, cultural and historical name.*

The article deals with the denomination of place names, which lost their names as a result of the denomination process in the XXth century. The oikonyms based on the appellatives with symbolic meaning are defined, the new place names motivated by the holiday names und memorial dates are revealed, the oikonyms, which originated from flora appellatives are defined. Among new place names, which appeared in the XXth century, there are also the denominated units, it proves that the denomination of the place names occurs in every historical period.

Айканімія пэўнай тэрыторыі вызначаецца сваёй традыцыйнасцю і ўстойлівасцю. Назвы паселішчаў змяшчаюць комплексную інфармацыю пра духоўную і матэрыяльную культуру пэўнага этнасу, з'яўляюцца своеасаблівымі помнікамі, якія сведчаць пра гісторыю паселішчаў. В.П. Неразнак выдзяляе ў назвах населеных пунктаў геаграфічную інфармацыю, якая ўтрымлівае пэўную прыкмету ландшафту, гістарычную інфармацыю, што ўказвае на сацыяльна-гістарычныя прычыны ўзнікнення тапоніма, моўную інфармацыю, якая раскрывае асаблівасці мовы народаў, што жылі на пэўнай тэрыторыі ў мінулым; гэта дазваляе лічыць гістарычныя тапонімы культурна-гістарычным помнікам духоўнай культуры народа [5, 61]. Гэтую ж думку працягвае і М.В. Гарбанеўскі, ён вылучае гісторыка-культурную біяграфію тапонімаў, якая ўтрымлівае такія інфармацыйныя блокі, як адрасны і структурна-словаўтваральны, этымалогію тапоніма, яго функцыянальна-стылістычныя асаблівасці, правільнае вымаўленне і напісанне [1]. А.В. Супяранская таксама прасочвае суаднесенасць тапонімаў з культурна-гістарычнымі традыцыямі пэўнага этнасу, сувязь эпохі з ідэалагічным напаўненнем. Яна вызначае, што на ўласныя імёны ўплывае і мода, якая ў тапанміі стварае канфлікт паміж гістарычнымі і новымі, часам штучнымі і стандартнымі адзінкамі, пры гэтым "перайменаванне аб'екта закрэслівае інфармацыю, якая заключана ў папярэдняй назве" [9, 43]. Асобныя паселішчы на працягу свайго існавання неаднаразова падвяргаюцца дэнамінацыі. У сувязі з гэтым узнікае паняцце "гісторыка-культурная назва". Існуе меркаванне, што гістарычным лічыцца любое імя незалежна ад велічыні аб'екта, імя, якое змяшчае "каштоўную гісторыка-культурную інфармацыю аб этапах развіцця і адлюстроўвае гістарычна значымыя праявы грамадскай, гаспадарчай, культурнай і моўнай дзейнасці народа" [4, 160].

У розныя гістарычныя адрэзкі айконімы змяняюцца ў залежнасці ад успрымання імені, уздзеяння сацыяльных і ідэалагічных фактараў. Змена намінацыі тапааб'ектаў засведчана са старажытнасці, перайменаванні назваў паселішчаў у розных краінах адбываліся ў кожны гістарычны перыяд. Дэнамінацыя найменняў у мінулыя стагоддзі мела на тэрыторыі сучаснай Беларусі эпізадычны характар: *Крутагор'е → Койданава → Дзяржынск, Ельск → Каралін → Мікалаеўск → Ельск*. У XX стагоддзі засведчана з'ява дэнамінацыі айконімаў Беларусі, якая адбывалася ў межах агульнай тэндэнцыі дэнамінацыі былога СССР. Змены ў айканіміконе на ўсходняй частцы тэрыторыі сучаснай Беларусі фіксуюцца ўжо ў 1917 годзе. У 30-я гады XX стагоддзя праходзіць першая хваля перайменаванняў: было заменена каля 180 найменняў. У 60-я гады XX стагоддзя пачалася наступная хваля дэнамінацыі: амаль 500 айконімаў страцілі свае папярэднія назвы. Усяго намі засведчана больш за 900 замен назваў паселішчаў.

Змены ў соцыуме, у палітычным ладзе адлюстроўваюцца, перш за ўсё, лексічным складам мовы. Кастрычніцкія падзеі 1917 года абумовілі з'яўленне ў лексіцы "саветызмаў", пад якімі разумеюцца словы і выразы, а таксама невербальныя знакі як "факты савецкай культуры", прычым саветызм з'яўляецца такім знакам, што не заўсёды змяшчае ідэалагічны кампанент (*калгас, працадзень, піянерважаты*) [8, 38–39]. Ідэалогія савецкага перыяду ўплывала на выбар тапаасновы. Значную групу сярод акрэсленых назваў паселішчаў XX стагоддзя ў беларускай айканіміі складаюць найменні, якія ўзыходзяць да апелятываў, што ўмоўна перадаюць абнаўленне жыцця, сімвалізуюць пачатак новай эпохі. Так, найменне *Перадавы*, што ў Краснапольскім раёне, да 1976 года мела назву *Залясок*. Яно матывавана лексемай *перадавы* (*перадавая*) 'які знаходзіцца наперадзе астатніх'. Страчаная назва-арыенцір *Залясок* паходзіць ад апелятыва *залясок* 'тое, што размешчана за лесам, па той бок лесу'. У Салігорскім раёне з 1964 года засведчана новае ўтварэнне *Рассвет*, што суадносіцца з рускамоўнай лексемай *рассвет* (беларускі адпаведнік *золак*) 'пачатак світання'. Папярэдняя назва паселішча *Замагілле* паходзіць ад апелятыва *замагілле* 'прастора за могілкамі'. Новы айконім *Першая Ступень* у Кармянскім раёне да 1951 года меў назву *Кажаны*. Назва паселішча ўзыходзіць да лексемы *ступень* 'этап у развіцці, здзяйсненні чаго-небудзь', атрыбутыўны кампанент *першая* ўказвае на яе перадавы, вядучы характар. Страчанае найменне ў форме множнага ліку *Кажаны* матывавана антрапонімам *Кажан*.

У айканіміі пазначанага перыяду засведчаны найменні, тапаасновы якіх суадносяцца з назвамі тагачасных свят. Новая назва паселішча *Акцябр* у Салігорскім раёне утворана ад апеляты-

ва з абстрактна-ідэалагічным значэннем *акцябр* або ад геартоніма *Акцябр* ‘Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя 1917 года, а таксама яе гадавіна 7 лістапада’, да 1964 года яна мела назву *Старчыцы*. Айконім *Старчыцы*, які вядомы з XVI стагоддзя, матываваны іменем-мянушкай *Старец, Старык*. У гэтым жа раёне з 1964 года засведчана найменне *Першамайск* з фіналлю *-ск*, што суадносіцца з назвай свята ўсіх працоўных Першае Мая. Страчаны айконім з патранімічным фармантам *-ічы Жываглодавічы* суадносіцца з антрапонімам **Жываглод*. Назва вядома з XVII стагоддзя ў Навагрудскім ваяводстве, паселішча было ў складзе маёнтка Вызна і належала князю Радзівілу [7, 561].

Айконімы, створаныя на падставе апелятываў, якія абазначаюць асаблівасці навакольнага асяроддзя, ландшафту, прыродных з’яў, не адносяцца да ідэалагічна афарбаваных айканімічных адзінак. Але такія назвы паселішчаў таксама шырока ўводзіліся ў нацыянальную айканімічную сістэму найчасцей для таго, каб замяніць традыцыйныя найменні, якія не адпавядалі ідэалагічным устаноўкам. З 1964 года ў Талачынскім і Міёрскім раёнах засведчаны назвы *Прылессе* і *Зялёны Лог*, якія матываваны геаграфічным тэрмінам *прылессе* і тэрмінам нізіннага рэльефу *лог* ‘шырокі і доўгі яр з адхоннымі схіламі’. Страчаныя назвы *Царковішча* і *Хахулькі* ўзыходзяць да лексемы *царкавішча* ‘месца, дзе стаіць ці стаяла царква’ і да ўласнага імя **Хахуль*.

Для тапаніміі савецкай эпохі стала характэрнай “звышпрадуктыўнасць трансанімізацыйнай адантрапанімічнай метафары”, а менавіта вялікая частотнасць айконімаў-прысвячэнняў, якія з’яўляюцца экстрасістэмнымі для ўсходнеславянскай айканіміі [2, 4]. Такія онімы сведчаць пра змену стэрэатыпаў ідэнтыфікацыі геаграфічных аб’ектаў у розныя гістарычныя перыяды. Мяркуецца, што ў падобных адзінках прасочваецца пераемнасць палітычнага рэгістру, што з’яўляецца важным пунктам у канцэпцыі новых тапонімаў XX стагоддзя: *Екацярынбург – Свярдлоўск* [6, 130]. У Баранавіцкім раёне з 1969 года засведчаны мемарыяльны айконім *Кабушкіна*, што ўзыходзіць да прозвішча мінскага героя-падпольшчыка І.К. Кабушкіна. Страчанае найменне з фармантам *-ава Торбалава* суадносіцца з антрапонімам *Торба*. Мемарыяльнае найменне ў гонар Героя Савецкага Саюза В.М. Усава на Гродзеншчыне фіксуецца з 1964 года. Раней яно мела назву *Вулька Доргунская*, што матывавана лексемай *воля* (*вуля*), якая з’яўляецца тоеснай паводле значэння да апелятыва *слабада*. Атрыбутыўны кампанент *Доргунская* ўтвораны ад айконіма *Доргунь*. Аднак ва ўрбананіміі Беларусі, як прасачыла Г.М. Мезенка, найменні ў гонар чыноўнікаў і дзяржаўных дзеячаў засведчаны ўжо з 70-х гадоў XIX стагоддзя [3, 16].

У 20–30-я гады XX стагоддзя ўзнікалі новыя найменні, але частка такіх айконімаў праіснавала толькі некалькі гадоў. Новыя паселішчы знаходзіліся каля пэўных вытворчых аб’ектаў, аднайменных калгасаў, указвалі на характар дзейнасці прадпрыемства, ад назвы якога яны ўтвораны шляхам трансанімізацыі. Але праз пэўны час яны таксама былі перайменаваны. У Калінкавіцкім раёне айконім *Камуна*, суадносны з назвай калгаса “*Парыжская Камуна*”, у 1937 года атрымаў сімвалічную назву *Авангард* (ад апелятыва *авангард*). На Гомельшчыне найменне *Пасёлак Гомельскай РТС* з 1965 года было заменена на назву з меліяратыўнай канатацыяй *Сонечны*. Засведчана дэнамінацыя айконімаў, што паходзілі ад апелятываў з сімвалічным значэннем, іх замянілі іншыя назвы, але таксама вытворныя ад лексем з сімвалічным значэннем: у Буда-Кашалёўскім раёне найменне *Чырвоны Сцяг*, матываванае спалучэннем *чырвоны сцяг*, у 1964 годзе атрымала сімвалічную назву *Факел* (ад апелятыва *факел*). Адзінка *Ударная* (Акцябрскі раён), якая паходзіла ад лексемы *ўдарная*, у 1932 годзе была заменена на абрэвіятурнае ўтварэнне *Рабкор*. У асобных выпадках выяўлена перайменаванне новай назвы на стылістычна нейтральнае найменне: у Маладзечанскім раёне айконім *Юбілейны*, што ўтвораны ад апелятыва *юбілейны*, у 1976 годзе быў заменены на назву *Сасновы Бор*. Назва *Акцябрская* ў Віцебскім раёне, суадносная з рускамоўнай лексемай *Акцябр*, у 1978 годзе была перайменавана на адзінку-арыенцір *Цэнтральны*. У Рагачоўскім раёне назва паселішча *Зорка* (ад ідэалагізаванай лексемы *зорка*) заменена на фларыстычнае ўтварэнне *Зялёная Рошча*, што ўзыходзіць да рускамоўнай лексемы *роща*.

Працэс перайменавання закрануў і адзінкі, якія ўзніклі пасля 1917 года, паколькі на пэўным этапе развіцця грамадства яны перасталі адпавядаць тагачасным уяўленням аб назватворчасці. Практычнае іх выкарыстанне, а таксама наступныя змены ў палітычным жыцці прывялі да дэнамінацыі

акрэсленых айконімаў. Іх перайменаванне было неабходным, але ў большасці выпадкаў замест такіх назваў паселішчаў зноў былі ўведзены ва ўжытак сімвалічныя найменні, мемарыяльныя айконімы, і толькі адзінкавыя назвы створаны ад фларыстычных апелятываў. Гэта сведчыць пра пэўную сістэмнасць перайменаванняў, а таксама пра працэс дэнамінацыі ў кожную гістарычную эпоху.

Літаратура

1. Горбаневский, М. В. Возрождение исторических топонимов на карте России / М. В. Горбаневский // История Фамилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.familii.ru/onomastika/toponimica/1164-toponimy. – Дата доступа : 10.03.2012.
2. Горбаневский, М. В. О феномене мемориальной топонимии в России XX–XXI веков (в контексте научных идей академика Д. С. Лихачева) / М. В. Горбаневский // Имя – Социум – Культура : материалы II Байкал. Междунар. ономаст. конф., Улан-Удэ, 4–6 сентября 2008 г. / Бурят. гос. ун-т ; редкол.: И. А. Дамбуев [и др.]. – Улан-Удэ, 2008. – С. 4–6.
3. Мезенка, Г. М. Адантрапанімныя урбанонімы: праблемы матывацыі (на прыкладзе урбананімікона г. Барысава) / Г. М. Мезенка // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мазыр, 22–23 красавіка 2010 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: В. В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2010. – С. 16–18.
4. Нерознак, В. П. Критерии и принципы наименований географических объектов / В. П. Нерознак // Исторические названия – памятники культуры : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., Москва, 17–20 апреля 1989 г. / Моск. фил. Геогр. о-ва СССР ; редкол.: Р. А. Агеева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1989. – С. 160–161.
5. Нерознак, В. П. Старый и новый именослов (о историко-культурной ценности имени собственного) / В. П. Нерознак // Исторические названия – памятники культуры : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., Москва, 17–20 апреля 1989 г. / Моск. фил. Геогр. о-ва СССР ; редкол.: Р. А. Агеева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1989. – С. 61–63.
6. Никитин, С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.21 / С. А. Никитин. – М., 2003. – 220 л.
7. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Салігорскага раёна / рэдкал.: Л. М. Драбовіч [і інш.]. – Мінск : Белта, 2004. – 576 с.
8. Пихурова, А. А. Судьба советизмов в русском языке конца XX–начала XXI века : на материале словарей и текстов : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Пихурова. – Саратов, 2005. – 217 л.
9. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

В.М. Калинкин
Донецкий национальный университет
Донецкий национальный медицинский университет
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 81’373.21:811.161

«ГОВОРЛИВЫЕ» ВОДЫ: ГИДРОНИМИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЖАНР ОТЧЁТА В ТРУДАХ Е.С. ОТИНА

Ключевые слова: *Бассейн Дона, гидронимия, каталог, ойконимия, топонимическая иррадиация.*

Освещены сформировавшиеся в трудах Е.С. Отина представления о каталоге гидронимов как методе исследования и жанре исчерпывающе полного описания онимии значительных рек от истоков до устья через представление именований различных гидрообъектов в реальной последовательности их появления в речной сети, генетически и ономасиологически связанных с гидронимией топонимов, прежде всего, ойконимов, возникших как результат контактных переносов или топонимической иррадиации. Показана ценность всестороннего диахронного и синхронного лингвистического описания всех выявленных в источниках вариантов гидронимов и их форм.

V.M. Kalinkin
Donetsk National University
Donetsk National Medical University

"TALKATIVE" WATER: HYDRONYMICAL CATALOGUE AS A METHOD OF RESEARCH AND REPORT GENRE IN THE WORKS BY E.S. OTIN

Key words: *catalogue, Don basin, hydronymia, oykonymia, toponymic irradiation.*

The paper highlights E.S. Otin's focuses on the hydronymical catalogue as a method of research and genre of full-rate proper name's description which includes total representation of big river's onymia when hydronyms have been represented in a real sequence from a source to a creek. Genetical and onomasiological connection between hydronyms and located next to hydronymical odjects toponyms (especially oykonyms sprang up as a result of contact transposition or toponymic irradiation) has been shown in aforementioned catalogue by E.S. Otin.

The author of the paper showed the importance of comprehensive diachronic and synchronistic linguistic description of all hydronyms and its variants which have been found.

Оценивая вклад Е.С. Отина в ономастику, понимаешь, что при всей многогранности учёного была в его творчестве сфера, в которой он чувствовал себя, "как рыба в воде". И была она именно "водная". Гидронимия стала и первой ономастической любовью, и последним, без преувеличения можно сказать, эпохальным отчётом. А между Кальмиусом и Доном пролегли и маршруты многочисленных полевых экспедиций, и долгие часы счастливых встреч с огромным количеством самых разнообразных географических карт, работа с которыми доставляла не только информацию, но и удовольствие (учёный был просто "влюблён" в топографию), и "сладкое" (определение Е.С.) собирательство фактов на протяжении десятилетий кропотливого труда. Всего один пример. В 1979 году, изучая ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Дона [1], для статьи уместившейся на двух десятках страниц Е.С. использовал в качестве источников информации Атлас Екатеринославского наместничества 1784 г. и десяток других карт различного назначения: Военно-топографическую карту Екатеринославской губернии, не имевшей указания на дату создания; Военно-топографическую карту Харьковской губернии 1862 г.; Геологическую карту Елецкого уезда Орловской губернии 1902 г; карту бассейна реки Маныча, 1903 г.; карту Воронежской губернии 1855 г.; карту "Ростовская область" 1972 г.; карту части России, лежащей около Чёрного и Азовского морей 1769 г.; примерную генеральную карту Новороссийской и Азовской губерний 1775 г., статистическую карту Воронежской губернии 1871 г. Кроме того, без вимания не остались «Материалы по истории русской картографии», отдельными выпусками, издававшиеся в Киеве в конце XIX – начале XX века. Не буду перечислять названия более чем 20 списков населённых мест Российской империи, прилегающих к бассейну Дона. Однако замечу, что список использованных для «Гидронимии Дона» карт насчитывает сотни единиц. Отмечу также, что уже тогда в полной мере Е.С. Отин использовал в исследованиях гидроними два каталога П.Л. Маштакова – список рек Днепровского бассейна (1913 г.) и список рек Донского бассейна (1934 г.), видел их достоинства и недостатки, а в собственных трудах стремился преодолеть последние. Учёный ясно представлял себе, что отсутствие в списках П.Л. Маштакова мелких и сезонных водотоков, названий озёр, стариц, болот, лиманов и др. серьёзно ограничивает представления о процессах топонимической иррадиации или контактных переносов не только в области собственно гидронимии, но и в генетически и ономасиологически связанной с гидронимами ойконимии.

Е.С. Отин не только принял, но и последовательно развивал мысль А.И. Соболевского, высказанную им в статье "Два слова о местных названиях", о необходимости не просто "иметь список названий Дона, от его верховьев до устья". А требование к лингвистической стороне списка сделал одним из важнейших принципов каталогизации: "Его следует составлять на основании как печатных источников, между прочим – карт, так и живого произношения названий, с употреблением буквы ё, где это нужно, с постановкой ударения, с указанием (где полезно) на грамматический род и т.п." [4, 4, 9]. В одной из всегда поучительных бесед во время работы нашего ономастического семинара

Е.С. Отин, не так уж часто баловавший “семинаристов” методологическими откровениями, высказался в том духе, что “язык земли” (топонимия) заговорит с исследователем во весь голос только после того как он научится вчитываться в тексты (прежде всего, древние) и вслушиваться в “говорливые” и переменчивые имена вод, в особенности, сезонных водотоков и ручьёв, включая названия “стоячих” – стариц, болот, лиманов. Их изменения в диахронии, варианты и дублеты в современном употреблении “консервируют в песке неспешного быта” подобные золоту бесценные крупицы исторических фактов. Представление материала для историко-этимологических исследований топонимии в широком временном диапазоне (от Начальной русской летописи до современных полевых записей) навсегда осталось одним из основных правил работы Е.С. Отина.

Отдавая дань собственно этимологическим исследованиям, Е.С. Отин предпочитал историко-этимологические разыскания. Его по-настоящему волновала жизнь собственных имён, характер онимогенеза, гидронимическая обусловленность референтных основ ойконимии и антрпонимии. Поэтому он внимательно следил за развитием “отрасли” ономатологии, связанной с каталогизацией гидронимии бассейнов больших рек. Поскольку в среде ономатологов часто поднимался вопрос о необходимости переиздания списков П.Л. Маштакова, Е.С. Отин высказался по этому поводу вполне однозначно: даже лучшее из его собраний гидронимической номенклатуры уже не может нас удовлетворить. При этом он высоко оценил фундаментальный труд Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки», однако признал неудобным принятый в каталоге “односторонний” порядок: сначала всех левых, а затем всех правых притоков Оки. По его мнению, такой способ представления гидрографической сети “разрывает” гидронимический континуум, разведённые гидронимии лево- и правобережья плохо стыкуются. А при номинации некоторых гидрообъектов (притоков, затонов, заливов, стариц, отмелей, кос, озёр) иногда важную роль играет взаимодействие названий одного берега с топонимией противоположного. Чтобы не затрудняться с обнаружением зачастую уже скрытых ономасиологических связей и отношений, Е.С. Отин принял решение о двустороннем “обабережном” представлении гидронимов бассейна Дона в их естественной последовательности – от истоков главной реки и её притоков до их устьев.

Из критических оценок имевшихся в науке результатов каталогизации гидронимикона бассейнов крупных рек и собственного опыта историко-этимологических разысканий постепенно рождалось у Е.С. Отина представление о том, что должен представлять собой каталог нового типа и каким образом необходимо проводить саму каталогизацию. В 2006 году учёный опубликовал статью, в которой изложил принципы составления каталогов нового типа с двумя, для наглядности, приложениями: «А. Участок реки Дон между его притоками – реками Сосна и Воронеж» (по П.Л. Маштакову) и «Б. Притоки Дона между устьями рек Быстрая Сосна и Воронеж в “Каталоге гидронимов бассейна реки Дон”» – (по Е.С. Отину) [2, 171–193]. Списку П.Л. Маштакова из 19 гидрообъектов [л. Студенец, л. Песковатец, п. Хмелинец, п. Каменка, л. Репец, п. Богатая Снова, (с притоками: п. Изубревка, л. Слепушка, п. Кобылья Снова) сл.оз. Сыроватное, п. Верейка, п. Трещевка, сл.оз. Полянское, п. Ведуга (с притоком п. Гончаров), п. Девица, (с притоком п. Яманча и впадающим в неё оврагом п.овр. Водяной) и л. Хохол] – 16 речек, 2 озёр и 1 оврага – Е.С. Отин противопоставил зафиксированные на этом же участке 186 гидрообъектов, “имена которых выступают в более чем трёхстах фонетических, морфологических, словообразовательных и графических вариантах и дублетных формах” [2, 166]. К этому времени (2006 год) список источников каталога уже превышал 500 позиций, а впереди были ещё 6 лет неустанного труда. Кроме разнообразных карт, о которых уже говорилось, учёный использовал данные диалектологических и топонимических экспедиций, анкетных опросов населения некоторых районов Верхнего, Среднего, Нижнего Дона и Придонья, земельных планов Генерального межевания России конца XVIII – начала XIX вв. К источникам пополнения материалов топонимических каталогов Е.С. Отин уверенно отнёс (правда, ограниченно) внутренние реконструкции уже утраченных названий или их форм. В каталог они вошли под “звёздочкой”, указывающей на реконструктивный характер онима.

В ходе исследования гидронимии Дона формулировались и оттачивались принципы каталогизации:

– максимальная полнота фактического материала, почерпнутого из исторических и современных источников;

– учёт сопутствующих гидронимам однокоренных или одноосновных названий других видов в общем топонимном пространстве (ойконимов, оронимов, дримонимов и др.) данной территории;

– точность локализации названия в гидрографической системе бассейна;

– подача всех зафиксированных источниками форм гидронимов и способов их графического выражения.

В 2011 и 2012 годах Е.С. Отин завершил работу и опубликовал два тома «Гидронимии Дона». Не берусь с абсолютной строгостью обозначить жанр этого труда. В названии – монография, в аннотациях – каталог. Можно и справочником называть, а можно и Документом. Можно назвать словарём, только с другим, не алфавитным, а “гнездовым” способом представления слов. Чтобы пользоваться книгой именно как словарём, Е.С. Отин подготовил алфавитный Указатель вариантов гидронимов. Главное в другом: эта книга содержит сведения обо всех водных объектах бассейна реки Дон от истоков до гирла, впадения Дона в Таганрогский залив Азовского моря, а также о названиях других территориально близких объектов, в которых учёному удалось обнаружить сходство в значениях следы топонимической иррадиаци.

Специалисты не только у нас, но и за рубежом, считают, что «Гидронимия Дона» Е.С. Отина является уникальным трудом, равного которому в мире в настоящее время нет и в ближайшем обозримом будущем не будет, а более полное описание топонимии бассейна Дона вряд ли создадут в нашем веке. А вот скромный автор монографии заявил: «Это та “эстафетная палочка”, которую мы передаём собирателям и исследователям топонимии бассейна реки Дон в России. Прежде всего им предстоит завершить дело, начатое более 70 лет назад П.Л. Маштаковым ибо, как замечательно сказал М. Вебер “быть превзойдённым в научном отношении – это не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не должны работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас”» [3, т.1, 569]. Замечу, что не “красного словца ради” процитировал эти слова Е.С. Отин. В качестве приложения к первому тому каталога учёный привёл описание 143 рукописных источников (дел) из Материалов фонда № 1356 Отдела фондов межевых учреждений в Российском государственном архиве древних актов, которые по причинам, не зависящим от составителя, использовать не удалось. По мнению Е.С. Отина, изучение этого бесценного материала и включение выявленных топонимических фактов, относящихся к бассейну реки Дон, позволит не просто пополнить осуществлённый труд, а значительно продвинуться в деле создания действительно полного каталога донской гидронимии. Важность этой работы была подтверждена на рабочей встрече членов Координационного совета Приграничного белорусско-российско-украинского университетского Косорциума 22.04.2008 в г. Донецке.

Дело Отина, по моему твёрдому убеждению, должно быть продолжено и доведено до логического завершения.

Литература

1. Отин, Е. С. Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Дона / Е. С. Отин // Проблемы восточнославянской топонимии. – М. : Наука, 1979. – С. 5–29.

2. Отин, Е. С. О принципах составления гидронимических каталогов нового типа: «Каталог гидронимов бассейна реки Дон» / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. С. Отин. – Вып. 10. – Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. – С. 163–203.

3. Отин, Е. С. Гидронимия Дона : монография в 2-х т. / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2011, 2012. – Т. 1 : Верхний и Средний Дон. – 2011. – 575 с.; Т. 2 : Нижний Дон. – 2012. – 792 с.

4. Соболевский, А. И. Два слова о местных названиях / А. И. Соболевский // Известия Воронежского краеведческого общества. – Воронеж, 1925. – № 4.

В.М. Касцючык
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: kostyuchikvm@gmail.com

УДК 81'373.21 (476.7)

МАТЫВАЦЫЙНЫЯ ТЫПЫ МІКРАТАПОНІМАЎ КОБРЫНШЧЫНЫ

Ключавыя словы: *мікратапонім, апелятыў, матывавальная аснова, антрапонім, тапаграфічны аб'ект.*

У артыкуле даследуюцца мікратапонімы Кобрынскага раёна Брэсцкай вобласці. Выдзяляюцца два асноўныя матывацыйныя тыпы: назвы апелятыўнага паходжання і назвы анамастачнага паходжання. Вылучаюцца асноўныя матывавальныя асновы, што выкарыстоўваюцца пры ўтварэнні мікратапонімаў. На аснове лексіка-семантычнага аналізу паказваецца разнастайнасць утваральных асноў, вызначаюцца ў складзе асноўных матывацыйных тыпаў асобныя групы, праводзіцца іх параўнальны аналіз, называюцца асаблівасці функцыянавання кожнай з іх у названым рэгіёне.

V.M. Kostyuchik
Brest State University named after A.S. Pushkin

MOTIVATIONAL MICROTOPONYMICAL TYPES OF KOBRIN REGION

Key words: *microtoponym, appellative, motivating base, anthroponym, topographic object.*

The article examines microtoponyms of Kobrin, Brest region. There are two main types of motivation: the names of appellative origin and onomastic origin. The author points out motivating bases used in the formation of microtoponyms. Based on lexical-semantic analysis the variety of principal forms is shown, the basic motivational types of separate groups are presented, their comparative analysis is carried out, the peculiarities of each region are mentioned in this article.

Значную групу мікратапонімаў Кобрыншчыны складаюць апелятыўныя, што паводле семантыкі ўтваральных асноў падзяляюцца на тры асноўныя групы: мікратапонімы, суадносныя з прыродна-геаграфічнай лексікай; мікратапонімы, матываваныя лексікай, што абазначае гаспадарчую дзейнасць чалавека; мікратапонімы, звязаныя паводле ўтварэння з лексікай, што абазначае сацыяльную прыналежнасць.

Лексічнымі асновамі мікратапонімаў, суадносных з прыродна-геаграфічнай лексікай, паслужылі: назвы, суадносныя з лексікай, што абазначае формы рэльефу; назвы, якія ўказваюць на якасць глебы; назвы, суадносныя з лексікай, што абазначае зараснікі і лясныя масівы; назвы, суадносныя з заафорнай лексікай; назвы, дадзеныя паводле прыкмет тапаграфічных аб'ектаў; назвы, якія ўказваюць на месцазнаходжанне аб'екта.

Вылучаюцца мікратапонімы, утваральныя асновы якіх суадносяцца з назвамі ўзвышшаў. Так, у назвах, якія па структуры з'яўляюцца атрыбутыўнымі словазлучэннямі, *Гэ?лькына гора* (в. Мухаўлокі), *Романова гора* (в. Лука), *Калю?чына гора, Ксёнзува гора* (в. Акцябр), *Чабо?хова гора* (в. Батчы), *Зайчікова гора, Новікова гора, Во?шэва гора* (в. Павіцце), *Туркова гора* (в. Верхалессе), *Барсуковы горы* (в. Шамятоўка) у якасці субстантыўнай часткі ўжываецца лексема *гора*, што абазначае *'гара, узвышша', 'любое высокае месца, высокі узгорак'*.

На больш высокае размяшчэнне аднаго геаграфічнага аб'екта адносна іншых указваюць найменні *Горы* (в. Мухаўлокі), *Подгір'е, Высокэ* (в. Навасёлкі), *Узгоркы* (в. Дзівін).

Назвы *Груд* (в. Верхалессе), *Грудкы?* (в. Лука) матывуецца апелятывам *груд 'узгорак', 'узвышша', 'высокае месца', 'узвышанае месца сярод балот'*.

У мікратапаніміі Кобрыншчыны знайшлі адлюстраванне і назвы нізін: *Озэры?ско* (в. Мухаўлокі), што абазначае *'нізкае, балоцістае месца', Багно?* (в. Батчы), што матывуецца лексемай *багна 'нізкае, балоцістае месца', За?болотте* (в. Мінянка) – *'нізкае месца, якое пасля асушальных работ стала лугам'*.

Указанне на адмоўны рэльеф мае месца ў наступных назвах: *Чэрвя?нка* (в. Гарадзец) – *‘нізкае месца, дзе водзіцца шмат чарвякоў’, Жабі?ўнік* (в. Мінянка), *Жабі?в’е* (в. Шамятоўка) – *‘нізкае месца, у якім шмат жаб’, Захлю?панка* (в. Яўсімавічы) – *‘нізкае, гразкае месца’*.

Найменняў, утваральная аснова якіх ўказвае на якасць глебы, у Кобрынскім раёне няшмат. Мікратапонімы *Камынё?ўка* (в. Мінянка), *Камыны?шчэ* (в. Буховічы) суадносяцца з лексемай *камыні; Глы?нышчэ* (в. Казішча, в. Астромічы) – з лексемай *глына; Песча?тка* (в. Пескі) – з лексемай *пысок.*

Да разглядаемай групы мікратапонімаў можна аднесці назвы ўрочышчаў: *Босо?та* (в. Яўсімавічы), якая матывуецца словам *босота,* што ў дадзеным выпадку абазначае неўрадлівую зямлю; *Голоднэ?ця* (в. Павіцце) – голае поле, дзе нічога не расце; *Лысу?ха* (в. Пескі) – поле, якое знаходзіцца на вышыні, часцей на ім нічога не родзіцца; *Чорны острув* (в. Павіцце) – зямля, на якой па нейкіх прычынах зусім не расла трава.

У якасці лексічных асноў мікратапонімаў, суадносных з лексікай, што абазначае зараснікі і лясныя масівы, выступаюць словы з агульным паняццем *‘масіў, парослы дрэвамі адной пароды’*. Такія назвы вельмі пашыраны ў мікратапаніміі Кобрынскага раёна. Іх частотнасць ва ўжыванні тлумачыцца тым, што для старажытнага чалавека лес меў першаступеннае гаспадарчае значэнне.

Назвы, суадносныя з фітафорнай лексікай, матывуюцца назвай пэўнай пароды дрэў. Семантыка ўтваральных асноў такіх мікратапонімаў дастаткова празрыстая. Так, назвы ўрочышчаў *Лы?пы* (в. Мухаўлокі), *Подлы?п’е* (в. Верхалессе), *Лы?пыншчына* (в. Лука) суадносяцца з апелятывам *лыпа*; урочышчы *Ву?льшэчка* (в. Верхалессе), *Ольхова?тэць* (в. Хабовічы) – з апелятывам *вольха.* Матывавальнай асновай назваў урочышчаў *Орабы?нка, Гробо?внэ* (в. Аніскавічы), *Вэрбы?нка* (в. Гарадзец), *Сосо?нка* (в. Навасёлкі), *Бырызова?тэць* (в. Хабовічы), *Хвоя* (в. Шамятоўка), *Вышні?вськое* (в. Гарадзец), *Яблы?нька* (в. Верхалессе), *Клён* (в. Павіцце) адпаведна з’яўляюцца лексемы *рабына, граб, вырба, сосна, бярозa, хвоя, вышня, яблыня, клён.*

Матывавальнай асновай найменняў *Ду?бье* (в. Аніскавічы), *Дубы?на* (в. Бельск), *Дубо?выця* (в. Астромічы) з’яўляецца лексема *дуб*; поля *Борово?е* (в. Пескі) – *бор;* поля *Вя?зка* (в. Хабовічы) – *вяз* (сярод поля расце вяз).

Назва ўрочышча *Тра?вы* (в. Павіцце) матывуецца апелятывам *трава* і абазначае *‘месца, зарослае травой’;* урочышча *Чаро?мушкі* (в. Верхалессе) – апелятывам *чаромха:* гэта месца, дзе расце шмат чаромхі.

Назвы іншых відаў расліннасці ў мікратапаніміі выяўляюцца не так шырока. Так, на Кобрыншчыне зафіксавана некалькі найменняў з утваральнай асновай *мох:* урочышча *Білы мох* (в. Лука) – на краю поля любіць расці белы балотны мох; урочышча *О?мхы* (в. Тэўлі) – знаходзіцца каля лесу з імхом.

Назвы, суадносныя з заафорнай лексікай, не пашыраны ў мікратапаніміі Кобрыншчыны. Як правіла, такія найменні маюць відавочную матывацыю. Прыкладамі мікратапонімаў гэтай групы з’яўляюцца назвы тыпу *Во?ўч’е* (в. Гарадзец) – урочышча, дзе жылі ваўкі; *Барсукы?* (в. Лука), *Борсук* (в. Верхалессе) – урочышчы, дзе раней вельмі часта можна было ўбачыць барсукоў; *Мідвіж’е* (в. Гарадзец) – назва ўрочышча, дзе бачылі мядзведзяў; *Вовкувня?* (в. Тэўлі), *Вовковня?* (в. Яўсімавічы) – частка лесу, дзе, паводле падання, чарадзей людзей ператварыў у ваўкоў; *Мура?шнык* (в. Гарадзец) – урочышча, дзе шмат мураўёў; поле *Мура?шкы* (в. Пескі) – побач быў лес з вялікім мурашнікам; луг *Кі?нне* (в. Хабовічы) – там выпасвалі коней; луг *Голуб* (в. Хабовічы) – недалёка ад яго гняздзіліся галубы; поле *Бу?снявка* (в. Хабовічы) – на дрэве, што расло на полі, было гняздо бусла; *Ка?ччы угол* (в. Верхалессе) – на ім было заўсёды многа качак.

Назвы, дадзеныя паводле прыкмет тапаграфічных аб’ектаў, указваюць на памер мікрааб’екта: *Вылыкэ полэ* (в. *Астромічы*)*, Блыжне полэ* (в. Павіцце), *Вылыкы нывы* (п. Арэхаўскі), града *Круглэ* (в. Тэўлі);

на канфігурацыю мікрааб’екта: урочышча *Кій* (в. Арэхава) – з палёту птушкі гэты кавалак зямлі падобны на кій; поле *Кут* (в. Мінянка) – нагадвае трохвугольнік; *Шыя* (в. Хідры) – частка поля кароткая і вузкая; *Штаны?* (в. Пескі) – частка поля з раздваеннем, што нагадвае штаны.

Назвы, якія ўказваюць на месцазнаходжанне аб'екта, таксама маюць месца ў мікратапаніміі Кобрыншчыны. Даволі часта ў аснове мікратапонімаў ёсць указанне на іх размяшчэнне адносна пэўнага прадмета, што выступае ў якасці назвы-арыенціра: *Подрі?ччэ* (в. Астромічы) – луг, які знаходзіцца каля ракі; *Остров* (в. Мухаўлокі) – урочышча каля ракі ў выглядзе вострава; *Клю?нівка* (в. Засімы) – тут знаходзіліся "клуні" жыхароў вёскі; *Подмо?сток* (в. Павіцце) – урочышча, дзе раней быў мост; *Замосты?шча* (в. Хабовічы) – поле, размешчанае за мостам.

Наступная група мікратапонімаў матывавана лексікай, што паказвае на гаспадарчую дзейнасць чалавека. Такія назвы мікрааб'ектаў падзяляюцца на наступныя семантычныя групы: назвы, якія суадносныя з земляробчым працэсам; назвы, суадносныя з лексікай, якая абазначае розныя тыпы паселішчаў; назвы, суадносныя з лексікай, якая абазначае збудаванні і іх часткі, шляхі, водныя пераправы.

Назвы, суадносныя з земляробчым працэсам, маюць цікавую матывацыю. Назіраюцца назвы зямельных участкаў паводле спосабу іх распрацоўкі. Матывавальная аснова наймення *Потэрыбы?* (в. Плянта, в. Буховічы) тлумачыцца дзеясловам *тэрэбыты 'чысціць, высякаць лес пад ворыва, сенажаць'*. Поле *Ко?рчовна га?ля* (в. Хабовічы) узнікла на месцы вырубленага лесу.

Урочышча *Новына?* (в. Мухаўлокі) атрымала сваю назву ад часу распрацоўкі поля. Так, *новына – 'першы раз распрацаваная лясная зямля', 'зямля, якая ўпершыню распрацаваная'*. Найменне *Кле?ткы* (в. Плянта) суадносіцца з апелятывам *клетка*, што абазначае *'поле, падзеленае на некалькі роўных частак', 'участак зямлі квадратнай ці прамавугольнай формы'*. Поле *Жо?рновкы* (в. Верхалессе) названа па тым, што раней на ім быў млын з жорнамі.

Зямельныя ўчасткі атрымалі назвы і паводле характару іх гаспадарчага выкарыстання. Прыкладам служыць наступнае найменне, матывацыя якога з'яўляецца відавочнай: *Горо?ховішчэ* (в. Павіцце) – урочышча, на якім вырошчвалі гарох; *Колосы?нка* (в. Хабовічы) – вялікае жытнёвае поле.

Назвай, звязанай з працоўнай дзейнасцю чалавека, з'яўляецца мікратапонім *Вэрэтэ?нышчэ* (в. Павіцце) – урочышча, паблізу якога секлі дрэвы для верацён. Найменне *Лозовы?к* (в. Плашчыны) суадносіцца з апелятывам *лоза:* тут ішла нарыхтоўка лазовых прутоў для пляцення кашоў.

Назвы, суадносныя з лексікай, якая абазначае розныя тыпы паселішчаў, таксама служаць крыніцай мікратапаніміі Кобрынскага раёна. З'яўленне такіх найменняў абумоўлена старой сістэмай вядзення сельскай гаспадаркі. Апрацоўваючы зямлю, людзі сяліліся невялікімі дварамі ці хутарамі. Мікратапонімы *Повіту?хын хутор* (в. Кісялёўцы), *Дымыдов хутор* (в. Плянта), *Мано?ев хутор* (в. Астромічы), *Тіхо?новый хутор* (в. Кісялёўцы), *Балашя?нчын хутор* (в. Яўсімавічы) матывуюцца лексемай *хутар*, што абазначае *'адасоблены сялянскі зямельны ўчастак разам з сядзібай уладальніка'*.

Субстантыўная частка мікратапоніма *Паньскый двір* (в. Шляхта) тлумачыцца лексемай *двір 'панскі, шляхецкі маёнтак'*.

Назвы, суадносныя з лексікай, якая абазначае збудаванні і шляхі, рэдкія ў мікратапаніміцы Кобрыншчыны. Найменне *Мы?тня* (в. Мінянка) суадносіцца са словам *мыцца*: гэта месца на рацэ Мухавец, дзе мыліся; раней там былі нават драўляныя масткі.

Утваральную аснову наймення *По?йла* (в. Мінянка) складае апелятыў *пойла:* гэта неглыбокае, пакатае месца ракі, дзе паілі свойскую жывелу.

Назва ўрочышча *Коло Каплы?ці* (в. Астромічы) матывуецца словам *каплыця 'невялікі царкоўны або касцельны будынак з абразамі без алтара; малельня'*.

Мікратапонімы, матываваныя лексікай, што абазначае сацыяльную прыналежнасць, адносяцца да ліку рэдкіх. Па сваёй структуры мікратапонімы гэтай групы ў большасці сваёй з'яўляюцца атрыбутыўнымі словазлучэннямі, пры гэтым атрыбутыўны кампанент семантычна звязаны з апелятывамі, што выяўляюць саслоўную прыналежнасць чалавека. Такія найменні маюць відавочную матывацыю: *Ксёнзува гора* (в. Акцябр), *Королівскій канал* (в. Акцябр), *Па?ньскы* (в. Батчы) – месца, дзе раней жылі багатыя людзі, *Княжова гора* (в. Ляхчыцы) – тут знаходзіцца магіла князя.

У мікратапаніміі Кобрыншчыны таксама выяўляюцца найменні анамастычнага паходжання, якія матывуюцца онімамі. Сярод назваў мікрааб'ектаў вылучаюцца дзве вялікія групы найменняў

паводле ўтваральных асноў: мікратапонімы антрапанімічнага паходжання і мікратапонімы тапанімічнага паходжання.

Многія мікратапонімы Кобрыншчыны антрапанімічнага паходжання. У перыяд уласніцкага землекарыстання кожны, нават невялікі зямельны ўчастак меў сваю назву, якая вельмі часта давалася па імені яго ўладальніка. Прыкладамі мікратапонімаў, утваральныя асновы якіх суадносяцца з хрысціянскімі асабовымі імёнамі, з'яўляюцца: *Романова гора* (в. Лука) – зямля аднаго з першых пасяленцаў вёскі, Рамана; *Дымыдов хутор* (в. Плянта), *Максымын хутор, Тіхо?новый хутор* (в. Кісялёўцы) – гаспадарамі хутароў былі мужчыны па імені Дымыд, Максым, Тыхон; *Фадеёва ольшына* (в. Кісялёўцы) – каля алешыны жыў Фадей; *Антошковэ полэ* (в. Плянта) – на гэтым месцы была сядзіба мужчыны па імені Антон; *Міха?лківськiй луг* (в. Плянта) – былая сядзіба Міхала; *Фылыповэ болото* (в. Шамятоўка) – недалёка ад яго жыў гаспадар Фылып; урочышча *Янова усадьба* (в. Батчы) – тут жыў чалавек, якога звалі Ян; *Васы?лэвэ полэ* (в. Шамятоўка) – былая сядзіба Васыля.

У якасці матывавальных асноў мікратапонімаў выступаюць пераважна мужчынскія імёны. На Кобрыншчыне зафіксавана нямнога найменняў, суадносных з жаночымі імёнамі: сенажаць *Ма?ньківшчына* (в. Андронава) – па імені жанчыны Мані; хутар *У Любы*, затока *У Тоні* (в. Пескі) – ад імён жанчын Люба, Тоня; поле *Гэлькына гора* (в. Мухаўлокі) – ад імені жанчыны Гэлькі; *Мар'іно полэ* (в. Астромічы) – ад імені жанчыны Мар'і; *Шу?рчыхіна бырэзына* (в. Залессе) – ад імя жанчыны Шуркы.

Прыкладамі мікратапонімаў, утваральныя асновы якіх суадносяцца з прозвішчамі або мянушкамі, з'яўляюцца: урочышча *Ту?лычы* (в. Тэўлі) – назва былога маёнтка пана Тулыча; *Пузы?новы сажалкы* (в. Стрыгава) – знаходзіліся каля маёнтка пана Пузына; урочышча *Збу?ны* (в. Астромічы) – раней жыў пан Збунь; *Жуковэ полэ, Галюка полэ* (в. Шамятоўка) – былыя сядзібы гаспадароў Жука, Галюка; луг *Вакуля?ча* (в. Хабовічы) – жыў чалавек па прозвішчы Вакуліч; *Остапухо?вэ полэ, Парфенюко?вэ полэ, Мацке?вічовэ полэ, Ра?чков луг* (в. Плянта) – часткі зямлі, якія належалі людзям з прозвішчамі Остапук, Парфенюк, Мацкевіч, Рачко; *Мано?еў хутор, Бандэрі?вшчына* (в. Астромічы), *Максімуків хутор* (в. Андронава) – былыя сядзібы гаспадароў па мянушцы Маной і прозвішчы Бандэрук, Максімук; *гора Круповіча* (в. Андронава) – жыў пан Круповіч; поле *Шаду?ршчына* (в. Стрыгава) – па прозвішчы пана Шадурського; урочышчы *Коло Бо?хана, Коло Хво?рыся* (в. Тэўлі), *Коло Зозу?лі* (в. Батчы) – на гэтых месцах жылі людзі з прозвішчамі Бохан, Хворысь, Зозуля; *Ковалёва грэбля* (в. Павіцце) – сенакос, які належаў чалавеку па мянушцы Коваль; урочышча *Чуры?лоўка* (в. Батчы) – жыў чалавек па мянушцы Чурыло; *Рожкі?вська гора* (в. Астромічы) – там знаходзіўся маёнтак пана Рожкіўського; урочышча *Загу?ччэ* (в. Батчы) – жыў чалавек па прозвішчы Гук.

Часам у якасці матывавальнай асновы мікратапонімаў антрапанімічнага паходжання выступаюць двухкампанентныя назвы асоб: *полэ Фэдора Волосюка* (в. Пескі).

Крыніцай утварэння мікратапонімаў тапанімічнага паходжання могуць быць уласныя геаграфічныя назвы. Такія найменні мікрааб'ектаў матываваны айконімамі. Іх утваральнай асновай служаць назвы суседніх з мікрааб'ектамі населеных пунктаў.

Найчасцей мікратапонімы айканімічнага паходжання называюць землі і лясныя масівы, што адносяцца да пэўнай вёскі. Іх узаемасувязь абумоўліваецца лексічна аднолькавай асновай: *Шляхэцька зэмля* (в. Шляхта) – зямля каля вёскі Шляхта; *Ярэ?мыцькэ полэ* (в. Яромічы) – поле каля вёскі Яромічы; *Юсы?мовська сажалка* (в. Яўсімавічы) – каля вёскі Яўсімавічы; *полэ Коло воякув* (в. Астромічы) – недалёка ад месцазнаходжання ваеннай часці; урочышча *Біркы* (в. Боркі) – частка лесу каля вёскі Боркі.

Такім чынам, у якасці матывавальных асноў мікратапонімаў Кобрыншчыны выступаюць розныя тэматычныя групы лексікі. У найменнях мікрааб'ектаў знайшлі шырокае адлюстраванне як прыродна-геаграфічныя асаблівасці краю, гаспадарчая дзейнасць яго жыхароў, так і анамастыкон рэгіёна.

В.А. Кірпічэнка, Г.К. Семянькова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: kirpichenko-viktory@mail.ru
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211(476)

НЕАФІЦЫЙНЫЯ НАЙМЕННІ ЎНУТРЫГАРАДСКІХ АБ'ЕКТАЎ БЕЛАРУСІ: СЕМАНТЫЧНЫ АСПЕКТ

Ключавыя словы: *урбанонім, неафіцыйная ўрбананіміка, семантычная класіфікацыя, гарадскі аб'ект, матывацыя, прынцыпы намінацыі.*

У артыкуле ўпершыню даследуюцца неафіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі ў семантычным плане: вызначаецца іх матывацыя, асаблівасці функцыянавання ў розных гарадах.

V.A. Kirpichenko, H.K. Semiankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE INFORMAL NAMES OF THE INTRACITY OBJECTS OF BELARUS: SEMANTIC TERM

Key words: *urbanonim, informal urbanonimic, semantic classification, city object, motivation, motivating bases.*

The informal names of the intracity objects of Belarus in semantic term were investigated at first time. Their motivation and features of functioning in different towns have been identified.

Працы па ўрбананіміцы прысвечаны, як правіла, апісанню афіцыйных адзінак. Аднак не менш цікавымі ў лінгвістычным плане з'яўляюцца і неафіцыйныя назвы: яны адлюстроўваюць светапогляд і светабачанне народа, у іх адбіваецца яго менталітэт, асаблівасці культуры. У сувязі з гэтым праведзенае намі даследаванне ўяўляецца актуальным. Мэта – выяўленне асаблівасцяў семантыкі неафіцыйных урбанонімаў Беларусі.

Матэрыял даследавання – запісы неафіцыйных найменняў гарадскіх аб'ектаў Віцебска і Мінска – сабраны на працягу 2014−2015 гг. шляхам апытання прадстаўнікоў розных сацыяльных груп, рознага ўзросту. У выніку было сабрана 200 неафіцыйных урбанонімаў, з іх 107 бытуюць на тэрыторыі Мінска, 93 – на тэрыторыі Віцебска.

Як было намі выяўлена, паводле семантыкі ўсе неафіцыйныя ўрбанонімы належаць да наступных груп: найменні гарадскіх аб'ектаў па іх колеры, форме, падабенстве да шырокавядомых збудаванняў, месцы знаходжання, асаблівасцях функцыянавання, рэльефу, ландшафту, заснаваныя на метаніміі, адантрапанімныя, у аснове якіх ляжыць гістарычная матывацыя.

У групе ўрбанонімаў, дадзеных па колеры аб'екта, намі выдзелена дзве падгрупы: 1) найменні, якія з'яўляюцца вынікам пэўных асацыяцый, што ўзніклі на аснове колеру; 2) назвы, дадзеныя па колеры сцен будынкаў; такія ўрбанонімы пазбаўлены асацыяцый.

У першую падгрупу ўключаны назвы ***Жалткі*** – дом №40 па вуліцы Шырокай і суседнія з ім дамы, сцены якіх пафарбаваны ў жоўты колер (Віцебск); ***Зялёнка*** – Палац творчасці дзяцей і моладзі па вуліцы Касманаўтаў, дом 2 (Віцебск) з зялёнымі сценамі; ***Чарнільніца*** – дом № 28 па вуліцы Леніна (Віцебск), названы так з-за сіняга колеру, у які доўгі час быў пафарбаваны яго фасад.

Да другой падгрупы мы аднеслі найменні ***Белыя Дамы́*** – дамы ў раёне вуліц Камуністычнай і Гараўца атрымалі сваю назву праз светлы колер сцен (Віцебск); ***Сіні Дом*** – дом №28 па вуліцы Леніна, які доўгі час быў сіняга колеру; цікава, што зараз сцены дома ружовыя, аднак гараджане па-ранейшаму называюць яго сінім (Віцебск).

Такім чынам, неафіцыйныя назвы, дадзеныя па колеры аб'екта, нярэдка з'яўляюцца вынікам пэўных асацыяцый: сіні – чарніла – ***Чарнільніца***, жоўты – жаўток – ***Жалткі***. Асобныя найменні проста называюць былы (***Сіні Дом***) або сучасны (***Белыя Дамы́***) колер сцен будынкаў і пазбаўлены якіх-небудзь пераносных значэнняў. Ва ўсіх прыкладах у аснову назвы пакладзены колер менавіта сцен (а не даху, дзвярэй і інш.) аб'ектаў намінацыі.

Як відаць з прыведзенага матэрыялу, адзінкавыя прыклады з'яўляюцца найменнямі ў форме множнага ліку. Усе назвы другой падгрупы – гэта спалучэнні *"якасны прыметнік" + "назоўнік"*.

У групе ўрбанонімаў, дадзеных па форме аб'ектаў, выдзелена дзве падгрупы: 1) назвы, заснаваныя на метафарызацыі; 2) назвы, што характарызуюць форму аб'ектаў і пазбаўлены метафарызацыі.

Да першай падгрупы адносяцца найменні ***Алмаз, Крыстал, Шарык Для Гольфа*** (усе тры адзінкі называюць Нацыянальную бібліятэку Беларусі, шкляны будынак якой сваёй формай і люстранымі гранямі дае падставы для ўзнікнення прыведзеных найменняў); ***Шайба*** – частка будынка па вуліцы Леніна, дом 53 (Віцебск), круглы балкон якога ў свядомасці жыхароў горада ўстойліва асацыюецца з шайбай; ***Шайба*** – будынак "WestWorldClub", які сваёй формай нагадвае хакейную шайбу (Мінск).

У другую падгрупу ўключаны назвы ***Гарбаты Мост*** – мост у форме дугі паміж Траецкім прадмесцем і "Востравам слёз" (Мінск); ***Круглая Плошча*** – плошча Перамогі (Мінск).

У наступную групу найменняў уключаны адзінкі, падобныя сваёй даўжынёй, вышынёй, формай, колерам да шырокавядомых збудаванняў: ***Брэсцкая Крэпасць, Бастылія*** – доўгі будынак чырвонага колеру па вуліцы Максіма Танка (Мінск); ***Саркафаг, Маўзалей*** – назва Палаца Рэспублікі, у аснове якой – форма аб'екта (Мінск).

У групе найменняў, дадзеных па месцы іх знаходжання, большасць складаюць адзінкі, у аснове якіх назва вуліцы, на якой яны размешчаны: ***Валадарка*** – астрог па вуліцы Валадарскай (Мінск); ***Гагры*** – раён вуліцы Гагарына (Віцебск); ***Герцуха*** – вуліца Герцэна (Віцебск); ***Казлабародская*** – назва вуліц Казлова і Далгабародскай, адна з'яўляецца працягам другой (Мінск); ***Каржы*** – раён вуліцы Каржанеўскага (Мінск); ***Карлачка*** – вуліца Карла Лібкнехта (Мінск); ***Карлуха*** – раён вуліцы Карла Маркса (Віцебск); ***Кароста*** – вуліца Карастаянавай (Мінск); ***Маяк*** – сквер Маякоўскага (Віцебск); ***Маякоўка*** – вуліца Маякоўскага (Мінск); ***Пушка*** – раён станцыі метро Пушкінская (Мінск) і многія іншыя.

Як бачна з прыкладаў, урбанонімы прыведзенай вышэй групы з'яўляюцца вынікам скарачэння *афіцыйных* адтапанімных назваў гарадскіх лінейных аб'ектаў. Група складаецца ў асноўным з назоўнікаў, прычым назоўнікі ў форме множнага ліку і назоўнікі ў форме адзіночнага ліку прыкладна супадаюць па колькасці.

Адметную групу складаюць найменні гарадскіх аб'ектаў, у аснове назваў якіх – асаблівасці функцыянавання аб'ектаў. У групе ўмоўна можна выдзеліць дзве падгрупы: 1) найменні прамысловых аб'ектаў, дадзеныя па характары іх вырабу, 2) найменні гандлёвых аб'ектаў, дадзеныя па асаблівасцях рэалізацыі тавару.

У першую падгрупу ўваходзяць назвы ***Каўроўка*** – назва фабрыкі "Віцебскія дываны́"; ***Часікі*** – гадзіннікавы завод (Віцебск); ***Ад*** – аўтамабільны завод (Мінск).

Да другой падгрупы аднесены найменні ***Згушчонка*** – назва пункта хуткага харчавання, дзе прапануюць каву са згушчоным малаком (Віцебск); ***Канфіскат*** – назва крамы "Ваш Выбар" па вуліцы Леніна, дзе рэалізуюцца канфіскаваныя на мяжы з Беларуссю тавары (Віцебск).

Найменні гарадскіх аб'ектаў па асаблівасцях іх рэльефу, ландшафту характарызуюць адсутнасць расліннасці ў межах гарадскіх аб'ектаў і паніжэнне рэльефу: ***Балкон*** – роўная адкрытая пляцоўка каля будынка па вуліцы Леніна, дом 10а, на якой няма дрэў (Віцебск); ***Яма*** – паніжэнне рэльефу ў раёне плошчы Свабоды і амфітэатра (Віцебск).

Найменні гарадскіх аб'ектаў, заснаваныя на з'яве метанміі, прадстаўлены адзінкамі, дзе ўвесь аб'ект называецца па яго частцы ці па надпісе (малюнку) на ім: ***Дамы' З Малюнкамі,***

Іканастас – чатыры дамы ў раёне станцыі метро “Усход” і Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі з незвычайнай мазаікай на фасадзе (Мінск); ***Крэст*** – крыж памяці святой Еўфрасінні Полацкай на Успенскай горцы, гэтак жа называюць аглядавую пляцоўку і месца сустрэч моладзі; як відаць, увесь аб’ект названы па прадмеце, які знаходзіцца ў межах аб’екта (Віцебск).

Група адантрапанімных неафіцыйных урбанонімаў уключае найменні, дадзеныя па прозвішчы архітэктара забудовы (***Асмалоўка*** – раён вуліц Кісялёва і Камуністычнай, названы так па імені архітэктара забудовы – М.С. Асмалоўскага (Мінск); ***Дом Мусінскага*** – дом “На Нямізе”, архітэктарам якога з’яўляецца С.С. Мусінскі (Мінск)), а таксама адыменныя і адпрозвішчныя адзінкі, утвораныя ад імёнаў, прозвішчаў, мянушак рэальных людзей і герояў літаратурных твораў: ***Маргуша*** – былая невялікая харчовая крама побач з інтэрнатамі Беларускага інстытута механізацыі сельскай гаспадаркі, у 80-х гадах тут працавала жанчына, якая міжвольна міргала вачамі, што і стала прычынай для ўзнікнення прыведзенай назвы аб’екта (Мінск); ***Паніка, Панікоўка*** – сквер побач з рэзідэнцыяй Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь і тэатрам імя Янкі Купалы, назва паходзіць ад скульптурнай кампазіцыі фантана (хлопчык з лебедзем); жыхары Мінска параўноўваюць хлопчыка з Панікоўскім, а лебедзя – з гуссю (“Залатое цяля” І.Ільфа і Я.Пятрова); неафіцыйнае найменне ўзнікла на аснове асацыяцый з вядомым творам і яго героямі (Мінск).

Найменні гарадскіх аб’ектаў, у аснове якіх ляжыць гістарычная матывацыя, складаюцца з дзвюх падгруп: 1) назвы гарадскіх аб’ектаў, у аснове якіх ляжыць гістарычная прыкмета; такія адзінкі маюць непасрэдную сувязь з гісторыяй: у іх назвах адлюстравана тое, што было раней на месцы аб’ектаў. Неафіцыйныя назвы могуць бытаваць паралельна з сучаснымі афіцыйнымі, часам перавага ва ўжыванні аддаецца неафіцыйным. У падгрупу мы ўключылі онімы ***Каланча*** – будынак гарадской ратушы, які калісьці выкарыстоўваўся як пажарная вышка-каланча (Віцебск); ***Пяты Полк, Фінляндыя*** – раён былога ваеннага гарадка ў канцы вуліц Цітова, перад вайной тут дыслацыраваўся Пяты чыгуначны полк (Віцебск); 2) найменні гарадскіх аб’ектаў, якія змянілі сваю афіцыйную назву; гэта найперш назвы рэстаранаў, кінатэатраў, крам: ***Брыганціна*** – назва будынка, дзе раней размяшчаўся кінатэатр “Брыганціна” (Віцебск); ***Спарттавары*** – будынак па вуліцы Леніна, дзе раней знаходзілася крама “Спарттавары” (Віцебск).

Такім чынам, прааналізаваныя намі неафіцыйныя ўрбанонімы двух гарадоў Беларусі характарызуюцца разнастайнасцю семантычных прыкмет, пакладзеных у аснову іх называння.

Прынцыпы намінацыі афіцыйнай урбананіміі Беларусі, выдзеленыя Г.М. Мезенка [1, 92], могуць быць прыменены і да неафіцыйнай урбананіміі. Усе чатыры прынцыпы намінацыі – назва аб’екта па сувязі з чалавекам (праяўляецца ў найбольшай колькасці неафіцыйных адантрапанімных прыкладаў), намінацыя аб’екта па адносінах да іншых значных аб’ектаў (праяўляецца ў нешматлікіх адзінках), назва аб’екта па ўласцівых яму асаблівасцях і якасцях (прынцып з’яўляецца дамінуючым у асобных семантычных групах неафіцыйных урбанонімаў), намінацыя па сувязі аб’екта з абстрактным паняццем (выяўляецца ў асобных групах).

У сувязі са сказаным нельга не пагадзіцца з Г.М. Мезенка, што “матывацыя ўрбаноніма абумоўлена не толькі прыродай названага аб’екта, суб’ектыўным бачаннем стваральніка ўрбананімнай адзінкі, але і лексіка-семантычнымі рэсурсамі ўрбананімнай (і шырэй анімічнай) сістэмы” [1, 95].

Літаратура

1. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по филологическим специальностям / А. М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

С.С. Клундук, Н.Р. Якубук
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: smalusha@yandex.by

УДК 811.161.3′373.21

ПРЫРОДНА-ГЕАГРАФІЧНАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ ЯК УТВАРАЛЬНАЯ БАЗА МІКРАТАПОНІМАЎ ПАБУЖЖА

Ключевые слова: *апеллятив, микротопоним, мотивирующая основа, природно-географические термины, топоним.*

В статье осуществляется исследование отапеллятивных микротопонимов Побужья. Определяются мотивирующие основы, используемые в процессе образования названий микрообъектов, соотносительных с природно-географическими терминами.

S.S. Clunduk, N.R.Yakubuk
Brest State University named after A.S. Pushkin

NATURE AND GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY AS A WORD-FORMING BASIS OF POBUZHIE'S MICROTOPONYMS

Key words: *appellative, microtoponym, motivating basis, nature and geographical terms, toponym.*

The article studies microtoponyms of Pobuzhie. It defines the motivating bases that are used while giving the names to micro objects which are correlated with nature and geographical terms.

Мікратапанімія Пабужжа складвалася і развівалася на працягу доўгага гістарычнага перыяду. Фарміраванне яе працякала нераўнамерна і спалучалася са зменамі сацыяльна-эканамічных умоў, спосабаў грамадскай вытворчасці, са зменамі акаляючага асяроддзя, што, зразумела, пакінула адбітак у тапаніміі.

Мікратапонімы любой тэрыторыі ў абсалютнай сваёй большасці індывідуальныя і непаўторныя. Гэта яскрава праяўляецца ў іх семантыцы і паходжанні. Аднак пры ўсёй разнастайнасці найменняў урочышчаў у мікратапаніміі даследуемага рэгіёна можна заўважыць назвы даволі блізкія па этымалогіі, семантыцы і форме. Яны складаюць больш ці менш выразна акрэсленыя групы і тыпы, што дае магчымасць сістэматызаваць і раскласіфікаваць зафіксаваныя на Брэстчыне мікратапонімы.

Тапанімісты даўно звярнулі ўвагу на актыўны ўдзел мясцовых геаграфічных тэрмінаў ва ўтварэнні ўласных геаграфічных назваў усіх катэгорый. У мікратапаніміі вага геаграфічнай наменклатуры вельмі значная. Так, на Пабужжы з прыродна-геаграфічнымі тэрмінамі суадносіцца 52% адапелятыўных мікратапонімаў. Мясцовае насельніцтва адбірала тыя семантычныя класы са складу апелятыўнай лексікі, якія найбольш адпавядалі патрэбам тапанімічнай практыкі. Жыццё прымушала людзей не проста фіксаваць прыродныя з'явы як факт рэчаіснасці, а пільна прыглядацца, дэталёва вывучаць іх прыкметы і якасці. У выніку адны з іх былі асвоены і набылі гаспадарчае значэнне, другія трапілі ў разрад нейтральных ці другарадных.

Матывавальнымі асновамі выяўленых на Пабужжы найменняў мікрааб'ектаў, суадносных з прыродна-геаграфічнымі тэрмінамі, паслужылі галоўным чынам назвы мясцовага рэльефу і назвы расліннасці.

Найменні, утвораныя ад назваў рэльефу, складаюць каля 25% ад усіх адапелятыўных мікратапонімаў. Утваральнай базай для гэтай групы мікратапонімаў паслужылі словы, якія абазначаюць назвы ўзвышшаў, узвышаных месцаў, нізін, нізкіх месцаў, раўнін, ям, упадзінаў, балот, а таксама якасці і ўласцівасці глебы.

Нягледзячы на тое, што рэльеф Пабужжа ўвогуле носіць нізінны характар, у складзе мікратапаніміі гэтага рэгіёна досыць шырока прадстаўлены назвы ўзвышаных месцаў: ***вал, верх (вэрх, ввэрх), востраў (остров, вістрово, вустров), выршок, выспа, гара (гора, гура), горка (гурка), горб, горінэ места, града (гряда), градка (грядка, грядочка), груд, грудок, бугор, бугрына,***

курган (кірган), купа, купына, пагорак (пагурок), пагурочак, узгорак (згорак, згірок, згурак, узгоркэ). Напрыклад: ***узгорак (згорак, згірок, згурак, узгоркэ)*** ‘узвышша, узгорак’: *Велікі ўзгорак* узв. (Вялікарыта Мал.), *Дыдок згорак* п. (Хоцінава Кам.), *Згурак* узв. (Агароднікі Кам.), *Кувалів згірок* узв. (Страдзечы Бр.), *Узгоркэ* частка л. (Дзівін Кобр.); ***груд*** ‘узгорак, высокае месца’: *Бэрозовы груд* узв. (Дамачава Бр.), *Білый груд* (Падлессе Бр.), *Вылыкі грудкі* луг (Знаменка Бр.), *Высокій грудок* с. (Церабунь Бр.), *Груд* луг (Верхалесе Кобр.), *Грудкы* п. (Дзямідаўшчына Кобр.), *Груда* п. (Крыўляны Жаб.); ***гора (гара, гура)*** ‘узвышша, узгорак, што ўзнімаецца над мясцовасцю’: *Вакулына гора* ўзв. (Чэрск Бр.), *Боровыська гара* г. (Бародзічы Кобр.), *Бабыцька гура* ўзв. (Ліпна Кам.), *Волчья гора* ўзв. (Забалоцце Мал.), *Воронова гора* ўзв. (Навасады Бр.), *Грабовська гора* м. (Камянюкі Кам.), *Грэчэскі горы* ўзв. (Орхова Бр.); ***верх (вэрх, ввэрх)*** ‘сенажаць на высокім месцы’: *Болото вэрх* с. (Рагозна Жаб.), *Ввэрх* с. (Брадзяцін Мал.), *Вырхі* с. (Расна Кам.), *Вырхово* м. (Падлессе Бр.), *Вырхы* частка л. (Замшаны Мал.), *Выршкі* п. (Ліпна Кам.); ***курган*** ‘узвышша ці старажытнае месца пахавання’: *Кірган* л. (Чэрск Бр.), *Кірган* узв. (Катэра Кам.), *Кірганы* ўр. (Алешкавічы Кам.), *Курган* узг. (Ленінскі Жаб.), *Курганы* п. (М. Шчытнікі Бр.); ***востраў (вустров, оструво)*** ‘узвышша, узгорак’: *Вылыкій востраў* в-ў на б. (Высокае Мал.), *Вістрово* п. (Хаціслаў Мал.), *Высокій островок* с. (Вялічкавічы Кобр.), *Островок* в-ў на б. (Навалессе Мал.), *Островськэ* с. (Мелянькова Кобр.), *Островына* с. (Добрае Кобр.), *Остроўкы* п. (Федзькавічы Жаб.), *Острувок* узв. (Камароўка Бр.) і інш. Мікратапонімы з гэтымі лексічнымі асновамі ў пераважнай большасці з’яўляюцца назвамі узвышшаў сярод балота сенажацяў і зрэдку палёў.

У адзінкавых выпадках у якасці ўтваральных асноў мікратапонімаў даследуемага рэгіёна выкарыстоўваюцца такія назвы рэльефу, як ***грэбень*** ‘прадаўгаватае ўзвышша, грыўка’: *За грэбнем* п. (Вялічкавічы Кобр.); ***барабан*** ‘сенажаць на высокім месцы’: *Барабан* с. (Церабунь Бр.); ***горб, гарбата*** ‘круглы ўзгорак у выглядзе гарба’: *Горб* узв. (Каленкавічы Кам.), *Гарбата* гарыст. мясц. (Хаціслаў Мал.). Як відаць з прыкладаў, гэта назвы ўрочышчаў, што знаходзяцца на ўзвышаным месцы або на ўзгорку.

Такім чынам, усе названыя вышэй мікратапонімы маюць канкрэтную прывязку да тапаграфічнай прыкметы аб’екта, заключаюць у сабе яго рэальную характарыстыку.

У залежнасці ад спосабу жыцця ў розных народаў вызначаўся індывідуальны падыход да якасцей тых ці іншых прыродна-геаграфічных аб’ектаў. Мікратапанімія Пабужжа фіксуе нямала лексем, што абазначаюць нізінныя ўчасткі зямной паверхні, упадзіны, равы: ***багна, балота (балоцішча, балотце, балотычко, болоне, болонне), даліна (долына, доліна, далінка), дол, жолаб, канава, кар’ер, лазок, нізіна (нызына, нызэна, ніз, нізок), плёс (плесо, плес, плэс, пліс, плісцэ), поплаў, роў (рів, рыв, рыў), яма, яр***. Напрыклад: ***даліна (долына, доліна, далінка)*** ‘прастора ўздоўж рачнога ложа, часцей за ўсё гэта сенажаць’: *Воўча долына* л. (Тэўлі Кобр.), *Вылыка долына* п. (Падлессе Жаб.), *Грязкая долына* с. (Шумакі Бр.), *Довга долына* п., с. (Церабунь, Шумакі Бр.), *Далінка* ніз. (Унучкі Кам.), *Долына* п. (Гарэлкі Жаб.), *Доліна* ніз. (Ліпна Кам.); ***роў (рів, рыв, рыў)*** ‘канава, утвораная ад змыву глебы дажджом’: *Глубокі ровы* р. (Дубічна Мал.), *Гранычны рыў* р. (Рыцец Бр.), *Другі рыв уд рыкі* р. (Хамуціны Кам.), *Другі копаны рів* р. (Чэрск, Бр.), *Дулічэвы ровы* п. (Індычы Кам.), *Закопаны рів* р. (Чэрск Бр.), *За ровам* с. (Дубіны Кобр.); ***ніз (нызына, нызэна, ніз, нізок)*** ‘частка ракі, блізкая да вусця’: *Нізок* ніз. (Гута Бр.), *Ныз* уч.п. (Замшаны Мал.), *Нызы* п. (Камянюкі Кам.), *Нызыны* м. (Верхалессе Кобр.), *Нызэна* яр (Камароўка Бр.), *Нізіна* ніз. (Дубіца Бр.); ***плёс (плесо, плес, плэс, пліс, плісцэ)*** ‘глыбокі ўчастак рэчышча ракі’: *Плёс* луг (Падбрадзяны Кобр.), *Плесо* с. (Ратайчыцы Кам.), *Плесынская* частка с. (Навіцкавічы Кам.), *Плес* л. (Унучкі Кам.), *Плісцэ* луг (Новікі Кам.), *Плэс* л. (Пелішча Кам.), *Плэсы* луг (Гершоны Бр.) і пад.

У беларусаў, як і ў іншых славян, вельмі добра распрацавана балотная тэрміналогія. Якіх толькі відаў балот тут не сустрэнеш: голае, парослае расліннасцю, ржавае, бруднае, праточнае, застойнае ці гнілое, зыбучае і вязкае, бярозавае і альховае, асаковае і мохавае. У народзе ўсе яны добра распазнаюцца і маюць адпаведныя сваёй сутнасці назвы.

Мікратапонім *Балота* і вытворныя ад яго ***балоцішча, балотце, балотычко, болоне, болонне*** зарэгістраваны амаль у кожным населеным пункце, а часам у адной вёсцы ёсць некалькі *Балот*, з чаго можна зрабіць вывад, што апелятыў ***балота*** (гэтае слова абазначае не толькі нізкае месца, але і любое месца, затопленае вадой, гразкае месца) – адзін з самых распаўсюджаных на

Брэстчыне: *Балота* забал. мясц., дзе косяць сена (Навіцкавічы Кам.), *Балоцішча* луг (Воўчын Кам.) *Балотце* луг (Агароднікі Кам.), *Балотычко* забал. мясц. (Крыўляны Жаб.), *Болонне* п. (Прылукі Бр.), *Болоне* паша, луг (Кустын, Старае Сяло Бр.). У многіх выпадках *Балота* страціла сваё першапачатковае значэнне. Цяпер гэты мікратапонім не заўсёды заключае ў сабе рэальную характарыстыку аб'екта.

Семантыка мясцовага слова ***багно*** супадае з літаратурным 'багна' і значыць 'топкае, непраходнае балота'. З такой прыродна-геаграфічнай асновай зафіксаваны мікратапонімы *Багно, Багністое месца,* якія называюць палі, сенажаці, пашы на былым балоце. Між тым выяўлены і назвы лесу *Багон, Багны*, што, хутчэй за ўсё, узніклі на аснове распаўсюджанай на Брэстчыне лексемы ***багон*** за значэннем 'багун'.

Лакальная назва ***лаз*** 'балоцісты луг' з'явіліся асновай для ўзнікнення мікратапонімаў для абазначэння нізкага забалочанага лугу: *Лазок Блышчый* п. (Аніскавічы Кобр.), *Лазы* частка л. (Замшаны Мал.), *Лазышча* с. (Залескія Кобр.), *Лазэ* с. (Забалацце Мал.). Мікратапонім *Мачка* ніз. (Хаціслаў Мал.) паходзіць ад дзеяслова *макаць, намакаць*; у аснове назвы *Мачулышчэ* б. – апелятыў ***мачулішчэ***, які па семантыцы супадае з літаратурным *мачулішча* 'затока, копанка, у якой мочаць лён, каноплі, палатно'; найменні ўрочышчаў *Поплаў* луг (Цюхінічы Бр.), *Поплавці* луг (Сцяпанкі Жаб.), *Попловы* луг (Крыўляны Жаб.) утвораны ад апелятыва ***поплаў***, які ў мясцовых гаворках абазначае 'нізкі луг, не абавязкова заліўны, сенажаць або паша'.

Мікратапонімы, матываваныя лексемамі, што абазначаюць нізінныя ўчасткі зямной паверхні, звычайна замацоўваюцца за сенажацямі, пашамі і ляснымі ўрочышчамі, размешчанымі на нізкіх месцах. Палі з асновамі-назвамі *Роў, Балота, Долына* і г.д. складаюць выключэнне. Прычым у радзе выпадкаў гэтыя назвы адлюстроўваюць прыродныя ўласцівасці не названага аб'екта, а суседняга з ім.

Мікратапонімаў, утвораных ад апелятываў, што абазначаюць роўныя месцы, якія, мала. У якасці іх лексічных асноў выступаюць апелятывы ***галэ (галя)*** 'голае месца, чыстае, не парослае лесам', ***рувнына (ровно)*** 'роўнае месца': *Галэ* м. (Шчэглікі Жаб.), *Галэ полэ* п. (Дубіца Бр.), *Галя* (Камароўка Бр.), *Рувнына* уч. з. (Прылукі Бр.), *Ровно* б. (Ратайчыцы Кам.).

Група мікратапонімаў, у аснове якіх ляжаць назвы расліннасці, таксама вялікая па колькасці намінацый (усяго налічваецца 798 мікратапонімаў – 23% ад агульнай колькасці адапелятыўных найменняў). Лексічнымі асновамі такіх мікратапонімаў паслужылі агульныя назвы лясных масіваў, зараснікаў, хмызнякоў, кустарнікаў (***лес, бор, пушча, гай, дуброва, маладзняк, пасадка, зараснік*** і інш.) і канкрэтныя назвы пород дрэў, раслін, траў, іх частак (***асіна, вольха, вярба, вяз, граб, каліна, ліпа, ракіта, сасна, хвоя, елка*** і інш.).

У групе намінацый з матывальнымі асновамі – агульнымі назвамі лясных масіваў, зараснікаў, хмызнякоў – найбольш прадстаўлены мікратапонімы з агульнаславянскай лексемай ***лес***. Напрыклад: *Бабурцкій лес* л. (Воўчын Кам.), *Білый ліс* л. (Грушава Кобр.), *Лес Касцюшко* л. (Міцькі Бр.), *Лесовы луг* луг (Камянюкі Кам.), *Ліскі* л. (Чэрск Бр.), *Залісоччэ* п. (Хацінава Кам.), *Коло ліса* п. (Ленінскі Жаб.).

З лексемай ***бор***, якая ў мясцовых гаворках, як і ў літаратурнай мове, мае значэнне 'сасновы лес', суадносяцца мікратапонімы, якія называюць лясныя ўрочышчы ці палі, размешчаныя каля лесу або на месцы былога лесу, напрыклад: *Бор* л. (Ляхаўцы Мал.), *Бір* л. (Боркі Мал.), *Барок* л. (Арэпічы Жаб.), *Борышча* п. (Залескія Кобр.), *Зайцюв бір* л. (Воса Кобр.), *Боровая* л. (Балоты Кобр.), *Борышча* п. (Залескія Кобр.), *Красный борок* л. (Горск Кобр.) і пад.

Ад слова ***гай***, якім на Брэстчыне называюць 'малады лес як бярозавы, так і альховы, а таксама зараснікі вольхі і маліннiку' часта ўтвараюцца назвы хмызняку і забалочанага лесу. Напрыклад: *Гай* л. (Дзяменічы Жаб.), *Гаёк* с. (Рагодна Жаб.), *Гаівська гура* ўзг. (Ліпна Кам.), *Гаішча* паша (Вярхі Кобр.), *Гаішчэ* п. (Ліпна Кам.), *Гайкы* п. (Патрыкі Кобр.).

Сустракаюцца мікратапонімы, утвораныя ад апелятыва ***дуброва***, які ў гаворках ўжываецца рэдка: *Дуброва* луг (Дубок Бр.), *Дубровка* б. (Дубок Бр.), *Дубровкі* л. (Навасады Бр.), *Дубровыца* л. (Дубіца Бр), *Дуброўка* л. (Навасёлкі Кам.).

Некаторыя ўласныя назвы ўчасткаў маладога лесу ўзніклі ў выніку тапанімізацыі апелятываў ***маладняк***, 'малады лес', ***пасадка*** 'месца, дзе пасаджаны маладыя расліны': *Маладняк*

л. (Рудавец Кам.), *Молодняк* л. (Ленінскі Жаб.), *Пасадка* л. (Камароўка Бр.), *Гразна пусадка* частка л. (Навіцкавічы Кам.).

Для наймення лясных урочышчаў, балот, часам палёў, парослых хмызам, выкарыстоўваюцца агульныя назвы кустарнікаў і зараснікаў: ***карчы, кусты, зараслі, парослі***. Напрыклад: *Заруслі* л. (Вайская Кам.), *Корчі* л. (Міцькі Бр.), *Корчышча* л. (Галоўчыцы Кам.), *Кусце* луг (Пералум'е Жаб.), *Бур'ян* уч. л. (Навалессе Мал.), *Гушча* хм. (Прылукі Бр.), *Парослі* хм. (Баяры Кам.), *Парослі* ўзг. (Велікарыта Мал.).

Даволі шматлікую групу (463 назвы) складаюць мікратапонімы, утвораныя ад назваў пород дрэў, раслін, траў, іх частак. Часцей за ўсё ў якасці іх асноў выступаюць лексемы ***бяроза*** і ***дуб***. Выкарыстоўваюцца таксама словы ***асіна, вольха, вярба, вяз, граб, каліна, ліпа, ракіта*** і іншыя. Напрыклад: *Альшэна* ўч. л. (Харсы Бр.), *Берёзов груд* л. (Камянюкі Кам.), *Вырбына* п. (Камень Кобр.), *Грабовка Вылыка* п. (Залескія Кобр.), *Заосына* луг (Хаціслаў Мал.), *Звалялый дуб* п. (Лука Кобр.), *Кляновэ* л. (Старое Сяло Жаб.).

Мікратапонімы, утвораныя ад лексем ***сасна, хвоя, елка, яліна*** называюць звычайна хвойныя лясы (у адзінкавых выпадках палі і балоты), напрыклад: *Хваіна* л. (Гута Бр.), *Хвійка* л. (Прыбарава Бр.), *Хваёвае* л. (Забалацце Мал.), *Заялына* б. (Ляхаўцы Мал.), *Заялыннэ* п. (Масевічы Мал.), *Сосновый ліс* п. (Селяхі Бр.), *Сосновэц* узв. (Вялічкавічы Кам.). Пераважаюць назвы з коранем **-хвай-**, якія амаль без выключэння служаць назвамі маладых насаджэнняў хвойнага лесу.

Крыніцай мікратапонімаў выступаюць таксама назвы пладовых дрэў – ***вішня, яблыня, груша***. Такія мікратапонімы называюць звычайна палі: *Вішня* п. (Клейнікі Бр.), *Вішенкі* уч. з. (Тэльмы Бр.), *Вышынька* п. (Хацінава Кам.), *Грушка* с. (Добрае Кобр.), *Яблынька* м. (Тамашоўка Бр.).

Зафіксаваны і мікратапонімы, якія матывуюцца назвамі асобных раслін, траў, імхоў. Напрыклад: *Багныско* месца ў л. (Кацельня Баяр. Бр.), *Багуннік* уч. л. (Замшаны Мал.), *Блюшнькі* луг (Шышова Кам.), *Бруснічнік* месца ў л. (Паніквы Кам.), п. (Ляхаўцы Мал.), *Моховіна* б. (Запруды Кобр.), *Вэрос* л. (Рудня Бр.), *Крапіўніца* б. (Стрыганец Жаб.), *Лопухі* п. (Пералум'е Жаб.), *Чырэт* с. (Скокі Бр.), *Хмілёўка* л. (Навасады Бр.).

Адзінкавыя мікратапонімы ўтвораны ад назваў ягад і ягаднікаў і абазначаюць пераважна лясныя ўрочышчы і балоты. Напрыклад: *Маліна* хм. (Шышова Кам), *Малінава* частка л. (Яўсімавічы Кобр.), *Маліновэ місцэ* ўч. л. (Рыцец Бр.), *Чырныччэ* п. (Верхалессе Кобр.).

Для даследуемай тэрыторыі характэрнай адзнакай з'яўляецца шырокае выкарыстанне ў якасці мікратапанімічных асноў назваў мясцовай флоры. Для жыхароў гэтых мясцін лес і расліны мелі (і зараз маюць) першаступеннае гаспадарчае значэнне. Тут людзі адваёўвалі кавалкі ворнай зямлі, церабілі хмызнякі для сенажацей. Нарэшце, лясныя масівы на ўсіх этапах чалавечага грамадства былі добрым арыенцірам на мясцовасці. Таму цесная сувязь паміж мікратапанімічнымі асновамі і матывуючымі іх назвамі мясцовай флоры зусім заканамерная і абумоўлена гаспадарчай практыкай чалавека.

Такім чынам, мікратапонімы, матываваныя апелятывамі, што абазначаюць прыродна-геаграфічныя паняцці, найбольш шырока фіксуюць у сваім складзе назвы, звязаныя з тапаграфічнымі асаблівасцямі мясцовасці, і, як правіла, характарызуюць мясцовы рэльеф. Прычым лексіка-семантычныя асаблівасці матывавальнай асновы звычайна абумоўліваюць замацаванасць мікратапоніма за тым ці іншым відам геаграфічнага аб'екта.

Спіс умоўных абазначэнняў

Раёны: Бр. – Брэсцкі; Жаб. – Жабінкаўскі; Кам. – Камянецкі; Кобр. – Кобрынскі; Мал. – Маларыцкі.

Іншыя скарачэнні: б. – балота; в. – вёска; в.-ў. – востраў; г. – гара ; гарыст. мясц. – гарыстая мясцовасць; д. – дарога; л. – лес; м. – мост; п. – поле; с. – сенажаць; узв. – узвышша; узг. – узгорак; ур. – урочышча; уч. – участак; хм. – хмызняк; р. – роў; ніз. – нізіна.

Літаратура

1. Беларуская анамастыка : зб. Артыкулаў / НАН Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 173 с.

2. Беларуская анамастыка : зб. Артыкулаў / НАН Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 447 с.

И.А. Королёва
Смоленский государственный университет
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 81’373.2(082)

ТОПОНИМЫ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (смоленско-витебское пограничье)

Ключевые слова: *лингвокультурология, топоним, смоленско-витебское пограничье, культурный код, комплексный анализ топонима.*

В статье рассмотрена проблема лингвокультурологического изучения топонимов смоленско-витебского пограничья. Основы топонимов при комплексном анализе позволяют выявить лингвокультурный код, который расшифровывает лингвистическую и экстралингвистическую информацию, содержащуюся в них. Даны образцы анализа топонимов смоленско-витебского пограничья.

I.A. Koroleva
Smolensk State University

Key words: *cultural studies with linguistic aspects, a toponym, Smolenk-Vitebsk borderline, cultural code, the comprehensive analysis of a toponym.*

The article deals with the problem of cultural studies with linguistic aspects of toponyms of the Smolenk-Vitebsk borderline. The comprehensive analysis of the roots of toponyms allows to reveal linguoculturological code. This code decrypts toponyms’ linguistic and extra linguistic information. The examples of the analysis of toponyms of the Smolenk-Vitebsk borderline are given.

Положение об антропоцентрической парадигме современного научного знания в настоящее время может считаться общепризнанным. В центре внимания ученых – личность носителя языка, то есть языковая личность [1]. Естественно, актуальным стал тезис о самой тесной связи языка и культуры, появилась новая область языкознания – лингвокультурология, изучающая проявление культуры того или иного народа, отразившееся и закрепившееся в языке [5].

Особую сферу в лингвокультурологических исследованиях занимает рассмотрение имен собственных (ИС), особенно антропонимов и топонимов, которые лишь в последнее время стали активно включаться в лингвокультурологические разыскания (исключения составляют прецедентные онимы, уже неплохо описанные) [6; 7]. В настоящей статье мы обращаем внимание на анализ топонимов русско-белорусского (в частности, смоленско-витебского) пограничья – таких, например, как, Рудня, Велиж, Красный, Витебск, Лиозно и др.

Приграничная (пограничная) зона – особое территориальное пространство, характеризующееся специфическими особенностями во всех областях жизнедеятельности человека: экономике, управлении и самоуправлении, сферах развития науки, культуры и, конечно же, в языке. Для Смоленской области, естественно, объемной частью приграничья являются территории, сопредельные с Республикой Беларусь. Русско-белорусская граница в настоящее время составляет 959 километров, из них 463 километра приходиться на Смоленский регион, соседствующий с двумя крупными белорусскими областями – Витебской и Могилевской. Около 200 километров приходится на границу Смоленской и Витебской областей. В современную приграничную зону входят шесть районов: северо-западные и западные районы Смоленщины (Велижский, Руднянский и часть Краснинского) и северо-восточные районы Витебской области (Витебский, Лиозненский и Дубровенский) [4, 86].

Языковые особенности приграничной зоны – предмет специальных лингвистических исследований и касаются рассмотрения различных языковых уровней. Особый интерес вызывают топонимы – названия географическимх объектов, причем как официальных, так и неофициальных. В их основах при ономастическом исследовании хорошо прочитывается и расшифровывается лингвокультурный

код, который при декодировании раскрывает информационное поле топонима, содержащее самую разноплановую информацию: историческую, культурологическую, этнолингвистическую, социальную и, конечно же, языковую, ибо топонимы как ИС в конечном счете исходным всегда (даже через ступень другого онима в цепочке образования) имеют нарицательное имя. Таким образом, топонимы – это свернутый лингвокультурный код [3, 32] и топонимическая лексика является особым пластом онимов, содержащим в себе информацию о человеке и месте, где он проживает.

Топонимическое пространство приграничья, если говорить о его официальной географической номенклатуре названий, определяется в соответствии с представлением А.В. Суперанской как пространство, «которое заполнено в строго установленных местах названиями определенных типов, при этом каждому поколению известны не только свои современные географические названия, но и названия предыдущих эпох» [9, 15]. Приграничное смоленско-витебское топонимическое пространство интересно тем, что имеет особую историческую специфику: современные приграничные районы в течение длительного времени входили в состав единых территориальных объединений (начиная от Смоленско-Полоцкого княжества, потом Великого княжества Литовского, затем Речи Посполитой, далее Российской Империи и, наконец, бывшего Советского Союза), что позволяет говорить о значительной общности в номинировании географических объектов [8].

По проекту сбора российских топонимов для информационной системы «Топонимия России», которая создана в Институте языкознания РАН в память об Александре Васильевне Суперанской, топонимы смоленско-витебского приграничья представлены пока еще в небольшом количестве: это названия районных современных центров – Велиж, Рудня, Красный. Однако начало положено. В настоящей статье приводим примеры образцов лингвокультурологического анализа двух топонимов – пгт. Красный и г. Велижа. Показано, как при лингвокультурологическом исследовании вскрывается многослойная комплексная лингвистическая и экстралингвистическая информация, подтверждающая правильность определения топонима как свернутого лингвокультурного кода [2].

Карточка топонима

Поле	Текст
Топоним	Кра́сный
Регион	Смоленская область
Разряд	Ойконим
Тип объекта	Поселок городского типа (пгт)
Общие сведения	Рабочий поселок, центр Краснинского района Смоленской области, расположен в 45 км к западу от Смоленска, приграничье с Республикой Беларусь.
Упоминание в документах	Одно из древних поселений Смоленщины, впервые упоминается в уставной грамоте смоленского князя Ростислава под 1150 годом. Постоянно был приграничной, порубежной территорией, крепостью, охранявшей западные рубежи Смоленского княжества. В XV–XVII вв. находился в составе Великого княжества Литовского, затем Речи Посполитой. Имел разные названия: Красен, Красное, Красный: «… ходил литвин Велижсково повету Еремка в Сщюческой волости в Красном…» [Памятники обороны Смоленска, 39. 1609 г.]; « В Дубровенском стане село Красное…» [СМИМ, 9. 1666 г.]
Происхождение топонима	Древнерусское *красный* «красивый». Красный – «красивое место».
Словообразовательная модель	Субстантивированное имя прилагательное в форме мужского рода единственного числа именительного падежа.
Наименование жителей	Кра́снинцы, -нцев; кра́снинец, -нца.
Производные	Кра́снинский, -ая,-ое.
Историко-культурная информация	В 1654 г., когда Красный был присоединен к России, он стал дворцовым селом царя Алексея Михайловича. В 1776 г. получил

Поле	Текст
	статус уездного города и ему был пожалован герб. В нижней половине поля изображена крепость с вратами между двумя башнями, что символизирует могучий оплот на западных рубежах русского государства. Краснинцы помнят свою историю. Именно Красный оказался первым русским городом, спутавшим планы Наполеона добиться лёгкой победы. Помимо того, М.И. Кутузов именно за успешные действия по разгрому наполеоновской армии под Красным при её отступлении был удостоен фамильного титула – Смоленский.
Список литературы	*Источники* Готье Ю. В. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. М., 1912 г. №39. СМИМ – Смоленский исторический музей (отдел фондов). Д.9, 1666 г. Челобитная шляхтича Ивана Куницкого о беглом крестьянине. *Литература* Смоленская область. Энциклопедия. Т.2. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 214–215. Королева И. А. Смоленская ономастика. Смоленск: Маджента, 2012. С. 11. Смоленская область. Краеведческий словарь. М.: Московский рабочий, 1978. С. 94–95. Махотин Б. А. К живым истокам. Смоленск: Московский рабочий, 1989. С. 75–79.

Карточка топонима

Поле	Текст
Топоним	Ве́лиж
Регион	Смоленская область
Разряд	Ойконим
Тип объекта	Город
Общие сведения	Районный центр Смоленской области, расположенный в 116 км к северо-западу от Смоленска, на границе с Республикой Беларусь (Витебская область).
Упоминание в документах	Одно из первых упоминаний о городе относится к 16 в.: «В лето 7044 апреля в 19 день князь Великий Иоан Васильевич и мати его Великая княжна Елена велели поставити город в Торопецком уезде на Велижском городище, город Велиж,… и доделать месяца июля, в третье лето государева его» [Царственная книга Ивана Грозного, 1536, С. 24].
Происхождение топонима	По мнению Г. П. Смолицкой, существует две версии происхождения названия: славянская и балтийская. Корень *вел* можно связать с апеллятивом *велий* «большой», известным во всех славянских языках – так, возможно, в верхнем течении называлась река Западная Двина, на которой находится Велиж – Велья. Названия с формантом -ЕЖ (-ИЖ), которые обозначают принадлежность населенного пункта к какому -либо объекту, например, реке Ве́лиж (старое название Вели́ж), встречаются на центральной русской территории (Себеж, Трубеж, Велишка и др.). Возможна и балтийская версия для названия гидронима, реки, давшей название городу. Ее название связывают с названиями Велейка (бассейн Днепра), Вилейка (бассейн Немана), которые, скорее всего, имеют балтийское происхождение [Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России, 2002. С. 48].

Поле	Текст
Словообразовательная модель	Вел + иж
Наименование жителей	Велижа́не, -ан; велижа́нин, -анина; велижа́нка, -анки.
Производные	Ве́лижский, -ая, -ое; вели́жский -ая, -ое (устаревшее)
Историко-культурная информация	Город Велиж – исстари порубежная территория Русского государства. На протяжении всей второй половины XVI в. и в XVII в. он находился в зоне боевых действий русско-польских войн, переходил из «рук в руки». Окончательно вошел в состав Русского государства в 1772 году. В дальнейшем входил в Полоцкое наместничество, был уездным городом Витебской губернии с крупной транзитной торговлей: из него транспортировали в Витебск, Ригу и далее за границу зерно, льнопродукты, коноплю, пеньку, кожи, лес. Славился город своими краснодеревщиками. В составе Смоленской области находится только с 1937 года, граничит с Витебской областью Республики Беларусь.
Список литературы	*Источники* Царственная книга Ивана Грозного. М., 1536. *Литература* Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 47–49. Королева И.А. Смоленская ономастика. Смоленск: Маджента, 2012. С. 5. Смоленская область. Краеведческий словарь. М.: Московский рабочий, 1978. С. 24. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 48. Будаев Д.И., Махотин Б.А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск: Смядынь, 2009. С. 44. Махотин Б.А. К живым истокам. Смоленск: Московский рабочий, 1989. С. 44–46.

Литература

1. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 3–8.
2. Королева, И. А. Географические названия смоленско-витебского пограничья как обозначения объектов культурно-языкового ландшафта / И. А. Королева // Материалы для исследования культурно-языкового ландшафта смоленско-белорусского пограничья. – Смоленск : СмолГУ, 2014. – Вып. 1. – С. 49–60.
3. Королева, И. А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код / И. А. Королева // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Филол. науки. – 2015. – № 8. – С. 31–39.
4. Королева, И. А., Евсеева, О. С. Смоленско-витебское пограничье как отдельное топонимическое пространство : состояние изученности проблемы / И. А. Королева, О. С. Евсеева // Изв. Смол. гос. ун-та. – 2015. – № 1(29). – С. 86–96.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е издание. – М. : Академия, 2004. – 208с.
6. Мезенко, А. М. Белорусская ономастика. Топонимика / А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.
7. Мезенко, А. М. Прецедентные имена в сфере наименования вин / А. М. Мезенко // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч.-пр. конф., Смоленск, 17–18 марта 2015 г. – Смоленск : СмолГУ, 2015. – С. 157–162.
8. Николаенко, С. Н. Языки пограничья Витебщины и Смоленщины в период Речи Посполитой и Российской империи / С. Н. Николаенко // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации : материалы междунар. науч.-пр. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. – С. 269–272.
9. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 180 с.

В.В. Косолапов
Член РГО, член РОИИ, краевед, г. Геленджик
e-mail: 1kvv000@mail.ru

УДК 801

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ ГЕЛЕНДЖИКА

Ключевые слова: *античное время, средневековье, Геленджик, ойконимы, пелагонимы, этимология.*

В свете реконструкции Трубачевым О.Н. реликтов индоевропейского языка, подтверждающей проживание в античную эпоху на Восточно-Черноморском побережье индоарийских народов, автор приводит свою аргументацию для этимологии топонимии Геленджика и Геленджикской бухты, опираясь на местные условия природы и климата.

V.V. Kosolapov
Gelendzhik, local historian

HISTORICAL TOPONYMY OF HELENDZHIK

Key words: *antiquity, middle ages, Helendzhik, oikonyms, pelagonyms, etymology.*

In the light of the reconstruction Trubachev O.N. relics of the Indo-European language, confirming residence in antiquity in the Eastern black sea coast of the Indo-Aryan peoples, the author gives his arguments for the etymology of the toponymy of Helendzhik and Helendzhik Bay, based on the local conditions of nature and climate.

В античную эпоху на территории современного Геленджика жили тореты – береговые от древне-индийского tara‘берег’. Селение на северо-западном берегу Геленджикской бухты называлось Торик/Торикос от tarika ‘паром, лодка; паромщик, лодочник’ [4, 283].

Названия, приведенные выше, − безлики. Они не отвечают естественному желанию выделиться из совокупности всех проживающих в данном регионе народов. Все индоарийские народы Азово-Черноморского побережья кроме жителей Таманского архипелага были ‘береговыми’ жителями. Все они использовали лодки, например, для ловли морских обитателей. Паромщики, как профессионалы, им были не нужны. Вот на Тамани они могли быть востребованы, как для внутренних перевозок, так и внешних− с Крымским берегом.

В словаре Monier-Williams M.A. [3] можно найти другие, более соответствующие местным условиям значения вышеупомянутых этнонима и ойконима: taraTa – колючее, тернистое растение. Побережье г. Новороссийска и г. Геленджика обладает жарким климатом и недостаточным увлажнением. И потому изобилует ксерофитными растениями с острыми шипами и хвоинками, такими, как держидерево, терн, шиповник, иглица понтийская, ежевика, сассапариль, боярышник, алыча, можжевельники и другие [2, 25]. Количество осадков возрастает по мере продвижения на юг, а вместе с ним уменьшается и количество ксерофитов. На территории современного Сочи они почти полностью отсутствуют. Поэтому внешний вид прибрежных лесов северной части Черноморского побережья мог дать очень меткое название его обитателям, позволяющее им индивидуализироваться из общей массы береговых жителей.

Tara – имеет значение ‘переправа, переезд по воде’ [4, 282]. Торик находился возле горловины бухты шириной всего 1850 м, удобного места на перекрестке водных и сухопутных дорог. Сама бухта в два раза длиннее и шире. Места у самой кромки моря к северо-западу и юго-востоку от бухты были более удобны для проживания, чем у северо-восточного берега бухты, где дуют сильные ветры норд-осты. На морском побережье к юго-востоку от бухты в античное время также были поселения, поскольку там были построены подкурганные гробницы из тонких каменных плит. Добраться туда из Торика легче было на лодке.

Интересна еще одна аналогия. В Ведах известен дерзкий асура Тарака [3], которому повиновались даже ветры. Укротитель сильного местного ветра норд-ост!? Мечта любого местного жителя.

В римскую эпоху на берегах бухты было селение Пагра. Трубачев О.Н. производит его от слова upagra ‘крайний, верхний’ [4, 285]. Там же он дает и другое слово с тем же значением: agra-. Приставка upa- в словаре [3] имеет значение ‘возле, около’. Таким образом, upagra- означает ‘возле, около края, верха (чего-то)’. Северо-западный мыс бухты (Тонкий) имеет низкие берега, а юго-восточный мыс (Толстый), наоборот, высокие. Со стороны Геленджикской бухты ее берега повышаются во все стороны, кроме Тонкого мыса. Исключив высокие вершины хребтов, остается только невысокая удобная ровная возвышенность Толстого мыса [2, 50]. Ненайденное римское селение Пагра, видимо, было построено возле верха Толстого мыса. Римская башня возле села Архипо-Осиповки построена также вблизи моря на ровной поверхности возвышенности [1].

В византийскую эпоху появляется еще один ойконим – Епта́ла/Гепта́ла. Трубачев О.Н. приводит оригинальное древне-индийское слово Σπαταλοῦλιμένα, где первое произошло от su-parta- / su-patta- ‘добрая, прекрасная гавань’ [4, 279]. Грекизация привела к изменению смысла – ‘семь гаваней’от др.-гр. епта ‘семь’ [1]. Там же Трубачев О.Н. приводит другой пелагоним для Геленджикской бухты: *calolimena* ‘прекрасная бухта’ (со средневековых портуланов).

Очевидно, что Торик и Пагра были поселениями с постоянным населением. А Епта́ла и Калолимена – пелагонимы Геленджикской бухты, на берегах которой находился непостоянно живущий персонал, выполнявший работы по обслуживанию заходящих кораблей и другие временные занятия. Согласно Трубачеву О.Н. в античную эпоху на Черноморском побережье Кавказа в районе современного Геленджика жил индо-арийский народ тореты [4, 24–25]. Они занимались земледелием и разведением крупного рогатого скота. После гуннского нашествия в IV веке они покинули эти места. Последующие народы селились не на побережье, где стали часто появляться пираты, а в горных ущельях, удаленных от моря на значительное расстояние. Эта традиция сохранилась и позднее, во времена Османской империи. На берегах Геленджикской бухты находились только портовые служащие. А местные жители шапсуги пасли здесь скот. Их топоним Хъулъыжъий – широкое пастбище [1].

Интересен еще один ойконим − Никаксин для поселения в районе современной Новороссийской бухты. Трубачев О.Н. приводит его семантическую аналогию – половецкое qoltuq ‘небольшая долина, прикрытая извилистыми холмами’ [4, 258].

Климат Новороссийской бухты в средневековье ухудшился по сравнению с античностью. В частности усилились норд-осты. Они дуют перпендикулярно хребтам, идущим параллельно береговой линии. И нынче Новороссийск славится на Черноморском побережье самыми сильными норд-остами до 50 метров в секунду [2, 22].

Nikaksin – ‘находящийся в отдаленном скрытом месте’. Ср. др.-инд. ni- ‘задний, отдаленный’, kaksa- ‘скрытое место’ и -in- ‘адъективный суффикс’ [3].

В районе Новороссийска-Геленджика имеются такие закрытые от ветров и невидимые со стороны моря широкие долины между Маркотхским и Приморским хребтами, пригодные для земледелия.

Ойконим Никаксин позднее получил продолжение в наименовании шапсугских реки и поселения Накопсе (современный муниципальный округ Кабардинка г. Геленджика). Река берет начало на Маркотхском хребте, протекает по межгорной долине, прикрытой извилистыми холмами горы Дооб, и впадает в Новороссийскую бухту в селе Кабардинка [2, 22].

Также ему созвучно название горы Нексис в Геленджике. Она прикрывает со стороны моря защищенный от ветров широкий и невысокий водораздел рек Адербы и Шебс, где теперь находятся яблоневые сады.

Литература

1. ИСТОРИЯ Геленджика и северо-восточного побережья Черного моря [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gelendshik.ru/ghi.htm. – Дата доступа : 30.11.2015.

2. Колесникова, А.А. Геленджик / А.А. Колесникова [и др.]. – Краснодар : Кн. Изд., 1968. – 97 с.

3. Monier-Williams, M.A. Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1964 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.srimadbhagavatam.org/downloads/SanskritDictionary.html. – Дата доступа : 30.11.2015.

4. Трубачев, О. Н. INDOARICA в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1999. – 320 с.

В.В. Котович
Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка
e-mail: virako@ukr.net

УДК 811.161.2’373

ОЙКОНІМИ ГАЛИЧИНИ XIV–XV стст.: АРХАЇЧНІ ПОСЕСИВНІ УТВОРЕННЯ

Ключевые слова: *ойконим, антропоним, принцип номинации, посесивное образование, архаическая ойконимотворительная модель.*

*В статье рассмотрены ойконимы Галицкой земли, образованные с помощью архаического суффикса -*jь (-*j-a, -*j-e) и зафиксированные историческими документами XIV-XV вв. Бытование таких названий свидетельствует как о древнейшей колонизации края, так и о богатстве украинского именослова. Своеобразие этимологизации ойконимов еще и в том, что этимоном для них часто служат антропонимы, которые, во-первых, созвучные с апелятивамы, а во-вторых, не зафиксированные в известных ономастиконах или в других документах. Именно наличие ойконимов нередко позволяет реконструировать соответствующие антропонимы.*

V.V. Kotovich
Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko

OYKONIMY GALICIA XIV–XV CENTURIES: POSSESSIVE ARCHAIC FORMATION

Key words: *oykonim, anthroponym, principle nomination, possessive formation, archaic oykonimotvirna model.*

*In the article the oykonimy Galician land formed using archaic suffix -*jь (-*j-a, -*j-e) and recorded historical documents of the XIV-XV centuries. Existence of such names as evidence of most ancient colonization of the land and the wealth Ukrainian dictionary of names. Etymologization oykonimiv peculiarity in the fact that they often etymon to serve anthroponomy that, firstly, in tune with the appellative and, secondly, not fixed in famous onomasticon or other documents. The presence oykonima often possible to reconstruct the corresponding antroponim.*

Східна Галичина, споконвічна територія Західної України – це теперішні Львівська, Івано-Франківська, Тернопільська (крім північної частини) області.

Галицька земля перейняла державницьку естафету від могутньої Київської України-Руси, а далі на всіх історичних поворотах середньовічної доби, нового періоду включно до нашого часу підсилювала серцебиття українського народу. Найдавніші самостійні державні утворення цього краю – Галицьке князівство (1084–1199 рр.) та Галицько-Волинське князівство (1199–1349 рр.).

У середині XIV ст. Галичина стала об’єктом суперечки між Польським королівством, Угорським королівством та Литовською державою. 1349 року військо Казимира III захопило Львів і Галицько-Волинські землі увійшли до складу Польського королівства як Руське воєводство, що складалося з п’яти земель: Сяноцької, Перемишльської, Львівської, Галицької та Холмської. Галицькі міста й села роздавалися польським, німецьким, угорським, чеським феодалам, найчастіше збіднілим рицарям, які переселилися сюди в пошуках легкого збагачення. Однак навіть за таких умов давні поселення зберігали свої автохтонні назви, а ті, що утворювалися в цей час, за незначним винятком, продовжували номінуватися за принципами давньоукраїнського назвотворення.

Як правило, заселені людиною об’єкти іменувалися за приналежністю до певної особи; за назвою людей, що жили в тих поселеннях; за відношенням населеного пункту до інших примітних на території об’єктів; за типом, формою, розміром, функцією тощо [1, 296].

Сьогодні чітко виокремлюємо чотири принципи, за якими здійснювалася номінація поселень в Україні: через відображення в їх назвах зв’язку з іменуванням окремої особи або групи осіб; через відображення в їх назвах зв’язку з назвами сусідніх (у рідкісних випадках віддалених)

географічних об'єктів; через відображення в їх назвах індивідуальних особливостей (ознак) самого населеного пункту; через відображення в їх назвах економічно-виробничих, суспільно-політичних факторів та пам'ятковості [1, 348].

Людина (чи група людей), іменуючи поселення, відбиває в його назві ті ознаки, які на той момент видаються найхарактернішими, найяскравіше можуть виділити його серед інших. Тому посесивність, чи приналежність поселення певній особі, є найархаїчнішим способом іменування населених пунктів Славії. Поселення, що були номіновані через відображення в їхніх назвах зв'язку з іменуванням окремої особи, викликають нині неабиякий інтерес. Найдавніші серед них – посесивні утворення на **-*jь (-*ja, -*je)**. Приналежність об'єкта особі, виражена в назвах з таким формантом, вказувала на давню індивідуальну приналежність. У назві міста закріплювалося ім'я родоначальника, вождя, князя, іншої відомої особи. І якщо Іпатіївський та Лаврентіївський літописи фіксують лише декілька ойконімів на **-*jь** прадавніх земель Галицької та Галицько-Волинської: **Галич, Збираж (Збараж), Теребовль, Толмач, Удечь (Жидачів)**, то в писемних джерелах XIV-XV ст. (а це з-поміж опрацьованих нами 25-томове видання "Akta grodzkie i ziemskie", "Matricularum Regni Polonia Summaria", рукописні матеріали Львівського гродського, Львівського та Галицького земського судів тощо) таких ойконімів є набагато більше.

Лінгвістична цінність таких назв у тому, що вони, по-перше, свідчать про прадавню колонізацію краю. Відомо, що словотворчий архетип на **-*jь** походить із часу племінного співжиття слов'ян праслов'янської епохи, формування якого сягає праіндоєвропейської доби. Сліди назв на **-*jь** збереглися з VI-VII ст. Продуктивність топонімотвірного форманта **-*jь** була характерна для племінного та ранньофеодального періодів, а у XII-XIII ст. цей формант уже перестав виконувати топонімотвірну роль. У хронологічному відношенні суфікс **-*jь** утратив свою продуктивність після зникнення **-*j-** у зв'язку з розвитком кореляції палатальності, тобто після першої палаталізації задньоязикових приголосних і зокрема після зникнення редукованих голосних у слабкій позиції.

По-друге, посесивні архаїчні утворення на **-*jь** фіксують багатство давнього українського іменника. Етимонами для ойконімів часто слугують такі антропоніми, які вже ані збереглися в людській пам'яті, ані засвідчені жодним документом.

Розглянемо в алфавітному порядку ойконіми Галицької землі, утворені за допомогою давнього посесивного суфікса **-*jь (-*j-a-*j-e)**, засновані ще до XIII ст., однак вперше засвідчені архівними матеріалами XIV-XV ст.

Бибель (ІФ, тепер Набережне): 1375 р. – *Bibel* [AGZ II, 6] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви **Бибелъ* < **Бытибелъ*, пор. відповідні компоненти в інших іменах-композитах: *Быт[и]-, -битъ*: *Butmar* [SSNO I, 295], *Radobyt* [Sv., 72]; *Бел[и], -белъ*: *Niedabil* [SSNO IV, 36], *Белизар, Белослав* [Ил., 70]. Втрата імені-композита, від якого утворився гіпокористик, а згодом і втрата самої особової назви **Бибелъ* призвела до того, що загубився первісний мотив номінації поселення. Історичні джерела фіксують похідний від давнього ойконіма антропонім – *Бибельський* [AGZ V, 5]. З XVIII ст. офіційним стає варіант назви поселення з фінальним **-о**: *Библо* [1785-1788 рр. – *Bybło* – ЙМ, 30]. Очевидно, вважаючи його немилозвучним, а також зважаючи на те, що село *Библо* розташоване на березі ріки *Бибелька*, назва якої є секундарною щодо первісного ойконіма *Бибель*, поселення було перейменовано на *Набережне*.

Білогощ (Льв., тепер Білогоща): 1356 р. – *Bielohoscz* [AGZ III, 17] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної композитної власної особової назви **Бѣлогость*. Антропонім **Бѣлогость* не засвідчений у відомих нам ономастиконах, однак компоненти такої назви є в складі інших композитних імен (препозитивний компонент *Біло-*: *Бѣловодъ, Бѣлосавъ, Бѣлославъ, Бѣлозудъ* [Мор., 32]; постпозитивний компонент *-гостъ*: *Гостиборъ, Гостивитъ, Гостирадъ* [Мор., 62-63]).

Біще (Тр.): 1317 р. – *Bescze* [ZDM IV, 39] – посесив на ***-je** від слов'янської автохтонної відапелятивної власної особової назви *Бѣско* [Туп., 41].

Борислав (Льв., первісно, очевидно, Бориславль): 1387 р. – *Boryslaw* [MRPS IV, 330] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної композитної власної особової назви *Бориславъ* [Туп., 38].

Вербіж (Льв.): 1375 р. – *Wierzbansch* [AGZ V, 12]; 1407 – *ВєрбѦжь (Вербяжь)* [Росп., 72]; 1463 р. – *Werbiz (Wirzbyansz)* [AGZ II, 173] – посесив на ***-jь** від антропоніма **Вербягъ* або **Вербяга.* Походження цієї назви досі обростає народною етимологією через співзвучність ойконіма з апелятивом *верба*. Однак цілком схиляємося до думки М. Худаша, який переконує, що ойконім – відантропонімне утворення і міг утворитися не лише від слов'янської автохтонної відапелятивної власної особової назви **Вербягъ* (**Вербяга*) < **Верба*, але й від імені-композита *Вербославъ* [Мор., 37], засвідченого Густинським літописом 1273 р. [2, 56].

Волоща (Льв.): 1442 р. – *Wloszcza* [AGZ XIV, 18] – посесив на **-*ja** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви **Волость*, пор. *Волосъ*, *Волотъ* [Мор., 47] (від імені-композита типу *Волостиборъ* (*Włościbor* [SSNO VI, 153]).

Гнильче (Тр.): 1435-1456 рр. – *Hnilcze* [Akt., ф. 6, оп.3, спр. 1; 47] – посесив на **-*je** від слов'янської автохтонної відапелятивної власної особової назви **Гнилько*.

Гординя (Льв.): 1474-1478 рр. – *Hordyna* [AGZ XVIII, 428] – посесив на **-*ьja** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви *Гординъ* [Мор., 61] (від якогось із імен-композитів типу *Гордеборъ*, *Собегордъ* [Мор., 61, 181]).

Дрогобич (Льв.): 1378 р. – *Drohobicz* [KŁP I, 536]; 1498 р. – около *Дорогобича* [ПСРЛ, 361] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної композитної власної особової назви **Дорогобитъ.* Антропонім **Дорогобитъ*, хоча і не засвідчений у відомих нам ономастиконах, однак компоненти такої назви є в складі інших композитних імен (препозитивний компонент *Дорого- (Дрого-, Драго-)* – як у препозиціях давніх українських, лужицьких, чеських, польських особових власних назв: *Дорогобугъ, Дорогомилъ* [Мор., 457], *Drahobul, Drahobud, Drahomil, Drahomir, Drahorad* [Sv., 75], так і в постпозиціях: *Nedrah, Setidrah, Sobedrah* [Sv., 75]; постпозитивний компонент *-битъ* фіксується серед давніх сербських імен у препозиції: *Битомиръ* [Пач., 12], а серед чеських – у постпозиції: *Radobyt* [Sv., 72]).

Жизномир (Тн.): 1427 р. – *Szysnomirzs* 1427 [AGZ XII, 75] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної композитної власної особової назви *Жизномиръ,* пор. старочеське *Žiznomir* [Sv., 93].

Любша (ІФ): 1435 р. – *Lubca* [Akt., ф. 6, оп. 3, спр. 1; 88] – посесив на **-*ьja** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви *Любшъ* < *Любъ* [Мор., 115; Туп., 293]. Особова назва *Любъ* – відантропонімне відкомпозитне утворення, яке виникло шляхом усічення слов'янських автохтонних власних імен-композитів з препозитивним компонентом *Люб[и,о]-* типу *Любгостъ, Любивой, Любимиръ, Любодрагъ, Любомиръ, Люборадъ, Любославъ* [Мор., 114, 115].

Молодинче (Льв.): 1443 р. – *Młodowicze* [AGZ XIV, 78]; 1454-1479 рр. – *Molodincze* [Akt., ф. 10, оп. 4, спр. 1-II; 46] – посесив на **-*je** від слов'янської автохтонної відапелятивної власної особової назви **Молодинко*, пор. власні особові назви *Молодой* [Мор., 129; Туп., 254]; *Младен, Младенчо, Младо* [Ил., 276], *Молодчик* [Демч., 177].

Прибинь (Льв.): 1460 р. – *Przibyń* [AGZ VII, 273] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви *Прибинъ* [Мор., 157] < **Прибъ* (від якогось із імен-композитів типу *Прибеславъ, Прибивой, Прибирадъ, Прибиславъ* [Мор., 157]).

Самбір (Льв.): 1390 р. – *Sambor Nova Olim Pohonicz* [AGZ VI, 2]; 1430 р. – *Sambor* [AGZ V, 61] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної власної особової композитної назви *Самборъ* [Мор., 171].

Станиля (Льв.): 1439 р. – *Stanila* [AGZ XIII, 1182] – посесив на **-*ьja** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви *Станилъ* [Мор., 184] (від якогось із імен-композитів типу *Станимиръ*, *Станиславъ* [Мор., 184], *Добростанъ*).

Тумир (ІФ): 1443 р. – *Thumyrz* [Źr. Dź. XII, 118]; 1469 р. – *Thumyr* [Źr. Dź. XVIII/1, 31] – посесив на **-*jь** від особової назви **Тумиръ* – відкомпозитного утворення, яке виникло шляхом усічення другого складу препозитивного компонента імені-композита типу *Тугомиръ*, *Тулимиръ* [Мор., 195].

Уріж (Льв.): 1437 р. – *Uroz* [AGZ XIII, 42] – посесив на **-*jь** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви **Урогъ* (від якогось із імен-композитів типу **Унирогъ, *Усерогъ, *Устирогъ*).

Черниче (ІФ): 1498 р. – *Czerncze* [AGZ XII, 34] – посесив на **-*je** від від слов'янської автохтонної відапелятивної власної особової назви **Чернко*, пор. *Чернка* [Мор., 206].

Явче (ІФ): 1423 р. – *Jawcze* [AGZ III, 183] – посесив на **-*je** від слов'янської автохтонної відкомпозитної власної особової назви **Явко* < **Явъ*, пор. *Явило* [Мор., 211], *Явуръ* [Туп., 513], *Jawczek, Jawcko, Jawiec, Jawien, Jawita* [SSNO V, 468] (від якогось із імен-композитів типу *Явидъ, Яволодъ* [Мор., 211], *Явибор, Явимир* [Пач., 51]).

Ми розглянули лише ті галицькі ойконіми, утворені за допомогою давнього суфікса **-*jь (-*ja, -*je)** і засвідчені документами XIV-XV ст., які співзвучні з відомими в українській мові апелятивами, тож часто слугують підґрунтям для народноетимологічних домислів та припущень. Тільки ретельні ономастичні дослідження дають підстави стверджувати, що не апелятиви, а антропоніми *Бибелъ* < **Бытибелъ*, **Бѣлогость*, *Бѣско*, *Бориславъ*, **Вербягъ* (**Вербяга*) < *Вербославъ*, **Волость* < *Волостиборъ*, **Гнилько*, *Гординъ* < *Гордеборъ*, **Дорогобитъ*, *Жизномиръ*, *Любшъ* < *Любгостъ*, **Молодинко*, *Прибинъ* < *Прибеславъ*, *Самборъ*, *Станилъ* < *Станимиръ*, **Тумиръ* < *Тугомиръ*, **Урог* < **Унирогъ*, **Чернко*, **Явко* < *Явидъ* стали етимонами для прадавніх посесивних ойконімів.

Джерела

Демч. – Демчук, М. О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV-XVIII ст. / М. О. Демчук. – К. : Наукова думка, 1988. – 172 с.

Ил. – Илчев, С. Речник на личните и фамилни имена у българите / С. Илчев. – София : Изд-во на Българската Академия на науките, 1969.

ЙМ – Йосифінська (1785–1788) і Францисканська (1819–1820) метрики : Перші поземельні кадастри Галичини. Покажчик населених пунктів. – К., 1965.

Мор. – Морошкин, М. Я. Славянский именослов или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке / М. Я. Морошкин. – Спб., 1867. – 213 с.

Пач. – Пачичъ, И. Именословъ или речникъ личны имена разны народа славенски / И. Пачичъ. – Будим : Миловукъ, 1828.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологическою комиссиею. Спб., 1843. – Т.2 : Густинская летопись. – 356 с.

Росп. – Роспонд, С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов / Восточнославянская ономастика. – М. : Наука, 1972. – С. 9–89.

Туп. – Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён / Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. – Спб., 1903. – Т. 6. – 857 с.

Akt – Akta grodzkie i ziemskie / ЦДІА ф. 6, оп. 3,спр. 1–121.

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1868-1935. – T. 1–25.

KŁP – Księga ławnicza (przemyska) // Wyd J.Smołka, Z.Tymińska. – Przemyśl, 1936. – T. I–II.

MRPS – Matricularum Regni Polonia Summaria. – Warszawa, 1910-1915. – Pars 4/1–3.

SSNO – Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. i ze watepem W.Taszyckiego. – Wroclaw etc., 1965–1985. – T. 1–7.

Sv. – Svoboda J. Staročeská osobni jména a naše prijmeni. – Praha: Nakladatelstvi ČSAN, 1964. – 318 s.

ZDM – Zbiór dokumentów małopolskich. – Wrocław etc., 1965-1976. – Cz.1–8.

Źr. Dź. – Źródła dźiejowe. – Warzsawa, 1902. – T. XVIII, cz. 1.

Література

1. Бучко, Г., Бучко, Д. Історична та сучасна українська ономастика : Вибрані праці / Ганна Бучко, Дмитро Бучко. – Чернівці : Букрек, 2013. – 456 с.

2. Худаш, М. Л. Українські карпатські і прикарпатські назви населених пунктів (Утворення від слов'янських автохтонних відкомпозитних скорочених особових власних назв) / М. Л. Худаш. – К. : Наукова думка, 1995. – 362 с.

О.А. Лукина
Полоцкий государственный университет
e-mail: ydacha-ola@mail.ru

УДК 811.161.1'373.21(043)

ПРОТЕСТАНТСКИЕ НАЗВАНИЯ В ЭККЛЕЗИОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *экклезионим, номенклатурный термин, проприальная часть, протестантизм, номинация.*

В статье впервые осуществляется анализ протестантских названий культовых сооружений Беларуси. Определяются структурные особенности наименований в сопоставлении с другими видами экклезионимов. Выявляется специфика номинации и распространения протестантских названий мест совершения обряда.

O.A. Lukina
Polotsk State University

PROTESTANT NAMES IN ECCLESIONYM SPACE OF BELARUS

Key words: *ecclesionym, item term, proper part, Protestantism, nomination.*

The article is devoted to the research of the names of Protestant places of worship in Belarus. Structural features of names in comparison with other types of ecclesionyms are defined. The specifics of the nomination and dissemination of the names of Protestant places of worship is revealed.

Экклезионимикон Беларуси представлен в основном христианскими названиями, среди которых особое место занимают протестантские наименования (806 единиц).

Протестантизм возник в ходе религиозного и общественно-политического движения, направленного против католической церкви и получившего название Реформации.

К числу наиболее распространённых в РБ протестантских течений относятся евангельские христиане-баптисты, пятидесятники (христиане веры евангельской, христиане полного Евангелия и др. Названия культовых сооружений баптистов на карте Беларуси расположены преимущественно в Брестской (28%) и Минской (26%) областях. Наименования христиан веры евангельской многочисленны, особенно в Брестской и Минской областях (по 31%). Экклезионимы христиан полного Евангелия сконцентрированы в основном в Минской области (40 %), малочисленны в Витебской (9%) и Могилёвской (4%).

Наименования культовых сооружений баптистов (260 единиц), как и другие экклезионимы, включают в себя номенклатурный термин и проприальную часть. В экклезионимной системе представлены следующие номенклатурные термины: *церковь евангельских христиан баптистов, церковь евангельских христиан, христианская церковь, христианская церковь евангельских христиан баптистов*. Поликомпонентность географического апеллятива объясняется попыткой выделить на языковом уровне данные культовые здания из ряда других христианских. Поэтому многие наименования баптистских храмов этим и ограничиваются (134 единицы). В структуру названия добавляется лишь наименование населённого пункта: 1) либо с помощью препозитивно стоящего имени прилагательного, 2) либо предложно-падежной формой имени существительного в конце наименования. Например, *церковь евангельских христиан баптистов в г. Пинске, Гомельская церковь евангельских христиан баптистов*. Данное явление объясняется ещё и тем, что ключевое слово *церковь*, входящее в терминологический блок, объединяет в протестантских наименованиях два значения: и молитвенный дом, и объединение людей. По такой модели образовано 51,5% наименований баптистских молитвенных домов.

Проприальная часть, взятая в кавычки, может состоять из одного или нескольких слов. Простая (однословная) непроизводная проприальная часть – в основном онимизированный апеллятив, выраженный абстрактным именем существительным. В эту группу входят следующие на-

именования: *«Спасение», «Возрождение», «Рождество», «Благодать», «Преображение», «Воскресение», «Добродетель», «Вознесение», «Надежда», «Милосердие», «Пробуждение», «Истина», «Кротость»* и др. (всего 82 экклезионима). Указанный путь образования имён А.В. Суперанская называет способом с нулевой аффиксацией, способом без специальных ономастических формантов, онимизацией (топонимизацией) апеллятива [1]. Такой модели соответствует 31,5% наименований баптистских молитвенных домов.

Следующая группа представляет собой словосочетания с подчинительной связью компонентов. Выделяются две подгруппы:

1) проприальная часть, представляющая собой словосочетание с подчинительной связью управление: *«Дом Евангелия», «Любовь Христа», «Свет Мира», «Свет Жизни», «Источник Жизни», «Путь Спасения»* и др. (23 экклезионима, 9% от всех единиц);

2) проприальная часть, представляющая собой словосочетание с подчинительной связью – согласованием: *«Благая Весть», «Новая Жизнь», «Мир Божий», «Тихие Пристани», «Новая Земля»* и др. (19 экклезионимов, 7% от всех единиц). Имя прилагательное может находиться как препозитивно, так и постпозитивно.

Немногочисленны наименования, структурно сходные с названиями православных и католических храмов: *церковь Святой Троицы* (г. Добруш Гомельской области)*, церковь евангельских христиан баптистов Христа Спасителя* (г. Жлобин Гомельской области).

Таким образом, экклезионимы – названия культовых сооружений евангельских христиан баптистов – представляют собой отдельную группу наименований, структурно отличающихся от православных и католических.

В последние годы в нашей республике переживает подъём пятидесятническое движение. Наибольшее распространение имеют христиане веры евангельской. Первые общины в 1920 г. организовали на территории нынешних Тернопольской, Ровенской и Брестской областей реэмигранты из США.

На территории современной Беларуси зарегистрировано 493 наименования молитвенных домов христиан веры евангельской.

Экклезионимы христиан веры евангельской также состоят из двух частей: номенклатурного термина и проприальной части. Номенклатурный термин поликомпонентен и включает в себя две модели: *церковь христиан веры евангельской и евангельская церковь*. Первая модель более продуктивна (237 названий) и очень часто встречается лишь с указанием на место нахождения объекта: *церковь христиан веры евангельской в г. Дрогичинецерковь христиан веры евангельской в г. Иванове*. Проприальная часть может быть однословным и многословным образованием. Примеры однословных наименований: *«Спасение», «Вознесение», Голгофа», «Возрождение», «Благодать», «Примирение»* (всего 140 единиц). Многословные наименования: *«Источник Жизни», «Свет Истины», «Голос Веры», «Камень Спасения», «Путь Жизни», «Красота Христа», «Река воды живой»* (всего 116 единиц).

Получило распространение неопротестантское движение, являющееся одним из направлений пятидесятничества. Это христиане полного Евангелия. Полное Евангелие – теологическая концепция пятидесятников, которая требует, чтобы каждый верующий в своей жизни в определённой мере повторил жизнь Сына Божьего. Различные пятидесятнические церкви вкладывают разное содержание в понятие «полное Евангелие», но большинство сходятся в том, что оно включает такие положения: рождение свыше, крещение Духом Святым и исцеление верой.

Экклезионимия христиан полного Евангелия (53 единицы) включает в себя номенклатурный термин (*церковь христиан полного евангелия*) и проприальную часть *(«Благодать», «Слово веры», «Добрая весть»* и др.). Структурно она повторяет названия других протестантских культовых сооружений.

Таким образом, наименования протестантских храмов друг от друга отличаются составом номенклатурных терминов, а от православных и католических – проприальной частью.

Далее в нашем исследовании мы рассмотрим особенности номинации экклезионимов трёх течений протестантизма, имеющих молитвенные дома на территории Беларуси.

Для протестантской экклезионимии характерными являются две противоположные особенности. С одной стороны, стремление к индивидуализации, приводящее к многообразию наимено-

ваний культовых объектов, а с другой – наличие большого количества церквей, имеющих наименование, равное номенклатурному термину – *Церковь евангельских христиан баптистов*.

В основе нашей классификации лежит понятие ключевого слова, т.е. слова или компонента проприальной части, выделяемых на основе частоты их употребления и отражающих основные понятия протестантского вероучения. По наличию в них того или иного ключевого слова названия баптистских молитвенных домов образуют различные группы.

Анализ наименований показывает следующее: 1) в баптистской экклезионимии превалируют наименования с проприальной частью «Надежда» (10 молитвенных домов, например, *церковь евангельских христиан баптистов «Надежда»* в г. Витебске), «Милость» (10), «Преображение» (6); 2) основными компонентами, формирующими проприальную часть, являются «благо», «свет», «спасение», «жизнь», являющиеся ключевыми понятиями религиозной этики. Выявлено большое количество названий (135 единиц), образованных путём онимизации номенклатурного термина.

Анализ названий христиан веры евангельской свидетельствует о превалировании экклезионимов с проприальной частью «Благодать» (84 молитвенных дома (например, *церковь христиан веры евангельской «Благодать Иисуса Христа»* в г.п. Свирь Минской области), «Спасение» (16); основными компонентами, формирующими проприальную часть, являются «Иисус Христос», «жизнь, живой», «Бог» – ключевые понятия религиозной этики. Так же, как и в баптистской экклезионимии, многочисленны наименования (237 единиц), представляющие собой онимизированный номенклатурный термин.

На основании повторяемости одних и тех же слов выделим 8 групп названий христиан полного Евангелия. Один и тот же экклезионим может входить в разные группы.

1. Названия с компонентом **«слово»** включают следующие наименования: «Слово веры» – 6 культовых сооружений, «Слово истины» – 2, «Слово жизни» – 1, «Слово пробуждения» – 1, «Живое слово» – 1. Всего 11 культовых сооружений. Например, *церковь христиан полного Евангелия «Слово веры»* (г. Брест).

2. Названия с компонентом **«жизнь»** включают 5 наименований: «Новая жизнь» – 7, «Слово жизни» – 1, «Источник жизни» – 1, «Свет жизни» – 1, «Жизнь с избытком» –1. Всего 11 культовых сооружений. Например, *церковь христиан полного Евангелия «Жизнь с избытком»* (г. Минск).

3. Названия с компонентами **«Иисус, Иисус Христос»** – 5 наименований: Иисуса Христа – 6, «Воля Иисуса» – 1, «Любовь Иисуса» – 1, «Победа Иисуса Христа» – 1, «Великое повеление Иисуса Христа» – 1. Всего 10 культовых сооружений. Например, *церковь христиан полного Евангелия Иисуса Христа* (г. Витебск).

4. Названия с компонентом **«Божий»** – 3 наименования: «Семья Божья» – 2, Царства Божьего – 2, «Посольство Божье» – 2. Всего 6 культовых сооружений. Например, *церковь христиан полного Евангелия Царства Божьего* (г. Новополоцк).

5. Названия с компонентом **«новый»** – 2 наименования: «Новая жизнь» – 7, «Новое поколение» – 6. Всего 13 культовых сооружений. Например, *церковь христиан полного Евангелия «Новое поколение»* (г. Светлогорск).

6. Названия с компонентом **«свет»** – 2 наименования: «Свет миру» – 2, «Свет жизни» – 1. Всего 3 культовых сооружения. Например, *церковь христиан полного Евангелия «Свет миру»* (г. Борисов).

7. Названия с компонентом **«живой»** – 2 наименования: «Живая вера» – 2, «Живое слово» – 1. Всего 3 культовых сооружения. Например, *церковь христиан полного Евангелия «Живое слово»* (г. Гродно).

8. Названия с компонентом **«вера»** – 2 наименования: «Слово веры» – 6, «Живая вера» – 2. Всего 8 культовых сооружений. Например, *церковь христиан полного Евангелия «Слово веры»* (г. Солигорск).

Наибольшее распространение в данном секторе экклезионимии получили названия с проприальной частью «Новая жизнь» (его носят 7 культовых объектов), «Слово веры» (6 культовых объектов), «Новое поколение» (6 культовых объектов), Иисуса Христа (6 культовых объектов).

Таким образом, протестантская экклезионимия характеризуется следующими особенностями: 1) стремлением к индивидуализации, что приводит к большому количеству непохожих друг на друга названий; 2) соотносимостью проприальной части с абстрактным понятием, что сближает экклезионимы с другими видами онимов, например, с эргонимами. Общими для всех наименований рассматриваемых нами протестантских молитвенных домов являются понятия жизни, света и имя Иисуса Христа, что объясняется особенностями вероучения данного христианского направления. Помимо основных функций слова (номинативной, коммуникативной и др.) в протестантских экклезионимах чётко выражена и занимает одно из первых мест рекламная функция (привлечение как можно большего количества людей к своей вере), что отличает данные наименования от православных и католических с их стремлением к прославлению святого, праздника и т.п.

Литература

1. Суперанская, А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 207 с.

Л.М. Марчук
Кам’янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка
e-mail: lyudmyla_marchuk@mail.ru

УДК 811.161.2’373.21 (477.43)

УРБАНОНІМИ КАМ’ЯНЦЯ-ПОДІЛЬСЬКОГО: ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *урбанонимы, урбанонимия, урбанонимическое пространство, ментальность, лингвокультурологический аспект.*

В статье исследован лингвокультурологический аспект урбанонимичного пространства города Каменца-Подольского (Украина), который имеет сложную историческую память. Анализ урбанонимов позволяет воссоздать картину исторического и ментального развития жителей города и выявить экстралингвистические факторы появления тех или иных урбанонимов, осуществить специфику моделирования через урбанонимию национального мировосприятия и национального склада мышления каменчан.

L.M. Marchuk
Kamenets- Podol'skiy
National University of Ivan Ogiyenko

URBANONIMY KAMENETZ-PODOLSK: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS

Key words: *urbanonimy, urbanonimiya, urbanonimnyy space mentality, linguistic and cultural aspects.*

In the article the linguistic and cultural aspects of space urbanonimnoho city Kamenetz-Podolsk (Ukraine), which has a complex historical memory. Analysis urbanonimiv to reproduce the historical picture of mental and residents and to identify factors extralingual occurrence of any of urbanonimiv, implement the specific modeling through urbanonimiyu national outlook and national mentality kam'yanchan.

Урбанонімний простір сучасної України з початку XXI століття у дисертаційних працях досліджували такі вчені, як О. Белей «Сучасна українська ергонімія (на матеріалі власних назв підприємств Закарпатської області» (2000) [1], А. Титаренко «Урбаноніія Кривого Рогу: структура, семантика, функціонування» (2015) [8] та ін. Проте саме урбанонімія міста Кам’янця-Подільського не була предметом окремого дослідження з позиції лінгвокультурології. У науковій і науково-популярній літературі зафіксовано чотири гіпотези щодо заснування Кам'янець-Подільського, які умовно можна назвати: литовською – про 1360-ті роки, вірменською – про 1062 рік, дако-римською – про 2–3 століття, давньоруською (домонгольською) – про другу половину 12 століття (або кінець 12–початок 13 століття) [2].

Більшість сучасних істориків притримуються останньої гіпотези про формування Кам'янець-Подільського як ранньофеодального міста у другій половині 12 століття. Ка́м'янéць-Подíльський (колишні назви – Кам'янець, Кам'янець-Подільськ (1795–1944)) – місто обласного підпорядкування в Україні, центр Кам'янець-Подільського району Хмельницької області, з 22 березня 1919 по листопад 1920 – столиця України; значний економічний, освітній, культурний і туристичний центр країни.

23 березня 2011 року Кам'янець-Подільська міська рада VI скликання на восьмій сесії прийняла рішення про затвердження переліку проспектів, площ, майданів, вулиць, провулків та проїздів міста Кам'янця-Подільського в новій редакції. В місті один проспект Грушевського; п'ять площ: 1. Вірменський ринок; 2. Польський ринок; 3. Руський ринок; 4. Торгова; 5. Троїцька; один майдан Відродження; 190 вулиць; 71 провулок [3].

У назвах площ, вулиць та провулків міста відображена його історія. Перебування Поділля з Кам'янцем у складі різних держав, зміни політичної влади, національний склад населення завжди відображалися у назвах вулиць міста. Цінним джерелом вивчення урбаноніміки Кам'янця є опис міста 1700 р., складений спеціальною комісією після виходу з нього турків. Він зафіксував урбаноніми Кам'янця, що склалися у 17 ст., а, можливо, й раніше. Опис починається з середини міста, тобто Польського ринку. Це був осередок суспільного і економічного життя міста. Сторони цього квадратного ринку з ратушею в центрі називалися періями: перша перія, друга перія і так далі. Перія (за словником): 1. Ряд (будинків). Кожен ряд домів там зветься перія, – це поздовжня перія, то поперечня. Це саме чоло міста: тут найбагатші купці, тут крамниці (Анатолій Свидницький, Люборацькі) [7].

Опис 1700 р. зафіксував найдавніші назви вулиць міста: Зарванська, Троїцька, Татарська, Зантуська, Велика вулиця отців єзуїтів, Довга валом. Назви двох вулиць мають описовий характер. Так, «вулиця від замку понад скелею» це пізніша Кузнечна, «вулиця від Руської брами до вірменського костелу» у 18 ст. отримала назву Вірменська. Описи кінця 18 ст. подають ще такі назви вулиць як П'ятницька, «вулиця від ронделя за Тринітарами» , яка тягнулася уздовж південного боку Вірменського ринку, тепер не існує [2].

Старе місто є одним із найстарших мікрорайонів міста, тому ми й найбільше уділяємо йому увагу. У 19 ст. Поділля перебуває у складі Російської імперії, що теж відбилося на топоніміці Кам'янця. Це було пов'язано з намаганням нової влади стерти сліди польського минулого міста. Польський ринок став Великою, Головною площею, сторони якої отримали назви Біржа, Шарлотка, Журавльовка, Суконка. Колишній Руський ринок став М'ясним, Рибним, Обжорним, хоча місцеві жителі називали його просто пляц. Вірменський ринок став Плац-парадною, Губернаторською, Миколаївською, площею. Після побудови на вул. Зарванській будинку пошти назва її змінилася на Поштову. У документах поряд з новими назвами, затвердженими офіційно, часто вживалися старі.

У післяреволюційний час назви отримують ідеологічне забарвлення. У Старому місті з'являється низка вулиць, названих на честь. німецьких революціонерів (К. Маркса, К. Лібкнехта, Р. Люксембург, А. Бебеля) та радянських діячів: Урицького, Володарського, Луначарського тощо. Багато назв змінила вул. Зарванська. Спочатку вона стала вул. Дзержинського, потім Раковського. Після вбивства у 1934 р. С. Кірова вулиця отримала назву на його честь. Пізніше вона була розділена на дві частини: північна частина стала вул. Косіора, південна – Кірова.

Навколо Старого міста тече річка Смотрич. Цікаво показати фразеологізацію уявлень про місто Кам'янець-Подільський в українській та польській мовних картинах світу. В українській мові функціонує прислів'я «Камъянець вінець: кругом вода, в середині біда» – «про погані умови життя» [9, 72], яке запозичила польська мова: пол. Kamieniec jak wieniec: naokoło woda a we środku bieda. Прислів'я українського походження, використовувалося щодо Кам'янця-Подільського, розташованого на річці Смотрич [10, т.2,12]. М. Пазяк зауважує, що «…аналогічні прислів'я були створені й про інші фортеці» [4, 416].

Кам'янець-Подільський став містом – перетином семи культур, різних вірувань, що й відбивалося в його окремих назвах вулиць.

Урбанонімний простір міста – це лінгвокультурологічна інформація, яка передає нам історичні довідки про національність більшості мешканців, їх ремесло та уподобання, тобто, – це своєрідний реципієнт у комунікативному мовленні міста.

Кожна вулиця, площа, будівля – це текст, на який впливають позамовні чинники, серед яких перебування у складі різних держав, війни, революції тощо.

Коротко зупинимося на окремих найвідоміших назвах вулиць Старого міста, які передають багатонаціональну історію.

Площа Вірменський ринок, походження її пояснюється просто. Як стверджує О. Будзей [2], під час турецького панування в місті (1672–1699 рр.) майже всі вірмени покинули Кам'янець. Коли турки повернули полякам місто, то вірмени, які прийшли сюди, визнали релігійну унію з Римом. Це мало для них печальні наслідки й призвело не тільки до зникнення на теренах міста вірменського обряду, але й нації: на початку XIX ст. усі кам'янецькі вірмени стали не тільки католиками, але й поляками – злилися з польською нацією. Тож не дивно, що на початку XIX ст. (тоді містом уже володіли росіяни) змінилася й назва майдану: він замість Вірменського ринку став Соборним майданом. Адже на його східній стороні розташовувалася садиба соборної Іоанно-Предтеченської церкви – головного православного храму міста. 30 серпня 1878 р. було освячено церкву Ікони Казанської Божої Матері, яка стала соборною (вона розташовувалася на майдані, який колись звався Єзуїтським, потім Гімназичним, а згодом став називатися Соборним).

З утратою Предтеченською церквою статусу соборної наймення Соборного втратив і майдан біля неї – він став зватися Губернаторським. На південному сході майдану ще з початку XIX ст. розміщувалися палац і канцелярія Подільського губернатора.

1904 р. у центрі майдану встановили пам'ятник у пам'ять про перебування в Кам'янці-Подільському 23–24 вересня 1842 р. російського царя Миколи I. Цей давній візит був надзвичайно важливим для міста, напевно, найважливішим з усіх відвідин міста найвищими особами – як до, так і після того. Адже тоді вирішувалася подальша доля Кам'янця: бути чи не бути йому губернським центром. Мальовниче місто та шикарний прийом з ілюмінацією дуже сподобалися імператорові, тож він розпорядився збудувати міст через Смотрич, щоб Кам'янець зміг з тісної річкової петлі вирватися на нові простори та набути солідності, притаманної губернським містам. Отож, Губернаторський майдан цілком резонно на початку XX ст. став Миколаївським.

Ще його називали Плацпарадним, адже майдану часто доводилося грати роль плацу, на якому відбувалися різноманітні паради.

Прихід до влади більшовиків спричинився низкою нових назв. Спочатку майдан став Червоною площею – символом багатьох революційних подій, що відбувалися на майдані, починаючи з 1905 р. А далі майдану надали ім'я одного з чільних лідерів більшовицької революції – Льва Троцького.

Але 20 грудня 1927 р. президія Кам'янець-Подільської міської Ради ухвалила, зокрема, площу Троцького перейменувати на Радянську площу. Остання назва протрималася 43 роки – аж до 11 вересня 1990 р., коли президія міськради повернула майдану його найдавнішу назву – Вірменський ринок. У преслівлі до «Байок світових» про Вірменський майдан побіжно згадав український поет Степан Руданський, який у 1849–1855 рр. вчився в Кам'янці-Подільському в Подільській духовній семінарії, розташованій у ті роки на східній стороні майдану.

Малий ринок серед міста – Тілько-то і плацу, Старий дім губернаторів – Тілько і палацу [5, 3].

Український письменник Анатолій Свидницький, який теж вчився в Подільській духовній семінарії (у 1851–1856 рр.), не забув згадати майдан у романі «Люборацькі» [6].

Таким чином, історичною особливістю міста було багаторічне співіснування в ньому трьох національних (і відповідно конфесійних) громад – польської, вірменської (з кінця XII століття, і розміри її були більше львівської) і руської (української). Кожна з громад самоврядного, у кожної була своя Ринкова площа (Руська на півночі, Польська в центрі Старого міста, Вірменська – на півдні), у кожної була і своя ратуша – магістрат.

Література

1. Белей, О. О. Сучасна українська ергонімія (на матеріалі власних назв підприємств Закарпатської області : автореф. дис.. … канд. філол. наук : 10.02.01 / О. О. Белей ; Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. – Львів, 2000. – 19 с.
2. Будзей, О. Вулицями Кам’янця-Подільського / О. Будзей. – Львів : Світ, 2005. – 272 с.
3. Карта міста : рішення 8 сесії Кам’янець-Подільської міської ради від 23.03.2011, №22.

4. Прислів’я та приказки : взаємини між людьми / [упорядкув. Михайло Пазяк]. – К. : Наукова думка, 1991. – 440 с.

5. Руданський, С. Світові байки в оповіданнях С. Руданського / С. Руданський. – Джерсі Ситі : Свобода, 2016. – 28 с.

6. Свидницький, А. Люборацькі / А. Свідницький. – Київ–Ляпціг : Українська накладня, 1886. – 306 с.

7. Словник української мови : в 11 т. – 1975. – Том 6. – с. 327.

8. Титаренко, А. А. Урбанонімія Кривого Рогу : структура, семантика, функціонування : автореф. дис. … канд. філолог. наук : 10.02.01 / А. А. Титаренко ; Дніпропетр. нац. ун-т імені Олеся Гончара. – Дніпропетровськ, 2015. – 20 с.

9. Українські приказки, прислів’я і таке інше : Опанаса Марковича / [авт.-уклад. Матвій Номис]. – К. : Либідь, 1993. –768 с.

10. Krzyżanowski, J. Dzieje przysłowia polskiego w toku pięciu wieków. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowionych polskich : t. 1–4 / [red. J. Krzyżanowski, S. Świrko.]. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978. – 1210 s.

В.А. Маслова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mvavit@tut.by

УДК 81'373.215(476.5)

ГИДРОНИМ ДВИНА КАК ЦЕННОСТЬ И КОНЦЕПТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ВИТЕБЩИНЫ

Ключевые слова: *гидроним, ценность, концепт, Двина, модель.*

В статье рассматривается моделирование концепта-гидронима Двина на основе его ценностного ядра.

V.A. Maslova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

HYDRONYM DVINA AS THE VALUE AND CONCEPT IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF PEOPLE OF VITEBSK REGION

Key words: *hydronym, value, concept, the Dvina river, model.*

The article deals with the modelling of the hydronym concept of the Dvina river which is based on its valuable core.

Ценностное осознание мира – это необходимый вид духовной деятельности человека.

В лингвоаксиологии ценности также активно исследуются другими лингвистами (Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранов, Т.И. Вендина, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов). Разработка вопросов лингвоаксиологии имеет преимущественное значение для выявления и объяснения специфики языковых картин мира (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев) и особенностей национального менталитета (М.К. Голованивская, И.Ю. Марковина, О.Г. Почепцов, Ю.А. Сорокин, Т.А. Фесенко, E. Werlen), предоставляет возможности для построения модели языковой личности (В.И. Карасик, Ю.Н Караулов, Е.В. Красильникова, К.Ф. Седов), соотносится с организацией речевого и неречевого воздействия (Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов), связывается с достижением необходимого уровня коммуникативной компетенции и оптимизацией процессов межкультурного общения (Д.Б. Гудков, Г.В. Елизарова, В.В. Красных, О.А. Леонтович, В.Д. Попков, А.П. Садохин, С.Г. Тер-Минасова), позволяет точнее интерпретировать грамматические категории (В.Б. Кашкин, Н.Н. Болдырев).

Цель статьи – реконструировать концепт-ценность «Двина». Материалом исследования послужили стихи витебских поэтов о Двине – всего около 1700 строк. Методы исследования − когнитивно-дискурсивного моделирование смыслов концепта в различных ситуациях (сценах), контекстах.

Культура – общественное достояние, транслируемое от поколения к поколению, она начинается и продолжает существовать как продолжение природы, представляя особый, неизвестный самой природе ее облик, в котором совмещаются естественные природные компоненты с их творимыми человеком в культуре смыслами. Природный объект – река (вода) – преобразуется культурой в культурный объект и осмысляется в философии языка и культуры как концепт.

Культура включена в язык, и это факт неоспоримый, поскольку язык как средство коммуникации вбирает в значение все, что связано с культурной компетенцией ее носителей, передающейся благодаря языку из поколения в поколение. В лингвистике распространено мнение, что в каждой культуре имеется своя система ценностей и норм, разделяемая всеми носителями данной культуры. Именно вокруг ценностей формируются важные для культуры концепты.

В последние годы в аксиологической лингвистике появились исследования, посвященные анализу одной−двух ценностей по материалам языка. Например, «душа», «сердце» (М.В. Пименова), «гостеприимство» (Д. Медведева), «любовь», «справедливость» (С. Воркачев), «дружба», «память» (В.А. Маслова), «красота» (З.К. Темиргазина), «гнев» (Е. Стефанский) и др. Появились работы, выявляющие ценности в определенном дискурсе (Е.Н. Комаров – в публицистическом дискурсе, Л.А. Кочетова – в рекламном дискурсе, О.Б. Абакумова − в паремиологическом дискурсе и др.).

Одной из таких ценностей и концептом является гидроним Двина. Под концептом мы понимаем смысловые кванты человеческого бытия в мире, которые закрепляются в единицах языка.

Если обратиться к сфере языкового сознания [3], то за каждым концептом стоит та или иная концептуальная структура, за ним кроется в нашем сознании стереотипная ситуация, которую он замещает. Это позволило В.И. Карасику сказать, что одной из важнейших функций концепта является заместительная [2, 30]. Действительно, концепт не непосредственно отражает действительность, а является неким мыслительным образованием, замещающем в нашем сознании целый ряд объектов со сходным названием и функциями. Так, концепт Двина замещает следующие смыслы: кормилца, защитница, объединительница живущих вдоль ее берегов народов. Эти смыслы − результат когнитивной деятельности человека. Кроме того, это культурно нагруженная когнитивная структура: Двина мудра и опытна, знает ответы на многие вопросы, всегда поймет и выслушает, такой она предстает в творчестве поэтов Витебщины:

Улетают все печали прочь,
Я тебе одной открою душу.
Обнимая мягкими волнами,
Как никто меня умеешь слушать (Юлии Сенченко).

Большинство лингвистов на сегодняшний день считают, что у концепта полевая структура. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический», подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. На нечеткость границ поля указывает, например, В.А. Виноградов: «Границы концептуальных полей нерезки и подвижны, а это означает, что в поле концепта могут втягиваться новые элементы, и сила аттракции прямо пропорциональна мощности концепта и массе его поля» [1, 14]. И это действительно так, ибо концепты – это динамические образования; они имеют расплывчатые границы: то расширяются, то сливаются, или, наоборот, разбиваются на части. Соответственно, изменяется и все поле.

Поле можно представить следующим образом: в центре его находится ценность, т.е. само имя ценностного концепта – Двина и ее синонимы, в том числе и контекстуальные (Даугава, Западная Двина), ближняя периферия – информационно-понятийный слой – это фактуальная информация о реке, т.е. фиксация разных планов бытия реки; дальняя периферия состоит из двух «слоев», «кругов»: первый круг – это образное (поэтическое) представление о реке (источник ду-

ховной силы, символ родной стороны) и второй круг – интерпретационная зона. Рассмотрим эту модель подробнее.

1. В ядре поля находится ценность. При ценностном подходе к культурно-языковой специфике концепта предметом изучения, в первую очередь, становятся те культурно-значимые содержательные признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями социума, со стереотипами сознания и поведения. Значения антропоцентричны, т.к. отражают общие свойства человеческой природы. Так, Двина светлая, красивая, она заступница, она близкая подруга и родная витебчанам, как мать.

О Двине сложено много легенд и мифов, песен и стихов, написаны книги, в центре которых Двина как ценность. Примером может служить следующая легенда-сказка о происхождении Двины. Некогда в далекие времена в горах северного Урала жил властелин гор король Валдай со своей женой и тремя дочерьми. А недалеко от них, в непролазных болотах жила ведьма. Завидуя счастливой семье, она своими чарами накликала на еще молодую жену короля смерть, завладела королем и его богатством. Злая мачеха стала издеваться над дочерьми Валдая.

Сжалилась над сиротами царица Уральских гор: “Сначала я превращу вас в реки, − сказала она. – Ваша мачеха бессильна над водой. А потом морские цари пришлют за вами моих слуг”. Так и случилось. В условленный срок пришли за сестрами слуги морских царей. Старшую сестру взял слуга Беломора. И назвали ее Северной Двиной. Вторую − слуга Каспия, назвав ее Волгой. А третью, самую младшую, повел на запад слуга владыки Балтийского моря, назвав ее Западной Двиной.

2. Фактуальная информация. Западная Двина – это типичная, трансграничная река Европы, протекающая на территории трех государств: России, Беларуси, Латвии. В древних исторических актах Западная Двина упоминается под различными названиями: Греки именовали её Эридан, норманны – Дина, Дюна, Рудон, латыши называют её Даугавой, а белорусы – Заходняя Дзвіна.

Река берет начало на Валдайской возвышенности. На ее берегах выросли города и поселки. Река немало способствовала тому, что территория ее бассейна стала современным, развитым во всех отношениях, регионом:

Гудком пробужден
Рабочий район,
Высокие трубы дымят.
Над самой Двиной,
Над синей волной
Раскинулся наш комбинат (Н. Гвоздиков).

Двина, для многих витебских поэтов отождествляется с Витебском, городом на Двине :

Мой Витебск, город на Двине,
Плеяды белорусских городов ты представитель (А. Геращенко).

Для Н. Дорофеенко Двина могучая река:

На холмах высоких, над Двиной могучей
Вырос город-крепость на пути врагов (Н. Дорофеенко).
Вот он, крылья раскинувший Витебск,
Над серебряной лентой Двины
Ты стоишь над Двиной,
Витебск, город родной,
Я люблю твой рассвет,
Лучше города нет (Н. Дорофеенко).

3. Образная часть: здесь фиксируются образы Двины, созданные с помощью многочисленных тропов (чаще всего олицетворений), коннотаций, игры внутренней формы. Так в стихотворениях Юлии Сенченко река предстает перед нами в образе женщины, с длинными, золотисто-голубыми косами: *Распустила косы светлая Двина, / Солнце расчесало их гребнем золотым*. В стихотворениях Антона Бубалы Двина принимает образ матери, которая дождалась с войны своих сыновей:

Дарагая Дзвіна, прагажуня Дзвіна,
Мы і ў свята з табой і ў журбе.

Ты, як лёс, нам ад Бога навекі адна
Дзякуй, наша матуля, табе.
І сыны, што з вайны прычакала
Цалавалі твае берагі…

Двина – хранительница истории. Она помнит битвы, сражения, войны. Ее тревожат тягостные думы, она переживает за судьбу витебчан:

И Двина-река станет вспоминать,
И как будто время повернется вспять.
Жизней не вернешь,
Что взяла война.
По судьбе идешь −
Плещется волна.
Сколь же, скажи,
Не смогла спасти?
И шептала лишь
«Господи прости».

Двина – символ Родины*: Дзве сястрыцы Дзвіна і Прыпяць, / У маім сэрцы зліліся ў адзіную./ І аднолькава шчыра клічыць,/ Можа гэта і есць – Радзіма* (М. Нікіценка).

Двина – это песня: *...Пусть Двина, как песня магистралью главной / Будет в нашей жизни, счастьем одарит*. (О. Ковалевская).

При создании незабываемого образа реки авторы широко используют эпитты. Так, Н. Дорофеенко наделяет Двину эпитетом “прекрасный”: *Здравствуй, Витебск родной, / Над прекрасной Двиной!* (Н. Дорофеенко). В описании Двины используется и другие эпитеты: *Над Двиной голубой. / ...Посвящаю свой вальс / Я любимой Двине и Дзвіне* (Л. Тиханчик). *... Бегала в росах над тихой Двиной* (О. Князюк). *...Над Двиной могучей* (О. Ковалевская). *...Прыпадалі / Да гаючай Дзвіны* (А. Канапелька). *...Калі на стамленыя хвалі Дзвіны ...* (С. Законнікаў). *...И Двина глубока, быстротечна…* (Е. Каретникова). *...Абуджаная Дзвіна…* (А. Аркуш).

4. Интерпретационная зона состоит из элементов, смыслы которых не лежат на поверхности, а требуют интерпретации. По мнению А.Н. Леонтьева, языковое сознание всегда национально. Национально-культурный компонент входит в культурную компетенцию коммуникантов и определяет национальную специфику коммуникации, которая проявляется в наборе прецедентных феноменов, в ассоциациях, рождающихся в процессе восприятия прецедентного имени или выражения. По В.В. Красных, прецедентное имя – может выступать как символ прецентного текста. Так, в одной из витебских частушек мы имеем сразу несколько намеков на прецедентные тексты и события: на подвиг Ивана Сусанина и на оперу Глинки «Жизнь за царя»:

Шли поляки темным лесом
За каким-то интересом,
Гида, Глинку и царя
Злобно хором матеря.

С развитием лингвокультурологии категория ценности занимает все более важное место в пространстве лингвокультурологической проблематики, а само языковое воплощение ценностей понимается как один из аспектов взаимодействия языка и культуры. Здесь исследуется феномен вербализации ценностного отношения в языковых средствах, т.е. это объективация содержания ментальных образований в языке и тексте. Реконструкция концепта Двина должна идти по четырем аспектам: как ценность, как понятие, как образ и как зона интерпретации.

Литература

1. Виноградов, В. А. Концепты и языковые заимствования / В. А. Виноградов // Вопросы филологии, М., 2010. – №3. – С. 90−125.

2. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. − Волгоград : Перемена, 2007. – 520 с.

3. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания : Языковое сознание и образ мира / Е. Ф. Тарасов; под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. : РАН ИЯ, 2000. – С. 24–32.

В.У. Міцкевіч
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
e-mail: belarusachka@tut.by

УДК 811.161.3’373.21

ГІДРАНІМІЯ ВІЦЕБШЧЫНЫ: СЕМАНТЫКА АПЕЛЯТЫЎНЫХ АСНОЎ. НЕАБХОДНАСЦЬ СТАНДАРТЫЗАЦЫІ НАЗВАЎ ВОДНЫХ АБ’ЕКТАЎ

Ключевые слова: *гидроним, мотивирующая основа, гидрографические названия, фитофорная лексика, зоофорная лексика.*

В статье исследуется гидронимия Витебской области. Определяются семантические группы лексики, послужившие основой для образования наименований водных объектов Витебщины. Затрагивается вопрос необходимости стандартизации наименований гидрообъектов Беларуси.

V.U. Mitskevich
Center for the Belarusian culture, language and literature
researches of the National Academy of Sciences of Belarus

HYDRONIMS OF VITEBSK REGION: THE SEMANTICS OF APPELLATIVE STEMS. NECESSITY OF WATER OBJECT NAMING STANDARDIZATION

Key words: *hydronym, motivating stem, hydrographic names, phytophoric vocabulary, zoophoric vocabulary.*

The article studies the hydronims of Vitebsk region. The author defines semantic vocabulary groups, which became the basis for water body naming in Vitebsk region. The necessity to standardize water body naming is discussed.

Гідронімы лічацца найбольш старажытнай і найбольш стабільнай часткай лексікі ўвогуле і анамастыкі ў прыватнасці. Менавіта таму яны ўяўляюць вялікую цікавасць як навуковы аб’ект, які нясе ў сабе важную моўную і культурна-гістарычную інфармацыю. Гідранімія Віцебскай вобласці не з’яўляецца выключэннем. Віцебшчыну нездарма называюць азёрным краем. На тэрыторыі Віцебскай вобласці знаходзіцца больш за 2800 азёр і больш за 500 рэк.

Найменні водных, як і ўсіх іншых, аб’ектаў утвараюцца тады, калі ўзнікае неабходнасць вылучыць пэўны аб’ект з шэрагу іншых. Паколькі аднародныя аб’екты не могуць адрозніваца па сваіх асноўных прыкметах, то ў аснову іх назваў кладуцца прыкметы другасныя – колер, форма, тэмпература вады, адметнасць берагоў і інш. Адпаведна, матываваныя назвы з’яўляюцца семантычна неаднароднымі [1, 28]. І менавіта ў гідранімііі большасць найменняў звязана найперш з абазначэннем характэрных прыкмет навакольнага асяроддзя [2, 15]. Паводле характару і семантыкі ўтваральных асноў, назвы водных аб’ектаў бываюць апелятыўнага або анамастычнага паходжання. Сярод найменняў апелятыўнага паходжання вылучаюцца назвы, матываваныя прыродна-геаграфічнай лексікай, і назвы, матываваныя лексікай, што абазначае гаспадарчую дзейнасць чалавека або ўказвае на яго сацыяльны статус.

Разгледзім самую вялікую ў колькасных адносінах групу – гідронімы апелятыўнага паходжання, матываваныя прыродна-геаграфічнай лексікай.

Найменні, матываваныя прыродна-геаграфічнай лексікай, паводле семантыкі ўтваральных асноў падзяляюцца на 5 груп: а) назвы, якія ўказваюць на фізіка-геаграфічныя асаблівасці гідрааб’екта; б) назвы, якія суадносяцца з гідраграфічнымі найменнямі; в) назвы, якія суадносяцца з фітафорнай лексікай; г) назвы, якія суадносяцца з заафорнай лексікай; д) назвы, якія ўказваюць

на месцазнаходжанне гідрааб'екта ці асаблівасці акаляючай яго мясцовасці. Матывавальныя асновы такіх найменняў звычайна празрыстыя.

Назвы, якія ўказваюць на фізіка-геаграфічныя асаблівасці гідрааб'екта. Найменні, што адносяцца да гэтай групы, характарызуюць водны аб'ект па розных прыкметах:

1) <u>Па глыбіні воднага аб'екта</u>: *Бязд**о**ннае* (воз., Бешанк., Віц.), *Бяз**о**дзеннае* (воз., Леп.), *Гл**ы**бач* (воз., Ушац.), *Гл**ы**бачка* (воз., Глыб, Мёрс., Полац., Ушац., Шуміл.), *Глыб**е**ц* (воз., Шуміл.), *Глыб**о**кае* (воз., Гар., Бешанк., Мёрс, Полац., Паст., Рас., Талач., Чашн., Ушац.), *Глыб**о**чыца* (воз., Леп.), *М**е**лкае* (воз., Бешанк., Леп., Полац., Чашн.), *Пр**о**рва* (р., Брасл.), *Пл**о**скае* (воз., Мёрс.) і інш.

2) <u>Па памеры:</u> *Вял**і**кае* (воз., Глыб, Мёрс., Шуміл.), *М**а**лае* (воз., Бешанк.). Большасць назваў гэтай падгруппы двухкампанентныя: *Вял**і**кае Глыб**о**кае* (воз., Гарадоц. р-н), *Вял**і**кае Свят**о**е* (воз., Сеннен. р-н), *Мал**о**е М**о**хавае* (воз., Рас.), *Мал**о**е Свят**о**е* (воз., Сен.), *Мал**о**е Б**е**лае* (воз., Полац.) і інш. У такіх назвах частка *Вялікае, Малое* не толькі характарызуе водны аб'ект па памеры, але і выконвае адрознівальную функцыю, г.зн. вылучае адзін водны аб'ект з шэрагу іншых аднайменных аб'ектаў.

3) <u>Па канфігурацыі аб'екта</u>: *Д**о**ўгае* (воз., Бешанк., Брасл., Верхнядзв., Віц., Глыб., Гар., Леп., Мёрс., Полац., Паст., Рас., Ушац., Шуміл.), *Д**о**ўжа* (воз., Паст.), *Д**о**ўжына* (воз., Ушац.), *Змейка* (р., Верхнядзв.), *Вян**о**к* (воз., Ушац.), *Кр**у**глік* (воз., Бешанк.), *Кр**у**глае* (воз., Бешанк., Брасл., Глыб., Полац., Паст., Рас.), *Кр**у**цік* (руч., Шуміл.), *Крыв**а**я* (р., Талач.), *Крыв**е**ц* (воз., Брасл.), *Крыв**о**е* (воз., Глыб., Мёрс., Полац., Паст., Ушац.), *Стр**у**нка* (р., Полац.) і інш. Для таго, каб адрозніваць аднайменныя водныя аб'екты, размешчаныя на тэрыторыі аднаго раёна, да назвы дадаецца яшчэ адзін кампанент з указаннем на іншую характарыстыку аб'екта. Так, напрыклад, у Расонскім раёне знаходзяцца азёры *Д**о**ўгае* і *Д**о**ўгае-М**е**лкае*, *Кр**у**глае* і *Кр**у**глае-М**е**лкае*.

4) <u>Па хуткасці, характары руху вады</u>: *Б**ы**стрыца* (р., Полац.), *Ціх**у**та* (р., Лёзн.), *Зван**і**ца* (р., Полац.) і інш.

5) <u>Па тэмпературы вады</u>: *Студз**ё**ніца* (р., Рас.), *Студз**ё**нка* (р., Віц., Леп., Докшыц.).

6) <u>Па смакавых характарыстыках вады</u>: *Сал**ё**нае* (воз., Шуміл.), *Салан**е**ц* (воз., Полац.), *Сал**о**наўка* (р., Гар.).

7) <u>Па колеры, чысціні вады</u>: *Б**е**лая* (р., Шарк.), *Беларэч* (р., Бярэз.), *Б**е**лае* (воз., Бешанк., Брасл., Верхнядзв., Віц., Глыб., Гар., Мёрс., Арш., Полац., Паст., Рас., Ушац., Чашн., Шуміл.), *Бял**е**ц* (воз., Гар.), *Бял**я**ны* (воз., Брасл.); *Зял**ё**нае* (воз., Дубр., Арш., Шуміл.); *Р**у**дзіца* (воз., Паст.), *Р**у**дніца* (р., Лёзн.), *Р**у**дня* (р., Вехнядзв.), *Рудав**е**ц* (воз., Брасл.), *Рудзян**о**к* (воз., Рас.); *Аржан**і**ца* (р., Глыб.), *Аржо**ў**ка* (р., Паст.); *Чырв**о**ны* (руч., Паст.); *Чарн**і**чанка* (р., Бешанк., Віц.), *Чарн**а**ўка / Чарн**я**ўка* (р., Гар., Шуміл.), *Чарн**е**йка* (р., Полац.), *Чарн**е**ц* (воз., Гар., Леп.), *Чарн**о**ва* (воз., Гар.), *Чарн**у**йка / Чарн**у**шка* (р., Гар.), *Ч**о**рнае* (воз., Бешанк., Верхнядзв., Глыб., Гар., Докшыц., Мёрс., Полац., Паст., Рас., Сен., Ушац., Чашн.), *Ч**о**рная* (р., Докшыц., Арш.), *Ч**о**рная Р**э**чка* (р., Чашн.), *Ч**о**рненькае* (воз., Віц., Гар.), *Ч**э**рня* (р., Докшыц.), *Ч**о**рнае Бал**о**та* (воз., Шуміл.), *Ч**о**рны* (руч., Мёрс., Ушац., Шуміл.) і інш.

Назвы, якія характарызуюць колер вады, вельмі распаўсюджаны ў гідранміі, пры гэтым нельга сказаць, што колеравая гама прадстаўлена надзвычай шырока. Найбольш частотнымі з'яўляюцца найменні, суадносныя з апелятывамі *руды, белы* і *чорны*, што невыпадкова, бо ў падобных назвах заключана дадатковая інфармацыя, указанне на тое, наколькі блізка знаходзіцца геаграфічны аб'ект ад залежаў балотнай руды ці тарфянікаў. Для адрознення аднайменных водных аб'ектаў на тэрыторыі аднаго раёна часам выкарыстоўваецца нумарацыя. Напрыклад, у Мёрскім раёне размешчаны азёры: *Ч**о**рнае, Ч**о**рнае-2, Ч**о**рнае-3, Ч**о**рнае-4, Ч**о**рнае-5*.

На чысціню вады таксама ўказваюць назвы *Смал**я**нка* (р., Леп.), *Гразн**у**ха* (р., Шуміл.), *Цём**н**ая* (р., Лёзн.), *Ч**ы**сцік* (воз., Гар.), *Чысц**я**нка* (р., Глыб.).

8) <u>Па асаблівасцях берага ці дна</u>: *Пясч**а**нка* (р., Гар.), *Гл**і**нніца* (р., Леп.), *К**а**менка* (р., Мёрс., Віц., Гар., Лёзн., Верхнядзв.), *І**л**ава* (воз. , Шарк.), *І**л**аўка* (р., Шарк.), *Я**м**на* (воз., Рас.), *Я**м**нае* (воз., Чашн.)

і інш. Да гэтай групы найменняў можна таксама аднесці і назвы *Астраўк**і*** (воз., Леп.), *Астраўц**ы*** (воз., Рас.), якія ўказваюць на перарывістаць воднай паверхні, чаргаванне вады і сушы.

9) <u>Па ступені забалочанасці, стану воднай паверхні:</u> *Амш**а**нае* (воз., Паст.), *Амш**а**ра* (р., Паст.), *Алёс* (воз., Сен.), *М**о**хавае* (воз., Полац., Рас.). Да гэтай групы найменняў адносяцца таксама назвы водных аб'ектаў, матывавальныя асновы якіх ўказваюць або на зарослыя травой берагі, або на спецыфічныя колер ці пах. Напрыклад: *Муравец* (руч., Ушац.), *Мурагі* (воз., Ушац.), *Мурожн**і**ца* (р., Шуміл.); *Гн**і**лка* (р., Чашн.), *Гніл**у**ха* (р.,Шарк.), *Гніл**о**е* (воз., Глыб.); *Смар**о**дны* (руч., Гар.), *Смерд* (руч., Рас.).

Назвы, якія суадносяцца з гідраграфічнымі найменнямі. Матывавальнай асновай такіх гідронімаў з'яўляецца апелятыў, які непасрэдна ўказвае на тып воднага аб'екта: *Азёркі* (воз., Паст), *Азярк**о*** (воз., Брасл., Леп., Ушац.), *Азярц**о*** (воз., Глыб.), *Кал**о**дзезь* (воз., Полац.), *Прод**о**к* (воз., Леп., Шуміл.), *Рак**а*** (воз., Брасл.), *Рач**ы**ца* (руч., Шуміл.), *Руч**а**й* (руч., Шарк.), *Став**о**к* (воз., Брасл.) і інш.

Назвы водных аб'ектаў, матываваныя ўласна гідранімічнай наменклатурай, – з'ява даволі пашыраная ў тапаніміі. Першапачаткова ўзнікненне падобных найменняў было звязана з тым, што старажытнаму чалавеку, які жыў каля пэўнай ракі ці возера, не было патрэбы даваць воднаму аб'екту індывідуальную назву. Гідрааб'ект называўся агульным словам са значэннем 'вада' (ці 'рака', 'возера', 'балота' і г. д.), якое з цягам часу станавілася ўласным імем. Гэта адзін з найбольш старажытных прынцыпаў намінацыі, які дзейнічае да гэтага часу, хоць і на лакальных тэрыторыях.

Назвы, якія суадносяцца з фітафорнай лексікай. У гэтую групу гідронімаў уваходзяць найменні, утваральныя асновы якіх суадносяцца з назвамі розных пародаў дрэў, відаў раслін, якімі параслі берагі вадаёмаў: *Альх**о**ўка* (воз., Мёрс.), *Альш**а**нка* (рака, Ушац.), *Альш**а**нка*(возера, Сен.), *Арэхавае* (воз., Гар.), *Ас**і**наўка* (р., Верхнядзв.), *Баравое* (воз., Паст.), *Дубр**а**ўка* (воз., Віц.), *Бяр**о**заўка* (воз., Паст.), *Бяр**о**заўскае* (воз., Сен., Ушац.), *Бяр**о**заўка* (р., Талач., Глыб.), *Бярэзінак* (воз., Полац.), *Гваздок* (воз., Гар., Полац.) і інш.

Асобную ўвагу варта звярнуць на найменне *Гваздок* (воз., Гар., Полац.). Назва матывуецца апелятывам *гвоздъ*, што азначае 'лес, бор', 'чорны лес', 'хваёвы лес', 'вялікі густы лес' [3, 31, 34] або 'сухая ўзвышаная мясціна сярод балота, прастора, пакрытая густым лесам' [3, 32]. Уласная назва *Гваздок* адносіцца да рэліктавых найменняў, якія захаваліся пасля замены лексемы *гвоздъ* лексемай *боръ* [3, 32].

Назвы, якія суадносяцца з заафорнай лексікай. Да такіх гідронімаў адносяцца наступныя найменні, семантыка якіх празрыстая: *Акунёва* (воз., Глыб., Леп.), *Акунёвец* (воз., Рас.), *Акунёк* (воз., Мядз.), *Акунёўка* (р., Брасл.), *Бабр**о**ва* (воз., Глыб., Гар.), *Б**о**брыца* (воз., Леп.), *Ж**а**біна* (воз., Гар.), *Ж**а**бніца* (воз., Гар.), *Карасёва* (воз., Гар., Рас., Сен.), *Камар**ы**нец* (воз., Рас.), *Лебядз**і**нае* (воз., Мёрс., Полац.), *Р**ы**бна* (воз., Полац.), *Р**ы**бнае* (воз., Полац.), *Яршова* (воз., Сен.). Як відаць з прыведзеных прыкладаў, у найменнях водных аб'ектаў часта ёсць указанне не толькі на тое, што ў вадаёме водзіцца багата рыбы, але і на тое, які від рыб пераважае.

Назвы, якія ўказваюць на месцазнаходжанне гідрааб'екта ці асаблівасці акаляючай яго мясцовасці. Да разглядаемай групы адносяцца найменні, якія ўказваюць на прасторавае размяшчэнне воднага аб'екта: яго блізкасць / аддаленасць, памежнасць, адасобленасць і г.д. Напрыклад: *Бл**і**жняе* (воз., Мёрс.), *Бл**і**зніца* (воз., Полац.), *Выс**о**кае* (воз., Брасл., Мёрс.), *Сярэдняе* (воз., Рас., Талач.), *Рубяжн**і**ца* (р., Лёзн.), *Глух**а**я* (р., Арш.), *Глух**о**е* (воз., Полац., Рас., Шуміл.), *З**а**дняе* (воз., Леп., Паст.) і інш.

Часта ў назвах водных аб'ектаў утрымліваецца ўказанне на іх размяшчэнне адносна ракі, гары, балота, лесу і г. д. Паводле структуры гэта найменні прэфіксальна-суфіксальнага ўтварэння, якія ўяўляюць сабой т.зв. назвы-арыенціры: *З**а**балацце* (воз., Леп.), *Заазер'е* (воз., Полац.), *Заазерскае* (воз., Бешанк.), *Заазерцы* (воз., Мёрс.), *Заг**о**р'е* (воз., Мёрс.), *Заг**а**цце* (воз., Паст.), *Заг**о**рнае* (воз., Брасл.), *Зам**о**шша* (воз., Віц., Ушац.), *Падазёркі* (воз., Рас.), *Падазерцы* (воз., Полац.), *Падг**а**йцы* (воз., Брасл.), *Паддв**о**рнае* (воз., Брасл.).

Такім чынам, у назвах водных аб’ектаў шырока адлюстраваны гідраграфічныя тэрміны і словы, у якіх выяўляюцца найбольш характэрныя ўласцівасці як саміх гідрааб’ектаў, так і асаблівасці іх дна ці берагоў, месцазнаходжанне вадаёмаў і г. д. Улічваючы тое, што гідронімы адносяцца да самага архаічнага класа геаграфічных аб’ектаў, іх можна ўспрымаць як каштоўную крыніцу звестак пра прыроду пэўнай тэрыторыі.

Нягледзячы на тое, што за апошнія дзесяцігоддзі ў Беларусі быў апублікаваны цэлы шэраг энцыклапедычных даведнікаў і слоўнікаў па гідраніміі (“Блакітная кніга Беларусі” [БКБ], “Блакітны скарб Беларусі…” [БСБ], “Назвы азёр Беларусі” [НАБ], серыя “Водные ресурсы…” [ВРВО] і інш.) на сённяшні дзень адсутнічаюць агульнапрынятыя афіцыйныя нормы па напісанні назваў водных аб’ектаў Беларусі. У сувязі з гэтым сустракаецца варыянтнасць пры перадачы на пісьме некаторых назваў гідрааб’ектаў: *Чарн**а**ўка* / *Чарн**я**ўка* (р., Гар., Шуміл.), *Чарн**у**йка* / *Чарн**у**шка* (р., Гар.), *Ус**о**мля* / ***У**самля* (воз., Полац.), *Вуж**ы**шча* / ***У**жышча* (воз., Рас.), *Вуж**а**чча* / *Ужачча* (воз., Леп.) і інш.

У сітуацыі дзяржаўнага білінгвізму актуальным з’яўляецца пытанне правільнасці перадачы назваў водных аб’ектаў з беларускай мовы на рускую. Пры адсутнасці распрацаваных міжмоўных прынцыпаў перадачы варыянтнасць пры напісанні назваў гідрааб’ектаў непазбежная: бел. *Біл**е**йца* – рус. *Бил**е**йце* / *Бил**е**ица* (воз., Шумил.); бел. *Бир**у**тэ* – рус. *Бир**у**те* / *Бир**у**це* (воз., Брасл.); бел. *Сяс**і**та* – рус. *Сес**и**то* / *Сес**и**та* (воз., Гар.); бел. *Св**я**тца* – рус. *Св**я**тце* / *Св**я**тцо* (воз., Брасл.) і інш.

Улічваючы неабходнасць стандартызацыі назваў водных аб’ектаў Беларусі праводзілася даследаванне ў рамках праекта БРФФД па тэме “Беларуская гідранімія: тэарэтычныя асновы стандартызацыі і лексікаграфічная сістэматызацыя”, вынікі якога з цягам часу будуць апублікаваныя.

Спіс скарачэнняў

бел. – беларуская мова, рус. – руская мова;

воз. – возера, р. – рака, руч. – ручай;

Арш. – Аршанскі раён, Бешанк. – Бешанковіцкі раён, Брасл. – Браслаўскі раён, Верхнядзв. – Верхнядзвінскі раён, Віц. – Віцебскі раён, Гар. – Гарадоцкі раён, Глыб. – Глыбоцкі раён, Докшыц. – Докшыцкі раён, Дубр. – Дубровенскі раён, Лёзн. – Лёзненскі раён, Леп. – Лепельскі раён, Мёрс. – Мёрскі раён, Паст. – Пастаўскі раён, Полац. – Полацкі раён, Рас. – Расонскі раён, Сен. – Сенненскі раён, Талач. – Талачынскі раён, Ушац. – Ушацкі раён, Чашн. – Чашніцкі раён, Шарк. – Шаркаўшчынскі раён, Шуміл. – Шумілінскі раён.

Літаратура

1. Ванагас, А. П. Образование, происхождение и семантика литовских гидронимов : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.15 / А. П. Ванагас ; Вильн. гос. ун-т. – Вильнюс, 1983. – 48 с.
2. Агеева, Р. А. Происхождение имён рек и озёр / Р. А. Агеева ; отв. ред.: Э. М. Мурзаев. – М. : Наука, 1985. – 143 с.
3. Лексіка Палесся ў прасторы і часе : зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд.: В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1971. – 212 с.

Крыніцы

БКБ – Блакітная кніга Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 1994. – 415 с.

БСБ – Блакітны скарб Беларусі : рэкі, азёры, вадасховішчы, турысцкі патэнцыял водных аб’етаў. – Мінск : БелЭн, 2007. – 480 с.

НАБ – Шахоўская, С. У. Назвы азёр Беларусі : слоўнік / С. У. Шахоўская; навук. рэд. П. А. Міхайлаў. – Мінск : Медысонт, 2014. – 382 с.

ВРВО – Калинин, М. Ю. Водные ресурсы Витебской области / М. Ю. Калинин, А. А. Волчек / под общ. ред. М. Ю. Калинина. – Минск : Белсэнс, 2004. – 144 с.

С.А. Мызников
Институт лингвистических исследований РАН
e-mail: myznikovs@rambler.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ОЙКОНИМЫ СО СЛАВЯНСКИМИ ТОПОФОРМАНТАМИ НА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ПОЧВЕ

Ключевые слова: *ойконим, прибалтийско-финский, топооснова, топоформант, вепсский.*

В статье представлен анализ некоторых ойконимов с формантом -ичи, -овичи, зафиксированных в контактной с прибалтийско-финскими языками зоне. Выделяются ойконимы со славянской, прибалтийско-финской основой. Отмечается, что при прибалтийско-финской топооснове ойконим имеет славянский топоформант.

S.A. Myznikov
Institute for linguistic research Russian academy of science

NAMES OF POPULATED PLACES WITH SLAVIC TOPOFORMANTS ON BALTIC-FINNISH BACKGROUND

Key words: *oikonym, Baltic-Finnish, topographic, topoformants, Veps.*

The article presents an analysis of some of the settlement names with the formant -ichi -kaichi fixed in contact with the Baltic and Finnish language area. Oikonyms stand with Slavic, Baltic and Finnish base. It is noted that lexeme has the root of the Baltic-Finnish origin and Slavic (Russian) topoformant.

Данная работа основана на материалах, которые попутно собирались в ходе диалектологических экспедиций на территории областей Северо-Запада. В основном собиралась апеллятивная лексика, причем упор делался на сбор лексики прибалтийско-финского происхождения. При наличии на территории Новгородской, Ленинградской областей в настоящее время прибалтийско-финского населения: вепсов, валдайских карел, ижоры, води, и связанных с этими этносами обширных субстратных топонимических данных (гидронимов, микротопонимов и т. п.) и апеллятивов, ойконимия большей частью представляет данные славянского (resp. русского) происхождения.

Обращает на себя внимание, что в ряде районов с доминированием прибалтийско-финского населения фиксируются ойконимы с формантами *-ичи, -овичи*. В.Л. Васильев при анализе такого рода единиц объединял новгородские названия с формантами *-ичи* (< *-itji) и *-ицы* в единый деривационный класс ойконимов на *-ичи/-ицы*, поскольку, как он считает, позволяет характеризовать формант *-ицы* в качестве диалектного «цокающего». По его мнению ойконимы Боровичи и Боровицы, Ляховичи и Ляховицы, Воймеричи и Воймирицы как параллельные варианты наименований одних и тех же пунктов [1, 229]. На наш взгляд, такой подход на нашем материале не вполне применим, поскольку ойконимы на *-ичи* фиксируются чаше всего вне всякой связи с наименованиями на *-ицы.*

Следует отметить, что ойконимы на , которые имеют топоформант *-ичи, -ычи, -овичи, -вичи* встречаются на всей славянской территории, но частотность их не одинакова. Наиболее широко рассматриваемый тип названий представлен на белорусской территории. По мнению В.А. Никонова, восточная часть славянского населения, у которой такие ойконимы были особенно продуктивными, стала позднее «основой белорусской народности» [2, 204]. Отмечается, что первоначально такие единицы выступали в роли названий родовых коллективов, причем складывались эти коллективы из нескольких поколений. Ойконимы обозначают «калектыў нашчадкаў пэўнай асобы», который селился в той или иной местности [3, 132]. Позднее родовые названия *-ічы/-ычы, -овічы, -евічы* на белорусской почве топонимизировались, т.е. обозначение группы лиц

стало обозначением места их проживания. Чаще всего названия этого типа были образованы по модели «имя собственное + континуанты **itj*». В основу названий на *-ічы/-ычы, -овічы, -евічы* могли быть положены как полные, так и разговорно-диалектные формы имен собственных [4, 19].

В обследуемом регионе (Новгородская, Ленинградская области) ойконимы на -ичи (-овичи реже), нередко имеют предыдущую прибалтийско-финскую отантропонимическую форму на *–L* (адессив и показатель нахождения где-л.). Например, отмечаемое в настоящее время название села Юксовичи (Подпорожский р-н Ленинградской области), упоминается в XIII веке в приписке к Уставной грамоте Святослава Ольговича, как погост на Юсколе [5, 148].

Ойконимы на *-ичи*, отмечаемые на территориях с прибалтийско-финским субстратным влиянием разделяются на ряд групп.

1. Ойконимы, в основе которых лежит русский (др.-русский) антропоним, например: **Киковичи** ср. русск. антропоним Кико < Кирилл [6, 79]; **Федотовичи,** ср. Федот; **Лазаревичи**, ср. Лазарь.

2. Ойконимы, в основе которых лежит прибалтийско-финский антропоним: **Мустиничи** – ср. вепс. антропоним *Mustoi*, при вепс. *must* ‘черный’ [6, 96]; **Рахковичи** – ср. вепс. *Rahkoi* [6, 88].

3. Ойконимы, которые в настоящее время можно соотнести с прибалтийско-финской апеллятивной лексикой. Эта группа довольно многочисленна. Например: **Лембовичи,** ср. вепс. *l’emboi* [7], причем имеются обширные русские диалектные данные, как результат прибалтийско-финского влияния: **ле'мбой** ‘нечистая сила, черт’ Медвежьегор., Пудож., Прионеж., Беломор. Карел., Подпорож., Ленингр. Терск. Мурман. [8].

Харагеничи – деревня в Тихвинском р-не Ленинградской области. Отмечается также заимствованный апеллятив, зафиксированный в Прионежском районе Карелии, этимологически с ним связанный, – **ха'рак** 'ворона' (Вороничи) [8]. Данная лексема восходит к вепс. *harag* 'сорока', при фин. *harakka*, кар. *harakka*, ливв. *harakku*, люд. *harag*, эст. *harak* 'сорока'. SKES показывает, что в прибалтийско-финских языках приведенный ряд лексем также не исконен, здесь имеет место влияние балтийских языков: литов. *šárka*, др.-прус. *sarke* 'сорока' [8, 1, 57−58].

4. Имеются ойконимы с прибалтийско-финской основой, трактовка которой возможна на различных этимологических и структурных основаниях. Например, название деревни **Корбеничи** (Тихвинский р-н Ленинградской области). И.И. Муллонен возводит к вепс. *korb’* ‘глухой лес’, которое широко отразилось на русской диалектной почве **ко'рба** ‘густой дремучий высокий еловый лес’ Подпорож. Ленингр. (Заозерье, Усланка, Курпово, Шеменичи, Яндеба, Юксовичи, Важины, Пидьма, Ульино, Гоморовичи), Лодейноп. Ленингр. (Имоченицы, Шамокша, Акулова Гора, Кяргино, Тененичи, Коковичи, Алеховщина), Тихв. Ленингр, Прионеж. Карел. (Суйсарь, Ладва, Педасельга), Пудож. Карел. (Колово, Пяльма, Авдеево), Кондоп. (Колгостров., Гангозеро, Чоболакша, Лижма), Медвежьегор. Карел. (Сенная губа, Челмужи), Вытегор. Волог. (Ошта) [8]. Ср., однако, вепс. *korboi* 'загуста из овсяной муки' [7, 225]. Причем имеет широкое распространение лексема **ко'рба** ‘рыба елец’ Медвежьегор. Карел. (Великая Губа, Великая Нива, Ламбасручей, Палтега, Пабережье), Прионеж. Карел. (Суйсарь), Кондоп. (Колгостров), Пудож. Карел. (Римское) [8].

5. Отмечаются ойконимы, которые, изменяют прибалтийско-финскую основу, преобразуя ее в полногласный вариант, ср. вепс. *hamar* 'обух (топора) и название деревни **Гоморовичи** [6, 95].

6. В ряде случаев весьма затруднительно выявить природу основы ойконима, например: **Шеменичи, Ширинчи, Шондовичи** Подпорож, этимология последних на данном этапе исследования кажется не вполне понятной как на славянской, так и на прибалтийско-финской почве.

Анализируя ареальную дистрибуцию ойконимов на *-ичи* в исследуемом регионе следует отметить, что наиболее частотно их фиксация в настоящее время в Лужском районе Ленинградской области, например: **Бутковичи, Васельковичи, Влешковичи, Волосковичи, Естомичи, Коростовичи.**

На территории с вепсским влиянием таких единиц отмечается также довольно много, например, в Лодейнопольском районе Ленинградской области: **Ребовичи, Рекиничи, Симовичи, Тененичи, Тервеничи.**

Литература и источники

1. Васильев, В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) / В. Л. Васильев. − Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2005. – 468 с.

4. Никонов, В. А. Славянский топонимический тип / В. А. Никонов // Вопросы географии. Сборник 58. − Москва, 1962.

5. Лемцюгова, В. П. Аб адной разнавіднасці апелятыўных тапасноў (на матэрыяле Брэстчыны) / В. П Лемцюгова // Беларуская анамастыка. − Мінск, 1985. − С. 38–51.

6. Генкин, В. М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья : учеб.-метод. пособие / В. М. Генкин. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2009.

6. Щапов, Я .Н. Древнерусские княжеские Уставы XI-XV вв. / Я. Н. Щапов. − М., 1976.

7. Муллонен, И. И. Очерки вепсской топонимии / И. И. Муллонен. − СПб. : Наука, 1994.

8. Зайцева, М. И., Муллонен, И. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, И И. Муллонен. − Л. : Наука, 1972.

9. Данные полевого лингвогеографического обследования автора на территории Северо-Запада России.

10. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955−1981.

Г.Д. Неганова
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
e-mail: cultland@yandex.ru

УДК 181.161.1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЁРЫ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Ключевые слова: *ойконим, географический апеллятив, народный географический термин, говоры Костромской области.*

В статье рассматриваются географически мотивированные ойконимы костромского края в аспекте народных говоров. Устанавливается их связь с народными географическими терминами, сопоставление с которыми позволяет уточнить первоначальное значение этой группы проприальной лексики. Определяются ареалы, выявляются наиболее частотные и единичные наименования селений и сравниваются с топонимикой соседних регионов. Географически мотивированные ойконимы, возникшие на диалектной базе, позволяют уточнить номенклатуру народной ландшафтной лексики, рассмотреть местные географические термины в синхронии и диахронии.

G.D. Neganova
Nekrasov Kostroma State University

LEXIS MARKERS OF CULTURE LANDSCAPE

Key words: *oikonym, geographical appellative, dialect geographical term, dialects of the Kostroma region*.

The article is devoted to the research of the geographically motivated names of Kostroma villages in the aspect of folk dialects. Establishes their connection with folk geographical terms. Comparison with them clarifies original meaning oikonyms. The study identified their areas, identified the most frequent names of villages and isolated and compared with the toponyms of the neighboring regions. Analyzing geographically motivated oikonymy, that have arisen on the basis of dialect, the author clarifies the range of dialect landscape lexis and considers local geographical terms in synchrony and diachrony.

Несмотря на существование в современной отечественной науке различных концепций культурного ландшафта, большая часть исследователей едина в том, что он представляет собой природно-культурный территориальный комплекс / природно-общественную территориальную систему со своими характерными особенностями. В соответствии с концепцией, выработанной в результате научной дискуссии лингвиста А.С. Герда [4] и географа Г.А. Исаченко [5], это особенности, характеризующие не только природу культурного ландшафта, культуру местного населе-

ния, но и язык (говор), в системе которого представлена и топонимика. Именно топоним в первую очередь является лексическим маркёром культурного ландшафта, выделяя его среди прочих.

Предметом нашего наблюдения стали географически мотивированные ойконимы. Источниками исследования (в тексте ссылки на них приводятся в круглых скобках) послужили списки населённых мест Костромской губернии по переписям XIX – начала XX века; материалы картотеки Костромского областного словаря (КОС); «Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской [3]; материалы составленного нами словаря ландшафтной лексики в костромских говорах.

По нашим наблюдениям, географичность ойконимов проявляется в основном в распространении:

1) наименований, отражающих пространственное положение селения по отношению к другим объектам, например: по отношению к наиболее примечательному элементу ландшафта – *Архангельское что на Горе, Дмитриевское что на Гриве, Верхоречье, Верхнеунженский, Нижнеунженский, Заболотное, Завражье, Закулижье, Запогосье, Заручей, Подболотново, Подболотня, Подболотье, Подлесье, Подлужье, Подозерка*, *При ключе Тишкине, При речке Каменовке, У речки Андобы, Устьнейское* и др.

2) наименований, указывающих на природно-географические особенности ландшафта: рельеф – *Валы, Горы, Крутобережка, Крутовражье, Овраг Сухой, Холм, Болото* и т. д.; почвы – *Глинник, Дресва, Золотуха, Красник, Пески, Чернозём* и др.; водоёмы – *Ключи, Озерки, Пруды, Родники, Студенцы* и др.

Вторую группу, как видим, составляют топонимы, мотивированные географическими апеллятивами. Среди них выделяется часть наименований, в которой ойконим равен географическому термину: *Верховинка, Верховье, Вершина, Взвоз, Гарь, Глинница, Глушка, Гора, Горка, Городище, Грива, Дерть, Долы, Дресвище, Завал, Заводь, Займище, Заимка, Заозерица, Запашка, Заполье, Затока, Извал, Каменка, Камешник, Ключ, Копани, Косогор, Кочи, Кочка, Красник, Кресты, Крутец, Крутик, Кулиги, Курганы, Курмыш, Лом, Лядины, Ляды, Мёжа, Мшаник, Наволоки, Перебор, Пойма, Потоки, Пронос, Просек, Пустошь, Пустыня, Разречье, Рамень, Раменье, Рамешки, Репище, Рубеж, Слудка, Стрелка, Студенец, Суборь, Сухара, Суходол, Угор, Усады, Устье, Холуй, Чертёж* и др. По сравнению с общим количеством ойконимов (в заявленных источниках их представлено более 8 тысяч) такие наименования составляют около 1,5%, но для исследователя они ценны тем, что в основном возникли на диалектной базе и поэтому могут помочь как в географической локализации диалектной лексики, так и в определении особенностей лингвистической составляющей конкретных культурных ландшафтов.

Так, например, в XIX веке в Костромской губернии существовало 8 селений с именованием *Слуда* (Галичский, Макарьевский и Чухломский уезды) и *Слудка* (Ветлужский и Кологривский уезды). Все они расположены у рек, и, скорее всего, ойконимы мотивированы географическими апеллятивами *слуда* и *слудка*, связанных с приречным ландшафтом. В севернорусских говорах они обозначают: «высокий гористый берег реки», «возвышенный обрывистый берег реки», «холм возле речки», «гора, поросшая лесом» [10, 306–307]; Э.М. Мурзаев, определяя значение терминов, приводит толкование П.И. Мельникова (Андрея Печёрского): «*Слуда* – высокий, бугристый, поросший лесом берег большой реки» («На горах») [6, 509]. В костромских говорах, согласно картотеке КОС, зафиксировано слово *слу'дка* ‘мель на реке’ в говоре жителей Парфеньевского района, ранее входившего в Кологривский уезд: *Там слудка на реке* (с. Парфеньево). Однако ойконимы позволяют предположить, что в речи жителей костромского края бытовали оба термина, их значение, по-видимому, связано с местоположением селений.

На карте Костромской области, в Солигаличском и Судиславском районах, и поныне значатся два села под названием *Верховье*, известные также как *Николо-Верховье* (3, 312) – первое, погост *Верховье что на Шаче* и *Спас-Верховье* (3, 144) – второе, по названиям построенных в них церквей. Оба располагались на возвышенностях. Вот как описывает местоположение одного из них современный костромской писатель М. Веселов: «С высоты полёта птиц небесных эта местность видится большой округлой чашей. Если встать на краю, то увидишь необъятные дали, сте-

лющиеся до самого горизонта широкими полотнами полей и тёмных перелесков. В ложбине – серебристою лентой петляет река Шача. Посреди – островом возвышается холм, увенчанный церковью… Это и есть погост Спас-Верховье. <…> Во время сильного половодья Шача со всеми притоками своими разливается далеко по всей округе. Спас-Верховье тогда становится настоящим островом, и добираться сюда приходится на лодках» [1, 7–8]. Если судить по тому, что оба селения находятся на возвышенных местах и ойконим *Верховье* отражает такое пространственное положение, то очевидно, что и географический апеллятив имеет соответствующее значение. Действительно, термин *верхо'вье* в говорах Солигаличского, а также Кадыйского, Мантуровского, Чухломского и Нерехтского районов и в настоящее время обозначает ‘возвышенность, возвышенное место’: *Дом был построен на верховье.* Кадыйск. (п. Курдюм); *Такие цветы у нас только на верховье растут.* Мантур. (д. Рогово); *Вон на том верховье растёт много грибов.* Нерехт. (д. Бабаево). И только в Парфеньевском районе термин употребляется со значением ‘начало, верхнее течение реки’.

В междуречье Костромы и Унжи и в Поветлужье встречается ойконим *Заводь*. Селения с этим названием находятся при реках, что даёт основание соответствующий географический апеллятив рассматривать в семантическом поле «река». Слово *за'водь* в костромских говорах фиксируется повсеместно, и в Костромском Поволжье, и в Лесном Заволжье – от Нерехтского и Костромского районов на юге и юго-западе до Солигаличского на севере, Вохомского на северо-востоке и Шарьинского на востоке; толкуется как: 1) ‘глухой рукав реки’ (Макарьевский, Нерехтский, Солигаличский, Шарьинский р-ны) – *От реки вправо уходит заводь* (Солигал., п. Высокая Дача); 2) ‘старое русло реки’ (Буйский, Красносельский, Мантуровский, Нерехтский, Шарьинский р-ны) – *Идите купаться в заводь, там спокойно* (Красносел., д. Сунгурово); 3) ‘небольшое озеро на месте старого русла реки’ (Кадыйский, Нейский р-ны) – *В заводи вода была теплее, чем в реке* (Кадыйск., д. Екатеринкино); 4) ‘место в реке, где вода, упираясь в какую-то преграду, принимает обратное течение’ (Кадыйский р-н); 5) ‘место слияния старого русла с рекой’ (Мантуровский р-н) – *Старка с Унжей сливаются и образуют заводь*; 6) ‘поёмные места с оставшейся водой’ (Костромской, Межевской р-ны) – *На заводи птицы любят собираться* (Межев. д. Петровка). В Галичском районе термин бытует в двух значениях: на Галичском озере это ‘голое место среди зарослей в озере, реке, тихое место’ – *Во Фролах Светичка-река, и там тростники. И между этими тростниками заводь, всегда тихо*; на реках – ‘запруда’: *Были мельницы, строили запруду и называли заводь*. По-видимому, ойконим *Заводь* мотивирован апеллятивом, употреблявшимся со вторым значением. Скорее всего, и в Поветлужье наблюдается то же: косвенным подтверждением можно считать сведения, относящиеся к 1907 году, о существовании мельницы Заводь – селения в Варнавинском уезде Костромской губернии (9, 33).

Вместе с тем, в Варнавинском же уезде отмечен ойконим *Берёзовая Заводь*. Это наименование не вписывается в семантическое поле «река»: погост находился в стороне от рек и речек, местные жители брали воду из колодца (9, 185). Можно предположить, что географический апеллятив *заводь* употреблялся с иным, нежели представленные выше, значением. Сравним: в Петербургской губернии (Ладожское) в 1865 году зафиксированы слова *заводь* и *заводина*, толкуемые как «бугор в лесу, на котором растут деревья» [9, 323, 327]; в русских говорах на территории Республики Мордовия бытует термин *заводи'нка* – «небольшая поляна» (Старошайговский р-н) [8, 231].

Сопоставим также некоторые ойконимы Костромской губернии, как частотные, так и единичные, с географическими апеллятивами, бытующими в говорах Костромской области:

Городище (Костромской, Кологривский, Макарьевский уезды) – *городи'ще* ‘возвышенность, холм’ (Чухломский р-н); ‘значительная возвышенность, гора, выделяющаяся среди других’ (Красносельский, Шарьинский р-ны): *Большую-то гору у нас городищем называют* (Красносел., с. Здемирово);

Заполицы (Галичский уезд) – *запо'лицы* ‘пространство земли за полем, заросшее мелкими деревьями’ (Галичский р-н): *Пойдём за грибами в заполицы* (д. Селищево); *запо'лица* ‘земельный участок, удалённый от населённого пункта; дальнее поле’ (Антроповский, Судиславский р-ны): *Нынче по заполице хороший хлеб уродился.* (Судислав., д. Болотово);

Золотуха (Нерехтский уезд) – *золоту'ха* 1) ‘плодородная земля’ (Костромской р-н) – *Моя золотуха хороша, а у соседа лучше.* (п. Селище); 2) ‘ягоды черёмухи’ (Кадыйский, Красносель-

ский р-ны) – *От золотухи весь язык во рту связало, даже говорить трудно* (Кадыйск., п. Текун);. *Золотухой-то её люди давно уж прозвали* (Красносел., с. Сидоровское);

Извал (Чухломский уезд) – *изва'л* ‘отлогий склон холма, пригорка, горы’ (Кадыйский р-н);

Каменка (Буйский, Варнавинский, Кологривский, Солигаличский, Чухломский уезды) – *ка'менка* ‘дорога, вымощенная камнем’ (Кадыйский, Островский р-ны): *Самая крепкая дорога – это каменка.* (Кадыйск., д. Льгово);

Перебор (Костромской уезд) – *перебо'р* ‘мелкое каменистое место на реке с быстрым течением’ (Межевской, Кологривский р-ны); ‘мель, отмель’ (Солигаличский р-н): *Давай к берегу, на перебор.* Солиг. (п. Высокая Дача);

Разречье (Варнавинский уезд) – *разре'чье* ‘место, где река делится на два рукава’ (Вохомский р-н); ‘место слияния двух рек’ (Костромской р-н): *Если две реки соединяются, то это разречье*;

Суборь (Кологривский уезд) – *су'борь* ‘густой лес’ (Мантуровский, Шарьинский р-ны): *В суборь мы одни боялись ходить, можно сразу потеряться* (Шарьин., с. Троицкое);

Чапыги (Макарьевский уезд) – *чапы'ги* ‘засорённая сучьями старого леса делянка, заросшая различными маленькими деревцами’ (Островский р-н): *В чапыгах-то и змей можно увидать* (д. Полоски); и др.

Из перечисленных ойконимов как в Костромской, так и соседних губерниях наиболее частотными являются те, в составе которых существительные *городище* и *каменка*: в Костромской – 9 и 19 соответственно, в Вологодской – 6 и 14, Владимирской – 13 и 9, Вятской – 7 и 3, Московской – 15 и 17, Нижегородской – 4 и 10, Тверской – 22 и 23, Ярославской – 10 и 9; в Архангельской губернии такие ойконимы не выявлены. Наименование *Золотуха* зафиксировано в Нижегородской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Ярославской губерниях; *Заполицы* – в Вятской и Владимирской; *Перебор* – в Вятской, Владимирской и Ярославской. Ойконимы *Извал, Разречье* и *Чапыги* нами обнаружены только в костромском крае, *Суборь* – ещё лишь в Тверской губернии (1–11).

Единственным обязательным значением топонима является указание на объект [7, 60], потому для функционирования наименования не важно, сохранило ли оно своё первоначальное значение. Между тем географически мотивированные ойконимы, представляющие собой перешедшие в проприальную лексику географические апеллятивы, фиксируются как правило на территориях, входящих в ареалы этих народных терминов, и отражают черты соответствующих групп говоров. В Костромской области это говоры центрального типа – на юго-востоке, периферийного типа – на востоке, центрального и периферийного – в междуречье Костромы и Унжи [2, 7–8]. Ойконимы не только именуют конкретную местность с учётом её природно-географических особенностей, но и отражают лексический состав говора местных жителей. Изучение их в аспекте говоров помогает уточнить номенклатуру народной ландшафтной лексики, рассмотреть местные географические термины в синхронии и диахронии.

Литература

1. Веселов, М. Метельный звон / Михаил Веселов. – Вологда : Арника, 2008. – 224 с.
2. Ганцовская, Н. С. Особенности говоров Костромской области / Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГПИ, 1992. – 96 с.
3. Ганцовская, Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья (междуречье Костромы и Унжи) / Н. С. Ганцовская. – [М.]: [Просвещение], 2016. – (В печати).
4. Герд, А. С. Ещё раз о предмете ландшафтоведения (вопросы лингвиста к географу / А. С. Герд // Вестн. СПбГУ. Сер. 7 : География. – 2002. – Вып. 3 (№ 23). – С. 132–138.
5. Исаченко, Г. А. О необходимости «нового ландшафтоведения» / Г. А. Исаченко // Вестник СПбГУ. Сер. 7 : География. – 2002. – Вып. 3 (№ 23). – С. 138–140.
6. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 653 с.
7. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 180 с.
8. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. – СПб. : Наука, 2013. – Ч. 1 : Памятники русского диалектного слова. – 672 с.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 9. – Л. : Наука, 1972. – 362 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 38. – СПб. : Наука, 2004. – 372 с.

Источники

1. Архангельская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб, 1861. – XVI, XXIV, 131 с.
2. Вятская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859–1877 годов. – Спб., 1876. – CXXVII, 993 с.
3. Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 гг. – Спб., 1877. – XVII, 385 с.
4. Нижегородская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – Спб., 1863. – XXXII, 185 с.
5. Списки населённых мест Российской империи, составленный и издаваемый Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Владимирская губерния. – Спб., 1863. – LIII, 283 с.
6. Списки населённых мест Российской империи, составленный и издаваемый Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вологодская губерния. – Спб., 1866. – XXXIV, 520 с.
7. Списки населённых мест Российской империи, составленный и издаваемый Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Московская губерния. – Спб., 1862. – III, 954 с.
8. Список населённых мест Костромской г. по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г.: в 3 вып. – Кострома: Совет. тип., 1919.
9. Список населённых мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). – Кострома: Тип. Т. П. Андрониковой, 1908. – XVII, 385 с.
10. Тверская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – Спб., 1862. – XXXVIII, 454 с.
11. Ярославская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – Спб., 1865. – LXIX, 380 с.

А.Ф. Рогалев
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
e-mail: afr-56@rambler.ru

УДК 811.161.1′373.21(476)

ОЙКОНИМ МОРДВИН (ПЕТРИКОВСКИЙ РАЙОН ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ) И ЭТНОНИМ МОРДВА: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Ключевые слова: *ойконим, этноним, история, этнос, взаимодействие, славяне, финно-угоры, иранцы, Древняя Русь, деревня, Полесье, версия.*

Предлагается новая интерпретация первоначального содержания этнонима мордва в связи с фиксацией в пределах современной Беларуси ойконима Мордвин, относящегося к одному из наиболее старых поселений в Полесье. Анализ ведётся с использованием исторических материалов.

A.F. Rogalev
Gomel State University named by Francis Skorina

OIKONYM MORDVIN (PETRIKOV DISTRICT, GOMEL REGION) ETHNONYM MORDVINIANS: HISTORICAL AND LINGUISTIC COMMENT

Key words: *oikonym, ethnonym, history, ethnicity, interaction, Slavs, Finno-Ugrian, Iranian, Ancient Russia, village, Polesie, version.*

A new interpretation of the initial content of the ethnonym Mordvinians in connection with the fixation within the modern Belarus Mordvin geographical name belonging to one of the oldest villages in the region is described. The analysis is conducted using historical materials.

Деревня Мордвин находится в Петриковском районе Гомельской области, к югу от поймы реки Припять. Первое из известных упоминаний населённого пункта относится к XVI веку. Тогда нынешний Мордвин являлся деревней Мордвиново, входившей в Трокское воеводство Великого княжества Литовского.

Такая историческая информация не должна удивлять, поскольку в 1413–1566 годах Трокское воеводство было весьма обширным, его территория начиналась от границ Ливонского ордена и продолжалась на юге до реки Припять. В указанное время Трокское воеводство делилось на множество поветов и княжеств, среди которых, в частности, были Туровский повет и Слуцкое княжество. Деревня Мордвиново располагалась на территории Слуцкого княжества, которое занимало территорию от рек Нёман и Лань (левый приток Припяти) до Припяти и Птичи (левый приток Припяти). Город Петриков был одним из городов в Слуцком княжестве.

Возникновение деревни Мордвиново, безусловно, связано с более давним временем, чем XVI век. Мы предполагаем, что это могло произойти в период Древней Руси, и основателем населённого пункта был некто Мордвин. Такое имя (прозвище) указывается С.Б. Веселовским в книге «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» применительно, как пишет автор, ко многим русским родам [1, 111].

«Ономастикон» С.Б. Веселовского составлен на антропонимическом материале Северо-Восточной Руси XV–XVII веков. Но вполне вероятно, что именование *Мордвин* встречалось не только в Новгороде, Рязанском крае и в Мещёрской стороне. По крайней мере, бытование топонима *Мордвиново* в Полесье в XVI веке говорит о том, что некий человек, прозывавшийся *Мордвином*, основал селение, названное по его имени-прозвищу.

Само же именование *Мордвин* образовано от этнонима *мордвины*, который является названием одного из финно-угорских этносов. В I тысячелетии новой эры мордва была многочисленным и могущественным народом Восточной Европы, активно взаимодействовавшим с восточными славянами. Можно думать, что некий выходец из мордвы (Мордвин) по какой-то причине оказался в пределах Слуцкого княжества, которое окончательно оформилось как удельное княжество в 1190-е годы, и явился основателем поселения Мордвиново на принадлежавших ему (подаренных или полученных за определённые заслуги) землях.

Впрочем, возможно, что основатель Мордвинова к финно-угорской мордве отношения не имел и был представителем особого этноса из числа тех этнических реликтов, которые издавна жили на территории Беларуси. Дело в том, что этноним *мордва* применительно к народу волжско-финской подгруппы является внешним и чужеродным и самим этим народом прежде не использовался.

Более того, единого народа, именуемого ныне *мордвой*, не было. Есть мордва-эрзя и мордва-мокша, при этом наименования *эрзя* и *мокша* как раз и являются исконными обозначениями, автоэтнонимами этих двух родственных этносов или, по традиционной терминологии с советских времён, двух субэтносов в составе мордовского народа, чьи языки – эрзянский и мокшанский – входят в волжскую группу финно-угорских языков. Таким образом, этноним *мордва* следует считать перенесённым.

Историки считают, что эрзя, мокша, а также такие родственные им финно-угорские этносы, как буртасы, меря и мурома, образовались в ареале распространения городецкой археологической культуры железного века (VII до новой эры – II век новой эры), представленной небольшими укреплёнными городищами и редкими открытыми сёлами, жертвенниками. Население, оставившее городецкую культуру, занималось охотой, рыболовством, бортничеством, скотоводством, подсобным мотыжным земледелием и поддерживало связь как с соседними финно-угорскими этносами (дьяковская археологическая культура), так и с ираноязычными скифами.

В этнониме *мордва* как раз и вычленяется иранский по происхождению корень со значениями «человек», «мужчина» (ср. персидское слово *mârd* и ягнобское слово *morti*, восходящие к индоиранской праформе **mrta* – «человек», «смертный»). Реализацией этой же корневой основы являются эрзянское слово *мирьде* и мокшанское *мирьдя* – «мужчина», «муж», а также удмуртское слово *мурт* и коми слово *морт* – «человек», «мужчина» [2, 37].

Поскольку приведённые финно-угорские слова иранского происхождения не имеют этнонимического значения, а наименование *мордва* с древним восточнославянским суффиксом собирательности *-ва* воспринимается этноязыковыми группами эрзя и мокша как экзоэтноним, можно заключить следующее: обозначение *мордва* использовалось восточными славянами применитель-

но к финно-угорским группам в зонах славяно-финно-иранского симбиоза, а затем было окончательно перенесено на один из самых значительных финно-угорских этносов, собственно мордву нового времени.

Это заключение основывается также на топонимическом материале Беларуси, в котором обнаруживается немало следов этноязыкового взаимодействия славянских, иранских, угрофинских и финно-угорских этноязыковых групп в I тысячелетии новой эры [3, 69–89].

При такой интерпретации фактов человек по прозвищу *Мордвин*, явившийся основателем деревни Мордвиново в бассейне реки Припять, в глуби полесских лесов, мог быть не мордвином в современном понимании слова *мордвин*, а потомком финно-угров, проживавших в пределах нынешней территории Беларуси в древности.

Интересно, что в сочинениях готского историка VI века Иордана среди прочих наименований указывается этноним *mordens*, относившийся к народу, который был покорён королём готов Германарихом. Вряд ли наименование *mordens* связано с поволжской мордвой. Скорее всего, под этим названием имелся в виду некий финно-угорский этнос в пределах южной части современной Беларуси и сопредельных районов Украины, потому что зона действия войск Германариха на Поволжье не распространялась.

Литература

1. Веселовский, С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.

2. Напольских, В. В. Введение в историческую уралистику / В. В. Напольских. – Ижевск : Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 257 с.

3. Рогалев, А. Ф. Этнические и географические названия как источник для изучения истории Беларуси / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2014. – 128 с.

Е.Н. Руденко
Белорусский государственный университет
e-mail: alena@rudenka.com

УДК 81:372.881

ТОПОНИМЫ С СЕМАНТИКОЙ ‘СВОБОДА, СВОБОДНЫЙ’ В БЕЛАРУСИ И США: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *топоним, виконим, урбаноним, этнолингвистика, частотность.*

В статье впервые сравниваются топонимы, а также некоторые урбанонимы и виконимы с корнями, имеющими значение ‘свобода, свободный’, в белорусском и английском языках на территории Беларуси и Соединенных Штатов Америки. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются этнолингвистические особенности таких наименований в Беларуси и США.

A. Rudenka
Belarusian State University

TOPONYMS WITH A MEANING 'FREEEDOM, FREE' IN BELARUS AND THE USA: ETHNOLINGUISTIC VIEW

Key words: *toponym, vikonym, urbanonym, ethnolinguistics, frequency.*

The Belarusian and English toponyms and some vikonyms and urbanonyms are compared in the article. These names have roots with the meaning 'free, freedom'. On the basis of semantic and quantitative parameters ethnolinguistic features of such names in Belarus and the United States are determined.

Цель данного сообщения – проанализировать употребление лексем с семантикой ‘свобода, свободный’ в составе названий населенных пунктов и более мелких географических объектов на территории Беларуси и США. Такое сопоставление проводилось на материале белорусских и американских топонимов, а также некоторых урбанонимов, виконимов и названий других географических объектов.

В белорусском языке такие топонимы включают дериваты общеславянских корней *свобод-* и *вол’-*.

Как известно, слав. *свобода* связано чередованием со *слобода*. По данным справочника «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Нарматыўны даведнік» [1], вост.-слав. *слобода* (бел. *слабада*) часто встречается в составе названий небольших топонимических объектов: бел. *Чырвоная Слабада, Вялікая Слабада, Слабодка* и под.: таких названий много в Восточной Славии, и большинство из них достаточно древние.

Сами же белорусские лексемы *свабода* и *воля* нечасто встречаются в составе наименований поселений именно в силу своего древнего происхождения. Наши предки не использовали абстрактные слова в топонимии, и это в полной мере касается о.-слав. *свобода* и *воля*. В Беларуси только 7 деревень называются *Свабода* (в Могилевской, Минской, Витебской и Гомельской областях) и 6 деревень – *Воля* (все в Брестской области). Помимо собственно лексем *свабода* и *воля*, как топонимы употребляются диминутивы *Волька* (два населенных пункта в Брестской области) и особенно *Вулька* – 10 населенных пунктов, все в Брестской области. Кроме того, в той же Брестской области есть *Вулька-1* и *Вулька-2*.

Какие еще дериваты корней *свобод-* и *вол-* встречаются среди белорусских топонимов?

Существительные – топонимы, образованные от корня *вол-*, могут иметь иное морфологическое оформление. Названия двух деревень – это субстантивированные прилагательные от корня *свабод-*: *Свабоднае* (Вит.), *Свабодны* (Мин.). Два таких же топонима образованы от *вол-*: *Вольны* (Гом.), *Вольна* (Бр.).

Среди топонимов, образованных от корня *вол-*, есть разнообразные суффиксальные дериваты: *Вольніца* (2 населенных пункта в Могилевской обл.), *Вольшчына* (Вит.) и вариант *Вульшчына*, *Вольск* (Гом.), *Волькавічы* и *Волькаўшчына* (Гр.), *Вулькаўцы* (Бр.).

Есть также префиксальные субстантиваты *Прывольны* (Мин.), *Прывольная* (Вит.) и префиксально-суффиксальные образования: *Прыволле* (Мог.), *Прыволле-1* и *Прыволле-2* (Гом.), *Свольна* (Вит.), *Вызваленне* (2 населенных пункта в Минской обл.) < *вызваліць* < *воля*.

С существительным *свабода* существуют составные топонимы *Зара Свабоды* (Гом.) и *Свабоднае Жыццё* (записан как *Свабодная Жызнь* (Вит.)).

С корнем *вол-* сложных топонимов гораздо больше: *Стараволя* (Бр.), *Ціхаволя* (Гр.), *Дабраволя* (Гр.), *Дабравольшча* (Гом.), *Дабравольшчына* (Гр.), *Дабраволец* (Гом.), *Дабравольск* (Вит.), *Самавольцы* (Вит.), *Краснаволле* (Мин.) и дефисный *Воля-Крупіцы* (Гр.).

Еще больше с этим корнем составных имен (*Святая Воля, Добрая Воля* (2 топонима), *Красная Воля* (Бр.); *Вялікая Воля, Малая Воля* (Гр.)), а также топонимов с компонентом *Вулька* (конечно, в Брестской области): *Вулька-Арэя, Вялікая Вулька, Малая, Аброўская, Гарадзішчанская, Дастоеўская, Застаўская, Лаўская, Папінская, Радавецкая, Целяханская*. Помимо этого в Беларуси есть ряд топонимов с неочевидной этимологией: *Вольдзікі, Волца, Волева* и др.

Лексемы *свабода* и *воля* чаще употребляются в Беларуси (как и в Восточной Славии в целом) в составе наименований меньших географических объектов – урбанонимов и виконимов: улиц, площадей и агро-промышленных комплексов: бел. *плошча Свабоды*, агро-промышленный комплекс «*Народная Воля*» и под. Но реки, школы, здания, озера и города, подобно тому как это делается, например, в США, не номинируются именем свободы.

Что касается аналогичных топонимов в Соединенных Штатах, то здесь иное положение дел. Семантика свободы в английском языке передается существительными *freedom, independence, liberty* и прилагательными *free, independent*. В соответствии с Интернет-энциклопедией City-Data.com [3], в США есть семь городов с названием *Freedom*, 12 – с названием *Independence* и 16 – *Liberty*, помимо составных наименований, таких как *Freedom Village* ‘Деревня Свободы’ и под.

Liberty, MO (pop. 29993)	**Independence, MO (pop. 110704)**	Freedom, CA (pop. 6000)
Liberty, TX (pop. 8382)	Independence, KY (pop. 21202)	Freedom, WI (pop. 5241)
Liberty, NY (pop. 3894)	Independence, KS (pop. 9277)	Freedom, NY (pop. 2545)
Liberty, SC (pop. 3052)	Independence, OR (pop. 9122)	Freedom, PA (pop. 1608)
Liberty, NC (pop. 2719)	Independence, OH (pop. 6820)	Freedom, NH (pop. 1431)
Liberty, PA (pop. 2453)	Independence, IA (pop. 6101)	Freedom, ME (pop. 636)
Liberty, IN (pop. 1928)	Independence, MN (pop. 3594)	Freedom, OK (pop. 257)
Liberty, KY (pop. 1880)	Independence, LA (pop. 1796)	
Liberty, WI (pop. 1287)	Independence, WI (pop. 1217)	
Liberty, ME (pop. 915)	Independence, NY (pop. 1041)	
Liberty, MS (pop. 676)	Independence, VA (pop. 903)	
Liberty, IL (pop. 511)	Independence, CA (pop. 574)	
Liberty, TN (pop. 384)		
Liberty, OK (pop. 178)		
Liberty, KS (pop. 93)		
Liberty, NE (pop. 85)		

В Соединенных Штатах Америки 578 названий, в том числе виконимов и урбанонимов, с существительным *freedom* (церкви, школы, дороги, болота, пруды, здания, улицы и т.д., включая составные имена), 764 названий со словом *independence* и более 2000 топонимов с существительным *liberty*, по данным Информационной системы географических имен [5]. В соответствии с той же базой данных, в США существует 705 географических названий с прилагательным *independent* ‘независимый’ и более 1500 – с прилагательным *free* ‘свободный’, включая составные наименования.

Такое отличие традиции именования географических объектов в Соединенных Штатах от соответствующих восточнославянских, в частности белорусских, имен вызвано двумя причинами. Первая из них – более позднее происхождение англо-американских топонимов. Большинство из них «моложе» соответствующих белорусских, и в связи с этим больше американских географических названий включают абстрактные лексемы.

Вторая причина – более частое употребление слов со значением ‘свобода’ в американском английском в целом: среди имен собственных и нарицательных, в текстах разных стилей, включая разговорный.

В частности, чрезвычайно частотным является слово *freedom*, о чем свидетельствуют и корпусные данные, и непосредственные наблюдения за устной речью. Лексема употребляется в рекламе, в диалогических репликах, в названии торговых марок и т. д.: *bank program freedom* ‘свобода банковских программ’, *freedom jeans* ‘джинсы “свобода”’, *freedom ticket* ‘“свободный” билет’ (особый вид проездного документа), *freedom to enjoy* ‘свобода получать удовольствие’ и др. Кстати, для русского и белорусского языков это абсолютно не характерно, у нас употребление ‘свобода’ в повседневном смысле преимущественно ироническое.

Американцы руководствуются западной традицией в употреблении таких слов, как *freedom* или *liberty*: если концепт важен для социума, то его названия должны быть активно вовлечены в общественный дискурс. Если люди говорят о проблеме, то решение проблемы обязательно будет найдено. Говорящие на восточнославянских языках ориентированы скорее на восточную традицию: «Сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет». Белорусы редко говорят о том, что важно для них, – о том, что важно, они предпочитают молчать.

Этнокультурные правила и стереотипы проявляются в таких далеких от этнолингвистики областях, как топонимика или дистрибутивно-частотный анализ. Обозначения свободы чрезвычайно частотны в американском английском. При этом они употребляются в словосочетаниях, абсолютно нетипичных для восточнославянских языков, например, *to exercise*

freedom букв. ‘упражнять свободу, упражняться в свободе’. Для американца нормально “работать над тем, чтобы свободы было больше и лучше”, общество постулирует такой подход как очень позитивный и важный. Деятельное “сохранение и улучшение свободы, ее качества и количества” укрепляется в повседневных практиках. Все граждане Соединенных Штатов, особенно эмигранты, обязаны поддерживать и развивать пафос свободы, и каждый гражданин США должен ежеминутно осознавать и переживать этот пафос. Подчеркнуто трепетное отношение к свободам индивидуума – обязательное правило поведения должностных лиц всех уровней. Обществом прививается осознание социальных свобод как прав и как обязанностей, но это еще не все. Недостаточно только выполнять свои обязанности и знать свои права. Гражданин обязан (!) добиваться реализации своих законных прав и социальных свобод, и в этом нет мелких дел. Свобода – это закон, который должен соблюдаться, даже если в конкретном случае это представляется мелочным, обременительным и негуманным. Именно в США мог появиться и появился такой институт, как House of Freedom, – организация, целью которой является мониторинг свободы в мире. House of Freedom возникла в 1941 г. именно как дом, под крышей которого могут объединиться и расти силы свободы и демократии. Это не только организация, но и своего рода урбаноним, называющий филиалы организации и конкретные здания в ряде мест в Соединенных Штатах и других странах. Создание таких организаций, как House of Freedom, и активная внешняя политика США любопытным образом отражается в корпусных данных. Сопоставление корпусов британского и американского вариантов английского языка (the British National Corpus [2] и the Corpus of Contemporary American English [4]) показывает, что именно для американского английского характерно значительно большее количество контекстов, где лексемы с семантикой ‘свобода, свободный’ употребляются по отношению к внешней политике.

Источники

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь : Нарматыўны даведнік. У 6 т. / Ін-т мовы і літ. Мінск : Тэхналогія, 2003. – 2010.
2. British National Corpus – BYU-BNC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://corpus.byu.edu/bnc. – Дата доступа : 10.01.2013.
3. City-Data.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.city-data.com. – Дата доступа : 10.01.2013.
4. Corpus of Contemporary American English – COCA [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://corpus.byu.edu/coca. – Дата доступа : 10.01.2013.
5. Geographic Names Information System [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://geonames.usgs.gov/pls/gnispublic. – Дата доступа : 10.01.2013.

В.Н. Сергей
Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
e-mail: sergej_conf@mail.ru

УДК 81'373.21 : 913

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКИХ БЕЛОРУСОВ ВО ФРАНЦИИ (на материале ономастикона)

Ключевые слова: *топоним, топонимика, ономастикон, фоновые знания, имя собственное, лингвокультура.*

В статье рассматриваются белорусские имена в лингвогеографическом аспекте. Определяются мотивы белорусских именований объектов во Франции, связанные с культурой и историей двух стран.

V.N. Sergey
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

TRACES OF GREAT BELARUSIANS IN FRANCE (based on the onomasticon)

Key words: *toponym, place names, the onomasticon, background knowledge, name, culture.*

Belarusian names in linguogeographical are considered in the article. The popular Belarusian names of objects in France, associated with the culture and history of the two countries described.

Очень сложно представить цивилизованный мир без географических названий. Географические названия помогают нам выделить и идентифицировать интересующий нас объект из ряда ему подобных. Кроме того, в большинстве случаев географическое название или любое другое именование несет в себе определенную информацию об объекте, которому оно принадлежит. Дешифровка этой информации даёт новые сведения, представляющие интерес и практическую пользу для самого широкого круга лиц. Однако, чтобы раскрыть эту информацию, нужно иметь знания о закономерностях образования топонимов, различающихся в зависимости от места, времени, языка и других факторов.

Топонимы и антропонимы составляют неотъемлемую часть фоновых знаний носителей любого языка и культуры. Они аккумулируют социальную и культурно-историческую информацию, и тем самым характеризуют географический объект. Проблема раскрытия информации, содержащейся в топониме, и адекватного его восприятия связана со спецификой национально-культурной семантики языка той или иной страны.

Топонимика также тесно связана с историей и географией. У ученых еще нет единого мнения относительно вопроса, насколько велика роль каждой из этих наук в топонимике? Например, А.В. Суперанская считает, что «только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются» [3, 6]. Коллега А.В. Суперанской В.А. Никонов, напротив, говорит о том, что и история, и география, и лингвистика играют свою определенную, хотя и различную по величине роль в топонимике: «Топоним не существует без называемого объекта, а объекты изучает география. Потребность же в топонимах, их содержание, их перемены продиктованы историей, но только через язык. Название – слово, факт знака, а не географии и не истории непосредственно» [1, 7].

Наличие белорусских названий во французской топонимии обусловлено несколькими факторами: а) относительной географической близостью стран; б) эмиграционными процессами, в) исторически сложившимися традициями.

Внутренняя форма топонимов, их коннотация, образы, вызываемые ими, связаны с культурно-историческим своеобразием французской лингвокультуры. Анализ исследуемого материала позволяет установить взаимодействие и функционирование топонимов, а также их подвидов (антропонимов, урбанонимов, астонимов и др.) и их мотивирующие основы.

Нотр-дам де Пари, Лувр, Триумфальная арка и Эйфелева башня. Весь мир единодушен: это именно то, ради чего стоит увидеть Париж и после этого можно спокойно умереть. Но белорусам также есть чем гордиться. Они могут здесь пройти своими маршрутами – дорогами великих земляков. А свой значимый след оставили белорусы здесь повсеместно.

Национальный банк Франции расположен сегодня на улице *Радзивиллов*. Радзивиллы – «некоронованные короли». Именно так называли современники в XVI–XVIII веках этот богатейший магнатский род Великого княжества Литовского. Представители рода в период своего расцвета имели огромные земельные владения на территории современной Беларуси и занимали высшие государственно-административные и военные должности. Они известны как меценаты, собиратели произведений изобразительного искусства. Одна из представительниц этого рода Барбара Радзивил (1520–1551) была королевой Польши, великой княгиней Великого княжества Литовского.

На одном из домов в центре Парижа прикреплена доска имени *Наполеона Орды*. Наполеон Орда (1807–1883) – пианист, композитор, художник. Автор более 1000 акварелей, запечатлевших уникальные памятники архитектуры, истории и культуры Беларуси и других стран.

Музей *Иосифа Цадкина*, вновь открывшийся в 2013 году к 125-летию скульптора-кубиста. Росписи *Ваньковича* в церкви Сен-Северен. И, естественно, легендарный плафон Гранд Опера, оформленный *Марком Шагалом* по заказу президента Франции Шарля де Голля. У прекрасного здания Оперы архитектора Шарля Гарнье в самом центре Парижа, в нескольких шагах от площади Конкорд, есть одно из самых белорусских мест французской столицы. Дворец, считающийся одним из самых ярких образцов французского стиля beaux-arts (изящные искусства) с его барочно-ренессансными отличительными чертами. Можно пройти по знаменитой мраморной парадной лестнице и увидеть фантастический купол, расписанный уроженцем Витебска Марком Шагалом.

Яркий свет выявляет росписи на плафоне. 220 квадратных метров в самом центре Оперы. Росписи доверили уже опытному и всемирно признанному 77-летнему Шагалу в 1963 году, почти через век после строительства дворца Гранд Опера.

На плафоне пять разноцветных секторов, в которых Шагал изобразил сцены из знаменитых балетов и опер и знаменитые парижские достопримечательности: Эйфелеву башню и Триумфальную арку. От оплаты за проект, работа над которым длилась почти год, Марк Шагал отказался, выразив таким образом благодарность руководству Франции за гражданство и возможность творческой свободы.

Французы с упорством замалчивают, что знаменитый художник Марк Шагал – белорусский еврей, они считают его безраздельной собственностью. Но, как бы ни хотели французы присвоить себе нашего художника, им никуда не деться от того, что витебское детство мастера стало главной темой его творчества на протяжении всей его жизни, причем не только творчества живописного, но и литературного – он написал автобиографическую книгу «Моя жизнь». Французские правообладатели против того, чтобы в Беларуси издавались альбомы с репродукциями картин Марка Шагала, Зато все желающие могут посетить центр творчества М. Шагала в Витебске и осмотреть домик, где он родился и рос.

Южные окраины Парижа. Небольшое трехэтажное здание в переулке Данциг получило имя La ruche – («Улей»). Здесь нашли свой приют художники Парижской школы в начале XX века. Они жили и творили прямо в маленьких комнатах, которые похожи на соты пчел, оттого и название такое. И среди самых знаковых имен – *Цадкин, Шагал* и *Сутин*.

Кстати, маленькие произведения белорусов только относительно других жителей улея. Так, именно здесь инженер Г. Эйфель нарисовал эскизы своей будущей башни. Остается пристанищем для людей творческих профессий улей и сегодня.

Здесь были открыты мастерские, которые за небольшую плату, а то и даром снимали будущие звезды Парижской школы, в том числе и другие уроженцы Беларуси: *Пинкус Кремень, Михаил Кикоин*. Сегодня в здании также расположены студии художников.

Ещё одна белоруска *Надежда Ходасевич-Леже*, уроженка белорусской деревни Зембин, стала известной французской художницей и музой знаменитого живописца и скульптора Фернана Леже. Она с самого детства хотела рисовать и жить в Париже. В деревеньке, где она родилась, такую идею воспринимали исключительно как сумасшедшую. Надежда без разрешения родителей сбежала учиться живописи в Смоленск, оттуда – в Варшаву, где вышла замуж, и уже вместе с мужем отправилась в Париж, в академию своего кумира Фернана Леже, который сам же их и пригласил. После ссоры с супругом, который вернулся в Варшаву, оставшись без денег, с маленькой дочкой на руках, Н. Ходасевич стала работать прислугой. Но при этом на свои небольшие средства издавала журнал о живописи, где публиковались работы Пикассо, Ле Корбюзье, Леже и др.

Во время Второй мировой войны активная участница французского Сопротивления Ходасевич днями работала преподавателем в академии, а ночами расклеивала по городу листовки. После войны она помогала русским эмигрантам, организовала аукцион, на котором выставлялись картины тех же Пикассо и Леже. После смерти жены Ф. Леже Надежда Ходасевич выходит за него замуж и прибавляет к фамилии Леже, а в их доме собираются самые известные люди России и Франции. После смерти учителя Надежда вернулась к первому мужу, и вместе они открыли музей в память о мастере, который передали в дар Франции. Сама Ходасевич-Леже стала известной в

монументальном искусстве, ее мозаичные портреты современников выставляются во многих галереях мира. Она была активной сторонницей развития франко-советских отношений, за что удостоена ордена Трудового Красного Знамени и ордена Почетного легиона Франции.

Имя *Тадеуша Костюшко* (1746–1817) хорошо известно за пределами Западной и Центральной Европы. Белорус по происхождению, который боролся за независимость Речи Посполитой, воевал за США, не принял личного приглашения Наполеона Бонапарта. Тадеуш Костюшко – незаурядная личность, сын нашего славянского региона. Примечательным является и то, что этот великий человек был удостоен почетного гражданства сразу двух стран: США и Франции.

Анализируя биографию Андрея Тадеуша Бонаветуры Костюшко (а именно так звучало его полное имя), бросается в глаза, во-первых, не совсем польская фамилия, а во-вторых, то, как в большинстве заграничных энциклопедических изданий сформулирован краткий отзыв о нем: «национальный герой Польши и США», «польский генерал», «польский патриот и солдат» и т.д. А это значит, что нигде нет четкого определения «поляк». Это утверждение является исходным для нас. Интересным является и то, что Беларусь – страна, где родился Костюшко – не делает попыток, чтобы разделить с Польшей и США наследие и славу Т. Костюшко. Несомненно, что краеведческие музеи не перестанут утверждать о том, что он белорусский герой, но это не общегосударственная позиция исторической науки.

В 2013 году свое белорусское лицо могло бы появиться и у столицы Франции. Правнучка Тадеуша Костюшко, Натали Костюшко-Маризе, баллотировалась на пост мэра Парижа. И говорят, что шансы у нее были очень велики. Она с таким же трепетом относится к Беларуси, как и ее знаменитый прадед, Беларусь и Франция действительно близки, несмотря на более чем 2 тысячи километров между Минском и Парижем.

Казалось бы, мы очень далеки от океанографии. Но и здесь есть белорусский след. Отец самого известного исследователя морей и изобретателя акваланга *Жака-Ива Кусто* был выходцем из Витебской области. И жил он в деревне Лынтупы. Жак-Ив Кусто – исследователь океана, фотограф. По отцовской линии Ж.И. Кусто имеет белорусские корни. Отец будущего океанографа переехал во Францию из Белоруссии. Родной дядя океанографа всю свою жизнь прожил в БССР. Жак-Ив Кусто в молодости сменил фамилию на «более французскую». Весьма примечательно, что настоящая фамилия океанографа, а также его менее известного отца – «Куст». Лишь после женитьбы на матери Жака-Ива его отец решился переделать белорусскую фамилию и записать ее на французский манер.

Даже беглый взгляд по карте Парижа подсказывает нам то, что история и культура наших стран однажды сплелись навсегда.

Есть и у нас настоящий *Париж* – небольшая деревня в Витебской области. А Запад во Франции и Беларуси и вовсе одноименный. Белорусский *Брест* часто называют «западными воротами страны». То же самое можно сказать про его тезку во Франции. Здесь расположен один из крупнейших портов страны в Атлантике, а также берет свое начало Западная французская железная дорога. А по одной из версий, Брест – означает «начало земли». Выгодное географическое положение предопределило судьбу Бреста. Сегодня этот 150-тысячный город (а по меркам Франции, это достаточно крупный населенный пункт) является супрефектурой департамента Финистер, т.е. районным центром, по-нашему. Имеется у двух Брестов и одна дата на двоих: оба города были освобождены от германских войск в один день – 28 июля 1944 года. Все события тех лет подробно отражены в Морском музее города, который тоже навевает мысли о нашей родине.

Белорусский Брест знаменит своей крепостью. Главная достопримечательность Бреста французского – тоже оборонительное сооружение – Брестский замок. Он был построен в Средние века на месте римских укреплений. И сегодня он сохраняет свои функции: здесь находится самая большая военно-морская база Франции в Атлантике. Она и занимает большую часть замка, в остальной части располагаются экспонаты музея. Ежегодно его посещают порядка 600 тысяч туристов.

28 сентября 2015 г. Почетный консул Франции в Бресте Леонид Стаецкий подарил Бресту работы Якова Балглея. Художник Парижской школы Яков Балглей (1891–1934) – уроженец Брест-Литовска. С 1911 года жил и творил в Париже. Две его работы отныне будут храниться в Музее истории города на ул. Леваневского в белорусском Бресте. Это «Молитва» (1920-е) и «Пара» (начало

1930-х). Покупку на личные средства осуществил Почетный консул Франции в Бресте, помощь в этом оказали «Вечерний Брест» и частное учреждение культуры «Наследие и время» (Смиловичи).

Расследование программы Who Do You Think You Are? с ног на голову перевернуло представление актера о своем происхождении. В частности, оказалось, что его прадед и прабабушка по линии матери –Арнольд и Амели Ярше, переехавшие в Лондон из Парижа в конце 19 века, – происходили вовсе не из Франции. Их родина – тогдашняя Российская империя. Так, фотограф Арнольд Ярше родился в еврейской семье в Динабурге (сегодня – Даугавпилс, Латвия), а его супруга Амели Саломон, прабабушка актера, в белорусском Гродно.

Став доступной, столица Франции и сама Франция не растеряли своей привлекательности для белорусов. Но во Франции и Париже немало мест, в том числе – связанных со знаменитыми выходцами из Беларуси, которые следует посетить и задаться вопросом о взаимосвязи и истории именования этих прекрасных уголков.

Литература

1. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : ЛКИ, 2011. – 184 с.
2. Поздняк, Г. В. Атлас мира / Г. В. Поздняк. – М. : Оникс, 2010. – 320 с.
3. Суперанская, А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.

Источники

http://news.tut.by/culture/441713.html [Электронный ресурс]. – Дата доступа : 06.01.2016.
http://www.interfax.by/article/60136 [Электронный ресурс]. – Дата доступа : 06.01.2016.
http://news.tut.by/culture/441713.html [Электронный ресурс]. – Дата доступа : 06.01.2016.

Т.И. Синкевич
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: sintat@inbox.ru

УДК 811.161.1‘373.215.

ЯЗЫКОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГИДРОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ВИТЕБЩИНЫ

Ключевые слова: *оним, лимноним, субстрат, национально-культурный феномен, архетип, экстралингвистический фактор.*

В статье анализируются названия озер, в основе наименования которых содержатся лексемы, отражающие богатую духовную и материальную культуру наших предков. Названия озер Витебщины представляют собой также источник ценных сведений о межъязыковых контактах и территории расселения балтийских и финно-угорских племен, поскольку большое количество названий водных объектов в исследуемом регионе имеет в своей основе балтийские и финно-угорские корни.

T.I. Sinkiewicz
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

LANGUAGE AND NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF GIDRONIMICHESKY LEXICON OF VITEBSHCHINA

Key words: *limnonim, substrat, onim, historical development.*

Limnonima in the territory of Vitebshchina were created under the influence of language and extralinguistic factors. Features of a geographical position, historical development and presence in this territory at the past of different ethnoses (finno-ugr, Balts) provided existence of a large number the substratnykh of the gidronim which are the evidence of cross-cultural and interlingual contacts. Besides, in many respects the nomination of water objects of Vitebshchina passed on the basis of regional appellative lexicon.

Исследование гидронимии Витебщины представляется актуальным в связи с существующими в лингвистической науке проблемами изучения таких единиц, как хранилища историко-культурной и языковой информации.

Цель статьи – выявить лимнонимы, в основе наименования которых содержатся лексемы, отражающие богатую духовную и материальную культуру наших предков.

Материалом исследования послужили 1498 лимнонимов, зафиксированных нами на территории Белорусского Поозерья. Каждое отдельное наименование рассматривалось как элемент системы названий той или иной территории.

При анализе материала использовались элементы статистического метода, метод лингвистического комментирования, сравнительно-сопоставительный метод.

Лимнонимия Белорусского Поозерья – это национально-культурный феномен, яркий и существенный признак этносов, населявших эту древнюю территорию и оставивших нам в наследство огромное количество названий озер, рек, болот и других водных объектов. Такого типа онимы обладают комплексной семантикой, в которой выделяются языковая, речевая и энциклопедическая стороны. Языковая сторона имени во всем своем объеме доступна лишь исследователю. Первостепенную значимость приобретает речевая информация, адресная и эмоциональная, которая осуществляет связь имени с объектом и выявляет отношение говорящего к объекту. Это наиболее массовая и наиболее «поверхностная» информация, присущая имени, присутствующая всегда и для всех. Энциклопедическая информация основана на экстралингвистических связях объектов: в имени собственном пересекаются информационные потоки социального, национально-культурного, этнографического и иного характера. Ономастическая лексика является важнейшим элементом народного сознания, поскольку в имянаречении отражаются культура, история, духовные ценности, а также архетипические представления определенной языковой общности, то есть имя собственное обладает не только номинативной, но и кумулятивной функцией, которая проявляется в свойственном именам «национальном компоненте» значения. Рассматривая понятийную структуру имен собственных, в частности гидронимов, мы обращаем внимание как на лингвистическую, так и на экстралингвистическую информацию, содержащуюся в них. Мы полагаем, что именно двуплановое комплексное исследование позволяет выявить наиболее полное восприятие лимнонима носителями языка. Названия озер определяются нами как особый разряд топонимической лексики. Их выделение позволяет получить ценный материал для изучения истории и культуры народа, поскольку, во-первых, названия озер составляют основу топонимии Витебщины; во-вторых, они являются наиболее устойчивыми знаками языка, несут память о племенах, населявших их берега, о представлениях местного населения об окружающем мире, о межэтнических контактах. Лимнонимия (как и топонимия в целом) связана с местными говорами. Диалектная лексика является одним из источников формирования названий водных объектов. Зная диалект того или иного региона, можно раскрыть происхождение многих собственных названий. С другой стороны, многие лимнонимы помогают воссоздать исчезающие пласты диалектной лексики, что нами и было отмечено при анализе исследованного материала. Названия озер Витебщины представляют собой также источник ценных сведений о межъязыковых контактах и территории расселения балтийских и финно-угорских племен, поскольку большое количество названий водных объектов в исследуемом регионе имеет в своей основе балтийские и финно-угорские корни. Названия водных объектов, как и другая ономастическая лексика, являются носителем объемной и многослойной культурологической информации.

Результаты исследования показали, что в основе номинации большей части водных объектов лежат особенности географической среды, характер местности (856 гидронимов). Самыми частыми на территории Белорусского Поозерья являются лимонимы, ведущую роль в образовании которых играют географические термины (365 гидронимов).

Лимонимы на исследованной нами территории могут быть образованы от самых различных географических терминов, отражающих особенности местонахождения водного объекта. Так, чаще других в основе наименований озер лежит термин *мох* со значениями «болото; торфяное болото, сфагновое болото; топь, поросшая мхом; болото с зарослями клюквы; болото с редкими де-

ревьями; лес на болоте», происходящее от др.-русск. *мъх* «болото» [1, 3, 277]. Так называются, в первую очередь, озера, которые подверглись заболачиванию (нами отмечено 36 названий): *Аржавый Мох, Моховое озеро, Мошна, Моховка, Мшары*и др.

Болотистый характер местности отражен в таких гидронимах, как *Чистик* (*чистик* «большое сфагновое болото, совершенно безлесное» [1, 4, 237]), *Аболонье* (диал. *болонь* «низкое, болотистое место» [1, 1, 67]), *Плавна* (диал. *плав* «зыбун, болото» [1, 3, 438]), *Саро* (балт. *сара* «болото» [1, 3, 496]) и т. п. Часть терминов, от которых образованы лимонимы, указывают на тип водного объекта: *Вопь* (балт. *upe/ape* «вода» [2, 169]), *Ключи, Крыница* и др.; на какую-либо часть водного объекта: *Девица* (слав. *девица* «старица» [2, 84]). Не менее частотны названия, происходящие от географических терминов, связанных с заселением территории: *Городище, Городня, Селище* и др. Значительную часть составляют также гидронимы, образованные от терминов *бор, дубрава, лес* и под.: *Боровое, Бор, Борок, Дубровка, Лесное озеро* и др. Гидронимы, указывающие на качество воды (123 гидронима), отражают ее цвет (*Белянка, Белое озеро, Чернавка, Черное озеро*), свойства (*Ржавка, Пьяное озеро*), вкус (*Соленое озер*о), температуру (*Лютое озеро, Студеное озеро, Студенка*), запах (*Вонючка) и т.д.* Названия гидрообъектов могут характеризовать размер (58 гидронимов): *Большое Швакшта, Малое Швакшта, Великий Супонец, Малый Супонец, Великое Святое озеро;* форму и характер котловины (69 гидронимов): *Большая Клешня, Крестовик, Кривое, Корец* (диал. *корец* «ковш» [5, 2, 179]), *Круглик, Лапеня*; глубину водного объекта (18 гидронимов): *Бездонное озеро, Бездна, Глубокое, Глубь, Глыбочка, Шо;* характер дна или берегов и наличие полезных ископаемых (68 гидронимов): *Стабна* (др.-прусск. *stabis «*камень» [2, 209]), *Молинка* (лит. *molis* и лтш. *māls* «глина» [2, 196]), *Каменка, Грязевка, Залазня* (балт. **gelh-* «железо» [2, 187]), *Рудавечь*(финск. *rautaves i* «железо, вода» [2, 228], Руденок*;* характер течения *Быстрик, Навля* (балт. **nau-* «смерть, мертвец» [2, 197]), *Мертвое озеро*. Местоположение водного объекта отражают такие названия, как *Десна, Загатье, Заровье, Школьное* и др. (46 гидронимов).

Большую группу составляют фитогидронимы (89 гидронимов), образованные от названий растений и вследствие этого несущие сведения о флоре исследованного региона: *Березое озеро, Лемна* (диал. *лем* «вяз» [1, 2, 346]), *Ольша, Дубна, Бесовка* (диал. *бес* «бузина» [5, 1, 168]), *Ситно* – в основе названия озера – лексема «sitьnikъ» − «заросли на озере, камыш»; ср., например, бел.диал. «сітнік» −«болотное растение»[1, 4, 247], русск. диал. «ситник, сито» − «растение, похожее на камыш», польск. «sitno» − «камыш, осока» [5, 2, 21], т.е. мотивом номинации озера послужила лексема со значением «осока, растение вроде камыша *Ситно*», «поросшее камышом влажное место», то есть все то, что указывает на связь водного объекта с подобной растительностью [1, 4, 189] и т. д.

Фауна Витебщины также получила отражение в гидронимической лексике (зоогидронимах): *Бобр, Бобровое озеро* (слав. *Бебр*или, балт. – лит. *bebrus*, д.-в.-н. *bibar* «бобр» [5, 1, 141]), *Ожевка* (балт. – лит. *oħis*, лтш. *āzis* «козел» [5, 1, 175]), *Колпик* (балт. *gulbis* или слав. *кълрь* «лебедь» [5, 1, 132], *Карасенка* и др. (62 гидронима). К гидронимам, отражающим природно-географические признаки реалий, относятся названия, содержащие эмоционально-оценочную характеристику гидрообъекта (31 гидроним), поскольку такая оценка дается в зависимости от признаков этого объекта, например, *Голодня,* Глухое озеро, Лютый Мох, Пустое озеро (без рыбы) и др.

Второй тематический класс включает в себя названия водных объектов, связанных с человеком и его деятельностью (478 гидронимов). Особо выделяется небольшая по объему группа названий, образованных от личных имен, фамилий и прозвищ (51 гидроним). Большинство из них относятся к маленьким по объему воды лимнонимам, но они самым тесным образом связанны с человеком. Чаще всего такие названия давались по имени человека, который жил рядом с озером, был владельцем поместья, на территории которого было озеро: *Алешино озеро, Алоизберг* (в течение двух столетий Алоизберги владели поместьем, землями, пастбищами, лесами и озером), *Верино озеро.* Ценным источником культурно-исторической информации являются гидронимы, связанные с хозяйственной деятельностью человека (89 гидронимов), которые позволяют воссоздать социально-экономический ландшафт прошлых эпох. Значительная часть гидронимов этой группы связана с земледелием – основным занятием местного населения. Земледельческая деятельность послужила основой для номинации озер, например, *Теребревка* (диал. *тереб-* «корчевать»

[1, 3, 251]), *Растяреба* (диал. *Растерёба* «очистка участка леса под пашню, покос» [1, 3, 225]), *Страдино* (*страда* «летние работы земледельца» [1, 3, 334]) и др. Сельскохозяйственные культуры, которые выращивались на территории Витебщины, стали причиной появления таких гидронимов, как *Костря* (диал. *костра* «мякина», «жесткая кора растений, годных для пряжи льна, конопли» [1, 2, 175]), *Тирка* (диал. *атира* «мякина» [5, 1, 358]). В гидронимии Витебщины получили отражение и различные промыслы местного населения. Важным занятием сельских жителей был лубяной и мочальный промыслы. Так, название *Лубня* – от диалектного *луб* «лукошко, корзинка из лыка» [2, 54], *Лютня* – от диал. *лут* «кора липы, лыко» [2, 61], *Мочальное озеро* – от*мочало* «липовый луб, размоченный и разодранный на волокна» [1, 2, 354]. Другие промыслы представлены единичными названиями: *Будовесть* (диал. б*уда* «строение, постройка», «помещение, где гонят деготь и дерут щепу» [1, 1, 276]), *Бердно* (*бердник*«бердочный мастер» [1, 1, 82]), *Ковалевка* (диал. *коваль* «кузец» [1, 2, 545]). Озеро *Балдук* и *озеро Балдучица* содержат в своем составе одинаковый корень – *балд (болт-*) – ср. также польск. bolt «*болт*» заимств. из нж.-нем. bolt(e) или голландск. bout; русск. «болт» − «шест для ботанья рыбы» (на Чудском озере), к-е Бенекер [1, 118] возводит к слав. *bьltсм. *болтать* – «приводить в движение», т.е. названия озер свидетельствуют, возможно, о своей связи с рыболовным промыслом, процветавшим некогда здесь, а может быть, в основу наименования была положена просто физико-географическая примета – движение воды, «болтанка»[5, 1, 112].

Названия водных объектов, отражающие религиозные взгляды, мифологическое мышление народа (67 гидронимов), содержат сведения о духовной жизни населения в прошлом и настоящем. На исследуемой территории, на наш взгляд, только несколько гидронимов сохранили память о языческих представлениях народа: *Поганик, Идолта, Велица, Велесо/Волосо/Велеста, Волосо Северное, Волосо Южное,* которые восходят к имени восточнославянского и балтийского бога *Велеса* [3, 173]. Гипотезу подтверждает прежняя форма названия озера – *Велесто*. Интересным, на наш взгляд, является и название оз. *Бабча*. В основе названия и деревни и озера выделяем лексему *баба* (*д. Бабча и оз. Бабча*, первично название озера, как более древнего географического объекта), в местных диалектах лексема имеет значение «поганский, языческий идол», здесь было языческое капище, что подтверждается археологическими раскопками на берегу оз. *Бабча*, другое значение лексемы *баба* – «старое русло реки». В «Опыте описания Могилевской губернии» 1864 г. записано, что «местечко *Бабча* лежит при *Зеленском озере* на упраздненном Санкт-Петербургском тракте, окружено хвойным лесом и Веретейским болотом» [4]. В *Зеленское озеро*, что расположено рядом с оз. *Бабча*, впадает три реки. В древности это могли быть старые русла рек, следовательно, значение названия оз. *Бабча* можно вывести из значения лексемы «старое устье реки» (возможно, что и это озеро когда-то было проточным). По словам местной жительницы Еленцовой О.А., «баба» – это ком глины, подготовленный как сырье для изготовления гончарных изделий, таким образом, название может быть также мотивировано лексемой с диалектным значением, указывая на род деятельности человека. Обращает на себя внимание топонимический эпитет *поганый* (оз. Поганик), связанный со значением апеллятива *поганый* «нехристианский», устар., а также – «мерзкий, отвратительный, скверный» [3]: «Ведьмы и калдуны слетались туда па начам, калдавали да варажили. Атсюда и завут так, *Паганик*, т.е. *погань, нечисть*» (Браславский р-н). В отдельных названиях озер отражается сочетание мотивов разных религий – христианской и языческой – одно из частных проявлений христианско-языческого синкретизма. Например, рассмотрим название *оз. Крестцы́*. «На перекрестке двух дорог, ведущих в деревню, разлилось озеро. По преданию, там стояла часовенка: «Там колдуны сё собирались , часовенка там была . Дороги скре́щивались, вот и прозвали место Кресцы́, а от места и озера назвали» (Лепельский р-н).

Все другие гидронимы заключают в себе христианские представления человека: *Святец, Святое, Купелище, Купальское озеро* и др.

Чаще других встречаются гидронимы, образованные от топонимов (261 гидроним). Для славянской топонимии свойственна номинация населенных пунктов от гидронимов (*р. Полота – г. Полоцк*). Однако в Витебской области в подавляющем большинстве случаев имеет место противоположный путь именования: гидронимы образуются от топонимов. По такому направлению идет номинация не-

больших водных объектов: гидронимы, как правило, указывают на местонахождение водного объекта вблизи населенного пункта (д. *Бабино* – оз. *Бабинка*, д. *Беляево* – оз. *Беляевка*, д. *Черногостье* – оз. Черногосское / Черногостье и т.д.). Наиболее типичен данный характер номинации для небольших озер (д. *Вымно* – оз. *Вымнянское*, г. Городок – оз. *Городокское*, д. Ситно – оз. Ситнянскоеи т.д.). Небольшую группу составляют гидронимы, образованные от других гидронимов (10 гидронимов). Так, *оз. Ужо* – приток р. *Ужища*, оз. *Усвея* − *р. Усвейка* и под.

Лимнонимына территории Витебщины сформировались под влиянием языковых и экстралингвистических факторов. Особенности географического положения, исторического развития и присутствие на данной территории в прошлом разных этносов (финно-угров, балтов) обеспечили наличие большого числа субстратных гидронимов, являющихся свидетельством межкультурных и межъязыковых контактов. Кроме того, во многом номинация водных объектов Витебщины проходила на базе региональной апеллятивной лексики.

Литература

1. Даль, В. И.Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва, 1976−1980.
2. Иванов, В. В., Топоров, В. Н. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – Москва, 1974. − 320 с.
3. Маковский, М. М. Язык – миф, культура. Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. – Москва, 1997. −354с.
4. Опыт описания Могилевской губернии», 1864 (акты записей спецхранилища НБАНБ).
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – Москва, 1986−1987.

А.Н. Соловьёв
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
e-mail: sancongoalexnat@mail.ru

УДК 811.116.1'373.211.5

СМОЛЕНСКАЯ УРБАНОНИМИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОДНЕВНОЙ ПЕРЕПИСИ 1881 ГОДА

Ключевые слова: *урбанонимы, структурно-грамматические типы, атрибутивные урбанонимы, официальные урбанонимы, историческая урбанонимика, XIX век.*

В статье впервые рассматривается смоленская урбанонимия конца XIX века. Вводятся в научный оборот материалы однодневной переписи 1881 года. Официальные названия анализируются с учетом структурно-грамматических типов, преимущественно атрибутивных. В статье уделяется внимание семантике некоторых смоленских урбанонимов.

A.N. Solovyev
Smolensk State Agricultural Academy

Key words: *urbanonyms, structure-grammatical types, attributive urbanonyms, official urbanonyms, historical urbanonimica, XIX century.*

This article contains the first discuss of Smolensk urbanonyms of the end of XIX century. We introduce to the scientific researches materials of One Day census of 1881. We analyze official onyms taking into account their Structure-grammatical types, mainly attributive. The article focuses on the semantics of some Smolensk urbanonyms.

Наше исследование опирается на весьма важный урбанонимический (и ономастический в целом) источник — материалы однодневной переписи 11 октября 1881 года по городу Смоленску. Данный источник был опубликован в 1882 году вместе со статистическим очерком о городе Смоленске [6].

Подобные переписи проводились в различных городах Российской империи, начиная с 1860-х годов [1]. Их организация была связана с реформой городского управления при Александре II. Инициатором обычно выступали городские или губернские власти. Помимо традиционных вопросов для переписей (пол, возраст), в материалах отражалась структура городского управления. Материалы переписи 1881 года содержат полный официальный список улиц и иных адресных объектов с указанием количества домов, их нумерации, фиксировалась и фамилия домовладельца или владельца «пустопорожнего» участка. Последнее позволяет рассматривать материалы не только как урбанонимический, но и как антропонимический или генеалогический источник.

Всего в материалах переписи был зафиксирован 141 адресный объект. Среди них 80 улиц, 40 переулков, 6 шоссе, по 4 площади и ручья, по 3 набережных и горы, 1 «козинка». Мы видим, что урбанонимные термины достаточно разнообразны. Помимо традиционных улиц, переулков, площадей в смоленской урбанонимии начинают использоваться заимствованные термины (шоссе), при этом остаются в активном употреблении архаичные названия, связанные с рельефом и водными объектами. Названия переулков могут быть связаны с более крупными объектами (Свирская улица и переулок), либо не иметь подобной связи (Провиантский переулок, Медведев переулок). В 1881 году 18 переулков были названы по более крупным адресным объектам (Авраамиевские, Покровские улицы и переулки, Московский переулок и Ново- и Старо-Московские улицы, Митропольский переулок и Верхне- и Нижне-Митропольские улицы). У 22 переулков таких соответствий не обнаружено. Как правило это названия, связанные с неким объектом, расположенным в переулке или поблизости (Провиантский переулок − Провиантские склады; Тюремный переулок − тюрьма), либо первопоселенческие названия (Шведов, Кислов переулки). В ряде случаев наличие подобного соответствия не вполне ясно, например, мы предполагаем, что произошло сближение названий Волкова переулка и улицы Волк, на современной карте Смоленска − улицы 1-й и 2-й Верхний Волок. Вероятно, на момент переписи архаичное транспортное значение этих улиц было забыто.

Наименования шоссе, напротив, часто имеют отсылку к растущему значению города как транспортного узла и имеют в своей основе топоним. Урбанонимия Смоленска не является исключением, поэтому на карте города появились Витебское, Рославльское, Киевское шоссе. Интересным является название Троицкое шоссе, где урбанонимный термин имеет ярко выраженное транспортное значение, а проприальная часть онима связана с христианской идеологией. Мейеровское шоссе является мемориальным онимом в честь Александра Мейера, председателя Смоленской казенной палаты, первого почетного гражданина Смоленска. [5, 362].

В 1881 году в Смоленске было зафиксировано 4 агороним. В Смоленске конца XIX века 3 из 4 площадей носили торговые названия: Базарная, Рыночная и Сенная площади. Название Молоховской площади связано с Молоховскими воротами в Смоленской крепостной стене.

Три смоленских набережных носили названия Рачевская, Заднепровская и Петропавловская. Первый оним связан с речкой Рачевкой и Рачевской слободой, второй отсылает к традиционному для смолян названию правобережной части города − Заднепровье, третий имеет в своей основе экклезионим − Церковь Петра и Павла.

Для Смоленска, с его сложным рельефом, всегда были актуальны названия холмов и ручьев. В 1881 году были зафиксированы Козловская Гора (ныне восточная часть улицы Ленина), 1-я и 2-я Покровские Горы. Ручьи протекали по дну оврагов. Как правило, и овраг, и ручей имели одинаковые или связанные названия, например, Георгиевский овраг и Георгиевский ручей. После 1917 года ручей (и гидроним, и улица) был переименован в Красный. Большая часть подобных внутригородских гидронимов имеют вторичные наименования по расположенным близлежащим церквам: Пятницкий ручей (Низинная церковь Пятницы на Малом Торгу), Ильинский ручей (Церковь Ильи) и т.д. Весьма древним именованием является Зеленый ручей. До начала XVII века эта местность была городской окраиной [7, 95], позднее заселялась стрельцами и донскими казаками. Название ручей получил, по-видимому, по цвету воды.

Весьма любопытным, но неясным по происхождению, нам представляется урбаноним Костельная Козинка. Слово «козинка» вероятно уникально в качестве урбанонимного термина. Относительно его значения мы можем выдвинуть лишь гипотезу. В словаре Добровольского из похожих слов встречается лишь «казёнка» − казенные дома, место обитания лиц казенного учреждения [2, 305]. Возможна произошла фонетическая трансформация данного слова в «козинка». По

всей видимости, в Костельной Козинке обитали либо служители католического прихода, либо рабочие на строительстве Смоленского костела.

Мы опираемся на структурно-грамматическую классификацию урбанонимов, предложенную А.М. Мезенко [3, 24–26]. Подавляющее число смоленских онимов 1881 года относится к атрибутивному типу. Для атрибутивного типа характерны двусловные названия, состоящие из проприальной части, выраженной прилагательным, и урбанонимного термина, связанные между собой с помощью согласования. К данному типу относится 119 названий из 141 (84%), а с учетом сложных структур атрибутивы в той или иной мере присутствуют в 137 урбанонимах (97%). Таким образом, смоленскую урбанонимию конца XIX века можно считать исключительно атрибутивной.

Среди классических атрибутивных конструкций можно выделить 6 групп с точки зрения семантики названий. К первой группе относятся внутригородские названия, непосредственно связанные с характерными особенностями самого объекта. Мы насчитали 16 подобных онимов. Наименования ряда улиц связаны с их расположением относительно какого-либо природного объекта (Загорная, Запольная улицы, Озерный переулок). В номинации улиц может быть заложена информация о расстоянии до них или расположении относительно другого объекта, а также о времени его появления (Передняя, Задняя, Новая улицы). Иногда решающим фактором номинации служил характер проезжей части (Песочная улица). Название Окопная улица восходит к событиям 1812 года.

К следующей семантической группе относятся атрибутивные урбанонимы топонимического происхождения. Чаще всего наименования улиц восходят к названиям населенных пунктов. Первоначально основным мотивом подобной номинации служило направление улицы в сторону какого-либо значимого села или города, например, Ново- и Старо-Петербургские улицы, Московское, Витебское шоссе. Названия Озерищенский и Куркушевский переулок могли быть связаны с топонимами, вошедшими в городскую черту, либо с микротопонимами, обозначавшими какие-либо урочища. К микротопонимам восходят названия Королевская улица (Королевский бастион), Кукуевская улица (слобода Кукуй). К древнему пласту подобных онимов относится Свирская: в 1881 году так назывались улица и слобода. Это район, прилегающий к одному из смоленских храмов XII века, церкви Михаила Архангела. Церковь имеет другое, полуофициальное наименование – Свирская. Отсюда и происходит данный микротопоним.

Следующим крупным семантическим типом атрибутивных урбанонимов являются названия, связанные с городскими учреждениями или организациями. Подобные онимы впервые появляются в XVII веке и активно образуются до сих пор. Изменились лишь категории объектов, по которым называются улицы. Первоначально важными городскими ориентирами являлись храмы, позже актуализируются присутственные места и промышленные учреждения. Но в 1881 году в Смоленске в данной группе преобладали названия, связанные с храмами и их производные (их примерно 4/5 от онимов в данной группе и 1/3 от общего числа названий, правда с учетом сложных структур). Улицы Воскресенская, Вознесенская, Никольская, Покровская и другие подобные названия служили в качестве урбанонимов во многих городах Российской империи. Заметим, что по своим функциям они могут сближаться с советскими идеологическими названиями. Однако и есть отличие. Религиозные онимы были мотивированы наличием соответствующего экклезионима, известного пастве и местным жителям. Поэтому несмотря на их универсальность, они исправно выполняли адресную функцию. С точки уникальности подобных онимов в урбанонимиконе конкретного города интересны нетипичные урбанонимные термины (Троицкое шоссе, Воскресенская гора) или сложные конструкции (Нижне-Пятницкая, Церковно-Воздвиженская, Спасо-Церковная улицы). Добавляет разнообразия в урбанонимикон наличие онимов, связанных с местночтимыми святыми (Авраамиевские улица и переулок). Многоконфессиональность Смоленска также отражается в названиях (Кирочная, Костельная улицы, Пасторский переулок).

Из светских заведений Смоленска основами для урбанонимической номинации стали почтамт, провиантские склады, два рынка, тюрьма и пивной завод (Почтамтская, Пивная улицы, Базарная, Рыночная площади, Провиантский и Тюремный переулки). Мы видим, что названия промышленных предприятий пока практически не представлены в урбанонимии.

Четвертой семантической группой атрибутивных урбанонимов являются названия, связанные с занятиями и социальными слоями горожан. Первоначально подобные наименования закреплялись за улицами или городскими районами, являвшимися профессиональными слободами.

В конце XIX века слободы все еще использовались в качестве официальных урбанонимов (Офицерская, Солдатская слободы), хотя внутри слобод существовали названия улиц и переулков. Донская слобода в данное время уже не являлась официальным внутригородским названием, но в материалах переписи фигурируют Верхне- и Нижне-Донские улицы. Данный район был заселен казаками, выходцами с Дона. Названия Немецкая и Армянская улицы этнически мотивированы, так как в районе данных улиц селились представители соответствующих этносов.

Последней группой атрибутивных названий являются онимы, связанные с человеком, личностью. Здесь мы опять можем наблюдать одновременное функционирование нового и архаичного в урбанонимии. К новой тенденции мы отнесем два мемориальных названия (Леслевский переулок и Мейеровское шоссе). О Мейере мы писали выше, Лесли был героем войны 1812 года. В XX веке в подобной ситуации будут использоваться генитивные конструкции, хотя на картах городов СССР могли встречаться не только улицы Ленина, но и Ленинские.

Архаичная тенденция в смоленской урбанонимии представлена наличием первопоселенческих наименований. Так как в материалах переписи фиксировались главы домохозяйств, то мы можем сделать вывод о том, что подобную семантику имеют Волков, Кривопузков, Моренков и Тыртов переулки (среди домовладельцев фигурируют Волков, Кривопузков, Моренков, Тыртов). Относительно первого названия есть некоторые сомнения ввиду частотности фамилии Волков и наличия рядом улицы Волк. Оставшиеся три онима представляют собой классический случай первопоселенческого наименования. Кроме того, мы позволим с известной долей осторожности утверждать, что к данному типу названий относятся еще 8 онимов (Марголин, Вылупов, Медведев, Кислов, Валеватов, Редькин, Шведов, Леднёв переулки). С одной стороны, носителей данных фамилий проживающих в этих переулках перепись не фиксирует, с другой стороны, отсутствуют городские микротопонимы и гидронимы, которые могли бы объяснить причины появления подобных названий. Еще одним аргументом «за» первопоселенческую версию происхождения этих онимов служит их структура: притяжательное прилагательное плюс урбанонимный термин. Вероятно, на каком-то этапе развития русской урбанонимии внутри атрибутивного типа внутригородских названий выделялся подтип с притяжательным прилагательным для обозначения первопоселенческих урбанонимов. Заметим, что для мемориальной урбанонимии эта модель не используется (Мейеровское шоссе, а не Мейерово).

Рассмотрим кратко другие урбанонимические структуры, зафиксированные в материалах переписи. Самым многочисленным среди них является атрибутивно-адъективный структурно-грамматический тип, включающий в свой состав два прилагательных – относительное, описывающее географический объект, и качественное, указывающее, как правило, на размер или время появления объекта. Для Смоленска это онимы с прилагательными «большой» и «малый»: Большая Дворянская, Малая Воскресенская улицы. Непарным онимом являлась только Большая Благовещенская улица.

Для нумеративно-атрибутивных названий характерно сочетание атрибутивного типа с порядковым числительным (1-я и 2-я Покровская гора). Однако в конце XIX века нумеративные конструкции смоленской урбанонимии еще не свойственны.

Только два смоленских урбанонима по форме напоминают генитивы. Это улицы Тарасова и Вылупова. Однако у нас слишком мало информации, чтобы однозначно определить структурный тип данных названий. Возможно, это не генитивные, а атрибутивные конструкции с притяжательным прилагательным женского рода в основе.

В заключение отметим особенности отражения отдельных элементов языковой картины мира в смоленской урбанонимии конца XIX века. Для пространственной составляющей важны названия, связанные с «направлением» и «размером». «Направление» фигурирует в урбанонимии в оттопонимических названиях (Рославльское шоссе, Озерищенский переулок). В первом случае отражаются связи между объектами, во втором факт вхождения некой территории в городскую черту. С точки зрения «размера» активно противопоставление «большой» − «малый», при этом практически все объекты парные. Также значима оппозиция «верхний» − «нижний», что объясняется особенностями смоленского рельефа. Человек в урбанонимии Смоленска конца XIX века может присутствовать как опосредованно (Авраамиевская улица названа в честь церкви, а церковь в память святого), так и напрямую. В данный период уже появляются первые мемориальные

названия, более характерные для XX века, но остаются актуальными первопоселенческие названия. Время присутствует в названиях, связанных с религиозными праздниками (Покровская, Вознесенская улицы), при этом онимы образуются от экклезионимов, а не от хрононимов напрямую. Другие названия с темпоральным значением отсутствуют. Однако сам корпус урбанонимов со всей совокупностью отдельных онимов, урбанонимных терминов и их структур можно считать своеобразным темпоральным знаком, отражающим борьбу новых, едва зарождающихся, и старых, архаичных тенденций в урбанонимии.

Литература

1. Антушева, Е. Генеалогия, история семьи. Писцовые книги, ревизские сказки, переписи [Электронный ресурс]. − Режим доступа : http://subscribe.ru/archive/history.genealogy4your/200812/20101728.html. − Дата доступа : 25.12.2015.

2. Добровольский, В. Н**.** Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914.

3. Мезенко, А. М. Имя внутригородского объекта в истории / А. М. Мезенко. – Минск, 2003. – 301 с.

4. Перлин, Б. Н. Смоленск и его улицы / Б. Н. Перлин. − Смоленск, 2002. − 184 с.

5. Смоленск. Энциклопедия / Смоленск. – Смоленск, 1994. − 481 с.

Источники

6. Статистический очерк города Смоленска и однодневная перепись 11-го октября 1881 г. – Смоленск : Типо-лит. А. И. Елишева и К°, 1882. − 70 с.

Т.В. Солодовникова
Белорусский государственный университет
e-mail: kojarina@yahoo.com

УДК 81-25(038)=161.3=162.4

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ КОННОТАТИВНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале французского языка)

Ключевые слова: *топонимы, дискурс-анализ, эксперимент, лингвокультурологический словарь, степень известности, частотность.*

В статье рассматривается проблема создания словаря нового типа в аспекте современной антропоцентрической парадигмы, основанной на дискурсивных исследованиях языка. Представлен опыт создания двуязычного словаря коннотативной топонимической лексики французского языка. Установлены основные проблемы, возникающие при составлении подобного рода словаря, среди которых получение достаточного материала, отражающего дискурс носителей языка, выработка концепции словаря, интерпретация результатов в свете определенной концепции.

T.V. Solodovnikova
Belarusian State University

TOPONYMIC DICTIONARY OF CONNOTATIVE VOCABULARY: EXPERIMENTAL MODEL (on the material of French language)

Key words: *place-names, discourse analysis, experiment, linguocultural dictionary, notoriety degree, frequency.*

The paper highlights the problem of the dictionary of the new type in the light of modern anthropocentric paradigm, based on discourse analyses. The experience in the creation of a bilingual dictionary of connotative French place-name vocabulary has been introduced. It has been defined the main problems among which the

author attributed to the obtaining of the necessary speech material, adequate to reflect the native speaker's discourse, the development of the dictionary concept, the interpretation of the speech material in the light of the generated concept.

В современной антропоцентрически ориентированной лингвистике метод исследования языковых феноменов, основанный на лексикографии, являлся и является одним из наиболее релевантных. Именно эта парадигма, в центре которой находится погруженный в дискурс человек, ставит во главу угла всестороннее изучение носителей языка – представителей различных социальных, возрастных и профессиональных групп, относящихся к разным типам речевой культуры.

В данной статье речь пойдет об опыте создания лингвокультурологического словаря коннотативной топонимической лексики французского языка, идея которого появилась в результате научно-исследовательской работы в рамках темы кандидатской диссертации «Топонимическая лексика французского языка в семантико-прагматическом аспекте».

Главными проблемами при создании словаря в аспекте дискурс-анализа, по нашему мнению, являются: 1) получение необходимого материала, достаточного для адекватного отражения не только институционального, но и повседневного, обыденного дискурса носителей языка; 2) выработка концепции словаря; 3) обработка и интерпретация полученных данных в свете выработанной концепции.

При составлении словаря всегда одной из наиболее острых проблем является проблема полноты собранного материала. На предварительном этапе материалом исследования послужили авторитетные зарубежные и отечественные лексикографические издания, из которых методом сплошной выборки были отобраны лексические единицы с топонимическим компонентом (всего 320 единиц). На следующем этапе исследовались архивы французских общественно-политических изданий Le Monde Diplomatique в период с 1978 по 2006 г. (около 200 000 статей) и L'Humanité в период с 1990 по 2010 г. (около 400 000 статей). Выборка производилась с помощью автоматизированного поиска методом ключевых слов, в качестве которых выступили коннотативные топонимы, выявленные на предварительном этапе. Система автоматического поиска выдавала все статьи, в которых встречался введенный в строку поиска топоним (и в первичном, и во вторичном значении). Этим объясняется необходимость обращения к приему фронтального просмотра статей, в которых были зафиксированы исследуемые единицы. Напр., при поиске топонима Grenelle в архивах L'Humanité система выдала 1503 статьи, из которых методом фронтального просмотра было отобрано 233 контекста с топонимом Grenelle во вторичной функции.

Был произведен также поиск коннотативных топонимов, вторичное значение которых на данный момент не зафиксировано в словарях (напр., *Neuilly, Billancourt* и др.). Подобные коннотативно отмеченные единицы были выявлены как частотные в процессе обработки корпуса газетных текстов и на этом основании вошли в исследуемый материал. В результате обработки архивов таким образом было выделено 468 контекстов из Le Monde Diplomatique и 12 616 контекстов из L'Humanité, содержащих коннотативные топонимы.

Для проверки надежности и уровня представленности тех или иных коннотативных топонимов в корпусе газетно-политических текстов были использованы дополнительные источники материала – электронные версии таких печатных изданий, как Le Figaro, Libération, L'Express, La Tribune de Bruxelles, La Dernière Heure, Le Soir, а также некоторые официальные информационные порталы. В результате обработки архивов таким образом было выделено 13 094 контекстов, содержащих коннотативно отмеченные топонимические единицы.

В результате проведенной работы было доказано следующее: специфика семантического содержания топонимов обусловлена тем, что, имея первичное значение места, они являются потенциальными полисемантами. На основании ассоциативно-образных представлений, заключенных в культурной коннотации топонимических единиц и обусловленных языковыми и культурно-историческими факторами, семантика топонима проходит стадии «уплотнения» (способность то-

понима притягивать к себе различные коннотации) и «фильтрации» (контекстуальное апробирование того или иного значения), в результате чего формируется его коннотативное значение.

Наряду со способностью идентифицировать объект, топоним является органичной составляющей языкового отражения человеческой деятельности и обладает свойством делать информацию «закодированной» для «непосвященных», иностранцев или начинающих изучать язык.

В связи с этим и родилась идея создания книги, в которой нашли бы отражения как собственно коннотативные топонимы французского языка, типа: Neuilly ‘Нейи’, Outreau ‘Утро́’, Grenelle ‘Гренель’, Billancourt ‘Бийанкур’, Oradour ‘Орадур’, Pétaouchnok ‘Петаушнок’, Eldorado ‘Эльдорадо’, так и относительно устойчивые выражения, пословицы и поговорки, цитации с компонентом-топонимом, как например: C’est la forêt de Bondy! ‘Это явный обман! / Небезопасное, разбойничье место’, Qui va à Boulogne prend la fièvre ou la rogne ‘Кто едет в Булонь, непременно подхватит температуру либо чесотку’, La France ne peut être la France sans la grandeur ‘Франция не была бы Францией без своего величия’.

Однако в процессе работы над книгой выяснилось, что информации, представленной в словарях, и даже наиболее авторитетных, а также полученной в рамках анализа газетно-политических текстов (а это 13 094 контекстов) оказалось недостаточно для раскрытия того семантико-прагматического потенциала французских топонимических единиц, задача показать который и была поставлена. Вся сфера устной речи, составляющая основу дискурса носителя языка (причем, как институционального, так и повседневного), осталась в данном случае закрытой для наблюдения. Эта задача оказалась наиболее сложной и трудоемкой.

По этой причине было принято решение обратиться за помощью к носителям языка (грант правительства Франции на научно-исследовательскую стажировку в лаборатории «Знания, тексты, язык» г. Лилль, Франция).

Отметим, что среди исследований последних десятилетий все больше места занимают эксперименты с привлечением носителей языка, позволяющие вскрыть особенности их пользования языком в культуре и через культуру в реальных условиях. По справедливому замечанию Л.В. Щербы, «всякая построенная модель, и в частности модель языка, непременно требуют последующей верификации в ходе ксперимента» [1, 307].

В качестве методико-теоретической основы экспериментального подхода к выявлению степени известности и частоты использования коннотативных топонимов были положены работы Л.С. Выготского [2], А.А. Леонтьева [3; 4; 5], А.П. Клименко [6; 7] и А.А. Залевской [8; 9; 10]. При проведении эксперимента и составлении словаря мы также ориентировались на относительно недавние работы таких исследователей, как А.А. Чернобров [11], где при сопоставительном анализе английских и русских имен выявляется богатый лексический фон в семантике и прагматике антропонимов; М.О. Туркова-Зарайская [12] и Е.С. Семенова [13], которые занимались проблемой восприятия библеизмов как средств речевого воздействия; С.Е. Михайлова [14], объектом изучения которой явилось понимание носителями языка крылатых выражений на материале заголовков газет; С.С. Хватова [15], в центре внимания которой были этнокультурные особенности прецедентных имен. Представленная выше методико-теоретическая основа была также дополнена работами таких зарубежных исследователей, как A. Weil-Barais [16], L. Negura (2006) [17], P. Moliner et J.-C. Deschamps [18].

Респондентам были предложены анкеты, содержащие различные по структуре топонимические единицы: цитаты известных людей, пословицы, устойчивые топонимические перифразы, устойчивые конструкции с вымышленными топонимами, собственно коннотативные топонимы и топонимические фразеологизмы. В экспериментальную анкету вошло 300 выражений с компонентом-топонимом как, например: **Si Paris était plus petit, on le mettrait dans un baril ‘если бы Париж был поменьше, его можно было бы уместить в бочонок’**; **Qui voudrait avoir de bons couteaux, il faudrait aller à Saint-Lô ‘тем, кто хотел бы иметь хорошие ножи, следовало бы**

ехать в Сен-Ло'; Arc-sous-Cicon, petite ville, grands fripons 'Арк-су-Сикон, маленький городок, крупные мошенники'.

Для выражений с фразеологически связанным значением, образных перифраз были даны пометы о вторичном значении, указанные в словарях:

Partir en Java / faire la Java 'гулять, кутить'; Envoyer à Cancale 'выгнать кого-либо'**; Vendre des coquilles à ceux qui viennent de Saint-Michel 'заниматься бесполезной работой'; L'aigle de Meaux 'Ж. Боссюэ'.**

Участникам предложено было внести свои пометы относительно значений тех или иных единиц, ситуаций и частоты использования в их речи. Участникам эксперимента нужно было также указать, известно ли им то или иное выражение, если да, то пометить, используют ли они его в речи. В инструкции к анкете была дана установка отвечать быстро, не задумываясь.

Большое значение при проведении любого эксперимента имеет проблема однородности: полученные результаты могут варьироваться в зависимости от социальных, профессиональных, возрастных особенностей испытуемых. Поэтому при проведении эксперимента и обработке результатов учитывались следующие критерии: 1) возрастные особенности (в эксперименте участвовали лица от 16 до 67 лет); 2) уровень и специализация образования (высшее, среднетехническое, юридическое, экономическое, педагогическое, медицинское и др.); 3) род деятельности на момент проведения исследования (преподаватель, врач, служащий, дипломат, рабочий, нотариус, студент, техник, инженер, секретарь и др.); 4) место проживания (регион) на момент проведения эксперимента.

Проведенный эксперимент позволил решить не только задачу «обогащения» разрабатываемого словаря, но также в ходе этой работы решались следующие задачи: 1) выявить степень известности, а также частотность употребления в речи среднестатистических носителей французского языка коннотативных топонимов в составе связанных сочетаний; 2) с помощью методики экспертной оценки проверить полученные данные и выявить универсальные и специфические черты коннотативных топонимов, отраженные в языковом сознании говорящих; 3) провести сопоставительный анализ статистических данных по использованию коннотативных топонимов во французском газетно-политическом тексте и результатов экспериментов с носителями языка.

В результате появилась книга «Париж стоит мессы или Почему так говорят по-французски» [19], полезная достаточно широкому кругу читателей для ознакомления с различными историко-лингвистическими фактами в области французской топонимии.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что установление исчерпывающей этимологии топонимических выражений не являлось самоцелью книги. Наша задача виделась, прежде всего, в раскрытии того, что топонимы, являясь именами собственными, обладают особой прагматической аурой, связанной с коннотативным осложнением их семантики. Несмотря на привлечение обширных этимологических источников, очевидно, что происхождение значительного числа вошедших в книгу единиц до сих пор остается спорным.

В качестве одного из результата проведенной работы для нас было важно показать, что топонимические единицы – это «живые, подвижные конструкты», принадлежащие различным видам дискурса; – это единицы, функционирование которых обусловлено определенными стереотипными дискурсивными правилами и основано на практическом опыте участников общения.

Еще одна, и может быть, более практическая задача настоящей книги возникла в связи с важностью привлечения внимания к экстралингвистической информации, заключенной в топонимических единицах, что подчеркивает необходимость введения подобного материала в учебный процесс, причем не только на уровне высшего профессионального, но и на уровне среднего общего образования.

Несколько слов о структуре книги. Книга состоит из трех частей: в первой приведены коннотативные топонимы и топонимические выражения, относящиеся к географическим объектам Франции, во второй части представлены топонимические единицы, которые соотносятся с географическими объектами других стран, третья часть посвящена вымышленным коннотативным

топонимам и топонимическим каламбурам. Материал каждой части расположен в алфавитном порядке, при котором в качестве опоры выступает топоним. Словарная статья включает следующие компоненты: 1) заголовочная топонимическая единица; 2) буквальный перевод заголовочной единицы на русский язык и интерпретация; 3) историко-филологический комментарий. Для облегчения поиска того или иного коннотативного топонима или топонимического выражения в конце книги для каждой из частей приводится алфавитный указатель.

Будучи первым опытом подобного рода, данная работа, является так называемым «пилотным вариантом» словаря-справочника топонимической лексики французского языка и, безусловно, не лишена некоторых недочетов.

Примечание. *Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках НИР «Когнитивная интерпретация топонимов в современном газетно-политическом дискурсе», № Г14М-017.*

Литература

1. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность : Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

2. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 5-е изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.

3. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.

4. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание : парадоксальная рациональность. – М. : ИЯ РАН, 1993. – С. 16–21.

5. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.

6. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение : учеб. пособие / А. П. Клименко. – Минск : Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1974. – 108 с.

7. Клименко, А. П. Проблема достоверности психолингвистического моделирования лексической системы языка / А. П. Клименко // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : материалы Междунар. научн. конф., посвящ. памяти проф. Р. Г. Пиотровского, Минск, 15–16 июня, 2010 г. : в 2 ч. – Минск, 2010. – Ч. 2. – С. 3–8.

8. Залевская, А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Учебное пособие / А. А. Залевская. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1979. – 84 с.

9. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1990. – 206 с.

10. Залевская, А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 39–55.

11. Чернобров, А. А. Теория имени : язык, философия, культура : Монография / А. А. Чернобров. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, Институт филологии СО РАН, 1999. – 212 с.

12. Туркова-Зарайская, М. О. Особенности понимания библеизмов носителями русского языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / М. О. Туркова-Зарайская. – Тверь, 2002. – 202 с.

13. Семенова, Е. С. Библеизм как средство речевого воздействия : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. С. Семенова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2003. – 16 с.

14. Михайлова, С. Е. Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / С. Е. Михайлова. – Тверь, 2003. – 151 с.

15. Хватова, С. С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка : автореф. дис. …канд. фил. Наук : 10.02.19 / С. С. Хватова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2004. – 18 с.

16. Weil-Barais, A. (1993) L'homme cognitif / A. Weil-Barais. – Paris : PUF, 2011. – 623 p.

17. Negura, L. L'analyse de contenu dans l'étude des représentations sociales, ***SociologieS*** [En ligne]. – Mode d'accès : http://sociologies.revues.org/993. – Date d'accès : 14.12. 2015.

18. Moliner, P., Deschamps, J.-C. (2012) L'identité en psychologie sociale : des processus identitaires aux représentations sociales / P. Moliner, J.-C. Deschamps. – Paris : Armand Colin (Collection Cursus. Série Psychologie, ISSN 1258-2476), 2012. – 215 p.

19. Кожарина, Т.В. Париж стоит мессы, или Почему так говорят по-французски / Т. В. Кожарина. – Минск : Четыре четверти, 2012. – 106 с.

Е.В. Цветкова
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
e-mail: elv15@list.ru

УДК 81'373.21; 81'282

МЕСТНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *ВЕРЕТЬЯ* В КОСТРОМСКОЙ ТОПОНИМИИ

Ключевые слова: *топоним, микротопоним, костромская микротопонимия, местная географическая терминология, веретья.*

Статья посвящена костромским микротопонимам, которые образованы на основе местного географического термина веретья или его вариантов вереть, веретье, веретище и др., отличающихся широким распространением и многообразием значений в говорах Костромской области. Определяется связь особой микротопонимической семантики с семантикой апеллятивов, послуживших основой для микротопонимизации. Выявляются ареалы наибольшей концентрации исследуемой лексики. На основе иллюстраций из живой народной речи даётся представление об особенностях функционирования данных микротопонимов в говорах.

Ye.V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University

LOCAL GEOGRAPHIC TERM *ВЕРЕТЬЯ* IN KOSTROMA TOPONYMY

Key words: *toponym, micro-toponym, Kostroma micro-toponymy, local geographic term, Russian word "веретья".*

The article is dedicated to Kostroma micro-toponyms formed on the basis of the local geographic term "веретья" or its variants "вереть", "веретье", "веретище" and others, which are peculiar for wide range and variety of meanings in Kostroma Region patois. Link of particular micro-toponymic semantics with appealatives' semantics, which served as the basis for micro-toponymisation, is determined. Ranges of highest concentration of the studied vocabulary are revealed. The idea of the the peculiarities of functioning of these microtoponyms in the patois is given by the illustrations of live folk speech.

Географическая, общеупотребительная и местная, отражающая диалектные особенности, терминология, которая составляет один из наиболее многочисленных фрагментов лексической системы говоров, отличается исключительно высокой активностью в образовании микротопонимов. В костромской микротопонимии оказались законсервированными многие географические термины, характеризующиеся широкими ареалами распространения и узколокальные, активно функционирующие в речи жителей и исчезающие. Местный географический термин (МГТ) *веретья* и его варианты, как свидетельствуют материалы картотеки костромского топонимического словаря и наши личные наблюдения, широко распространены, в том числе и в качестве микротопонимов, в говорах Костромской области и характеризуются многообразием значений, что в полной мере находит отражение и в микротопонимии.

Географический термин *вере́тья* является фонетическим вариантом слова *вере́тия*, по своему происхождению связанного с глаголом *вертеть* ‘поворачивать’. Есть мнение о таком развитии его значений, как ‘поворачивать’ > ‘сгибать’ > ‘согнутое’ > ‘возвышенность’ [1, 272]. Веретея ‘небольшой участок пахотной земли’, др.-русск. (часто в новгор. грам. XIV – XV вв.); первонач. ‘оборот плуга, длина борозды, в конце которой плуг поворачивает’ [8, 297]. Данная этимология подтверждается и сведениями о значениях этого географического термина в русских народных говорах: водоворот в реке, высокий берег, дорога, поляна, возвышенность, участок пахотной земли, полоса на поле и др. Например, по материалам СРНГ, областных словарей: вере́тея ‘поляна в лесу’ – в архангельских, кировских, тобольских говорах; веретия ‘возвышенное место’ – в псковских; веретья́ ‘участок пахотной земли’ – в вологодских [5, 138–140; 3, 90; 4, 62] и мн. др. Сравним также со све-

дениями «Словаря церковнославянского и русского языка»: Веретея́, и, с. ж. Стар. *Участокъ, мѣра земли. Се купилъ… лоскутъ земли… орамой, узкую веретию* [6, 111]. Вполне возможно единое происхождение вост.-слав. *вере́тье* и словен. *vrétje* ‘источник, ключ’ [7, 133–134].

Н. И. Толстой, характеризуя особенности термина *вере́тье* в Полесье, где он распространён не повсеместно, писал: «В славянском языковом мире он отмечен также ещё в белорусских, северновеликорусских и рязанских диалектах, наконец, в словенском языке» [7, 130], приводя примеры из белорусского языка (витебск. *верацёя* ‘холм среди болота, чаще поросший осинником’), псковских (*вере́тье* ‘возвышенное сухое место’), владимирских (*вереть* ‘продолговатая возвышенность на пойме’), новгородских, костромских, архангельских и мн. др. говоров. «В украинских, большинстве южно- и средневеликорусских, а также в западно- и южнославянских говорах и языках (кроме словенского) *vertje (*vertja) в качестве географического термина не зафиксировано» [7, 132]. В этих говорах, а также в ряде севернорусских говоров (в том числе и костромских, как показывают наши материалы) данное слово и его варианты являются ткацкими или хозяйственно-бытовыми терминами.

В костромских говорах МГТ *вере́тья́, вере́тье́, вере́ти́я, вере́тие́, вере́тьё, вере́ть, вере́тя́, вере́те́йка, вере́йка, вере́ти́ще* и др., как свидетельствуют материалы картотеки Костромского областного словаря и наши личные материалы, известно в значениях ‘возвышенная сухая гряда среди реки’, ‘возвышенная сухая гряда среди болота’, ‘возвышенное сухое место среди болота’, ‘возвышенное место на болоте’, ‘высокое место на болоте, поросшее лесом’, ‘возвышенное, покрытое лесом место’, ‘полянка между кустами в лесу’, ‘возвышенность, длинная гряда’, ‘небольшая возвышенность’, ‘бугристая возвышенность’, ‘бугор’, ‘возвышенность между ложбинами’, ‘возвышенная часть луга’, ‘кусок земли для межи, межа’, ‘узкий луг около реки’, ‘сухой участок на лугу’, ‘возвышенный, сухой участок на поле’, ‘сухое место’, ‘тропа на возвышенности’, ‘тропа’ и др., например: *Веретя́ – любое возвышэнное место* (Макарьевск.; здесь и далее в сокращении даются названия районов Костромской области); *Веретье́ – возвышэнное место на болоте* (Солигаличск., Кадыйск.); *Верете́йка – возвышэнная сухая греда среди болота или реки. По середине болота, на верете́йке и оддохнул* (д. Малые Рымы Макарьевск.); *Вере́тея – сухое возвышэнное место среди болот, на затопляемом лугу, среди лесоф* (д. Высокая Павинск.); *Вере́тия – возвышэнная чясь луга* (Вохомск.); *Лес рубили на той вере́тье* (д. Корегино Шарьинск.); *Кусок земли это для межы. Вере́тью побольшэ делай* (д. Яковлиха Шарьинск.); *Вере́тья-то? Дак полянка между кустами в лесу. По вере́тьям-то мы грибы збирали, топере уш старые, ноги не идут. Дефки из городу приедут, дак побегут збирать, им чево – одно веселье, здоровые* (д. Новосёлки Макарьевск.); *Небольшая возвышэннось в лесу. В этой веретье́ волбенцы хорошо ростут* (г. Шарья); *Веретье́ – бугор. Кони-ти по веретья́м понеслися* (с. Первомайка Макарьевск.); *Вере́тье – сухое место. А в лесу , по ту сторону , фсё вере́тье было* (д. Торзань Макарьевск.); *Веретье́ – сухой участок на лугу* (д. Зорино Мантуровск.); *Вере́тия – возвышэнная месность в лесу* (д. Елизарово Мантуровск.) и т. д. Значение ‘низкое болотистое, трудно проходимое место’ и т. п., а соответственно и семантический переход от ‘низкого места на болоте’ к ‘возвышенному месту на болоте’, что наблюдается в ряде говоров (См. [7, 129, 133–134]), в костромских говорах нами не выявлены.

Диалектоносители дают не только конкретные, частные характеристики объектов, называемых рассматриваемыми нами МГТ: *Вере́тья – месность в лесу, погроничьная между бором (пещяная почьва) и болотистым , травенистым местом. Ходила по бруснику , фсё по вере́тьям* (д. Гаврилково Мантуровск.), но и сведения о синонимах к ним: *Вере́тя, вере́йка, крути́нка – место высокое на болоте, порошшэе лесом* (п. Вёшка Кадыйск.). В значении ‘сухой участок луга’ местными жителями они часто употребляются с отрицательной оценкой: *Веретьё – сухой учясток среди луга. Лук плохой: веретья́ много* (г. Мантурово); *Веретея́ – чясь луга, где ростёт непригодная для корма трава* (д. Масленикоко Вохомск.); *На вере́тях мало косят* (п. Первомайка Макаревск.); *Вере́тья – бугристая возвышэнность, на которой плохо растёт трава. На вере́тьях и скотину не пасём* (д. Головинское Сусанинск.) и т. п.

Как показывают наши материалы, эти МГТ, отражающие особенности ландшафта костромского края, являются наиболее распространёнными в восточных костромских говорах, часто

встречаются и в ряде северо-западных говоров, что чётко демонстрируется и микротопонимией. Как выяснилось, основными характеристиками объектов, называемых веретьями, являются следующие: возвышенное место; возвышенное, сухое место; место, расположенное между какими-либо объектами (например, частями поля, леса и т. д., кустами, буграми и т. д.). Данные значения, сводящиеся к одному общему значению ‘возвышенность’, подтверждаются и микротопонимией, например: возвышенное место на болоте Вере́тье (*Пройдя через Вере́тье, мы нашли много клюквы.* – с. Зашугомье Солигаличск.); возвышенная часть луга Вере́тия (*Вере́тия фся в земленике, бежым собирать.* – п. Вохма Волхомск.); возвышенное, покрытое лесом место Веретия́ (*В Веретию́-то мы чясто ходили.* – п. Сухоногово Костромск.); место в болоте Веретейка́ (*Возвышэнное, сухое место среди болота. За клюквой фсе боле за Веретейку́ ходили.* – п. Николо-Полома Парфеньевск.; *На Веретейке́ клюква.* – д. Конево Шарьинск.); небольшая возвышенность Веретия́ (*Гли-ко, на Веретию́ ромашки растут.* – п. Судиславль Судиславск.); место в болоте Веретия́ (*В Веретию́-то по клюкву ходили.* – д. Корегино Шарьинск.); возвышенное, покрытое лесом место Веретья́ (*На Веретье́ ростёт иван-чяй.* – Шарьинск.); место на лугу Веретье́ (*Сухой возвышэнный учясток среди луга. Лучшэ стога -то нонче на Веретье́ поставить, до весны постоят.* – г. Мантурово); заросшее лесом возвышенное место Веретья́ (д. Пищевка Шарьинск.); место на болоте Вере́тье (*Вере́тье – возвышэнное место на болоте у Зашу́гомья. На Вере́тье столько клюквы нашли, два рюкзака набрали, и ещё осталось.* – с. Зашугомье Солигаличск.); бугор Вере́тья (*Вере́тья – бугор, который тянецца на нескоко киломе́тров. Лес рубили на Вере́тье.* – д. Лихотинка Солигаличск.); возвышенность между ложбинами Вере́тия (с. Одоевское Шарьинск.); место между двумя ручьями Вере́тья (*Вере́тья-то? Так это между двумя ручейками (речушками), где ростёт трава для покоса.* – с. Красногорье Макарьевск.); дорога в лесу между бором и болотом Вере́тья / Вере́тьи (*Ты Вере́тьями подёшь али по дороге?* – п. Первомайка Макарьевск.) и т. д. Обычно это наименования возвышенностей (чаще возвышенных мест на болотах и лугах и поросших лесом возвышенностей). Характерным является то, что и апеллятивы, и микротопонимы во многих случаях в определённой степени сохраняют связь, прямую или косвенную, с понятиями *болото, заливное место*. Семантическое наполнение микротопонимов, так же как и ставших основой для их образования МГТ, является зависимым от условий географической среды. «Географическая среда – лишь система возможностей для развития разветвлённой семантики МГТ. Географическая среда создаёт предпосылки. А сам факт закрепления конкретных значений со всевозможными ‘‘оттенками’’ определяется собственно языковыми факторами» [2, 10].

Наблюдается и такое свойственное для микротопонимии явление, как перенос наименования на объекты, находящиеся внутри называемых веретьями мест, смежные объекты (грибные и ягодные места, покосы, пастбища и т. д.), которое в определённой степени приводит к расширению значения МГТ, дополняя сведения как о географических объектах и в целом о местном ландшафте, так и об используемой для их наименования лексике: грибное место Вере́тье (*Небольшая это возвышэнная площядка, где обычьно растут грибы. На Вере́тье грибоф много – за час пестер наберёш.* – д. Малая Поповица Мантуровск.); покос Вере́тьево (*Вере́тьево – покос у деревни Дуплёво.* – д. Бурдуково Солигаличск.) и т. п. Грибные и ягодные места эти обычно характеризуются очень хорошим урожаем грибов и ягод. Покосы и пастбища могут иметь и отрицательную, и положительную оценку (как постоянную, так и временную, зависящую от уровня высыхания почвы или реже других характеристик): покос на возвышенности Веретя́ (*На Веретя́х мало косят, плохая тама трава.* – п. Первомайка Макаревск.); высокое место на лугу Веретье́ (*В Грезну́хе-то одна осока, а в Веретье́ и пыреёк, и хорошая трафка.* – д. Красногорье Макарьевск.); место между ручьями, покос Вере́тья (*На Вере́тьях-то нонче хорошая трава-то. Должны много накосить.* – с. Красногорье Макарьевск.). Называют веретьями и лес как возвышенность, и крутой обрыв, и узкую полосу поля или луга, что, возможно, имеет определённую связь с древней семантикой данной лексики. Например: узкий луг около реки Вере́тья (*Мы на Вере́тью косить ходили.* – д. Давыдково Мантуровск.); лес Вере́ть (*Лес тот так Вере́ть и зовут.* – д. Клестово Судиславск.); крутой обрыв Веретия́ (*Веретия́-то – обрыф крутой очень.* – Шарьинск.). О старом значении ‘небольшой участок пахотной земли’ напоминают такие микротопонимы, как поле Вере-

ти́ще (*Поле Верети́ще вручную обробатывали. Раньшэ и веретищя-то обробатывали вручную.* – д. Медведица Мантуровск.), поле Вере́тье (*Озеро Бурдофская завоть – около поля Вере́тье .* – с. Верхне-Спасское Пыщугск.).

Бо́льшая часть микротопонимов представляет собой наименования , образованные путём прямого, без каких-либо преобразований, перехода из соответствующих апеллятивов. Особая роль таких наименований выполнять имена собственные в пределах небольшой территории выявляется только в результате наблюдения за употреблением их в речи жителей (обозначают или называют объекты). Изредка имеет место суффиксация (например, покос Веретьево в солигаличской деревне Дуплёво – с суффиксом принадлежности). Составные микротопонимы обычно содержат сведения о свойствах объекта, о его связи с человеком или другими объектами (то есть имеют место все основные типы топонимической номинации): починок Крутая Вере́тя (*Крутая Вере́тя – на берегу реки Шарофки. Её новый муш родом из Крутой Вере́ти.* – п. Доброумово Павинск.); возвышенная часть луга, пастбище Высокая вере́тия (*Коровы пошли на Высокую вере́тию.* – Вохомск.); тропинка Груздо́вая вере́тия (*Вере́тия – возвышэнная месность в лесу. Груздо́вая вере́тия – тропинка по Вере́тии .* – д. Елизарово Мантуровск.); тропа Ба́бушкина вере́ть / вере́тья (*Тропа, по которой бабушка Марья ходила за черникой. По Бабушкиной вере́тье можно выйти к Ю́рофскому болоту.* – с. Юрово Макарьевск.) и т. д. Провести границу между географическим термином-апеллятивом и микротопонимом часто бывает сложно. Одно и то же наименование в разных речевых ситуациях может быть и апеллятивом, и микротопонимом или микротопонимическим образованием. Наиболее близки к нарицательным именам микротопонимы, представляющие собой предложно-падежные конструкции, например: ягодное (клюквенное) место У Вере́йки (*У Вере́йки – около возвышэнности Вере́йка.* – п. Вёшка Кадыйск.), ягодное место За Вере́тьей (*Это коло возвышэнного места Вере́тья .* – д. Васильевское Солигаличск.), покос На Веретя́х (*На возвышэнности Веретя́ .* – Макарьевск.). Отдельные объекты имеют вариативные наименования: возвышенность Вере́ть / Веретия́ (*Длинная греда длиной около десети кило́метроф , покрыта чистым и сухим сосновым лесом. За Вере́тьей идут болота. За Верети́ю по клюкву-то ходили?* – д. Васильевское Солигаличск.); дорога в лесу Вере́тья / Вере́тьи (*Дорога в лесу Вере́тья есь. Вере́тьями-то ближэ.* – п. Первомайка Макарьевск.). Некоторые микротопонимы, возможно, связаны с иными (теми, что представляют ткацкую и хозяйственно-бытовую сферы), также широко распространёнными в костромских говорах, значениями рассматриваемого нами слова, например: *Поле Вере́тея есть. Когда-то рядом находилась деревня, ворота которой выходили в поле.* – с. В-Спасское Пыщугск. (Ср.: *Вере́тья – двойные ворота. На дворе-от вере́тья-то ране большушишы были.* – д. Юрово Макарьевск.).

Особенности семантики и функционирования в речи, ареалов распространения данной лексики в русских народных говорах уточняются при составлении карты СМ 393. Употребляются ли и в каких значениях слова *веретея*, *вереть*, *веретьевина*, *верея*? темы «Ландшафт (рельеф, почвы, водоёмы)» Лексического атласа русских народных говоров, микротопонимические сведения для которого являются одним из важных источников. Микротопонимия не только консервирует в себе значения МГТ *веретья*, *веретье*, *вереть* и др., подтверждая их наличие в говорах конкретных территорий, но и в определённой степени дополняет сведения о них, в том числе и через иные лексические значения, возможно, некогда присущие им как апеллятивам или являющиеся примером расширения имеющихся значений, через меткие иллюстрации из живой народной речи.

Литература

1. Варбот, Ж. Ж. Славянские этимологии (*snica, *vertьe, *vertěja ‘возвышенность’, plytъkъjъ) / Ж. Ж. Варбот // Общеславянский атлас : Материалы и исследования 1976. – М., 1978. – С. 263–277.

2. Васильев, В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки) / В. Л. Толстой. – Великий Новгород, 2001. – 255 с.

3. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 3. − Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 180 с.

4. Словарь вологодских говоров : учеб. пособ. по русской диалектологии. – Вологда : Вологодский гос. пед. ин-т, 1983. − А – Г. – 143 с.

5. Словарь русских народных говоров. Вып. 4. – Л. : Наука, 1969. – 356 с.

6. Словарь церковнославянского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд. : в 2 кн. − СПб. : Изд-во С-Петербургского ун-та, 2001. −Кн. I. – 928 с.

7. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология : Семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – 3-е. изд., отв. ред. С. Б. Бернштейн. – М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 360 с. (Из лингвистического наследия Н. И. Толстого).

8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1981. − Т. 1. – 576 с.

С.В. Шийка
Национальный университет водного хозяйства и природопользования (Украина, Ровно)
e-mail: svetlana.antonjyk@mail.ru

УДК 811.161.2’373.21

ЛЕКСЕМА *БИЧОВНИК* И МОТИВИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *апеллятив, географический термин, лексема, микротопоним, семантика, собственное название, топоним.*

В статье рассматривается влияние лексемы бичовник и родственных апеллятивов на формирование географических названий восточнославянского языкового пространства. Выясняется происхождение и семантика исходных основ, их словообразовательная продуктивность в топонимии. Осуществляется сопоставление с аналогами, засвидетельствованными в разных регионах Восточной Славии.

S.V. Shyjka
The National University of Water Management and Natural Resources Use

THE LEXEME *BECHOVNYK* (*TOWPATH*) AND MOTIVATED GEOGRAPHICAL NAMES IN EASTERN SLAVIC LINGUISTIC SPACE

Key words: *appellative, geographical term, lexeme, microtoponym, semantics, proper name, toponym.*

The article deals with the influence of the lexeme bechovnyk (*towpath*) *and its related appellatives on the formation of geographical names within Eastern Slavic linguistic space. The origin and semantics of initial stems, their word-formation efficiency in toponymy are clarified. The comparison with the similarity that is testified in different regions of Eastern Slavia is accomplished.*

Собственные названия небольших местных географических объектов − живая память народа. Они помогают проникать в глубокое прошлое, изучать историю заселения определенной территории, условия жизни, состояние хозяйствования ее жителей, уровень развития науки, духовности, культуры. Закрепленные за конкретными физико-географическими микрообъектам или их частями, функционируют такие названия преимущественно в устной речи, часто известные незначительному кругу лиц. Некоторые из них постепенно выходят из активного употребления и могут быть навсегда потеряны. Поэтому актуальной задачей ономастической науки является фиксация и комплексное исследование географических наименований определенного региона.

В лексиконе жителей древней славянской местности − Ровенской области Украины − сохраняются географические термины и топонимы от древнейших времен до наших дней. Среди них отметим названия географических микрообъектов, записанные местным исследователем Я.О. Пурою на территории Ровенского района, которые можно с уверенностью отнести к архаическим: *Бичóвник* − лес (пгт. Оржив) [9, 26]; *Бичовник* − поле в форме полосы с обеих сторон дороги (с. Большая Емельяна) [10, 162], кусок мощеной дороги от главной трассы (с. Бронники) [10, 97]; *Бичовники* − поле над автотрассой, где находились “бичи” − небольшие благоустроенные вы-

езды на главную дорогу (с. Руда Красная) [10, 112]; в Рокитновском районе *Бичовники́* – название болота (с. Остки) [9, 27]. Естественно считать, что эти микротопонимы, мотивированные народным географическим термином *бичовник*, возникли в результате непосредственной онимизации апеллятива и формы его множества. Выяснение происхождения и семантики исходных основ этих наименований, словообразовательная продуктивность их в топонимии, сопоставления с аналогами, засвидетельствованными в других регионах Восточной Славии, − задача этой статьи.

Лексему *бичовник* целесообразно связывать с глаголами *бичува́ти* (*бечува́ти*) ‘припрягать дополнительного коня или вола’ (укр. лит. *бичува́ти* ‘припрягать коня или вола для перевозки груза на гору, в бездорожье и т. д.’, ‘тянуть судно на бечеве’ [15, 172]; диал. *бичува́ти* ‘припрягать к одной паре лошадей или волов еще одну или несколько вперед, когда тяжело вести’, ‘о судах: тащить на бечеве’ [13, 59]; *підбичо́вувати, підбичува́ти* ‘припрягать коня, вола для перевозки груза на гору, в бездорожье и т. д.’, ‘помогать идти кому-нибудь, нести, везти что-то’ [4, 949]) [8, 188]. Как и родственные названия, ср. *бичова́* ‘канат, по которому тянут вдоль берега судно’ [15, 172], *бичівник* ‘в дышловом возу: жердь, служащая для припряжки третьей лошади’, *бичівничок* [13, 59], *бичі́вка* ‘веревка’, появилась она в результате позиционного сужения безударного *е* с *бечівник, бечова́* и под. [8, 188].

Надежной этимологии упомянутые апеллятивы в ономастических источниках до последнего времени не имели. Попытки найти исходные корни в тюркских языках (ср. уйг. *bak, bek* ‘лента, веревка’, кирг. *bak, baγ* ‘ремень’, нов.-перс. *pīč* ‘изгиб’, ‘извилина’, ‘поворот’, ‘складка’, *pīčīdän* ‘вращать, вить’, тюрк. *bästä*, перс. *bästän* ‘вязать’), по мнению М. Фасмера, были неубедительны [16, 162]. Ошибочно, на наш взгляд, выводить *бичовник* от *бич* [6, 91] (укр. лит. *бич* ‘длинный кнут; плеть, нагайка’, ‘кий или палка, которой бьют’ [15, 171]) < **bičь* < **biti* ‘бить’. Однако, последние исследования известного российского лингвиста, тюрколога А.В. Дыбо убеждают в правоте тюркского происхождения приведенных слов, согласно которым *бечева* исходит из тюрк. кыпчак. **bečeu̯* < **bečegü̯*, выведенного из монг. **beče-* ‘привязывать на бечевку’, ‘припрягать дополнительно’ (ср. письм.-монг. *bü̯čі*, калм. *bü̯č*^{i} ‘тесьма, лента, завязка’, халх. *бүч* ‘шнурок, тесьма, повязка’, бурят. *бүшэ* ‘тесьма, лента, шнурок, поясок, петля для пуговицы’, диал. *мэшэ* ‘петля’). Значения восточно-славянских форм указывают на заимствования среднего периода из тюркских языков Поволжья в связи с практикой вождения судов бечевой против течения [7].

Лексико-семантическая группа названий *бечова́, бичова́, бечівни́к, бичівни́к, бичовник* и др. достаточно широко представлена в восточнославянском языковом пространстве. В частности, в украинской разговорной лексике апеллятив *бичовник* реализует значение ‘длинный прут’, ‘мелкий лес’ [9, 26], *бичовни́к* − ‘повышенный берег’, *бечівни́к, бичівни́к* − ‘жердь, служащая для припряжки третей лошади’, *бичивни́к* − ‘береговая полоса, которой тянут невод’, *бечова́, бичова́* − ‘веревка; канат; припряживание дополнительных лошадей или волов’, *бечі́вка, бичі́вка* − ‘веревка’, *бичовий* ‘пристяжной’ [8, 179]. В русском языке лексема *бечева́* используется для обозначения ‘крученой веревки разной толщины’, ‘длинной толстой веревки с лямками, впрягаясь в которые, бурлаки (или лошади), идя вдоль берега, тянули речные суда против течения’; *бечёвка* – ‘тонкой веревки’; *бече́вни́к* – ‘береговой полосы вдоль рек, озер (обнажающейся при низкой воде), используемой для нужд судоходства и сплава (в старину – для тяги бечевой)’ [12, 88]. В словаре В.И. Даля *бичева́, бече́вка, бичевочка* − ‘вообще, тонкая веревочка, для связки, привязки чего’, ‘прочная веревка, для тяги судов против воды, лошадьми или людьми’; *бичева́я* − ‘тропа или дорога, по которой идут лошади либо люди, в лямках’; *бичевни́к* − ‘береговая полоса, по закону в 10 саж. ширины, вдоль судоходных рек, которая должна оставаться свободною, для всех нужд судоходства’, *каз*. ‘вид крупной кустовой полыни, Artemisia procera’; *бичеви́к* − ‘растение Plectonia’ [6, 79]. В белорусских диалектах *бічавік, бічавіна, бічава́я* – ‘полоса отчуждения по обеим сторонам дороги’; *бічайка* – ‘узкая незасеянная полоска около полевой дороги’; *бічай* − ‘берег лужайки, бечевка’; *бічаўні́к* – ‘берег, береговая полоса’, ‘полоса отчуждения по обеим сторонам дороги, шоссе, пути’; *бічаўнік, бічоўнік* – ‘луг вдоль реки’, *бічоўка* ‘веревка’, *бічэйка* ‘тонкая веревочка’ [19, 354−355]. Географические термины *бічаўнік, бічоўнік*, согласно словаря «Родныя вобразы / Этнаграфія», обозначают ‘береговую полосу вдоль судоходных рек и каналов шир. 20 − 30 м,

предназначенную для хода бурлаков’ [11, 33]. Ср. также пол. *bicz* ‘веревка или жердь возле воза для припряжки третьей лошади; шнурок (бусы)’ [8, 179]. (Формы с *-i-* в корне белор. *бічáйка* и др., польск. *bicz*, видимо, результат контаминации с рефлексами псл. **bičь* [1, 163]).

Семантика апеллятива *бичовник* и родственных названий изменялась с ходом общественно-исторического развития. В русском языке слова *бечевка, бечева, бичева* упоминаются с 1498 г. [18, 62]. В XVI – XVII вв. *бечева* обозначала ‘дорогу или тропу по берегу, по которой идут люди или лошади с бечевой’ [1, 162]. В Западной Европе, в частности в Нидерландах, Германии, Франции, Великобритании, где речное судоходство на *бечевой тяге* к концу XIX в. было широко распространено, *бечевники* специально обустраивались: нивелировались, мостились и т. п. В царской России *бечевником* называли определенное пространство земли, отведенное по берегам рек и других водных объектов для *бечевой тяги* судов и плотов, и для других нужд судоходства. При строительстве Санкт-Петербурга внутригородские водные пути обустраивались *бечевниками*, впоследствии превращенными в гранитные набережные [2]. (В наше время вдоль Днепровско-Бугского и Агинского каналов Беларуси насыпаны искусственные *бічоўнікі* [11]). Другое семантическое отвлетвление исследуемых лексем связано с сельскохозяйственным бытом и деятельностью восточных крестьян, в частности с перевозками грузов гужевым транспортом. Однако, с развитием научно-технического прогресса, использованием судовых двигателей, механизацией производственной деятельности *бечевники* утрачивают свое хозяйственное значение, а перечисленные обозначения выходят из активного языкового употребления.

В онимотворческом процессе представители рассматриваемой лексико-семантической группы названий малопродуктивные. Среди известных нам фактов с территории Западной Украины ими, в частности, мотивированы следующие микротопонимы: *Бичíвник* [*бичоўни́к*] − поле (с. Пальче Киверцовского района Волынской обл), урочище (с. Подгородное Любомльского района Волынской обл); *Бичóвник* − угол населенного пункта (пгт. Старая Выжевка Волынской обл. Украины) [14, 44]; *Бичíвна* − гора (г. Делятин Ивано-Франковской обл. Украины) [5, 22]. В Любарском в р-не Житомирской обл. *Бичева* − название деревни, центра сельского Совета. По преданию она так названа от того, что на пути из Хмельника в Любар было топкое место, где надо было запрягать несколько пар волов (*бичева́ться*) [3]. Название с. *Бечевинка*, размещенного на *бечеве* (*бечевинке*), засвидетельствованного в Белозерском р-не Вологодской обл. Российской Федерации, как отмечает Ю.И. Чайкина, восходит к существительному *бечева* (*бечевинка*), имевшему в древности значение ‘дорога или тропа по берегу реки, по которой шли бурлаки или лошади, тащившие судно’ [17].

Обобщая сказанное, следует отметить, что апеллятивы, отнесенные к рассматриваемой тематической группе слов, преимущественно являются географическими терминами, которые обозначают региональные естественные реалии: берег, дорогу, лес, луг, поле и т. д. Для построения отдельного лексико-семантического микрополя релевантными дифференциальными признаками при сопоставлении лексем следует выделять: большую длину и малую ширину топографического объекта; принадлежность (в основном) к сфере транспортирования, путей сообщения; функциональное предназначение для выполнения второстепенной, вспомогательной функции − размещение на территории возле, со стороны основного объекта (реки, дороги и т. д.). Наряду с этим, когда они обозначают определенное пространство земли, отведенное по закону для нужд судоходства, их относят к юридической терминологии, предметы и приспособления труда (веревка, жердь возле телеги) − к хозяйственной терминологии, растения – к биологической терминологии. Апеллятивы рассматриваемого микрополя, благодаря широкой палитре реализуемых значений и сфер употребления, в недалеком прошлом заполонили восточнославянский языковой континуум, что может свидетельствовать о возможности существования их исходных корней и на этой прадавней территории. Со временем употребление анализируемых собственных и нарицательных названий стало менее активным, спорадичным, что должно стимулировать этимологов и ономастов к последующим региональным исследованиям и способствованию актуализации употребления этих слов населением.

Литература

1. Аникин, А. Е. Русский этимологичкский словарь / А. Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М. : Рукописные памятки Древней Руси, 2009. – Вып. 3. – 344 с.
2. Бечевник [Электронный ресурс]. – Режим доступа **:** ru.wikipedia.org/wiki/Бечевник. – Дата доступа : 03.11.2015.
3. Бичева [Электронный ресурс]. – Режим доступа **:** https://uk.wikipedia.org/wiki/Бичева. − Дата доступа : 04.11.2015.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь : ВТФ Перун, 2005. – 1728 с.
5. Габорак, М. Назви гір Івано-Франківщини : словник-довідник / М. Габорак; відп. ред. В. В. Грещук. – Івано-Франківськ : Місто НВ, 2005. – 352 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Изд. Об-ва любит. росс. словесн., учреждён. при импер. Моск. ун-те, 1863. – Ч. 1. – 627 с.
7. Дыбо, А. В. Несколько кыпчакских заимствований в славянских языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа **:** www.inslav.ru/zalizniak80/.../Dybo.pdf. – Дата доступа : 07.11.2015.
8. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. – К. : Наук. думка, 1982. – Т. 1. – 634 с.
9. Пура, Я. О. Походження назв територіальних мікрооб’єктів Рівненщини / Я. О. Пура. – Рівне, 1990. – Т. 1. – 206 с.
10. Пура, Я. О. Край наш у назвах / Я. О. Пура. – Рівне, 1994. – Ч. 2. – 216 с.
11. Родныя вобразы / Этнічны слоўнік [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rv-blr.com/pages/ethnic_view.jsp?id=9083. – Дата доступа : 04.11.2015.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. –М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.
13. Словарь української мови / упорядкув. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. – К. : Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. – Т. 1. – 494 с.
14. Словник мікротопонімів і мікрогідронімів північно-західної України та суміжних земель : у 2 т. / упоряд. Г. Л. Аркушина. – Луцьк : Вежа, 2006. – Т. 1. – 408 с.
15. Словник української мови : в 11 т. / гол. ред. І.К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1970. – Т. І. – 799 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. І. – 576 с.
17. Чайкина, Ю. И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа **:** www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/1.htm. – Дата доступа : 03.11.2015.
18. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
19. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / В. У. Мартынаў [і інш.]; рэд В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – Т. 1. – 440 с.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИКИ

Г.В. Бачинська
Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка
e-mail: g.bachynska@gmail.com
І.М. Рябініна
Донбаський вищий навчальний заклад «Донбаський державний педагогічний університет»
e-mail: ryabina.slav@gmail.com

УДК 811.161.2´373.23

ДАВНЬОСЛОВ'ЯНСЬКІ КОМПОЗИТНІ ТА ВІДКОМПОЗИТНІ ІМЕНА В ОСНОВАХ ПРІЗВИЩ ЖИТЕЛІВ М. ТЕРНОПОЛЯ ТЕРНОПІЛЬСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Ключевые слова: *антропоним, имя собственное, ономастика, оним, композитное имя.*

В статье впервые в ономастической литературе исследуются композитные и откомпозитные имена в фамилиях жителей г. Тернополя Тернопольской области. Композитные имена употребляются очень редко. Откомпозитные имена в основах фамилий встречаются чаще. Большая часть их сопровождается суффиксацией.

G. V. Bachynska
Ternopil Volodymyr Hnatyuk National Pedagogical University
I. Ryabinina
Donbass State Pedagogical University

THE ANCIENT SLAVIC COMPOSITE AND COMPOSITE DERIVATIVE NAMES USED IN THE SURNAMES OF RESIDENTS OF TERNOPIL CITY, TERNOPIL REGION

Key words: *anthroponym, proper name, onomastics, onym, composite name.*

The article deals with composite names that are used in surnames of the residents of Ternopil, Ternopil region. This research is made in in the onomastic literature for the first time. Composite names are used very rarely. Composite derivative names in the root of the names are more common. Most of them are accompanied by suffixes.

Давньослов'янські композитні та відкомпозитні імена уже не раз були об'єктом спеціальних досліджень вітчизняних і зарубіжних ономастів. Серед українських дослідників цю проблему досліджували Л. Гумецька, П. Чучка, М. Худаш. Спеціально цим іменам присвячена монографія М. Демчук. Важливе значення для вивчення слов'янської антропонімної спадщини мають праці Т. Скуліни, Я. Свободи, М. Малець, Т. Мілевського [9; 10; 6; 8].

У сучасній антропоніміці слов'янські автохтонні особові імена поділяють на три типи: 1) особові власні імена-композити; 2) особові власні відкомпозитні імена; 3) відапелятивні власні імена [4, 128-151; 9, 206].

Однак, цей поділ має і певні недоліки. Оскільки, як зауважує М.Демчук, "сформулювати надійні критерії розмежування імен відкомпозитного походження та відапелятивного – завдання не з легких і навряд чи у всеохоплюючому аспекті практично здійсниме [2, 53].

На думку деяких учених, в Україні в XI-XIII ст. побутувало щонайменше 1000 язическьких імен [1, 7-8].

Слов'янські імена-композити, як спільнослов'янська антропонімійна спадщина, привертали до себе увагу вчених ще в минулому столітті. У наш час найґрунтовніше ці імена проаналізовано в працях Я. Свободи, І. Железняк, М. Демчук, М. Малець, Т. Скуліни та ін.

Своїм походженням імена-композити сягають праіндоєвропейської епохи, становлячи міжмовну універсалію у системі називання особи. Особливо активно така модель імен функціонувала у греків [7, 117].

Самобутність цих імен полягає не лише в їхній складній будові, а й в особливій язичницькій мотивації виникнення й надання їх новонародженому. Найпереконливішою є думка тих авторів, які вважають, що іменам-композитам первісно передувало ціле розгорнуте речення, яке містило в собі відповідне побажання немовляткові [2, 35], а пізніше це антропонімне речення спростилося до складного слова – оніма.

М. Демчук зауважила, що спадщина особових власних імен-композит, які збережені з давньоруського періоду в українській антропонімії, незначна [2, 36]. Можливо, саме тому власні імена-композити відіграли незначну роль в утворенні прізвищ на Тернопільщині: *Богдан, Богурад, Божидарний, Бориславський, Вайцехович, Вайчиховський, Казимир, Судомир*.

Загальним деривaційним явищем в індоєвропейській антропонімії, в тому числі і в слов'янській, було скорочення складних імен, яке супроводжувалося суфіксацією. Оскільки слов'янські автохтонні імена до прийняття християнства і запровадження в побутовий вжиток християнських імен мали вже багатовікові традиції побутування, тому й особливості творення їх були традиційно давніми й послужили своїми моделями для адаптації канонічних християнських імен і творення від них різноманітних варіантів.

Відкомпозитні слов'янські автохтонні імена і способи їх творення мають відповідне наукове висвітлення в ономастичній літературі. Аналізуючи способи творення відкомпозитних слов'янських автохтонних імен, М.Демчук підкреслює, що скорочення імен-композит здійснюється трьома способами: шляхом аферези, синкопи і апокопи [2, 55]. Серед відкомпозитних антропонімних скорочень виділяються безсуфіксні і суфіксальні утворення. Безсуфіксні утворення зберігали один із членів складного імені без флексійного оформлення або ж оформлялися закінченнями ***-а*** або ***-о***. Саме такі варіанти автохтонних імен стали лексичною базою прізвищ жителів м. Тернополя: *Дух* (пор. Duch⟨oslaw⟩ [Sv., 75]), *Рад* (пор. Рад⟨ивой⟩ [Ил., 416]), *Суль* (пор. Сул⟨имиръ⟩ [Мор., 189]); *Буда* (пор. Буд⟨ислав⟩ [Мор., 28]), *Даньо* (пор. ⟨Бог⟩дан), *Мильо* (пор. Мил⟨онhгъ⟩ [Туп., 307]), *Радьо* (пор. Рад⟨ивой⟩ [Ил., 416].

Найпродуктивнішими відкомпозитними дериватами є суфіксальні утворення, і, в першу чергу, варіанти імен з суфіксом ***-к-о***. Оскільки первісно демінутивний, потім нейтральний антропонімний формант ***-к-о*** згодом набув патронімічної функції, то відкомпозитні імена з цим суфіксом легко закріплювались в антропонімічній системі як спадкові родові назви. Серед прізвищ такі іменування становлять досить помітну кількість: *Блажко* (пор. Блажимир [Грк., 37], *Божко* (пор. Божидар [Ил., 60], Blazibor, Blazislaw, Blahoslaw [Sv., 69]), *Бориско* (пор. Борислав), *Бучко* (пор. Будислав, Бутовитъ [Мор., 28]), *Вишко* (пор. Вишислав [Sv., 75]), *Добко* (пор. Доброслав [Дем., 37]); *Душко* (пор. Duchoslaw [Sv., 75]), *Живко* (пор. Живибудъ, Живиславъ [Мор., 84]), *Малько* (пор. Маломир [Ил., 310]), *Радко* (пор. Радислав [Дем., 63]), *Собко* (пор. Собислав), *Святко* (пор. Святослав) та ін.

Високою продуктивністю відзначалися відкомпозитні імена з формантом ***-ик***, що мало відповідний вплив на формування прізвищ Закерзоння: *Балик* (пор. Балтазаръ [Мор., 7]), *Борик* (пор. Бориславъ), *Будик* (пор. Будиславъ [Мор., 29], *Галик* (пор. Галимир [Ил., 124]), *Годик* (пор. Годислав [Ил., 138]), *Голик* (пор. Голиславъ [Мор., 61]), *Малик* (пор. Маломир [Ил., 317]), *Станик* (пор. Станиславъ [Гинк., 458], *Судик* (пор. Судимиръ [Ил., 458], *Сулик* (пор. Sulirad, Sulibor, Suligost, Sulimir, Sulislaw [Mal., 116]).

Відкомпозитні деривати з іншими суфіксами, що містять елемент ***-к-*** дали початок таким прізвищам: *Божек* (пор. Божидар [Ил., 60]), *Борисюк* (пор. Бориславъ [Гинк., 457]), *Бучек* (пор. Будислав [Мор., 28]), *Войтюк* (пор. Войтихъ [Мор., 46]), *Галак (*пор. Галимир [Ил., 124], *Дорошок* (пор. Дорогомир [Мор., 76]), *Душка* (пор. Духославъ [Мор., 80]), *Манзюк* (пор. Маніслав [Дем., 77]), *Моренько* (пор. Морислав [Дем., 78]), *Ступок* (пор. Ступогнhвъ [Мор., 188]), *Суляк* (пор. Сулимир [Дем., 83]).

У творенні слов'янських відкомпозитних дериватів брали участь суфікси з елементами ***-ш-*** та ***-н-*** [2, 219]. В антропонімії Закерзоння такі імена фіксуємо як твірні основи прізвищ: *Балуш*

(пор. Балосинъ [Мор., 7]), *Богуш* (пор. Богунhгъ, Bogodar [Mal., 65]), *Годиш* (пор. Годиславъ [Ил., 138]), *Калиш* (пор. Калигор, Калиманъ [Мор., 97]), *Малкуш* (пор. Маломир [Ил., 317]), *Радош* (пор. Радислав, Радивой [Ил., 416]), *Черниш* (пор. *Черномислъ* [Дем., 84]), *Ярош* (пор. Ярослав [Ил., 572]), *Яруш* (пор. Ярослав [Ил., 572]); *Бодан* (пор. Богдан), *Горунь* (пор. Гориславъ [Мор., 62]), *Верхун* (пор. Vrchoslaw [Sv., 310]), *Милян* (пор. Милославъ), *Судин* (пор. Sudomir [Sv., 87]).

Меншою продуктивністю у творенні прізвищ тернополян відзначаються відкомпозитні імена з формантами, що містять елементи ***-л-, -ц-, -у-***: *Мирло* (пор. Мирослав), *Красуляк* (пор. Красимиръ [Ил., 276]), *Святило* (пор. Святослав або Svatobor [Sv., 302]), *Сулило* (пор. Сулимиръ [Mal., 116]); *Гоцко* (пор. Годимиръ [Мор., 113]), *Малець* (пор. Маломиръ [Ил., 317]), *Богуч* (пор. Богомил [Ил., 79]).

Поодинокими є прізвища, утворені від імен з суфіксальними елементами ***-х-, -с-, -й-, -д-, -р-***: *Балій* (пор. Балосинъ [Мор., 7]), *Вельгос* (пор. Велеслав [Ил., 105]), *Войтас* (пор. Войтех [Ил., 115]), *Галюх* (пор. Галимир [Ил., 124]), *Малій* (пор. Маломиръ [Ил., 317]), *Мирда* (пор. Миролюб [Ил., 337]), *Путар* (пор. Putislaw, Pecislaw [Sv., 83]), *Стрихор* (пор. Стрихомир), *Ярис* (пор. Ярослав [Mal., 62]).

Прізвищеві основи не завжди дозволяють однозначно встановити, чи вони походять від слов'янських відкомпозитних імен, чи імен християнських, оскільки в багатьох випадках початкові склади одних і других є омонімічними, а для деривації цих імен використовувались одні і ті ж суфікси.

Причиною неоднозначного тлумачення названих прізвищ є, як відзначено вище, омонімічні початкові склади слов'янських і християнських імен та однакові форманти, які використовувалися в антропонімійній деривації давніх слов'янських і пізніших християнських імен. Якщо б такі антропоніми фіксувалися конкретними істричними пам'ятками, то саме характер останніх міг би підказати однозначне трактування імен, але виокремлення цих антропонімів з основ прізвищ, які творилися в період функціонування в Україні і давніх слов'янських і церковно-християнських імен, не дає такої можливості. Аналогічне явище неоднозначної мотивації ряду антропонімних основ відзначають і дослідники західнослов'янської антропонімії Я.Свобода [10, 32] і М.Малець [6, 17]. Ми більше схильні до думки, що для таких утворень прийнятнішими є пояснення їх як дериватів від християнських імен, оскільки саме вони відіграли домінуючу роль у творенні українських прізвищ [3, 9].

В інших випадках важко встановити, чи лексичною базою прізвища є автохтонне відкомпозитне ім'я чи ім'я відапелятивне або прізвисько.

Відомо, що слов'янські імена-композити творилися від основ слів загальнорозмовної мови, внаслідок чого їх скорочені, особливо суфіксальні деривати могли ставати співзвучними з відповідними загальнорозмовними лексемами.

Таких прикладів у зібраних нами прізвищах дуже багато. Сьогодні практично неможливо в кожному конкретному випадку дати однозначну відповідь на питання, від якого саме імені (відкомпозитного чи відапелятивного) походить те чи інше прізвище. Хоча з приводу одних назв ми більше схильні вважати їх дериватами від композитних імен (*Муж, Ярець*), а інших – від апелятивів (*Драгун, Жидик, Худик* та ін.). М.Демчук критично ставиться до праць відомих антропонімістів, які відкомпозитні деривати механічно відносять до відапелятивних імен [2, 51-53].

Таким чином, проілюстрований вище матеріал показує, що українські прізвища зберігають у своїх основах вагомі сліди давньої автохтонної антропонімії, зокрема – відкомпозитні імена, що фіксуються, як східно-, так і західно- та південнослов'янськими пам'ятками. Більшість із них має давнє спільнослов'янське походження. А та велика частина неоднозначних антропонімних основ, які можна кваліфікувати як християнські імена або як відапелятивні антропоніми, не може бути виключена з загального числа автохтонних відкомпозитних імен, що мусили функціонувати на території України як особові імена, які, давши початок спадковим родовим іменуванням, згодом закріпились як прізвища українців.

Список умовних скорочень

Грк. – Грковић Милица. Речник личных имена под срба. – Београд, 1973. – 232 с.

Гинк. – Гинкен Г.Г. Древнейшие руские двуосновные личные имена и их уменшительные // Живая старина. – 1993. – Вып. 4. – С. 400-461.

Дем. – Демчук М.О. Слов`янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV-XVII ст. – К., 1988. – 170 с.

Ил. – Илчев Стефан. Речник на личните и фамилл имена у българите. – София, 1969. – 626 с.

Mal. – Malec M. Staropollskie skrocane nazwy osobowe od imion swuczłónowych // Prace Instytutu języka polskiego. – Wrocław etc., 1982. – 218 s.

Мор. – Морошкин М.Я. Славянский именослов или собрание словянских личных имен в алфавитном порядке. – Спб., 1867. – 213 с.

Sv. – Svoboda J. Staročeska jmena a naše přijmeni. – Praha, 1964. – 318 s.

Туп. – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки археологии русского археологического общества. – 1903. – Т. 6.

Литература

1. Белей Л. О. Ім’я для дитини в українській родині. Словник-довідник / Л. О. Белей – Ужгород: Закарп. крайове т-во “Просвіта”, 1993. – 117 с.
2. Демчук М. О. Слов’янські автохтонні особові імена в побуті українців ХІУ–ХУІІ ст. / М. О. Демчук – К.: Наукова думка, 1988. – 170 с.
3. Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища / Ю. К. Редько – К.: Наукова думка, 1966. – 214 с.
4. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Учен. записки Московского ун-та. – М., 1948. – Кн. 1. – С.128–152.
5. Łobodzińska R., Somczak L. Współczesne przezwiska polskie. Analiza formalna i znaczeniowa / R. Łobodzińska – Warszawa-Wrocław, 1988. – 175 s.
6. Malec M. Staropolskie skrócone nazwy osobowe od imion dwuczlonowych / M. Malec // Prace Instytutu języka polskiego, 42. – Wrocław etc., 1982. – 218 s.
7. Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe / T. Milewski – Wrocław etc., 1969. – 228 s.
8. Milewski T. O pochodzeniu słowiańskich imon złożonych / T. Milewski // I Międzynar. slawist. konf. onomast. w Krakowie w dniach 22–24 paźdz. 1959. – Wrocław etc., 1961. – 214 s.
9. Skulina T. Staroruskie imiennictwo osobowe, cz. II. Prace onomastyczne, 21 /T. Skulina. – Wrocław etc., 1974. – 239 s.
10. Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení /J. Svoboda. – Praha, 1964. – 317 s.

Е.Е. Вертейко
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
e-mail: arkity@rambler.ru

УДК 811.161.1'373.23

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖЕНСКИЙ ИМЕННИК БРЕСТЧИНЫ В МЕЖВОЕННОЕ 20-ЛЕТИЕ: ТРАДИЦИИ И СВОЕОБРАЗИЕ

Ключевые слова: *антропоним, именник, вариант имени, происхождение имени, православный календарь, социолингвистика*

В статье осуществляется исследование состава православного женского именника, характерного для жительниц современной Брестской области в межвоенное 20-летие XX века в социолингвистическом и динамическом аспектах. Определена десятка наиболее популярных именований, группа менее популярных имен и группа единичных онимов; большая часть онимов проанализирована с точки зрения происхождения. Подробно исследованы варианты женских антропонимов, зафиксированные в архивных документах.

Katsiaryna Viartseika
Belorussian State Pedagogical University named after Maxim Tank

THE ORTHODOX FEMALE LIST OF NAMES OF BREST REGION IN THE INTERWAR TWENTY-YEAR PERIOD: TRADITIONS AND PECULIARITIES

Key words: *anthroponym, list of names, the variant of the name, the origin of the name, the Orthodox calendar, sociolinguistics*

There is an investigation of the content of the Orthodox female list of names typical of female inhabitants of the present-day Brest region in the interwar twenty-year period of the 20th century in sociolinguistic and dynamic aspects. A top ten list of the most popular names, a group of less popular names and a group of identical onyms have been defined, the greater part of onyms has been analyzed in terms of their origin. The variants of female anthroponyms stated in archieve documents have been investigated.

Известный русский философ А.Ф. Лосев в книге «Философия имени» писал, что « … только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления» [1, 20]. Формы личных именований людей даже в различных регионах одной страны зависят не только от лингвистических, но и от экстралингвистических факторов, к которым относятся, в том числе, вероисповедание, контакты с представителями иных национальностей и религий и т.д. В силу этого при изучении антропонимии невозможно ограничиться лишь исследованием языковых явлений, необходимо постоянно обращаться к политическому, этнографическому и культурному фону, в котором формируется та или иная именословная система.

В исследуемый период истории нашей страны (20-40-е годы XX века) имя выступало и как социальный, и как конфессиональный знак. Длительное сосуществование двух мощных ветвей христианства – православия и католицизма – сыграло огромную роль в жизни и культуре Брестчины. Данный регион, будучи частью белорусского Полесья, в силу своего географического положения издавна связан как с восточными, так и западными славянами. С 1795 г. по 1921 г. территория современной Брестской области входила в состав Российской империи. Метрические и иные официальные записи велись на русском языке. В соответствии с Рижским мирным договором от 18 марта 1921 года западные земли Беларуси вошли в состав Польши, образуя Полесское воеводство.

Источником исследуемого антропонимического материала являются преимущественно польскоязычные (лишь один документ, датированный 1919 г., написан на русском языке) записи, сделанные в книгах учета жителей Полесского воеводства за 1919-1939 гг., принадлежащие фондам Государственного архива Брестской области (ГАБО). На основании последовательного изучения 100 архивных документов были собраны и проанализированы имена жительниц юго-запада Беларуси православного вероисповедования. В фондах ГАБО сохранились списки жителей Бреста, Кобрина, Лунинца, Пинска, Пружан, Столина, а также многочисленных городов и деревень, входивших в соответствующие поветы в 1919-1939 гг.

На основании собранных архивных материалов был составлен именник жительниц православного вероисповедания Брестчины в начале XX в.: на 22 574 женщины приходилось 139 антропонимных единиц. Данный именник включает сведения о жительницах Брестчины, рожденных на исследуемой территории в период с 1840 по 1939 гг. Во всех архивных документах обозначение женщин православного вероисповедания осуществлялось в соответствии с польской двучленной антропонимической формулой «*имя+фамилия*». Кроме этого, в архивных документах зафиксированы православные андронимы с характерным польским суффиксом *-owa-*, называющим жену, например, *Eudokja* Baran*ówna (Все личные имена в статье приводятся в орфографии оригинала архивных записей).* Подобные фиксации носят единичный характер.

Десятка самых популярных имен жительниц Брестчины, исповедовавших православие, в первой половине XX века выглядит следующим образом: *Marja* / *Марія* (1 595 упоминаний), *Anna* / *Анна* (1 167), *Paraskiewa* / *Параскевія* (1 066), *Anastazja* / *Анастасія* (912), *Helena* / *Елена* (741), *Pełagja* / *Пелагея* (695), *Zofja* / *Софія* (625), *Ksenja* / *Ксенія* (605), *Katarzyna* / *Катерина* (565), *Wiera* / *Вера* (562). Все вышеперечисленные женские антропонимы являются заимствованиями из

латинского, греческого и древнееврейского языков, что связано с принятием православия и канонизацией имен святых.

Сравним женский православный именник с именником жительниц Брестчины католического вероисповедания в исследуемый временной период. Необходимо отметить, что католический именник жительниц Брестчины был шире православного на 40 единиц и составлял 179 онимов, причем количество зафиксированного в архивных документах женского населения католического вероисповедания было значительно меньше и составляло 7 746 человек.

Десять наиболее популярных женских православных и католических антропонимов совпадают по четырем позициям: *Марія* (1-е место) – *Maria* (1-е место), *Анна* (2-е место) – *Anna* (2-е место), *Елена* (5-е место) – *Helena* (3-е место), *Софія* (7-место) – *Zofia* (4-е место). Однако отличаются присутствием в католическом именнике древнего славянского антропонима *Stanisława* и женских антропонимов древнегерманского происхождения, таких как *Jadwiga* и *Franciszka*.

В группе менее популярных имен, принадлежавших жительницам Брестчины православного вероисповедания, зафиксировано **80** антропонимных единиц: *Nadzieja* / *Надежда* (557 употреблений), *Olga* (556), *Elżbieta* / *Елизавета* (546), *Darja* / *Дарія* (533), *Aleksandra* / *Александра* (502), *Irena* / *Ирина* (466), *Tatjana* / *Татьяна* (435), *Natalja* / *Наталья* (429), *Eufrozena* / *Ефросинья* (379), *Eufemja* / *Ефимія* (365), *Juljana* / *Ульяна* (357), *Mełanja* / *Меланья* (343), *Agrypina* / *Агриппина* (342), *Justyna* / *Іустинія* (338), *Agata* / *Агафья* (318), *Antonina* / *Антонина* (302), *Barbara* / *Варвара* (299), *Teodora* / *Ѳеодора* (285), *Eugenja* / *Евгенія* (284), *Akulina* / *Акулина* (275), *Matrona* / *Матрена* (273), *Tekla* / *Ѳекла* (269), *Dominika* / *Доминикія* (249), *Eudokja* / *Евдокія* (244), *Stefanja* (243), *Lidia* (209), *Lubow* / *Любовь* (208), *Marta* / *Марфа* (184), *Zinaida* / *Зинаида* (178), *Krystyna* / *Христинія* (175), *Marina* (165), *Nina* (164), *Stefanida* / *Стефаніда* (161),*Teodozja* / *Тодосія* (157), *Julia* / *Юлія* (154), *Zenobja* / *Зиновья* (154), *Halina* (152), *Paulina* / *Павлина* (136), *Glicerja* / *Лукерья* (129), *Walentyna* (126), *Makryna* / *Мокрина* (109), *Janina* (105), *Wasylisa* / *Василиса* (100), *Wiktorja* / *Викторія* (89), *Anisja* (84), *Lucja* / *Луція* (80), *Wasylina* / *Василина* (78), *Charytyna* / *Харитина* (77), *Fewronja* / *Хавронія* (74), *Serafima* / *Серафима* (69), *Domna* (63), *Prakseda* (63), *Sekletyna* (60), *Marjanna* (57), *Ludmiła* (50), *Raisa* (48), *Ewa* / *Ева* (44), *Tamara* (42), *Weronika* (41), *Ulita* (40), *Michalina* / *Михалина* (38), *Taisja* (37), *Salomeja* (33), *Apolinarja* (29), *Eudoksja* (28), *Larysa* (26), *Charyta* (16), *Klaudia* (16), *Afanazja* (15), *Dorota* / *Дорофея* (14), *Teofila* (11), *Ludwika* / *Лудвига* (8), *Joachima* (7), *Magdalena* / *Магдалена* (7), *Antonia* (6), *Lilia* (6), *Marcela* (5), *Feliksa* (4), *Zoja* (4), *Zuzanna* (4). Большинство антропонимов, относящихся к данной группе, также по происхождению являются греческими, латинскими и древнееврейскими именами, закрепившимися в православных святцах. Интересен факт фиксации в архивных документах как канонических форм православных антропонимов, так и народных, например, *Glicerja – Lukerja*, *Fewronja – Хавронія*. Кроме традиционных православных греческих, латинских и древнееврейских онимов, в женском православном именнике Брестчины отмечены: славянский двучленный антропоним *Ludmiła* и онимы католического календаря, соответственно пользующиеся популярностью у католической части женского населения Брестчины: *Feliksa*, *Janina*, *Julia*, *Michalina*, *Ludwika*, *Paulina*, *Zuzanna*.

Группа единичных имен, встречающихся в православном женском именнике Брестчины 1-3 раза, репрезентирована **49** единицами. По происхождению данная группа является достаточно разнообразной: христианские онимы греческого и латинского происхождения: *Agnia*, *Ałła*, *Anatolia*, *Anfisa*, *Augusta*, *Emilia*, *Feoktista*, *Fotinja*, *Glafira*, *Iłarja*, *Inna*, *Joanna*, *Kapitolina*, *Kira*, *Lucyna*, *Małgorzata*, *Martyna*, *Minodora*, *Neoniła*, *Nikanora*, *Nona*, *Olimpjada*, *Pawła*, *Platonida*, *Poliksenja*, *Raina*, *Sołomanida*, *Walerja*, *Wassa*, *Witalja*; онимы, принадлежащие католическому календарю как греческого и латинского (*Bazylia*, *Cyrylla*, *Klara*, *Konstancja*, *Konstantyna*, *Kwiryna*, *Laurencja*, *Leokadia*, *Leonila*, *Olimpija*, *Pietronela*, *Scholastyka*, *Zenona*), так и древнегерманского происхождения: *Franciszka*, *Jadwiga*; древние двучленные славянские имена: *Bronisława*, *Milica*. Интересен факт наличия в православном женском именнике греческого эквивалента имени *Светлана – Fotinja (светозарная)*. Именно так звали преподобную (*Фотиния*), мученицу (*Фотина*), святую (*Фотиния*), день памяти которых отмечается соответственно 26 февраля, 2 апреля и 16 ноября [2, 219]. Однако сам оним *Светлана* в указанный временной отрезок не зафиксирован.

Также в именнике один раз упоминается имя *Sołocha*, которое, согласно «Словарю русских личных имен» Н.А. Петровского, является «производным от имени *Соломония*» [3]. Единичным примером в православном именнике представлено имя *Wanda* – вероятно, придуманное польским средневековым летописцем Винцентом Кадлубком. Согласно Кадлубку, имя *Wanda* носила легендарная правительница Кракова, дочь основателя города Крака. В XII-XIV вв. оно функционировало в Польше в форме *Węda*, а в XIX в. в связи с возросшим интересом к эпохе Средневековья стало довольно популярным [4]. Обращает на себя внимание единичный факт фиксации в женском православном именнике антропонима *Łucja-Olga*, состоящего из двух единиц, что характерно для католической системы именования. Данный двойной оним был отмечен в списках жителей одной из деревень Пинской гмины, в которой в 20-40-е гг. отмечено большое количество жителей, исповедовавших католицизм.

Для того чтобы проследить динамику православного женского именника Брестчины, сравним данные за период начала XX с данными, опубликованными А.К. Устинович в книге «Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV–XVIII вв.)». На основе анализа Актов Брестской и Кобринской Магдебургий, Актов Брестского городского и земского судов автор выделила 52 женских антропонима. Состав именника в начале XX века изменился как количественно (XIV–XVIII вв. – 52 единицы, начало XX в. – 139 единиц), так и качественно. Из более позднего именника исчезли два древних славянских антропонима *Светослава* и *Томила*. Изменились и приоритеты в имянаречении на Брестчине: в XVI в. наиболее частотными были антропонимы такие женские антропонимы, как *Анна*, *Марина*, *София*; в XVII–XVIII вв. – *Екатерина*, *Раина* [5, 168], во 2-й половине XIX – начале XX века – *Марія*, *Анна*, *Параскевія*, *Анастасія*, *Елена*.

Как показывает материал, православному именнику Брестчины начала XX века свойственно большее количество вариантов антропонимов. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в период с XVI века по 1939 год все чаще при составлении документов на польском языке белорусские и русские формы христианских имен заменялись соответствующими польскими. Сложности в письменной передаче имени возникали тогда, когда оно отсутствовало в римско-католической системе имянаречения, либо не пользовалось достаточной популярностью у поляков. Зафиксированные в исследуемых документах начала XX века фонетические и морфологические варианты православных антропонимов могли быть обусловлены не до конца завершившимся процессом адаптации христианских имен и, безусловно, языковой интерференцией на данной пограничной территории. Процесс адаптации белорусским и русским языками христианских имен можно проиллюстрировать такими фонетическими явлениями, как замена [f] на [ch], [p] или [chw]: *F*ewronja > *Ch*awronja, A*f*anazja > A*p*anazja, *F*eodosja > *Chw*iedosia; чередование согласных [n] > [m]: Justy*n*a > Usci*m*a; замена согласной [g] на [h]: Peła*g*eja > Pała*h*eja; чередование гласных [e] > [a] (аканье): F*e*wronja > Ch*a*wronja, S*e*kletyna > S*a*klatyna, H*e*lena > H*a*lena, S*e*rafima > S*a*rafima; упрощение групп гласных [oa] > [o], [e], [io]: J*oa*chima > J*o*chima, F*eo*dora > F*e*dora > F*io*dora; появление протетических звуков [a//o] перед сочетанием согласных: Ksenja > *A*ksenja > *O*ksenja, Darja > *A*darka > *O*darka, Paraskiewa > *A*praska > *O*praska; чередование начальных звуков [a//o]: *A*nisja > *O*nisja, *A*gafja > *O*gafja, *O*limpijada > *A*lipja; отсутствие безударных гласных [a], [e], [и] (афереза): *A*nastazja > Nastazja, *A*gpinina > Gripina.

Языковая интерференция на пограничной территории проявляется во взаимовлиянии двух традиций имянаречения – православной и католической. Влиянием польского и белорусского языков обусловлено наличие следующих вариантных форм православных антропонимов: Was*i*lisa > Was*y*lisa, Ir*i*na > Ir*y*na, Char*i*ta > Char*y*ta, Ch*ry*styna > Ch*ri*styna (замена [i] на [y], чередование согласных 'твердый-мягкий'); E*u*genja > E*w*genia, E*u*frosinja > E*w*frosinja (чередование в//у (неслогообразующий); Uliana > *J*uljana, Ustinja > *J*ustynja (афереза начального [j]).

В процессе функционирования православных антропонимов в народном языке происходили также изменения их морфологической структуры. Большое количество вариантов канонических имен являются их народными, а также гипокористическими формами, которым свойственны преимущественно усечение финали и разнообразная суффиксация, например, Agripina > Agrip*a*,

Janina > Jan*a*, Irena > Ir*a*, Anna > An*dzia*, Klawdja > Klaw*dzia*, Antonia > Anto*sia*, Barbara > Bas*ia*, Ewdokja > Ewdo*cha* > Ewdo*sia*, Efrosinja > Prus*ia*, Feliksa > Feli*sia*, Aleksandra > Oles*ia*, Warwara > Wro*nia*, Darja > Adar*ka*, Paraskiewa > Paras*ka*, Natalja > Natal*ka*, Mełanja > Małas*zka*, Pełageja > Pałas*zka*, Pietronela > Pietr*ula*.

В заключение необходимо отметить, что женский православный именник Брестчины в начале XX века отличается традиционным составом, в котором преобладают греческие, латинские и древнееврейские антропонимы. Однако многовековое сосуществование двух именословных систем – православной и католической – не могло не сформировать его своеобразных отличительных черт, самой яркой из которых является наличие в его составе имен католического календаря, не зафиксированных в православном (например, *Feliksa, Michalina, Wanda* и др.).

Литература

1. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1990. – 418 с.
2. Чайкова, С.В. Женские имена праславянского происхождения / С.В. Чайкова // Актуальные вопросы славянской ономастики : материалы II Междунар. научн. конф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах», Гомель, 11-12 ноября 2004 г. / Гомел. гос. ун-т ; отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2004. – С. 216–220.
3. Справочно-инфромационный портал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс].– Режим доступа : http://www.gramota.ru/slovari/info/petr/imsm/. – Дата доступа : 17.12.2015.
4. Strona Zbicha – Zbigniewa Chorążego [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.wikalim.republika.pl/0359_Walpurga.html. – Дата доступа : 17.12.2015.
5. Усціновіч, Г.К. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV – XVIII вв.) / Г.К. Усціновіч ; рэд. М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 176 с.

Ю.М. Галковская
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru

УДК 811.161.1'373.231 (476.5) (043.3)

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В ПРИГРАНИЧЬЕ
(на материале личных имен жителей Витебщины и Смоленщины)

Ключевые слова: *антропоним, личное имя, приграничье, традиция, этнические контакты, этнические маркеры.*

В статье рассматриваются антропонимные системы двух смежных территорий – Витебщины и Смоленщины. Географическое расположение исследуемого региона влияет на языковые процессы, в том числе на номинативные тенденции. Определены этнически маркированные имена жителей приграничья. Установлены особенности национальных контактов, отразившихся в практике имянаречения.

Y.M. Halkovskaya
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ETHNIC CONTACTS IN THE BORDER AREA
(on the material of personal names in Vitebsk and Smolensk regions)

Key words: *anthroponym, personal name, borderland, tradition, ethnic contacts, ethnic markers.*

The article contains a brief description of the antroponymic systems of the two border areas, Vitebsk and Smolensk regions. Geographical position of any area affects the language processes, including nominative trends. Personal names ethnically marked are defined. The peculiarities of national contacts reflected in the practice of name giving are studied.

В современной отечественной и зарубежной научных парадигмах особое внимание уделяется приграничным территориям, которые играют важную роль не только в экономическом сотрудничестве между государствами, но и в установлении социокультурных и образовательных контактов. Так, например, международная образовательная программа Erasmus Mundus направлена на развитие взаимовыгодного сотрудничества в области высшего образования между странами Европейского Союза и их географическими партнерами. Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» включен в реализацию международных образовательных программ, в частности выступает вузом-партнером проекта «Integration of Neighbouring Eastern Regions through Cooperation in Higher Education (EMINENCE)» (Интеграция приграничных восточных регионов через сотрудничество в сфере высшего образования). В исследовательском фокусе данного проекта находится проблема приграничных территорий.

Об актуальности разрабатываемой приграничной проблематики в Республике Беларусь свидетельствует ряд исследований, включенных в состав Государственных программ фундаментальных исследований, а также выполненных в рамках Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований совместно с зарубежными учеными. Так, геополитические, антропологические и социально-демографические особенности территории белорусско-российского приграничья устанавливаются в рамках научного проекта «Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности» (проект БР ФФИ – РГНФ (ПР) под руководством М.А. Слемнёва) [2].

Филологическое направление в исследовании феномена приграничья представлено Витебской научной школой «Актуальные проблемы ономастики» (руководитель – А.М. Мезенко), которая поддерживает длительные научные контакты со Смоленской ономастической школой И.А. Королёвой. Итогом многолетнего сотрудничества является белорусско-российский исследовательский проект «Витебщина и Смоленщина в языковых, литературных и культурных контактах: история и современное состояние». В рамках данного проекта исследуются социокультурные, национально-культурные и языковые особенности витебско-смоленского и смоленско-витебского приграничного ареала. Изучение антропонимосферы приграничья позволяет установить специфику взаимодействия контактирующих языков (русского и белорусского), способствует описанию аксиологических систем регионов, а также устанавливает уровень национального сознания жителей приграничья, степень устойчивости культурных традиций и уровень этнических контактов. Последнему будет способствовать анализ именословных систем Витебского и Смоленского регионов, функционирующих и развивающихся в начале XXI в. в условиях открытости географических, политических и национально-культурных границ.

Материалом исследования послужили личные имена жителей населенных пунктов *Лёзно* (Витебская область, Республика Беларусь) и *Рудня* (Смоленская область, Российская Федерация), расположенных в приграничных районах двух государств. Номинативные единицы выявлены в книгах записи актов гражданского состояния, которые хранятся в Секторе архива органов ЗАГСа Главного управления юстиции Витебского областного исполнительного комитета и в Главном управлении записи актов гражданского состояния Смоленской области. Выбор именословных систем данных населенных пунктов обусловлен как географическим расположением г.п. Лёзно и г.п. Рудни (относительная равноудаленность от межгосударственной границы), так и демографическими характеристиками (паритетное соотношение рождаемости).

Анализ лексических единиц, используемых для номинации новорожденных в первом десятилетии XXI в. с применением разработанной методики определения этнически маркированных именований (см. подробнее [1, 10**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]) показал, что в 2000–2010 гг. в г.п. Лёзно Витебской области для наречения 288 новорожденных мальчиков было использовано 52 антропонимные единицы (СКО=5,24). Этническими маркёрами выступают 6 именований (*Альберт, Заур, Милош, Миро, Сабур, Стефан*). В женской подсистеме именника г.п. Лёзно, сформированной 50-ю номинативными единицами, которые были использованы для наречения 264 новорожденных (СКО составил 5,28), выявлено 4 этнически маркированные еди-

ницы (*Алена, Алеся, Олеся, Марьям*). Функцию этнического маркёра выполняют все мужские именования и 2 – женских (*Але* [л'э]*на,* родители – белорусы; *Марьям*, родители – армяне).

В первом десятилетии XXI в. номинативная ситуация в г.п. Рудня имеет следующие статистические характеристики: СКО в мужской подсистеме равен 4,80 (312/64), в женской – 5,01 (294/58). Маркёрами национальной принадлежности новорожденного выступают 5 единиц в мужском именнике (*Абу Кхмис Ахмад Мохамед, Граф, Забар, Заур, Стеф*) и 1 – в женском (*Лала*).

Анализ номинативных приоритетов жителей исследуемых населенных пунктов, которые были выявлены в процессе проведения открытого очного и заочного анкетирования, констатирует интенсификацию национальных номинативных приоритетов жителей приграничья в выборе личного имени новорожденному, обусловленную субъективным восприятием личного имени и его последующим отнесением к группе «национальных» / «традиционных» личных именований. Так, 13% анкетируемых в г.п. Лёзно и 8% респондентов из г.п. Рудня, указавших «русский» / «русская» в качестве своей национальной принадлежности, ответили, что выбрали «истинно русское имя» для своего ребенка (*Богдан, Виктор, Захар, Савелий; Екатерина, Лада, Мария, Серафима* и др.), что свидетельствует о сознательном этноцентризме в вопросе выбора личного имени. Среди ответов, свидетельствующих о доминировании национальных приоритетов у респондентов в ситуации номинативного выбора, были зафиксированы следующие:

«*Своей дочки мы выбрали имя Алена (через е, а не через ё), чтобы сохранить национальный колорит имени*» (г.п. Лёзно);

«*Мне не нравится мода на иностранные имена, так как мы теряем свою самобытность, забываем свои корни, поэтому сына назвали простым русским именем Иван*» (г.п. Лёзно);

«*Уже несколько лет живем в России, но не забываем, что мы белорусы. Сына назвали Алесем*» (г.п. Рудня).

Таким образом, актуальность приграничной проблематики в современной науке подтверждается не только многочисленными исследованиями, ведущимися на материале различных языков, но и вектором развития образовательных программ в рамках международного сотрудничества. Перспективным направлением в установлении специфики межнациональных контактов выступает лингвистическое, в частности антропонимическое.

Результаты анализа антропонимосферы населенных пунктов витебско-смоленского и смоленско-витебского приграничья констатируют развитие именников в рамках белорусской и русской антропонимических традиций, с одной стороны, и наличие тенденции к национально мотивированному выбору личного имени новорожденному – с другой. Безусловно, изучение точечных именословных систем не дает представления о номинативной ситуации в регионе в целом, однако иллюстрирует специфику номинативной деятельности, отражает этнокультурную специфику ареала и аксиологические ориентиры жителей. Анализ анкетного материала показал, что национальные приоритеты жителей приграничья выступают желаемым императивом в номинативной деятельности.

Литература

1. Галковская, Ю.М. Именник белорусского приграничья: территориальная дифференциация : (на материале русскоязычных личных имен жителей Витебщины) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Ю.М. Галковская ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и литературы. – Минск, 2014. – 24 с.

2. Erasmus Mundus / Реализация международных проектов // Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.vsu.by/index.php/mezhdunarodnaya-deyatelnost/realizatsiya-mezhdunarodnykh-proektov. – Дата доступа : 21.12.2015.

І.А. Гапоненка
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
e-mail: ira175@tut.by

УДК 811.161.3’373.232.1

БЕЛАРУСКАЯ АНТРАПАНІМІЯ: НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ АРЫЕНТАЦЫЯ

Ключавыя словы: *антрапанімія, прозвішча, анамастычная лексікаграфія, нарматыўнае афармленне, транслітарацыя.*

У артыкуле аналізуюцца праблемныя моманты пісьмовага афармлення сучасных беларускіх прозвішчаў: цяжкасці ў іх правапісанні і скланенні, нераспрацаванасць правілаў іх перадачы на рускую мову, недасканаласць сучаснай праграмы транслітарацыі беларускіх прозвішчаў сродкамі лацінскай графікі. Выносяцца прапановы па нармалізацыі і стандартызацыі перадачы беларускіх прозвішчаў на пісьме. Коратка апісваюцца прынцыпы і структура нарматыўнага слоўніка-даведніка беларускіх прозвішчаў, які знаходзіцца на стадыі падрыхтоўкі і мог бы зняць шматлікія пытанні практычнага ўжывання прозвішчаў.

I.A. Haponienka
Belarusian state University

BELARUSIAN ANTROPONIMIYA: SCIENTIFIC-PRACTICAL ORIENTATION

Key words: *antroponimiya, last name, onomastic lexicography, normative registration, transliteration.*

The problem aspects of writing the modern Byelorussian family names, such as difficulties in their spelling and declension, imperfection of the rules of their transmission into Russian language, imperfection of the acting system of transliteration of the Byelorussian family names with the facilities of the Roman alphabet are analysed in the article. Suggestions related to normalization and regularization of transmission of the Byelorussian last names in a written form using Roman alphabet are given. The principles and structure of normative reference dictionary-book of the Byelorussian family names, being presently at the stage of development, which would sort out the numerous questions of practical application of the family names, are briefly described.

Беларуская антрапанімія – навуковы аб’ект, грунтоўна вывучаны беларускімі анамастамі. Заканамерным вынікам інтэнсіўных даследаванняў антрапанімнай лексікі стала выданне вялікай колькасці антрапанімічных слоўнікаў [гл. 7], розных па функцыянальным прызначэнні, метадалагічных падыходах, канкрэтным аб’екце слоўнікавай сістэматызацыі.

На сённяшні дзень у беларускай антрапаніміцы асабліва актуальным выступае прыкладны аспект апрацоўкі антрапонімаў, а менавіта стандартызацыя іх пісьмовага афармлення і лексікаграфічная фіксацыя нармалізаваных формаў. У першую чаргу гэта датычыць прозвішчаў – адзінак, якія надзелены важнымі грамадскімі і прававымі функцыямі. Пакуль што тэарэтычная і практычная праблема ўпарадкавання і кадыфікацыі правілаў перадачы беларускіх прозвішчаў на пісьме застаецца нявырашанай. У яе межах існуе цэлы шэраг складаных пытанняў па некалькіх напрамках.

1. *Напісанне прозвішчаў па-беларуску, скланенне прозвішчаў.*

У пераважнай большасці выпадкаў напісанне прозвішчаў па-беларуску можа рэгулявацца ўказаннямі зборніка “Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі” (Мінск, 2008) [гл. 6]. Гэты абноўлены і ўдасканалены варыянт беларускіх арфаграфічных нормаў ўсё ж не вырашае цалкам пытанні пісьмовага афармлення онімаў. Напрыклад, цяжкім для практычнага прымянення з’яўляецца прапанаванае ў § 12 (пп. 2-3) дзеючага арфаграфічнага звода правіла перадачы ў прозвішчах зычных [д] і [т]. Так, згодна з правіламі п. 2 літары *дз, ц* перад мяккім [в] трэба пісаць у залежнасці ад вымаўлення (падаюцца прыклады прозвішчаў *Мацвеенка, Бацвіннік*). А ў п. 3 канстатуецца (без тлумачэння прычыны), што ў некаторых словах у такой пазіцыі ўсё ж такі пішацца *д* і *т* і ў якасці прыкладу прыводзіцца прозвішча *Мардвінаў*. Заўважым, што вымаўленне, на якое рэкамендавана абапірацца ў правіле, на жаль, занадта няпэўны арыенцір.

Значна больш праблем выклікаюць правілы змянення беларускіх прозвішчаў у парадыгме. На сённяшні дзень асноўным дакументам, які рэгламентуе скланенне прозвішчаў, застаецца нарматыўны зборнік “Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі” 1959 года. Змешчаны ў ім *Дадатак 1. “Заўвагі аб уласных імёнах і прозвішчах”* [гл. 5, 113-118] па-ранейшаму актуальны, паколькі ў новай рэдакцыі беларускага правапісу 2008 г. кадыфікацыі падлеглі нормы выключна арфаграфічнага характару, а раздзел, прысвечаны скланенню ўласных імёнаў, адсутнічае.

Правілы прозвішчнага словазмянення, прапанаваныя нарматыўным зборнікам 1959 года, з’яўляюцца недасканалымі [падрабязна гл. 3], што ў сукупнасці з некаторымі іншымі фактарамі (уплывам сістэмы рускага скланення і сістэмы скланення агульных назоўнікаў, натуральнымі зрухамі ў сістэме анамастычнага скланення, што адбыліся ў жывой мове за перыяд, які прайшоў ад часу выдання правілаў) паступова пачало прыводзіць да шматлікіх парушэнняў нормы афармлення прозвішчаў ва ўскосных склонах. У выніку ў сучаснай беларускай мове правілы скланення антрапонімаў, і ў першую чаргу прозвішчаў, уваходзяць у лік найменш устойлівых галін практычнай марфалогіі. У пісьмовай практыцы, згодна з публікацыямі вядучых беларускіх газет і часопісаў, назіраюцца шматлікія выпадкі ненарматыўнага з пункту погляду прапісаных нормаў скланення: *помнік Францыску Скарыну, Паўлу Шубу, аб Бацюню, пагаварыць з Юрчэнем, аб Сыракомлі, аб Мележы, аб Багушэвічы, аб Готвальду, віншаванні Клёцке Святлане, Белатурке Вользе* і пад. Акрамя таго, парушаюцца ўзаконеныя прынцыпы скланяльнасці-нескланяльнасці прозвішчаў: мужчынскія прозвішчы, якія па правілах маюць парадыгму, ужываюцца як нескланяльныя: *кніга Пімена Панчанка, вуліца Тараса Шаўчэнка, пытанне было пастаўлена журналістам У. Нікіценка, Іллі Мажара, Вадзіму Жывулька, на уроках Віталя Дудка*, а нескланяльныя жаночыя прозвішчы, наадварот, усё часцей падлягаюць словазмяненню: *Цубе Вользе, дыпломная праца Машары Ганны, аб Клепчы Яніне, затрымалі Яўгенію Ёкшу, Валянціны Вялюгі, перадаць Навуменцы Алене, Алены Пісарэнкі, буду мець сваю Юлію Цімашэнку, павіншаваў Наталлю Касцючэнку, ад Раісы Курачэнкі, па словах Жаны Глабенкі, з Тамарай Гусачэнкай* і пад. Паказальным прыкладам можа служыць напісанне на шыльдах суседніх дамоў у г. Гродна назвы адной з вуліц у выглядзе варыянтаў: вул. *Элізы Ажэшкі* і вул. *Элізы Ажэшка*.

Расхістанасць сістэмы скланення прозвішчаў – з’ява абсалютна непажаданая, адпаведна задача ўдасканалення прозвішчнага словазмянення з’яўляецца надзвычай актуальнай. Для яе вырашэння неабходна было б стварыць лінгвістычную рабочую камісію, якая на падставе аналізу існуючай у сучаснай моўнай практыцы сітуацыі, вынесла б канкрэтныя прапановы па ўпарадкаванні скланення прозвішчаў. Пасля іх шырокага абмеркавання, у першую чаргу ў асяродку навукоўцаў і настаўнікаў, можна было б устанаўліваць адзіныя правілы, у выніку чаго беларускія прозвішчы атрымалі б кадыфікаваныя формы ўскосных склонаў.

2. *Вызначэнне рускамоўнай формы беларускіх прозвішчаў*.

Згодна з дзеючым на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь канстытуцыйна ўзаконеным двухмоўем прозвішчы грамадзян у афіцыйных дакументах (пашпартах, дыпломах, пасведчаннях і пад.) запісваюцца як па-беларуску, так і па-руску. Пры адсутнасці кадыфікаваных правілаў і профільных нарматыўных даведнікаў па рускамоўнай перадачы беларускіх прозвішчаў такі запіс праводзіцца зусім адвольна, што прыводзіць да ўзнікнення і дакументальнай фіксацыі вялікай колькасці памылковых напісанняў прозвішчаў, напрыклад, *Абрашенко* ад *Абра́шчанка, Ворварин* ад *Варва́рын, Даморяд* ад *Дамара́д, Каллаур* ад *Калаву́р, Коледа* ад *Каляда́* і інш. Шэраг беларускіх прозвішчаў па-руску перадаецца двума, трыма і больш варыянтамі, у тым ліку ў членаў адной сям’і: *Альхо́вік – Альховик* і *Ольховик, Бага́тка – Багатко* і *Богатко, Баўбе́ль – Баубель* і *Бавбель, Вайто́віч – Вайтович* і *Войтович, Во́сіпаў – Восипов* і *Осипов, Дзядзько́ – Дзядзько* і *Дядько, Ла́зар – Лазар* і *Лазарь, Рабяно́к – Робенок, Рабенок, Рябенок* і *Ребенок, Ру́дзін – Рудзин* і *Рудин, Са́вуць – Сауть, Савуть, Сауць* і інш.

На практыцы недакладнае рускае афармленне прозвішчаў ускладняе ідэнтыфікацыю асобы яго носьбіта. Няправільнае напісанне па-руску правакуе памылкі пры адваротным узнаўленні беларускіх прозвішчаў ад рускіх формаў і прыводзіць да скажэння нацыянальнага аблічча беларускага прозвішча. Так, складана здагадацца, што *Ольский* гэта зыходна *Во́льскі, Усс – Вус,* а *Занятой – Заня́ты*.

Разнабой у напісанні прозвішчаў стварае не толькі лінгвістычную, але і юрыдычна-прававую праблему. Варыянтны запіс прозвішчаў у членаў адной сям'і ў розных прававых сітуацыях можа прыводзіць да негатыўных наступстваў. Калі ў сям'і *Кананóвічаў* бацька ў дакументах запісаны па-руску *Кононович*, а сын *Канановић, Канонович* ці *Конанович*, то з-за такіх мінімальных адрозненняў пры ўступленні, напрыклад, у спадчынныя правы давядзецца ў судовым парадку даказваць факт прыналежнасці да адной сям'і.

Пакуль што пісьмовае афармленне беларускіх прозвішчаў па-руску залежыць выключна ад моўнай кампетэнцыі канкрэтнага супрацоўніка пашпартнага стала ці іншага чыноўніка, які непасрэдна ажыццяўляе афармленне дакумента. Такое становішча не можа лічыцца прымальным.

З мэтай вырашэння ў афіцыйным парадку праблемы рускай перадачы беларускіх прозвішчаў аўтарам данага артыкула (І.А. Гапоненка) была складзена *"Інструкцыя па перадачы беларускіх прозвішчаў на рускую мову"*, якая прайшла абмеркаванне ва ўсіх вядучых ВНУ Рэспублікі Беларусь (усяго атрымана 9 рэцэнзій) і на сённяшні дзень знаходзіцца на ўзгадненні ў зацікаўленых міністэрствах.

Базавым у *Інструкцыі* лічыцца наступны падыход. Беларускія прозвішчы пры пераходзе ў іншую мову, у тым ліку і рускую, павінны ў максімальна магчымым аб'ёме захоўваць сваю нацыянальную спецыфіку. Адпаведна пры перадачы беларускіх прозвішчаў на рускую мову не можа прымяняцца спосаб перакладу, нават калі літарны склад пры гэтым змяняецца мінімальна, напрыклад, бел. *Абара́нкін* – рус. *Абаранкин* (а не *Баранкин*), *Артыкулаў – Артыкулов* (а не *Артикулов*), *Бязву́хі – Бязвухий* (а не *Безухий* ці *Безухов*), *Верабе́й – Верабей* (а не *Воробей*).

Асноўным спосабам перадачы беларускіх прозвішчаў на рускую мову, згодна з Інструкцыяй, з'яўляецца *транслітарацыя*, напрыклад, бел. *Блізню́к* – рус. *Близнюк, Карняйчу́к – Карняйчук, Пузе́нка – Пузенка, Усці́но́віч – Усцинович, Шо́бік – Шобик, Дзеку́н – Дзекун*. Замена літар пры транслітарацыі адбываецца тады, калі ў рускай мове няма прамога літарнага адпаведніка беларускай літары (напрыклад, бел. *Слаўно́віч* – рус. *Славнович*), калі беларускае літарнае спалучэнне традыцыйна суадносіцца з пэўным знакам рускага алфавіта (напрыклад, *Шча́сны – Щасный*), а таксама тады, калі захаванне літарнага складу недапушчальнае, зыходзячы з правілаў рускай арфаграфіі (напрыклад, бел. *Дварэ́цкі* – рус. *Дворецкий, Жыркéвіч – Жиркевич, Чырванéнка – Чирваненка*).

Прымяненне ўказанага падыходу і заснаваных на ім канкрэтных правілаў [падрабязней гл. 2], на наш погляд, дазволіць забяспечыць адзінства пры афармленні беларускіх прозвішчаў па-руску і дакладнае адваротнае ўзнаўленне транслітараваных прозвішчных формаў.

3. *Запіс беларускіх прозвішчаў лацінскай графікай.*

На сённяшні дзень лацінская перадача прозвішчаў заснаваная на англійскай лацінцы. Дакумент, паводле якога непасрэдна ажыццяўляецца транслітарацыя, мае адпаведную назву: *«Алгоритм белорусско-английской транслитерации»*. Падрабязна асаблівасці гэтага дакумента разглядаюцца ў [1]. Тут укажам толькі асобныя характарыстычныя моманты.

У прынцыповым плане дзеючая лацінка не ў поўнай меры адпавядае базавым патрабаванням да аптымальнай сістэмы лацінізацыі, а менавіта *нейтральнасць* (разуменне сістэмы насельніцтвам усіх лацінамоўных краін, а не толькі англамоўных), *адназначнасць* (наяўнасць толькі аднаго эквівалента для аднаго зыходнага знака), *зваротнасць* (магчымасць ажыццявіць дакладнае адваротнае ўзнаўленне транслітараваных формаў), *традыцыйнасць* (даўнасць і стабільнасць яе прымянення для патрэб данай мовы, а таксама паслядоўнае выкарыстанне адзінага варыянта лацінкі ва ўсёй пісьмовай практыцы).

Канкрэтныя правілы алгарытму таксама не выглядаюць бездакорнымі. Напрыклад, адсутнасць спецыяльнага знака для перадачы беларускага гука [ў] і абазначэнне яго ў лацінцы праз ***u*** вядзе фактычна да страты адметнай беларускай фанетычнай асаблівасці ў лацінскім варыянце імёнаў і прозвішчаў і надае ім небеларускае гучанне: *Zharykau* (*Жарыкаў*), *Zubau* (*Зубаў*). Неабазначэнне памякчальнага мяккага знака правакуе нераспазнавальнасць транслітараваных прозвішчаў тыпу *Mamonkin* (*Мамонкін* і *Мамонькін*), *Sapunko* (*Сапунко* і *Сапунько*). Перадача *і* пасля апострафа, мяккага знака і *ў* нескладовага праз *yi* нівелюе адрозненні паміж некаторымі

транслітараванымі прозвішчамі, напрыклад, *Мар'ін* і *Марыін* на лацінцы аднолькава *Maryin*, *Бур'інскі* і *Бурыінскі* – *Buryinski*.

Пытанні выклікаюць і правілы транслітарацыі прозвішчаў з літарай *е*, наяўнасць пазіцыйных варыянтаў пры транслітарацыі прозвішчаў з літарай *й* (праз *y* і *i*), паралельнае ўжыванне знака *и* для абазначэння беларускіх літар *ў, у* і *ю* (у спалучэннях *уи* і *іи*), выкарыстанне дыграфаў пры перадачы некаторых літар (*zh – ж, ch – ч, sh – ш, ts – ц, kh – х*) і інш. У цэлым значная колькасць выключэнняў і ўдакладненняў аналізуемага алгарытму робіць працэс транслітарацыі вельмі складаным.

На наш погляд, усе праблемы існуючай сістэмы лацінізацыі ўласных імёнаў і прозвішчаў выкліканы тым, што гэтая сістэма засноўваецца на графіцы, арфаграфіі і традыцыях адной канкрэтнай лацінапішучай мовы – англійскай. Такая лацінка найлепш падыходзіць для публікацый, адрасаваных англамоўным чытачам. А для мэтаў міжнароднага карыстання значна больш прыдатнай з'яўляецца умоўная сістэма транслітарацыі, якая не перадае прозвішча на канкрэтную мову, а ўяўляе сабой свайго роду "абстрактную" лацінку, дзе знакі лацінскага алфавіту служаць адцягненымі сімваламі для замены беларускіх літар, іншымі словамі *беларуская лацінка*.

З улікам таго, што ў гісторыі беларускай мовы быў дастаткова працяглы перыяд (XIX – пачатак XX ст.), калі лацінка паралельна з кірыліцай выкарыстоўвалася ў якасці нацыянальнай графікі, на сучасным этапе лагічна прымяняць гістарычна апрабаваную сістэму, а не "вынаходзіць" нейкі новы варыянт. На сёння існуе практыка прымянення такой традыцыйнай лацінкі для перадачы беларускіх геаграфічных назваў. Такі спосаб транслітарацыі зацверджаны ў "Інструкцыі па транслітарацыі геаграфічных назваў Рэспублікі Беларусь літарамі лацінскага алфавіта" [гл. 4]. Афармленне асабовых уласных імёнаў і прозвішчаў таксама мэтазгодна было б праводзіць у межах такой сістэмы лацінізацыі. Гэта дазволіла б дасягнуць адзінства лацінскай перадачы на беларускім анамастычным полі, спрасціць працэс транслітарацыі і прывесці яго ў адпаведнасць з міжнароднымі нормамі.

Зразумела, што замяніць англізаваны варыянт лацінкі, які знайшоў афіцыйную прапіску ў сучасных беларускіх пашпартах, зусім няпроста. Гэта не чыста філалагічнае пытанне, а задача дзяржаўнага ўзроўню. Аднак распачынаць работу па ўдакладненні прынцыпаў лацінскай перадачы беларускіх прозвішчаў можна і трэба.

Пасля таго, як названыя ўзаемазвязаныя праблемы пісьмовай перадачы беларускіх прозвішчаў атрымаюць афіцыйнае вырашэнне, павінен быць створаны комплексны нарматыўны слоўнік-даведнік беларускіх прозвішчаў. Распрацоўка такога выдання распачатая навукоўцамі аддзела лексікалогіі і лексікаграфіі Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі і кафедры гісторыі беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. На сённяшні дзень картатэка будучага даведніка, сабраная па розных крыніцах, складаецца прыкладна з 220 000 адзінак.

Пры вызначэнні рэестравага складу даведніка складальнікі прытрымліваліся той думкі, што ў даведнік павінны быць уключаны прозвішчы, якія падпадаюць пад паняцце "беларускае прозвішча" не этымалагічна, а на падставе фармальных паказчыкаў – наяўнасці тыповых для беларускага моўнага узуса прозвішчных фармантаў і адпаведнасці таго ці іншага прозвішча агульнапрынятым прозвішчным мадэлям.

Плануецца, што структурна слоўнік-даведнік будзе складацца з некалькіх частак. *Першая* частка – беларуская. У ёй у алфавітным парадку змяшчаюцца прозвішчы, афармленыя згодна з правіламі беларускай арфаграфіі і з абавязковым указаннем месца націску. Калі прозвішча ўжываецца ў мужчынскім і жаночым варыянтах, прыводзяцца абодва варыянты. Асобная графа ўключае парадыгму скланення прозвішчаў (пры неабходнасці ў мужчынскім і ў жаночым варыянце) у родным, давальным, творным і месным склоне. У *другой* частцы даведніка падаюцца прозвішчы, транслітараваныя лацінскай графікай (складальнікі прапануюць прымяняць у даведніку нацыянальную беларускую лацінку). *Трэцяя* частка ўтрымлівае рускамоўныя формы беларускіх прозвішчаў (іх афармленне ажыццяўляецца згодна з прынцыпамі згаданай вышэй Інструкцыі).

Такі нарматыўны слоўнік-даведнік, на нашу думку, дапаможа зняць шматлікія пытанні практычнага прымянення беларускіх прозвішчаў і паспрыяе стандартызацыі беларускай антрапаніміі.

Літаратура

1. Гапоненка, І.А. Перадача беларускіх прозвішчаў лацінкай / І.А. Гапоненка // Роднае слова. – 2007. – № 6. – С. 22-26.
2. Гапоненка, І.А. Перадача беларускіх прозвішчаў па-руску (праект інструкцыі) / І.А. Гапоненка // Зборнік матэрыялаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі “Моўныя правы і іх абарона” (Мінск, 28 сакавіка 2015 г.): у 2 т. – Мінск. 2015. – Т. 1. – С. 152-164.
3. Гапоненка, І.А. Скланенне сучасных беларускіх прозвішчаў (праблемы і перспектывы нармалізацыі) / І.А. Гапоненка // Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 20 красавіка 2010 г.). – Мінск, 2010. – С. 284-289.
4. Інструкцыя па транслітарацыі геаграфічных назваў Рэспублікі Беларусь літарамі лацінскага алфавіта. Зарэгістраваная ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 30.11.2000 г. № 8/4488.
5. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – Мінск, Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1959. – 160 с.
6. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – Мінск, Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2008. – 144 с.
7. Шахоўская, С.У. Беларуская анамастычная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця / С.У. Шахоўская. – Мінск, Красная звезда, 2012.

К.А. Зайцава
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: katsyaryna_zaytzava@mail.ru

УДК 811.161.3’373.23(476.5)

АСАБЛІВАСЦІ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ РЭГІЯНАЛЬНАЙ ЖАНОЧАЙ АНТРАПАНІМНАЙ СІСТЭМЫ (на матэрыяле антрапанімікону Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці)

Ключавыя словы: *антрапонім, антрапанімная рэгіяналістыка, рэгіён, уласнае імя, Бешанковіцкі раён.*

У артыкуле выяўляюцца асаблівасці развіцця жаночай антрапанімнай сістэмы на матэрыяле імён жыхароў Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці як частцы Беларускага Паазер’я. Вызначаецца месца рэгіянальных анамастычных даследаванняў у свеце сучасных прыярытэтных навуковых накірункаў.

E.A. Zaytseva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE PECULIARITIES IN FUNCTIONING OF REGIONAL FEMALE ANTHROPONYMIC SYSTEM (on the material of the anthroponymy of Beshenkovichy district in Vitebsk region)

Keywords: *anthroponomy, anthroponomical regionalistics, region, personal name. Beshenkovichy district.*

The article deals with the description of the peculiarities in development of the female antroponymic system based on the material of the personal names of the settlers in Beshenkovichy district of Vitebsk region as a part of Belarusian Poozerje. The place of regional studies in the topical scientific paradigm has defined.

Даследаванне онімаў на сучасным этапе развіцця анамастыкі носіць антрапацэнтрычны характар і адрозніваецца павышанай зацікаўленасцю да рэгіянальных даследаванняў. Кожны рэгіён – своеасаблівая тэрыторыя са сваёй гісторыяй і традыцыямі, якая ўяўляе гістарычную, этнаграфічную, лінгвакультурную крыніцу. Толькі пры вывучэнні лакальных тэрыторый складваецца лінгвістычная

карціна агульнай тэрыторыі. Беларускае Паазер'е – адзін з буйных арэалаў Беларусі, які актыўна даследуецца на працягу апошніх дзесяцігоддзяў: Г.М. Мезенка займаецца вывучэннем антрапанімікона Віцебшчыны XVII ст.; паходжаннем імёнаў, прозвішчаў і мянушак на Віцебшчыне займаюцца В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова, Т.У. Скрабнёва, асаблівасці функцыянавання неафіцыйнага антрапанімікона Віцебшчыны з'яўляюцца аб'ектам увагі І.А. Лісавай. Імяннік беларускага пагранічча (тэрыторыя Браслаўскага, Верхнядзвінскага, Расонскага, Мёрскага, Лёзненскага раёнаў) даследуе Ю.М. Галкоўская. У кандыдацкай дысертацыі А.Ю. Муратавай упершыню на тэрыторыі Віцебшчыны даследуецца імяннік абшчыны стараабрадцаў. Бешанковіцкі раён – тэрыторыя, якая ніколі не з'яўлялася аб'ектам анамастычнага даследавання. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД (праект № 20142540 ад 10.10.2014 г.).

Мэта нашага артыкула – вызначыць асаблівасці функцыянавання жаночай антрапанімнай сістэмы.

Аб'ектам даследавання з'яўляюцца ўласныя жаночыя імёны жыхароў Бешанковіччыны к. XIX – п. XX стст. як часткі Беларускага Паазер'я.

У пісьмовых крыніцах к. XIX – п. XX стст.. зафіксавана малая колькасць жаночых антрапонімаў. Імёны жанчын фіксаваліся толькі ў метрычных кнігах ці ў кнігах для запісу "брачных обысков" (шлюбных кнігах). Іменаслоў дадзенага перыяду налічвае 70 адзінак (465 фіксацый), адкуль вынікае, што СКА роўны 6,6. Прыведзены паказчык перавышае на 2 адзінкі СКА мужчынскага іменніка гэтага перыяду. Як і на Віцебшчыне ў XVI – XVIII стст., самым папулярным жаночым іменем лічыцца *Анна (імёны падаюцца ў арфаграфіі даследаванай архіўнай крыніцы)* – 37 фіксацый. Дадзены антрапонім з'яўляецца знакавым на суседняй Смаленшчыне. Там імя *Анна* ўпамінаецца ўжо ў 1609–1611 гг., дзе ўвогуле жаночых імён фіксавалася няшмат, а ў 1908 годзе дадзены антрапонім з'яўляецца другім па папулярнасці [2, 146]. Намі заўважана, што імя *Анна* з'яўляецца самым распаўсюджаным не толькі на Віцебшчыне, але па ўсёй Беларусі. Такая з'ява тлумачыцца ўваходжаннем і частай фіксацыяй дадзенага антрапоніма ў царкоўным календары (59 разоў на год). Акрамя імя *Анна*, частымі лічацца яшчэ 23 найменні: *Агрипина, Агафия, Анастасия, Варвара, Дарья, Евдокия, Елена, Екатерина, Зеновия, Ирина, Ксения, Матрона, Мария, Марта, Марина, Наталья, Паланея, Пелагея, Прасковья, Татьяна, Фекла, Феодосия, Филина, Юстина*.

Другое месца па папулярнасці займае імя *Мария* – амаль 7 % (33 носьбіты). Па дадзеных І.А. Каралёвай, частым з'яўляецца выкарыстанне імя *Марья* ў народнай форме і на Смаленшчыне ў 1908 годзе. Як лічыць М.В. Дабравольскі, імя *Марья* з'яўляецца сімвалам рускай жанчыны [2, 146].

Адзінкавымі з'яўляюцца імёны *Антонина, Адриана, Авсея, Вера* (імя *Вера* М.Н. Тупікоў адносіць да агульнарускага найменавання [6, 53]), *Густина, Георгия, Елизавета, Евгения, Зельвия, Каролина, Михалина, Макрина, Магдалена, Ольдосия, Степанида, Улита, Эмилия*.

Інвентар жаночых імён прадстаўлены вялікай колькасцю варыянтаў: *Анастасія (Наста, Настя, Настасия), Ефросинья (Евфросиния, Ефросиния), Наталья (Наталля, Наталия), Прасковья (Прасковия, Парася, Параскева), Феодосия (Федора, Федора, Хадося, Хадора)*.

Этымалагічна жаночыя найменні менш разнастайныя, чым мужчынскія. Групу славянскіх імён складаюць *Вера* і *Ладося*. Па дадзеных Г.М. Мезенка, малая колькасць славянскіх найменняў звязана з пранікненнем хрысціянства і тым самым выцісканнем язычніцкіх назваў [5, 53]. Асноўную групу імён неславянскага паходжання складаюць намінацыі хрысціянскага праваслаўнага календара, сярод якіх на першае месца выступаюць грэчаскія імёны: *Антонина, Адриана, Агафия, Авгинья, Анастасия, Варвара, Георгия, Дарья, Елизавета, Евгения, Евдокия, Екатерина, Зоя, Ксения, Мелания, Просковья, София, Степанида, Феодосия і інш*.

Лацінскія імёны налічваюць 27%, што ўдвая больш, чым мужчынскіх (14%): *Агрипина, Виктория, Густина, Домна, Каролина, Матрона, Марина, Магдалена, Наталья, Розалия, Регина, Татьяна, Цицилия, Юлианна, Юлия, Юстина*. Акрамя грэчаскіх і лацінскіх намінацый, жаночы інвентар Бешанковіччыны канца XIX – пачатку XX ст.ст.. уключае імёны старажытнаяўрэйскага паходжання: *Анна, Мария, Марта, Михалина*; літоўскага: *Ольдосия* і старажытнаскандынаўскага: *Ольга*.

“Адпавядаючы агульнай тэндэнцыі складвання трох’яруснай асабовай мадэлі называння ў рускіх і ўкраінцаў, беларуская антрапанімная сістэма ў працэсе гістарычнай эвалюцыі выявіла свае асаблівасці як у адносінах структуры, так і ў адносінах словаўтваральных сродкаў” [4, 46]. Храналагічны зрэз к. XIX – пач. XX стст. інвентара Бешанковіччыны у сувязі з гістарычнымі падзеямі, уваходжаннем даследуемай тэрыторыі ў склад дзвюх дзяржаў характарызуецца разнастайнасцю сістэмы іменавання і ўключае ў свой склад розныя варыянты імёнаў: *Апанасъ – Афанасий, Меньямин – Вениамин,Захарий – Захар, Масей – Моисей* і г.д. На аснове дадатковага словаўтваральнага аналізу вызначаны асобныя групы жаночых намінацый, якія класіфікуюцца па наступных флексіях:

1. Адсутнасць пачатковага галоснога і спрашчэнне груп зычных: *Августина ← Густина, Агрипина ← Рипина, Анастасия ← Настасия, Екатерина ← Катерина*.
2. Ужыванне [с] замест [з]: *Елизавета – Елисавета*.
3. Ужыванне [з] замест [с]: *Исидора – Изидора*.
4. Ужыванне [х] замест [к]: *Христина – Кристина*.

Большасць жаночых імён утворана на базе мужчынскіх: *Авгинья* ад Авгия, *Авсея* ад Авсея (Евсевий), *Георгия* ад Георгия, *Зеновия* ад Зеновия, *Михалина* ад Михаила, *Теофиля* ад Теофила, *Юлианна* ад Юлиана.

Час функцыянавання антрапонімаў, гістарычныя падзеі ўздзейнічалі на намінацыі, у выніку чаго яны падвергліся фанетычным і марфалагічным зменам, што знайшло адлюстраванне на даследуемай тэрыторыі. З фанетычных змен бешанковіцкаму інвентару ўласцівыя:

Сярод фанетычных варыянтаў жаночых намінацый яскрава выдзяляюцца адзінкі з фіналямі *-ия* і *-ья*: *Авгинья, Авдотья, Агафья, Аленья, Евгения, Евдокия, Зеновья, Ефросинья – Ефросиния, Ксения – Аксинья, Маланья, Мария – Марья, Наталия, Розалия, София, Цицилия, Эмилия, Юлия*. На дадзеным храналагічным зрэзе пераважаюць кананічныя варыянты з фіналяй *-ия.*У выданні С.А. Белакурава за 1634 – 1647 гг. жаночыя імёны прыводзяцца выключна ў народных формах: *Дарья, Марья, Настасья* [1, 1].

У выніку дзеяння пералічаных вышэй фанетычна-марфалагічных змен на тэрыторыі Беларусі склалася своеасаблівая антрапанімная сістэма, якая ўключае як размоўна-бытавыя формы імён, так і традыцыйна-царкоўныя. Дадзеныя формы іменавання складаюць свой кангламерат, які значна адрозніваецца ад іншых, бо, па словах А. А. Лукашанца, менавіта ў мясцовых мікрасістэмах у найбольшай ступені захоўваюцца традыцыйныя найменні [3, 89].

Такім чынам даследаваны рэгіянальны імяннік перыяду к. XIX – пач. XX стст. характарызуецца перавагай мужчынскіх імён над жаночымі (116 і 70 адзінак адпаведна). Імя *Анна* з’яўляецца самым распаўсюджаным не толькі на даследаванай тэрыторыі, але на Віцебшчыне, Беларусі і Смаленшчыне. У выніку сінтагматычнага аналізу жаночых імён выяўлена, што для тэрыторыі Бешанковіччыны больш характэрна ўжыванне кананічных форм імён з фіналямі *–ия.*

Літаратура:

1. Белокуров С. А. Несколько новых родословных данных (женские имена за 7142 – 7155 г.). Издание императорского общества и Древностей Российских при Московском университете. Москва, Синодальная типография, 1990 г. – 16 с.
2. Королёва, И. А. Смоленская ономастика (к 1150-тетию со дня основания города Смоленска). Статьи разных лет. / И. А. Королёва. – Смоленск, 2012. – 220 с.
3. Лукашанец, А. Родавыя (спадчынныя) найменні ў сістэме мясцовага антрапанімікону / А. Лукашанец // StudiaSławistyczne 2: Nazwy osobowe na pograniczach kulturowych. – Białystok: Libra, 2000. – S. 89-97.
4. Мезенка, Г. М. Беларуская анамастыка: навуч. дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў/ Г. М. Мезенка. – Мінск: Выш. школа, 1997. – 199 с.
5. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г. М. Мезенка, В. М. Ляшкевіч, Г. К. Семянькова. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2006. – 238 с.
6. Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – Москва, 2005. – 1032 с.

С.А. Королевич
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: stak54@mail.ru

УДК 811.161.3′373.23

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ИМЕНОВАНИЙ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ ВУЛЬКА ЛАВСКАЯ ПИНСКОГО РАЙОНА

Ключевые слова: *женские антропонимы, состав, этимология, идентификация имяносителя, социокультурная информативность, прагматика имени*

В статье приводится описание антропонимов, именующих жительниц отдельной деревни; определяется частотность разных имен, причины вариантности именований, способы обеспечения идентифицирующей функции имени. Устанавливаются социокультурные и прагматические характеристики женских имен в региональном ономастиконе.

S.A. Korolevich
A.S. Pushkin Brest State University

THE PECULIARITIES OF WOMEN NAMING CONVENTIONS IN THE SUBDIALECT OF THE VULKA LAVSKAYA VILLAGE

Key words: *women anthroponomy, quantitative composition, etymology, identification of the name-bearer, sociocultural informativeness name pragmatics*

The article describes the anthroponyms that refer to individual residents of a certain village; it defines the frequency of different names, the causes of name variation, the ways of ensuring the identification function of the names; establishes the sociocultural and pragmatic characteristics of the female names in the regional onomasticon.

Говор деревни Вулька Лавская Пинского района Брестской области интересен и в некоторых отношениях даже уникален. Он существует более трех столетий и на протяжении этого периода развивается в постоянно изменяющихся культурно-исторических условиях, потому что деревня, уроженкой которой я являюсь, в разное время была частью Речи Посполитой, Российского государства, Польши, СССР и Беларуси.

Исконно местная речь основывалась на говорах польского происхождения, так как это было отдельное селение представителей дворянского католического рода Марцинкевичей, возникшее во времена Речи Посполитой. На протяжении веков в силу социально-политических, культурно-исторических, миграционных процессов исконный говор деревни постепенно смешивался с говорами окрестных селений, впитывал некоторые особенности русской и украинской речи (от границы с Украиной Вульку отделяют около двух часов езды). В результате в конце XX в. диалектологи отнесли этот говор к переходным среднебрестским диалектам, к группе севернологишинских говоров [1, 11].

Однако и социальное происхождение основателей деревни, и ее географическое положение, и общественные катаклизмы, и контакты с иными языками, и собственное речетворчество жителей деревни всегда своеобразно сказывалось на разных составляющих говора нашего селения. Это в полной мере относится и к антропонимикону воленцев (жители Вульки Лавской исконно именуют себя *воленцы, воленец, воленка* – от польского *Wólka*), в частности к его женской подсистеме.

Состав жителей нашей деревни на пике ее развития – а это было в 60-е годы прошлого века – насчитывал около 330 человек, тогда как в наши дни их осталось чуть больше 40. Носительницами женских имен на протяжении шести последних десятилетий выступали 198 человек. Репертуар женских именований включал на протяжении названного временного отрезка 49 личных имен разного происхождения, функционировавших с неодинаковой степенью активности.

Этимологическая неоднородность женской подсистемы воленского антропонимикона связана с конфессиональной принадлежностью имяносителей, их возрастом, уровнем образованности и т.п. Центральное место занимают православные канонические имена, включённые в церковные календари и имеющие многовековую традицию бытования. Это имена греческого (*Анастасия, Александра, Василиса, Галина, Евдокия, Елена, Софья* и др.), древнееврейского (*Мария, Анна, Ева, Ада*), латинского (*Валентина, Татьяна, Наталья*), скандинавского (*Ольга*) происхождения. Все они принадлежат или принадлежали православным жительницам деревни, которые составляли абсолютное большинство женского населения Вульки Лавской. Аналогично функционировали и собственно русские имена, в том числе кальки с греческого (*Светлана, Вера, Надежда, Любовь*). Из традиционного католического календаря почерпнуты главным образом такие имена латинского происхождения, как *Алина, Ванда, Ирена, Кристина, Регина, Тереза, Эмма, Ядвига, Янина.* Их носителями выступают представители католического вероисповедания. Исключением является имя *Регина*, отмеченное как для 83-летней католички, так и для двух жительниц, исповедующих православие. Славянские двухосновные имена тоже носят и православные воленки (*Людмила*), и крещенные в католической вере (*Станислава*).

В именослове нашей деревни продуктивными актуальными именами были и остаются антропонимы *Нина, Мария, Галина, Елена, Анна, Наталья, Валентина* и др., типичные для жительниц разных поколений. Непродуктивные, устаревшие имена (*Ева, Евдокия, Василиса, Прасковья, Серафима*) принадлежали людям старшего поколения. Католические имена в этот период популярности не обрели, поскольку после войны в деревне осталось только шесть семей католиков, остальные либо были высланы в Сибирь накануне войны, либо выехали в Польшу.

Носителями новых, модных, экзотических для воленского говора антропонимов (*Изабелла, Лилия, Нонна, Нелли, Алла, Жанна*) становились только единичные представители поколения «детей», причем сначала в семьях местной интеллигенции, тогда как для старожилов названные имена не отмечены. Среди новых имен относительную популярность обрело лишь имя *Лилия* русско-болгарского происхождения [4, 307], которым именовались пять уроженок Вульки Лавской.

Наибольшей частотностью в женской подсистеме именований рассматриваемого периода отмечены антропонимы *Нина* (15 носителей), *Мария* (14), *Галина* (14). Несколько реже использовались имена *Вера*, *Елена* (по 10 имяносителей); по 9 жительниц деревни в разное время именовались антропонимами *Анна*, *Валентина*, *Евгения*; по 8 – *Софья*, *Наталья*; имя *Светлана* носили 7 воленок, *Татьяна* и *Ольга* – по 6. Для имен *Людмила*, *Лилия* отмечено по 5 носителей; *Лидия, Ирина, Тамара* – по 4; трижды в женском именослове деревни выступали имена *Александра, Антонина, Анастасия, Надежда, Регина, Таиса*; по 2 имяносителя были обладателями антропонимов *Василиса, Ева, Евдокия, Жанна, Зоя, Кристина, Прасковья, Раиса, Серафима, Янина.* Как единичные, соотносимые в говоре деревни лишь с одним носителем зафиксированы имена *Алина, Алла*, *Ванда, Дана*, *Екатерина*, *Зинаида*, *Изабелла*, *Ирена*, *Ксения*, *Любовь, Нелли*, *Нонна*, *Станислава, Эмма*, *Ядвига.*

Оним, в том числе и личное имя, должен, как известно, служить для выделения именуемого им объекта среди других объектов – его индивидуализации и идентификации [3, 95]. Однако в силу повторяемости имен специфической чертой женских антропонимов нашей деревни оказывается их идентификационная неполноценность: в большинстве случаев изолированное имя является недостаточным для выделения конкретного человека из жителей деревни. Информационная недостаточность личных имен канонического характера – это объективное следствие перенесения чуждой системы именования на русскую почву, возникшее в культуре восточных славян с принятием христианства и обязательным присвоением человеку при крещении календарного имени. При совпадении дат рождения могли совпадать и имена святых, в честь которых происходило имянаречение, что обусловило появление многочисленных тёзок. Не случайно последующая история развития антропонимической системы в языке и культуре восточных славян связана, главным образом, с поисками способов уточнения именования. Результаты таких поисков оказались многообразными. Сначала это было параллельное, наряду с христианскими, функционирование языческих имен с прозрачной внутренней формой. Позже закрепляется обязательное именование

лиц, обладающих высоким социально-сословным статусом, по отчеству; затем появляются «полуотчества», идентифицирующие людей среднего класса. Способом социально-статусной идентификации крепостных крестьян до XIX века включительно было использование «полуимен». Окончательное закрепление трехкомпонентных моделей именования, обеспечивающих, как правило, идентификацию любого лица, происходит в официально-деловом общении только к XX в.

В современных региональных говорах, где в первую очередь отражается сфера бытового общения, подобный способ идентификации лиц не уместен и потому не типичен. В нашей деревне, как, очевидно, и в других местных говорах, для индивидуализации жительниц развились разнообразные способы дополнительного именования. Они обусловливают варьирование компонентов как при дифференциации разных индивидов, имеющих одинаковые имена (например, *Мария – Маня Замуска, Манька Лемешэвска, Маруська Василькова, Маруся Гутарова, Марылька Евдосина, Богатчыха, Гутэнка, Тарасенчыха, Канадзка* и др.; *Анна – Анютка Базикова, Ганна Онысиха, Гандзя, Аня Дятлова, Аня Вицёва*), так и при идентификации одного имяносителя разными адресантами (*Софья – Софа, Софка, Сонька, Сонька Толёва, Сонька Рэнина, Сонька Павцёва*; *Тереза – Тэся, Тэська, Тэрезка*, *Тэся Янчына*, *Тэся Вацёва*, *Анёлок*).

Прежде всего, распространенный характер имеют *прозвища-апеллятивы,* которые являются однозначными в силу мотивированности. Это могут быть как прозвища отдельных женщин, так и семейные и родовые прозвища и использоваться изолированно или прибавляться к личному имени. Их способы образования содержат интересную информацию об истории деревни, о судьбах и характерах воленцев. Среди прозвищ отмечены именования, указывающие на предыдущее место проживания имяносителя (*Нина Рычканка* – из деревни Речки, *Гутэнка (Маня)* – из Гуты, *Шпановчанка (Маня)* – из Шпановок, *Жэня Абисинка* – с ныне не существующего хутора Абиссиния в окрестностях Вульки); или на особенности биографии (*Оля Деревяшка* – дочь женщины, потерявшей в годы войны ногу и носившей деревянный протез; *Канадзка (Маня)* – член церкви, опекаемой из Канады); или на особенности внешности (*Оля Роза* – женщина, называющая себя красавицей); или на своеобразие речи (*Оля Цётка* произносит бывшие полумягкие [д] и [т] в соответствии с нормами дзеканья-цеканья, несвойственными говору деревни) и т.п.

Некоторые прозвища-апеллятивы производны от андронимов, то есть антропонимов мужа, например: *Царыца* (*Татьяна*) – жена местного бригадира, носившего, как человек, обладающий наибольшей властью в деревне, прозвище *Цар*; *Дорогенька* (*Ольга*) была женой местного деда, по прозвищу *Дорогеньки*, которое возникло как следствие речевой привычки именно так обращаться к собеседнику.

Традиция опосредованного именования лиц женского пола – по мужу, или отцу, или другому родственнику, которая до сих пор сохраняется в местных говорах, зародилась на начальном этапе развития именослова. Ее истоки – в патриархальных обычаях Древней Руси, определяющих особое положение женщины в социальной иерархии, подчиненность женщины сначала родителям, а потом – мужу. Достаточно вспомнить *Ярославну* из «Слова о полку Игореве», названную по отцу, или обратиться к «Повести временных лет», где неоднократно отмечаются именования женщин по мужу: *Рече ему Яневая* [2, 222]; *Всеволожая же и митрополит придоста к Володимеру* [2, 254] и т.п.

В говоре Вульки Лавской опосредованное именование такого характера тоже выступает самым продуктивным способом при назывании женщин. При этом используются посессивы, во-первых, от личных имен отца или мужа в гипокористической форме: *Лиля Ветова* (от *Вето – Вячеслав*); *Зоня Валёва* (от *Валё – Валентин*), *Лиля Стахова* (от *Стахо – Станислав*) и др.; во-вторых, от прозвищ отца или мужа: *Нина Дятлова* (*Дятёл* – прозвище длинноносого человека); *Маруся Гутарова* (*Гутар* – переселенец из Гуты); *Нина Сынчыкова* (*Сынчык* – прозвище-деминутив от слова *сын*); *Маня Чомбина* (*Чомба* – человек, похожий на ангольского лидера Чомбе) и т.п.; в-третьих, от фамилии отца: *Ленка Королевичова* (от фамилии *Королевич*), *Маня Юнчыкова* (от фамилии *Юнчик*), *Вера Хоровцова* (от фамилии *Хоровец*). В идентификационной функции в обыденном общении для именования женщин не использовалась лишь фамилия *Марцинкевич*

вследствие ее «множественности». Она замещалась прозвищами посессивного характера, образованными от неофициальных имен глав рода, обычно деда или отца, например, *Пàвцёвы ← Павцё* (Павел Марцинкевич), *Бàзёвы / Базиковы ← Базё / Базик* (Василий Марцинкевич), *Домцёвы ← Домцё* (Доминик Марцинкевич), сравним: *Лена Павцёва* (внучка Павла Марцинкевича); *Тася Базикова / Базёва* (дочь Василия Марцинкевича), *Тэся Домцёва* (дочь Доминика Марцинкевича). Аналогичные посессивные прозвища возможны и от женских антропонимов: *Аня Жэнькина* (от имени *Жэнька – Евгения*); *Ганя Винина* (от *Вина – Серафима*); *Маруська Гэлечкина* (от *Гэлечка – Елена*), *Ганя Гутэнчына* (от прозвища *Гутэнка*), *Света Мальчышына* (от *Мальчыха*). Примечательны здесь многокомпонентные формулы типа *Лена Таси Мишкиной, Лена Рэни Павцёвой, Галя Мани Гутаровой* и т.п.

Идентификацию жительниц нашей деревни не менее успешно обеспечивают разговорные однословные суффиксальные дериваты с суффиксом *–их*-а, производные от гипокористических форм имен, от прозвищ и фамилий мужа: *Ясиха* (от имени *Ясё – Иван*), *Павциха* (от *Павцё – Павел*); *Маханиха* (от прозвища *Махан*); *Пригодичиха* (от фамилии *Пригодич*); *Янцевичиха* (от *Янцевич*), *Тарасенчыха* (от *Тарасенко*) и т.п. Однако эти разговорные номинации отмечены негативной коннотацией, имеют оттенок пренебрежительности и не используются в непосредственном общении, а лишь при назывании третьих лиц. При упоминании уважаемых лиц обычно использовались изолированные отчества, особенно если они были редкими и называли женщин зрелого возраста: *Ильинична* (звеньевая в колхозе), *Акимовна* (учительница местной школы), *Мефодьевна* (ныне заведующая магазином) и т.п.

С целью дифференциации носительниц одинаковых имен могли использоваться и определенные гипокористические формы личного имени, закреплявшиеся за женщиной. Так, две носительницы имени *Серафима* именовались *Сэвэра* и *Вина*; три *Александры – Саша (Флёрова), Саня (Макарска), Шурка* (старушка из смоленских беженцев). Такая дифференциация проводилась в соответствии с физическими, психологическими, социально-возрастными или иными прагматическими признаками. Например, форма *Гэля* функционировала среди воленцев, чьи предки были из крестьян. При этом деминутивная форма *Гэлечка* использовалась при назывании Елены Кибак, невысокой пухленькой женщины, необычайно доброжелательной и мягкой, но ее соседка Елена Левошко, высокая, худая, суховатая в обращении, именовалась только *Гэля Мэцёва.* Для *Елен* из семей старожилов деревни, предки которых были ее владельцами, использовались гипокористические формы *Лёля* (*Лёля Фанёва*, *Лёля Валина*). Елены, появлявшиеся позже, именуются *Лена, Ленка*. Интересны гипокористики от имени Евдокия: *Евда* (сухопарая, молчаливая, строгая старуха) и *Евдося* (маленькая, шустрая, вечно озабоченная мать многочисленной семьи); от имени Василиса: *Васа* (статная, красивая женщина) и *Васёнька* (маленькая, тощая, косоглазая); *Пракседа* и Панька (от *Прасковья*); *Настася* и *Насцечка* и мн.др.

Таким образом, анализ женских именований, бытующих в говоре моей родной деревни, показывает, что в именослове местного говора в спрессованном виде предстает многовековое развитие антропонимикона, выступая одновременно во всех тех проявлениях, которые имели место на разных этапах истории антропонимики.

Литература

1. Клімчук ,Ф. Д. Гаворкі заходняга Палесся: Фанетычны нарыс / Ф.Д. Клімчук. – Мінск : Навука і тэхніка 1983. – 128 с.

2. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. – М.: Художественная литература, 1978. – 413 с.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.

4. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

А.А. Лавицкий,
С.Ю. Череватый
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: cherevaty.poetry@mail.ru

УДК 811.161.1'44

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ

Ключевые слова: *прецедентные имена, газетный заголовок, региональные газеты.*

В статье в сопоставительном аспекте рассмотрены особенности использования прецедентных имен в заголовках региональных газетных изданий. На материале публикаций периодических изданий Ровненской и Черниговкой областей Украины, а также Витебской и Гомельской областей Беларуси проведен сравнительный анализ использования журналистами в заголовочных конструкциях публицистических текстов прецедентных имен, имеющих различные происхождения и культурно-национальные и региональные значения.

A. Lavitski , S. Cherevaty
Vitebsk State P.M. Masherov University

PRECEDENT PROPER NAMES IN THE CURRENT HEADLINES OF THE REGIONAL NEWSPAPERS IN BELARUS AND UKRAINE.

Keywords: *precedent proper names, headline, regional newspapers.*

In this article in the comparative aspect are considered peculiarities of using proper names in the headlines of regional newspapers. According to the material of periodical publication of Rivno and Chernigov regions of Ukraine as well as Vitebsk and Gomel regions of Belarus, a comparative analysis of the journalist's usage in the headlines constructions, publicistic precedent proper names texts with different origins and cultural – national and regional significance was held.

В современной лингвистике аксиоматическим считается тот факт, что язык – это хранитель и свидетель культуры [3, 208]. Это заключение объясняет исследовательскую активность по изучению вопросов, связанных с взаимодействием языка и культуры. Особый интерес для ученых представляют проблемы проблематики функционирования различных языковых единиц, отражающих и характеризующих категории культуры. К такого рода единицам относятся и различные прецедентные феномены – элементы содержания сознания, обладающие особой культурной значимостью и выступающие в качестве основы взаимодействия как целых культур, так и отдельных дискурсов и текстов [2, 7]. Центральное место в структуре компонентов системы прецедентных феноменов занимают такие категории, как прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Внимание к рассмотрению вопросов языковой интерпретации культурных феноменов во многом может быть удовлетворен при исследовании особенностей функционирования современных печатных СМИ, так как язык газеты является одной из наиболее интенсивно развивающихся систем, наблюдая и изучая которую можно не только понять многие процессы, происходящие в обыденном языке, но и определить ключевые факторы, определяющие духовное развитие общества. Все это является небезосновательными причинами активизации внимания к культурным явлениям и языковым механизмам их репрезентации в газетно-публицистическом тексте.

Стоит отметить, что в последние десятилетия многие лингвисты обращались к изучению вопросов использования различных прецедентных явлений в структуре газетного материала. Благодаря этому в работах таких исследователей, как **О.В Александрова**, М.Р. Желтухина, Ю.А. Гунько, Ю.Б. Пикулева, Г.Г. Слышкин, А.Е. Супрун, О.В. Фокина и др. удалось решить целый ряд научно-теоретических вопросов в области функционирования прецедентных феноменов в печатных СМИ, а также проанализировать использование отдельных прецедентных явлений в

практике газетной публицистической деятельности. К сожалению, в меньшей степени ученые обращались к проблематике использования в заголовочных конструкциях периодической печатни прецедентных имен. А вопросы их функционирования в заголовках региональных газет до сих пор изредка попадают в фокус научного внимания лингвистов.

В данной работе мы попытаемся сравнить особенности использования журналистами прецедентных имен в заголовках современных региональных газетных изданий Украины и Беларуси. Эмпирическим материалом исследования послужили примеры, взятые из публикаций крупнейших (самых многотиражных) двуязычных местных газет Ровненской (*Відвага*, *Вільне слово*, *Слово і час*, *Гомін*) и Черниговской (*Гарт*, *Життя Полісся*, *Промінь*, *Чернігівські відомості*) областей Украины (Укр.), а также Витебской (*Витьбичи*, *Витебские вести*, *Новополоцк сегодня*) и Гомельской (*Гомельские ведомости*, *Гомельская правда*, *Маяк*, *Жыцце Палесся*) областей Беларуси (Бел.) за 2014–2015 гг.. В процессе работы нами были использованы методы сплошной выборки материала, его систематизации, а также сравнительно-сопоставительный анализ полученных результатов.

К прецедентным именам мы вслед за Д.Б. Гудковым относим «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, 3) имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [1, 149].

Как показывает собранный материал, наиболее часто прецедентные имена в заголовках рассматриваемых периодических печатных изданий используются в рубриках, освещающих события культурной жизни, а также посвященных местным событиям и персоналиям, что, по нашему мнению, обусловлено содержательной стороной газетного материала. Кроме того, в украинских изданиях отмечается частотное использование прецедентных имен в заголовочных конструкциях политических публицистических текстов.

Функционально использование прецедентных имен в газетных заголовках не только ориентирует читателя на содержание публикации, но и содействует созданию определенного эмоционального настроя, ему передающегося. Это ведет к появлению суггестивного эффекта, направленного на эмоциональную сферу адресата, позволяющего непроизвольно создать в воображении определенную картину, связанную с деятельность и творчеством, упомянутого лица. К наиболее часто употребляемым в заголовках «культурных» рубрик прецедентным именам относятся музыкальные, танцевальные группы и исполнители (**Укр.**: *Океан Ельзы, З. Огневич, Мика Ньютон, И. Дорн, Скрябин, Onuka, образцовый ансамбль современного танца «Диалог», LOBODA, С. Ротару* и др.; **Бел.:** *С. Немо, Litesound, Полад Бюльбюль-оглы, ТЕО, Da Vinci, Н. Бабкина, Белка, А. Ланская, Сябры, Белы Птах)*, писатели и поэты (***Укр.***:*Т. Шевченко, Н. Чернявский, Ф. Барка, И. Сид, Е. Шморгун, Е. Мамчиц* и др.; **Бел.**: *Я. Колас, Я. Купала, Д. Симонович, И. Шамякин, И. Мележ* и др.), художники (**Укр.**: *Н. Вергун, В. Шейндель, К. Степанюк, О. Грек* и др.; **Бел.**: *Д. Савич, М. Шагал, К. Малевич, В. Шилко, Ф. Гумен, Л. Шацов*). Отличительной особенностью использования прецедентных антропонимов в заголовках рассматриваемых изданий является использование имен деятелей искусств регионального происхождения. Кроме того, в номинации белорусских газетных текстов используются прецедентные имена русской лингвокультуры.

Особый стилистический эффект имеет также употребление прецедентных имен в рубриках, посвященных местным событиям. Несмотря на то, что в заголовках используются в основном имена, имеющие значение локальной прецедентности (работники местного управленческого аппарата, руководители различных предприятий и организаций), их использование в заголовочных моделях приносит в первую очередь экспрессивный оттенок, так как связано с оценочным восприятием. Такие имена способствуют к побуждению необходимости выразить читательскую позицию по отношению не только к определенной личности, но и сфере общественных интересов, им представленную. А оценочное суждение создаваемое читателем, и выраженное с помощью прецедентного имени, не может быть нейтральным, оно всегда подчеркнуто эмоционально, несмотря на содержание материала. Крайне редко в заголовочных конструкциях можно встретить прецедентные имена всемирно известных общественно-политических деятелей (**Укр.**: *И. Сталин, В. Ленин, Б. Обама, Т. Блэр., Дж. Осаннж* и др.; **Бел.**: *И. Сталин, В. Путин, Г. Шредер, Елизавета II* и др.).

Выявленная нами специфика – активное использование в заголовках региональных украинских и белорусских печатных СМИ локальный прецедентных имен объясняется общей тенденцией современных газет – направленностью на диалог с читателем. Естественно, что установить контакт посредствам газетного материала проще всего через обращение к социально значимой и интересной теме. При этом использование именных прецедентных единиц позволяет обратить внимание читателя, заинтриговать его, привлечь к прочтению материала, обсуждению написанного. Кроме того, реализуется еще одна важная идеологическая задача газеты – консолидация общества, ибо прецедентным именем обозначается не только конкретная личность, но определенная сфера, которую он представляет, его коллеги, то есть набор социальных характеристик. Причем автору нет необходимости подробно описывать и знакомить с этими сферами социальной деятельности, они уже имеют образ, созданный практически каждым представителем определенного лингвокультурного сообщества.

Таким образом, проанализированный нами корпус журналистского материала позволяет выделить две ведущие тенденции в использовании прецедентных имен в заголовках современных региональных газет Украины и Беларуси: 1) относительно частотное включение прецедентных антропонимов в языковую конструкцию заголовков публицистических материалов, связанных с темами культуры и искусства; 2) активное употребление в заголовках местных газет региональных прецедентных имен, используемых для акцентирования внимания читателя на связи печатного текста с различными сферами деятельности.

Литература

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 287 с.

2. Кузьмицкая, Е.В. Прецедентные феномены в творчестве М.А. Кузмина : дис. … канд. филол. наук / Е.В. Кузьмицкая. – СПб., 2006. – 206 с.

3. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2008. – 624 с.

Л.В. Леванцэвіч
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: lewalena@mail.ru

УДК 81:39(476)(07)

СЕМАНТЫКА ІМЕНІ Ў МОЎНЫМ КАНТЭКСЦЕ

Ключавыя словы: *імя, семантыка, этымалогія, свецкае, царкоўнае, вытворныя імёны.*

У артыкуле аналізуецца семантыка імён Іна і Ніна. Вызначаецца іх паходжанне, этымалогія. Прыводзяцца размоўныя варыянты, свецкія і царкоўныя формы. Аналізуецца псіхалінгвістычнае значэнне гукаў імені.

L.V. Levantsevich
Brest State University of A.S. Pushkin

THE SEMANTICS OF THE NAME IN THE LANGUAGE CONTEXT

Key words: *name, semantics, etymology, secular, religious, derived names.*

The article analyzes the semantics of names Inna and Nina. It is determined by their origin, etymology. We give conversational options, secular and religious forms. Psycholinguistic analyzes the value of the name's sounds.

Імя абагульнена раскрывае нам асобу, паказваючы яе індывідуальны тып. У імені найбольш выразна ўгадваецца духоўная сутнасць асобы. Імя ёсць ядро асобы, яе сутнасць. Імя па бацьку падкрэслівае ў імені духоўную еднасць з бацькам, прозвішча – з родам. Імя не прыдумаеш, імёны, якія існуюць, найболей устойлівы і важнейшы факт культуры.

Крылатае ліцінскае выслоўе *Nomen est omen* абазначае *Імя – гэта знак (адзнака)*. Першае і самае істотнае праяўленне Я – гэта імя. У імені і іменем Я ўпершыню ставіць сябе аб'ектыўна перад самім сабою. Да імя чалавек яшчэ не чалавек ні для сябе, ні для іншых [5, 64].

Імя (іменаслоў) даследуюць такія навукоўцы, як У. Юрэвіч, А. Усціновіч, І. Яшкін, М. Бязлюдава, П. Глоба, М. Гарбанеўскі, Н. Іванова, У. Казакоў, А. Суслава, Л. Успенскі, М. Валошын, С. Налівайка і інш.

У артыкуле аналізуецца этымалогія і семантыка імён Іна і Ніна, робіцца спроба псіхалінгвістычнага аналізу носьбіта імені.

Аналіз слоўнікава-даведачнай літаратуры дазваляе патлумачыць і зразумець значэнне імені ***Іна***. Жаночае імя ***Іна*** паходзіць ад мужчынскага ***Іна***, якое зараз лічыцца старым і з'яўляецца рэдкім, а згодна з большасцю крыніц і зусім неўжывальным як мужчынскае. Вытворнымі імёнамі з'яўляюцца ***Інуся, Інка, Інуля, Інюта, Нюся***. Імя ёсць у балгарскай мове – ***Ина, Инна***; рускай – ***Инна***, украінскай – ***Іна***, японскай – ***Хаякава***. Ад мужчынскага імені ўтвораны прозвішчы *Інін, Інскі* [4, 100]. Л.У. Успенскі адзначае, што ў старадаўніх крыніцах імя ***Іна*** падаецца са значэннем 'бурлівая плынь'. З'яўляючыся мужчынскім іменем, такім, як Піна і Рыма, давалася ў XX ст. выключна жанчынам [3, 298].

Б.Ю. Хігір падае імя ***Іна***, 'якая плавае', як лацінскае.

А.В. Суперанская лічыць імя ***Іна*** скарачэннем ад імёнаў тыпу *Кацярына, Ангеліна, Інаслава, Івана*. Па паходжанні адносіць да паўднёваславянскіх [2, 316]. У "Словаре русских имён" аўтар падае формы ***Іна*** (*Ина*) і ***Інна*** (*Инна*) у розных слоўнікавых артыкулах: варыянт ***Інна*** А.В. Суперанская лічыць царкоўнай формай, а ***Іна*** – свецкай і адсылае гэтую форму да імён ***Інна*** (*Инна*) і ***Інеса*** (*Инесса*). *Инеса* – новае каляндарнае імя, якое суадносіцца з іспанскім імем *Інес* (варыянт імені *Агнеса*: паходзіць з грэчаскага *Агнес*/*Хагнес*: хагне 'чыстая, непарочная', з'яўляецца эпітэтам Арцеміды, Дземетры, Персефоны) [2, 316]. Сапраўды, некаторыя аўтары даведнікаў звязваюць імя ***Іна*** з *Інесай*: у слоўнікавых артыкулах ***Іна*** падаецца як вытворнае да *Інеса* [4, 100]. Хаця большасць даследчыкаў імені лічаць такую сувязь памылковай.

У. Юрэвіч адзначае, што імя ***Іна*** вельмі даўняе па свайму паходжанні. Спачатку яно было толькі мужчынскае, утворанае ад лацінскага выразу *ін-на*, што значыць адштурхоўвацца, каб плысці. Потым пачалі даваць яго і дзяўчынкам [7, 73].

У прааналізаваных крыніцах (слоўнікі і інтэрнет-сайты) паходжанне імя Іна выводзіцца з розным моў і падаецца розная этымалогія імені, але ўсе значэнні аб'ядноўваюцца стыхіяй "вада". Параўнаем: лацінскае – 'якая плавае', 'бурлівая, энергічная'; японскае – 'бурлівая плынь'; грэчаскае – 'плынь, якая бурліць'; германскае – 'моцная вада'; гоцкае – 'моцная вада', 'хуткая вада'. Першапачаткова мужчынскае імя зараз лічыцца толькі жаночым.

Святы ахоўнік ***Інна*** ўпамінаецца разам з *Рыммам* і *Піннам*. У праваслаўнай царкве памяць здзяйсняецца 2 лютага і 3 ліпеня (перанясенне мошчаў). У каталіцкім мартыролагу імёны гэтых святых адсутнічаюць. Згодна з Жыціем святых, *Рымма, Інна* і *Пінна* былі вучнямі апостала Андрэя Першазваннага і праводзілі хрысціянскую пропаведзь сярод язычнікаў у Малой Скіфіі, на сваёй радзіме. Мясцовыя ўлады схапілі іх і патрабавалі прынесці ахвяру язычніцкім багам. Святыя адмовіліся, за што былі замучаны зімою на рацэ (лічыцца на Дунаі). Па загадзе князя *Рымма, Інна* і *Пінна* былі прывязаны да тоўстых бярвёнаў і зімою ў люты мароз іх акуналі ў ледзяную ваду ракі. Вымучаныя сцюдзёнай вадою, святыя аддалі свае душы Госпаду. На думку прафесара Я.Я. Галубінскага, мучанікі папакутавалі ў Крыме, а горад Аліск, куды былі перанеслі іх мошчы, атаясамлівае з сучаснай Алуштай. Святыя належалі да земляробчых плямёнаў паўднёвых славян. У сербскім пралогу XII ст. іх імёны – *Енен, Нірэн* і *Пень*.

Паходжанне імён *Рымма* і *Пінна* таксама невядомае: *Рымма* тлумачыцца як 'кіданне', а *Пінна* як 'жамчужына'. Імя *Пінна* не прыжылося ўвогуле, хаця па-ранейшаму пішацца ў святцах. *Рыма*, як і ***Іна***, ужываецца як жаночае імя.

У свецкай літаратуры імёны падаюцца наступным чынам: А.В. Суперанская не падае імёнаў *Рыма* і *Піна*, а толькі ***Іна***; Л.У. Успенскі прыводзіць усе тры імені; у энцыклапедыі Б.Ю. Хігіра знаходзім імёны ***Іна*** і *Рыма*; А.К. Усціновіч падае ўсе тры імені, прычым як мужчынскую, так і жаночую формы. У слоўнікавым артыкуле пра жаночае імя як вытворную прыводзіць форму ***Іна***.

Пра імя мужчынскага роду *Рыма* аўтар адзначае, што яно вядома з XVI ст. (формы: Римко, Римути, Римуть, Рымути, Римутис, Рымдюк) [4, 164, 174].

У дзень шанавання Праваслаўнай царквой (2 лютага) святых мучанікаў *Інны*, *Пінны* і *Рыммы* існавалі наступныя прыметы: *Калі ў гэты дзень мяцеліца – уся масленіца мяцельная будзе; У поўдзень сонца – ранняя вясна; Іней у гэты дзень – да асенніх начных замаразкаў* [1, 66]. У наступны дзень ушанавання 3 ліпеня Т. Арцёмава называе толькі святога мучаніка ***Інну***. Існавалі такія прыметы: *Калі ў гэты дзень злавіць хоць адну перапёлку, гэта будзе прадказаннем удачлівага палявання на працягу года; У гэты дзень частыя грымоты; Калі ў гэты дзень выпадзе дождж, то ён будзе доўжыцца з перапынкамі на працягу 40 дзён* [1, 310]. Як бачым, народныя прыкметы ў асноўным таксама звязаны са стыхіяй “вада”.

Імя ***Інна*** ёсць да гэтага часу ў святцах, але як мужчынскае. У свяшчэннікаў розныя думкі на конт таго, ці можна хрысціць з гэтым іменем дзяўчынку. Звычайна пры хрышчэнні прапануецца іншае імя, бо хрысціць дзяўчынку мужчынскім імем у праваслаўнай царкве не прынята. У XX ст. (савецкі перыяд) імя ***Інна*** набыло распаўсюджанне, бо не было звязана з хрышчэнне. Нам усім цяпер добра вядомыя Іна Ліснянская (руская паэтэса), Іна Чурыкава (актрыса), Іна Макарава (актрыса), Іна Афанасьева (беларуская спявачка), Іна Ласоўская (лёгкаатлетка).

Магчыма, імёны не прыжыліся як мужчынскія, бо ўтвораны на мадэль жаночых, з канчаткам -а. Такі канчатак у імёнах мужчынскага роду лічыцца прастамоўным або памяншальным *Пуцяслаў – Пуцята*, *Міхаіл – Міша*. Каб быць засвоенымі як мужчынскія імёны, яны павінны былі памяняць форму (Інн, Рымм; Інній, Рыммій), але выглядалі б яны тады дзіўна. Таму імёны захавалі сваю першапачатковую форму, але памянялі род, ператварыўшыся ў жаночыя.

Даследчыкі знакам задыяку імені лічаць Цялец; планетаю – Месяц; лічба імені – 4; значэнне літар наступнае: І – вытанчанасць, рамантычнасць, імкненне да ідэалу, пошук мэты, практычнасць; Н – творчыя амбіцыі, зацікаўленасць здароўем, востры розум, высокая працаздольнасць, сімвал пратэсту (ніхто, нішто, нуль); А – пачатак, адраджэнне, сіла, улада, чысціня, камфорт; колерам лічыцца – лімонны, сіні з адценнем фіялетавага, матава-сіні. Каменем-талісманам імені лічыцца апал, раслінаю – лімон і кветка лімоннага дрэва; жывёлай – сабака дынга. Асноўнымі рысамі з’яўляюцца – інтэлектуальнасць, жыццелюбства, лёгкасць, энтузіязм, патрабавальнасць, самаўпэўненасць, імпульсіўнасць, упартасць. Значэнне імені ‘хуткая вада’, магчыма, наклала адбітак на характар носьбітаў імені. Таму яны энергічныя, як горная плынь.

Калі аналізаваць імя ***Інна*** па складах, то першы склад І мае значэнне ‘у нейкай ступені адлучанасць, няўпэўненасць; дыпламатычнасць як абарончая рэакцыя на грубасць’. НА мае значэнне ‘ўсякае паняцце маладосці і навізны, свежасці, грацыі, прыгажосці’ [5, 196].

Інна разумніца, уражвае блізкіх смелымі і арыгінальнымі рашэннямі і выказваннямі. Незалежная, мае сваю думку, да ўсяго ставіцца творча. Асенняя ***Інна*** не кар’ерыстка, аднак умее дабіцца поспехаў у выбранай прафесіі; валодае развітым пачуццём уласнай годнасці, што не дазваляе ёй рабіць што-небудзь абы-як; трохі марудная і не надта рашучая, так як мае добрыя намеры; лагодная і клапатлівая маці, багата ўвагі аддае дзецям; патрабавальная да сябе і да тых, хто побач.

Пры хрышчэнні ***Іне*** могуць даваць другое імя – *Ніна*.

Вытворныя формы імені – *Нінка, Нінуля, Нінуся, Нінуша, Ніка, Ніта.*

Імя ёсць у балгарскай мове – *Нина, Нинка*, англійскай, венгерскай, італьянскай, нямецкай, польскай і славацкай мовах – *Nina*, рускай – *Нина*, украінскай – *Ніна*, французскай – *Ninon, Ninette*. Грэчаскае *Ninos* – *Нін* – імя заснавальніка Асірыйскай дзяржавы і назва сталіцы Асірыі [4, 153; 8, 49].

Форма Ніна можа ўжывацца і як простая форма да імені *Нінель*: утварэнне пры адваротным чытанні прозвішча Ленін.

А.У. Суперанская выводзіць значэнне імя з грэчаскай (ад мужчынскага *Нін*), або італьянскай мовы і лічыць усечанай формай да *Джованнина* [2, 345].

Л.У. Успенскі лічыць імя грузінскім з нявызначаным значэннем [3, 307].

Б.Ю. Хігір таксама лічыць імя грузінскім і ў энцыклапедыі падае значэнне ‘юнацтва’ [6, 325].

У перакладзе з грузінскага імя абазначае ‘царыца’, з грэчаскага – ‘ласкавая’.

Ніна – імя пляменніцы іерусалімскага патрыярха Ювеналія, дзякуючы дзейнасці якой хрысціянства пачалося ў Грузіі. Святая ахоўніца Ніны – роўнаапостальная асветніца Грузіі. Прыйшла ў Грузію з Іерусаліма. Пропаведдзю і цудамі звярнула да Хрыста грузінскага цара разам з народам, пасля чаго хрысціла і ўвесь народ.

Імя з самага нараджэння дзіцяці ўздзейнічае на фарміраванне рысаў характару. Яны фарміруюцца пад уздзеяннем гукаў таго імені, якім штодзённа дзіця называюць. Імя з'яўляецца гукавым раздражняльнікам, які пэўным чынам узбуджае канкрэтныя ўчасткі мозгу. Кожны гук дае хвалевы імпульс, які ўздзейнічае на пэўны ген. А паколькі ў чалавека больш за сто якасцей характару абумоўлены генетычна, то людзі з аднолькавымі імёнамі часта маюць многа агульных рысаў.

Прымяняючы метад характарыстыкі чалавека па імені, імені па бацьку і месяцы нараджэння, можна вызначыць тып псіхалогіі чалавека, яго дзелавыя якасці і здольнасці, яго эмацыйны стан і прадказаць яго паводзіны ў розных сітуацыях. Калі гаварыць пра прааналізаваныя імёны, то больш верагодна, што дзяўчынка мае адзнакі і рысы характару ўласцівыя ***Іне***, а не *Ніне*.

Хаця даследчыкі і выводзяць паходжанне імені з розных моў (лацінскай, японскай, грэчаскай, германскай, гоцкай), аднак усе значэнні аб'ядноўваюцца паняццем "вада", а самі носьбіты імені энергічныя, як водная плынь.

Літаратура

1. Артёмова, А. Православный народный календарь / А. Артёмова. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 544 с.
2. Суперанская, А. В. Словарь русских имен / А. В. Суперанская. – Москва : Изд-во Эксмо, 2005. – 448 с.
3. Успенский, Л. В. Ты и твоё имя : Рассказы об именах / Л. В. Успенский. – Москва : Армада-пресс, 2002. – 320 с.
4. Усціновіч А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2011. – 240 с.
5. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский. – Москва : ООО "Издательство АСТ" : Харьков : "Фолио", 2003. – 330 с.
6. Хигир, Б. Ю. Полная энциклопедия имен: Женские имена / Б. Ю. Хигир. – Москва : ООО "Издательство Астрель" : ООО "Издательство АСТ", 2004. – 443 с.
7. Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое… : Дапам. для настаўнікаў / У. Юрэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 282 с.
8. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх імёнаў / І. Я. Яшкін. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 136 с.

А.А. Лукашанец
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі
e-mail: alukashanets@tut.by

УДК 811.161.3'37+811.161. 1'37

БЕЛАРУСКА-РУСКАЕ ДВУХМОЎЕ І ПРАБЛЕМЫ СУЧАСНАЙ ІМЕНАСЛОЎНАЙ ПРАКТЫКІ

Ключевые слова: *близкородственное двуязычие, имена собственные, межъязыковая интерференция, транслитерация, перевод, практическая транскрипция*

В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты современной белорусской именословной практики, обусловленные ситуацией официального близкородственного двуязычия и характером языковой компетенции двуязычного социума, и определяются спорные вопросы, касающиеся оформления документов на государственных белорусском и русском языках, а также транслитерации средствами латинского алфавита. Особое внимание уделяется особенностям соотношения принципов транслитерации, практической транскрипции и перевода белорусских собственных имен системами русской (кириллической) и латинской графики.

A.A. Lukashanets
The Center for Belorusian Culture, Language and Literature
Research of the National Academy of Sciences of Belarus

BELARUSIAN-RUSSIAN BILINGUALISM AND THE PROBLEMS OF THE MODERN PRACTICE OF NOMINATING

Key words: *closely related bilingualism, proper nouns, interlingual interference, transliteration, translation, practical transcription*

The article deals with some problematic aspects of modern Belarusian nomination practice due to the situation of official closely related bilingualism and the nature of the linguistic competence of a bilingual society, and with disputed issues regarding the paperwork with documents on the state Belarusian and Russian languages as well as transliteration using the Latin alphabet. Special attention is paid to the peculiarities of interrelationship of the principles of transliteration, practical transcription and translation of Belarusian proper names by means of the systems of the Russian (Cyrillic) and Latin script.

Сітуацыя дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя, якая прадугледжвае паралельнае функцыянаванне абедзвюх дзяржаўных моў ва ўсіх сферах афіцыйнага ўжытку, самым непасрэдным чынам закранае і сучасную іменаслоўную практыку. Больш таго, сфера афіцыйнай іменаслоўнай дзейнасці становіцца ў гэтых адносінах адной з самых праблемных і істотных, паколькі ў адпаведнасці з дзеючым у краіне заканадаўствам, запісы ў дакументах, якія сведчаць асобу (пашпартах), афармленне іншых разрадаў онімнай наменклатуры павінны абавязкова ажыццяўляцца на абедзвюх дзяржаўных мовах, а таксама перадавацца сродкамі лацінскага алфавіта. Разам з тым, менавіта сітуацыя блізкароднаснага двухмоўя, а таксама дыяпазон моўнай кампетэнцыі беларускага соцыуму параджае ў гэтай частцы моўнай дзейнасці шэраг спецыфічных праблем, а патрэбы сучаснай іменаслоўнай практыкі патрабуюць іх навуковага асэнсавання і практычнага ўпарадкавання.

Практыка паказвае, што сёння грамадзяне краіны рэгулярна сутыкаюцца з праблемамі, звязанымі з неадназначнасцю запісаў прозвішчаў, імён і імён па-бацьку ў розных дакументах як на адной мове (беларускай ці рускай), так і суадноснасцю іх адпаведнікаў у той ці іншай мове. Асобную праблему таксама складае запіс імён і прозвішчаў сродкамі лацінскага алфавіта. Многія з гэтых праблем звязаны менавіта з блізкароднасным характарам беларуска-рускага двухмоўя і адзінствам графічных сістэм дзяржаўных моў, што вымагае спецыфічных падыходаў да прынцыпаў транслітарацыі, а таксама з недасканаласцю існуючых сістэм транслітарацыі.

Напрыклад, сярод праблем названага кшталту, якія ўзнікаюць у сферы ідэнтыфікацыі прозвішчаў і ўласных імён у дакументах можна назваць наступныя.

1. Неадпаведнасць запісаў на адной з дзяржаўных моў. Найбольш частымі тут з’яўляюцца разыходжанні ў запісах прозвішчаў на рускай і беларускай мовах, якія абумоўлены:

1.1. Асаблівасцямі нацыянальнай арфаграфіі, што можа ўплываць на перадачу рускага прозвішча па-беларуску і, наадварот, беларускага прозвішча па-руску (рус. *Ковалёв* – бел. адназначна *Кавалёў*; рус. *Ковалев* – бел. *Кавалёў* ці *Ко́валеў*; рус. *Чувашёва* – бел. *Чувашова*, рус. *Чувашева* – бел. *Чувашова* ці *Чува́шава*; бел. *Воўк* – рус. *Волк* ці *Вовк*).

1.2. Уплывам беларускай мовы пры запісе беларускага прозвішча ці імені па-руску:

а) інтэрферэнцыяй (бел. *Капцялёў* – рус. *Коптелёв* і *Коптялёв*; бел. *Генадзій* – рус. *Генадий* і *Геннадий*; бел. *Паўтарака* – рус. *Полторака*, *Полторако*, *Павтарака*);

б) гіперкарэктнасцю: бел. *Кабак* – рус. *Кабак* і *Кобак*; бел. *Афанасьеўна* – рус. *Афанасьевна* і *Афонасьевна*; бел. *Таісія* (*Таіса*) – рус. *Таисия* (*Таиса*, *Таисса*); бел. *Дзіяна* – рус. *Диана* і *Дианна*); бел *Тэрэза* (разм. *Тарэса*) – рус. *Тереза* і *Терессa*.

1.3. Рознымі падыходамі (часта інтуітыўнымі) да запісу прозвішча графічнымі сродкамі іншай мовы: бел. *Даваль* – рус. *Даваль* (транслітарацыя) і *Доваль* (практычная транскрыпцыя); бел. *Кандрацкі* – рус. *Кандрацкий* (транслітарацыя з афармленнем фіналі ў адпаведнасці з нормамі рускай

мовы) і *Кондрацкий* (практычная транскрыпцыя з афармленнем фіналі ў адпаведнасці з нормамі рускай мовы); бел. *Радцэвіч* – рус. *Радцевич* (транслітарацыя) і *Родцевич* (практычная транскрыпцыя).

1.4. Атаясамліваннем розных варыянтаў беларускіх пашпартных імён (праваслаўных, каталіцкіх і народных) пры іх перадачы па-руску: бел. *Аляксандр* – рус. *Александр* і бел. *Алесь* – рус. *Александр* (замест *Алесь*); бел. *Іван* – рус. *Иван* і бел. *Ян* – рус. *Иван* (замест *Ян*), бел. *Анна* – рус. *Анна* і бел. *Ганна* – рус. *Анна* (замест *Ганна*) і г.д.

2. Адсутнасць адзінай сістэмы транслітарацыі онімнай наменклатуры сродкамі лацінскага алфавіта.

Нягледзячы на існуючыя нарматыўныя акты і дакументы, якія рэгламентуюць парадак прысваення найменняў геаграфічным аб'ектам і перадачу ўласных назваў па-беларуску, па-руску і сродкамі лацінскага алфавіта [6;7;8;10], на сённяшні дзень існуе пільная патрэба навуковага абгрунтавання прынцыпаў і ўніфікацыі іменаслоўнай практыкі ў краіне. Гэта абумоўлена: **а)** блізкароднасным характарам беларуска-рускага двухмоўя; **б)** асаблівасцямі моўнай кампетэнцыі сучаснага беларускага соцыуму; **в)** рознымі падыходамі да транслітарацыі беларуска- і рускамоўных уласных назваў сродкамі лацінскага алфавіта розных груп уласных назваў. Так, у адпаведнасці з Законам [6] "найменні геаграфічным аб'ектам прысвойваюцца на беларускай мове, з якой спосабам транслітарацыі перадаюцца на рускую мову… Правілы і спосабы перадачы найменняў геаграфічных аб'ектаў з беларускай мовы на рускую, з рускай мовы на беларускую, а таксама з беларускай і рускай моў на іншыя мовы вызначаюцца Дзяржаўным камітэтам па маёмасці Рэспублікі Беларусь". Аднак пры гэтым паралельна дзейнічаюць розныя афіцыйна зацверджаныя сістэмы транслітарацыі розных груп уласных найменняў з беларускай (рускай) мовы сродкамі лацінскага алфавіта [7;8;10]. Больш таго, вядомы і даступны для карыстальнікаў і іншыя сістэмы транслітарацыі [1;2;3;4]. Разыходжанні ў перадачы сродкамі лацінскага алфавіта асобных беларускіх літар адлюстраваны ў табліцы 1.

Табліца 1. Разыходжанні ў сістэмах транслітарцыі літар беларускага алфавіта

Літары бел. алфавіта	Сістэмы транслітарацыі								
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
Г	h,g	h	g	g	h	h	h	h	**g**
Дж	j			dž	dž	dž	dz̆h	dzh	
Дз	dz			dz	dz	dz	dz	dz	
Е	ie,ye,e	je,ie	ie,je	e	je,ie	je,ie,e	e	ye	**ie,je**
Ё	yo,io	jo,io	io,jo	ë	jo,io	jo,io,o	io	yo	**io,jo**
Ж	zh	ž	zh	ž	ž	ž	z̆h	zh	**ž**
Й	i,y,-	j	j	j	j	j,ji	ĭ	y	**j**
Ў	u	ŭ	w	ŭ	ú	ŭ	ŭ	w	**ŭ**
Х	kh	ch	kh	h	ch	ch	kh	kh	**h**
Ц	ts	c	ts	c	c	c	ts	ts	**c**
Ч	ch	č	ch	č	č	č	ch	ch	**č**
Ш	sh	š	sh	š	š	š	sh	sh	**š**
Ю	yu,iu	ju,iu	ju,iu	û	ju,iu	iu,ju,u	iû	yu	**ju,iu**
Я	ya,ia	ja,ia	ja,ia	â	ja/ia	ia,ja,a	iâ	ya	**ja,ia**

1 – МДЛУ 1994 [9]; **2** – Інструкцыя 2007 [8]; **3** – Інструкцыя 2008 [7]; **4** – ISO 9 [1]; **5** – NSR [4]; **6** – Łacinka [2]; **7** – ALA-LC [3]; **8** – BGN/PCGN [**5**]; **9** – прапанаваны варыянт адзінай універсальнай сістэмы транслітарацыі.

Усё гэта ставіць перад сучаснай іменаслоўнай практыкай у Рэспубліцы Беларусь дзве асноўныя праблемы.

1. Неабходнасць выпрацоўкі сістэмных падыходаў да перадачы беларускіх назваў па-руску і рускіх – па-беларуску, паколькі блізкароднасны характар суіснуючых моў і агульнасць графічных сістэм не дазваляюць паслядоўна прымяняць агульны прынцып транслітарацыі.

На наш погляд, названыя вышэй дзве асаблівасці, а таксама спецыфіка моўнай кампетэнцыі сучаснага беларускага соцыуму (здольнасць успрымаць і ацэньваць беларуска- і рускамоўныя запісы ўласных імён і прозвішчаў, а таксама найменняў геаграфічных аб'ектаў з пазіцыі беларускай і рускай арфаграфіі) абумоўліваюць мэтазгоднасць прымянення ў гэтай сферы моўнай дзейнасці ў якасці асноўных прынцыпаў траслітарацыі і практычнай транскрыпцыі (транслітарацыі з улікам нацыянальнай арфаграфіі і асаблівасцей граматычнага афармлення асобных класаў лексікі), а таксама элементаў перакладу. Пры гэтым суадносіны названых прынцыпаў для розных груп онімнай лексікі павінны быць рознымі, што вымагае распрацоўкі дэталёвага алгарытму перадачы беларускіх уласных назваў па-руску і рускіх – па-беларуску.

1.1. Пры перадачы прозвішчаў графічнымі сродкамі іншай блізкароднаснай мовы вядучым, несумненна, з'яўляецца прынцып практычнай транскрыпцыі: бел. *Жыткевіч* – рус. *Житкевич*, *Ермалінская – Ермолинская*, *Трафімовіч – Трофимович*, *Канапацкі – Конопацкий*, *Шпакоўскі – Шпаковский*, *Кавальскі – Ковальский*; рус. *Скворцов* – бел. *Скварцоў*, *Николаев – Нікалаеў*, *Волков – Волкаў*. У шэрагу падобных выпадкаў дапушчальнымі з'яўляюцца два варыянты запісу: бел. *Трафімовіч* – рус. *Трофимович* (практычная транскрыпцыя) і *Трафимович* (транлітарацыя), бел. *Канапацкі* – рус. *Конопацкий* і *Канапацкий*. З пункту гледжання сучаснай рускай арфаграфіі дапушчальнымі з'яўляюцца абодва варыянты, аднак для калектыўнай моўнай свядомасці больш прымальным, як уяўляецца, выступае менавіта варыянт *Трофимович* і *Конопацкий* (ненаціскному беларускаму "а" ў рускай мове, як правіла, адпавядае "о"). Трэба адразу адзначыць, што ў афіцыйнай практыцы такая варыянтнасць недапушчальная, таму вельмі актуальнай з'яўляецца праблема стварэння поўнага рэестра беларуска-рускіх адпаведнікаў прозвішчаў.

1.2. Запісы ўласных імёнаў у дакументах на абедзвюх дзяржаўных мовах павінны грунтавацца выключна на прынцыпе практычнай транскрыпцыі (бел *Сцяпан* – рус . *Степан*, *Філіп – Филипп*; *Марыя – Мария*, *Таццяна – Татьяна*, *Яўгенія – Евгения*), а таксама ў шэрагу выпадкаў улічваць традыцыю паралельнага функцыянавання беларуска-рускіх адпаведнікаў імён, якая склалася гістарычна (бел. *Уладзімір* – рус. *Владимир*, *Мікалай – Николай*, *Мікита – Никита*, *Рыгор – Григорий*; *Ганна – Анна*, *Настасся – Анастасия*, *Кацярына – Екатерина*). У дадзеным выпадку варта дапускаць больш шырокае прымяненне практычнай транскрыпцыі і ўводзіць у афіцыйны ўжытак транслітараваныя формы нацыянальных імён: бел. *Анатоль* – рус. *Анатоль* (параўн. рус. *Анатоль Франс*), *Рыгор – Рыгор*, *Мікалай – Миколай*, *Мікіта – Микита*; *Ганна – Ганна*, *Кацярына – Катерина*, *Настасся – Настасья*, а таксама рус. *Григорий* – бел. *Грыгорый*, *Николай – Нікалай*, *Никита – Нікіта*, *Анна – Анна*, *Екатерина – Екацярына*, *Елизавета – Елізавета*, *Анастасия – Анастасія*. У такім выпадку беларускі нацыянальны афіцыйны антрапанімікон істотна пашыраецца за кошт павелічэння радоў суадносных праваслаўных, каталіцкіх і народных беларускіх імён [9;11].

1.3. Перадача сродкамі нацыянальнага алфавіта геаграфічных назваў блізкароднаснай мовы таксама павінна грунтавацца на прынцыпе практычнай транскрыпцыі, але ў шэрагу выпадкаў дапускаць літаральны пераклад. Напрыклад, у сучасным беларускім моўным кантынууме лічым абсалютна недапушчальнымі найменні рус. *улица Будавников*, *Беларуская*, *Всходняя*, *Чигуначная*, а таксама бел. *вуліца Васточная*, *Страіцелей*, *Белоруская*, *Жалезнадарожная* і г.д. Такія назвы двухмоўнымі грамадзянамі Беларусі будуць адназначна ацэньвацца як памылковыя, якія супярэчаць нормам беларускага і рускага правапісу.

2. Неабходнасць уніфікацыі сістэмы транслітарацыі беларускіх (рускіх) уласных найменняў сродкамі лацінскай графікі. Зразумела, што ў дадзеным выпадку павінен паслядоўна прымяняцца прынцып транслітарацыі. Праблема, аднак, заключаецца ў тым, што зараз у розных сферах дзейнасці паралельна выкарыстоўваюцца адрозныя сістэмы транслітарацыі (пры

афармленні пашпартоў – МДЛУ 1994 [9]; пры ўключэнні персанальных даных у рэгістр насельніцтва – Інструкцыя 2008 [7]; пры транслітарацыі геаграфічных назваў – Інструкцыя 2007 [8]). Такое становішча апраўдваецца працэсам станаўлення нацыянальнай сістэмы транслітарацыі, але не можа быць прызнана здавальняючым для моўнай практыкі. Таму вельмі актуальнай з'яўляецца задача выпрацоўкі адзінай універсальнай сістэмы транслітарацыі, якая б грунтавалася на нацыянальнай традыцыі, улічвала асаблівасці нацыянальнай графікі і фанетыкі і найбольш адпавядала міжнародным стандартам (ISO), а таксама яе паслядоўнае і строгае прымяненне ва ўсіх сферах іменаслоўнай практыкі. Магчымы варыянт такой сістэмы прапанаваны ў табліцы 1 (гл. слупок 9). Сутнасць прапанаваных удакладненняў у існуючыя сістэмы транслітарацыі зводзіцца да наступнага:

а) паслядоўная перадача беларускага "г" лацінскай літарай "g", паколькі кірылічнае "г" звычайна атаясамліваецца з лацінскім [g]. Акрамя таго, у такім выпадку лацінскае "h" "вызваляецца" для абазначэння беларускага "х".

б) выкарыстанне надрадковых значкоў для перадачы асобных літар беларускага алфавіта (ж – ž, ч – č, ш – š, ў – ŭ), а таксама надрадковага значка (´) для абазначэння мяккасці зычных, што ў цэлым адпавядае нацыянальнай традыцыі выкарыстання лацінкі і нормам ISO.

в) выкарыстанне спалучэнняў гукаў для перадачы ётаваных галосных літар беларускага алфавіта, што дазваляе паказаць асаблівасці беларускага вымаўлення (е – je,ie, ё – jo,io, ю – ju,iu, я – ja,ia).

Як уяўляецца, прапанаваныя падыходы дазволяць уніфікаваць перадачу сістэмы беларускіх уласных найменняў сродкамі беларускай і рускай графікі і іх транслітарацыю сродкамі лацінскага алфавіта, а таксама аптымізаваць сучасную іменаслоўную практыку.

Літаратура

1. Information and documentation – Transliteration of Cyrillic characters into Latin characters – Slavic and non-Slavic languages. International Organization for Standardization, 1995 (http://www.iso.ch).

2. Łacinka is a traditional Latin-script form of Belarusian. This version is based on the orthographic reform of the late 1930s formally established in a book on Belarusian orthography – Jazep Losik: Biełaruski pravapis, Minsk 1943.

3. Romanization Tables: Transliteration Schemes for Non-Roman Scripts. Randal K. Berry (ed.). Library of Congress, 1997.

4. The official National System of Romanization, approved by the Government Committee on Land Resources, Geodesy and Cartography in 2000.

5. United States Board on Geographic Names and the Permanent Committee on Geographical Names for British Official Use.

6. Закон Рэспублікі Беларусь "Аб найменнях геаграфічных аб'ектаў" 16 лістапада 2010 г. № 190-З (Зарэгістравана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 22 лістапада 2010 г. № 2/1742).

7. Інструкцыя па транслітарацыі прозвішчаў і ўласных імён грамадзян Рэспублікі Беларусь пры ўключэнні іх персанальных даных у рэгістр насельніцтва" (Пастанова Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь 09.10.2009 № 288).

8. Пастанова Дзяржаўнага камітэта па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі Рэспублікі Беларусь 23лістапада 2000 г. № 15 (у рэд. пастаноў Дзяржкаммаёмасці ад 11.06.2007 № 38).

9. Суднік, М.Р. Слоўнік асабовых уласных імён / уклад. М.Р. Суднік. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мн.: Бел. навука, 2005. – 176 с.

10. Справаздача па навукова-даследчай рабоце "Выпрацоўка канцэпцыі сістэмы перадачы і распрацоўка правілааў перадачы прозвішчаў і імён з беларускай мовы на англійскую мову". – Мінск, 1994 (рукапіс).

11. Усціновіч, А.К. Слоўнік асабовых уласных імён / А.К. Усціновіч. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

С.В. Мартынкевіч
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: svetlana_mrt@mail.ru

УДК 811.161.3’276.6:070

ПРЭЦЭДЭНТНАЕ ІМЯ Ў ГАЗЕТНЫМ ДРУКУ (на матэрыяле газеты “Звязда”)

Ключавыя словы: *публіцыстычны тэкст, прэцэдэнтны феномен, прэцэдэнтнае імя, функцыі прэцэдэнтных тэкстаў, імёны-сімвалы.*

У артыкуле разглядаюцца функцыі прэцэдэнтных імён ў публіцыстычных тэкстах, уласнае імя апісваецца як элемент загалоўка. Вызначаецца роля прэцэдэнтных імёнаў ў вырашэнні камунікатыўнай задачы аўтара. На аснове фактычнага матэрыялу публікацый газеты “Звязда”, якая выдаецца на беларускай мове, даследуюцца выкарыстаныя прэцэдэнтныя імёны і іх паходжанне.

Svetlana Martynkevich
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

PRECEDENTIAL NAME IN NEWSPAPERS (on the material of the newspaper "Zvezda")

Key words: *journalistic text, precedential phenomenon, precedential name, the function of precedential texts, the names-symbols.*

The article deals with the description of the function of precedential names used in journalistic texts. The proper name as a part of the headline is studied. The role of precedential names used for solving the problem of the author’s communicative task is defined. The basis of precedential names used in the republican editions is revealed on the material of the articles of Belarusian newspaper ‘Zvezda’.

Увага навукоўцаў да моўнай асобы суправаджаецца павышанай цікавасцю даследчыкаў да феноменаў, якія вызначаюцца ў навуковай літаратуры як прэцэдэнтныя. Яны вызначаюцца знакамі “другога ўзроўню” і належаць да эмацыйнай і пазнавальнай базы індывіда пэўнай сацыякультурнай прасторы.

Пісьмовая форма маўлення найбольш трывала замацавана ў сродках масавай інфармацыі, якім як грамадскаму агітатару і прапагандысту ўласцівы кніжна-літаратурная манера выкладу: ужыванне кніжнай лексікі і фразеалогіі, ускладненасць сінтаксічнага ладу, разгорнутыя параўнанні. У сучасным газетным тэксце назіраецца актыўнае ўзаемадзеянне кніжных і гутарковых моўных элементаў. Асаблівае месца ў моўнай разнастайнасці належыць прэцэдэнтным феноменам, якія ў газетным радку разам з асноўнымі функцыямі – ацэначнай, мадэлюючай, прагматычнай, рэалізуюць і іншыя спецыфічныя функцыі, да ліку якіх адносяцца парольная, што дапамагае аўтару і адрасату адчуць агульнасць інтарэсаў; эўфемістычная, што дазваляе змякчыць катэгарычнасць выказвання, выкласці думку ў больш карэктнай форме. Прэцэдэнтныя феномены вылучаюць пэўны тэкст сярод іншых, робяць яго прыцягальным, інтрыгуюць патэнцыйнага чытача, уплываюць на яго чытацкі выбар. Чалавек з'яўляецца адначасова індывідуальнай і калектыўнай моўнай асобай, належаць да пэўнай сацыяльнай групы. З улікам гэтага газетныя тэксты ўтрымліваюць розныя па ступені распаўсюджанасці прэцэдэнтныя феномены: “універсальна-прэцэдэнтныя, вядомыя любому сучаснаму індывіду; соцыумна-прэцэдэнтныя, якія вядомыя любому сярэдняму прадстаўніку таго ці іншага соцыума; нацыянальна-прэцэдэнтныя, якія вядомы любому прадстаўніку пэўнай лінгвакультурнай супольнасці” [3, 174]. У свядомасці чытача замацаваны індывідуальныя, сацыяльна-групавыя і нацыянальна-культурныя значэнні пэўных моўных адзінак, што вызначаюць яго інтарэсы, прыхільнасці, у адпаведнасці з чым ён аддае перавагу тэкстам, якія ў сучаснай інфармацыйнай прасторы дастаткова прадстаўлены сродкамі масавай інфармацыі.

Згодна з сучаснай канцэпцыяй прэцэдэнтнасці размяжоўваюцца наступныя віды прэцэдэнтных феноменаў: прэцэдэнтныя імёны, прэцэдэнтныя выказванні, прэцэдэнтныя тэксты і прэцэдэнтныя сітуацыі (Д.В Багаева, Д.Б Гудкоў, І.В. Захаранка, В.В. Красных і інш.). Прэцэдэнтны тэкст – закончаны і самастойны прадукт маўленчай дзейнасці, прэдыкатыўная адзінка, да ліку якіх належаць творы мастацкай літаратуры, тэксты песень, рэкламы. Прэцэдэнтнае выказванне – закончаная і самастойная адзінка, якая можа быць або не быць прэдыкатыўнай, як, напрыклад, цытаты з тэкстаў рознага характару, прыказкі і інш. Прэцэдэнтная сітуацыя – свайго роду эталонная, паказальная сітуацыя, звязаная з наборам пэўных канатацый. Прэцэдэнтнае імя – гэта ўласнае імя, звязанае ці з прэцэдэнтным тэкстам або з прэцэдэнтнай сітуацыяй, якое ўспрымаецца як складаны знак з наборам дыферэнцыяльных прыкмет дадзенага імені, яно можа складацца з аднаго або больш элементаў, абазначаючы пры гэтым адно паняцце.

Розныя тыпы прэцэдэнтных тэкстаў, якія выкарыстоўваюцца на старонках газеты “Звязда”, дапамагаюць адрасату сфарміраваць чытацкую ацэнку. Прэцэдэнтны тэкст спрыяе эканоміі газетнай прасторы і прыцягненню ўвагі чытача да ключавых момантаў грамадскага жыцця. Выбар таго ці іншага тыпу прэцэдэнтных тэкстаў можа быць прадыктаваны жанрам публікацыі, патрабаваннямі да аб’ёму матэрыялу і яго стылістыкі. Прэцэдэнтныя тэксты служаць своеасаблівай падказкай пра ўзроставыя і інтэлектуальныя асаблівасці аўтараў, наяўнасць у іх пачуцця гумару, такту і моўнага густу. Яны дазваляюць суадносіць мінулае і сучаснасць, убачыць дынаміку жыцця, пашыраюць кругагляд і развіваюць мастацкі густ. Іх выкарыстанне дазваляе ствараць арыгінальныя прыёмы выкладу матэрыялу, якія дапамагаюць аўтару найбольш эфектыўна дасягнуць камунікатыўнай мэты. Метафарычнае выкарыстанне ўласных імёнаў дазваляе параўноўваць асобасныя якасці розных герояў, праводзіць паралелі ў іх дзейнасці, поглядах, разам з гэтым выражаць адносіны аўтара і аказваць эмацыйнае ўздзеянне на чытача. Ужыванне прэцэдэнтных імёнаў вядзе за сабой адсылку да якой-небудзь значнай з'явы, падзеі або асобы і з’яўляецца спецыяльным прыёмам прыцягнення ўвагі адрасата.

Прэцэдэнтныя імёны, якія выкарыстоўваюцца ў газетных тэкстах, часцей за ўсё з’яўляюцца індывідуальнымі імёнамі, якія звязаны ці з вядомымі творамі, што часцей за ўсё таксама адносяцца да прэцэдэнтных (*Бандароўна, Гражына, Абломаў, Тарас Бульба*і інш.); ці з прэцэдэнтнай сітуацыяй, вядомай носьбітам маўлення (*Іван Сусанін, Калумб* і інш.). Пэўную колькаць складаюць імёны-сімвалы, якія характарызуюцца эталоннай сукупнасцю пэўных якасцей (напрыклад, *Моцарт, Ламаносаў*).

Найбольш часта прэцэдэнтныя імёны выкарыстоўваюцца як элемент загалоўкаў газетных артыкулаў. Газетны загаловак з’яўляецца свайго роду караткая і выразная “анатацыя” да зместу артыкула. Мэтай камунікацыі аўтара газетнага артыкула і чытача з'яўляецца не толькі перадача асноўнай інфармацыі, але і фарміраванне ў чытача пэўных уяўленняў, асацыяцый, з дапамогай якіх аўтар можа аказаць значнае ўздзеянне і паўплываць на яго эмацыйны стан. Часцей за ўсё для дасягнення такога эфекту ў назвах выкарыстоўваюцца арыгінальныя ці трансфармаваныя прэцэдэнтныя імёны, вядомыя шырокаму колу чытачоў.

Як паказаў аналіз фактычнага матэрыялу, крыніцамі прэцэдэнтных імёнаў з’яўляюцца імёны сапраўдных сацыяльна-гістарычных асоб, герояў з твораў розных відаў мастацтва, рэлігійных і фальклорных тэкстаў.

Найбольшую распаўсюджанасць маюць імёны канкрэтных гістарычных асоб. Напрыклад, артыкул *“**Нобель** наш”* (“Звязда”, 31.12.2015) расказвае пра ўручэнне Нобелеўскай прэміі беларускай пісьменніцы С.Алексеевіч. Артыкул з загалоўкам *“Да **Нобеля** і **Карлсана**!”* (“Звязда”, 13.02.2008) расказвае пра паездку студэнтаў Белдзяржуніверсітэта ў Швецыю. Выкарыстанне гэтых прэцэдэнтных імёнаў (вядомы швецкі вучоны ***Альфрэд Нобель***, заснавальнік Нобелеўскай прэміі, якая праводзіцца ў Стакгольме, ***Карлсан*** – літаратурны герой, створаны швецкай пісьменніцай Астрыд Лінгрэд) ўказвае на паведамленне пра разнастайнасць экскурсійнай праграмы.

Матэрыялы пра сустрэчу прыхільнікаў паэзіі К.Сіманава падаюцца пад назвай “Узгадваючы савецкага ***Хемінгуэя***” (“Звязда” 02.12.2015). К. Сіманаў адкрыў тэму экзістэнцыяналізму ў літаратуры, паказаў чалавека, які знаходзіцца паміж жыццём і смерцю, так жа, як і псіхалагічна

тонка паказваў гэта ў сваіх творах Э. Хемінгуэй. Паралелі, праведзеныя паміж двума пісьменнікамі, выклікаюць цікавасць да іх літаратурнай спадчыны.

Артыкул "***Высоцкі*** па-беларуску" ("Звязда", 02.12.2015) распавядае пра прэзентацыю зборніка паэзіі "Пра жыццё, пра волю, пра сябе" на беларускай мове. Назва выступае своеасаблівым прадказальнікам зместу – імя У. Высоцкага заўсёды сімвалізавала свабодалюбства, таму чытач можа адразу зразумець характар вершаў, змешчаных у выданні.

Так, пры ўжыванні імя ***Мона Ліза*** адразу ўзгадваецца скамітая карціна Леанарда да Вінчы. Аўтар артыкула *"Сем нявестаў ад слесара Абрамчука, альбо Знайсці сваю* ***Мону Лізу****!"* ("Звязда" 27.03.2008) ужывае гэтае прэцэдэнтнае імя як элемент загалоўка да артыкула пра шматдзетную сям'ю слесара Абрамчука, у якой нарадзілася сем дачок. Аднак згаданае сімвалічнае імя – гэта абагаўленне маці, услаўленне яе подзвігу.

Тыповымі з'яўляюцца загалоўкі з прамым указаннем на асобу. Напрыклад, выкарыстоўваючы ўласнае імя ў загалоўку *"Гэты бязлітасны* ***Альцгеймер****"* ("Звязда" 16.12.2015) аўтар прыцягвае ўвагу да звестак пра новыя сродкі лячэння дэменцыі – захворвання, якое шырока вядома як хвароба Альцгеймера. У тэксце "Гэты неўміручы ***Вій***" ("Звязда" 12.12.2015) апавядаецца пра чарговую тэатральную пастаноўку па знакамітай аповесці М.В. Гогаля.

Выкарыстанне ў загалоўках і змесце артыкулаў праблемнага характару імёнаў міфічных істот, казачных герояў надае матэрыялам саркастычны характар.*"Ці патрэбна нам "азбука* ***Бабы Ягі****"?"* ("Звязда" 23.12.2009) – пытанне, вынесенае ў загаловак артыкула, які закранае праблемы дашкольнай адукацыі. У артыкуле пад назвай *"Сустрэча з дзедам* ***Зімнікам*** і *бабай* ***Завірухай***" ("Звязда" 11.12.2015) ідзе размовапра культурна-турыстычны праект, які распачаў сваю дзейнасць напярэдадні Новага года. Выкарыстанне прэцэдэнтных імёнаў *Зімнік* і *Завіруха*, якія запазычаны з беларускага фальклору, надаюць матэрыялам адметнасць, нацыянальны каларыт, з'яўляюцца прыцягальным элементам для чытача. На думку Ю.М. Караулава, такія прэцэдэнтныя імёны можна назваць хрэстаматыйнымі.

Такім чынам, выкарыстанне прэцэдэнтных імёнаў у газеце "Звязда" дапамагае выконваць публіцыстычнаму тэксту адну з асноўных яго задач – прыцягненне ўвагі да яго зместу. Зыходзячы з азначэння асноўнай функцыі прэцэдэнтных імёнаў – функцыі ўздзеяння, і мэты публіцыстыкі – уплыў на свядомасць чытача, прыцягненне ўвагі да найбольш значных падзей грамадскага жыцця краіны, можна зрабіць выснову пра тое, што выкарыстанне прэцэдэнтных імёнаў з'яўляецца адным з дасканалых сродкаў "рэкламнасці" артыкулаў. Арганічнае спалучэнне лаканічнасці і экспрэсіі дасягаецца ў большасці выпадкаў менавіта трапнаму выкарыстанню ўласных прэцэдэнтных імёнаў ў матэрыялах, у якіх адлюстроўваецца палітычнае, сацыяльнае і культурнае жыццё. Частотнасць ўключэння прэцэдэнтных тэкстаў і прэцэдэнтных імёнаў у матэрыялы газеты "Звязда", пэўным чынам звязана з узроўнем прафесіяналізму журналістаў. Паколькі прэцэдэнтныя тэксты апелююць да агульных, фонавых ведаў, прэцэдэнтныя імёны, якія выкарыстоўваюцца аўтарамі – агульнавядомыя. У меншай ступені прадстаўлены асобы, якія з'яўляюцца нацыянальнымі героямі. Таму з мэтай фарміравання нацыянальнага светабачання, улічваючы ментальнасць беларускага грамадства, варта шырэй выкарыстоўваць элементы нацыянальнай культурнай прасторы – славутыя імёны прадстаўнікоў беларускага народа. У такім выпадку найбольш поўна будзе рэалізоўвацца інфармацыйная функцыя публіцыстычнага маўлення, а разам з гэтым будзе адбывацца і фарміраванне нацыянальнай сістэмы каштоўнасцей народа.

Літаратура

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 228 с.

2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

3. Красных, В. В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 175 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : vk. com/doc 280125750_421473546 ? hash:и – Дата доступа : 03.01.2016.

С.В. Пухначёва
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: duimovo4k@mail.ru

МУЖСКОЙ ИМЕНОСЛОВ Г. МОГИЛЕВА НАЧАЛА XXI В.: СООТНОШЕНИЕ КАЛЕНДАРНЫХ И НЕКАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН

Ключевые слова: *именослов, календарное имя, некалендарное имя, средний коэффициент одноименности (СКО), частые имена, редкие имена, единичные имена.*

В статье осуществляется исследование соотношения календарных и некалендарных имен в мужской антропонимной подсистеме г. Могилева нач. XXI в. Рассматривается динамика календарных имен, состав некалендарного именослова современного г. Могилева с точки зрения происхождения. Выявляются канонические и неканонические варианты календарных имен.

S. V. Pukhnachyova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

MEN'S LIST OF NAMES OF MOGILEV AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: RATIO OF CALENDAR AND NOT CALENDAR NAMES

Key words: *list of names, calendar names, not calendar names, the average coefficient of the same name, frequent names, rare names, individual names.*

The article is devoted to the research a ratio of calendar and not calendar names in men's list of names of Mogilev at the beggining of the XXI century. The dynamics of calendar names, a structure of not calendar of the list of names of modern Mogilev from the point of view of origin are observed. Canonical and not canonical variants of calendar names are shown.

Календарное имя (агиографическое имя) – в русской традиции имя, взятое из церковного календаря (святцев), где именами канонизированных святых перечислены по месяцам и дням их празднования [2]. Некалендарное имя – имя вне крестного календаря, не связанное с именем определенного святого, в том числе дохристианское имя, прозвищное имя, новое имя [2].

Антропонимикон г. Могилева включает две группы имен – христианские и нехристианские. Из 22270 представленных в книгах записи актов гражданского состояния города Могилева носителей личных имен 20797 названы христианскими (календарными) мужскими именами, таким образом, календарный именослов составляет 93 % от общего количества личных имен, а нехристианские имена составляют – 7 %.

Репертуар канонических антропонимов 2000-х гг. весьма разнообразен: для именования 20797 мальчиков было использовано 124 имени.

Используя методику В.Д. Бондалетова, делением числа имяносителей (20797 чел.) на количество имен (124) получаем средний коэффициент одноименности (СКО), он равен 168 [1].

Все календарные имена условно можно разделить на следующие группы: *с высокой активностью употребления* (или *частые,* к ним относятся имена с числом носителей, равным или превышающим СКО), *со средней активностью* (или *редкие* – это имена с числом носителей меньшим, чем СКО), *с низкой активностью* (это имя, которым назван лишь один ребенок).

Имена с числом носителей 168 и более относим к именам с высокой активностью употребления. Их оказалось 26, они обслуживают в этот период 18411 человека, что составляет 83% всех новорожденных. К ним относятся: *Никита, Владислав, Артем, Александр, Иван, Максим, Дмитрий, Даниил, Кирилл, Илья, Егор, Алексей, Роман, Павел, Евгений, Андрей, Антон, Матвей, Денис, Арсений, Тимофей, Глеб, Михаил, Сергей, Вадим, Ярослав, Владимир, Богдан, Константин, Нико-*

лай. Следует отметить, что такие имена, как *Александр, Владислав, Артем, Иван,* на протяжении всего десятилетия удерживали лидирующие позиции.

Группа имен со средней активностью включает 73 антропонима, носителями их выступают 2365 человек, что составляет 11%. В нее входят такие имена, как *Владимир, Богдан, Константин, Николай, Вячеслав, Захар, Игорь, Юрий, Олег, Степан, Виталий, Виктор, Назар, Ян, Герман, Георгий, Федор, Валерий, Марк, Давид, Леонид, Савелий, Родион, Ростислав, Валентин, Макар, Василий, Всеволод, Игнат, Петр, Анатолий, Артемий, Елисей, Ренат, Святослав, Григорий, Семен, Борис, Лев, Филипп, Тихон, Платон, Мирон, Вениамин, Гордей, Геннадий, Яков, Ефим, Трофим, Эльдар, Никон, Аким, Серафим, Прохор, Архип, Стефан, Антоний, Климентий, Савва, Аркадий, Влас, Игнатий, Рувим, Самуил, Тарас, Харитон, Адриан, Афанасий, Валериан, Еремей, Иннокентий, Ким, Клим, Остап, Терентий, Устин, Юлиан.*

К именам с низкой активностью относятся *Авраам, Алексий, Анастасий, Антип, Елеазар, Ермил, Ермолай, Ефрем, Захарий, Илларион, Иоанн, Иосиф, Исмаил, Лаврентий, Лукьян, Митрофан, Никодим, Панкратий, Пантелеймон, Потап.*

Носителями некалендарных имен в период с 01.01.2000 по 31.12.2010 года явились 1473 человека. Разных имен у них 235. Из чего можем сделать вывод, что некалендарные имена более разнообразны по своему составу.

Некалендарными именами названо всего 7% носителей личных имен. Некалендарные имена в сравнении с календарными более разнообразны по своему составу. В основном в них входят имена единичной употребляемости: *Авенир, Александр-Томас, Альберт-Николос, Ариан-Брэндэн, Виктор-Даниил, Алекс, Гапал, Гарри, Дан, Дэвидсын, Заур, Зидан, Клементин, Кристиан, Миккель, Нурлан, Рауф, Сейф* и др.

Имена, входящие в состав некалендарного именослова современного г. Могилева, разнообразны по своему происхождению. Среди них выделяются *искусственные, идеалогизированные имена* (личные имена, бытующие в языках народов бывшего СССР, например в русском, татарском и украинском языках, появившиеся после Октябрьской революции 1917 года в период расцвета в Советском Союзе моды на неологизмы и аббревиатуры [3]), а также *имена-гипокористики*.

Группу идеалогизированных имен составляют имена *Дамир* (от лозунгов «**Да**ёшь **ми**ровую **р**еволюцию!», «**Да** здравствует **ми**ровая **р**еволюция» или «**Да** здравствует **мир**»), *Владлен* (сокращение от имени и фамилии **Влад**имир **Лен**ин), *Вилен* (сокращение от **В**ладимир **И**льич **Лен**ин).

Особо выделяется достаточно многочисленная группа искусственных имен, например, *Кэрол Лорройн, Натан Патрик, Николас Мартин, Майк Дмитрий, Сандей, Камеледдин, Бачуки, Вачико.* Такие имена-гипокористики, как *Данила* (разг. к Даниил), *Леон* (разг. к Леонтий), *Макс* (разг. к Максим), *Ник* (как сокращение от Доминик, Николай, Никита, Никодим, Никифор), *Алик* (как сокращение от полного имени Анатолий, Альберт, Александр, Алефтин, Альфред, Алексей и др.) и др.

Календарные личные имена начала XXI в. представлены различными разновидностями – как каноническими, так и неканоническими. Среди них можно выделить группу антропонимов с одной формой употребления. Каноническим вариантом представлено 5 имен (*Артем – Артемий, Антон – Антоний, Игнат – Игнатий, Алексей – Алексий, Захар – Захарий).* Неканоническим вариантом – *Михаил – Михаэль, Максим – Макс, Арсений – Арсентий, Давид – Давыд, Самуил – Самуэль.* Все эти канонические варианты имен, за исключением варианта *Артемий*, относятся к группе имен с низкой активностью употребления.

Двумя вариантами – каноническим и неканоническим – представлено имя *Степан – Стефан, Стэфан.* Двумя неканоническими вариантами календарных имен представлено имя *Денис – Дэнис, Дэннис.*

Пять неканонических вариантов зафиксировано у одного имени *Даниил – Данила, Даниэль, Даниель, Даниел, Данил.*

Все варианты имен этой группы не относятся к числу частотных.

Таким образом, данные исследованного материала свидетельствуют, что в г. Могилеве начала XXI в. наблюдается преобладание неканонических вариантов имен над канончиескими.

Литература

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

2. Мезенко, А. М. Проблемы имянаречения: программно-методический комплекс по спецсеминару для студентов дневной и заочной форм обучения / А. М. Мезенко; УО "Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова". – Витебск : Изд-во УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2004. – 34 с.

3. Суперанская, А.В. Новые имена / А.В. Суперанская, А.В. Суслова // О русских именах. – СПб., 1997. – С.157-176.

4. Православные имена мальчиков: значение имени и календарь именин / Православие и мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravmir.ru/muzhskie-pravoslavnye imena/#_Toc251694627. – Дата доступа : 24.12.2015.

Н.А. Родина
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
e-mail: esperance84@mail.ru

УДК 811.161.1’373.232(038)

МОЛОДЕЖНЫЙ СОЦИУМ КАК СРЕДА БЫТОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩ

Ключевые слова: *прозвища, молодежь, молодежный социум, детство, детский коллектив, социализация, неформальная коммуникация.*

В статье впервые осуществляется исследование молодежного социума в качестве среды бытования такого типа неформальных индивидуальных идентификаторов, как современные прозвища. Выделяются возрастные подгруппы молодежи и детей. Описываемое сообщество характеризуется с социологической, психологической и лингвистической точек зрения.

N.A. Rodina
Academy Army Air Defense Armed Forcesofthe Russian Federation
of Marshalof the Soviet Union A.M. Vasilevsky

YOUTH SOCIETY AS AN ENVIRONMENT OF AN EXISTING OF MODERN NICKNAMES

Key words: *nicknames,youth, youth society, childhood, children collective, socialization, informal communication.*

In the article research of youth society as the environment of an existing of such informal individual identifiers, as modern nicknames is for the first time carried out. Age subgroups of youth and children are allocated. The described community is characterized from the sociological, psychological and linguistic points of view.

В настоящее время в языкознании все большую популярность приобретает антропоцентрический подход к изучению того или иного явления, то есть в центре исследования находится человек, личность. Проникая во все сферы знания, антропоцентрический подход ярко проявляется в науке о языке, так как одна из основных его (языка) функций – коммуникативная, а в частности – маркирующая человека в обществе. И одним из важных маркеров являются такие языковые средства, как антропонимы – официальные и неофициальные, выделяющие личность в социуме, определяющие его как индивидуальную языковую личность. Неофициальные идентификаторы – прозвища, псевдонимы, никнеймы характеризуют личность с разных сторон в неформальной, бытовой коммуникации.

На примере анализа прозвищ различных возрастных групп появляется возможность проследить за формированием личности в процессе ее социализации, особенностями развития у человека коммуникативных качеств, в частности – использования прозвищ в соответствии с правилами культуры речи и внутренней культурой личности.

Одно из полных определений понятия «молодежь» предложил еще советский социолог В.Т. Лисовский: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции». Эта группа людей, переживающих период становления социальной зрелости, вхождения в мир взрослых, адаптацию к нему и будущего его обновления. Нижняя возрастная граница – 14 лет – определяется тем, что в этот период наступает физическая зрелость и открывается доступ к трудовой деятельности. Верхней – 30 лет – является возраст предполагаемого достижения профессиональной и общественной стабильности, создание семьи [4, 14 – 16].

Помимо этого, необходимо рассмотреть понятие детства, которое социологи определяют как период жизни человека, характеризующийся первичной социализацией (главным образом, семейной). Период детства строго ограничен фиксированными социальными рамками, однако с развитием социологии и, в частности, историко-социального анализа, границы детства менялись: верхние были расширены от 5 до 18 лет, нижние – от момента зачатия до двухлетнего возраста. Согласно федеральному закону «Об основных гарантиях по защите прав ребенка» и Конвенции ООН о правах ребенка, в России детство узаконено в рамках 0–18 лет [6, 276 – 277].

Как видим, в целом возрастные рамки детства и молодежи совмещаются, пересекаясь, и показывают, что молодежь – переходная стадия от мира детства к миру взрослых, на которой молодое поколение переживает этап социализации, усваивая выработанные обществом и различными группами нормы, ценности, установки, представления и стереотипы (в том числе, и языковые) [8].

Одним из средств социализации является развитие речевой культуры человека, культуры общения в социуме, в которой большую роль играет номинирование человека неформальными идентификаторами.

Однако еще до 14 лет маленький человек уже начинает социализироваться, испытывает влияние коллектива, функционирующего по определенным правилам. Находясь среди сверстников и других детей, ребенок приобретает разнообразные знания о фактах, явлениях, событиях социальной жизни, о человеческих взаимоотношениях. У него формируются представления о том, что хорошо и что плохо. Но информация, которой он располагает, может носить субъективный характер и далеко не всегда соответствовать объективному знанию[3, 30].

Детское общество является базой для того, чтобы ребенок комфортно для себя начал адаптироваться в социуме. В зависимости от наполнения отношений ребенок-взрослый и ребенок-ребенок, а такжеот складывающегося микроклимата в коллективе у детей активизируются определенные личностные качества, возникает потребность в формировании новых качеств.

И в детском коллективе для становления и органичного развития в нем личности «маленького человека» прозвища также имеют немаловажное значение. Они определяют отношениек ребенку других детей и взрослых и показывают обратную связь – отношение ребенка к окружающим.

Динамика бытования прозвищ в разных возрастных группах является определенным показателем социализации, в частности – овладения молодым человеком культурой речи, развития культуры личности, потому что социализация и есть проявление этих общих требований.

Неотъемлемый инструмент социализации – коммуникация – не представляется возможной без языкового общения. Молодежный язык или сленг является интереснейшим лингвистическим феноменом, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, но и социальными, временными, пространственными рамками. Он бытует в общей среде городской учащейся молодежи и в отдельных узких коллективах школьников и студентов. В сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его породил [1].

Сленг являет собой не просто способ самовыражения определенной группы людей, но и является инструментом двойного отстранения. И если людическая функция, то есть функция, которая выражается в стремлении к особенности, привлекательности языковой формы, в карнавализа-

ции речи, языковой игре, как показал историк и культуролог Хейзинга[7, 284], свойственна человеку вообще, то молодому человеку она свойственна тем более. Эти «опознавательные знаки» часто существуют на уровне отдельных сленговых слов, частично с которыми связаны и прозвища, несущие в себе оценочность. Однако стоит помнить, что сленг дает оценку фактам действительности, а прозвище – конкретному человеку. Соответственно, условно прозвища можно включить в молодежный сленг как динамично функционирующий языковой пласт. Прозвища как неформальный идентификатор человека принимают активное участие в процессе социализации и индивидуализации, выделяя носителя прозвища на фоне коллектива по каким-либо признакам, а также отражая степень эрудированности, сферу интересов и иные особенности человека, таким образом именовавшего носителя. Прозвища существуют по тем же законам, что и молодежный сленг. Они появляются под воздействием молодежных субкультур, рекламы, кинематографа, музыки, компьютерной и интернет-терминологии и пр. Подчиняясь грамматике современного русского языка, они изменяются и встраиваются в предложения, подобно другим именам собственным. Социум задает тенденции образования прозвищ, равно как и тенденцию к использованию сленга.

Вопросы бытования языковых средств в обществе рассматривает социолингвистика. Известный исследователь Е.Д. Поливанов, основоположник социолингвистики в России, не рассматривает прозвища учащихся, но отмечает особые обращения учащихся друг к другу, что является ценным наблюдением для исследователя этой функции прозвищ. В статье «О блатном языке учащихся и о «славянском» языке революции» есть материал об именах нарицательных, которые, вполне вероятно, уже бытовали как прозвища в школьной среде. Е.Д. Поливанов обращает внимание на жаргоны, рассказывая об их истоках, причинах возникновения, функциях, указывает на то, что это важная часть языка и речи, заимствованная из групповых диалектов в общелитературный лексикон [5, 161 – 172].

Л.П. Крысин, считает, что литературный язык, изменяясь, впитывает в себя все ценное из других языковых сфер, в том числе – из сленга. Для того чтобы выполнять функции, ранее присущие жаргонам, ему требуются инструменты – жаргонизмы и прочие элементы, «экспортируемые» в литературный язык. Также важна для литературизации жаргонной лексики и существующая тенденция к исчезновению нелитературных форм языка как таковых – под влиянием социальных изменений «исчезают отчужденность, обособленность групп, но дифференциация общества на слои и группы, разумеется, остается» [2, 37]. Следовательно, прозвища можно считать своего рода социально-лингвистическим регулятором в общении молодежи или другой прослойки общества, обладающей собственным языком, стремящимся к слиянию с литературным. Однако, к сожалению, работ по социолингвистике, посвященных изучению вопроса бытования именно прозвищ, нет.

Таким образом, социальная среда бытования молодежных и детских прозвищ с одной стороны, свидетельствует об их вхождении в молодежный сленг, а с другой стороны, указывает на их специфичность в рамках жаргонной лексики.

Литература

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование[Текст] / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3.1. – С. 32 – 41.

2. Крысин, Л. П. Язык в современном обществе [Текст] / Л. П. Крысин : Книга для учащихся. – М.: ООО ТИД «Русское слово – РС», 2008. – 208 с.

3. Леонтьев, А. А. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. А. Леонтьев. – М., 1975. – 304 с.

4. Лисовский В.Т. Социология молодежи / В.Т. Лисовский: Учебное пособие. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 361 с.

5. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание [Текст] / Е.Д. Поливанов. Издание 2-е. – Смоленск, 2003. – 208 с.

6. Социологическая энциклопедия [Текст]. – В 2 т. – Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – 694 с.

7. Хейзинга Й. HomoLudens: Статьи поистории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильверстова. – Традиция, 1997. – 416 с.

8. ШустоваВ.В., ГриценкоН.Е.Социально-психологическая адаптация молодежи и отношение к социальным нормам / Н.Е. Гриценко, В.В. Шустова // Психологический журнал. – № 1. – М. : Наука, 2007.

Н.О. Свистун
Тернопільський національний педагогічний університет
імені Володимира Гнатюка
e-mail: nina-s77@ukr.net

УДК 81’373.231

ДИНАМІКА МАЛОВЖИВАНИХ ЧОЛОВІЧИХ ОСОБОВИХ ІМЕН М. ТЕРНОПОЛЯ (УКРАЇНА) У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХХ СТОЛІТТЯ

Ключевые слова: *антропоним, именни́к, личное имя, малораспространённые и наименее распространённые имена, мужские имена.*

В статье анализируются малораспространённые и наименее распространённые мужские имена г. Тернополя (Украина) во II пол. XX в.: основа стабильных имён, изменения в составе малораспространённых и наименее распространённых мужских имён, сохранение класических и появление нових имён, не функционирующих раньше, частота употребления на протяжении десятилетий.

N.O. Svystun
Ternopil National Pedagogical University
named by Volodymyr Hnatiuk

DYNAMICS OF THE LEAST USED MALE PERSONAL NAMES OF TERNOPIL (UKRAINE) IN THE SECOND PART OF THE XX CENTURY

Key words: *anthroponym, noun, proper name, little and the least-used names, male names.*

Little and the least-used male names of Ternopil (Ukraine) region of the second part of the XX century, core of the stable names, changes in content of little and the least-used male names, saving of classic names and appearance of new ones, which were not in use earlier, the frequency of application, are analyzed in this article.

Власні особові імена як своєрідна частина лексичного складу мови є цінним джерелом для різноманітних аспектів мовознавчих досліджень. Антропонімійна система динамічна. Вона, як зазначає В. Д. Бондалетов, рухома не лише в діахронічному плані (змінюється склад імен), а й у синхронічному (імена, вживані в конкретний період життя мови, взаємопов’язані між собою) [1, 92]. Об’єктом нашої праці стали маловживані чоловічі особові імена ІІ пол. ХХ ст. Джерелом дослідження послужили списки та журнали видачі свідоцтв про народження Тернопільського міського загсу (тепер – міський відділ реєстрації актів цивільного стану Тернопільського міського управління юстиції). Вивчення антропонімікону за даними актових записів та журналів видачі свідоцтв про народження дозволив уперше виявити організацію іменника́ м. Тернополя, його статистичну структуру, темпи та причини оновлення, особливості функціонування імен.

Для досягнення мети застосовуємо такі основні методи, як описовий, статистичний (шляхом суцільної вибірки імен за кожним десятиліттям), використовуються також елементи зіставної методики. У статті залучаємо методику хронологічних зрізів та кількісно-якісний метод, запроваджені ще В.Д. Бондалетовим. Методика хронологічних зрізів полягає в тому, що імена розділені на групи, так звані хронологічні зрізи за десятками років. До кількісно-якісного методу вдаємося для визначення широковживаних та маловживаних імен. Для цього кількість носіїв кожного досліджуваного року (зрізу) ділиться на кількість імен. Одержане число, заокруглене до цілого, є середнім коефіцієнтом однойменності (СКО). Імена з кількістю носіїв, що дорівнює СКО і вище – широковживані, нижче СКО – маловживані. Ми у своїй праці аналізуємо саме маловживані чоловічі імена. Суцільне дослідження особових імен певної території, здійснене протягом тривалого часу, уможливлює виявлення діахронічних змін іменника́ певної території та основні тенденції, що діють при цьому.

Відомо, що в процесі історичного розвитку змінюється суспільно-економічний, політичний стан, що накладає певний відбиток і на антропоніміку, зокрема на власні імена. Одні імена можуть з'являтися, інші – зникати, в одних може збільшуватися коло вживання, в інших – звужуватися, може змінюватися і соціальний аспект вживання власних імен. «Такі явища, – зазначає М.Л. Худаш, – є звичайними атрибутами еволюції даної ділянки мовної дійсності і до якихось кардинальних зрушень у системі власних імен не приводять, а становлять важливий предмет наукового зацікавлення» [2, 150].

Маловживаними вважаємо імена з кількістю носіїв нижче середнього коефіцієнта однойменності. Ділимо їх на дві групи: маловживані і найменш уживані. До першої зараховуємо імена з кількістю носіїв нижче середнього коефіцієнта однойменності, а до другої групи маловживаних імен відносимо імена з кількістю носіїв не більше трьох (найменш уживані).

У групі маловживаних за досліджуваний період побувало 37 чоловічих особових імен. Ці імена можна поділити на дві групи:

1) імена, які коли-небудь перебували вище статусу маловживаних (частотний десяток найуживаніших імен, широковживані нижче десятка);

2) імена, які ніколи не входили в групу широковживаних.

У 1950 році налічується 11 маловживаних імен, носіями яких є 80 новонароджених хлопчиків, що становить 16,06% від усіх новонароджених хлопчиків цього періоду*: Богдан* (10 носіїв), *В'ячеслав* (5), *Геннадій* (10), *Євген (8), Любомир (7), Михайло (4), Орест (8), Павло (10), Петро (8), Руслан (4), Ярослав (6).* Із них 7 імен на деяких зрізах входили в групу частих (найуживаніших або широковживаних): *Богдан, Любомир, Михайло, Павло, Петро, Руслан, Ярослав* та 4 імені, які ніколи не підвищували свого статусу: *В'ячеслав, Геннадій, Євген, Орест.*

У наступному зрізі (1960-ті рр.) побутувало 7 маловживаних імен: *Валентин (4 носії), Валерій (7), Віталій (7), Дмитро (7), Орест (4), Павло (4), Ростислав (5),* носіями яких було 38 новонароджених хлопчиків (питома вага 6,84%). Порівняно з минулим десятиліттям іменни́к маловживаних імен оновився майже повністю. Зокрема, він збагатився за рахунок імен *Валентин, Валерій, Віталій, Дмитро, Ростислав.* Другий рік поспіль у числі маловживаних імен продовжують функціонувати *Орест і Павло,* змінивши лише кількість носіїв. Імена *Валерій, Віталій, Дмитро,* Ростислав упродовж досліджуваного періоду змінювали свій статус, покращуючи свої позиції, а ім'я *Валентин* ніколи не піднімалося вище рівня маловживаних імен.

У ІІІ зрізі (70-ті рр.) зафіксовано 13 імен, носіями яких виявилося 136 новонароджених хлопчиків (питома вага 12,89%). Цей зріз представлений таким списком маловживаних антропонімів: *Богдан* (15 носіїв*), Борис* (6), *Вадим* (6), *Валерій* (11), *Євгеній* 2 /*Євген* 11 (13), *Іван* (10)*, Костянтин* (7), *Олексій* (11), *Павло* (10), *Петро* (16), *Ростислав* (8), Тарас (9), Ярослав (14).

Цікавим є вживання імені *Богдан.* Цей антропонім протягом досліджуваного періоду змінював свої позиції, перебуваючи у різному статусі, проте повертався до числа маловживаних імен. Із поданих антропонімів лише латинське за походженням ім'я *Костянтин* жодного разу не піднімалося вище рівня маловживаних, решта імен покращувало позиції, змінюючи лише кількість носіїв.

У IV зрізі (80-ті рр.) трапилося 16 імен, носіями яких стали 195 новонароджених хлопчиків, що становить 11,74% від усіх новонароджених хлопчиків цього періоду. Набір маловживаних імен цього періоду такий: *Анатолій (16 носіїв), Богдан* (16), *Валерій* (12), *Григорій* (5), *Денис* (8), *Євген* 6/*Євгеній* 2 (8), *Костянтин* (7), *Леонід* (5), *Любомир* (5), *Максим* (10), *Назар* 5/ *Назарій* 1 (6), *Олексій* (11), *Павло* (20), *Петро* (25), *Степан* (16), *Ярослав* (25). Із перелічених лише два імені ніколи не піднімалися вище рівня маловживаних. Це грецькі імена *Григорій* та *Леонід,* які функціонували протягом півстоліття, перебуваючи в числі рідкісних та одиничних (ім'я Леонід взагалі відсутнє у 2000 році).

У 1990 році трапилося 15 імен. Їх носіями виявилося 137 новонароджених, що становить 6,9% від кількості усіх новонароджених хлопчиків цього періоду. Репертуар маловживаних імен такий*: Анатолій* (12 носіїв), *Антон* (12), *Артем* (13), *Артур* (10), *Денис* (7), *Євген/Євгеній* (16), *Костянтин/Костянтин/Констянтин* (8), *Олексій* (7), *Ростислав* (14), *Святослав* (14), *Станіслав*

(9), *Степан* (15). Список маловживаних імен поповнився іменем *Антон.* Іменни́к поступово збагачується за рахунок слов'янських імен-композитів *Святослав, Станіслав.* До антропонімних неологізмів можна віднести кельтське *Артур*. Жодне з цих імен не підвищувало свого статусу і не перебувало вище маловживаних імен.

У 2000 році трапилося 20 імен, носіями яких виявилося 207 новонароджених хлопчиків цього періоду, що становить 12,89% від усіх новонароджених хлопчиків кінця століття: *Анатолій* (18 носіїв), *Антон* (18), *Артем* (13), *Артур* (16), *Борис* (6), *Валентин* (12), *Данило/Даниїл* (8), *Едуард/Едвард* (11), *Євген* (11), *Ілля* (8), *Костянтин* (12), *Олексій* (14), *Орест* (6), *Петро* (12), *Руслан* (14), *Святослав* (7), *Станіслав* (13), *Степан* (8). Кінець століття відзначився появою серед маловживаних таких імен, як *Артем, Данило/Даниїл, Едуард/Едвард, Ілля,* що ніколи не перебували вище статусу маловживаних імен.

Таким чином, можна виокремити імена, які в різний період входили в групу частих, в тому числі й до першого десятка найуживаніших імен, і ті, що ніколи не покращували місця в іменнику́, тобто не піднімалися вище статусу маловживаних. Із 37 маловживаних імен 21 – колинебудь перебувало у центральній частині іменника́, 16 – ніколи не підвищували статусу і не піднімалися вище маловживаних.

В іменнику́ м. Тернополя серед маловживаних можна виділити наскрізні імена, які майже постійно функціонували протягом досліджуваного періоду. Так, у всіх зрізах, крім другого (1960-ті рр.), спостерігаємо ім'я *Євгеній/Євген,* крім перших двох (1950-1960-ті рр.), – *Олексій*, крім останніх двох (1990-2000 рр.), – *Павло,* які лише змінюють кількість носіїв, крім другого і п'ятого (1960-ті рр., 1990-ті рр.), – *Петро.* У трьох зрізах перебували такі імена: *Анатолій* (IV-VI, 1980-2000 рр.), *Богдан* (I, III-IV, 1950, 1970, 1980 рр.), *Валерій* (II, III, IV, 1960-1980 рр.), *Костянтин/Констянтин* (III,V,VI, 1970, 1990-2000 рр.), *Орест* (I,II, VI, 1950-1960, 2000 рр.), *Ростислав* (II, III, V, 1960-1970, 1990), *Степан* (останні три зрізи – 1980-2000 рр.), *Ярослав* (I, III, IV, 1950, 1970-1980 рр.).

У двох зрізах функціонують імена *Антон, Артем, Артур* (останні два можна віднести до антропонімних неологізмів (V, VI зрізи, 1990-2000 рр.), *Борис* (III, VI, 1970-2000 рр.), *Валентин* (II, VI, 1960, 2000 рр.), *Денис* (IV-V, 1980-1990-ті рр.), *Любомир* (I, IV, 1950, 1980 рр.), *Руслан* (I, VI, 1950, 2000 рр.), композити *Святослав, Станіслав* (в останніх двох, 1990-2000 рр.). Лише по одному разу перебували у статусі маловживаних за досліджуваний період такі імена: *Вадим* (III, 1970), *Віталій* (II, 1960), *В'ячеслав* (I, 1950), *Геннадій* (I, 1950), *Григорій* (IV, 1980), *Данило* (VI, 2000), *Дмитро* (II, 1960), *Едуард/Едвард* (VI, 2000), *Іван* (III, 1970), *Ілля* (VI, 2000), *Леонід, Максим* (IV, 1980), *Михайло* (I, 1950), *Назар/Назарій* (IV, 1980), *Тарас* (III, 1970).

Другу групу маловживаних імен складають найменш уживані, кількість носіїв яких не перевищує одного, двох, трьох, зрідка чотирьох носіїв. Проте більшість із цих імен у той чи інший рік досліджуваного періоду піднімалися до групи власне-маловживаних, кількість носіїв яких нижча середнього коефіцієнта однойменності, бували навіть в центральній частині іменника́ (серед широковживаних і найуживаніших), хоча деякі з них трапляються дуже рідко.

У 1950 році серед найменш уживаних перебувало 15 імен, носіями яких виявився 21 новонароджений хлопчик, що становить 4,21% від усієї кількості новонароджених чоловічої статі: *Андрей* (3 носії), *Владислав* (1), *Григорий* 1, *Григорій* 1 (2), *Дмитрий* (2), *Зеновий* (2), *Йосиф* (1), *Казимир* (1), *Леонид* (1), *Марян* (1), *Мирон* (1), *Мирослав* (2), *Ростислав* (1), *Святослав* (1), *Станіслав* (1), *Стефан* (1).

У 1960 році трапилося 30 найменш уживаних імен. Їх носіями стали 49 хлопчиків-українців, що становить 8,82% від усіх новонароджених хлопчиків цього періоду. Порівняно з минулим десятиліттям групу найменш уживаних поповнили такі імена: *Борислов* (напевно, так записано слов'янський композит *Борислав*) (1 носій), *В'ячеслав* (1), *Геннадій* (3), *Георгій* (3), *Едуард* (1), *Євгеній/Євген* (3), *Кирило* (1), *Костянтин* (3), *Остап* (1), *Руслан* (1), *Тарас* (1), *Теодор* (1), *Юліян/Юліан* (2), *Яків* (3).

У 1970 році зафіксовано 22 імені, носіями яких виявився 51 новонароджений хлопчик, що становить 4,83% від усіх новонароджених хлопчиків цього періоду. У цьому десятилітті до

вказаної підгрупи імен додалися: *Андріан/Андріян* (2 носії), *Арсен* (2), *Артур* (3), *Валентин* (4), *Всеволод* (1), *Любомир* (3), *Максим* (1), *Орест* (4).

У 1980 році трапилося 19 найменш уживаних імен, носіями яких стали 29 новонароджених хлопчиків, тобто 1,74% від усіх новонароджених цього десятиліття. Список найменш уживаних імен поповнили такі імена: *Антон* (2 носії), *Артем* (2), *Борис* (3), *Вадим* (1), *Семен* (1), *Устим* (1).

У 1990 році трапилося 26 найменш уживаних імен, носіями яких стали 65 новонароджених хлопчиків цього десятиліття, що становить 3,27% від кількості усіх новонароджених хлопчиків цього періоду. Додалися в групу у цьому десятилітті імена *Іван* (4 носії) та *Тимофій* (1).

У 2000 році виявилося 17, а з варіантами 18 найменш уживаних імен, носіями яких стали 44 новонароджених хлопчиків (питома вага 2,74%). До списку найменш уживаних імен додалися *Борислав* (1 носій), *Валерій* (5), *Нестор* (1).

Отже, синхронічний та діахронічний аналізи, маючи різні предмети дослідження в межах одного об'єкта – мови або котрогось її елемента, – доповнюють один одного та дають змогу простежити і сучасний стан іменника́, і його зміни в процесі історичного розвитку. Функціонування власних назв підпорядковане не лише мовним законам, а й залежить від різних позалінгвістичних чинників – соціально-історичних, культурних та юридичних закономірностей. Пропонована у статті методика дослідження особових імен може стати основою для подальших подібних праць та дослідницьких зацікавлень науковців.

Література

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов – М : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Худаш М. Л. З історії української антропонімії / М. Л. Худаш. – К. : Наукова думка, 1977. – 236 с.

Г.К. Семянькова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

УДК 811.161.3'373.232.1(476.5)

УПЛЫЎ ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЫ НА СКЛАД СУЧАСНЫХ ПРОЗВІШЧАЎ

Ключавыя словы: *антрапанімікон, антрапонім, прозвішча, словаўтваральны тып, трансанімізацыя.*

Артыкул прысвечаны аналізу ўплыву дыялектнай мовы (лексічных адзінак, прынцыпаў намінацыі, словаўтваральных тыпаў) на склад сучасных прозвішчаў жыхароў Віцебскай вобласці.

На Віцебшчыне пры ўтварэнні прозвішчаў нярэдка выкарыстоўваліся не агульнаўжывальныя, а менавіта вузкарэгіянальныя, дыялектныя адзінкі, якія характарызуюць чалавека па родзе заняткаў, знешніх і ўнутраных якасцях. Акрамя гэтага, пераважная большасць прозвішчаў, якія супадаюць з апелятыўнымі назоўнікамі, мае ў сваім складзе фіналі, прадуктыўныя ў жывой народнай мове, што не з'яўляецца выпадковым: працэс фарміравання прозвішчаў падпарадкоўваўся традыцыям і законам, уласцівым дыялектнай мове. Сучасныя ж прозвішчы ілюструюць вынікі дзеяння гэтых законаў.

H.K. Semiankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE IMPACT OF THE DIALECTIC LANGUAGE ON THE STRUCTURE OF CONTEMPORARY SURNAMES

Key words: *anthroponymicon, anthroponym, surname, word-formation type, transonymization.*

The article deals with the analysis of the dialectic language (lexical units, nomination principles, word-formation types) and its impact on the structure of contemporary surnames of Vitebsk region residents.

In Vitebsk region the surnames have been formed with a help of not generally used units but the regional ones called dialectic which describe a person's profession, personality and appearance. Besides this, the majority of the surnames which coincide which the appellative nouns have the finals in their structure that are productive in modern folk speech, which can'be regarded as occasional: the process of surnames formation is regulated by the traditions and laws describing the dialectic language. Contemporary surnames illustrate the effect of these laws functioning.

У артыкуле адлюстроўваецца ўплыў мясцовых гаворак на склад сучасных прозвішчаў жыхароў Віцебскай вобласці.

Матэрыялам для даследавання паслужылі антрапонімы, сабраныя аўтарам у Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці і яго занальных архівах у Полацку, Глыбокім, Оршы, падчас лінгвістычных экспедыцый, а таксама з тэлефонных даведнікаў абанентаў раённых вузлоў сувязі.

Анімічныя асновы часам утрымліваюць лексічныя адзінкі, што выйшлі з сучаснай беларускай мовы, але захаваліся ў складзе прозвішчаў. Як вядома, прозвішчы ў большай ступені, чым іншыя антрапанімныя найменні, захоўваюць звесткі пра старажытны стан мовы, у іх адлюстроўваюцца асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры народа. Не выпадкова М.В. Бірыла назваў адапелятыўныя прозвішчы “люстэркам, у якім адбілася ... гісторыя развіцця лексічнай сістэмы мовы” [1, 3], звярнуў увагу на тое, што частка прозвішчаўтваральных асноў захавала звесткі з агульнаславянскай эпохі, “пры гэтым адны з асноў у апелятыўнай лексіцы беларускай мовы існуюць і зараз, а другія да нашых дзён або не дайшлі, або, магчыма, жывуць дзенебудзь у дыялектах, але ... нам яны невядомы... Антрапанімія, такім чынам, закансервавала пэўную частку лексем, якія не захавала мова, і дае надзвычай каштоўны матэрыял для гістарычнай лексікалогіі і этымалогіі” [1,3].

Асновы значнай колькасці прозвішчаў суадносяцца з зафіксаванымі ў лексікаграфічных крыніцах дыялектнымі словамі, якія характарызуюць асобу па фізічных, псіхічных ці іншых асаблівасцях. Разгледзім асобныя прыклады: прозвішча *Апівала* – параўн. з апелятывам *апівайла* ‘п’яніца’ [2]; *Агурэнь – агурэнь* абл. зневаж. ‘абібок, гультай’ [2]; *Аўчар – аўчар* ‘авечы пастух’ [2]; *Аўчыннікаў – аўчыннік* ‘гарбар’ [2]; *Буднік – буднік* ‘смалакур’ [5]; *Галганаў – галган* абл. зневаж. ‘бесталковы, асталоп, дурань’ [2]; *Стрый – стрый* ‘дзядзька’ [2]; *Сукрысты – сукрысты* рэг. ‘кучаравы’ [2]; *Скрабатун – скрабатун* абл. ‘той, хто шоргае нагамі пры хадзе’[2].

Шэраг прозвішчаў утрымлівае дыялектныя словы, што з’яўляюцца фаўністычнымі або фларыстычнымі найменнямі, назвамі прадметаў быту, абутку, адзення: *Рынкевіч* – параўн.: *рынка* ‘скаварада на ножках з доўгай ручкай’ [2]; *Шлапак – шлапаке* ‘шлёпанцы’ [2], укр. ‘дрэнны абутак’ [1]; *Гіль* – дыял. *гіль* ‘снягір’ [2]; *Шчамель* – абл. *шчамель* ‘чмель’ [2]; *Сныткін – сні(ы)тка* ‘від травы’ [2]; *Масленік – масленік* ‘масляк’ [3]; *Путра – путра* рэг. ‘кіслая каша’, ‘каша з жытняй мукі’, ‘нясмачная, дрэнна прыгатаваная страва’, рус. ‘пойла з мукі’, ‘праборка, наганяй’, ‘поліўка з рознай агародніны’ і інш. [1].

На Віцебшчыне надзвычай распаўсюджаны першасныя прозвішчы, якія заканчваюцца на *-ка/-ко* тыпу *Хрулько, Цапко, Шышко, Надзежка, Папко, Сняжко, Сячко*. Прычыны высокай частотнасці названых адзінак могуць быць наступныя:

1) тып на *-ка/-ко* папулярны ў дыялектнай мове, дзе ўтварае: а) аддзеяслоўныя назоўнікі па занятку, прафесіі асобы, схільнасці да названага дзеяння (часта з экспрэсіяй непахвальнасці) [4, 46]: параўн. зафіксаванае намі прозвішча *Пацалуйка* – магчыма, ад асабовага назоўніка ці мянушкі (п)Пацалуйка ‘той, хто любіць цалавацца’, а таксама прозвішчы *Зявалка, Падвалочка, Прыходзька, Разумейка, Сапко, Хавайка, Хадыка;* б) неасабовыя аддзеяслоўныя назоўнікі [4, 47], якія ў выніку метафарычнага пераносу маглі стаць мянушкамі, а пасля трансанімізавацца ў прозвішчы: параўн. прозвішча *Налівашка* – магчыма, ад апелятыва *налівашка* < *наліваць,* а таксама прозвішчы *Жыгалка, Шыпко;* в) адпрыметнікавыя і аддзеепрыметнікавыя асабовыя і неасабовыя назоўнікі (дарэчы, толькі на тэрыторыі Віцебшчыны і Магілёўшчыны) [4, 113]: параўн. прозвішчы *Гарачка* – ад *гарачы, Бурко, Бялько, Глушко, Гняўко, Крыўко, Малько, Пузатка, Сіўко;* г) адсубстантыўныя асабовыя назоўнікі, якім у вялікай меры ўласціва тое, што названа

ўтваральным словам (з экспрэсіяй пахвальнасці ці пагардлівасці) – тып, як і папярэдні, рэгіянальны [4, 160]: прозвішчы *Пляшко* – ад *плех* ‘лысіна’, *Вусько, Кудзерка.*

Паколькі большасць прозвішчаў паходзіць ад мянушак і нецаркоўных імён, утвораных у гутарковым бытавым асяроддзі, то невыпадкова, што самыя прадуктыўныя ў народнай мове словаўтваральныя тыпы знайшлі шырокае адлюстраванне ў антрапаніміконе Віцебшчыны.

2) частка прозвішчаў на *-ка/-ко* з’яўляецца вынікам пераасэнсавання апелятываў, у складзе якіх прадуктыўны памяншальна-ласкальны суфікс *-к-*, уласцівы як літаратурнай, так і дыялектнай мове: *Свiтко, Сiротка, Скурко, Ступка, Халяўка, Шчацінка, Шэйка, Аўчынка, Галаўко, Губко, Крапіўка, Лапко, Рыбка;*

3) шэраг прозвішчаў на *-ко* суадносіцца з дэмінутыўнымі формамі апелятываў-назоўнікаў мужчынскага роду на *-ок*/*-ёк*: параўн. *Папко, Петушко, Пупко, Ражко, Рачко, Сняжко, Глазко, Дубко, Зубко, Кавалько, Карабко, Клачко, Мяшко* і адпаведныя апелятывы *папок, петушок, пупок, ражок, рачок* і пад.

Нязначна ўступаюць па прадуктыўнасці апісанаму тыпу на *-ка*/*-ко* наступныя словаўтваральныя тыпы, асобныя з якіх, паводле дадзеных П.У.Сцяцко [4], характарызуюцца іншымі колькаснымі паказчыкамі (гл. табліцу).

Табліца – **Найбольш распаўсюджаныя на Віцебшчыне тыпы першасных субстантыўных прозвішчаў**

Тып на	Характар утвораных назоўнікаў	Ступень прадуктыўнасці прозвішчнага тыпу		Прозвішчы, утвораныя ад назоўнікаў гэтага тыпу на Віцебшч.
		у дыялектнай мове	у літаратурнай мове	
-ак (-як)	адпрыметн.	прадуктыўны	малапрадукт.	*Бяляк, Кругляк, Пазняк, Рудак*
-аль, -ель	аддзеясл.	рэгіянальны, малапрадукт.	–	*Гудзель, Кідзель, Дрыгель*
	адпрыметн.	прадуктыўны	непрадукт.	*Даўгаль, Шапель, Гарбель*
-ла	аддзеясл.	высокапрад.	малапрадукт.	*Дудзела, Трубіла, Жыгала*
-ан (-ян)	аддзеясл.	малапрадукт.	непрадукт.	*Буян, Латан, Пукан, Стукан*
	адпрыметн.	прадуктыўны	непрадукт.	*Глушан, Пузан, Пурлан*
-нік	адсубстант.	прадуктыўны	прадуктыўны	*Алейнік, Міснік, Рашэтнік*
-ач	аддзеясл.	прадуктыўны	малапрадукт.	*Дзяргач, Жыгач, Ламач*
	адпрыметн.	прадуктыўны	малапрадукт.	*Валасач, Грыбач, Плюгач*
-уш	адпрыметн.	рэгіянальны, непрадукт.	–	*Гаркуш, Гладуш, Макруш*
-ай (-яй)	аддзеясл.	рэгіянальны, малапрадукт.	–	*Бадзяй, Мігай, Пачкай*
-ар (-яр)	адсубстант.		непрадукт.	***Губар, Зубар***
-ыр	адсубстант.	рэгіянальны, непрадукт.	–	***Лапыр, Насыр***
-уля	аддзеясл.	малапрадукт.	нерэгулярны	*Драмуля, Храпуля*
	адпрыметн.	прадуктыўны	нерэгулярны	*Баравуля, Барадзюля*

Як відаць, часцей за ўсё мянушкі і нецаркоўныя імёны (пазней яны трансанімізаваліся ў прыведзеныя прозвішчы) утвараліся на ўзор тых словаўтваральных тыпаў, якія вылучаюцца сваёй прадуктыўнасцю менавіта ў дыялектнай мове, у літаратурнай жа з’яўляюцца непрадуктыўнымі, малапрадуктыўнымі ці нерэгулярнымі. Часам дамінуе нават вузка рэгіянальны словаўтваральны тып (тып на *-аль, -ель*).

Частка прозвішчаў утрымлівае рэдкія фіналі, якія фіксуюцца ў адзінкавых антрапонімах: *-ень (Рагацень), -оня (Ціхоня), -уня (Шабуня), -ура (Шамшура), -яга (Рабацяга), -юга (Шаўлюга), -оба (Худоба), -ец (Малец), -эц (Курэц), -ыш (Чарныш), -са (Плакса), -ля (Моўля), -ыня (Тарапыня).* Некаторыя антрапонімы ўтрымліваюць фіналі, якія нават не адзначаны даследчыкамі ў навуковай літаратуры: *-оха (Сівоха), -ань (Галавань), -ута (Паршута).* Відаць, названыя тыпы з'яўляюцца рэгіянальнымі і бытуюць толькі на даследаванай тэрыторыі.

Аналіз прозвішчаў паказаў, што на Віцебшчыне ў якасці антрапанімных асноў нярэдка выкарыстоўваліся не агульнаўжывальныя, а менавіта вузкарэгіянальныя, дыялектныя адзінкі, якія характарызуюць чалавека па родзе заняткаў, знешніх і ўнутраных якасцях. Акрамя гэтага, пераважная большасць прозвішчаў, аманімічных назоўнікам-апелятывам, мае ў сваім складзе фіналі, прадуктыўныя ў жывой народнай мове, што не з'яўляецца выпадковым: працэс фарміравання прозвішчаў падпарадкоўваўся традыцыям і законам, уласцівым дыялектнай мове. Сучасныя ж прозвішчы ілюструюць вынікі дзеяння гэтых законаў.

Літаратура

1. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – 508 с.

2. Слоўнік гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Уклад. Ю.Ф.Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч і інш.; Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979 – 1986. Т. 1–5.

3. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. Т. 1. А-П / Уклад. Е.С. Мяцельская і інш.; Пад рэд. Е.С. Мяцельскай. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – 287 с.

4. Сцяцко, П.У. Беларускае народнае словаўтварэнне. Афіксальныя назоўнікі / П.У. Сцяцко / Рэд. М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 320 с.

5. Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, Г.Я. Яшкін і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – 1987. Т. 1–5.

Т.В. Скребнева
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: skrebneva81@gmail.com

УДК 811.161.1'373.232.1 (476.5)

ИМЯ *ВЛАДИМИР* В СОЦИОСФЕРЕ ВИТЕБСКОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: *антропонимия, личное имя, неофициальная форма имени, фамилия, прецедентные имена, урбанонимия, Витебский регион.*

В докладе устанавливаются особенности функционирования личного имени Владимир в социокультурном пространстве Витебского региона. Прослеживается частотность употребления имени Владимир во 2-й пол. XX – нач XXI вв., описывается система его неофициальных форм и взаимосвязь с другими единицами ономастического пространства – фамилиями, никами, урбанонимами.

T.V. Skrebneva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NAME VLADIMIR IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE VITEBSK REGION

Key words: *anthroponomy, personal name, an unofficial form of a name, surname, precedent names, urbanonyms, the Vitebsk region.*

The report focuses on the peculiarities of the personal name Vladimir in the socio-cultural environment of the Vitebsk region. Frequency of use of the name Vladimir in the 2nd half of the XX – beginning of XXI century is observed. Its informal system of forms and the relationship with other units of onomastic space, such as surnames, nicknames, urbanonyms, are described.

Исследование проводится при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Неофициальный ономастикон в социосфере Витебского региона» (номер гос. рег. 20142540 от 10.10.2014) и имеет целью установление особенностей функционирования ряда мужских и женских личных имен как репрезентантов культурного пространства Витебщины. В данном докладе в фокусе нашего внимания находится мужское имя *Владимир*.

Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении по Витебску и Витебскому району во 2-й половине XX – начале XXI в. (**21 760** единиц), «Список абонентов витебской телефонной сети» (1996 г.), справочник «Храмы и приходы Витебской православной епархии» (2002 г.). В ходе исследования нами использовались следующие методы: инвентаризации и систематизации языкового материала, описательный, количественный.

А.Ф. Белоусов называет имя *Владимир* символическим явлением культуры. Будучи тесно связанным с личностью киевского князя Владимира и династией Рюриковичей, в сознании социума оно обладало высоким культурным статусом, «дворянской» окраской. Пушкинский образ благородного романтического героя Владимира Ленского способствовал возрастанию популярности имени в литературных произведениях начала XIX в. и среди образованных слоев общества. Социальный переворот 1917 г. и почитание В.И. Ленина предопределили лидирующую позицию антропонима *Владимир* в советских «святцах». От культурного содержания, заключенного в полной форме антропонима, отталкивается квалитатив *Вовочка*, именующий героя анекдотов – возмутителя общественного спокойствия, в образе которого подчеркивается антикультурность, «доходящая до дикости природность» [2].

Как правило, современные исследователи антропонимии упоминают о славянских именах только в общем контексте своих научных изысканий. Лингвистические и экстралингвистические классификационные признаки двухосновных славянских личных имен впервые выделила И.А. Королёва. Опираясь на подсчеты И.В. Даниловой, она прослеживает также частотность употребления двухосновных славянских именований в Смоленской области на протяжении XX в. [4].

В настоящее время активно проводятся ареальные ономастические исследования. В связи с этим следует сказать о назревшей необходимости создания региональных антропонимических словарей, в которых, помимо общеизвестных сведений о значении, происхождении, нормативном употреблении антропонимов, будет приведена их частотность в регионах, сложившаяся система модификатов, описан ассоциативно-культурный фон онимных единиц. Подготовку цикла материалов, посвященных социальной жизни некоторых мужских и женских личных имен, мы видим первым шагом на пути к созданию регионального словаря личных имен Витебщины.

Имя *Владимир*, по данным А.К. Устинович, известно на территории Беларуси с XVI в. в формах *Влодзимер*, *Володко* [7, 196]. В памятниках деловой письменности Витебщины XVI–XVIII вв. оно входило в число малоупотребительных антропонимов, хотя в целом композитные славянские именования были достаточно распространены в связи с тем, что этимология канонических имен нередко оставалась непонятной людям [6, 9]. Во 2-й половине XX в. имя *Владимир* отличалось высокой популярностью, пик которой пришелся в г. Витебске и Витебском районе на 40–50-е гг. В 90-е гг. XX в. в городе данное имя выходит за пределы первой десятки частотных именований, тогда как в селе оно сохраняет **8-ю** ранговую позицию. Следует отметить, что в сельской местности частотность антропонима *Владимир* несколько выше, нежели в городе. Кроме того, в актовых записях о рождении по Витебскому району зафиксированы в качестве документальных имен варианты *Владимер, Влодимир.* Ниже приведена таблица, в которой отражен ранговый номер антропонима *Владимир* в пределах первой десятки популярных именований; в скобках указано число имяносителей.

Таблица – **Ранг имени *Владимир* в рамках первой десятки популярных именований**

Срез	1941-44	1954	1964	1974	1984	1994
Витебск	1 (61)	2 (183)	5 (110)	6 (103)	8 (64)	не входило
Витебский район	1 (27)	2 (51)	3 (42)	5 (15)	4 (19)	8 (5)

В 1-м десятилетии XXI в. (срез 2010 г. по Первомайскому району г. Витебска) имя *Владимир* является редким, занимает **17-й** ранг (присвоено **6** мальчикам).

Региональный спектр неофициальных форм указанного именования широк, включает в себя **13** единиц: *Влад, Вова, Вовик, Вовка, Вовочка, Вовусь, Володзя, Володька, Вольдемар, Ладик, Ован, Вовчик, Воўка.* Формы *Володзя* и *Воўка* передают особенности белорусской фонетики («дзеканье», «у неслоговое»). Система неофициальных модификатов личных имен жителей Витебщины была исследована И.А. Лисовой на основе анкетирования **1144** респондентов разного возраста и социального статуса [5].

Полная форма имени *Владимир* послужила базой для образования фамилий витеблян *Владимиренко, Владимиров, Владимирович*. В основе фамилий *Володин, Володкевич, Володченко, Володченков, Володькин, Володько* и *Ладик* лежат неофициальные модификаты антропонима (отметим, что преобладает количество фамильных единиц, образованных от разговорно-бытовых именных форм).

Особым видом периферийных антропонимов являются ники. Одной из популярных виртуальных площадок для общения в Витебске выступает форум родителей Витебска (forum.ditenok.com), где нами зафиксирован только один ник, связанный с неофициальной формой имени *Владимир*, *– vova77777*.

Изначально имя *Владимир* было языческим, однако после Крещения Руси князем *Владимиром Святославичем* стало в один ряд с каноническими именованиями, попало в святцы, приобрело сакральную сему. На Витебщине почитание святого равноапостольного князя Владимира выразилось в XIX в. в учреждении в его честь Витебского епархиального братства для более успешного развития церковно-приходских школ, содействия ослаблению раскола и защиты православного населения от других вероисповеданий (официальный сайт Витебской епархии vitprav.by). Имя святого князя представлено в экклезионимной подсистеме региона: действуют *храм во имя святого равноапостольного великого князя Владимира* в г.п. Шумилино и *приход во имя святого равноапостольного великого князя Владимира* в деревне Оболь Сенненского района. В ноябре 2015 г. в связи с празднованием 1000-летия преставления князя в Витебске прошел первый этап международной научной конференции *«Святой равноапостольный князь Владимир: духовные основы Святой Руси от Крещения до наших дней».* Вместе с тем прагматическая составляющая семантики анализируемого онима не исчерпывается исключительно положительной оценкой роли князя Владимира. В повести В.А. Короткевича «Ладья Отчаяния» («Ладдзя Роспачы») перевозчик ладьи в связи с тем, как обошелся Владимир с полоцким князем Рогволодом и его детьми, дает такую характеристику: *«Ён быў страшны чалавек, гэтае чырвонае сонейка, гэты святы воўк»* [3, 338].

В социосфере жителей Витебщины антропоним *Владимир* связан в первую очередь с прецедентными именованиями, среди которых следует назвать следующие: *Владимир Семёнович Короткевич* (выдающийся белорусский писатель), *Владимир Иванович Корбан* (белорусский поэт), *Владимир Антонович Попкович* (белорусский поэт и переводчик), *Владимир Адамович Король* (архитектор), *Владимир Павлович Бурмейстер* (артист балета, балетмейстер), *Владимир Абрамович Рапопорт* (кинооператор и кинорежиссер), *Владимир Гаврилович Краснянский* (историк, музейный работник), *Владимир Андреевич Богданов* (почетный гражданин Витебска, бывший председатель Витебского горисполкома), *Владимир Ильич Швальбо* (почетный гражданин Витебска, тренер по прыжкам на батуте). Свидетельством того, что перечисленные именования входят в фоновые знания жителей региона, являются посвященные им словарные статьи в лингвокультурологическом словаре-справочнике «Культурное пространство Витебщины» (2011 г.) В.А. Масловой и С.В. Николаенко либо рубрики раздела «Известные люди Витебска» в электронной «Витебской энциклопедии» (evitebsk.com).

Как известно, наименование объекта по связи его с человеком является одним из принципов номинации в урбанонимии [1, 80]. В силу этого прецедентные антропонимы проникают в урбанонимную систему Витебщины, образуя наименования мемориального характера: так, именем *В. Короткевича* названы улицы в Орше и Витебске, библиотеки в Витебске, Орше, Новополоцке; имя *В. Корбана* носят улица и средняя школа в г. Барань под Оршей.

Таким образом, антропоним *Владимир* сохраняет актуальность в сфере духовной культуры Витебского региона, несмотря на ослабление интереса к нему со стороны современных имядателей. Экстралингвистическая составляющая семантики данного онима концентрирует большой объем исторической, социальной, культурной информации.

Литература

1. Белорусская ономастика. Топонимия: учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

2. Белоусов, А.Ф. Вовочка / А.Ф. Белоусов // Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. – М., 1996. – С. 165-186.

3. Караткевіч, У. Ладдзя Роспачы: аповесці / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 367 с.

4. Королёва, И.А. Двуосновные личные имена: классификационные признаки (по материалам «Словаря русских личных имен» Н.А. Петровского) / И.А. Королёва // Восьмые Поливановские чтения: сб. статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск, 2 – 3 октября 2007 г. – Ч. 3. – Смоленск, 2007. – С. 222 – 228.

5. Лисова, И.А. Неофициальный антропонимный спектр женских и мужских имен жителей Белорусского Поозерья / И.А. Лисова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Международный научный сборник. – Вып. 33. – Воронеж, 2015. – С. 257-263.

6. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць : манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск : Выд-ва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.

7. Усціновіч, А.К. Слоўнік асабовых ўласных імён / А.К. Усціновіч. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

Т.Г. Трофимович, Н.В. Жданович
Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка
e-mail. t.trof@ mail.ru

УДК [81'373.231:811.161.]-053.5(476-25)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ИМЕННИКОМ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ГОРОДА МИНСКА

Ключевые слова: *именник, антропоним, антропонимические традиции, антропонимические предпочтения, антропонимические инновации.*

В статье проведен анализ состава имен собственных младших школьников Минска. Столичный статус города, численный и национальный состав его жителей, уровень социально-экономического развития позволяют говорить об уникальной для Республики Беларусь антропонимической ситуации. Установление современных тенденций в выборе имен жителями мегаполиса актуально.

T.G. Trofimovich, N.V. Zhdanovich
Belarussian State Pedagogical University Named after Maxim Tank

OBSERVATIONS OVER THE PERSONAL NAMES LIST OF PUPILS LIVING IN MINSK

Key words: *vocabulary of names, personal name, anthroponomical traditions, anthroponomical preferences, anthroponomical innovations.*

The article is devoted to analysis of the composition of proper names of the pupils from Minsk. The capital city status, size and national structure of its inhabitants, the level of socio-economic development allow speaking about the unique for the Republic of Belarus anthroponymic situation. The establishment of modern trends in the choice of names of the inhabitants of the metropolis is actual problem of linguistics.

Изучение антропонимов, как известно, имеет давнюю традицию, однако остается перманентно актуальным, поскольку постоянно меняющиеся социально-экономические условия жизни общества приводят к изменениям в составе личных имен его членов. Осмысление происходящих

процессов в связи с национальными антропонимическими традициями и инновационными антропонимическими тенденциями оказывается важным и значимым.

Столичный статус города Минска, численный и национальный состав его жителей, уровень социально-экономического развития позволяют говорить об уникальной для Республики Беларусь антропонимической ситуации. Из 170 национальностей, содержащихся в Алфавитном кодификаторе национальностей и языков, принятых для разработки материалов переписи населения 2009 года, в городе зафиксировано 122 национальности. Согласно результатам этой же переписи, 83,7% составляют белорусы, 8,3% русские, 3,1% поляки, 1,7% украинцы и 0,1% евреи [2].

Известно, что в Минск стекаются представители различных регионов Беларуси, принадлежащие к разным конфессиям. По сути, город представляет собой полиэтническое и поликультурное образование. Все это не может не сказаться на составе используемых имен собственных и особенностях их функционирования.

Для выявления современных тенденций имянаречения и определения именника младших школьников города Минска было проанализировано 2590 имен учащихся 1-4 классов учреждений образования (школ, начальных школ, гимназий) города Минска. Выборка включила имена 1367 девочек (52,8 %) и 1223 мальчиков (47,2 %), которые родились в 2004-2007 гг., т.е по сути на границе столетий, в условиях новой демократической Беларуси.

Согласно подсчетам, для именования мальчиков использовано 128 имен, для именования девочек – 139, что отражает общую закономерность имянаречения, сложившуюся еще в XX в. Многие исследователи отмечают, что инвентарь женских имен всегда шире мужского именника.

В мужских и женских именах есть так называемые лидеры, есть частотные имена и, безусловно, есть разовые (или редкие). Среди мужских имен лидерство принадлежит таким именам, как *Иван* (72, или 5,9 % от общего числа мальчиков), *Алексей* (68, или 5,6 %), *Александр* (67, или 5,5 %), *Владислав* (66, или 5,4 %). На пятую строку можно поставить имя *Даниил* вместе его вариантами *Данила*, *Данил*, которые в совокупности составляют 65 именований (5,3 %), причем наиболее востребованным у минчан является общепринятое *Даниил* (47), менее привлекателен вариант *Данила* (14), еще менее популярным является вариант *Данил* (4). Приближается к пятерке лидеров имя *Никита* (63, или 5,2 %).

В десятке популярных мужских имен младших школьников закрепились *Егор* (51, или 4,2 %), *Артем* (49, или 4 %), *Максим* (48, или 3,9 %), *Илья* (42, или 3,4 %).

Второй десяток мужских антропонимов представлен такими именами, как *Матвей* (37), *Дмитрий* (36), *Евгений* и *Кирилл* (по 35 именований), *Арсений* (33), *Михаил* (30), *Павел* (28), *Андрей* (27), *Ярослав* (25), *Глеб* (24), *Тимофей* и *Роман* (по 23 именования).

Также к частотным можно отнести имена *Денис* (19), *Антон* (15), *Станислав* (15), *Николай* (14), *Сергей* (14), *Вадим* (13), *Константин* (13), *Федор* (13). Популярное в XX в. имя *Владимир* стало значительно реже встречаться: в выборке оно представлено 11 раз. Такой же рейтинг у имени *Марк* (11), которое сейчас наоборот набирает популярность.

Обращаются минчане и к таким мужским именам, как *Захар* (9), *Ян* (9), *Валентин* (8), *Виталий* (8), *Юрий* (8), *Артур* (7), *Богдан* (7), *Георгий* (7), *Игорь* (7), *Олег* (7), *Степан* (7), *Макар* (6), *Савелий* (6), *Тимур* (6). Значительно снизился рейтинг таких имен, как *Валерий* (5) и *Виктор* (5).

К редким можно отнести имена *Амир, Велизар, Даниэль, Доминик, Евсей, Казимир, Лавр, Мирон, Радислав, Серафим, Тихон, Ульян, Устин, Эдвард, Яромир* и др.

Проведенный анализ показал, что встречаются двойные имена типа *Владимир-Альгерд, Ян-Доминик* и т. п. Количество таких имен незначительно, но сам факт расширения именника за счет двойного именования заслуживает внимания.

Изучение имен младших школьников города Минска показало, что их список постоянно пополняется благодаря миграционным процессам в обществе и интернациональным бракам. Так, в школах столицы учатся мальчики с именами *Абу Халис Яра, Аль-Раби Райд, Афшан Хамед, Нгуен Хак Таи Ань* и др.

Обратимся к рассмотрению женских имен. Они так же, как и мужские, неоднородны по своему составу: наряду с лидерам есть и аутсайдеры.

Среди лидеров явно выделяются два имени – *Анастасия* (102, или 7,5 % всех именований) и *Дарья* (99, или 7,4 % всех именований), которые имеют отрыв в два и более процентов от последующих имен. Третье место в рейтинге популярных женских имен заняли имена *Анна* и *Мария* (по 73 именования, или 5,3 %), далее идут *Полина* (67, или 4,9 %) и *Екатерина* (66, или 4,9 %). Приближается к лидерам имя *Елизавета* (61, или 4,5 % именований).

В десятку популярных женских имен вошли *Ксения* (54, или 4 % именований), *Александра* (53, или 3,9 %) и *Виктория* (49, или 3,6 %).

Вторую десятку открывают имя *София* и его вариант *Софья*, которые в совокупности встречаются 39 раз (*София* – 21 раз, *Софья* – 18 раз). Далее следуют имена *Алина* (38), *Яна* (38), *Валерия* (36), *Ульяна* (34), *Арина* (28), *Диана* (27), *Вероника* (23), *Карина* (22) и *Юлия* (19).

Частотными являются такие женские имена, как *Надежда* (18), *Ангелина* (17), *Кристина* (16), *Милана* (16), *Алеся* (14), *Татьяна* (14), *Варвара* (13), *Ольга* (12), *Елена* (11).

Обращаются минчане и к таким женским именам, как *Евгения* (10), *Маргарита* (10), *Алиса* (9), *Марина* (9), *Вера* (8), *Виолетта* (7), *Злата* (6), *Ирина* (6), *Каролина* (6), *Эвелина* (6). В выборке встречаются амнтропонимы *Марта* (5) и *Наталья* (5), хотя эти имена значительно реже стали использоваться в Беларуси для называния девочек.

Среди редких женских имен есть такие старинные имена, как *Аксиния*, *Владислава*, *Ефросинья*, *Серафима*, *Ярослава,* а также имя-советизм *Вилена*. Значительно расширяется круг редких имен за счет заимствований, к которым можно отнести имена *Дисульетта*, *Джульетта, Марайя, Моника, Николетта, Стефани* и др.

Так же, как и в именовании мальчиков, в назывании девочек появилась тенденция обращения к двойным именам, поэтому среду учащихся минских школ встречаются *Анна-Мария, Вилина-Евгения, Виталия-Мария, Дарья-Марина, Дарья-Тарина, Мелания-Вероника* и др. Обращает на себя внимание тот факт, что двойными именами чаще в Минске называют именно девочек.

Для того чтобы определить, какие имена младших школьников продолжают оставаться популярными у жителей города, мы сравнили нашу статистику с данными минских ЗАГСов. Как показало исследование, существенных расхождений в «моде» на имена за последнее десятилетие не произошло.

Согласно информации минских ЗАГСов, жители столицы Беларуси практически перестали давать свои детям необычные или иностранные имена. Тенденция отказа от нестандартных имен касается прежде всего мальчиков. Кроме того, минчане при выборе имени ребенку чаще стали пользоваться церковным календарем.

Самыми популярными именами в 2009 году были имена *Иван* и *Мария*. Мальчиков также давали имена *Алексей, Николай, Роман, Александр, Никита, Михаил*. Среди женских имен в 2009 году были популярны *Анастасия, Елизавета, София, Дарья*. Девочкам чаще дают редкие имена, чем мальчикам. В 2009 году в Минске родились *Виолетты, Алисы, Златы, Арины, Евы*. Однако минчане в последние годы стали отдавать предпочтение «старинным» женским именам, таким, как *Анастасия, Елизавета, Ксения*. С другой стороны, распространенные в XX веке женские имена *Вера, Надежда, Любовь* у жителей Минска перестали пользоваться популярностью. Упал рейтинг имени *Алеся*, которое было очень распространенным в Беларуси в последние десятилетия [1].

Так, популярными именами в 2010 году были *Александр* и *Дарья*. В числе модных оказались также *Артем, Максим, Алексей, Иван, Никита, Данила, Владислав, Мария, Анастасия, Анна, Ксения, Елизавета, Полина, София* [2].

В 2012 году в Минске самыми популярными именами стали *Иван* и *Дарья*. Также в числе лидеров *Артем, Александр, Никита, Алексей, Максим, Мария, Анна, Анастасия, Дарья, София* и *Полина*. Среди имен, которые давали детям жители столицы, есть и редкие старославянские. Так, некоторые горожане пожелали назвать дочерей *Любава, Бажена, Зарина*, сыновей – *Гордей, Яромир, Мирослав*. В числе редких имен были *Амадей, Елизар, Серафим, Ассоль, Есения, Ярилина, Асфея*.

Согласно информации отдела правового обслуживания граждан, организаций и идеологической работы главного управления юстиции Мингорисполкома, в 2012 году жители Минска чаще всего давали своим детям имена *Артем, Алексей, Анна и Мария*. Также в список популярных имен попали *Максим, Даниил, Владислав, Дарья, София, Анастасия*. Среди редких мужских имен числятся *Витовт, Прохор, Марсель, Кевин*. Девочек реже всего называли *Славяной, Любавой, Агриппиной, Селиной* [5].

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что минчане в выборе имен становятся консерваторами: рейтинг наиболее популярных имен в последние несколько лет практически не меняется. Кроме того, именование детей не имеет четкой зависимости от национальности родителей: ср. Мохамед Матин *Софья*, Мохамед Матин *Таисия,* вместе с тем Додобоева *Бибиошиа* и Додобоева *Халисахон*.

В качестве еще одного итога наших наблюдений следует указать на то, что уникальность города Минска как столичного мегаполиса практически не находит отражения в реестре имен. Минчане, как и другие жители Беларуси, в известном смысле консервативны в выборе имен для своих детей и находятся, как правило, в русле антропонимических традиций толерантных белорусов. Позволим себе поэтому не согласиться с А.С.Пушкиным, который почти двести лет назад сокрушался, правда, по другому поводу: «Признаться: вкусу очень мало / У нас и в наших именах».

Литература

1. В рейтинге детских имен лидируют Дарьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : news.tut.by/society/133409.html. – Дата доступа : 04.01.2016.

2. Итоги переписи в Беларуси 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://minsk-old-new.com/minsk-3374.htm. – Дата доступа : 04.01.2016.

3. Мезенко, А.М. Современный именник белорусов: состав, статистическая структура, особенности изменения / А.М. Мезенко // Русский язык и литература, 1999. – № 5. – С. 11 – 12.

4. Муратова, Е.Ю. К вопросу о двуименности у славян в языческий и раннехртианский период их истории / Е.Ю. Муратова // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства: матэрыялы II Міжнар. навук. канф. – Віцебск, 1993. – С. 100 – 104.

5. Популярные имена 2012 в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://minsk1.net/view_news/ populyarnye_i_interesnye_imena_-_2012_v_belarusi_i_ne_tolko/. – Дата доступа : 04.01.2016.

6. Самыми популярными именами новорожденных в Беларуси в 2011 году стали [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.moyby.com/news/67230/. – Дата доступа : 04.01.2016.

О.В. Цехмистренко
Черкасский государственный технологический университет
e-mail: olgacherkasy2011@yandex.ru

УДК 811.161.2’373.232(477.46)(043)

УКРАИНСКИЕ ФАМИЛИИ ЦЕРКОВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (на примере Черкасской области, Украина)

Ключевые слова: *фамилия, Украина, Черкассы, церковные фамилии, искусственные фамилии, христианство.*

В статье впервые осуществляется исследование фамилий церковного происхождения в Черкасском регионе Украины. Фамилии, основа которых связана с религией, хоть и являются незначительной составительной антропонимикона Черкасчины, но интересны в контексте изучения культуры древнего народа. В данном исследовании они занимают 15% из 3 тысяч современных наименований людей, проживающих в Черкасской области.

O.V. Tsekhmistrenko
Cherkasy Engineering and Technological University

THE UKRANIAN SURNAMES OF CHURCH ORIGIN (the examples of the inhabitants of Cherkasy region)

Key words: *surnames, Ukraine, Cherkasy, church surnames, artificial surnames, Christianity.*

This article deals with investigation of the Ukrainian surnames of church origion in Cherkasy region in Ukraine. Such surnames are analyzed for the first time. These surnames are connected with religion; though they

are insignificant component of antroponimy of Cherkasy region, they are very interesting in a context of investigation of culture of ancient people. In this investigation they constitute 15% among 3 thousand modern names of people who live in Cherkasy region.

Фамилии – это наше наследие, весточка из прошлого. Слово «фамилия» латинского происхождения, означающее в переводе «семья». Отсюда основное назначение фамилии – это объединить под одним именем всех членов семьи и различных родственников. Происхождение фамилий имеет интересную историю, в том числе и в духовном отношении [6;73].

Характерные особенности традиционного быта и духовной культуры украинцев образованы под доминирующим влиянием религиозной идеологии. Каждая сельськая территориальная община была в то же время конфессионной общиной, которая объединяла верующих вокруг местного храма [5; 39].

Фамилии, основа которых связана с религией, хоть и являются незначительной составительной антропонимикона Черкасской области, но особенно интересны в контексте изучения культуры древнего народа. Их существование свидетельствует, что религиозность была одной из характерных ментальных характеристик украинства как особый способ мышления, мировоззрения, свойственные этой нации. Соответсующие христианские морально-правые нормы поведения: чтить старших, богобоязнь, соблюдение религиозных канонов получили всенародное значение и стали позже одной из национальных особенностей украинцев.

Большинство украинцев, особенно в Центральной Украине, являлись приверженцами православия. В Западной и Восточной Украине миллионы поклонников принадлежали к грекокатолической церкви, которая возникла вследствии Брестской церковной унии 1596 года. Отдельную часть верующих составляли также представители разных групп сектанства: баптисты, штундисты, адвентисты и другие.

Фамилии, в которых отображены названия людей за религиозной принадлежностью, свидетельствуют о том, что християнские традиции имели основательные корни на украинской почве. Народные массы выступали носителем оригинального отечественного христианства, которое объединяло элементы византийского православия и архаику старинных родовых обрядов. Истоками формирования антропонимов, связанных с религией, стали также фамилии католического духовенства.

Религиозность украинского населения отображала общие тенденции духовной жизни в Украине в период XVII столетия, что безусловно отобразилось на формировании фамилий, которые в то время начали получать статус официальных родовых названий.

Эта лексико-семантическая группа из изучаемых автором 3 тысяч современных фамилий людей, проживающих в Черкасской области, составляет 15 процентов. Но они очень показательны: Помагайбо, Иконников, Алилуйко, Библив, Праведник, Предтеча, Отченаш, Коляда, Молибога, Перехрест.

Церковные фамилии не только разные, но и яркие: Вознесенский, Христославенко, Преображенский, Воздвиженский, Молибоженко, Простибоженко, Святый, Благовещенский, Монастырский, Благовесный, Архангельский, Риздвянский, Покровский, Успенский, Ангелов, Херувимский, Предтеченский, Милостин, Милосердный, Проскуровский, Великодний, Коляденко, Спас, Маковей, Апостолов, Апостолюк, Богодаев, Богославский, Рождественский, Райченко, Богородицкий.

Начало закрепления фамилий в качестве наследственных родовых названий, как утверждает классик украинской литературы Иван Франко, принадлежит именно духовенству [8; 395]. Петро Могила первым в 1642 году поручил священникам вести метрики новорожденных, брачующихся и умерших. Но большинство метрик того времени не имеет для нас ценности, посколько в них записывались только имена, без учета родовых и каких либо других фамилий.

И все же активное вмешательство духовенства в жизнь общества повлияло на образование соответствующих названий фамилий. Исследователь Б. Унбегаун [9; 451], назвал священнослужителей едва ли не единственной кастой населения, которая систематически вводила в оборот

искусственные фамилии. Их давали иногда вместо уже имеющихся, или приваивались в духовных семинариях ученикам, которые раньше фамилий не имели.

Как указывает филолог Лев Успенский, данные «поповские» духовные фамилии потом перешли по наследству к большой части разночинной интеллигенции. Правда, искусственные фамилии были больше типичны для русского духовенства. В это время украинские и белорусские священнослужители, как правило, в семинарии старались сохранять свою наследственную фамилию.

С конца XVII в. духовенство начало упорную борьбу за право иметь фамилии «как у людей», то есть такие, которые приближали бы их к привилегированным сословиям, дворянам. В итоге, духовенство имело привилегию свободной смены фамилии и стало единственной социальной группой, сделавшей из введения в обиход искусственных фамилий систематическую практику [6; 69].

Отчасти эта практика была связана с тем, что многие из духовных чинов, происходивших из крестьян, могли иметь неблагозвучные фамилии, которые не пристали сану; либо же вообще не имели настоящих фамилий, и поступали в духовные училища с патронимическими фамилиями, то есть полуотчествами (Петров, Иванов). Ученики, ранее не имевшие фамилий в XVIII–XIX веке, происходили из семей, социальное положение которых не давало права на наследственную фамилию.

Поначалу такие названия служили просто для фиксации личностей бесфамильных детей, но со временем создание таких фамилий стало повсеместной практикой [7; 15].

Географические фамилии, которые образовывались для духовенства, тоже иногда причисляют к числу семинаристских и искусственных, к примеру, в Черкасской области: Ветров, Уманец, Маньковский.

Значительная часть современных украинских фамилий в Черкасском регионе образована от имен церковного календаря. Эти имена, часто иноязычные и чуждые этнической традиции, только в XIX-XX вв. стали активной базой для создания украинских фамилий.

Кроме того, в основе фамилии может лежать личное имя родоначальника.

Религиозная традиция, утвердившаяся в Киевской Руси с принятием христианства, обязывала называть ребенка в честь того или иного святого, почитаемого православной церковью. Много фамилий созданы от этих имен, и в современном обществе именно такие фамилии составляют доминирующее большинство среди других [4; 19].

Как и фамилии украинцев в целом, наши названия людей имеют лишь форму мужского и женского рода, по большей части употребляются в форме единственного числа. Отименные фамилии в своих основах имеют славянские церковно-христианские имена, между которыми много латинских, греческих, давнееврейских, заимствованных из разных языков. Основами для образования фамилий Черкасского региона стали преимущественно имена мужского предка рода [1; 488].

Самой производительной основой оказалось имя Иван. Это свидетельствует о том, что оно было самым распространенным не только в Украине, но и на Черкасчине.

Фамилия Романенко в церковной традиции восходит к крестильному имени Роман (от латинского «romanus» – «римлянин»). Дмитренко – в честь св. Димитрия. Михайловский – в честь архангела Михаила. Богословский – в честь св. Иоанна Богослова. Ильинский – в честь св. Илии.

Реже фамилии возникали от женских имен. Среди всех имен, положенных в основу фамилий, женских всего 12%. Катеринчук – в честь св. Екатерины, Варченко – фамилия, образована от женского крестильного имени Варвара (с грч. – чужестранка) и производных форм этого имени. Отчества и фамилии от женских имен получали дети, которых воспитывала одна мать, например, вдова.

Большинство фамилий региона образовано от имен греческого и латинского происхождения (Андриенко, Василенко, Демиденко, Юрченко) [1; 487]. В основах значительной части исследуемых фамилий фиксируются имена тюркского происхождения (Гасанов, Мусатов, Хасанов).

Имена христианского календаря, заимствованные вместе с введением христианства на Руси, на украинской языковой почве приобрели специфическое звуковое оформление, обросли разнообразными вариантами и уже давно не воспринимаются как заимствованные. Большинство этих фамилий образовывались из имен редких и заимствованных, малоприменимых среди украинского народа. Такие распространенные имена как Мария, Татьяна в функции фамилий не встречаются.

Самыми распространенными являются фамилии, образованные от мужских имен: Савченко, Василенко, Иванов [1; 489].

В православных фамилиях угадываются названия православных праздников. К примеру, колядование, древний обычай зимних (преимущественно рождественских) обходов с исполнением величественно-поздравительных песен (колядок), дал фамилию Коляда, Колядко, Коляденко. Маковий, упрощенное название церковного праздника святых мучеников Маккавеев, дал фамилию Маковий. Спас, праздник православной церкви, встановлен в честь Преображения Господнего, дал фамилию Спас. Благовещенский – в честь праздника Благовещение.

Черкасские фамилии также сохранили названия храма – Церковный, Монастырский; предметов, используемых в обрядах церковнослужителями – Ладан, иерархию духовенства – Попик, Попенко, Дьяченко, Пономаренко, Паламарчук. Фамилию Кондаков – от кондак (краткая церковная песнь), присваивали детям дьячков и пономарей – низших церковных служителей, певших в церквах кондаки. Фамилия Виноградов, Виноградский – связана с символикой винограда и вина в христианстве как крови Христовой [2; 214]. Голубничий – от птицы голубь (христианские коннотации) [3; 151].

Некоторые фамилии созданы церковными служителями путем преобразованием простонародной формы имени в официальную: Иванов → Иоаннов, Ларинов → Илларионов. Некоторые фамилии на «-овский» могли быть образованы от обычных фамилий на «-ов» с целью придания благообразности: «Михайлов → Михайловский».

Исследуя фамилии, необходимо принимать во внимание то, что первая фиксация фамилий и наименований людей в древних памятках и древность соответствующего рода не идентичны, не обязательно совпадают во времени. Одна и та же фамилия через столетия могла возникать в разных уголках Украины по несколько раз, спонтанно.

Система фамилий современной Черкасской области является составной частью общенационального атласа фамилий украинского языка и сочетает в себе как общеукраинские, так и региональные особенности. Антропонимика, которая все еще остается важной отраслью лингвистической науки, имеет перспективы развития и остается достаточно актуальной для общества.

Литература

Статьи из материалов конференций, семинаров, тезисов, докладов:

1. Цехмистренко О. В. Антропоніми, похідні від чоловічих та жіночих імен (на прикладах говірок Черкащини). – Наукові записки. – Серія : Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВВКДПУ ім. В. Винниченка, 2011. – Випуск 100. – 561 с.
2. Цехмистренко О. В. Прізвища з компонентами флори (на матеріалі говірок Черкащини). – С91 Studia Slovakistica. Випуск 9. Ономастика. Антропоніміка. Зб. наук. ст.(від. ред. С. Пахомова, Я Джоганик). Ужгород: Видавництво Олександри Гаркуші, 2009. – 356с.
3. Цехмистренко О. В. Антропоніми з елементами фауни (на прикладах прізвищ черкащан). Г.94 Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна мова: філологія.Всеукр.зб. наук. пр.Число12:У двух томах/М-во освіти і науки України, Черкаський держ.технол. ун-т. – Черкаси.ЧДТУ,2008. Т ІІ. – 206с.

Издания с одним автором:

4. Кравченко Л. О. Прізвища Лубенщини – К. : «Факт», 2004. -198с.
5. Митрополит Іларіон. Дохристиянські вірування українського народу. – К. : Обереги, 1994. – 422 с.
6. Никонов В.А. География фамилий. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
7. Редько Ю. К. Довідник українських прізвищ. – К. : Рад. Школа, 1969. – 255 с.
8. Франко І. Причинки до української ономастики // Іван Франко : Зібр. Тв. В 50 т. – К., 1982. – Т. 36. – С. 391- 427.
9. Унбегаун Б. О. Русские фамилии . Перевод с английского . Под редакцией Б. А. Успенского. 2 –е изд. М. Издательская группа «Прогресс». 1995. 448с.

IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА

В.Ю. Бароўка
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: dvkessibar@mail.ru

УДК 821.161. 3-2.09:811.161.3'373.23

ПРОЗВІШЧЫ ПЕРСАНАЖАЎ У ДРАМАТУРГІІ ЯНКІ КУПАЛЫ: СЕМАНТЫКА-ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ АСПЕКТ

Ключавыя словы: *персанаж, прозвішча, семантыка, драма, стыль, жанр, сюжэт, аўтарская пазіцыя.*

У артыкуле праз спалучэнне прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, дэканструктыўнага і дэскрыптыўнага аналізу вызначаюцца семантыка і функцыі прозвішчаў персанажаў у драматычных творах Янкі Купалы "Паўлінка", "Прымакі", "Раскіданае гняздо", "Тутэйшыя". Падкрэсліваецца, што семантыка-функцыянальны спектр прозвішчаў у п'есах Янкі Купалы дэтэрмінаваны аўтарскімі канцэптуальнымі ўстаноўкамі, жанрам твораў. Сцвярджаецца, што прозвішчы ў п'есах рэпрэзентуюць бачанне нацыянальнай рэчаіснасці і стыль пісьменніка.

V.Yu. Barouka
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE SURNAMES OF THE CHARACTERS IN YANKA KUPALA DRAMA: SEMANTIC AND FUNCTIONAL ASPECT

Key words: *character, surname, character, drama, semantic, style, genre, the author's position.*

The paper based methods of concrete historical, meaningful and descriptive analysis defines the semantic and function of surnames of the characters in the dramatic works of Yanka Kupala "Paulinka", "Primaki", "Ruined nest", "Local". It is emphasized that the semantic and functional aspect of surnames of the characters in the plays Yanka Kupala deterministic copyright setting, genre works. It is alleged that surnames represend in the plays Yanka Kupala the ethnic and cultural specifics of the Belarusian reality, the vision of the world and style of the writer.

Драматургічная спадчына Янкі Купалы прадстаўлена п'есамі "Паўлінка" (1912), "Прымакі" (1913), "Раскіданае гняздо" (1913), "Тутэйшыя" (1922). Названыя творы часта станавілася прадметам навуковага асэнсавання, аднак даследаванняў семантыка-функцыянальнага аспекту прозвішчаў персанажаў у дадзеных творах пакуль не было. Антрапонімы – істотны складнік змястоўна-мастацкай структуры Купалавых п'ес, вывучэнне прозвішчаў дазваляе паглыбіць уяўленні пра стылёвую палітру класіка нацыянальнай літаратуры і пра яго бачанне беларускай рэчаіснасці пачатку XX стагоддзя.

Драма – спецыфічны род літаратуры, у якім адлюстроўваюцца ўзаемаадносіны людзей, грамадскія і бытавыя канфлікты, дзе адсутнічае аўтарскае каменціраванне падзей і характараў, дзе ўсё раскрываецца праз дзеянні і маўленне герояў. У драматычных творах пісьменніцкі выбар імёнаў і прозвішчаў персанажаў, звычайна прадыктаваны законамі жанру, выконвае надзвычай важную характаратворчую функцыю. П'есы Янкі Купалы розныя ў жанравых адносінах, а таму семантыка-функцыянальны спектр прозвішчаў персанажаў у іх не аднолькавы.

Першая па часе выдання п'еса "Паўлінка" названа пісьменнікам "сцэнамі са шляхецкага жыцця". Персанажы там падзяляюцца на дзве няроўныя групы: з аднаго боку – засцянковыя шляхціцы, з другога – мужыцкі сын Якім Сарока. Янка Купала стварыў дастаткова пераканальны

сацыяльны і псіхалагічны партрэт шарачковай засцянковай шляхты пачатку мінулага стагоддзя. Яркае ўвасабленне засцянковага шляхецтва – сям'я Крыніцкіх, што складалася з бацькі, маці і дачкі. Галава сям'і – Сцяпан Крыніцкі – заможны гаспадар, гасцінны чалавек, высока цэніць сваё паходжанне і знешнія адзнакі шляхецтва, але можа дапамагчы і тым, хто ніжэй за яго па сваім паходжанні. Так, ён пазычыў грошы селяніну Якіму Сароку на атрыманне адукацыі. Разам з тым Сцяпан не збіраецца радніцца з мужыкамі, яго будучы зяць павінен быць "шляхоцкага заводу, з рызыкай, з усялякай далікатнасцяй і ўсё такое…" [1, 148]. Дачка Крыніцкіх Паўлінка – дзяўчына адукаваная і самастойная ў сваіх дзеяннях і меркаваннях, яна ўсведамляе недарэчнасць шляхецкіх забабонаў і не згаджаецца ахвяраваць каханнем дзеля іх. Жонка Сцяпана – жанчына добрая і працавітая, верная патрыярхальным звычаям. Значэнне прозвішча "Крыніцкі" па ступені разгортвання сюжэта набывае сэнсавыя канатацыі. Праз "гаваркое" ў кантэксце твора прозвішча падкрэсліваецца, што шляхецтва канчаткова яшчэ не выradзілася. Логікай падзей аўтар даводзіў, што шляхецкае асяроддзе – адна з крыніц з'яўлення людзей перадавых поглядаў. Сацыяльны партрэт засцянковай шляхты дапаўняе сям'я Пранціся і Агаты Пустарэвічаў, сваякоў Крыніцкіх. "Пустарэвіч" – прозвішча з празрыстай семантыкай: пусты чалавек. Пранцісь Пустарэвіч – гультай і п'яніца, да таго ж, пазбаўлены нашчадкаў. Акрамя таго, ён "робіць пусткі": дзеля забавы б'е посуд у гасцях, падгаворвае Сцяпана напісаць данос на Якіма як забастоўшчыка. Пустарэвіч, якога жонка абзывае "мачыляпай", "начніцай касавокай", "косткай несвянцонай", "калодай трухлявай", "анцыхрыстам", не пазбаўлены і праблескаў здаровага сэнсу, бо дастаткова аб'ектыўна ацэньвае людзей, не выракаецца народных танцаў і песень,смяецца з завышаных прэтэнзій на культурнасць магчымага зяця Крыніцкіх. Камічнай фігурай прадстае ў творы малады шляхціц Адольф Быкоўскі, заклапочаны пошукам багатай нявесты, каб паправіць сваё незайздроснае матэрыяльнае становішча. Ускосным сродкам характарыстыкі гэтага персанажа выступае прыём неадпаведнасці значэння яго імені і прозвішча, бо імя "Адольф" у перакладзе са старажытнагерманскай мовы азначае "шляхетны воўк". Адольф Быкоўскі – належыць да той часткі маладога шляхецтва, якая ганарылася паходжаннем, не ўмела і не хацела працаваць, выракалася сваіх звычаяў. У характары недалёкага ў разумовым плане шляхціца перапляліся прагматызм і безгаспадарчасць, знешняя далікатнасць і ўнутраная нявыхаванасць. Настаўнік Якім Сарока – шчаслівы сапернік Быкоўскага ў каханні да Паўлінкі, інтэлігент у першым пакаленні, дзейсная натура. Яго прозвішча латэнтна семантычна афарбаванае. Сарокай у пераносным сэнсе прынята называць балбатлівага, шумнага чалавека. Якім шмат гаворыць з Паўлінкай пра жыццё, пра будучае, у асобе закаханай Паўлінкі мае ўдзячнага слухача і паступова падрыхтоўвае бунт дзяўчыны супраць усталяваных правілаў паводзін. Малады настаўнік вылучаецца на шляхецкім і сялянскім фоне адукаванасцю, уменнем дарэчна апранацца, невыпадкова адзін з гасцей у доме Крыніцкіх называе яго франтам.

Прозвішчы персанажаў у п'есе "Паўлінка" выступалі сродкам характарыстыкі персанажаў (Пустарэвіч, Быкоўскі), выконвалі сэнсава-генератыўную функцыю (Крыніцкі, Сарока).

"Прымакі" – сцэнічны жарт. Ад аўтара жанр патрабаваў адпаведных сродкаў мастацкага ўвасаблення, найперш камічных сітуацый і запамінальных прыёмаў характарыстыкі персанажаў. Сюжэт Купалавага твора асноўваўся на сітуацыі недарэчнага прымацтва. Галоўныя героі "Прымакоў" – сяляне, якім не чужыя слабасці чалавечай натуры: захапленне лішняй чаркай, гняўлівасць, сварлівасць. Прозвішчы персанажаў "Кутас" і "Сініца" знешне не ўтрымліваюць ацэначных адносін. Кутас – пучок нітак, звязаных разам, які служыць для ўпрыгожання; сініца – птушка са стракатым апярэннем. У агульнай жа мастацкай сістэме прозвішчы персанажаў станавіліся "гаваркімі", набывалі падтэкставасць, акцэнтавалі неардынарнасць здарэння і адначасова тыповасць і выключнасць тыпу паводзін яго ўдзельнікаў.

Драма "Раскіданае гняздо" – мастацкая інтэрпрэтацыя грамадска-палітычнай атмасферы на Беларусі 1905 года. У цэнтры пісьменніцкай увагі знаходзіцца сялянская сям'я Зяблікаў. Прозвішча сям'і ўгрунтавана на сэнсавых асацыяцыях. З аднаго боку, зяблік – дробная пеўчая птушка з атрада вераб'іных, адна з самых шматлікіх на Беларусі. Птушка жыве на свабодзе і цэніць яе, Зяблікі таксама мараць быць свабоднымі. Выбарам прозвішча персанажаў аўтар

акцэнтаваў тыповасць сітуацыі і лёсаў персанажаў. Відавочны асацыятыўны план прозвішча заключаецца ў тым, што зяблікі, або берасцянкі, – гэта не арніталагічная рэдкасць, а звыклы насельнік беларускай фаўны. З другога боку, слова “зяблік” выклікае асацыяцыю са словам “зябнуць”. Купалавы Зяблікі няўтульна адчуваюць сябе ў варожым ім сацыяльным свеце, ім цяжка паразумецца нават у межах уласнай сям’і. Ёсць і яшчэ адзін сэнсавы план у прозвішча: на Міншчыне “зябліць” – араць зямлю восенню пад веснавую сяўбу. Зяблікі ў п’есе – сяляне-земляробы, што жывуць клопатам пра хлеб надзённы і будучыню, метафарычнае ўвасабленне фундамента нацыі і будучыні. Як бы паміж іншым, у п’есе згадвалася пра адваката Клепатоўскага, што абнадзейваў Лявона Зябліка ў яго спадзяванні адсудзіць зямлю ў панскага двара, але прайграў справу. Прозвішча адваката, утворана, відаць, ад польскага слова “klepać” – “грукаць”. Прайграная Клепатоўскім судовая справа Зяблікаў паскорыла распад сямейнага гнязда. П’еса “Раскіданае гняздо” насычана ўмоўна-асацыятыўнай вобразнасцю, сімваламі. Угрунтаваныя на апеляцыі да асацыятыўнага плана прозвішчы персанажаў у ёй – складнік агульнай мастацкай сістэмы і паказчык стылю аўтара як творчай, схільнай да мастацкіх эксперыментаў асобы, што знаходзілася пад уплывам паэтыкі неарамантызму з яе метафарычнасцю і шырокай падтэкставасцю.

“Трагічна-смяшлівыя сцэны ў 4-х дзеях” “Тутэйшыя” – эстэтычнае асэнсаванне Янкам Купалам нацыянальнага характару суайчыннікаў. Галоўныя героі п’есы – антыподы па стаўленні да роднага краю: дробны чыноўнік Мікіта Зносак і настаўнік Янка Здольнік. Прозвішчы дзейных асоб дастаткова празрыста рэпрэзентуюць аўтарскія грамадска-аксіялагічныя ўстаноўкі, схематычна пазначаюць сюжэтную лінію твора. Мікіта Зносак апантаны марай зрабіць службовую кар’еру: атрымаць “асэсарскую рангу” пры любой уладзе, каб ажаніцца з Настай Пабягунскай. Ён павучальна зазначае Янку Здольніку: “А ў мяне, хэ-хэ-хэ! пане прафэсар, душа рэальная: хто мне лепей плаціць, таму і служу і кіхаць хачу на ўсякія ідэі. Мая лінія жыцця вельмі простая” [1, 268]. Але потым гаворыць амаль адваротнае, сцвярджаючы сваю “ісціна-рускую місію” ў асяроддзі “тутэйшай сярмяжнай шаціі”: “Междду протчым, не забывайцеся, пане беларус, што я найздальнейшы вучань акадэмікаў Скрынчанкі і Саланевіча. Апрача таго, нас бацька Пурышкевіч, быўшы ў Менску тут, змеціў і, ад’язджаючы, на гэтую місію благаславіў” [1, 293]. Мікіта імкнецца прыстасоўвацца да зменлівых грамадска-палітычных абставін, аднак пастаянна трапляе ў недарэчнае становішча. Ён мяняе форму імя, прозвішча (называе сябе то Нікіціушам Зносіловскім, то Нікіціем Зносіловым), палітычныя і нацыянальныя сімпатыі. Мікіта – яркае ўвасабленне прыстасавальніцкіх рыс і настрояў у асяроддзі беларусаў, абумоўленых умовамі гістарычнага існавання гэтага народа. Усе намаганні Мікіты выбіцца ў людзі заканчваюцца правалам, бо, нягледзячы на прагматычныя ўстаноўкі, памкненні і дзеянні персанажа знаходзяцца ў разладзе са здаровым сэнсам. Гэта падкрэсліваецца ў творы праз шэраг эпізодаў і шматлікія алагічныя выказванні персанажа. Напрыклад, пра сябе як частку чыноўніцтва ён заўважае: “Мы цвёрда стаялі на варце святога расійскага самаўладства і баранілі тутэйшую рускую народнасць ад *інародчаскага засілля* (вылучана намі – В.Б.)” [1, 267]; пра польскі дакумент гаворыць: “Каб яго *калядны* (вылучана намі – В.Б.) пярун спаліў!” [1, 330]: начальніка чырвонаармейскага патруля называе “ваша таварыскасць”, “ваша чырвонае благародзіе”. Як вядома, зносак – гэта маленькае, звычайна апошняе курынае яечка, а ў пераносным сэнсе – нікуды не варты чалавек. Мікіта – першы і адзіны сын ў сям’і, у фінале твора яго забірае чырвонаармейскі патруль, Мікіту абвінавачваюць у даносах і рабаўніцтве мірных жыхароў. Іншымі словамі, Мікіта асуджаны на пакаранне смерцю. “Дзяўчына няведамых заняткаў” Наста Пабягунская, якая, па словах Зносака, “на ўсе бакі вядзе шырокае знаёмства”, “асоба спрытная”, таксама надзелена “гаваркім” прозвішчам. Яно ўказвае на яе лад жыцця: Наста ўвесь час знаходзіцца ў руху, першай мае інфармацыю “з пэўных крыніц”. Дзяўчына – духоўная сваячка Мікіты Зносака: яна падладжваецца пад сітуацыю, кіруецца ў сваіх учынках пачуццём выгады. Празрыстая семантыка прозвішча і ў знаёмай Мікіты тутэйшай дамы – Шпацэрзон, што паводле дакументаў, з’яўляецца ганаровым членам Менскай дабрачыннасці. Дама ўвесь час “шпацыруе”: то адступае разам з чарговымі акупантамі, то вяртаецца ў Мінск, а з усталяваннем Савецкай улады збіраецца пайсці ў манастыр.

Побач з прозвішчамі з празрыстай семантыкай выкарыстоўваюцца ў “Тутэйшых” і іншыя варыянты прозвішчаў з пэўнымі функцыямі. Настаўнікам моў і красамоўства Мікіты Зносака ў творы выступае Гэнрых Мотавіч Спічыні. У гэтага персанажа італьянскае прозвішча, нямецкае імя, яўрэйскае імя па бацьку. Старажытнагерманскае імя Генрых азначае “магутны”, “багаты”, аднак гэты персанаж – увасабленне духоўнай, інтэлектуальнай, маральнай беднасці. Спічыні – ваяўнічы касмапаліт і ўдалы прыстасаванец, “спэц адбеларушчываць, а ад абеларушчывання яго яшчэ змалку адвярнула” [1, 323], пра якога маці Мікіты зазначыла: “Мне здаецца, што ён проста, як і мы, тутэйшы” [1, 282]. Яго прозвішча суадносіцца са словам “спіч”. Гэнрых Мотавіч – палітычны хамелеон з устаноўкай на выжыванне і поспех.

Семантыка прозвішча, як і аўтарская ацэнка асобы і дзейнасці, настаўніка Янкі Здольніка ў творы пазбаўлены адназначнасці. З пункту гледжання большасці літаратуразнаўцаў, станоўчы герой, з пункту гледжання П.В. Васючэнкі – варыянт інварыянта тутэйшага чалавека. Многія літаратуразнаўцы радаводную прозвішча персанажа выводзілі ад слова “здольны”, зыходзячы з таго, што Янка ў творы выказвае ідэі, блізкія і дарагія самому Янку Купалу. Акрамя таго, Здольнік надзелены вострым крытычным розумам, палкім жаданнем палепшыць нацыянальную рэчаіснасць. Ён абудзіў да сябе пачуццё прыязнасці з боку кватэрнай гаспадыні Ганулі Зношчыхі, старога селяніна Лявона Гарошкі, выклікаў павагу і пачуццё кахання ў юнай Аленкі Гарошкі. Мікіта Зносак іранічна абзывае яго “дырэктарам (настаўнікам – В.Б.) беларускай басоты”. Усходні вучоны беспаспяхова спрабуе прадставіць Янку Іоанам Здольнікавым, а Заходні – Янушам Здольніцкім, бо абодва знаходзяцца пад уплывам пэўных ідэалагічных догмаў. П.В. Васючэнка трапна заўважыў, што ўсе персанажы гэтай Купалавай п’есы у рознай ступені “закрануты хваробай тутэйшасці” [2, 160]. Зыходзячы з гэтага мэтазгодна звярнуць увагу, што ў беларускай мове слова “здольнік” абазначае чалавека, які арандаваў зямлю на правах здольшчыны, гэта значыць, плату за арэнду зямлі ўносіў не грашамі, а ўраджаем. Асацыятыўны канцэптуальны план у “Тутэйшых” шматзначны. Купалаў Янка Здольнік, якому ўласціва пачуццё нацыянальнага гонару, – прадстаўнік нацыянальна свядомай часткі грамадства, прычым такой, што не мае свайго сталага прытулку. Янка Купала дасціпна звяртаў увагу на тое, што на беларускай зямлі той, хто адкрыта пазіцыянуе сябе беларусам, фактычна з’яўляецца кватарантам, а не гаспадаром, што, наадварот, паўнавартаснымі гаспадарамі сябе пачуваюць тут якраз тутэйшыя, бо іх пераважная большасць.

Латэнтная падтэкставасць прысутнічае ў прозвішчах бацькі і дачкі Гарошкаў. Гарошкі, у адрозненне ад іншых персанажаў п’есы, – вяскоўцы. Лявон Гарошка належыць да старога пакалення беларусаў. Ён стаічна пераносіць жыццёвыя нягоды, падчас грамадскіх нецікот пастаянна вывозіць “абскубандаў” з роднай зямлі. Яго нацыянальная самасвядомасць яго знаходзіцца ў зародкавым стане. Дачка Лявона Аленка духоўна і інтэлектуальна вырасла пад уплывам Янкі Здольніка, стала яго аднадумцам і жонкай. У паказе пісьменніка сялянства з яго прывязанасцю да зямлі, роднага кута здольнае да набыцця нацыянальнай самасвядомасці. Яно пакуль яшчэ нагадвае гарох пры дарозе, але пры пэўных абставінах гатова будзе развітацца з комплексам тутэйшасці.

Выбар прозвішча персанажа ў драматычных творах Янкі Купалы дэтэрмінаваўся канцэптуальнымі пісьменніцкімі ўстаноўкамі і формамі іх эстэтычнай рэпрэзентацыі, найперш жанрам твораў. Калі ў першым драматычным творы прозвішча галоўным чынам рэпрэзентавала аўтарскую ацэнку персанажа, то ў наступных творах – семантыка прозвішча і аўтарская ацэнка яго носьбіта раскрываліся праз сюжэт. Асноўныя функцыі прозвішчаў у драматычных творах пісьменніка – характаратворчая, семантыка-генератыўная і стылеўтваральная. Варта адзначыць, што па меры пісьменніцкага пасталення, паглыблення праблематыкі твораў семантыка-генератыўная функцыя прозвішчаў персанажаў узмацнялася.

Літаратура

1. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т. / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1993–2003. – Т. 7. – 2001. – 399 с.

2. Васючэнка, П. В. Драматургічная спадчына Янкі Купалы / П. В. Васючэнка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 173 с.

Е.Г. Бураго
Институт языкознания Украинской НАН
e-mail: burago@list.ru

УДК 811.161

ТОПОНИМ «КИЕВ» КАК КОНЦЕПТ

Ключевые слова: *топонимия, ойконимия, значение, образ, общие и индивидуальные характеристики.*

В статье раскрывается концептуальная структура ойконима Киев, показывается, что она может быть представлена в виде поля и состоит из трех слоев: ядро – это образ города, нарисованный в поэтических текстах, периферия – информационное содержание и дальняя периферия – интерпретационное поле.

E.G. Burago
The Ukrainian National Academy of Sciences, Institute of Linguistics

THE TOPONYM "KIEV" AS A CONCEPT

Key words: *toponymy, settlement names, value, image, common and individual characteristics.*

The article reveals the conceptual framework of the oikonyme "Kiev", it shows that the structure has a field structure and consists of three layers: the core is the image of the city, the periphery is the informational contentand the far periphery is the interpretative field.

Топонимика – это раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, закономерности их развития и изменения во времени [3, 515]. Топонимика имеет ряд разделов, в один из которых – ойконимию (название поселений) – попадает *Киев*. По своему происхождению данный топоним (ойконим) образовался в процессе естественно-исторического развития. Существует легенда, согласно которой в конце каменного века (примерно 20 тыс. лет назад) три брата Кий, Щек, Хортив и их сестра Лыбедь основали на крутом берегу Днепра город и назвали его в честь старшего брата Киевом. Уже в наше время археологические раскопки позволили подтвердить эту дату. Постепенно Киев объединил восточнославянские племена – полян, древлян, угличей и северян – и к 11-му веку стал одним из самых известных центров цивилизации в христианском мире.

Реконструируя концепт Киев, мы должны учитывать теоретические знания в области семантики ономастических единиц. Так, В.А. Никонов выделял три плана в значении топонимов:

1) дотопонимический (этимологический): значение того слова, от которого образовался топоним; это имя собственное Кий;

2) топонимический (прямой географический): значение, относящееся к функционированию топонимов – Киев расположен в пределах Приднепровской низменности, вблизи Приднепровской возвышенности с умеренно-континентальным климатом;

3) посттопонимический: ассоциации, которые связываются у человека с названием в результате знакомства с объектом [4, 57–61] – *стольный град, древний Киев, мать городов русских* и др.

Раскроем данную трехступенчатую структуру подробнее.

Одним из первых в отечественном языкознании проблему значения имени поднимает А.А. Потебня. Его двусторонний подход к понятию – это идея о ближайшем и дальнейшем значениях слова. Описывая концепт, именем которого является имя собственное, мы должны определить и те самые вторые «нарицательные» значения имени собственного (или дальнейшее значение в терминологии А.А. Потебни), которые могут раскрыться лишь при анализе разнообразных контекстов.

В середине прошлого века об имени собственном в лексикографическом аспекте писал Л.В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» (1940 г.). Отстаивая необходимость включения имени собственного как важной единицы общения, в обычный толковый словарь, ученый видел всю сложность решения данного вопроса. Л.В. Щерба утверждает, что те сведения, которые даются в энциклопедиях, никоим образом не входят в значение имени собственного, так как они не яв-

ляются общеизвестными. Задача же состоит в том, «чтобы определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать данным собственным именем в речи». Этим минимумом является понятие, «под которое следует подводить то или другое собственное имя». При этом, отмечает Л.В. Щерба, «некоторые характерные черты того или иного предмета могут иногда входить в значение соответственного собственного имени, приближая его к нарицательному» [5, 236]. Исследователь приводит следующий пример: имя *Европа* имеет в нашем языке характерный признак − 'страна передовой цивилизации', что обусловлено наличием таких словосочетаний, как *европейские манеры, европейская вежливость* и т. д. Имя же собственное *Киев* можно подвести под такое понятие: «древний город на Днепре, ставший столицей Российской Украины».

Действительно, «общеобязательным минимумом», известным всем носителям языка, является тот факт, что Киев – это древний центр восточного славянства, о котором упоминается в древних исторических памятниках – «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве», это «столица Украины» [1, 681]. Как видим, в Большом энциклопедическом словаре в качестве характерного признака города отражен признак его административного статуса. Однако исследуемый концепт «Киев» включает в себя всю сумму накопленных личностью знаний, представлений о городе, среди которых выделяются и общие существенные признаки Киева, и сугубо индивидуальные (авторские). Например, к авторским можно отнести такое представление о Киеве: *Киев – Мекка геронтологии* (Р. Левин).

К общим относятся такие существенные признаки, как указание на святость и славу, а также возраст города: *В ризе святости и славы / Опоясан стариной, / Старец-Киев предо мной / Возблистал золотоглавый* (В. Бенедиктов), *пращур городов* (К. Случевский). Эти признаки встречаются у многих авторов.

Во многих стихах о Киеве просматривается историческая информации: *Тень Владимира летает…* (И. Козлов) – факт крещения князем Владимиром, когда было введено христианство как официальная религия.

Отмечается такая характеристика облика Киева, как неземная красота, обилие церквей – *Смотрелся в Днепр с берегов высоких, / И красотой из стран далеких / Пришельцев чуждых привлекал* (К. Рылеев); *златоглавый Киев.*

Киев как источник духовной силы, подаривший ее потом всем восточным славянам: *Отсюда кротости ученье разлилось, / По всей Руси распространилось* (М. Волошин); *светлый град* (И. Козлов).

Киев – это также мистический центр, что неоднократно отмечалось у поэтов разного времени: *Из логова змиева / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью… Снеси-ка истому ты / В днепровские омуты, / На грешную лысую гору* (Н. Гумилев).

В поэзии разных авторов фигурируют артефакты и ценности культуры: *Бандур и кобз звучат в душе струны* (Н. Животов); *Чугунный конь замедлит бег / На старой площади Софии* (Дон Аминадо). *Софийский собор засыпает – смежаются веки* (Н. Новиков).

Довольно часто встречается в поэзии буйство стихий в городе, в основном – летней грозы: *Поток зарниц, гроза в разгаре, / Недвижный Днепр, ночной Подол.*

Сказочный Киев – в приводимом четверостишье намек на царство Соловья-разбойника (стихотворение так и называется «Соловей-разбойник»): *В Ирпене под Киевом / Со времен Владимира – Вотчина последняя, / Царство соловьев* (Н. Новиков).

Таким образом, ойконим *Киев* может быть представлен как сублимированный текст, извлечение информации из которого означает развернутую экспликацию содержания этого текста, хранящегося в имени собственном в неявном виде [2].

Ойконимы имеют разный потенциал концептуализации, который зависит от их известности и значимости для языковой личности, масштаба среды употребления ойконима, степени освоенности территории, наличия личного опыта, связанного с тем или иным населенным пунктом. Как показывает поэзия (начиная с 18 в. и до наших дней), ойконим Киев имеет высокий потенциал концептуализации.

Изученный нами корпус поэтических текстов позволил выявить основные смыслы, репрезентируемые поэзией: 1) Киев как наименование географического объекта (соотнесенность с денотатом, местоположение, ландшафт); 2) Киев как наименование места жизнедеятельности (ути-

литарность, прагматический аспект); 3) Киев как носитель культурной информации; 4) Киев как носитель исторической информации; 5) Киев как антропоморфный образ; 6) ойконим как «свое» или «чужое» пространство. Обязательными элементами структуры данного ойконимического концепта являются антропоморфная характеристика и связь с концептом «свой – чужой», а также культурная и историческая информация, заложенная в ойкониме, и его функционирование в поэзии. Эти смыслы легли в основу концепта *Киев,* который был реконструирован нами на основе поэтических текстов о Киеве. Конкретное содержательное наполнение и структурирование ойконимических концептов зависит в значительной мере от места проживания носителей лингвокультуры, в сознании которых изучаемый концепт сформировался. Так, у киевлян в структуру концепта входят природные и внутригородские объекты (*Подол, Днепр, Лысая гора, площадь Софии* и др.): *Булыжный спуск на Бессарабку, / Больничный за оградой сад* (Р. Левин). У жителей отдаленной местности структура ойконима формируется иными элементами и смыслами, в основном – стереотипными представлениями о Киеве (*мать городов русских*).

Анализ содержания и структуры данного концепта подтвердил предположение о том, что ойконимические концепты можно классифицировать на основании значимости населенных пунктов для того или иного поэта, такая дифференциация коррелирует с представлениями об универсальных и индивидуально-личностных концептах в сознании носителей лингвокультуры.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. − 1599 с.
2. Гурская, Ю. А. Белорусские двучленные имена собственные. Портрет имени собственного Радзивиллы / Ю. А. Гурская. – Минск, 2003. – 157 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь − М., 1990. − 683 с.
4. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. **Никонов.** – М. : Наука, **1965.** – 180 с.
5. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. − 431 с.

С.Ф. Бут-Гусаім
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by

УДК 811.161.3’373.2

УЛАСНЫЯ АСАБОВЫЯ ІМЁНЫ Ў КАНТЭКСЦЕ ТВОРАЎ ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК

Ключевые слова: *лингвокультурология, литературно-художественная ономастика, оним, антропоним, языческий антропоним.*

В статье рассматриваются употреблённые в исторической прозе Зинаиды Дудюк антропонимы, которые являются носителями ценной информации о материальной и духовной культуре древних славян. В работе изучена характерная для мифологического сознания креативная функция именования, согласно которой имя играет дезидеративную (пожелательную) роль, определяя сущность и судьбу именуемого. Имена персонажей описаны с точки зрения степени смысловой активности.

S. F. But-Gusaim
Brest State University named after A.S. Pushkin

PROPER PERSONAL NAMES IN THE CONTEXT OF LITERARY WORKS BY ZINAIDA DUDYUK

Key words: *cultural linguistics, literary and art onomastics, onim, anthroponym, pagan anthroponym.*

The article views the anthroponyms used in the historical prose by Zinaida Dudyuk which are the bearers of valuable information about material and spiritual culture of the ancient Slavs. The work deals with the creative function of naming, wich is characteristic of mythological thinking, according to it the name has a desiderative

(wishing) role, defining the essence and the fate of a person being named. The names of characters are described from the point of view of the degree of the sense value.

Прадметам мастацкага аналізу ў гістарычным прыгодніцкім рамане Зінаіды Дудзюк "Велясіты" стала адна з невядомых старонак даўняй славянскай гісторыі. Пісьменніца ўзнаўляе падзеі IX-X стагоддзяў н. э. – процістаянне старажытнай славянскай дзяржавы Велясіціі Візантыйскай імперыі. У аповесці-хранографе "Славянскія князі" і зборніку эсэ "Шляхамі адвечнага слова" З. Дудзюк, абапіраючыся на звесткі, пакінутыя старажытнымі гісторыкамі, адшуквае даўнія сляды славянскіх плямёнаў – смалян, магілян, селічаў, рачан, лісічан, сапаў, люцічаў і многіх іншых – у помніках культуры чалавецтва. У зборніку эсэ "Нямеранае багацце" З. Дудзюк тлумачыць паходжанне найстражытнейшых антрапонімаў, вывучае сканцэнтраваную ў імёнах герояў легенд, міфаў, паданняў і казак культурна-гістарычную інфармацыю – захаванае і перададзенае ад продкаў да нашчадкаў нямеранае духоўнае багацце славянскіх народаў. Аўтарка не толькі малюе драматычныя падзеі і постаці мінулага. Яна тонка перадае асаблівасці светаадчування і мыслення старажытных славян. Вырашэнню гэтай мастацкай задачы спрыяе ўмелае выкарыстанне вобразна-выяўленчых магчымасцяў уласных імёнаў, найперш – антрапонімаў.

Імёны, што функцыянуюць у творах, складаюць антрапанімічную прастору мастацкага тэксту. Тэрмін ***антрапанімічная прастора*** азначае "сукупнасць усіх антрапонімаў, якія ўжываюцца ў мове пэўнага этнасу ў пэўны гістарычны перыяд" [11, 131]. Пісьменніца ў антрапаніміконе сваіх твораў па-мастацку прэзентуе рэальны свет, рэчаіснасць. Таму антрапанімічная прастора мастацкага тэксту з'яўляецца адлюстраваннем пэўнай этнамоўнай антрапанімічнай прасторы, якая аб'ектыўна склалася і існуе ў тую ці іншую гістарычную эпоху. Ствараючы антрапанімічны свет свайго твора, аўтарка выбірае адпаведныя месцу, часу, этнакультурнаму рэгіёну, у якім разгортваюцца падзеі, онімы.

Творы З. Дудзюк цікавыя і адметныя спалучэннем свету рэальных падзей і постацяў айчыннай гісторыі са светам падзей і персанажаў, народжаных уяўленнем аўтаркі. Таму ўсе зафіксаваныя ў творах антрапонімы мы можам падзяліць на дзве групы. Па-першае, гэта імёны рэальных гістарычных асобаў, па-другое, гэта празванні персанажаў, створаных фантазіяй пісьменніцы.

Значную частку антрапанімікону гістарычных твораў складаюць імёны рэальных гістарычных дзеячаў, валадароў тагачасных дзяржаў свету: славянскіх князёў ***Вакаміра, Драгавіта, Мусокія, Пірагаста, Людавіта,*** імператара Вялікай Рымскай імперыі ***Карла***, булгарскага хана ***Крума***, візантыйскіх базілеўсаў ***Канстанціна, Льва, Нікіфара,*** базілісы ***Ірыны***, патрыярха ***Мікалая III***, каліфа ***Гаруна-аль-Рашыда*** і інш.

З. Дудзюк не раз выкарыстоўвае прыём актуалізацыі ўнутранай формы імені рэальнай гістарычнай асобы. Напрыклад, князь Велясіціі мае імя ***Вакамір***. Кантэкст рамана "Велясіты" напаўняе гэтае найменне глыбінным сэнсам. Празванне валадара велясітаў утрымлівае інфармацыю пра даўнія вандроўкі славянскіх плямёнаў па Еўропе і Азіі. Сын князя наведаў мёртвы горад у далёкай пустыні, дзе яму расказалі пра тое, што "ў *такім горадзе была пабудавана вежа, на якой прымацаваны вялізны празрысты крышталь, праз які чараўнікі разглядалі зорнае неба і чыталі боскія тайны лёсаў. Гэты крышталь называўся* ***вокам свету [міру]. Мір*** *на славянскіх мовах азначае не толькі згоду, адсутнасць вайны, але і свет. Выходзіць, што і продкі славян ведалі пра гэта цудоўнае вока*" [2, 17]. Згодна з традыцыяй таго часу асабовыя імёны палітычных дзеячаў ужываліся ў некалькіх фармальных разнавіднасцях. Так, рамеі [візантыйцы] называлі князя ***Акамірам***: "*магчыма, першыя тры літары ім нагадваюць слова "****аква****" – вада*" [2, 24].

Нашы продкі разумелі імя матэрыяльна, як неад'емную частку іменаванага, верылі ў тое, што імя прадвызначае жыццёвы шлях чалавека. Вера ў сувязь імені чалавека і яго лёсу выявілася ў звычаі надаваць немаўляці імя боства, якое будзе ахоўваць носьбіта празвання ад небяспекі. Так, князь ***Веляслаў*** быў названы ў гонар ***Вялеса***: "*Ён носіць імя <u>бога, які спрадвеку апекуецца іхнім родам і гаспадаркаю</u>*" [2, 21]. У цяжкія хвіліны жыцця ***Веляслаў*** просіць падтрымкі і спрыяння ад пакравіцеля шляхоў і падарожных, магутнага чараўніка ***Вялеса***: "*Магутны* ***Вялесе*** *і духі продкаў, звяртаюся да вас з просьбаю. Дапамажыце мне ва ўсіх задумах і здзяйсненнях, дайце мудрасці і сілы"* [2, 53]. Сляды

пакланення нашых продкаў язычніцкім багам можна знайсці і ў сучасным антрапаніміконе. У зборніку эсэ “Нямеранае багацце” З. Дудзюк заўважае, што *“на Берасцейшчыне даволі пашыраныя прозвішчы* ***Велясевіч, Валасевіч, Волас, Валаско, Власюк, Волах, Валашанюк, Валошка, Валошчык, Валашчук, Волх,*** *што паказвае на магчымую прыналежнасць уласнікаў гэтых прозвішчаў да племя, якое пакланялася* ***Вялесу***” [5, 22−23]. Пісьменніца адзначае, што імёны бостваў ляжаць у аснове найменняў магутных правадыроў славянскіх плямёнаў: “*Хоць у гістарычных крыніцах гэта імя запісана як* ***Ардагаст****, хутчэй за ўсё, па-славянску яно гучала як* ***Радагост****, або* ***Радагосць****. Слова Ардагаст дзеліцца на дзве часткі: арда (зменена* ***“рада”****) і гаст (сэнсава адпавядае слову* ***“госць”****). Прынамсі,* ***Радагостам*** *называўся галоўны бог паморскіх славян. У якасці антрапоніма гэтае імя было распаўсюджана ў старажытнабалгарскай, старых чэшскай і польскай мовах*” [6, 214]; “***Вышан*** *– князь славянскага племені абадрытаў. Магчыма, імя магло гучаць як* ***Вышань****, бо* ***так называўся адзін з галоўных язычніцкіх багоў, у якім увасабляўся дух Усявышняга***” [6, 246].

“Слова імя ўзыходзіць да індаеўрапейскага *nmen- з *enmen-, якое тлумачаць як утварэнне ад *en “унутры”, “у” + -men (суфікс). Адсюль – найстаражытнейшая семантычная інтэрпрэтацыя імені як таго, што ўкладваецца, накладваецца, ускладаецца” [9, 23]. **Стваральная** прырода называння праяўлялася ў функцыянаванні так званых **імёнаў-пажаданняў,** якімі нібыта накрэсліваўся лёс старажытных валадароў: “***Валук*** *– князь венедаў. Імя гэтае паходзіць ад слова* ***“ўладыка”*** *і азначала ў славян вярхоўнага* ***кіраўніка, правадыра*** *ці* ***князя.*** *Магло паходзіць імя і ад слова* ***“вялікі”****, якое, магчыма, уваходзіла ў склад княжацкага тытула*” [6, 235]. З. Дудзюк адзначае, што ў славян былі пашыраны **засцерагальныя** імёны, якія, маючы адмоўны сэнс, павінны былі адхіліць беды, хваробы і смерць: “***Нябул*** *– славянскі князь, імя якога паходзіць ад дзеяслова* ***“не быў”*** *і з’яўляецца ахоўным ад злых духаў, дарэчы, на палескім дыялекце гэтыя словы вымаўляюцца як* ***“не буў”*** [6, 241].

Імёны палітычных і рэлігійных дзеячаў, як адзначае В. Шур, выкарыстоўваюцца як ***сродак сацыяльнай тыпізацыі***. “Яны дазваляюць надаць падзеям і фактам, што адлюстроўваюцца ў творы, рысы праўдападобнасці, мастацкай пераканальнасці” [12, 25].

У даўніх імёнах, якія данеслі да нас казкі і легенды, фіксуюцца ўяўленні нашых продкаў пра будову сусвету. Сусвет уяўляўся старажытным славянам як адзінства неба, зямлі і свету падземнага. З зямлі можна было падняцца да неба і трапіць у царства памерлых. Вось зямлі пранізвала сусвет і звязвала неба, зямлю і апраметную ў адно цэлае. Воссю зямлі было Сусветнае Дрэва Жыцця, гара або камень. Галоўным героем беларускай казкі “***Сіняя Світа Навыварат Сшыта Саламяны Каўпак”*** з’яўляецца чараўнік, які можа мяняць свой выгляд як заўгодна. Каб абхітрыць цара, чараўнік ператвараецца ў звяроў, рыбу, іголку і просіць дапамогу ў птушкі Нагай, якая жыве на тым свеце**.** ***Сіняя Світа Навыварат Сшыта*** пераходзіў з таго свету ў гэты, мяняючы абліччы. Пісьменніца тлумачыць сакральны сэнс імені гэтага персанажа: *“****Сіняя Світа Навыварат Сшыта*** *– гэта не што іншае, як неба. Мы бачым вонкавы бок неба, а герой казкі ведае яго з сярэдзіны, з левага боку.* ***Саламяны Каўпак*** *– другая частка імя – гэта таксама намёк на нябесны купал ці, можа, нават на сонца… Галоўны персанаж казкі не проста чалавек, гэта хутчэй пасланец неба, каб пазмагацца з зямным царом-чарадзеем, перамагчы яго ды ажаніцца з ягонай дачкою, яднаючы зямлю і неба. Гэтак неба яднаецца з зямлёю праз Вечнае Дрэва Жыцця, каб прадоўжыць існаванне свету*” [5, 22−23].

Што да імёнаў персанажаў, створаных фантазіяй пісьменніцы, то найменні гэтыя адлюстроўваюць мадэлі іменавання, якія існавалі ў старажытных славянскіх дзяржавах. У.А. Ніканаў пісаў: “Уласнае імя існуе толькі ў грамадстве і для грамадства; яно і дыктуе няўмольна выбар іх, якім бы індывідуальным ён ні ўяўляўся” [8, 158]. Імёны ў старажытным грамадстве былі сацыяльна інфарматыўнымі. Так, героі рамана “Велясіты”, якія з’яўляюцца прадстаўнікамі вышэйшых саслоўяў, маюць складаныя імёны: княгіня ***Міраслава***, вядун ***Святаслаў*** і інш. У такіх імёнах адлюстравана найстаражытнейшая традыцыя ***імяслаўя***. Празванні ўтрымлівалі пажаданне чалавеку стаць вялікім, магутным, моцным, слаўным валадаром або святаром. Імёны прадстаўнікоў ніжэйшых саслоўяў уяўляюць сабой празванні-мянушкі, якія адлюстроўваюць знешнасць (***Агнян, Злаціца, Лілея***), характар чалавека (***Радуня, Весяліна, Гаразд, Храбр***), абставіны нараджэння (***Обрыч*** быў народжаны ад ***обра*** – прадстаўніка цюркскага

племені – славянскай жанчынай), адносіны да дзіцяці ў сям'і (***Любім***). Апатрапеічнае (ахоўнае) імя ***Неўдах*** (Нешчаслівы) павінна было адпужаць духі няўдачы ад чалавека.

Героі рамана "Велясіты" князі Драгамір і Веляслаў падарожнічаюць па свеце, наведваючы Візантыю, каралеўства франкаў, мусульманскія краіны. Інфармацыю пра нацыянальную прыналежнасць персанажаў-іншаземцаў – візантыйцаў (***Эцый, Памфіл, Галерый, Стаўрокій, Мікандр***), франкаў (***Атальберт, Рамгуальд, Альда, Радэр***), арабаў (***Забайда, Муса, Зелімхан***) – нясуць іх імёны.

З пункту гледжання літаратурна-мастацкай (паэтычнай) анамастыкі, многія з імёнаў персанажаў, створаных фантазіяй аўтаркі, з'яўляюцца ***гаваркімі онімамі***.

Адна з галоўных гераінь твора носіць імя ***Радуня (Радасць***), якое адпавядае знешняй і ўнутранай сутнасці прыгажуні, што падарыла князю Веляславу ***радасць*** першага кахання, пайшла з ім у палон, ратавала словам і лекамі параненага Драгаміра: "*Веляслаў зноў пабачыў яе, маладую, светлую, закаханую… Яму так яскрава ўявіліся шэрыя* ***Радуніны*** *вочы, доўгая русявая каса, усмешлівыя вусны і ямачкі на шчоках, што, здалося, працягні руку – і яна апынецца ў абдымках, даверлівая і свавольная, пяшчотная і недасяжная, як тая першая вечаровая зорка*" [3, 22]. Станоўчая экспрэсія ўзмацняецца за кошт ужывання памяншальна-ласкальнай формы імені: "*Дзякую табе,* ***Радунька****. Ты свецішся, нібы сонца. І мне светла, таму што ты побач!*" [4, 110].

Пісьменніца фіксуе даўні звычай нашых продкаў набываць новае імя пры пераходзе ў іншы ўзроставы, сацыяльны статус. Аўтарка адзначае, што ў старажытнасці людзі былі ўпэўнены ў ***пераўтварэнні*** чалавека, які набывае новае празванне. Імя дачкі хазарскага кагана, прыгажуні ***Багдагуль,*** адзначае '*кветка, дадзеная Богам'*: "*над ім [іменем] ляталі рознакаляровыя матылі і спявалі птушкі. Яно мела бязмежную прастору мары і надзеі, дзе над белаю юртаю ззяла золатам сонца і сінела неба, а іхнім адлюстраваннем цвілі на зямлі блакітныя і жоўтыя* ***кветкі****"* [2, 28]. Страціўшы волю, ***Багдагуль*** губляе і імя, становячыся пасля хрышчэння ***Ірынай***. Імя, што ў грэчаскай мове азначае азначае '*мір',* нібыта накрэсліла лёс прыгажуні, якая стала заложніцай ***міру*** паміж Візантыяй і цюркскімі плямёнамі: "*Я страціла вольную прастору. Мяне прывезлі ў каменны палац, дзе ўсё ілжыва блішчыць пазалотаю, але гэта толькі залатая клетка, дзе я вымушана дзень і ноч змагацца за сваё спакойнае існаванне ў жыцці* " [2, 28]. "***Багдагуль*** *і яе дзядзьку давялося адмовіцца ад сваіх шматлікіх хазарскіх багоў, прыняць хрысціянства, змяніць імёны. Яна стала называцца* ***Ірынай*** *у гонар умацавання міру паміж хазарамі і візантыйцамі*" [27, 29].

Дахрысціянскія імёны часта ўтвараліся на базе найменняў раслін і жывёл. Я. Станкевіч адзначаў ***дэзідэратыўны (пажадальны***) характар такіх імёнаў: "Даючы такія й падобныя ймёны, бацькі ймёнамі выказвалі свае зычэньні дзецяняці, зычылі, каб сын быў дужы, як мядзьведзь, тур, вол; хітры, як ліс; адважны, як арол, сакол; цьвярды, як дуб; каб дачка была любовая, як зязюля; харошая, як ластаўка, краска, кветка" [10, 96]. На старонках твораў З. Дудзюк многа паганскіх імёнаў, утвораных на базе найменняў жывых істот. Носьбіты такіх празванняў нібыта роднасныя тым жывёлам, птушкам і раслінам, назвы якіх сталі асновай гаваркіх імёнаў. У аснове язычніцкага імені княгіні ***Дубраўкі*** ляжыць апелятыў са значэннем '*лес са значнай колькасцю* ***дубоў*** *і маладога* ***дубняку***". ***Дуб*** у славянскай міфалогіі – сімвал вечнага жыцця. Верхняя частка дуба сімвалізуе свет вечнасці, а карані адпавядаюць зоне захавання продкаў. Каля каранёў знаходзіцца ўваход у Трыдзявятае царства – царства смерці. "***Дубравы*** старажытнымі славянамі лічыліся свяшчэннымі, былі звязаны з культам продкаў, уяўляліся месцам, дзе захоўваліся душы дзядоў" [1, 147]. Імя ***Дубраўка*** адпавядае надзвычайным здольнасцям жанчыны, якая тонка адчувае нябачны свет духаў і можа адкрываць будучыню ў прарочых снах. Страціўшы мужа-князя, ***Дубраўка*** самаахвярна кідаецца ў пахавальны агонь, каб суправаджаць Вакаміра ў царства памерлых. Асновай імені ***Салавей*** становіцца найменне птушкі, высока цанёнай за дасканалы спеў. Чалавек з такім іменем атрымлівае ў спадчыну ад продка-татэма якасць цудоўна гаварыць і зачароўваць сваімі прамовамі супляменнікаў: "*Захаваліся звесткі пра наўгародскага паганскага валхва, які так прыгожа і ўзнёсла ўмеў гаварыць пропаведзі, што за гэта быў празваны людзьмі* ***Салаўём****. Калі ж пачалося прымусовае хрышчэнне наўгародцаў,* ***Салавей*** *сабраў сваіх адданых вернікаў і пачаў помсціць князям. Ці не пра яго пасля была складзена быліна, якая называлася "****Салавей****-разбойнік*" [7, 5].

Такім чынам, у творах Зінаіды Дудзюк па-мастацку адлюстраваны не толькі іменаслоў дахрысціянскай пары, але і адчуванне старажытным чалавекам свету праз імя – неад'емны

складнік асобы, які праграмуе лёс, звязвае з татэмным продкам, абараняе чалавека ад злых сіл, аб'ядноўвае з сям'ёй, родам, племенем. З пункту гледжання літаратурна-мастацкай анамастыкі, большасць антрапонімаў, ужытых у кантэксце прааналізаваных твораў пісьменніцы, з'яўляюцца ***ўскоснагаваркімі паэтонімамі***. Дэфінітыўная сутнасць такіх найменняў раскрываецца ў кантэксце твора, які стварае ўяўленне пра носьбітаў гаваркіх імёнаў.

Літаратура

1. Беларуская міфалогія : энцыклап. слоўнік / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2- выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
2. Дудзюк, З. І. Велясіты. Ч. 1 / З. І. Дудзюк // Маладосць. – 2005. – №. 2. – С. 18–87.
3. Дудзюк, З. І. Велясіты. Ч. 2 / З. І. Дудзюк // Маладосць. – 2005. – №. 3. – С. 5–23.
4. Дудзюк, З. І. Велясіты. Ч. 3 / З. І. Дудзюк // Маладосць. – 2005. – №. 4. – С. 110–132.
5. Дудзюк, З. І. Нямеранае багацце : эсэ / З. І. Дудзюк. – Брэст : Альтернатива, 2012. – 82 с.
6. Дудзюк, З. І. Славянскія князі : аповесць-храніограф / З. І. Дудзюк // Кола Сварога. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 202–258.
7. Дудзюк, З. І. Шляхамі адвечнага слова / З. І. Дудзюк. – Брэст : Грамадская арганізацыя "Брэсцкі абласны цэнтр падтрымкі грамадзянскіх ініцыятыў "Вежа", 2001. – 61 с.
8. Никонов, В. А. Личное имя – социальный знак / В. А. Никонов // Сов. этнография. – 1967. – № 5. – С. 157–168.
9. Рогалев, А. Ф. Введение в антропонимику. Именование людей с древнейших времён до конца XVIII века (на белорусском антропонимическом материале) / А. Ф. Рогалев. – Брянск : Группа компаний «Десяточка», 2009. – 147 с.
10. Станкевіч, Я. Хрышчоныя імёны вялікалітоўскія / Я. Станкевіч // Спадчына. – 1992. – № 6. – С. 96–101.
11. Хрышчановіч, Л. «Па імені і жыццё»: антрапанімічная прастора беларускай народнай казкі / Л. Хрышчановіч // Роднае слова. – 1999. – № 5–6. – С. 131–139.
12. Шур, В. Онімы ў творах Якуба Коласа : паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В. Шур // Роднае слова. – 2006. – № 6. – С. 23–26.

Л.М. Вардомацкий
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vard_l@tut.by

УДК 811.161.1'37 (075.8)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ВИТЕБСКОЙ ЛЕТОПИСИ (1768 г.)

Ключевые слова: *летопись, язык, имя, система имен, структура имени, антропоним, конфессия, культурно-историческая особенность.*

В статье анализируются особенности функционирования и структура некоторых групп антропонимов, называющих членов витебского магистрата, избранного в 1597 году, их культурно-историческая и конфессиональная соотнесенность. Делается попытка выделить некоторые особенности антропонимической системы Витебска XVI века.

L.M. Vardomackiy
Vitebsk state University named after P. M. Masherov

PROPER NAMES IN VITEBSK ANNALS (1786)

Key words: *the annals, language, a name, system of names, name structure, the anthroponym, faith, cultural-historical feature.*

In article features of functioning and structure of some groups of names and the surnames naming members of Vitebsk city council which were chosen in 1597, their cultural-historical and religious correlation are analyzed. Attempt to allocate some features of system of names and surnames of Vitebsk of XVI century becomes.

Территории древнерусского Витебского, как Полоцкого, и Смоленского, княжества, оказавшись на много лет в эпицентре территориальных споров Речи Посполитой и Московского государства, отразили в истории формирования своего языка, с одной стороны, прочные корни, заложенные общевосточнославянской общностью, с другой – объективные исторические процессы, бросавшие эти территории в русло то одной, то другой культурно-исторических традиций. Витебская летопись, известная под названием Витебская летопись М. Панцырного и С. Аверки, очевидный тому пример. Оригинал текста исполнен на польском языке («Dzieje miasta Witebska»). Летопись представляет компилятивный, относительно бессистемный документ, составленный в 1768 году витебским мещанином С. Аверкой, найдена А. Сапуновым и издана им в 1-м томе «Витебской старины» в 1883 году. Существуют и другие переиздания этого текста. Однако мы в нашем исследовании считаем необходимым опираться на копию оригинала текста летописи (на польском языке), изданную в «Полном собрании русских летописей» (том 32. М., 1975. С. 193–205). Дело в том, что переводы далеко не всегда учитывают конфессиональную и в целом культурно-историческую особенность языка документа, а, как правило, передают лишь содержание текста. Это замечание тем более уместно относительно написаний исконных исторических форм имен собственных, что весьма важно для понимания антропонимеческой структуры и системы территории. Обращение к исторической антропонимике в общей системе историографии позволяет обнаружить такие особенности бытия изучаемой территории, которые без учета этого фактора кажутся далеко неочевидными.

Среди сведений о Великом княжестве литовском, о событиях, происходивших в границах современной Беларуси и г. Витебске, в Витебской летописи особый, антропонимический интерес представляют подробные списки членов витебского магистрата за 1597 год, витебских воевод за 1516–1753 годы и их жен, списки витебских войтов, ландвойтов, бургомистров, радцев (советников) и лавников (членов коллегии суда отдельных мещан, значительных личностей города. Этим кругом не ограничивается антропонимический словарь летописи, но мы обратим внимание именно на эту группу имен, очерченную одним автором (самим С. Аверкой), относящуюся к одному времени (1597 год). Эта часть летописи начинается со слов: «*Poty dzieie zbierane y pisane przez Stefana Hawriłowicza Awerke, mieszczanina witebskiego w Witebsku, roku 1768, miesionca iula, dnia 13*». Такая выборка позволит увидеть некую замкнутую тематическую группу лексики и, следовательно, определить ее структурные и словообразовательные особенности в синхронном срезе.

Автор текста обращает внимание, что в этой части летописи он подает другую информацию (в отличие от предыдущих частей летописи, где отображены погодовые записи событий), а именно: «Pisane wyrażaion sie tu ymiona y nazwiska osob tych, ktorych pierwszy raz do nadaney miastu Witebskiemu magdeburij obierano, do rady, w roku 1597, marca 17 dnia». Рассмотрим приведенные здесь именования лиц с точки зрения структуры именований – двухсловных и трехсловных (имя – фамилия, имя – отчество – фамилия), поскольку это (как правило) должно характеризовать западнославянскую и восточнославянскую традиции именований лиц, сложившихся к XVII–XVIII векам. Сложность и особенность конфессиональной ориентации территории выявляется уже в том, как именует себя сам автор летописи. Во-первых, текст написан на польском языке, во-вторых, он называет себя Stefan (вместо восточнославянского Степан), но, в-третьих, приводит полностью свои имя, отчество и фамилию в православной традиции – *Stefan Hawriłowicz Awierka*. (Здесь и далее в тексте будем использовать оригинальную (латинскую) графику именований, что позволит избежать неточных интерпретаций при транслитерации)

Войт (в данном случае глава магистрата) *Alexander Korwin Suhosow,* starosta wieliski (Велижский?).

Ландвойт (в данном случае заместитель главы магистрата) *Zachary Wołk*, mieszczanin witt[ebski].

Бурмистры (в данном случае, вероятно, доверенные лица):

Iwan Hawriłowicz Kłyha,

Wasili Symonowicz Wieliżanin,

Wasili Illinicz Tanko,

Iwan Isikowicz Andronowski.

Как видно, именования поданы в православной трехсловной традиции.

Raycy (советники; соврем. польск. *radcy*; сравн. соврем. белор. *Раіць* –‘советовать’:

Konstanty Chominicz Stuzakowski,

Serhi Piotrowicz Zatatay,

Fiodor Stefanowicz Spica,

Osif Hawriłowicz Kłyha,

Iakim Iurewicz Szawra.

Но здесь же и «неспецифичный» тип именования: *Ławrin Chodkiewicz Hałuza* и *Michayła Koles*.

Однако форма *Michayła (Михайла)* также свидетельствует о местном (восточнославянском) именовании. (В польском только *Michał)*.

Лавники (здесь: члены коллегии, судебные заседатели):

Kuzma Iwanowicz Komasa,

Bohdan Jakimowicz Pekucza,

Fiodor Symonowicz Wertoszka,

Osif Nikiferowicz Szawra,

Iwan Isakowicz Samuyłow,

Daniła Hrehorowicz Szulka.

Но здесь же (в перечне лавников) и двухсловные именования – *Bohdan Sydzkiewicz, Iwan Hutor*. Однако отметим, что в последнем двухсловном именовании имя *Iwan*, абсолютно не характерное польской антропонимической традиции.

Как видим, первые члены витебского магистрата, избранные сразу же после присвоения Витебску самоуправления (Магдебурского права), названы в летописи трехсловными именованиями с отчествами на *-ич* (*-icz*), что свидетельствует о активной восточнославянской конфессиональной ориентации, выраженной в функционирующей в это время в Витебске антропонимической системе. Так, из 21 именования членов магистрата, с признаками полонизмов отмечаем только 2 именования.

Отмеченные особенности важны и интересны и с лингвистической, и с исторической точки зрения. Известно, что территория Витебского воеводства к моменту получения Магдебурского права, находилась под активным польским влиянием, чему свидетельством и написанная на польском языке данная летопись. Однако социально-конфессиональная и языковая ситуация в городе продолжали оставаться сложными, что и привело вскоре Витебск к мощному социальному взрыву.

Литература

1. Полное собрание русских летописей. Т. 32. – М., Наука. 1975. – 235 с.

2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Структура ўласных мужчынскіх імён / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.

3. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М., 1985. – 261 с.

4. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М., 1947. – 465 с.

Z. Gimpelevich
University of Waterloo, Canada
e-mail: zgimpele@uwaterloo.ca

УДК 811.111’373.211.1:821.161.3

SELECTED USE OF *VIKONYMS AND URBANONYMS* IN SHTETLS AND MIASTEČKA(S) AS REFLECTED IN BIEŁARUSIAN LITERATURE

Key words: *vikonyms, urbanonyms, motivating bases, geography, history, literary analyses*

The motives of Belarusian writers of Christian origin for using biblical vikonyms and unbanonyms of the Old and New Testament such as King David, prophet Moses, Jerusalem, Bethlehem, and others have been presented for the first time. This problem has been presented by the author of the article in the monograph ‘The Portrayal of Jews in Modern Biełarusian Literature’ (550 pages) recently. The article defines the main motivating historic, civil and cultural foundations to encourage Belarusian writers to use biblical vikonyms and urbanonyms. The historic background at the beginning of the article helps you to understand the manner of linguistic links between Shtetls and Miastečka(s) in the past that influenced the state of modern onomastics inBelarus. The limited size of the article made us choose only 3 writers out of 50 mentioned in the monograph such as Jurka Vićbič, Hieorhi Musievič Ryhor Baradulin. The choice is determined by the author’s intention to show the writers’ motivation i various literary genres.

З. Гимпелевич
Университет Ватерлоо

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ *ВИКОНИМОВ* И *УРБАНОНИМОВ* В ШТЕТЛАХ И МЕСТЕЧКАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: *виконимы, урбанонимы, мотивационные основы, география, история, литературный анализ.*

Статья впервые прослеживает мотивацию белорусских писателей христианского происхождения в использовании библейских виконимов и урбанонимов Старого и Нового Завета, таких, как Царь Давид, пророк Моисей, Иерусалим, Вифлеем и другие. Это явление было подмечео автором статьи в недавно законченной литературоведческой монографии, The Portrayal of Jews in Modern Biełarusian Literature (550 страниц). Статья определяет основные мотивирующие исторические, гражданские и культурные основы, побуждающие белорусских литераторов к использованию библейских виконимов и урбанонимов. Исторический фон начала статьи поможет понять культуру прошлых лингвистических отношений штетлов и местечек, повлиявших на современную ономастику Беларуси. Ограниченные размером статьи, мы выбрали из более 50-ти авторов из упомянутой монографии только трёх, Юрку Витьбича, Георгия Мусевича и Рыгора Барадулина. Выбор определен намерением автора статьи показать мотивацию авторов, работавших в разных литературных жанрах.

Biełaruś was the only country in the world where Yiddish was a state language (1919–38). In the Biełarusian Soviet Constitution of 1927 (which followed the first Bolshevik Biełarusian Constitution of 1919), Articles 21, 22, and 23 of the primary law (Chapter I) declared the unprecedented equality of the Biełarusian, Yiddish, Russian, and Polish languages in education, public, and government services. Moreover, Biełaruś was home to the world’s largest Jewish populationж before the First World War (14 percent of Biełarusians were Jewish). Biełarusian Jews spoke and wrote Yiddish for secular purposes but used Hebrew and (Jewish) Aramaic in their religious and scholarly practices. Most spoke Biełarusian, Polish and later Russian while Biełarusian Christians and Muslims (Tatars) of rural Biełaruś used to communicate in Yiddish. The conclusion of the abovementioned monograph [1] is that Christian Biełarusians born before and after the October revolution didn’t just knew spoken Yiddish but were rather equally fluent in major concepts and geographical names from both Old and New Testaments.

These facts reinforced by common livelihood in shtetls and miastečka(s) ensured Jewish characters an equal place in Biełarusian literature in its many genres.

Due to a restricted space of the present submission, we will limit ourselves just with some typical use of Jerusalem, Bethlehem, and King David's name in single works of three Biełarusian authors: Jurka Vićbič, Hieorhij Musievič and Ryhor Baradulin. This is keeping in mind that each shtetl, miastečka, town and city in Biełaruś used to have at least one street, named after Jerusalem, Bethlehem, and King David (the latter has a town, David-haradok, named after him).

Jurka Vićbič was born in 1905, the year of the First Russian Revolution, in Vialiž, Viciebsk Province. (After the Second World War, Vialiž became the region of Smolensk in Russia; its Russian transliteration is Velizh). Vićbič's short novel *Lšono Haboo Bijrušałajm* (Next Year in Jerusalem, 1936) is one of his major prewar literary works [2]. Its Jewish characters are presented as active participants in Biełarusian society, and it is set in a typical Biełarusian *shtetl*. While written in Biełarusian, the writer intermittently resorts to Yiddish, Polish, Latin, and Russian, reflecting the Biełaruś of that time. The story revolves around Staś (Stanisłaŭ Halkievič), Jankiel, his childhood playmate and the brother of Staś's sweetheart, Bluma, their younger sister Gienia, and their kind and religious father Miejer Mojžas, who loves an orphan Staś as his own. Staś, who belongs to the impoverished Biełarusian gentry is an ideal Biełarusian – a deep-thinking scholar of his country's history; he is kind, benevolent, tolerant, and just. Vićbič has this character introduce his novel's time and place inconspicuously: by recounting centuries of Biełarusian history and by naming his home town as Hrajronak. Miejer Mojžas, the observant Jew, teaches Staś some basic Hebrew, therefore he knows well the meaning of the phrase, "The next Year in Jerusalem." Staś communicates with most of Hrajronak Jews in Yiddish. The cart driver who brings Staś home from the train station tells him about the physical abuse that he and his son have experienced. Yet he has no desire to leave for the Holy Land (Canaan and Jerusalem): "And who is a Jew? Hey, some horses work less compared to certain Jews. And yet, Master Stanisłaŭ, I love this country, and even if I was offered the chance to go to Canaan, I would never do it. I love Viciebsk, Hrajronak, the Dzvina River, and this road. This is my fatherland; and why do some people say I am a stranger here? My great-great-grandfather, Liejba Harelik, also a cart driver, is buried at the Hrajronak cemetery, and everything here is familiar to me from the cradle" [2, 65]. This Jewish respect to Biełarusian motherland is similar when the story focuses on Hebrew territory, and is told by a gentile narrator: "They are older than Troy and Carthage and senior to Athens and Rome, these Jewish people who have been chosen by God. For a long time they wandered the face of the earth until they found themselves in the wilderness at the foothills of Sinai. And from the top of the mountain, through the tempest's roar, through crushes of thunder and bolts of lightning, Elohim (Almighty) offered the Jews the tablets with His Law. Countless nationalities have been lost, and only Jews wading through floods of blood and tears, torture and catastrophes, have reached modernity. They did not die and will never perish." [2, 99–100]. This excerpt as well as frequent uses of the city of Jerusalem as one of names that has fundamental value for all Biełarusians shows the writer's great respect for multifaceted culture of his beloved country.

Now we move to a book with a self-explanatory title, written in Russian by Hieorhi [George] Sciapanavič Musievič (1931-2014) [3]. Hieorhi Musievič was a Biełarusian historian, journalist, writer, and public figure. Musievič's book brings together and for the first time the unique data about Biełarusian Jewish livelihoods in his area before and after the Holocaust. Even such authoritative sources as *The Holocaust Encyclopedia* [4] and Arad's *The Holocaust in the Soviet Union* [5] do not mention the Holocaust in the Biełarusian cities of Kamianiec-Litoŭsk and Vysoko-Litoŭsk, and in places where thousands of local Jews were murdered: Roviec, Piesčany, and Varachoŭski, among others. This book also presents unique information about Jewish livelihoods centuries before the catastrophe. The author begins his treatise at the year 1500, which according to him marked the birth of active Jewish life in Kamianiec-Litoŭsk. He tells the reader that although some sources mention Jews living in the city as far back as 1465, there is no confirmation of their existence there until Šloma Ichielievič, a Jewish merchant from Brest, purchased a house.

Musievič wrote his book mainly for Biełarusian Christians, who in the generations since have been deprived of the knowledge of their common history with Jews. In a short preface, the author provides a concise history of the Jews who lived in ancient Palestine and who lost their lands to the Romans during the first century CE. While doing so, the author mentions the city of Jerusalem many times in each of the sixty-seven chapters. Chapter six, "Agricultural Colonies," narrates the unique history of Jewish involvement in local farming. The author tells us that though most Jews were not involved in working the land due to the tsarist restrictions, there were three Jewish agricultural colonies with the biblical names of Lotovo, Saravo, and Abramovo. Musievič describes in detail Jewish life in these settlements, giving historic references related to them as far back as 1700. For example, in 1700 there were twenty-four families in Saravo, who initially received about sixty-two acres each from the Russian government. At the beginning of this venture, there was enough land to feed these families. However, as those families grew, the land did not, and many colonists were forced to sell or rent their land and to move to the cities, where they entered their traditional trades. Some engaged in seasonal labour in Europe, the United States, and Canada, and invested in family farms on their return home. Others left their country for Palestine, like Izrael Ahkienazi, who later taught newcomers from Europe how to farm in Israel.

Musievič underscores the role of spiritual education for Jewish children and the role of Jerusalem in their religious upbringing. The colonists, who did not pay taxes to the Jewish communities in the towns, had to take care of this education themselves. "The main element of the colonists' living, their spiritual life, was religion and the education of their children. That is why the first colonists, as soon as they constructed their huts and agricultural buildings, had erected a *Beit Midrash* [House of learning; House of interpretation], which combined the functions of a synagogue and a religious school." [3, 14] The author describes in detail the exterior and interior of a typical *Beit Midrash* – its modest straw roof and the festive blue ceiling, decorated with stars and signs of the Zodiac. Jewish law has a requirement to pray towards Jerusalem, therefore every *Beit Midrash* and synagogue had doors which faced east. Even though colonists were eligible for free education in Russian or Polish elementary schools (depending on who was ruling Biełaruś at the time), they preferred their own private schools. Colonists who did not have money to pay the school fees would borrow money against future harvests. Colonies existed until 1941, and according to the documents and many oral witnesses that the author has collected and presented, Christians and Jews lived in peace and in mutual respect. In Saravo, for example, Jews lived together with Biełarusian Ukrainians: children played together, adults went to Jewish doctors and lawyers, and until the Nazi invasion there was no trouble among locals of various ethnicities and faiths. At the end of that chapter, the author expresses sorrow about the Jewish sufferings during the Second World War, and laments the loss of decency between ethnicities on which life in Biełaruś had long been based.

Abundance of biblical themes and names are fully reflected in works of the Peoples' Poet, Ryhor Baradulin (1935–2014). Compatriots have loved Baradulin for his comic verse as much as for his "serious" poetry, prose, and journalism. Baradulin's talent and versatility have filled many voids in modern Biełarusian culture, enriching literary criticism, scholarship, and journalism. His translations into Biełarusian from ten Western languages (in addition to Russian, Ukrainian, Polish, and other Slavic languages) range from Shakespeare to Byron and Brecht. Baradulin also distinguished himself in his superb translations from Yiddish. Baradulin's literary work in all genres is unsurpassed in any Christian fiction and nonfiction literature in terms of Jewish inspired themes, characters, philosophical ideas and writings about intimate friendships with Jewish Biełarusians of many generations and all walks of life. Baradulin's book of 2011, *Tolki b habrei byli! Kniha pavahi i siabroŭstva* [6] (If only Jews were here! The book of respect and friendship) has almost an eponymous title to his 2010 essay, *Tolki b habrei byli!* (If only Jews were here!) [6]. The book consists of three parts, and it establishes that besides being inspired by the Old Testament, the writer was as enthusiastic about Yiddish language and culture as he was about his native in Biełarusian.

The first part of Baradulin's book, entitled "Stvaralniki vysokajie krasy (To Creators of High Beauty) presents twelve essays on sixty-one pages dedicated to Jewish Biełarusians of different times. The second section of the text, titled "Galasy nieŭmiručaha choru" (Voices of an immortal choir), provides some of Baradulin's translations of leading Yiddish Biełarusian poets into Biełarusian. In quantity (one hundred and

thirty-five pages), quality, and value, it surpasses all the works ever translated from Yiddish by one individual, not just into Biełarusian but into other Slavic languages as well. The rest of the manuscript, titled "Paplečnikam pa duchu, siabram pa žyćci" (To the Spiritual brothers-in-arms and friends in life) are Baradulin's own poems. It has two parts with the common subtitle "Niezabytajie, viekaviečnajie" (Unforgettable and immortal). The first part has eleven poems, nine of which are dedicated to the Almighty, Jesus Christ, and cities of Jerusalem and Bethlehem. The second part of Paplečnikam pa duchu, siabram pa žyćci" is Baradulin's fifty poems paying homage to his personal friends and transcendent associates (five poems are dedicated to Chagall). Both parts of "Niezabytajie, viekaviečnajie" are profoundly philosophical and also deeply personal. By bringing together Israel's and Biełarusian landscapes and common values, they express Biełarusian unity of people of all faiths and ethnicities.

We don't have place to enumerate frequency of Baradulin's utilization of words and concepts connected to names: *Jerusalem, Bethlehem, and King David* throughout the manuscript. Instead we will use as an example some small excerpts from the first section of "Niezabytajie, viekaviečnajie." There are different genres of verses in the first part of this section. Some, like the first poem, *Viasnovaja Zamaloŭka Na Bierazie Vaŭčenskaha Vosiera* (A Springtime Sketch on the Shore of Vaŭčenskajie Lake) [6, 197–198], shows a familiar domestic landscape and serenity, while others, starting with the second poem, "Nad Jamaj (Over the Pit)" possess highly original philosophical substance and introduce Moses's biblical name as well as the Old Testament into the narration. "Moses's great-great-great-grandchildren/Are resting here" [6, 200]; "The eternity was holding immortal flame / So that Old Testament/With woe and patience / Could transfer light of Torah / Straight into Menorah" [6, 200]. The next, untitled poem, starts: "Shałom, Jerusalem, / Shałom you, sacred place!" and ends with a pure religious ardor "And God is near, / He can hear it all …" [6, 201]. The next untitled poem, "Z Cykla: *Stanie Vifleemam Serca* (From a cycle: And a Heart will turn into Bethlehem)" [8]. Though Bethlehem is in the centre of narration, the poet unites in this city God the Father and God the Son: "We know whose God / Has been hurting for everyone. / And fate is laughing: / There is no other use: / When old, we are all / Turned simply into Jews / Like Jesus Christ / At his birth and youth" [6, 202]. The rest of the poems have similar motifs of God the Father and God the Son, where an action of most of them takes place mostly in Jerusalem but less frequently in Bethlehem, and, in addition, mentions Golgotha (an outskirt of ancient Jerusalem). "Ściana Płaču (Western Wall)" is a good example: "This wall didn't divide. / It is / Named by the future as / The Western Wall. / The whole world can see this/Lord's Table. And here everyone thinks: I will drop my sadness / And guilt will turn into innocence" [6, 203]. But the most joyful of them is the poem, titled "Jerusalem." Here is its first stanza: **"**Milky Way is like a joyful carpet, / It loves to unwrap skies at midnight / And a soul that travels to Jerusalem's sight / Won't be lost in darkness / But grateful to the Almighty for the light" [6, 204].

Soulful, and simultaneously crystal clear poetry of Ryhor Baradulin doesn't need much comments. In conclusion, however, we shall note that Baradulin is not one of those Christians who just leafs through the Old Testament; he gives it as much or even more consideration than he does to the New Testament. Thus, his inspiration to rewrite King David's Psalms in Biełarusian bridges the Old Testament poet with the poet of modernity [9]. This project succeeded owing to Baradulin's sincere religious feelings, clear philosophical ideas, and natural musicality. Second, unlike many, the poet spiritually connects modern and biblical Judaism. Third, and probably, the most important point is that Baradulin fully accepted that Christ was born and died as a Jew – for him, it was a simple fact of his own religious, poetic, and quotidian life. Baradulin had shared sentiments about King David with Mark Chagall: both in their creative lyrics underlined that King David was foremost a poet. Here is what Chagall wrote in his poem translated by Baradulin: "Pamiaci mastakoŭ – achviaraŭ Chałakostu" (To the everlasting memory of artists – the Holocaust's victims): And King David comes to me / From my pictures. / He holds a lute. / He wants to help me start crying / By playing psalms. / And Moses follows him / He tells me not to be afraid. / He orders you to be content / Until once more he will write / The Tablets for the new world [6, 149]. Indeed, "The Tablets for the new world" is badly needed in our troubled times, and Biełarusian writers as we attempted to demonstrate with example of Jurka Vićbič, Hieorhij Musievič and Ryhor

Baradulin, certainly left an imprint on their future development. The importance of Jerusalem and Vifleem (Bethlehem) in Biełarusian writings has been surpassing any other literature (besides Hebrew and Yiddish). We remember that Bethlehem was not only the birthplace of Jesus Christ but also one of his direct ancestor's, King David, who was crowned in Bethlehem before moving to Jerusalem.

Литература

1. The Portrayal of Jews in Modern Biełarusian Literature. forthcoming in 2016. – Montreal : McGill-Queen. – 550 pp.
2. Vićbič, Jurka. Lšono Haboo Bijrušałajm (Next Year in Jerusalem, 1936) – Minsk : Knihazbor, 2011. – 229 pp.
3. Narod, kotoryi zhil sredi nas. Mnogostradal'nomu evreiskomy narodu posviashchaetsia (People who used to live among us: Dedicated to Jewish people who endured so much suffering. –Brest : kniharnia, 2009 –105 pp; the book is available on line : http://www.brest-belarus.org/sp/the_people.i.html.
4. Holocaust Encyclopedia. Ed., Walter Laqueur. – New Haven : Yale University Press, 2001. – 765 pp.
5. Arad, Yitzak. The Holocaust in the Soviet Union. Lincoln and Jerusalem : University of Nebraska and Yad Vashem, 2009. – 701 pp.
6. Baradulin, Ryhor. Tolki b habrei byli! Kniha pavahi i siabroŭstva [If only Jews were here! The book of respect and friendship]. – Minsk : Knihazbor, 2011. – 244 pp.
7. Baradulin, Ryhor. "Tolki b habrei byli!" [If only Jews were still among us]. Habrejski numar [Jewish issue]. ARCHE 3 (2000) : 5–7.
8. Vifleem is the (Jewish) Aramaic word for Bethlehem. This is also the most common transliteration into Eastern Slavic languages. Bethlehem is considered to be the birthplace of King David and Jesus Christ.
9. Baradulin's psalms were set to music by the poet and musician Alieś Kamocki (1958–); Kamocki produced a CD of this fusion in 2000.

Е.Н. Горегляд
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ylgoregliad@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.2:070(476)

ОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *языковая игра, антропоним, топоним, гидроним, брендовые номинации.*

В статье анализируется участие онимов различных типов в создании языковой игры. Определены приоритетные способы и специфические приёмы формирования языковой игры в периодической печати Беларуси, выявлены сферы-источники прецедентных выражений. На основе анализа фактического материала установлены антропонимические модели, представленные в заголовочных конструкциях. Материалом исследования послужили русскоязычные печатные периодические издания Республики Беларусь.

E.N. Goregliad
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ONIMS AS COMPONENTS OF LANGUAGE GAME IN BELARUSIAN PERIODICALS

Key words: *language game, anthroponym, toponym, hydronym, brand nomination.*

The role of different types of onims in the language game creation is analyzed in the article. The priority techniques and specific methods of formation of the language game in the periodical press of Belarus were determined, the scopes of precedent-source expressions were revealed. Based on the analysis of the material under study (Russian-language periodicals published in the Republic of Belarus) the anthroponymic models represented in headlines were established.

В современном мире отмечается возрастание роли средств массовой информации, которые не только воздействуют непосредственно на умы и взгляды читателей, но и оказывают влияние на развитие и функционирование русского языка. Всё это обусловливает необходимость внимательного изучения новых черт публицистического стиля.

Журналисты стремятся найти оригинальные способы подачи материала, чтобы привлечь потенциального читателя, поскольку от этого зависит коммерческий успех печатного периодического издания. В первую очередь это касается заголовочных конструкций, поскольку, как отмечают исследователи, около 80 процентов читателей решают, знакомиться ли им с содержанием статьи, на основании аттрактивного воздействия заголовка. С этой целью авторы публикаций стремятся расширить границы семантики слова, опираясь на «нереализованные возможности языковой системы» [4, 5].

В современной журналистике возрастает интерес к креативному потенциалу языковых средств, к различным способам создания языковой игры, которая основывается, в частности, на формировании дополнительных семантических значений, на создании новых, «многоговорящих» языковых единиц.

Нами были проанализированы заголовочные номинации таких периодических изданий Республики Беларусь, как «Аргументы и факты в Беларуси» (далее – АиФ), «Комсомольская правда в Беларуси» (далее – КП), «Советская Белоруссия» (далее – СБ), «Народная газета (далее – НГ), «Рэспубліка», «Беларускі час» (далее – БЧ), «Витьбичи».

Анализ заголовочных конструкций данных изданий показывает, что активнее всего в качестве экспрессивных средств в них используются прецедентные феномены и индивидуально-авторские образования (окказионализмы) [1; 2]. Вместе с тем ярким средством создания языковой игры в ряде случаев становятся имена собственные, которые призваны активизировать фоновые знания читателя, усилить аттрактивное воздействие заголовка. Онимы в данном случае становятся своеобразным дополнительным компонентом коммуникации.

Собственные имена встречаются практически на каждой странице печатных изданий, но в заголовочных конструкциях они не так частотны.

Анализ ономастической лексики в заголовках русскоязычных периодических печатных изданий Беларуси выявил приоритетное присутствие в них антропонимов (более 52 %), которые представлены разными структурными типами:

– одночленной моделью «фамилия»:

Как Ревва превратился в гуру и почему у Шавриной нетающая любовь (БЧ) – *Ревва* – фамилия российского шоумена Александра Реввы, *Шаврина* – фамилия российской исполнительницы народных песен Екатерины Шавриной; *Клан Сопрано* (СБ) – *Сопрано* – фамилия членов итало-американского мафиозного «семейства», вынесенная в название культового американского криминально-драматического телесериала, режиссёр Д.Чейз; *Как Рязанова мУЧИЛИ* (АиФ) – *Рязанов* – фамилия российского кинорежиссёра; *Фелпс возвращается?* (НГ) – *Фелпс* – фамилия выдающегося американского пловца Майкла Фелпса; *Вам водичку от Моцарта?* (Рэспубліка) – *Моцарт* – фамилия австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта;

– одночленной моделью «личное имя»:

«Отфотошопить» Фиделя (КП) – имя Фиделя Кастро, кубинского революционного, политического и государственного деятеля; *Хранит судьба по имени Светлана* (Рэспубліка) – имя героини статьи;

– одночленной моделью «псевдоним»:

Зимой дома ходи, как Мадонна! (СБ) – *Мадонна* – псевдоним американской певицы Луизы Вероники Чикконе;

– двучленной моделью «личное имя + фамилия»:

Митхун Чакраборти – миллионер из трущоб (СБ) – имя и фамилия одного из самых популярных и высокооплачиваемых актёров Индии; *Энрике Иглесиас. О, счастливчик!* (АиФ) – имя и фамилия испанского певца.

Антропонимы в периодической печати активно участвуют в создании языковой игры. Чаще всего с этой целью используются имена и фамилии литературных персонажей (около 18%), лиц, так или иначе связанных с музыкальным творчеством (14%), политических деятелей (около 13%), значительно реже – личностей, чья сфера деятельности – кинопроизводство или спорт (около 3% и 4% соответственно).

Ведущим способом создания языковой игры с участием антропонимов является использование прецедентных текстов:

– из художественной литературы: *По улицам Ваенгу водили* (Витьбичи) – ср.: *По улицам слона водили* – строка из басни И.А.Крылова «Слон и Моська»; *Дай, Джон, на счастье в лапу мне* (Рэспубліка) – ср.: *Дай, Джим, на счастье, лапу мне* – строка из стихотворения С.Есенина «Собаке Качалова»;

– из песенных текстов: *Неужель ты ко мне, Вера иль не Вера?* (КП) – ср.: *Неужели ты ко мне, верю и не верю* – строка из песни к фильму «Иван Васильевич меняет профессию»; *А из окон Ханок синий-синий* (СБ) – ср.: *А из окон мороз синий-синий* – строка из песни «Зима»;

– из российской фильмографии: *Тот самый Островский* (АиФ) – ср.: *Тот самый Мюнхгаузен* – название художественного фильма, режиссёр М.Захаров; *Как Петр I людей женил* (Рэспубліка) – ср.: *Сказ про то, как царь Пётр арапа женил* – название советского художественного фильма, режиссёр А.Митта; *Место встречи с Лукашенко изменить нельзя* (Витьбичи) – ср.: *Место встречи изменить нельзя* – название телевизионного сериала, режиссёр С.Говорухин; ; *Фамилия Золушки. В бой ушли не одни старики* (АиФ) – за счет антропонима происходит расширение трансформированного прецедентного текста, ср.: *В бой идут одни старики* – название советского художественного фильма, режиссёр Л.Быков. Отметим, что антропоним *Золушка* встретился нам ещё дважды: заголовок *Три орешка для Золушки* полностью дублирует название немецко-чешской киносказки 70-х годов прошлого века; *Украинская Синдерелла. Как Андрей Данилко придумал Верку Сердючку* (АиФ) – здесь представлен англоязычный аналог антропонима *Золушка*;

– из фольклора: *Талант Рыбак видит издалека* (СБ) – ср.: *Рыбак рыбака видит издалека* (поговорка); *И смех, и Греф* (Витьбичи) – ср.: *И смех, и грех* (русская поговорка); *Сами с Усамой* (АиФ) – ср.: *Сами с усами* – устойчивое выражение (происхождение точно не установлено).

В следующих заголовках языковая игра реализуется за счёт:

– фонетического сходства с прецедентным антропонимом: *Приключения д'Артанягова* (НГ) – ср.: *Д'Артаньян* – герой роман Александра Дюма-отца; *Вот Это'О зарплата!* (АиФ) – ср. *Самюэ́ль Это'О Фис* – камерунский футболист, игравший в ряде российских клубов;

– использования ставшего обиходным и вошедшего в «Словарь современных цитат» [3] выражения *Элементарно, Ватсон* (СБ), часто употребляемого Шерлоком Холмсом в рассказах Артура Конан Дойля;

– создания рифмованного заголовка: *Мишель Обама – скандальная дама* (КП);

– объединения в рамках одной заголовочной конструкции нескольких коммуникативных единиц, несовместимых с точки зрения хроноса и семантики: *Пушкин? Интернет? Базар?* (СБ).

Особо отметим единичные примеры создания креативного антропонимного заголовка на основе омонимии и использования в качестве прецедентного текста лозунга:

Барак, да и только! (КП), ср.: *Барак* – имя Президента США Барака Обамы, *барак* (от итал. *baracca* – хижина) – временное, быстро возводимое, дешёвое строение, как правило, одноэтажное и деревянное;

Лиру – Лир (СБ) – ср.: *Миру – мир!*

Своеобразное «антропонимное словотворчество» проявили журналисты, создавая заголовки *ТЕОрия победы* (Рэспубліка) и *Без БАССовой струны* (НГ). Средствами графики здесь сформирован дополнительный смысл: ТЕО (всё заглавными буквами) – псевдоним белорусского певца Юрия Ващука, Басс – фамилия почётного гражданина Витебска, продюсера и режиссёра Р.М.Басса.

Одной из основных функций, выполняемых заголовком, является репрезентативная, в соответствии с которой заголовок передает интеллектуально-информативное содержание статьи. Воз-

можно, этим можно объяснить широкую представленность в заголовочных конструкциях топонимов (в нашем материале из около 40 %). Лишь в немногочисленных примерах они функционируют в нейтральном контексте, ср.:

Минск между прошлым и будущим (СБ), *Берлин. Следы памяти* (СБ); *В память Афгана* (СБ); *Минск. Территория мировой надежды* (СБ); *Брест. Футбол. Дружба* (Витьбичи); *Минск – москвичам* (НГ), *В Ратомке пройдет первый семейный open-air праздник* (НГ) и некот. др.

В большинстве случаев топонимы становятся компонентом языковой игры, базой которой являются:

1) итмическая организация заголовочной конструкции:

Работы не боюсь – приеду в Беларусь (Витьбичи); *Беларуси в Новый год Дед Мороз кредит принес* (КП); *Йети из Ингушетии* (АиФ); *Караван в Ереван* (Рэспубліка); *Драма у «Амстердама»* (СБ);

2) прецедентность, сферой-источником которой стали:

– песенные тексты:

Автобус хочет в Тамбов (СБ) – ср.: *Мальчик хочет в Тамбов* (автор Мурат Насыров); *Еще немного – и Версаль* (СБ) – ср.: строка *Ещё немного – и Прованс* («Прованс», автор Ёлка); *Себяхи вы мои, Себяхи…* (Витьбичи) – ср.: *Старики вы мои, старики* («Дорогие мои старики, автор И. Саруханов); *Нужен им Белек турецкий* (СБ) – ср.: *Не нужен мне берег турецкий…* («Летят перелётные птицы, автор М.Исаковский) – здесь эффект языковой игры усиливается посредством парономазии;

– крылатые выражения и фразеологизмы:

Голос до Киева доведет (СБ) – ср.: Язык до Киева доведёт (пословица); *И ты, Аляска* (Рэспубліка) – ср.: *И ты, Брут* (фраза, приписанная Плутархом Гаю Юлию Цезарю; позднее воспроизведено Шекспиром);

– цитаты из художественной литературы:

Зачем в Беларуси жить хорошо? (Витьбичи) – ср.: *Кому на Руси жить хорошо* (поэма Н.А.Некрасова);

– фильмография:

Минск – это когда тебя понимают (СБ), ср.: *Счастье – это когда тебя понимают* (слова, которые написал в школьном сочинении герой фильма «Доживём до понедельника», режиссёр С. Ростоцкий); *Несчастливое число «Витебска»* (Витьбичи), ср.: *Счастливое число Слевина* (американский триллер, режиссёр Пол МакГиган).

В единичных контекстах топоним «воссоздаётся» журналистом в результате применения средств графики:

Пока ВАНКУВЕРкаемся (АиФ); *Предсказатели, до свиДАНИЯ!* (БЧ).

Фактический материал продемонстрировал невысокую частотность гидронимов:

Вечера вдали от Диканьки (СБ), *Страшен «Неман» при тихой погоде* (СБ) – трансформация названия книги Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и строки из входящего в книгу рассказа «Страшная месть»;

Встреча на Эльбе (СБ) – ср.: одноимённое название советского фильма, режиссёр Г.Александров;

Темза вышла из себя (Рэспубліка), ср.: Темза – река на юге Великобритании.

В заголовке *Из Китая едет кто? Скальп от дедушки Пихто!* (КП) представлен и топоним, и антропоним. Языковая игра осуществлена за счёт расширения известного русского диалогического фразеологизма (присловия, ответной фразеореплики), которая постепенно проникла в массовую культуру.

Редки в заголовках и брендовые номинации:

У нас «Хуторок». А у вас? (Витьбичи) – ср.: строка из стихотворения С.Михалкова «А что у вас?»; *«Хуторок»* – наименование творога, выпускаемого под зонтичным брендом «Савушкин продукт»;

МАЗ показывает класс (СБ); *Питерцы не проМАЗали* (СБ) – ср.: аббревиатурная номинация Минского автомобильного завода;

У вас – эффект Google! (НГ), *Google* – номинация поисковой системы;

Vogue в помощь (Рэспубліка), ср.: *Бог в помощь* (устойчивая этикетная формула); *Vogue* (фр. – мода) – женский журнал о моде.

Современная публицистика рассчитана на массовую аудиторию, разнообразную с точки зрения лингвистической подготовленности. Используемая журналистами языковая игра с привлечением имен собственных активизирует прагматическую функцию заголовка, и он тем самым напрямую воздействует на эмоциональную сферу адресата и его поведение.

Литература

1. Горегляд, Е. Экспрессивное словотворчество в русскоязычной печати Беларуси / Е.Горегляд // Textul. Abordări interdisciplinare în cercetarea literară, lingvistică şi didactică: Materialele conferinţei ştiinţifice internaţionale, 12 noiembrie 2013/ com org.: L. Calmuţchi, L. Moşanu, O. Gherlovan [et al.]; red resp. Radu Burdujan, Olga Gherlovan – Ch : UST, 2013. – С.118–123.

2. Горегляд, Елена. Языковые средства формирования межличностной аттракции в периодической печати Беларуси / Елена Горегляд // Valoda-2011 / Valoda dažadu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXI / Atbildigā redaktore Svetlana Polkovnikova. – Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2011. – С.361–366.

3. Душенко, К. В. Словарь современных цитат / Душенко К.В. – М. : Аграф, 1997. – 632 с.

4. Крысин, Л. П. Русская литературная норма и речевая практика средств массовой информации / Л.П. Крысин // Журналистика и культура русской речи. – 2007. – № 1. – С. 5–6.

В.В. Горнак
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: hornak@tut.by

УДК 811. 161. 1’ 373.2 (476.5): (470)”18/19”

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕМУАРОВ Н.О. ЛОССКОГО

Ключевые слова: *Николай Лосский, философ, мемуары, Витебск, ономастика, антропонимы, библионимы, топонимы.*

В статье анализируется ономастическое пространство в мемуарах Николая Лосского (1870–1965). Изучаются антропонимы, топонимы, библионимы, связанные с ранним детством и периодом обучения будущего философа в гимназии города Витебска.

V.V. Harnak
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ONOMASTIC SPACE IN N.O. LOSSKY’S MEMOIRS

Key words: *Nikolay Lossky, philosopher, memoirs, Vitebsk, onomastics, antroponyms, biblionyms, toponyms.*

Onomastic space in philosopher Nikolay Ljssky’s (1870–1965) memoirs is analyzed in the article. Antroponyms, biblionyms, toponyms, microtoponyms related to early childhood and studies of the future philosopher at a gymnasium in the town of Vitebsk are researched.

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – всемирно известный философ, крупнейший представитель интуитивизма и персонализма, логик, психолог и методолог науки, глубокий знаток духовных достижений человеческой цивилизации.

Особое место в творческом наследии ученого занимают его мемуары «Воспоминания. Жизнь и философский путь». Как пишет Б.Н. Лосский (сын Н.О. Лосского. – В.Г.*), трудно сказать, когда у моего отца зародилась и созрела мысль писать свою автобиографию или, точнее, употребляя*

термин, созданный Игорем Грабарем, свою автомонографию, каковою является ныне печатаемая книга (так в тексте. – В.Г.). *По всей вероятности, осуществлять эту мысль начал он* (Н.О. Лосский. – В.Г.) *вскоре после возвращения, в 1933 году, из своего путешествия в Америку* [1, №10, 139]. Впервые на русском языке мемуары были опубликованы в Мюнхене в1968 году. На родине гениального ученого его воспоминания появились лишь в 1991 году в журнале «Вопросы философии»[1]. Мемуары Н.О. Лосского состоят из Введения и 10 глав: «Раннее детство в местечке Дагда», «В витебской гимназии», «Приключения за границею», «Гимназия и университет в Петербурге», «Ученая и общественная жизнь в Петербурге», «Переход от теории знания к метафизике», «Революция 1917 года», «В Праге (1922–1942)», «В Братиславе», «После войны» [1].

В настоящей работе будет предпринята попытка описания ономастического пространства, связанного с ранним детством Николая Лосского, а также с периодом обучения будущего философа в гимназии города Витебска. Борис Николаевич Лосский писал: *Детство, проведенное в непосредственной близости к деревне, и увлечение в молодые годы естественными науками наложили на всю моего отца благотворную печать. <…> К Витебску, как и к другим местам, связанным с воспоминаниями детства и юности, отец хранил нежные чувства* [1, №10, 192].

Я (Н.О. Лосский. – В.Г.) *родился в ночь с 6 на 7 декабря (старого стиля) в местечке Креславка* (теперь город Краслава, Латвия. – В.Г.) *Двинского уезда (в то время Динабургского) Витебской губернии на берегу Западной Двины* [1, № 10, 141]. (Город Динабург (в1893–1917 гг. – Двинск) в XIX веке входил в состав Витебской губернии.– В.Г.).

Относительно своей национальной принадлежности мемуарист сообщает следующее: *Несмотря на преобладание в нас польской крови* (один из предков мемуариста, Андрей Лосский, переселился в XVII столетии из под Кракова в Беларусь; а мать философа, Аделаида Антоновна, урожденная Пржиленцкая, была польского происхождения. – В.Г.), *мой отец и все мы осознавали себя русскими и были глубоко проникнуты русским национальным духом* [1, №10, 141]. Семья Лосских была большая – девять братьев и шесть сестер. *Старшие носили имена необычные в русской семье: Валерьян, Витольд, Онуфрий (имя, распространенное в Белоруссии и Галиции), Леопольд, Элеонора, Валентина; младшие большею частью получали имена, самые распространенные в русских семьях, – Мария, Николай, Александр, Виктория, Владимир, Леонид, Аделаида, Вера, Иван. Старшие обращались к родителям на Вы, младшие, начиная с меня, на ты* [1, №10, 141]. Как видим, даже имена детей свидетельствуют о толерантности и веротерпимости, царившей в семье Лосских: *никаких неудобств и соблазнов оттого, что мать была католичкою, а отец и все дети – православ*ные, не было [1, №10, 144].

Среди друзей и знакомых семьи Лосских в 70–80-е годы XIX века были представители практически всех национальностей, проживавших в то время на территории Витебщины: польская семья помещика Дементия Осиповича Киборта и его жены Ядвиги Себальдовны, а также их детей – сына Владислава, сверстника Николая Лосского, дочерей Гели, Зоси, Ядвиги. Другая семья, с которой у Лосских *были живые приятельские сношения, жила в семи верстах от нас в живописном имении «Константиново». Принадлежало оно Леониду Ивановичу Писареву. Любовь* (дочь Писаревых. – В.Г.) *была сверстницей моей сестры Лели. Мальчики Петя, Паша, Лева по возрасту подходили ко мне. Хотя хозяйка дома была урожденная баронесса Бер из Прибалтики, дух семьи был чисто русский; семья Писаревых вела красивую жизнь культурного русского дворянства* [1, №10, 142].

Мальчику запомнился родственник из Москвы *Лев Николаевич Лосский, в то время студента юридического факультета,* а также, как отмечает мемуарист, *большим удовольствием бывал для меня ежемесячный приезд из Двинска доктора (врача) Диттриха, чрезвычайно полного и добродушного немца* [1, №10, 146].

Из названий населенных пунктов в детстве Николаю Лосскому известны: *Креславка, Дагда, Двинск, Рига, Полоцк, Москва, Петербург, Витебск, Невель, Великие Луки, Варшава.* Слышал мальчик и такие слова, как *Россия, Российская империя, Африка, Килиманджаро, Канада, Псковская губерния Малороссия, Украина, Галиция, Белоруссия, Западный край.* Разумеется, в мемуарах встречаются названия имений: *«Старая Мысль», «Константиново», «Семеново», «Горы», «Во-*

робьево», «Петроково», село *Сокольники*, хутор *Янаревка.* Практически не встречаются внутригородские названия Витебска – *Духовской ров, Сенная площадь* [1, №10, 142–162].

Известно, что полный список трудов Николая Онуфриевича Лосского насчитывает около трехсот наименований, опубликованных на русском, а также переведенных на английский, немецкий, французский и словацкий языки [2, 533].

Николай Лосский самостоятельно научился читать в раннем детстве. Одна из первых книг – «Робинзон Крузо», которая, как отмечает мемуарист, *произвела на меня волшебное впечатление* [1, №10, 143]. Список библионимов довольно разнообразный, хотя пока и бессистемный: Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский. *Это чтение производило на меня большое впечатление, особенно тогда, когда читалось произведение, близкое моему пониманию, например, «Вечера на хуторе близ Диканьки».* Другие примеры из воспоминаний раннего детства: *Как-то попались мне в руки «Отечественные записки» с романом Кущевского «Николай Негорев». Рассуждение Негорева о том, что, может быть, каждая пылинка, играющая в солнечном луче, есть целый мир со своим населением, городами, историею, глубоко запало мне в душу* (подчеркнуто нами. – В.Г.). *Вероятно, мне был девятый год, когда я прочитал статью Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости»…* Читал мальчик (правда, для двоюродной бабушки) и материалы, публикуемые в «Правительственном Вестнике» [1, №10, 144]. Обучаясь в гимназии, Николай продолжал интересоваться книгами. Список библионимов не только расширяется, но и приобретает некоторую системную целенаправленность. *Большое удовольствие доставляло мне чтение путешествий наших выдающихся писателей. С увлечением читал я, например, «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат Паллада» Гончарова, «Корабль Ретвизан» Григоровича*» [1, №10, 152]. Тогда же гимназист Лосский стал использовать чтение книг для изучения иностранных языков: польского – «Путешествие на воздушном шаре» доктора Трипилина, французского – произведения Поля де Кока, немецкого – история франко-прусской войны. Здесь, однако, следует отметить и значительную роль гимназии. Мемуарист с большим теплом и благодарностью вспоминает *превосходные уроки немецкого языка у Александра Ивановича Бадендика* [1, №10, 150, 154].

Итак, книги в жизни мальчика по-прежнему занимают важнейшее место: *перейдя в IV класс, я обратил внимание на свое чтение. До этого я читал без разбора все, что попадало мне в руки. В читаемой мною беллетристике было немало произведений третьестепенных, например, исторические романы в «Ниве» Понсон-дю-Терайля.* Гимназист Лосский с этого времени начинает интересоваться только научной литературой. Лишь перейдя в шестой класс, автор мемуаров понял, что *художественная литература есть высокое проявление человеческого творчества, и стал читать ее, но уже с большим разбором, сосредоточиваясь преимущественно на классических произведениях русской и иностранной поэзии* [1, №10, 152–153].

В детстве Коля Лосский мало интересовался политикой, хотя ему были известны такие, например, имена, как император Александр II, витебский губернатор фон- Валь, Иоанн Грозный, митрополит Филипп [1, №10, 147, 148, 155].

Обучаясь в гимназии, Николай Лосский, пожалуй, впервые столкнулся с примерами несправедливости со стороны царской власти по отношению к местному населению. Именно поэтому стал очевидным интерес юноши к идеям революционного преобразования мира. *Мы* (витебские гимназисты. – В.Г.) *начали читать запрещенные книги, то есть книги, изъятые из общественных библиотек. Это были сочинения Писарева, Добролюбова, Михайловского. С идеями социализма я познакомился из бесед с товарищами, отчасти по намекам на них, вылавливаемых из книг. Они произвели на меня большое впечатление и увлекли меня* [1, №10, 157].

Таким образом, ономастическое пространство детства и ранней юности (до 1887 года) Николая Лосского свидетельствует:

1. О раннем и стойком интересе к окружающему миру, а также о желании изучать и познавать его.
2. О толерантности и веротерпимости.
3. О неодолимой страсти к чтению и самообразованию.
4. Об отличных способностях к изучению европейских языков.

5. Об умеренном увлечении политикой, но обостренном чувстве социальной справедливости.

В 1887 году Н.О. Лосский был исключен из витебской гимназии за «пропаганду атеизма и социализма». В дальнейшем молодой человек учился на философском факультет Бернского университета (1888 г.). Окончил физико-математический (1895 г.) и историко-*фило*логический (1898 г.) факультеты Санкт-Петербургского университета. Изучение философии Лосский продолжил в Швейцарии и Германии. Степень магистра философии Николай Онуфриевич получил в 1903, а доктора философии – в 1907 году. В 1916 – Н.О. Лосский становится профессором Санкт-Петербургского университета. В 1922 году в числе большой группы ученых и деятелей русской культуры выслан за пределы страны. Живя в эмиграции, Лосский активно занимался научной и педагогической деятельностью. Вначале Николай Онуфриевич поселился в Праге, где был профессором Русского университета. В 1942 году переехал в Братиславу и стал профессором местного университета. С 1945 – в США, и преподаёт в Стэнфордском университете, а затем – в Русской духовной академии в Нью-Йорке [1, №12, 92–153]. Похоронен Н.О. Лосский во Франции, на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Литература

1. Лосский, Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский // Вопросы философии. – 1991. – №10. – С.130−192; № 11. – С.116−190; №12. – С. 92−153.

2. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высш. шк., 1991. – 559 с.

А.Н. Деревяго
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: annderevyago@gmail.com

УДК 811.141.1.317.5

ТОПОНИМНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Ключевые слова: *топонимы, апеллятивы, локальность, языковая картина мира, художественный текст, лингвокультурный типаж.*

Статья посвящена установлению механизма формирования лингвокультурного типажа Санкт-Петербурга в поэтическом тексте И. Бродского. Исследуются вопросы взаимосвязи и взаимовлияния национальной и индивидуальной языковых картин мира, соотношения понятий концепта и типажа, определяются основные конститутивные признаки типажа Санкт-Петербурга, закрепляющие за ним статус прецедентного феномена.

A.N. Derevyago
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

TOPONYMIC COMPONENT OF CREATING LINGUOCULTURAL FACIAL FEATURES OF ST. PETERSBURG IN THE POETRY OF JOSEPH BRODSKY

Key words: *toponyms, appellatives, locality, language picture of the world, artistic text, linguocultural type.*

The article is devoted to the mechanism of formation linguocultural facial features of St. Petersburg in a poetic text of Joseph Brodsky. The problems of the relationship and interaction of national and individual language pictures of the world, the relationship between the concepts and types are researched, defines the basic constitutive signs of facial features of St. Petersburg, assigned to it the status of the case of the phenomenon.

Процесс познания окружающего мира является одной из основных ментальных процедур, определяющих становление человека как части хронотопа и личности как части социума. Специ-

фика идентификации связана с разнообразными факторами, обусловленными половозрастными, социальными и национальными характеристиками. Смысловое моделирование окружающей действительности в поле научной проблематики лингвистики XX века, детерминированной принципами и установками антропоцентрической парадигмы, прочно связывается с понятием языковой картины мира как совокупности представлений о мире, исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженной в языке [1].

Возникновение и формулирование идеи этнической предопределенности картины мира связывается с именами В. Фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера. Так, в учении В. Фон Гумбольдта о внутренней форме языка Л. Вайсгербер обнаружил идею этничности языкового содержания и на ее основе построил свою теорию языковой картины мира, вписав объекты окружающего мира в систему языка, определив, что в языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка [2].

Несущую конструкцию языковой картины мира составляют концепты как концентрации культурных смыслов, объединенных общим понятийным ядром. Концепты являются основной единицей конструирования национального менталитета, а среди них те, что выступают абстрактными ментальными образованиями, содержание которых есть обобщенные типы личностей, проявляют свойства лингвокультурных типажей. И если дефиницией типажа выступает совокупность черт, характерных для типа [3], то лингвокультурные типажи − обобщенные типы, признаки которых выражают наиболее яркие, узнаваемые характеристики определенного этноса либо социальной группы в рамках этого этноса в определенный исторический период [4].

Художественный текст как одна из форм аккумулирования, воплощения и трансляции культуры в совокупности ее кодов выступает областью проявления различных когнитивных феноменов. В каждодневной практике мы постоянно сталкиваемся с текстом, непрерывным внутренним и невербализованным или внешним вербализованным, ограниченным какими-либо обстоятельствами (конец общения или намеренный перерыв в нем, дистантное положение участников коммуникации, исчерпанность темы или мотива общения и т. д.); с текстом, представляющим любую последовательность знаков или тщательно отобранную, организованную по устойчивым законам и представляющую объект лингвистического исследования.

Феноменальность художественного текста во многом задается его внутренней образной системой, которая конструируется под влиянием когнитивных установок автора текста, для индивидуальной картины мира которого концептуальными становятся не только образы-проекции людей, но и географических объектов, обладающих аксиологической значимостью и ввиду этого наделенных антропоморфными чертами.

В поэтическом тексте И. Бродского есть несколько образов топообъектов подобного типа, и один из них – образ ***Санкт-Петербурга***. Его модель автор выстраивает с особой тщательностью. Фактическая хронология реального существования поэта определяет основным элементом этого номинационного поля астионим ***Ленинград***, который, что специфично, в контекстах представлен спорадически.

Как и семантика любой ономастической единицы, семантическое наполнение топонима *Санкт-Петербург / Ленинград* в полной мере с понятием не соотносится, однако при конструировании модели лингвокультурного типажа топообъекта есть возможность определить основные конститутивные признаки его с ориентацией на денотативный, сигнификативный и, в особенности, прагматический компоненты внутренней формы – 1) город, 2) необычность исторической судьбы; 3) неповторимость архитектурного облика; 4) императорская столица; 5) иностранность, отчужденность.

Семантическая объемность и завершенность образа достигается использованием многообразных лексических единиц с локальными характеристиками (дороги, кварталы, подвалы, проспекты, дома и т. д.) и многочисленного ономастического инвентаря. Апеллятивы в большей мере актуализируют в концептуальном образе Петербурга ядерный признак *город*.

Периферийное положение и в границах топонимии, и в пределах города занимают мелкие денотаты, представленные урбанонимией: названиями водных объектов внутри города − урбаногидронимы ***Фонтанка, Нева*** и др.; названиями площадей – ***Марсово поле, Дворцовая площадь, Манежная, Адмиралтейская*** и др.; названиями линейных объектов внутригородского простран-

ства – годонимы ***Малая Охта, Невский, Петергофская*** и др.; названиями внутригородских рекреационных зон – ***Александровский сад*** (окружает здание Адмиралтейства и объединяет Дворцовую и Сенатскую площади [5]), ***Летний сад, Михайловский (сад)***; названиями мест совершения религиозного обряда − экклезионимы ***Казанский (собор), Исаакий, Смольный (собор), Троицкий (собор)***; названиями разнообразных точечных объектов – ойкодомонимы ***Эрмитаж, Зимний (Дворец), Адмиралтейство, Биржа, Кресты, Сенат*** и др.

Эта система образов внутригородского пространства формирует общую полиобъектную модель Санкт-Петербурга, представленную в тексте, и проецирует конститутивные признаки *неповторимость архитектурного облика / императорская столица*: *«Плывет в тоске необъяснимой / среди кирпичного надсада / ночной кораблик негасимый / из Александровского сада…»* [6, 11].

При создании образов внутригородского пространства активно используются смысловые векторы от топонимов к апеллятивным единицам с локальными характеристиками. Конститутивный признак типажа *неповторимость архитектурного облика / иностранность, отчужденность* в контекстах воплощается внутритекстовыми семантическими группами ***мосты – Прачечный мост – Гринвич – Малая Охта – Финский залив – Ладога – пароходы*** (*Морозный вечер. Мосты в тумане* [7, 176] – *На Прачечном мосту, где мы с тобой / уподоблялись стрелкам циферблата* [7, 71] – *…над ними мост, как неподвижный Гринвич* [7, 177] – *Вот я вновь пробежал Малой Охтой сквозь тысячу арок* [7, 14] и т.д.); *имперская столица* – ***дворцы – Зимний – Биржа – Сенат – Адмиралтейство – Марсово поле – фонари*** (*Дворцы промерзли, / и ждет весны в ночи их колоннада, как ждут плоты на Ладоге буксира* [7, 177] – *Жительницы грота / на кровле Биржи клацают зубами* [7, 17] – *Но на Марсовое поле дотемна / Вы придете оденешенька-одна* [7, 50] и т.д.).

Знаковым в формировании лингвокультурного типажа Петербурга является образ фонаря. Контекстная семантика этого элемента пространства связана с мотивом истории: определяется антиномия *фонарь – современный фонарь*, воплощающая положительную оценочность аутентичного исторического объекта, устойчивости и жизненности его света и смертельности воздействия его современного варианта (*…современный фонарь смотрит мертвенным оком…* [7, 15]).

Таким образом, условия художественного текста с его максимальной образностью и возможностью семантических трансформаций исходных языковых единиц делают возможным появление лингвокультурных типажей не только в сфере персонимии, но и в области единиц с локальными характеристиками, которые представлены топонимами. Типичность образа Санкт-Петербурга в поэтическом тексте И. Бродского проявляется в том, что из когнитивной базы он выводится с актуализацией наиболее ярких, презентационных черт. Понятийная составляющая типажа в данном случае реализуется апеллятивными единицами с локальными характеристиками, а образная и ценностная составляющие возникают в результате интерпретации текстовых реализаций компонентов топонимного инвентаря. В результате образ приобретает черты этнокультурной уникальности и статус прецедентного феномена.

Литература

1 Зализняк, А. А. Языковая картина мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru / enc/ gumanitarnye_nauki/ lingvistika/ yazikovaya_kartina_mira.html. – Дата доступа : 02.01.2016.

2 Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайгербер. – М. : УРСС Эдиториал, 2004. – 232 с.

3 Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1233 с.

4 Ярмахова, Е. А. Лингвокультурный типаж "английский чудак": дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Ярмахова. – Волгоград, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/ content/lingvokulturnyi-tipazh-angliiskii-chudak. – Дата доступ : 10.01.2016.

5 Сады и парки Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// walkspb.ru/istoriya_peterburga/sad. – Дата доступа : 12.12.2015.

6 Бродский, И. Остановка в пустыне / И. Бродский. – Санкт-Петербург : Азбука-классика. – 248 с.

7 Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2014. – 880 с.

А.С. Дзядова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: honey.dedova@ bk.ru

УДК 811.161.3’373.2 :008

УЛАСНАЕ ІМЯ ЯК НОСЬБІТ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ ІНФАРМАЦЫІ Ў ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ РЫГОРА БАРАДУЛІНА

Ключевые слова: *антропонимы, национально-культурная семантика, прецедентные имена, собственные имена.*

Статья посвящена исследованию ономастических наименований с национально-культурным компонентом значения в поэтическом дискурсе Р. Бородулина. Предметом исследования выступает лингвокультурологическая информация, представленная в семантике прецедентных имен в истории и культуре Беларуси, антропонимов, теонимов, названий традиционных обычаев и обрядов белорусов. Определена роль имени собственного как этнокультурного фактора в создании художественных образов и показе национальной самобытности духовной культуры белорусского народа.

E.S. Dedova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

PERSONAL NAME AS A REPRESENTATIVE MEANS OF NATIONAL AND CULTURAL INFORMATION IN THE POETRY DISCOURSE BY R. BARADULIN

Key words: *anthroponym, national and cultural meaning, personal name, precedential name.*

The article is devoted to certain onomastical names that contain national and cultural component in their meaning on the material of the poetry discourse by R. Baradulin. The object of the research is linguistic and cultural information represented by means of precedential names in the history of Belarus, anthroponymical units, theonyms, names of traditions and customs of the Belarusian people. The role of the personal name as the ethnic factor in the development of characters and representation of unique spiritual culture of the Belarusians is defined.

Змена базіснай парадыгмы навуковых ведаў, асваенне лінгвакультуралагічных спосабаў вывучэння моўных адзінак, распрацоўка кагнітыўных падыходаў да іх аналізу садзейнічаюць сёння актывізацыі даследаванняў, выкананых у рэчышчы этналінгвістычнага падыходу да вывучэння мовы. Не з’яўляюцца выключэннем і мастацкія тэксты, якія выступаюць адным са шляхоў спасціжэння этнакультурнай адметнасці пэўнага народа.

У беларускай літаратуры Р. Барадулін з’яўляецца адным з тых паэтаў, феномен творчасці якога выяўляе шанаванне ўсяго свайго, беларускага, крывіцкага і дапамагае нам “увайсці” ў свет беларускай культуры, зразумець яе асноўныя коды, што выяўляюць нацыянальны склад псіхікі, мыслення, спецыфічныя адметнасці беларусаў на “фоне” іншых этнічных супольнасцей і сведчаць пра прыналежнасць нашага народа да пэўнага этнакультурнага арэалу, геаграфічнай і гістарычнай прасторы. Паэзія Р. Барадуліна нясе ў сабе вялікі лінгвакультуралагічны патэнцыял. Таму невыпадкова сучасны беларускі паэт М. Скобла пераканаўча сцвярджае: “…Барадулін рана ці позна стане культурным брэндам Беларусі” [3, 8].

Асобную групу слоў, што ствараюць нацыянальна-гістарычны фон у паэтычным дыскурсе Р. Барадуліна, складаюць антрапонімы, якія дастаткова выразна выяўляюць этнакультурную спецыфіку беларусаў у пэўны гістарычны перыяд і з’яўляюцца своеасаблівымі “маркерамі” эпохі. У іх, па словах В.П. Рагойшы, “застыў сам час, некаторыя асаблівасці (гістарычныя, сацыяльныя, геаграфічныя) жыцця народа” [11, 138].

У гісторыі любога народа важную ролю адыгрываюць прэцэдэнтныя імёны. Да прэцэдэнтных імёнаў у культуры адносяцца імёны людзей, чыя роля надзвычай вялікая не толькі для нацыянальнай, але і для сусветнай культуры. Найбольш часта сустракаюцца ў барадулінскай паэзіі наступныя

імёны: *Еўфрасіння Полацкая,Францыск Скарына, Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч, Васіль Быкаў* і інш.: *Ёсць полацкі менталітэт – ад* ***Еўфрасінні****, ад* ***Скарыны*** [4,73]; *Пяць зорак каньяку ўпартай Беларушчыны –* ***Купала, Багдановіч, Колас, Караткевіч, Быкаў*** [7, 363]; *Васільком у жыце Беларушчыны назаўсёды застанецца* ***Быкаў*** [7, 244]. Трэба адзначыць, што сярод імёнаў беларускіх пісьменнікаў паэт часцей за іншыя ўжывае імя Янкі Купалы, бо паэзія класіка беларускай літаратуры натхняла Р.Барадуліна для напісання вершаў, прысвечаных роднаму краю, беларускаму народу: ***Янкам Купалам*** *бачым,* ***Янкам Купалам*** *верым,* ***Янкам Купалам*** *вяртаем Беларусь у Беларусь* [7, 204]. Узгадваюцца таксама сусветнавядомыя мастакі – ураджэнцы Беларусі. У іх ліку *Марк Шагал*:*… Віцебскія васількі захлынулі сінечай* ***Шагала***[1, 140]; *Язэп Драздовіч*: ***Язэп Драздовіч*** *– павятовы Мікеланджэла, знаёмы быў з Сатурнам і Ярылам* [4, 9] і інш. У паэтычным радку Р. Барадуліна звяртаюць на сябе ўвагу і прэцэдэнтныя імёны беларускай гісторыі. Напрыклад, *Жыгімонт* – вялікі князь літоўскі з 1506 года, а з 9 снежня таго ж года – кароль польскі; *Барбара Радзівіл* – каралева польская і вялікая княгіня ВКЛ: *...****Жыгімонт*** *стары пісаў лісты на мове нашае да* ***Радзівілы*** [5, 3, 113]; *Тадэвуш Касцюшка* – палітычны і ваенны дзеяч Рэчы Паспалітай, кіраўнік нацыянальна-вызваленчага паўстання 1794 года, нацыянальны герой Беларусі: *На вольнасць у Расіі позірк косы, ён косіць луг нязломнікаў* ***Касцюшкі*** [5, 2, 244] і інш.

Для паэта гісторыя роднага краю непарыўна звязана з яго продкамі. Р. Барадулін глыбока ўсведамляе сваю непарыўную сувязь з прашчурамі, таму самае галоўнае для яго – веданне сваіх каранёў, свайго радаводнага дрэва. Пра барадулінскі радавод па бацькавай лініі ўзгадваецца ў вершы “Вечалле”: *Човен* ***дзеда Грышкі*** *лёгкім сном торкаўся ў затоку ў асачэлую* [8, 45], па матчынай – у “Паэме жытняй скібе”: *“Мой* ***дзед****, рыжанін* ***Галвіньш****, механік па млынах, на грошы быў не галы і выпіць – не манах”* [5, 2, 129]. Змены ў гучанні прозвішчаў беларусаў з прычыны русіфікацыі нашага краю ў часы Расійскай імперыі таксама не засталіся не заўважанымі Р. Барадуліным: ***Андрэя Гальвіньша****, дзеда свайго я не бачыў ніколі, … зрабілі яго* ***Галовіным*** *царскія пашпартысты ці пісары* [5, 2, 127]. Даволі іранічна падкрэсліваецца спадчынная неўтаймаванасць духу ў вершы “Пра бароды і маю радаслоўную”: *Традыцыяй бунтарскай, неспакойнаю ўсе бароды з* ***роду Барадулінаў*** [5, 2, 354].

Выразную нацыянальна-культурную семантыку ў паэтычным дыскурсе маюць шматлікія антрапонімы – імёны і прозвішчы герояў. І гэта невыпадкова, бо “ў кожнай мове ёсць пэўны сэнсавы арэол, пэўнае значэнне, замацаванае за ўласным імем, агульнае для носьбітаў мовы” [9, 40]. Для Р. Барадуліна Радзіма – гэта найперш маці, а яшчэ і яго суседзі, родныя і сваякі. Вобраз маці Акуліны Андрэеўны, у імені якой увасобіліся традыцыі нацыянальнага іменаслова, амаль цалкам узяты з натуры і ўбірае ў сябе вобраз малой радзімы –Ушаччыны: *Маці завуць* ***Кулінай*** [5, 3, 10]. Варта адзначыць, што аўтар шырока выкарыстоўвае традыцыі беларускага нацыянальнага іменаслова з захаваннем фанетычных асаблівасцей жывой беларускай мовы. Напрыклад, *Хвэлька*: *Ад вясёлых жартаў* ***Хвэлькі*** *як не трэснуць з смеху бэлькі* [5, 3, 130]; *Піліп, Грышка*: *Адпілікаў на скрыпцы* ***Піліп,*** *засталася без* ***Грышкі*** *Грышчыха* [2, 177]; *Стэхван, Зося, Тэкля*: *Каб рэй вялі, касілі, храп’е секлі сяўцы і кавалі –* ***Стахваны, Зосі, Тэклі*** [8, 140]; *Мікола, Варвара, Аўдакея*: *Малацілі і веялі зярняты спагады, надзеі, заклапочаныя, ды не хмурыя* ***Міколы ды Юр’і, Варвары ды Аўдакеі*** [8, 215] і інш. Пры іменаванні жанчыны для гутарковай беларускай мовы характэрны адназоўнікавыя ўтварэнні з суфіксам *-іх-*(а), *-ых-*(а) са значэннем ‘жонка таго, хто названы словаўтваральнай асновай’, пра што сведчыць наступны ілюстрацыйны матэрыял: *Хоць* ***Петушыху*** *язычніцай звалі за доўгі язык* …[5, 3, 154]; *Была жанчына краўчыхай* ***Яніхай*** [5, 1, 48]; *Выбеглі ў сяле суседзі нашы з вёдрамі –* ***Максіміха, Казліха*** [8, 28]; *Дзе ходзіць боссю* ***Барнасіха*** *дасюль, ледзь толькі сыдзе снег* [8, 183]; *Ехала з вяселля баба* ***Грышчыха*** [2, 21] і інш. Р.Барадулін часам і сам адзначае самабытнасць народнага іменаслова беларусаў: ***Міклашэўская Феліцыя Антонаўна****, матка хросная мая (па-ўшацку –* ***Фэля)*** [5, 2, 37].

Лексічнымі рэпрэзентантамі нацыянальнай духоўнай культуры беларусаў у паэтычнай мове Р. Барадуліна выступаюць уласныя імёны, якія семантызуюць блізкія і знаёмыя паэту з дзяцінства народныя абрады, звычаі і святы беларусаў, іх прыкметы і павер’і, рэлігійнае светабачанне, міфалагічныя ўяўленні продкаў пра існаванне звышнатуральных сіл.

Фарміраванне светапогляду беларускага народа адбывалася пад уплывам не толькі культурных традыцый і сацыяльных фактараў. Значную ролю ў жыцці беларусаў як у ранейшыя часы, так і сёння адыгрываюць міфалогія і рэлігія, як сродкі выражэння светабачання народа і яго ўяўленняў пра навакольны свет. На тэрыторыі Беларусі з даўніх часоў існавала дзвюхвер'е: язычніцтва і хрысціянства. Як адзначае К.С. Півавар, "язычніцтва, у асноўным, з'яўлялася бытавой рэлігіяй сялянства з яго натуральнай гаспадаркай, патрыярхальным ладам жыцця, поўным залежнасці ад сіл прыроды. У старажытнасці многія сяляне патаемна выконвалі язычніцкія абрады" [10, 119]. Спалучэнне язычніцкага і хрысціянскага светапогляду прыкметна заўважаецца і ў паэтычных творах Р. Барадуліна. Аўтар даволі часта звяртаецца да беларускай міфалогіі. У яго паэзіі змешчаны амаль увесь пантэон язычніцкіх багоў. Да ліку найбольш ужывальных лексем-тэонімаў аднясём уласныя імёны тыпу *Пярун* 'вярхоўны бог у старажытных славян-язычнікаў, бог нябеснага агню': *Стаў між нябёсамі і зямлёй* ***Пярун*** *пасрэднікам душы* [2, 96]; *Ярыла* 'старажытнае язычніцкае бажаство, якое сімвалізуе вясновую абуджаную прыроду і пачуццёвае каханне': ***Ярыла****, вусы распрамень, расшчодрыся на свята* [5,3,43]; *Зюзя* 'міфічная істота, увасабленне холаду, бог зімы': *У белым расхрыстаным кажусе, босы ходзіць* ***Зюзя*** *сівабароды* [5, 3, 29]; *Велес* 'апякун багацця і хатняй жывёлы': *Нябёсы ў жудасці сумеліся, ды помняць тую хмару шэрую, з якой зямля яшчэ пры* ***Велесе*** *свянціласа паганскай вераю* [4, 163]; *Жыцень* 'антрапаморфная істота ў міфалагічных павер'ях беларусаў, якая ўплывае на выспяванне ўраджаю': *А* ***Жыцень*** *– дзяцюк невысокі, паджары, падцяты* [5, 3, 138]; *Чур* 'міфічная істота, добры дух, які засцерагае межы гаспадаркі': *Праверыў межы нябачны* ***Чур***...[5, 3, 123]; *Ляля* 'багіня вясны, кахання, прыгажосці': *Весялей расце трава. Гэта ў гожай* ***Лялі*** *жаўранкі вылятаюць з рукава* [5, 3, 136] і інш.

Узгадваюцца паэтам і міфічныя істоты: *Ваўкалак* 'у славянскай міфалогіі – чалавек-пярэварацень, які валодае звышнатуральнай здольнасцю ператварацца ў ваўка, а потым – зноў станавіцца чалавекам': *...дзе плачуць шчырыя* ***ваўкалакі*** [5, 3, 145]; *Дамавік* 'дух-ахоўнік дамашняга ачага': *А вось і Сам, Гаспадар,* ***Дамавік*** *ці з печы злез, ці выйшаў з запечка* [6, 223]; *русалка* 'жанчынападобная істота, увасабленне воднай і лясной стыхій', *лесавік* 'чалавекападобная казачная істота, якая жыве ў лесе, нячыстая сіла': *Сны аржаныя, сны баравыя – свае ў* ***русалак****, у* ***лесуноў*** [4, 154].

У традыцыйнай абраднасці беларусаў асобае месца займае Піліпаўка – перадкалядны пост у праваслаўных вернікаў, які атрымаў назву ў гонар вялікага прапаведніка Святога апостала Піліпа і доўжыцца шэсць тыдняў перад Раством Хрыстовым. Гэты час вызначаўся раней самымі моцнымі маразамі і завеямі. У Піліпаўку ваўкі і сабакі пачынаюць ладзіць вяселлі: *І ў лясах успамінаў замроеных цёпла выюць ваўкі ў* ***Піліпаўку*** [4, 92]. У мове паэзіі Р. Барадуліна сустракаюцца шматлікія назвы свят і прысвяткаў беларускага народнага календара. Так, зімовы цыкл утрымлівае назвы такіх свят, як Каляды, Вадохрышча і інш. У сваіх творах аўтар вельмі цікава, падрабязна апісаў калядныя святы, з усімі звычаямі і абрадамі іх святкавання. Паэт падкрэслівае, што менавіта з Калядамі ў нашага народа звязаны надыход зімы*: Мы гаворым, як зіма ідзе недзе ў нас* ***з Калядамі*** [8, 235]. У гонар гэтага свята ў кожнай хаце рабілі святую вячэру, на якой абавязковай стравай была куцця 'каша з тоўчаных зярнят ячменю або пшаніцы': *Цераз пушчы, цераз гаці, цераз ляды абагрэцца куццёю ў хаце ішлі* ***Каляды*** [4, 364]. Да зімовага цыкла святаў адносіцца таксама свята Хрышчэнне (Вадохрышча), якое адзначаецца 19 студзеня. У гэты дзень праводзіцца рытуал асвячэння вады: ***Вадохрышча*** *– воля вадзе, марозу – сцюдзяная доля* [4, 310].

Комплекс звычаяў і абрадаў веснавога перыяду ў Р. Барадуліна асабліва багаты і разнастайны. Іх семантызуюць шматлікія найменні. Напрыклад, Масленіца – гадавое свята, якое адзначалася як праводзіны зімы і сустрэча вясны: *Пост падняў кабыле хвост, а там –* ***Масленіца*** [5, 3, 123]. Самымі вялікімі гадавымі святамі вясны спрадвеку лічыліся Благавешчанне, Вялікдзень, Радаўніца. Свята Благавешчанне (Звеставанне) адзначаецца штогод 7 красавіка. Традыцыйна лічыцца, што на Благавешчанне звычайна прылятаюць буслы на Радзіму: ***Благавешчанне, Звеставанне*** *– дзень прылёту буслоў* [5, 2, 12]. Вялікдзень (у аўтара – *Вялічка*) – веснавое хрысціянскае свята, прысвечанае ўваскрэсенню Хрыста. Р. Барадулін даволі падрабязна апісвае звычаі і традыцыі, звязаныя з гэтым святам: *Прыходзіла* ***Вялічка*** *на сяло з чырвоным яйкам, з бе-*

латварым сырам [7, 460]; *У сене – каб цёпла і цёмна я памідоры бацьку спяліў і фарбаваў* ***на Вялічка*** *яйкі шалупкамі ад цыбулі* [5, 3, 167]. Як бачна з прыведзеных вышэй прыкладаў, у цэнтры велікоднай абраднасці знаходзіцца яе своеасаблівы сімвал – пафарбаванае яйка. *Радаўніца* – дзень памінання памерлых ва ўсходніх славян: *На* ***Радаўніцу*** *свечку запалю. Схілюся. Змоўкну. Ціха памалюся*…[4, 305].

Самымі значнымі святамі летняга цыкла былі Купалле, Пятро, Ілля. У мове барадулінскай паэзіі сустракаюцца наступныя назвы святаў летняга цыкла: Купала – старажытнае свята летняга сонцастаяння ва ўсходніх славян, якое святкуецца ў ноч з 6 на 7 ліпеня: *Сягоння ж* ***Купала****, што ні зробіш – прапала...* [5, 3, 65]. Купалле заўсёды суправаджалася песнямі і танцамі каля вогнішча, дзяўчаты апоўначы ішлі шукаць Папараць-кветку – сімвал шчасця: *Колы з'езджаныя паляць крывічы, перад цемрай правінілася* ***Купалле*** [4, 308]; ***Кветка Папараць*** *спалохана цвіце, як душа, што з раю вытурылі ў пекла* [4, 308]. Пятро – праваслаўнае свята, якое адзначаецца 12 ліпеня і звязана з ушанаваннем апосталаў Пятра і Паўла: *Без мяне да* ***Пятра*** *венікаў навязалі* [8, 66]. Пры апісанні гэтага свята аўтар выкарыстоўвае народную прыкмету: *Прыйшоў* ***Пятрок****, сарваў лісток* [5, 3, 128]. Ілля – свята ў гонар Святога прарока Іллі, якое адзначаецца 2 жніўня: *Прыйшла* ***Ілля****, нарабіла гнілля* [4, 92]. У народзе прыкмецілі, што пасля свята Іллі псавалася добрае надвор'е, сонечныя дні змяняліся дажджлівымі.

Восеньскі цыкл святаў у паэзіі Р. Барадуліна прадстаўлены ўласнымі найменнямі *Пакровы* і *Дзяды (Змітраўскія дзяды)*: *Дзякуй,* ***Пакровам, Дзядам, Калядам*** [1, 56]. Семантыка апошняга наймення звязана з культам продкаў – адной з самых яркіх рыс беларускай традыцыйнай культуры. Дзяды – гэта абрад памінання продкаў, а таксама дзень, калі ён выконваецца: Аўтар апісвае беларускія звычаі і абрады свята Дзяды: *Вылучна беларускі сапраўдны ён, звычай, звечаны святымі святамі, каб са жніва пакінуць на* ***Дзяды*** *галодным птушкам каласкі з зярняткамі* [8, 416]; *Калі не з Траецкімі па вясне, дык хоць жа са* ***Змітраўскімі дзядамі****...*[4, 319].

Такім чынам, у паэтычным дыскурсе Р. Барадуліна ўласнае імя з нацыянальна-культурнай семантыкай дастаткова глыбока і выразна выяўляе этнакультурную спецыфіку духоўнай культуры і нацыянальную карціну свету беларусаў.

Літаратура

1. Барадулін, Р. І. Белая яблыня грому: выбр. старонкі лірыкі, 1954-1978 / Р. І. Барадулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. – 174 с.
2. Барадулін, Р. І. Вечалле : кніга паэзіі / Р.І. Барадулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1980. – 335 с.
3. Барадулін, Р. І. Выбраныя творы / Р. Барадулін ; [уклад., прадм., камент. М. Скоблы]. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 596 с.
4. Барадулін, Р. І. Евангелле ад Мамы : кніга паэзіі / Р. І. Барадулін. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1995. – 462 с.
5. Барадулін, Р. І. Збор твораў : у 4 т. / Р. І. Барадулін; Прадм.Сёмуха В.С. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1996–2002. – Т. I – III.
6. Барадулін, Р. І. Міласэрнасць плахі : кніга паэзіі / Р. І. Барадулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – 302 с.
7. Барадулін, Р. І. Руны Перуновы: выбр. творы / Р. І. Барадулін. – Мінск : Радыёла-плюс, 2006. – 496 с.
8. Барадулін, Р. І. Трэба дома бываць часцей... : выбр. старонкі лірыкі / Р. І. Барадулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – 352 с.
9. Басава, Г. "Ні сюды Мікіта ні туды Мікіта": Уласнае імя як носьбіт нацыянальна-культурнага кампанента значэння слова / Г. Басава // Роднае слова. – 2001. – № 10. – С. 40 – 41.
10. Півавар, К. С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту / К. С. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 155с.
11. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В. П. Рагойша. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 184 с.

Л.А. Дмитрук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
e-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

УДК 821.161.1.09 «18»; 81’37.

ТОПОНИМЫ КАК КОМПОНЕНТ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ А.О. АБЛЕСИМОВА "МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ"» ПОЛНОГО ТИПА

Ключевые слова: *авторский словарь, тезаурус, словарная статья, топонимы, А.О. Аблесимов.*

В статье обосновывается актуальность привлечения материалов «Словаря языка комической оперы А.О. Аблесимова "Мельник-колдун, обманщик и сват"» полного типа для изучения топонимов как части лексической системы конца XVIII века.

L.A. Dmitruk
Kostroma State University N. A. Nekrasov

TOPONYMS AS A COMPONENT OF «THE DICTIONARY THE LANGUAGE OF COMIC OPERA A.O. ABLESIMOV "MILLER-SORCERER, DECEIVER AND MATCHMAKER"» FULL TYPE

Key words: *tha author's vocabulary, tezarius, a dictionary article, toponyms, A.O. Ablesimov.*

The article explains the relevance of attracting materials of «The dictionary of the language of comic opera A.O. Ablesimov "Miller-sorcerer, deceiver and matchmaker"» for the studying of toponyms as a part of lexical system of the XVIII-th century.

В современной русской лексикографии в последние годы наблюдается повышенное внимание к языку писателей как предмету словарной интерпретации. Данная тенденция, наметившаяся ещё в середине XX века (хотя опыт обращения к лексикографированию творческого наследия писателей XIX века существовал и ранее), когда вышел в свет «Словарь языка Пушкина» [6], считающийся в настоящее время, пожалуй, классическим авторским словарём, сформировала достаточно самостоятельную область внутри общей лексикографии – лексикографию авторскую. Словари, построенные на материале творчества одного писателя и даже отдельно взятого авторского произведения, стали всё чаще заинтересовывать отечественных исследователей-филологов, что, на наш взгляд, может быть обусловлено следующими факторами:

1) писательские словари помогают проследить развитие различных языковых явлений в синхронно-диахронном аспекте на достаточно широком лингвистическом материале;

2) способствуют изучению истории слов, лексико-семантических групп, выявлению особенностей их функционирования во всех регистрах языка;

3) данные этих словарей возможно задействовать при изучении языка художественной литературы, авторских идиостилей;

4) значительно облегчают труд специалистов по собиранию и обработке языкового материала.

С точки зрения перечисленных факторов ещё большую значимость приобретает частный случай авторского словаря – словарь языка одного произведения, который направлен на скрупулёзное детальное описание языка писателя, а опосредованно и языка эпохи. Правда, на данный момент таких словарей существует немного, что делает их составление особенно актуальным. Из наиболее популярных изданий последних десятилетий можем назвать, например, «Словарь "Слова о полку Игореве"» (Л., 1965–1984) [4], «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (Л., 1974–1990) [2], «Частотный словарь романа Л.Н. Толстого "Война и мир"» (Тула, 1978) [7], «Словоуказатель к комедии Н.В. Гоголя "Ревизор"» (Тверь, 1990) [1], «Словарь языка комедии "Горе от ума"» (М., 2007) [5] и др. Данные словари описывают язык наиболее значимых памят-

ников древнерусской литературы, произведений писателей XIX – начала XX веков. Однако до сих пор нет подобных лексикографических изданий, основанных на материале произведений авторов одного из самых сложных периодов в истории русского литературного языка – XVIII столетия.

Составляемый нами «Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова "Мельник-колдун, обманщик и сват"» в хронологическом плане заполняет образовавшуюся лакуну. Описываемое произведение, одно из самых популярных в драматургии конца XVIII века, по времени своего создания (написана в 1772 году, первое представление состоялось 20 января 1779 года) относится к памятникам предпушкинской эпохи. Язык пьесы, отражающий разговорный узус рубежа XVIII–XIX веков, – яркий пример демократизации литературного языка, окончательно оформившегося в творчестве А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского и других писателей-классиков XIX в.

Частично лексика произведения Аблесимова представлена в «Словаре русского языка XVIII» века РАН (Л., СПб., 1984–), самого авторитетного лексикографического труда, описывающего речевой узус XVIII столетия. Однако в этот словарь имена собственные включены ограниченно: в основном это мифологические имена, некоторые географические наименования. Личные имена сюда не введены, за небольшим исключением, которое составляют имена, употреблённые в нарицательном смысле, переносном или символическом значении [3, 17]. Наш Словарь задуман как тезаурус, где системно комментируется вся лексика пьесы (более 1000 слов и выражений), собственная и нарицательная, знаменательная и служебная, в плане семантики и особенностей употребления в русском языке конца XVIII века. Основной принцип Словаря реализуется не только за счёт полноты словника, но и тенденции к полноте комплексного семантико-стилистического, грамматического описания, многостороннего использование цитации.

В данной статье анализируются топонимы – географические названия территории, населённых пунктов, водных объектов – из произведения Аблесимова как фрагмент лексической системы XVIII века и компонент составляемого нами Словаря: хороним *Русь*, среди ойконимов – это комонимы село *Сесвяцкое*, село *Хлебородово*, деревня *Добрая Пожня,* среди гидронимов – потамоним *Пресня.*

По способу описания лексики Словарь является толковым, что предполагает наличие в словарной статье обязательных структурных зон: заглавное слово; количество словоупотреблений слова в тексте; грамматическая характеристика слова; стилистические пометы; толкование слова; иллюстрация; особым знаком ◊ отмечены устойчивые выражения с участием данной лексической единицы; под знаком * подаются сведения историко-культурного характера, этнолингвистический или географический комментарий (для слов, обладающих соответствующий спецификой в тексте произведения), ссылка на эти сведения в других источниках.

При интерпретации топонимов сохраняются все рубрики словарной статьи с соблюдением общих принципов описания, характерных для нарицательной лексики.

Заглавное слово даётся полужирным шрифтом в начальной грамматической форме с ударением (кроме односложных слов). В качестве заглавного слова в Словаре может быть представлена любая часть речи, фразеологизм, антропоним, топоним. Структурные единицы, состоящие из нескольких компонентов, раздельнооформленные, приводятся в Словаре прямо пропорционально количеству слов в их составе. Разработка таких структур приводится один раз в словарной статье на стержневой компонент, в остальных случаях даются отсылки на место разработки.

Количество словоупотреблений в тексте даётся после заглавного слова в круглых скобках. В число словоупотреблений включены слова из реплик действующих лиц, текстов песен, слова из авторских ремарок.

У каждого слова указаны *грамматические пометы*, устанавливающие принадлежность слова к той или иной части речи.

Стилистические пометы показаны курсивом после грамматической характеристики слова в фигурных скобках. На первом месте расположена помета, подтверждающая сферу функционирования слова в XVIII веке, а после знака «→» следует помета, фиксирующая сферу употребления слова в настоящее время. Стилистически нейтральные слова даются без специальных помет.

Толкование слова выделено курсивом. Значение может раскрываться при помощи одного слова, приведения синонимов, развёрнутого описания, а также комбинированием данных спосо-

бов. Разные значения многозначного слова в словарной статье разделяются арабскими цифрами. Толкование топонимов в данном словаре, в силу специфики их лексического значения, является энциклопедическим. Разные виды топонимов требуют и разных приемов описания, напрямую зависящих от того, реальный это объект или вымышленный. Географические названия толкуются с опорой на содержание пьесы и способ включения в её речевую канву – реплики персонажей или песенные тексты.

Иллюстративный материал приводится в полном объёме, то есть в словарной статье даны все случаи употребления слова в тексте. Исключением являются лишь иллюстрирование частотных предлогов союзов, частиц, местоимений; опущено перечисление действующих лиц и лиц, произносящих реплики. Цитата приводится в том объёме, который необходим для раскрытия семантики слова. Усечение начала или конца цитаты сопровождается знаком <…>. Иллюстрации приводятся по изданию: Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. – СПб.: Типография Императорского Московского университета, 1792. – 56 с. Поскольку цитаты – это центральная и самая объёмная часть словарной статьи, то специальным шрифтом они не выделяются. Орфография и пунктуация иллюстраций полностью приводятся по указанному изданию.

Комментирующая часть. В нашем Словаре особое внимание уделяется толкованию национально-маркированной лексики, бо́льшая часть которой регионально окрашена. При описании таких слов за знаком «*» следует комментирующая часть, где к подобной лексике даются географические сведения, свидетельствующие о локализации слова в наши дни. Для топонимической лексики эта рубрика не предлагается, так как слова данной группы, функционирующие в произведении Аблесимова, не обладают соответствующей спецификой.

Рассмотрим структуру словарной статьи в «Словаре языка комической оперы А.О. Аблесимова "Мельник-колдун, обманщик и сват"» на примере топонимов.

ПО´ЖНЯ (3), ж. *Вымышленное наименование деревни, помещиком которой является Филимон.* **До´брая По´жня.** Мѣльникъ. Онъ... тотъ... кой живіотъ не пуще далече отсюда и всево гоны съ трои, изъ села Хлѣбородова, деревни Доброй Пожни; есть также у нево посильно мѣсто мужичковъ, работниковъ и домашнихъ челядинцовъ (II, 9). Филимонъ. Изъ села Хлѣбородова деревни Доброй Пожни челомъ бьемъ (II, 11). Фетинья. За помѣщика деревни Доброй Пожни (III, 3).

ПРЕ´СНЯ (2), ж. *Малая река в центре Москвы, левый приток реки Москвы. Упоминается в песне Филимона «Как ходил, гулял молодчик», что, возможно, служит указанием на место действия.* Филимонъ [продолжаетъ пѣть на голосъ: какъ ходилъ гулялъ молодчикъ]. Вотъ спою какую пѣсню: Ходилъ молодецъ на Прѣсню, Подъ печерокъ, Путь недаліокъ. Ходилъ молодецъ на Прѣсню, Изъ Сеспяцкопа села, Подъ печерокъ, Путь недаліокъ (I, 4).

РУСЬ (2), ж. *Народно-поэтическое наименование Российского государства.* Мѣльникъ. Еще што да такопо, На руси у насъ дапно: Самъ помѣщик, самъ крестьянинъ, Самъ холопъ и самъ бояринъ, Самъ и пашетъ, самъ оріот, И съ крестьянъ оброкъ беріотъ (III, посл.).

СЕСВЯ´ЦКОЕ (2), прил. *Субст. Район Москвы, в исторических документах фигурирует как село Всехсвятское. Упоминается в песне Филимона «Как ходил, гулял молодчик», что, возможно, служит указанием на место действия.* Филимонъ [продолжаетъ пѣть на голосъ: какъ ходилъ гулялъ молодчикъ]. Ходилъ молодецъ на Прѣсню, Изъ Сеспяцкопа села, Подъ печерокъ, Путь недаліокъ. Изъ Сеспяцкопа села, Красна дѣпка тамъ жила… (I, 4).

ХЛЕБОРО´ДОВО (4), ср. *Вымышленное наименование села, помещиком которого является Филимон.* Мѣльникъ. Онъ... тотъ... кой живіотъ не пуще далече отсюда и всево гоны съ трои, изъ села Хлѣбородова, деревни Доброй Пожни; есть также у нево посильно мѣсто мужичковъ, работниковъ и домашнихъ челядинцовъ (II, 9). Филимонъ. Изъ села Хлѣбородова деревни Доброй Пожни челомъ бьемъ (II, 11). Фетинья. Нѣтъ, нѣтъ, ты хоть тресни, а я свои буду пѣть пѣсни, на зло тебѣ дочь просватала въ село Хлѣбородово... (III, 3). Анкудинъ. Э!.. какъ! въ село Хлѣбородово, ты хочешь выдать? (III, 3).

Таким образом, топонимы в комической опере А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», являясь частью словника пьесы, а значит и неотъемлемым компонентом разговорно-

го узуса современной автору эпохи, выполняют следующие основные функции. Во-первых, географические наименования реально существующих в конце XVIII века объектов помогают установить место действия пьесы – район близ Москвы, что позволяет идентифицировать регионализмы, встречающиеся в произведении, как принадлежащие центральным русским говорам. Во-вторых, вымышленные географические наименования, выполняют функцию дополнительной характеристики персонажа: Филимон, помещик села Хлебородово деревни Доброй Пожни показан как материально благополучный кандидат в женихи для Анюты.

Литература

1. Кузнецов, В. Я. Словоуказатель к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. Я. Кузнецов. – Тверь : Тверской гос. университет, 1990. – 140 с.
2. Словарь автобиографической трилогии М. Горького в шести выпусках с приложением Словаря имен собственных / Отв. ред. Л. С. Ковтун. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974–1990.
3. Словарь русского языка XVIII века. Проект / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, 1977. – 164 с.
4. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : В 6 выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; Ин-т рус. Яз ; Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; Сост. В. Л. Виноградова. – Л. : Наука. Ленингр.отд-ние, 1965–1984.
5. Словарь языка комедии «Горе от ума» / Л. М. Баш, Н. С. Зацепина, Л. А. Илюшина, Р. С. Кимягарова. – М., 2007. – 592 с.
6. Словарь языка Пушкина. Тт. I–IV. / Отв. ред. В. В. Виноградов. – М., 1956–1961.
7. Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир» / Сост. З. Н. Великодворская, Г. С. Галкина, Г. Б. Куперман. – Тула : Тулгоспединститут, 1978. – 381 с.

Источник

Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. – СПб. : Типография Императорского Московского университета, 1792. – 56 с.

В.М. Калинкин
Донецкий национальный университет
Донецкий национальный медицинский университет
kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 811.161.1:81’373.2

ПРОЛЕГОМЕНЫ К АКСИОМАТИКЕ И ПОСТУЛАТАМ ПОЭТОНИМОЛОГИИ

Ключевые слова: аксиома, поэтика, семантика, поэтонимогенез, поэтонимография, поэтонимология, поэтонимосфера, семантика, функция.

Освещены положения теории поэтонимологии, отражающие сформировавшиеся в Донецкой ономастической школе представления о некоторых методологических презумпциях, обеспечивающих непротиворечивое описание поэтики собственных имён в литературно-художественных текстах.

V.M. Kalinkin
Donetsk National University Donetsk National Medical University

PROLEGOMENON TO AXIOMATICS AND POSTULATES OF POETONYMOLOGY

Key words: *axiom, function, poetics, poetonymology, poetonymogenesis, poetonymography, poetonymosphere, semantics.*

The paper highlights theoretical concepts of poetonymology which have been posed by Donetsk Onomastic school. Mentioned concepts include methodological presumptions which have been successful used for consistent description of proper name’s poetics.

Літературна ономастика – дуже важка дисципліна. Майже все, написане про неї, належить до "перших шкиців", за якими рано чи пізно прийде глибше пізнання.

Ю.О. Карпенко

Продолжающиеся до сих пор дискуссии, касающиеся специфики собственных имён, функционирующих в художественных произведениях, связаны, в первую очередь, с различиями в представлениях о сущностных свойствах слов, выполняющих сходные задачи в обычной речевой практике и в речи художественной.

Очевидное различие между словом *Воронеж*, называющим город, и таким же словом, именующим реку, ни у кого не вызывает сомнения. Более того, в ономастике существуют специальные термины, предназначенные для "узаконения" этого факта: имена городов относят к разряду *ойконимов*, а названия рек – к *гидронимам*. А вот реальную фамилию реального исторического лица, полководца, обеспечившего победу России над Наполеоном в 1812 году, М.И. Кутузова, и фамилию персонажа романа Л.Н. Толстого «Война и мир» странным образом отождествляют, причём делают это как вопреки точке зрения самого Толстого, утверждавшего, что персонажи его эпопеи не являются личностями истории, так и вопреки тому, что в поэтонимологии или литературной ономастике (как "по привычке" называют эту научную дсциплину) уже давно используются термины *антропоним* для имён реальных людей (Кутузова исторического) и *антропоэтоним* для имен литературных персонажей. В случае с *Воронежем* решающим является факт различия между объектами, который учитывается, а в примере с *Кутузовым* разница между историческим лицом и художественным (исключительно словесным) воплощением образа игнорируется. Сложный для квалификации пример избран умышленно. Ведь никто не станет утверждать, что Грей и Ассоль из феерии А. Грина «Алые паруса» когда бы и где бы то ни было существовали реально, кроме, естественно, реальности художественной. А вот с Кутузовым дело обстоит сложнее, ибо в этом случае следует отказаться от инерции бытового мышления. Сказанного достаточно для представления одной из основных презумпций поэтонимологии: *любое собственное имя в художественном произведении относится к объекту, существующему в творческом воображении автора только как словесно выраженное представление о создаваемом или используемом им образе*. Предложенное понимание в некотором смысле совпадает со сформулированной автором более 15 лет назад аксиомой знаковости поэтонима [2, 111−113], однако отличается от неё тем, что в ней использовано сочетание "словесно выраженное представление". В принципе, оно указывает на эксплицированность сигнификата.

В специальном уточнении нуждается ещё один важный для теории поэтонимологии момент. В ономастической терминологии принято учитывать соподчинённость понятий и родовидовые отношения внутри групп онимов. Если, к примеру, некоторое множество онимов можно отнести к классу имён, обозначающих пространственно-временные зоны, а выделенные в этом классе топонимы и хрононимы считать родовыми понятиями, то ойконимы, гидронимы и дромонимы нужно квалифицировать как виды (разряды) топонимов. Точно так же в группе онимов, именуемых бионимами, полезно выделить антропонимы, зоонимы и фитонимы. Иными словами, разумно организованная субординация основных терминов служит упорядочению онимного пространства. К сожалению, в той части ономастической науки, которая должна навести порядок в описаниях онимии литературных произведений, такая субординация не наблюдается. С момента появления в работах, связанных с изучением поэтики собственных имён, термина *поэтоним* его настойчиво квалифицируют как разряд онимов, хотя это, безусловно, класс собственных имён. Дошло до того, что эту ошибочную трактовку пропагандируют (иначе не скажешь) в специальном терминологическом словаре. Такое положение возможно только в случае неприятия изложенной выше презумпции. Исходя из сказанного, следующую презумпцию поэтонимологии можно сформулировать так: *выделенный из массива номинативных лексем класс собственных имён, функцио-*

нирующих в художественных произведениях, – поэтонимия – принципиально отличается от соотносительного класса имён, функционирующих в бытовой речи, – онимии – словесной, образной выраженностью и референта, и сигнификата объекта именования. Пользуясь терминологией семиотики, можно говорить о том, что поэтонимия является специальной частью вторичной семиотической моделирующей системы.

Изложенные выше презумпции позволяют принять аксиоматику поэтонимологии в качестве методологического базиса исследований поэтики собственных имён.

Без каких бы то ни было возражений все исследователи принимают аксиому "контекста как широкого принципа": *поэтоним получает свою полноценную значимость не только в контексте других знаков художественного произведения, но в контексте, понимаемом как широчайший принцип*. Однако некритическое распространение смысла этого утверждения на ряд недостаточно прочно обоснованных и изученных феноменов и явлений культуры может приводить к ошибкам в трактовках и интерпретациях. Например, поэтика сопоставляемых и, в известном смысле, отождествляемых имён *Татьяна* и *Светлана* в «Евгении Онегине»: / *Но стало страшно вдруг* ***Татьяне...*** / *И я – при мысли о* ***Светлане*** / *Мне стало страшно – так и быть...* / *С* ***Татьяной*** *нам не ворожить* / [*ЕО.5.Х*], – становится понятной в силу заданности эпиграфом к пятой главе романа (*/О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана!/ Жуковский*) и "дистантной" связи со сравнением из третьей главы: / *Скажии, которая* ***Татьяна****?* / *Да та, которая грустна* / *И молчалива, как* ***Светлана*** / [*ЕО.3.V*]. Однако трактовка ассоциативно-аллюзийной техники сравнения как интертекстуальности является ошибочной.

Связанная с представленной выше "аксиома бесконечной смысловой валентности поэтонима" оказалась продуктивной и, по-прежнему, не нуждающейся в доказательствах: *всякий поэтоним может иметь бесконечное количество значений, т.е. превратиться в символ*. Контекст художественного произведения преобразует собственное имя, обычно являющееся индивидуализирующим и идентифицирующим знаком, в поэтоним, в сущность иного рода, становящуюся полномочным представителем образа и, аккумулируя информацию о нём, в некоторых случаях даже превращающуюся в символ или миф.

Такая ситуация из потенциально возможной в результате поэтонимогенеза реализуется в силу процесса предикации. О нём трактует следующая аксиома: *всякий поэтоним в художественном произведении есть предикация того или иного понимания словесно обозначаемой предметности в отношении самой этой предметности*.

Стабильность поэтонимов – не более чем видимость. От употребления к употреблению поэтоним неуловимо изменяется и обыденному сознанию только кажется, что это одно и то же слово. На самом деле имена переменчивы и многолики. Одни, подобно неутомимым модницам, примеряют на себя разнообразные одежды смыслов, другие, как солдаты, если и меняют униформу, то только в соответствии с требованиями "устава". Но "одежды" – лишь внешняя, хорошо видимая сторона перемен. Внутренняя жизнь поэтонима гораздо сложнее, а преобразования незаметнее. Можно считать, что любое слово, в том числе, имя собственное, – одновременно и константа, и переменная. Не будь слово константой, мы не понимали бы друг друга, а не будь оно переменной, язык прекратил бы существование. Первое свойство помогает общаться, второе составляет сущность коммуникации.

Думается, что эксплицированные здесь аксиомы интуитивно осознавались исследователями-ономастами всегда. К сожалению, объём сообщения не позволяет уделить лингвоисториографическому анализу этого вопроса достаточно внимания, поэтому ограничусь краткими замечаниями, ведь практически в каждой работе, касающейся собственных имён в литературных произведениях, затрагивается проблема их специфики. Полагаю, специалистам известны имена В.Н. Михайлова, Э.Б. Магазаника, Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанской, О.И. Фоняковой и других исследователей, много сделавших для становления поэтонимологии, видевших и, с учётом уровня развития ономастических наук, представивших своё понимание специфики поэтонимов. К наибо-

лее глубокой по-прежнему отношу концепцию Ю.А. Карпенко. В ней отмечены пять признаков поэтонимии, отличающих её от общенародной онимии (N.B. – использую в данном случае “модернизированные” термины и понятия моего сообщения): 1) вторичность, предполагающая свободу авторского словесно выраженного представления о создаваемом или используемом образе; 2) специфическая детерминированность поэтонимии: связь со свойствами изображаемого объекта, образной системой произведения, художественным замыслом; 3) функциональная перестройка, преобладание образно-стилистических функций; 4) принадлежность к художественной речи в отличие от общенародной онимии, принадлежащей языку; 5) существование заглавия – особого типа собственных имён.

Изложенная выше аксиома бесконечной смысловой валентности поэтонима, кроме отмеченного выше качества, характеризующего, прежде всего, семантическую составляющую, предполагает его “бытие” в состоянии подвижного покоя, поэтонимогенез, непрерывное движение вдоль оси *апеллятив – онома* [2, 125]. Однако, кроме смыслового наполнения, поэтоним в разных употреблениях демонстрирует ещё и разный уровень образной насыщенности, различные “фигуративные” возможности.

Размышления над основами теории поэтонимологии привели к необходимости обозначить основные направления её развития. 1. Наличие объекта исследования, обладающего выраженной специфичностью, естественно, требуют дальнейшего его изучения как с практической, так и с теоретической точки зрения. Широкое поле проблем и множество пока не решённых конкретных вопросов, связанных с дальнейшим всесторонним исследованием его специфических свойств говорит о необходимости развития специального раздела – *теории поэтонима*. 2. Выявленные в практических исследованиях “динамические” характеристики поэтонима нуждаются в глубоком осмыслении, требуют уточнений и всесторонних обоснований в *теории поэтонимогенеза*. 3. Практическое отсутствие исследований, трактующих отношения между поэтонимами в пределах пространства художественного произведения (за исключением работ представителей Донецкой ономастической школы) свидетельствует о необходимости ещё одного раздела – *теории поэтонимосферы*. 4. Во всестороннем осмыслении нуждается комплекс вопросов, связанных со словарями поэтонимов (как самостоятельными, так и включёнными в словари языка писателей). Отсюда ещё одно (а может быть и два) направление – теория поэтонимографии и, шире, писательской онимографии.

В каждом из отмеченных направлений в трудах ономатологов и других учёных, заинтересованных в исследовании уникального феномена – собственного имени в художественном произведении – можно найти множество утверждений, заслуживающих введения в научный оборот в качестве отправных постулатов поэтонимологии. Наша задача сегодня – удостоить их определения – άξιωμα.

Литература

1. Калинкин, В. М. Общая теория поэтонима. Предпосылки и перспективы разработки / В. М. Калинкин // Kieleckie Studia Rusycystyczne. 1998. – Т. 8. – S. 119−131.

2. Калинкин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинкин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.

3. Карпенко, Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Onomastica. 1986. – Т. XXXI. – С. 5−22.

4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 17 т. – Т.6. – М. : Воскресенье, 1995. – 700 с.

М.У. Канцавая
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: m_koncevaya@mail.ru

УДК 811.161.3’373.21:821.161.3

НАЗВА ПРЫПЯЦЬ У НАВУКОВАЙ І МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Ключавыя словы: *гідронім, паэтонім, метафара-сімвал, эпітэт, антрапамарфічная метафара.*

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці ўжывання з мастацкімі мэтамі назвы гідроніма Прыпяць. Высвятляецца, якія дадатковыя канатацыйныя адценні ў творах мастацкай літаратуры набывае гэты паэтонім, вызначаюцца сродкі мастацкай выразнасці, якія яго характарызуюць.

M. Kantsavaya
Mozyr State University named after I.P. Shamyakin

THE NAME OF PRIPYAT IN THE SCIENTIFIC LITERATURE AND FICTION

Key words: *hydronym, poetonym, metaphor symbol, epithet, anthropomorphic metaphor.*

This article discusses the use of a particular artistic objectives names Pripyat. Defines additional connotative meanings poetonym Pripyat in fiction. Determine the means of artistic expression.

Прыпяць – адна з трох буйнейшых рэк з воднай сеткі Палесся. У навуковай літаратуры гідронім кваліфікуецца як правы прыток Дняпра, найбольшы па плошчы і воднасці, даўжынёй у 761 км (на тэрыторыі Беларусі яе працягласць больш за 500 км). Бярэ свой пачатак на Украіне, цячэ па тэрыторыі дзвюх абласцей нашай рэспублікі (Брэсцкай і Гомельскай). Плошча вадазбору складае 121 тыс. км^2, асноўная яго частка знаходзіцца ў Прыпяцкім Палессі. Найбольшыя з прытокаў *Прыпяці* справа: *Гарынь, Стыр, Убарць, Стаход, Ствіга, Славечна*; злева: *Пціч, Ясельда, Случ, Лань, Цна, Іпа*. Для басейна гэтай ракі характэрна вялікая забалочанасць, дрымучыя лясы, бяскрайнія балоты.

Пра гідронім *Прыпяць* пісалі многія вядомыя пісьменнікі: Я. Колас, У. Караткевіч, У. Верамейчык, І. Навуменка, І. Мележ, В. Вольскі, Ф. Янкоўскі; вядомыя лінгвісты: Н. Багамольнікава [1], В. Жучкевіч [8], А. Рогалеў [13], В. Шур [15, 16] і іншыя. Так, Н. Багамольнікава ў манаграфіі “Гідронімы басейна ракі Прыпяць” [1] зрабіла спробу комплекснага апісання назвы ракі, растлумачыўшы на лексіка-семантычным і структурна-граматычным узроўнях звыш 5000 самых розных гідрааб’ектаў у яе басейне. У даследчыкаў няма да нашага часу адзінага погляду адносна паходжання яе назвы. Таму існуе некалькі варыянтаў. Так, В. Жучкевіч і У. Юрэвіч лічаць, што назва ўтворана ад слова *припечь* – пясчаны бераг, які не зарос кустоўем, дзе прыпякае сонца, тое самае, што і сучасны пляж [8, 308; 17, 219]. На думку А. Рогалева, *Прыпяць* – тая, што знаходзіцца побач з ракой *Пет*, бо ў аснове назвы ракі і яе прытока *Пціч* выяўляюцца старажатныя каранёвыя часткі *пц, пет са* значэннем ‘пашырэнне, расцяканне, распаўсюджанне’, а таксама прэфікс *пры-* [13, 30–31]. Народная этымалогія даводзіць, што назва гідроніма ўтворана ад наступных спалучэнняў: *пры(токаў) пяць, тройчы па пяць,* бо рака мае 15 асноўных прытокаў (9 з левага боку і 6 – з правага). *Прыпяццю* раней называлася толькі сярэдняя частка ракі ад *Пцічы* да ўпадзення ў яе *Ясельды*, а ў вярхоўях мела назвы *Пірок, Стаход, Струмень* [1, 11–12]. Прыпяцкае Палессе да пачатку перыяду меліярацыйных работ (канец XIX ст.) было краем шматлікіх і бяскрайніх балот, з амаль нерухомымі водамі рэк, з непраходнымі лясамі, што і забяспечвала паўнаводнасць і спакойную плынь ракі [1, 10]. Першыя этапы па асушэнні балот Прыпяцкага Палесся праводзіліся ў 1873–1989 гадах пад кіраўніцтвам генерала І. Жылінскі.

Ва ўсе часы *Прыпяць* адыгрывала вялікую ролю ў жыцці Палесся. Рака суднаходная, па ёй таксама сплаўляецца лес. В. Вольскі ў кнізе “Палессе” прыводзіць навукова-папулярнае апісанне гідроніма: “*Прыпяць – самы вялікі прыток Дняпра, самая вялікая і самая суднаходная рака*

Беларусі. Калі толькі не глянеш на Прыпяць, заўсёды ўбачыш то цеплаход, то рудавоз, то буксір, то катэр, то караван плытоў, то проста маторную лодку. У верхняй сваёй плыні яна, як і ўсе палескія рэкі, цячэ ў нізкіх пясчаных берагах. Пойма ў яе шырокая, балоцістая, няпэўная, з паплавамі і драбналессем.

Славутая рака спрадвеку мела і мае вялікае значэнне ў эканамічным жыцці не толькі Палесся, але і ўсёй нашай краіны. У старажытныя часы сплаўлялі па Прыпяці ў Кіеў плыты з карабельным і будаўнічым лесам, везлі на невялікіх суднах смалу і дзёгаць. У Мазыр прывозілі з Кіева соль і розныя тавары, патрэбныя для насельніцтва Палесся. Прыпяць была ў тыя часы адзіным надзейным шляхам, які звязваў Мазыр, Тураў, Пінск і іншыя палескія гарады з поўднем" [7, 161–162]. Ф. Янкоўскі таксама падрабязна піша пра раку, аздабляючы назву падрабязнасцямі, пра яе адметнасці: "*Прыпяць, дзе над ёю з даўняй даўніны стаіць вёска Дарашэвічы, праз гоні-другія так мяняецца, што глядзіш – не падобная да сябе. Нечакана звужваецца, цячэнне нёманскае, левы бераг высачэзны і круты, а глыбіня ракі сем-восем метраў. Там ёсць і, хітруючы (памажы ім божа!), жывуць-ратуюцца судакі, ляшчы. Там і лясок над рэчкай. Абмінуць такую мясціну не было як*" [18, 312].

У творах Якуба Коласа (аповесць "Дрыгва", трылогія "На ростанях") гідронім *Прыпяць* з'яўляецца метафарай-сімвалам некранутай палескай прыроды. "*Спакойна і павольна, як у зачараваным сне, утуліўшыся ў балоты, нясе Прыпяць сухадоламу Дняпру сваю багатую даніну. Не спяшаецца яна выносіць дабро палескіх балот. А яго так многа, што ўсё роўна, спяшайся не спяшайся, а гэтай работы ёй хопіць на доўгія гады. Можа і надзею страціла яна вынесці хоць калі-небудзь гэта мора цёмна-ружовай вады з неабсяжных балот Палесся, і з гэтай прычыны яна такая павольная і флегматычная*" [9, 212]. Пры апісанні гэтай ракі пісьменнікі, прадаўжаючы народныя традыцыі, адухаўляюць гэты паэтонім, малюючы яго як жывую істоту. Сведчаннем з'яўляецца апісанне *Прыпяці* ў творах Я. Коласа, І. Навуменкі, У. Верамейчыка, І. Мележа. Так, Я. Колас захапляецца прыгажосцю і багаццем ракі. Яна *павольная* і *флегматычная*, а калі разгуляецца вецер "*яна няветла пахмурнее, задрыжыць, затрасецца тысячамі хваль і сярдзіта шпурляе чаўны і чайкі-душагубкі ды голасна ўсхліпвае ў прыбярэжных чаратах, як маці ўскрай магілы, дзе пахаваны яе дзеці*" [9, 212]. Для галоўнага героя аповесці "Дрыгва" дзеда Талаша *Прыпяць родная* рака. Апісанне ракі аўтар будуе на кантрастывах: *паўнаводная Прыпяць – сухадолы* Дняпро. "*Спакойна і павольна, як у зачараваным сне, утуліўшыся ў балоты, нясе Прыпяць сухадоламу Дняпру сваю багатую даніну*" [9, 212].

Упершыню мастацкае апісанне *Прыпяці* было засведчана ў паэме "*Прыпеіда*" мясцовым аўтарам І. Неслухоўскім [16, 269], аднак тэкст паэмы, як пісаў П. Шпілеўскі, на жаль, згублены. У творах сучаснай мастацкай літаратуры *Прыпяць* – выразны *паэтонім*: ён у тэкстах набывае дадатковыя канатацыйныя адценні, назва часта метафарызуецца, выступае як сімвал Палесся, Радзімы. Такія онімы з'яўляюцца мастацкімі вобразамі, якія "ўмоўна перадаюць якую-небудзь думку, ідэю, перажыванне, яны выступаюць як адзін з відаў іншасказання і выкарыстоўваюцца ў літаратуры як своеасаблівы прыём мастацкага адлюстравання рэчаіснасці" [15, 24]. У творчасці паэта Уладзіміра Верамейчыка, якога вобразна называлі "*адданым сынам Палесся, рыцарам Яе Вялікасці Прыпяці*" [10, 4–5], *Прыпяць* таксама сімвал Радзімы. "*З казармы з аўтаматам за спіной / Ішоў я у глухія каравулы, / Каб на Радзіме ў Прыпяці маёй / Вянкі дзяўчат-зямлячак не танулі*" [3, 24]. "*Закрываю вочы – вынікае / Ля вясновай Прыпяці ралля. / І здаецца, што цябе гукае / Родная далёкая зямля*" [3, 88]. "*У той край, дзе знайшоў і сябе і любоў*" [3, 5]. "*Клянуся Прыпяццю – маёй калыскай вечнай / І радасцю нязмеранай маёй… / Клянуся Прыпяццю… А Прыпяць, як Радзіма, / Адна – у свеце. І ў мяне адна*" [3, 149]. Асабліва ён сумуе па роднай *Прыпяці* на чужбіне: "*Закрываю вочы – вынікае / ля вясновай Прыпяці ралля. / І здаецца, што цябе гукае / Родная далёкая зямля*" [5, 23]. "*Стракоча касілка / У парку "Рыўера"… / Я стаю і не веру: / Як быццам над Прыпяццю кос перазвон*" [6, 37]. "*Мне ў Сочы, / На вуліцы Руж, / Прыснілася / Родная вёска… / Забыў / Нібы ў казцы, якраз, / Што я не на Прыпяці – / Ў Сочы*" [6, 47].

Зборнікі паэта "*Прыпяць*", "*Клюнуся Прыпяццю*". Яны напоўнены любоўю да роднага краю, Палесся, бо для паэта Палессе – "*той край, дзе знайшоў і сябе, і любоў*" [3, 5]. Пісьменнік В. Макарэвіч адзначае, што для У. Верамейчыка "*Прыпяць* – другая маці пасля той, якая нарадзіла

і выхавала, яна яго юнацкае захапленне і першая па-маладому гарачая і апантаная любоў, яна ласка і пяшчота, радасць і расчараванне, мядовая слодыч і палыновая гаркота". Большасць вершаў У. Верамейчыка – гэта "*гімн палескай прыгажуні Прыпяці*" [2, 200]. Як прасочана даследчыкамі, гідронім *Прыпяць* у зборніку "*Клюнуся Прыпяццю*" ў розных вершах паўтараецца 106 разоў, у тым ліку ў 13 загалоўках ("*На беразе Прыпяці*", "*Салоўка над Прыпяццю свішча*", "*Спроба белага верша аб Прыпяці*" і інш.).

Пісьменнікі ўжываюць трапныя эпітэты да назвы *Прыпяць*. Так, У. Верамейчык выкарыстоўвае наступныя: *дужая, светлая, залатабруйная, маладая, святочная, вольная, шырокая, мая, марозная, мілая, да скону любімая, новая, незгасальная, няўрымслівая, уладарная*, эпітэты-прыдаткі *Прыпяць-лекар, Прыпяць-краса, Прыпяць-рака*. Яны арганізуюць мову твораў, даюць больш поўнае і акрэсленае апісанне вобразаў. "*У Прыпяці маёй залатабруйнай − / Майго жыцця нязгасныя гады*" [3, 12]. "*Толькі Прыпяць між пальцаў цурчыць маладая*" [6, 64]. "*Будзь светлаю, як Прыпяць уладарная.* У. Верамейчык выкарыстоўвае ласкальныя назвы любімай ракі *Прыпяцень, Прыпятуха*, спецыфічныя аказіянальныя сінонімы-перыфразы *вечна напятая струна, звышмагутны бяссонны насос*. "*Прыпяцень. Прыпятуха, да скону любімая Прыпяць! / Мы зрабілі няўклюдна з цябе / Звышмагутны бяссонны насос*" [4, 20]. *Каралевай Палесся* называе паэт *Прыпяць* у аднайменным вершы: "*Апошнюю рэчку хачу пераплыць / Не Лету, а Прыпяць*" [3, 21]. Паэт ужывае антрапамарфічныя метафары тыпу *шчабятуха, пяюха, Прыпяць – маладая жанчына, каралева Палесся, велічная княгіня Палесся, спрацаваная стомленая жанчына, дзяўчына*. "*Як люблю я паказваць цябе сябрукам, Прыпятуха!.. / Прывячала ты нас, шчабятуха, пяюха*" [4, 21]. "*Плыве Палесся каралева / У сны мае, у дні мае*" [3, 6]. Гэта адна з разнавіднасцей персаніфікацыі, наданне чалавечых уласцівасцей асобным прадметам жывой і нежывой прыроды: "*Непрыкметна Прыпяць спаць лягла / Спрацаванай, стомленай жанчынай. / Каб яна спакойна спаць магла, / З туманоў хтось коўдру ёй накінуў*" [3, 25]. "*Перад бураю Прыпяць наморшчыла твар*" [3, 5]. "*Шаптала мне Прыпяць…*" [3, 142]. "*Прыпяць усміхаецца дзяўчынай*" [5, 18]. Такія антрапамарфічныя метафары, як піша В. Старычонак, шырока выкарыстоўваецца ў розных жанрах вуснай народнай творчасці, байках, а таксама ў паэтычных творах" [14, 122].

У І. Навуменкі *Прыпяць* – рака маладосці, а *горад над Прыпяццю – Мазыр*, дзе прайшла частка яго юнацтва, калі пісьменнік працаваў у абласной газеце і пражыў 6 гадоў, немагчыма ўявіць без *Прыпяці*. Як інтэртэкстуальны прыём І. Навуменка ўслед за Я. Коласам паўтарае вызначальныя эпітэты да гідроніма *Прыпяць*: *спакойная, павольная*, а таксама *паўнаводная, разгневаная*. Адно з яго апавяданняў мае назву "*Прыпяцкая* зона", у якім пісьменнік піша пра цікавы раён, размешчаны на поўдні Палесся, дзе "*паўнаводная і спакойная Прыпяць спяшаецца ў абдымкі да прыгажуна Дняпра*" [12, т.1, 389]. *Прыпяць* у яго персаніфікаваных апісаннях паўстае ў вобразе жанчыны: "*яна ўсміхнецца, ясна і прыветліва*", а "*разгневаная Прыпяць высока ўздымае свае празрыстыя хвалі, кідаючы іх адна за другой на нізкія берагі…*" [12, т.1, 390]. Ён упамінае пра значэнне ракі ў жыцці людзей: "*людзі, якія пасяліліся тут* [на Прыпяці – М.К.], *высокіх сяганняў не маюць, жывуць з таго, што дае Прыпяць, лясы, палі, сенажаці – іх абрысы відаць адразу за ракой*" [12, т.2, 210].

І. Мележ не мог не ўзгадаць у трылогіі "Палеская хроніка" пра роднае Палессе, раку, якая здаўна мела вялікае значэнне для палешукоў, пісьменнік маляўніча апісваў яе мясціны, любуючыся яе прыгажосцю, ужывае эпітэты "рака-*казка, легенда*", "*вольная, загадкавая Прыпяць*": *Ганна стала ўзірацца ў сіняватую смугу перад градою, выглядваць жаданую ясную паску, якая іншы раз на момант выбліскvала з-за ўзвышша. Яна ўбачыла гэты цуд у той далёкі дзень, калі першы раз ехала тут. "Што ето?" – здзіўлена шмарганула яна бацьку за рукаў. Бацька абыякава павёў позіркам: "А, рэчка… Прыпяць…" Ганна аж ускочыла: "Прыпяць?" Прыпяць – рака-казка, легенда! Яна той раз і засталася легендаю, загадкавая Прыпяць, − бліснула на міг прамяністаю паскай і знікла…"* [11, т.5, 262]. Было самотна дома Сцяпану Глушаку: "*Сніліся, як шчасце, што ўжо ніколі не вернецца, паходы з юравіцкамі таварышамі на вольную Прыпяць, дзе так міла плюскоча вада каля берага, дзе так прыемна бярэ за лыткі вадзяны халадок*" [11, т.6, 42].

На падставе гідроніма *Прыпяць* у выніку трансанімізацыі ўзніклі іншыя анамастычныя адзінкі. Гэта загалоўкі твораў мастацкай літаратуры: зборнікі вершаў У. Верамейчыка: “*Прыпяць*”, “*Клянуся Прыпяццю*”, асобныя яго вершы: “*На беразе Прыпяці*”, “*Салоўка над Прыпяццю свішча*”, “*Спроба белага верша аб Прыпяці*”, “*Цеплаходы* “*Янка Купала*” *і* “*Якуб Колас*” *на Прыпяці*”, “*Прыпяць*”, “*Прыпяць і Мазыр*”, “*Клянуся Прыпяццю*”, “*Навальніца на Прыпяці*”, “*Пціч, Прыпяць, Славечна*”; нарысы В. Вольскага “*Восень на Прыпяці*”, “*Прыпяць*”; апавяданне І. Навуменкі “*Прыпяцкая зона*”; паэма І. Неслухоўскага “*Прыпеіда*”. Эргонімы – назвы прадпрыемстваў, установ, арганізацый, таварыстваў. Так, у Мазыры ёсць гасцініца і рэстаран “*Прыпяць*”, магазіны “*Над Прыпяццю*”, “*Прыпяць-1*”, “*Прыпяць-4*”, “*Прыпяць-5*”, прыватнае вытворчае ўнітарнае прадпрыемства Гомельскага тлушчавага камбіната “*Прыпяць*” у Мазырскім раёне, СПК “*Новая Прыпяць*” у Столінскім раёне Брэсцкай вобласці, а з 1966 па 1986 быў саўгас “*Прыпяць*” у Нараўлянскім раёне. Назвы запаведнікаў: нацыянальны парк “*Прыпяцкі*” ў Петрыкаўскім раёне, газет: нараўлянская газета “*Прыпяцкая праўда*”, серыя магазінаў у Мазыры “*Прыпяцкі*”.

Назва-айконім *Прыпяць*, як і айконім Чарнобыль, успрымаюцца і як спецыфічныя *міфонімы* – негатыўныя сімвалы самай вялікай тэхнагеннай катастрофы, якая адбылася ў 1986 годзе на Чарнобыльскай АЭС, у горадзе *Прыпяць*, што побач з Чарнобылем. Цяпер айконім *Прыпяць* – назва закрытага горада-прывіда на Украіне, што ў некалькіх кіламетрах ад украінска-беларускай мяжы.

Такім чынам, у соцыуме, а таксама ў творах многіх беларускіх пісьменнікаў гідронім *Прыпяць* – гэта не толькі назва, якая ідэнтыфікуе самую значную водную артэрыю Палесся, а і як назва-сімвал роднага краю, крыніца і аб’ект захаплення, натхнення, павагі.

Літаратура

1. Багамольнікава, Н. А. Гідронімы басейна ракі Прыпяць : структурна-семантычныя тыпы матывацыі / Н. А. Багамольнікава. – Гомель : ГДУ, 2004. – 195 с.
2. Ваньковіч, А. І. сам ускаласіўся верш… (Палескія матывы ў творчасці У. Верамейчыка) / А. Ваньковіч // Полымя. – 2004. − № 1. − С. 199–203.
3. Верамейчык, У. Клянуся Прыпяццю: паэзія / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 191 с.
4. Верамейчык, У. Ліхаўня : вершы / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 78 с.
5. Верамейчык, У. Люблю! : лірыка / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 78 с.
6. Верамейчык, У. Яснасць : вершы / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1978. – 80 с.
7. Вольскі, В. Палессе / В. Вольскі. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 322 с.
8. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии : словарь / В. А. Жучкевич. – Минск : Издательство БГУ, 1974. – 448 с.
9. Колас, Я. Збор твораў. У 14 т. / Я. Колас / рэдкал. В. Барысенка (гал. рэд.) [і інш.]. – Т 8. Аповесці “На прасторах жыцця”, “Адшчапенец”, “Дрыгва”. – Мінск : Маст. літ., 1975. – 480 с.
10. Макарэвіч, В. Пад сяміколернай вясёлкай: нататкі пра жыццё і творчасць Уладзіміра Верамейчыка / В. Макарэвіч // Роднае слова. – 2001. − № 10. − С. 4–8.
11. Мележ, І. Збор твораў. У 10 т. / І. Мележ / рэдкал. Ю. С. Пшыркоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 5. Людзі на балоце : раман з “Палескай хронікі”. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 415 с.; Т 6. “Подых навальніцы” : раман з “Палескай хронікі”. − 1982. – 573 с.
12. Навуменка, І. Збор твораў: у 6 т. / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1982. – Т. 2: Аповесці і апавяданні. – 558 с.; Т. 1: Аповесці і апавяданні. – 1981. – 559 с.
13. Рогалев, А. Ф. Сцежкі ў даўніну: Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А. Ф. Рогалев. – Мінск : Полымя, 1992. – 159 с.
14. Старычонак, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.
15. Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары : манаграфія / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2013. – 268 с.
16. Шур, В. В. Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Інстытут радыялогіі, 2015. – 300 с.
17. Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое… : дапам. для настаўнікаў / У. Юрэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 282 с.
18. Янкоўскі, Ф. Радасць і боль: апавяданні, навелы, мініяцюры / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 316 с.

С.Б. Кураш
Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
e-mail: text2005@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2'373.612.2

ОНИМИЗАЦИЯ ТЕРМИНА: ОТ ЯЗЫКОВОГО УЗУСА К ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ (на примере терминолексемы «метафора»)

Ключевые слова: *метафора, оним, онимизация, термин, узус, языковая игра.*

В статье впервые исследуется терминологическая лексема «метафора» в функции онима. Выявлены два типа онимизации данного термина – с прояснённой мотивировкой и с неясной мотивировкой. Обнаружены и охарактеризованы приёмы языковой игры с участием окказиональных антропонимов, образованных на базе лексемы «метафора».

S.B. Kurash
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

ONYMIZATION OF THE TERM: FROM LANGUAGE UZUS TO LANGUAGE GAME (example of terminological lexeme "metaphor")

Key words: *metaphor, onym, onymization, term, language uzus, language game.*

Terminological lexeme "metaphor" in the function of the onomastic units first investigated in the article. Two types of onymization this term describes – with clear motivation and with unclear motivation. The techniques of the language game involving occasional personal names formed on the basis of the lexeme "metaphor" described in the article.

Процесс онимизации апеллятивной лексики наряду с обратным ему процессом апеллятивации онимов можно отнести к типичным механизмам пополнения лексикона фактически любого языка, т.е. к так называемым языковым универсалиям, узуальным языковым процессам.

Вместе с тем, как и в действии любого иного языкового процесса, здесь имеются свои предпочтения и ограничения. Так, например, одни группы апеллятивной лексики обладают высоким потенциалом онимизации, другие – значительно более низким. К числу последних относятся научные термины, по определению являющиеся именованиями понятий, функционирующих в ограниченных сферах употребления – в дискурсе специалистов той или иной отрасли науки, в лучшем случае – в межнаучном дискурсивном пространстве. И уж совсем нечасто – вне коммуникативного пространства «родной» для них (т.е. узкоспециальной) сферы употребления, за исключением тех случаев, которые подводятся под понятие детерминологизации (т.е. переносного, обычно метафорического, употребления термина, наподобие *валютные* ***инъекции****, политический* ***коллапс****,* ***девальвация*** *совести* и т.п.).

Что касается филологической терминолексики, то, в отличие, например, от медицинской, экономической, спортивной и некоторых других терминологических подсистем, обладающих высокой степенью способности к детерминологизации (в силу актуальности самих данных сфер жизнедеятельности для человека), эту терминологическую подсистему весьма трудно назвать склонной к выходу за пределы своей прямой референциальной соотнесённости, предписанной ей языковым узусом. Это и понятно: буквально постоянно рефлексируя по поводу здоровья, политики, экономики, событий спортивной жизни и др., мы практически никогда не делаем того же самого в направлении своих языковых способностей и всего прочего, что охватывает совокупность наук, образующих филологию (вспомним пресловутого фонвизинского Митрофанушку, который не знал, что говорит прозой, что, впрочем, никак не мешало ему в жизни). Отсюда – гораздо более активное проникновение в повседневные речевые практики терминов медицины, экономики, спорта, чем филологии.

Однако и здесь не без некоторых оговорок. Во-первых, пусть и нечасто, пусть и в ограниченных определёнными условиями ситуациях, но в последнее время филологическая терминолексика всё же фиксируется в нетерминологических употреблениях, см., например, [1]. Ср., например, широко распространённую в русском коммуникативном пространстве русского языка базовую метафору *текста* и её производные типа *кульминация событий, сюжет матча, автор гола* и т.п. [2].

Однако лидерские позиции по представленности в неспециальных дискурсивных практиках среди всех филологических понятий занимает терминолексема *метафора*. Об этом, в частности, говорит московский исследователь Д.В. Сичинава со ссылкой на нашу работу [4], исследуя подобное функционирование термина *плюсквамперфект*: «Любопытно, что из классического терминологического наследия определённую самостоятельную метафорическую жизнь обрёл сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы (…). Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддаётся такому осмыслению. Отметим фразеологизмы типа *история не терпит сослагательного наклонения*, а также окказиональные авторские употребления, например, название книги Г. Брускина «Прошедшее время несовершенного вида» (между прочим, это образ с содержанием, близким стандартной «метафорике плюсквамперфекта»)» [6, 93].

Заметим, что вне филологического дискурса в большинстве случаев метафора концептуализируется со знаком «минус» (как антипод либо самой реальности, либо адекватному способу её осмысления и т.д., что идёт ещё от европейской традиции прошлого (ср. взгляды Т. Гоббса, Дж. Локка и др.); см. подробнее: [3]. Однако частотное и концептуально разнообразное апеллирование к данному понятию заставляет убедиться в том, что метафора – не просто термин, не просто языковое средство, – это, безусловно, сложный и семантически амбивалентный концепт, характерный для языкового (и метаязыкового) сознания образованного носителя русского языка.

Ещё убедительнее это подтверждается тем, что данная лексема стала регулярно функционировать в качестве онима, причём фиксируется она в различных разрядах ономастических единиц – среди прагматонимов, библеонимов, эргонимов, геортонимов и пр. Для терминологической лексики, как отмечалось выше, процесс онимизации мало характерен. За исключением онимизации некоторых географических терминов, нередко переходящих в разряд топонимической лексики [7], а также естественнонаучных понятий, нередко становящихся эргонимами (типа *завод «Интеграл», ОАО «Модуль»* и т.п.), по большому счёт трудно припомнить что-то иное. Тем более можно обнаружить лишь единичные примеры онимизации филологической терминолексики.

На этом фоне терминолексема *метафора* – явное исключение из общего правила. Но ещё более интересно даже не столько это, сколько то, что, наряду с так или иначе мотивированными примерами онимизации рассматриваемого термина отмечается немалое количество таких, для которых мотивировка перехода термина-апеллятива в оним выглядит как минимум загадочной, если не сказать парадоксальной.

Приведём вначале примеры онимизации лексемы *метафора*, которые можно характеризовать как мотивированные (все примеры найдены посредством поисковых систем Яндекс и Google преимущественно в русскоязычном пространстве Интернета): *Культурно-образовательное сообщество "Метафора"* (г. Улан-Удэ)»; *«Творческая инициативная группа «Метафора» (Создана в 2006 году, как объединение творческих людей, заинтересованных в реализации своих идей и задумок. Позже в лоне этой группы сформировался музыкальный коллектив – группа «Метафора»)»*; *«24 декабря в Доме писателя состоялось первое заседание литературного клуба «Метафора». Руководитель – председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов»*; *«Метафора – школа русского языка и культуры в Вирджинии»*; *«Издательство «Метафора» (Москва)»; «Центр технологий развития творчества «Метафора»* (г. Вышний Волочёк)»; «*В Киеве 4 сентября стало известно имя первого обладателя литературной премии "Метафора": им стал Роман Скакун. Премия присуждается за лучший перевод на украинский язык в области поэзии и эссеистики произведений, написанных в XIX и XX веках на европейских языках»; «3 сентября 2015 года в 17.00 в галерее «Лабиринт» Национальной библиотеки Беларуси (просп. Независимости, 116, 3-й этаж) состоится открытие выставки живописи «Метафора в образах» Дмитрия Суриновича»* и т.п.

Все приведённые выше примеры демонстрируют вполне прогнозируемую ассоциативную привязку термина *метафора* к области языка, литературной деятельности, творческой деятельности людей и т.п.

В то же время приводимые ниже примеры демонстрируют совсем иное – неясную, загадочную мотивировку онимизации анализируемого термина, ср.: *«ООО «Метафора» (г. Челябинск, Деятельность агентов по оптовой торговле пищевыми продуктами); ООО «Метафора», Москва (поставка товаров); «Метафора», ООО (Мурманск) – Прочая розничная торговля в неспециализированных магазинах; ООО «Метафора», Санкт-Петербург – Розничная торговля* и т.п. Можно лишь предполагать, что называя торговое предприятие «Метафора», его учредитель исходил из тех значений этого греческого по происхождению слова, которые остались у него в греческом языке, но неизвестны русскому: μεταφορά – 'перевозка', 'перемещение', 'транспорт'. Так, в Греции данным словом называют, например, маленькие фургончики, которые перевозят продукты первой необходимости – хлеб, оливки, вино и пр. Однако то, что это именно так и – тем более для всех встреченных конкретных случаев, – утверждать сложно. Возможно, здесь просто сработала притязательная магия иноязычного, вроде бы и знакомого, но для большинства средних носителей русского языка, всё же достаточно смутно понимаемого слова, что нередко и становится поводом для его использования в качестве названия фирмы, предприятия и т.п.

Наконец, в сетевом пространстве нами найдены и такие примеры, которые иллюстрируют не чисто семантическую онимизацию терминолексемы метафора, а её различные комбинации со иными специфическими способами онимизации – морфологическими, графическими и пр., создающими эффект языковой игры, см.: [5], ср.: *«Сообщество «МетаФора» (Сообщество создано в рамках самоорганизации людей с различными взглядами по вопросам взаимодействия. Видеть невероятное в очевидном. Понимать увиденное в том, чего не может быть там где его нет, но...)»*.

Несколько подобных обнаруженных нами примеров связаны с использованием термина метафора как производящей базы для образования стилизованных окказиональных антропонимов, например, *«Язык Метафорович Эпитет (гениальный русский поэт)»* (никнейм в сетевом журнале) (http://hantenbain.livejournal.com/10494.html?thread=21758); *«Алексей Метафорович Заковыркин»* (персонаж произведения «Скучная пьеса» Алексея Дёмина) (https://www.proza.ru/2005/01/11-26); *«Концепт Метафорович Постмодернистов»* (псевдоним поэта в издании «Цирк “Олимп”+TV» (www.cirkolimp-tv.ru); *«поет Метафоренко»* (персонаж произведения «Король стрільців» Ивана Керницкого) (http://www.e-reading.club/chapter.php/1037523/126/Kernickiy_-_Korol_strilciv.html).

Как видно, во всех случаях создание окказионального антропонима на базе слова *метафора* приводит к языковой игре с так называемыми «говорящими именами», ярко, точно и образно характеризующими своих носителей по той или иной примере [8].

Таким образом, можно констатировать, что филологическая терминолексема *метафора* – это не только наиболее активно функционирующее вне рамок научного (лингвистического, литературоведческого, философского) дискурса понятие, но и своеобразный терминоконцепт, характерный для коллективного языкового сознания современного носителя русского языка, способный к тому же функционировать в качестве онима, становиться структурно-смысловым фокусом контекстов, иллюстрирующих языковую игру, и в этом плане быть перспективным для дальнейшего исследования с ономастических позиций наряду с другими терминами.

Литература

1. Гутина, Е. А. Детерминологизация лингвистических терминов в современной речи / Е.А. Гутина // Актуальные проблемы современного языкознания : межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 2. – Коломна : Моск. гос. обл. соц.-гум. ин-т, 2013. – С. 20−28.

2. Кураш, С. Б. Базовая метафора текста и её производные в современных речевых практиках / С. Б. Кураш // Язык – текст – дискурс : картина мира в свете разных подходов : сб. науч. ст.; под ред. Н. А. Илюхиной. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 103−109.

3. Кураш, С. Б. Канцэптуалізацыя тэрміналексемы *метафара* ў сучасных дыскурсіўных практыках: кантэкстны аналіз / С. Б. Кураш // Лингвистические горизонты : междунар. сб. науч.ст.; отв. ред.

Е.А. Огнева, Е. А. Карабутова, Л. Н. Мирошниченко. – Вып. 2. – Белгород : НИУ «БелГУ», 2014. – С. 216−219.

4. Кураш, С. Б. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора» : метафора и её антиподы / С. Б. Кураш // Компьютерная лингвистика научное направление и учебная дисциплина; отв. ред. В. И. Коваль. – Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 63−67.

5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

6. Сичинава, Д. В.. «Увы, для них это всё плюсквамперфект» : лингвистический термин как языковой образ / Д. В. Сичинава // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 27. – С. 90−121.

7. Филькова, А. Ю. Географические и лексические особенности топонимов РФ / А. Ю. Филькова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 4 (14). – С. 82−86.

8. Шур, В. В. Гаваркія онімы ў творах беларускай мастацкай літаратуры: на прыкладах з твораў Я. Коласа / В. В. Шур // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэтата. – 2002. – № 7. – С. 76–81.

Н.В. Ланге
Военная академия В ПВО ВС РФ
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
e-mail: langenina@rambler.ru

УДК: 4Р.22

ИСКУССТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ТРИЛОГИИ ДИНЫ РУБИНОЙ «РУССКАЯ КАНАРЕЙКА»: ЛЕОН ЭТИНГЕР

Ключевые слова: *антропоним, искусственное имя, естественное имя, прозвище, псевдоним.*

В статье впервые осуществляется исследование антропонимов трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» на примере «естественного имени» и «искусственных имён» главного героя. Множество необычных имён, связанных как с певческим даром, так и с работой героя в секретных службах, помогают раскрыть его сущность, как Артиста, для которого игра на сцене становится образом жизни. Антропонимы трилогии характеризуют и идиостиль прозы Дины Рубиной как живой, искристый, образный, сочетающий одновременно лёгкость, непринуждённость и глубину.

N.V. Lange
Military Academy of A AD F RF in honour
of the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky

ARTIFICIAL AND NATURAL NAMES IN THE TRILOGY DINA RUBINA «RUSSIAN CANARY»: LEON ETINGER

Key words: *anthroponym, artificial name, natural name, nickname, alias.*

At the article study of anthroponyms of Dina Rubina's trilody «Russian canary» realized at the first time an example of «artificial» and «natural» names of main hero. Many unusual names, wich is connected with singing talent and with work in the intelligence service, helps to discouver the essence of hero as Artist, for whom play at the scene becomes lifestyle. Anthroponyms of trilody characterizes idiostyle of Dina Rubina's prose as alive, sparkling, imaginative, combines easy and depth at one time.

Термины «искусственные» и «естественные имена» принят не всеми учёными. К искусственной номинации относят факты намеренного словопроизводства [7, 290]. Естественной номинации свойственна стихийность, искусственной – преднамеренная номинативная деятельность [6, 50]. Однако, как отмечает Т.В. Шакирова, пока не представляется возможным задать более чёткие границы понятийных категорий естественной и искусственной номинации [7, 291]. В литератур-

ной ономастике границы этих терминов оказываются ещё более размытыми. Так, естественные имена героев не могут обладать стихийностью, так как автор намеренно выбирает их. Эти имена связываются у автора с определённым ассоциативным рядом, основываются на этимологических значениях имени. Разделение имён на искусственные и естественные по принципу паспортной и непаспортной принадлежности имени в рассматриваемом литературном произведении также оказывается нецелесообразным, поскольку главный герой трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» – человек, имеющий множество паспортов. Поэтому в данном случае будем придерживаться следующего принципа разграничения: естественное имя – то, что дано при рождении. Все остальные антропонимы – искусственные имена. К ним относятся и прозвища, и ситуативные номинативные проприальные единицы, и имена-легенды. Все эти имена характеризуют главного героя, актёрскую составляющую его души, и в конечном итоге оказывают влияние на его и блистательную, и трагическую судьбу.

Семейная сага Дины Рубины «Русская канарейка» посвящена истории двух семей, члены которой периодически оказываются связанными друг с другом. Семьи объединяют не только случайные встречи, но одна страсть: на протяжении столетия они разводят канареек, потомков блистательного кенаря Желтухина. Яркие, неординарные люди, прожившие удивительные жизни... Судьба каждого из них может быть темой отдельного романа. Необычны и антропонимы в романе…

В данной статье мы обратимся к антропонимам, которыми именуется главный герой романа – Леон Этингер, человек неординарной судьбы.

Леон Этингер – естественное имя героя. Этингер – немецкая и еврейская фамилии. Буквальное значение – житель местности Эттинген в Баварии. Элегантной называет эту фамилию Иммануэль – человек, повлиявший на судьбу Леона: «Как, ты сказала, фамилия этого цуцика? – спросил Иммануэль Магду чуть позже. – Хм-м… звучит элегантно. Наш немецкий вариант…» [т.2, 146]. «Изысканно-европейским» именем названа фамилия Этингер в другом месте романа [т.2, 155].

То, что среди представителей фамилии Этингер, много талантливых и умных людей, говорит и ещё один диалог. Преподаватель консерватории, заметивший уникальные голосовые данные Леона, призывает его учиться вокалу: «Если есть у вас хоть капля мозгов, Леон Этингер, а вам по имени-фамилии положено их иметь, то вы поразмыслите над тем, что я вам сейчас говорил» [т.2, 331].

«Имя подходящее, удобное, − считают представители секретных служб. − Кому надо – немец, кому надо – француз. А может, и поляк… А скорее всего, просто одесский еврей с заполярной историей» [т.2, 316].

Род Леона Этингера, действительно, берёт начало в Одессе. Основатель рода Этингер − солдат николаевской армии Соломон Этингер. Он называл свой род исключительно Дом Этингера. В сочетании со словом Дом фамилии рода используют обычно только для обозначения правивших династий (Дом Романовых, например). Однако определение рода Этингеров как Дом Этингера сохранилось у всех представителей династии. Так называл свой род и Леон: «Но и этот артист, этот лихой человек мысленно частенько именовал − с издёвкой, а то и с ожесточением – своё нелепое и жидкое, как пустой суп, семейство точно так, как давным-давно напыщенно и велеречиво назвал его ещё старый николаевский солдат: «Дом Этингера» [т.1, 260]. Кроме названия Дом Этингера, Соломон Этингер внёс ещё одну особенность: смог обучить своего сына Герцэле (Гаврилу Оскаровича Этингера) «способности к выдающейся мимикрии – во всем, в том числе и в такой мелочи, как перемена места жительства, привычного окружения и имени» [т.1, 83]. Позже эта способность будет у всех представителей рода Этингеров. И Леон как нельзя более будет именно этим свойством соответствовать своей фамилии. Не случайно Эсфирь Гавриловна, Эська, Баба, или как привыкли её называть в Доме Этингеров – Барышня, двоюродная прабабка Леона, даёт ему прозвище «последний по времени Этингер». Этим именем он с иронией именует и себя сам: «Я – это я, певец, последний по времени Этингер» [т.2, 577]. Так его в шутку называет и любимая женщина Айя: «Господи, и с этим он с утра таскается, барахольщик! Вот дурак! Ну и последний же ба-ал-ван этот последний по времени Этингер!» [т.3, 113].

В продолжении более ста лет, прошедших между жизнью Соломона и Леона, в их роду жили яркие личности, многие из которых обладали музыкальными талантами – Гаврила Оскарович (Большой Этингер) играл на кларнете и пел. Играли и пели его дети – Яков и Эсфирь. Ко времени рождения Леона Этингера Эсфирь − доцент кафедры вокала. Барышня оказала большое влияние на Леона, в том числе и на появление его имени. Взбалмошная мать Леона, Владислава, Владка «хотела назвать мальчишку то ли Эдгаром, то ли Эрастом (Барышнин комментарий: «Эраст-педераст»). Помаячил с мягких обложек каких-то американских детективов некий не то Джеральд, не то Джеремия, но усоп, раскритикованный всеми роженицами в палате. Примерно полдня новорожденный прочмокал, с сомнением примериваясь к неподъёмному для него богатырскому имени Руслан, сбросил его и далее щеголял лакированным именем Адик. Но когда Эська, под прикрытием белого халата проведённая в палату знакомой медсестрой, уточнила:

− Адик? В смысле – Адольф? Я тебя задушу, паразитка! – Владка с готовностью тряхнула свалявшейся гривой:

− Может, в честь папы назвать – Владиславом?

Никак не реагируя на это идиотское предложение, которое могло прийти в голову только Владке <…>, Эська мельком глянула на туго запелёнутый кулёк с дитём и вдруг поняла, в честь кого должен быть назван младенец» [т.1, 510]. Она назвала его в честь Леонор Эсперансы Робледо, страстной танцовщицы, которой аккомпанировала Эська перед Второй мировой войной, ставшей Эсфирь больше чем подругой. Леонор погибла, когда вместе с концертами они с Эськой выступали на фронте. «Леон?.. – задумчиво спросила себя Эська. – Хм… Леон… В этом есть что-то: Леон Этингер… − И чуть громче: − Солист – Леон Этингер! – и тоном ниже, самой себе, не обращая на Владку ни малейшего внимания: − Недурно для афиши… Всю жизнь проведя под бумажной сенью разнообразных афиш, звучание имени она привыкла пробовать на язык.

− Ну что ж, решено и подписано: Леон! А звать и по-человечески можно – Левкой….» [там же].

В «Словаре русских личных имён» Н.А. Петровского имя Леон зафиксировано в качестве самостоятельного имени [5, 140]. Если проанализировать имя Леон по системе ВААЛ (программа, основанная на фоносемантической теории звуков А.Н. Журавлёва), то имя Леон производит впечатление чего-то хорошего, красивого, безопасного, гладкого, округлого, доброго, светлого, нежного, женственного, весёлого, яркого, радостного. Но фигурируют в этом имени и сложность, и величественность [2]. Сам герой это имя использует как певец. Имя Леон Этингер фигурирует на афишах. Оно обладает определённой экзотичностью, выразительностью, в отличие от «человеческого» имени Лёвка, в котором, помимо положительных, присутствуют такие «земные» характеристики: угловатый, злой, тёмный, тяжёлый, грубый [там же].

Позже Леон, уже работая в разведке, прикажет Владке называть себя именно именем Лёвка: «− А кто ты такой? – с испуганным интересом спросила она, вытаращив глаза. Он ласково сказал:

− Никто. Сынок твой Лёвка.

− Лёвкой тебя называла Баба, − возразила Владка.

− Вот и ты называй, − отозвался сын.

Один из его паспортов, самый надёжный и используемый, был изготовлен на имя Льва Эткина» [т.2, 285]. И далее: «На стойке он предъявил паспорт благонадёжного Льва Эткина…» [т.3, 186]. Имя и фамилия Лев Эткин созвучны естественному имени героя. Еврейская фамилия Эткин произошла от женского идишкого имени Этель, которое образовано от Эстер. Окончание -ин обозначает принадлежность. Таким образом, Эткин переводится как сын Этель (Эстер) [8]. Близкий духовно Бабе, Барышне, Эсфирь (или Эстер, как кстати, её называла только незабвенная Леонор Эсперанса Робледо), Леон потому, вероятно, любил фамилию Эткин.

Хотя внешность Леона (Владка родила его от араба) совершенно не соответствовала ни сочетанию Леон Этингер, ни Лев Эткин: «… глядя на этого Этингера, я б не удивился, услышав фамилию Хусейни или Муграби [т.2, 146]; «− А еще я знаю, что вы певец, − продолжала она <Айя>, улыбаясь. – Только фамилии не запомнила. Леон… и что-то такое почему-то немецкое, да? В противоречии с лицом [т.2, 390]. Поэтому псевдонимы, связанные с его секретной службой обычно арабские – Джавад Абу Зухайр [т.2, 252], Абдулазиз абу Бодрос, подданный Иордании

[т.3, 368]. Интересно, что и эти имена-легенды тоже отражают сущность Леона. Так, Джавад переводится с арабского «щедрый, великодушный», Зухайр – «блестеть», Абдулазис «слуга Всемогущего», Бутрос – арабский вариант имени Пётр («камень, скала») [3], т.е. в этимологии этих имен содержатся семы «блистательности», «масштабности», «прочности». Но самый любимый Леоном образ – Ариадна Арнольдовна фон Шнеллер. Она была любовницей Большого Этингера. В 1941 году, когда румыны расстреливали евреев, она погибла вместе с Большим Этингером. Леон никогда не видел эту женщину, но, представляя её, гримировался под Барышню в старости: «Эська, уже впавшая в маразм, столько раз повествовала о благородной Ариадне, принявшей еврейскую смерть, что в воображении Леона две старухи слились в один лелеемый им образ. К тому же тут присутствовал ещё нюанс: Леон ведь не просто выпускал в мир ожившую Ариадну: он посылал её на месть. Спустя семь десятилетий после своего исчезновения старуха являлась в хаос этого грязного мира карающим ангелом, мышцей простёртой, изничтожающей зло» [т.3, 203]. Такое отношение к образу, возможно, у Леона связано с этимологией имени Ариадна. С греческого Ариадна – «та, что вызывает большое почтение», «правящая». Мученица Ариадна не хотела приносить жертвы в языческих храмах и была заключена в темницу. Ей удалось вырваться из заточения. Ариадну преследовали язычники, но она скрылась благодаря тому, что по её молитве камень расступался: так она избежала поругания [1]. Фоносемантика имени такова: слово Ариадна производит впечатление чего-то хорошего, простого, величественного, мужественного, громкого, храброго, могучего, большого, активного, яркого, радостного [2]. Ещё большую силу и величие имени придаёт отчество Арнольдовна. Арнольд – древнегерманское имя в переводе означает «орлиная сила» (в других вариациях «властный орёл»). Довершает образ и фамилия Шнеллер, которая, с одной стороны, имеет некоторую аристократичность в звучании, с другой отсылает к немецкому переводу слова – «быстрее». Кроме того, шнеллер – устройство, монтируемое на некоторых моделях стрелкового оружия, позволяющее значительно уменьшить усилие при нажатии на спусковой крючок. Сильная, властная, быстрая, потому и близкая Леону. «Бывали моменты, когда эта, им же сочинённая, личина казалась ему приросшей к его коже» [т.3, 234].

Эти имена были как бы второй сущностью Леона. Он – Артист, и секретная служба для Леона – это тоже сцена, маскарад, но он не просто играет, он живёт этими образами. Связанное с маскарадом, праздником прозвище даёт Леону антикварщик Кнопка Лю – мон шер Тру-ля-ля. Прозвище Тру-ля-ля имеет много ассоциаций. Например, так называется агентство праздника в Смоленске и других городах. В телепроекте Дом-2 прозвищем Тру-ля-ля именовали одну из участниц, объясняя тем, что она говорит очень много и не по делу. Труляля – один из персонажей книги Льюиса Кэррола «Алиса в стране чудес». «Исторический словарь галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина указывает, что тру-ля-ля может употребляться в разных значениях: как звукоподражание музыки; как что-либо неполноценное, ненастоящее, легкомысленное (с пометой устаревшее); а также в последнем значении как переносное с указанием на лица [4, 452]. Вероятно, в восприятии антикварщика певец Леон – несерьёзный человек, который умеет только петь. Образ певца-простачка нравится Леону, поскольку от антикварщика он узнаёт много важной информации.

Но самое большое количество искусственных имён Леона связано с его любовью к музыке. Впервые прозвище Русская канарейка дал Леону Пастух – человек, который отбирал кандидатуры для разведки. Увидев, как Леон поёт, он сказал: «−Знаешь, что мне это напомнило? Нашу канарейку в Вильно, до войны. Мама выпустила её из клетки, когда нас уводили в гетто. Сказала: пусть хоть кто-то из семьи будет на воле» [т.2, 153]. «Пастух вынул из ящика стола пустую картонную папку <…>. А на лицевой стороне написал кодовое имя – то, что первым в голову пришло, навеянное пронзительным воспоминанием детства. Имя, которому суждено было пристать к маленькому и худому, очень замкнутому мальчику, голосистой птахе, встреченной Пастухом сегодня у Иммануэля. Странное имя: «Ке́нар руси́». «Русская канарейка» [т.2, 156]. Другое искусственное имя Леона, также связанное с его музыкальным дарованием – Музыка. Пережив предательство любимой девушки и друга, он приходит в группу жёсткого ближнего боя к инструктору Сёмке Бен-Йораму: «− Не думал, что ты сюда забредёшь, Музыка! – сказал он. – Ну? Я зачем тебе

понадобился?» [т.2, 215]. В армии к нему «пристала» ещё одна «певческая» кличка – Кенарь. Однажды лёжа на земле и глядя в звёздное небо, Леон запел. «И когда на рассвете сержант поднимает их на первую пробежку, Леон просыпается с готовой кличкой «Кенарь». А армейская кличка – это вам любой резервист подтвердит – прикипает к твоей заднице на всю жизнь, будь ты потом хоть генеральный директор консорциума, хоть глава банка Израиля, хоть даже премьер-министр» [т.2, 228]. Шаули – армейский друг Леона – всегда после называет его Кенарь. Эмотивное имя Голос также часто употребляется для наименования Леона. Оно связано с одной из любимых партий Леона – Блудного сына, который поёт «Я – Голос!.. Я – Голос!...» [т.3, 443]: «…робко, как в святилище входила <Николь> в гримёрку, первым делом касаясь его плеча или руки, словно удостоверяясь, что он – не бесплотный Голос, а реальный человек…» [т.2, 373]. Вторая книга трилогии имеет подзаголовок: Голос. Кенарь и Русская канарейка – прозвища, связанные с работой в секретных службах. Наименование же Голос становится именем, указывающим на талант Леона как оперного певца, человека с особым даром: «В конце концов, разве ты не твердил годами самому себе и друзьям из конторы: «Я – артист, я − частное лицо. Я просто голос»? Так вот и стань частным лицом, просто Голосом…» [т.3, 196].

Такое количество имён и образов говорит о любви героя к постоянному маскараду. Театр становится его образом жизни. «Это не притворство, – говорит Леон. – Это моя профессия: музыка, голос … и, конечно, театр. Это моя природа <…>. Ну и, послушай… скучно ведь – без театра!» [т.3, 244]. И именно эта артистическая натура спасает его жизнь, когда он попадает в плен. Это его второе я, которое выше музыки, сильнее голоса – Артист: «Спасал его именно Артист, тот самый, что всю жизнь властно правил его личностью и ни разу ещё не подвёл. Именно Артист в последнюю минуту твёрдо говорил ему: «Стоп! Это – театр, это просто очередная роль; ты выучил свою партию, и другой в этом спектакле у тебя быть не может. Так допой, доиграй свою партию до занавеса» [т.3, 363].

Леон не просто срастается со своими искусственными именами. Имя Русская канарейка становится роковым. Он повторяет судьбу канарейки, которой специально выкалывали глаза, чтобы она лучше пела – в плену его лишают зрения. Но конец романа – счастливый. Слепой, он поёт на сцене вместе со своим сыном Гавриком партию «Блудного сына».

Антропонимы трилогии «Русская канарейка» не только помогают раскрыть характер главного героя, но и характеризуют идиостиль прозы Дины Рубиной как живой, искристый, образный, сочетающий одновременно лёгкость, непринуждённость и глубину.

Литература

1. Ариадна [Электронный ресурс]. − Режим доступа : www.calend.ru. – Дата доступа : 11.11.2015.
2. ВААЛ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.vaal.ru. – Дата доступа : 15.12.2015.
3. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.m.wikipedia.org.
4. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – М. : Словарное издательство ЭТС, 2010.
5. Петровский, Н. А. Словарь русских личных имён / Н. А. Петровский. − М. : Русский язык, 1980. – 384 с.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 368 с.
7. Шакирова, Т. В. Определение понятий «естественное» и «искусственное» в качестве сопутствующих характеристик процесса номинации / Т. В. Шакирова // Молодой учёный. – 2012. – № 6. – С. 289–291.
8. Эткин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : toldot.ru. – Дата доступа : 21.11.2015.

Источники

1. Рубина, Д. И. Русская канарейка / Д. И. Рубина. − М. : Издательство «Э», 2015. – Т. 1–3.

Е.Ю. Муратова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mouratova@tut.by

УДК 82-1/9-1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: *собственное имя, интертекстуальность, эксплицитность, персоносфера, лексическое значение.*

В статье исследуется художественная роль ономастической лексики в поэтических текстах, доказывается, что собственные имена способны адекватно отражать реальность и точно вписываться в ее контекст. Анализируются тексты М. Цветаевой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского. В статье показано, что собственные имена играют роль интертекстуальных маркеров поэтического текста. Доказывается, что роль грамматики в отношении собственных имен в художественном тексте не менее важна, чем для нарицательной лексики.

E.Y. Muratova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ARTISTIC ROLE ONOMASTIC LEXICON IN MODERN POETRY

Key words: *proper name, intertextuality, explicitness, personosfera, lexical meaning.*

The article examines the role of art onomastic vocabulary in poetic texts, it is proved that proper names can adequately and accurately reflect reality to fit into its context. Analyzes the text of Marina Tsvetaeva, Yevgeny Yevtushenko, Voznesensky. The article shows that proper names play a role intertextual markers poetic text. It is proved that the role of grammar in respect of their own names in the literary text is no less important than the nominal vocabulary.

Картина мира любого человека как система представлений о действительности включает общечеловеческие, национальные и индивидуальные черты.

Важнейшей составляющей концептуальной картины мира является персоносфера культуры и языка, т.е. сфера реальных или вымышленных личностей, через образы которых мы осмысливаем мир. Можно говорить о персоносфере разных народов в разные исторические периоды и о персоносфере отдельного человека. Персоносфера – это своеобразная репрезентация когнитивного уровня языковой личности сквозь призму личных имен. Личное имя, по мнению П. Флоренского, в литературном произведении является «категорией познания личности»[2, 28].

Силу личностных форм собственные имена имеют не только по отношению к их носителям, но и к автору художественного произведения, поскольку сам выбор личных имен персонажей, способ подачи этих имен в тексте, формы употребления, характер художественного преломления отражают специфическую организацию творящего сознания. Собственные имена (особенно прецедентные) входят в систему мировоззрения поэта, через которые он осмысливает и выражает важнейшие для него категории человеческого бытия.

В этом смысле не только сами поэтические произведения, но их названия доказывают, что собственные имена способны адекватно отражать реальность и точно вписываться в ее контекст, и при этом совокупность собственных имен представляет собой особый ономастический мир, органически входящий во внутреннее художественное пространство текста и наряду с другими языковыми средствами, участвующий в реализации всех его категорий и свойств.

В качестве доказательства нашего утверждения приведем некоторые названия стихов и циклов стихов М. Цветаевой: «Байрону», «Стихи к Блоку», «Дон-Жуан», «Ахматовой» «Анне

Ахматовой», «Памяти Г. Гейне», «Лорд Байрон! – Вы меня забыли…», «Даме с камелиями», «Сказки Соловьева», «Консуэла! – Утешенье!..»; «Как мы читали «Lichtenstein».

Очень часто именно собственные имена играют роль интертекстуальных маркеров поэтического текста. Например, у А. Вознесенского [4] выявляются инотекстовые эксплицитные включения разного типа. Большая часть из них представлена антропонимами, отражающими русскую и мировую культуру; наблюдается прямое цитирование чужих текстов (например, стихотворение «Портрет Плисецкой» полностью построено на прямом цитировании разных текстов М. Цветаевой); перефразирование известных текстов (*Ты теперь дама с собачкой…; И из тебя – из Данаи – сыпался дождь золотой; Мертвое море – священный Байкал* и под.); авторская интерпретация инотекстовых включений (*Так Пушкин порвал бы, услышав, / что не ядовиты анчары, / великое четверостишье / и начал сначала*!); названия произведений искусства («Катерина Измайлова», «Манон Леско», «Раймонда»). В модусе интертекстуальности показательны названия стихов как сильные позиции поэтического текста: «Васильки Шагала», «Сыграй мне полонез Огинского!..», «Зал Чайковского», «Люб мне Маяковский-Командор», «Б. Пастернак», «Похороны Гоголя Николая Васильевича».

В одном из последних сборников Е. Евтушенко «Стихи XXI века» [5], включающем 175 стихотворений, интертекстуальность фиксируется в 149 текстах (67%). Такая интенсивность использования инотекстовых включений объясняется тем, что в данный сборник поэт включил уникальный цикл «Поэты русские», представленный 100 стихами, в которых отдается дань уважения и восхищения 78 поэтам (в самом широком смысле) русской земли всех времен. Назовем лишь некоторые из них, чтобы передать историческую и художественную глубину восприятия поэзии Е. Евтушенко: *Даниил Заточник, Илларион, Аввакум Петров, Антиох Кантемир, …Василий Тредиаковский, Кондратий Рылеев… Николай Некрасов, Валерий Брюсов…Зинаида Гиппиус, Мережковский, Тэффи, Анна Ахматова. Марина Цветаева… Ольга Берггольц, Маргарита Алигер, Белла Ахмадулина… Эдуард Багрицкий, Александр Межиров, Николай Заболоцкий, Андрей Вознесенский.* Кроме того, Е. Евтушенко отдает дань стихийному народному творчеству в лирических стихотворениях «Былины», «Загадки», «Пословица-прабабушка». Многие стихи, помимо имени и фамилии поэта, имеют характерные названия, раскрывающие стержневые моменты жизни, творчества, характера поэта. Например: Юлия Друнина. *Санитарка Юля*; Антон Дельвиг. *Лень Дельвига*; МихаилРозенгейм. *Поэт-судья*; Велимир Хлебников. *Хлебниковскаянаволочка*; Вячеслав Иванов. *Башня*; Игорь Северянин. *Король поэтов*; Борис Пастернак. *Пастернакиада*; Булат Окуджава. *Моя Булатиада*; Иосиф Бродский. *Брат мой, враг мой*.

Хотя грамматика представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по своим внутренним законам, тем не менее, она обнаруживает и подвижность, и гибкость, активно реализуя динамические потенции поэтического языка.

В классических и современных работах о грамматических категориях грамматический уровень художественного текста анализируется как эстетически нагруженный, обладающий собственным семантическим потенциалом. В рамках такого подхода постулируется существование особого уровня образности в поэтическом тексте, который рассматривается как глубинная семантическая организация текста.

Нам кажется очень верной мысль Михаила Эпштейна о тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуя негласную, неслышимую систему правил,: «Лексика говорит с нами шумно и внятно, тогда как грамматика таит про себя заветные мысли… Грамматика – это не то, **что** мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже то, **что думает нами**; это бессознательное нашего мышления» [3].

Роль грамматики в отношении собственных имен в художественном тексте не менее важна, чем для нарицательной лексики. Так, при переходе нарицательной лексики (и даже служебных слов) в собственную в поэтических текстах может наблюдаться глубинное приращение смысла, более того, такое собственное имя способно стать центром философских размышлений и рефлек-

сий автора. Ярким примером этому является стихотворение Е. Евтушенко «В государстве по имени КАК БЫ» [5, 65].

Сам поэт в предисловии к этому стихотворению грустно и одновременно иронично объяснил мотивы его написания: «За последние два-три года в русский разговорный язык заползло да и расползлось по всей стране двусмысленное словечко «как бы…», которое как бы всё ставит под сомнение, а в то же время как бы ухмылочкой как бы успокаивает как бы совесть…».

Я живу в государстве по имени КАК БЫ… / где порой как бы любят, / но как бы и не без хамства. / «Это правда, что все как бы пьют / в государстве по имени КАК БЫ? / Есть, кто как бы не пьет, / и, поверьте мне, / как бы ни капли… / «Что вообще за народ эти самые КАКБЫЙЦЫ?» / Как бы милый вполне, / но бывают порой как бы воры и как бы убийцы… / В основном, все мы как бы радушны / и как бы достойны… / Я хочу перед Богом предстать, / как я есть, / а не как бы, / не вроде – / лишь бы «как бы счастливым» не стать / в «как бы жизни» / и «как бы свободе».

В качестве названия государства выступает служебная лексема *как бы* (в полном тексте она повторяется 12 раз). Эта частица в естественном языке является оператором приблизительности, обозначает мнимость изображаемого, очерчивает некоторое семантическое пространство между истиной и не-истиной. Поэтому ее намеренная актуализация в поэтическом тексте с первой до последней строки создает процесс рождения трансцендентных смыслов, отражающих горечь, иронию, надежду, социальные отношения в стране, авторское понимание мира. Интересен взгляд на роль этого оборота речи в социуме В. Руднева, который пишет следующее: «Как бы» и «На самом деле» – выражения, характеризующие различные поколения сегодняшних русских интеллигентов и, соответственно, их картины мира. Привычка через каждые пять предложений добавлять «На самом деле» характеризует поколение, выросшее в 1960-х гг. и реализовавшееся в 1970-х гг. «Как бы» говорит поколение, выросшее в 1980-х гг. и не реализовавшее себя в 1990-х гг.» [1, 123]. С учетом такого взгляда можно говорить о дополнительных смыслах, которые организуются в этом стихотворении: герой – из поколения шестидесятников, а живет он среди поколения, не сумевшего себя реализовать, он для них «чужой» и «чужой» для своей страны, которая постепенно превращается в государство по имени КАК БЫ, где все ненастоящее, все на уровне «полу-»: чувства, идеалы, лозунги. Как видим, воплощение потенциальных свойств языка может осуществляться в модусе воспроизведения определенных, потенциально возможных свойств грамматической формы, что открывает дополнительные возможности смыслопорождения в поэзии.

Таким образом, личные имена в художественном тексте – это не просто идентифицирующие «метки», а сложные семантические знаки, способные кратко и емко репрезентировать идеи, ситуации, характер, поведенческие установки, т.е. все, что необходимо для полного и объективного понимания художественного произведения.

Литература

1. Руднев, В. П. «Как бы» и «На самом деле» / В. П. Руднев // Словарь культуры XX в. — М. : Аграф, 1997. − С.123–125.

2. Флоренский, П. А. Пути и средоточия / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. − М. : Мысль, 1999. − Т. 3 : У водоразделов мысли. − С. 34–45.

3. Эпштейн, М. Дар слова. − Вып. 17 / М. Эпштейн. // Проективный словарь русского языка [Электронный ресурс]. − Режим доступа : http://old.russ.ru/krug/20030303_dar.html. − Дата доступа : 13.04.2012.

Источники

4. Вознесенский, А. Лирика. − М. : Эксмо, 2007. − 351 с.

5. Евтушенко, Е. Стихи XXI века. − М. :Эксмо, 2007. − 352 с.

6. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. − М. : Эллис Лак, 1994−1995. 7 т.

О.А. Некоз
Военная академия ВПО РФ
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
e-mail: nekoz78@mail.ru

УДК 82−1:81'373.2

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В КНИГЕ А. АХМАТОВОЙ «ТРОСТНИК»

Ключевые слова: *имена собственные, авторский замысел, художественный текст, композиция, мотив, образ.*

Статья посвящена рассмотрению имен собственных в книге А. Ахматовой «Тростник». Изучение имен собственных в поэтическом тексте позволяет глубже понять систему его образов, особенности композиции.

O.A. Nekoz
Russian Armed Forces Army Air Defense Military Academy
named after Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky

PROPER NAMES IN THE BOOK OF A. AHMATOVA "REED"

Key words: *proper names, the author's intent, literary text, composition, motive, image.*

Annotation: *the article is devoted to consideration of proper names in the book of A. Ahmatova "Reed". The study of proper names in the poetic text allows to understand deeper the system of its images, the features of composition.*

Имя собственное служит одним из важнейших средств воплощения авторского замысла и концентрирует в себе значительный объем информации. Рассмотрение имен собственных в художественном тексте служит ключом к его интерпретации, позволяет глубже понять систему его образов, особенности композиции.

Книга «Тростник» состоит из 26 стихотворений, написанных в 1924–1940 годах, т.е. в тот период, когда Ахматова писала мало и почти не публиковалась. В 1940 году, готовя к печати сборник «Из шести книг», она включила эти стихотворения в заключительный, шестой раздел, дав ему название «Ива». В сборнике «Стихотворения» (Москва, 1961) аналогичный раздел − в соответствии с авторской волей – именовался «Тростником».

В «Тростнике» насчитывается 33 имени собственного. Цель нашей работы − рассмотреть некоторые имена собственные в контексте всей книги.

Все имена собственные распадаются на четыре группы.

Первую группу составляют названия государств, городов, архитектурных памятников, исторических и культурных мест, рек, улиц: Ленинград (2 употребления), Флоренция (2 употребления), Баболовский дворец, Варшава, Воронеж, Куликовская битва, Лебяжья, Летний сад, Марсово поле, Меншиков дом, Мойка, Нева, Павловский вокзал, Польша, Рим, Троя.

Вторая группа включает имена известных поэтов и писателей, а также названия книг: Данте (2 употребления), Борис Пастернак, Гомер, книга «Подорожник», Лермонтов, Маяковский, Пушкин, цикл «Юность».

Третью группу составляют имена мифологических персонажей: Муза (2 употребления), Лаокоон, Лета, Психея, Эабани.

Четвертую группу составляют имена исторических деятелей, ставших символами своего времени, наиболее полно воплотивших дух своей эпохи: Антоний, Клеопатра, Петр, Тамара.

Охарактеризуем образ Ленинграда в книге А. Ахматовой «Тростник».

По мнению К. Чуковского, Анна Ахматова представляется многим воплощением северной русской культуры, благодаря верности царскосельским традициям, навеки связавшей ее имя и судьбу с Ленинградом, с его каналами, улицами, дворцами, музеями, кладбищами [8].

«Северная Венеция» одними воспринимается как символ красоты, величия, другими как город теней, как место очень нездорового влажного климата, точащего силы человека изнутри. Любая интерпретация этого города в литературных текстах основана на мифе о Петербурге.

Маргарита Алигер в своих воспоминаниях отмечала, что А. Ахматова удивительно знала свой город, помнила множество мелочей и подробностей [1].

Теме ахматовского Петербурга посвящено немало исследований. Например, работы Н. Анциферова, И. Вербловской, В.В. Кудасовой. В них делается попытка найти своеобразную трансформацию образа Петербурга в стихах поэта, набросать путеводитель по ахматовским местам в городе на Неве.

В книге «Тростник» личные переживания сочетаются с определенными местами города. Ахматова пользуется приемом психологического параллелизма, сопоставляя внутренне состояние героини с культурной средой.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях…
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.

(«Годовщину последнюю празднуй…», 1938)

С одной стороны, образ Ленинграда носит конкретный характер, так как отдельные уголки Петербурга постоянно упоминаются в ее стихах. Ее излюбленные места – Летний сад, Марсово поле, берега Невы, шпиль Адмиралтейства, Баболовский дворец, Меншиков дом, Павловский вокзал. С другой стороны, Ленинград входит в стихи Ахматовой потусторонней тенью, т. е. приобретает черты мифа. Это город холода, беды, страдания. У Ахматовой в книге «Тростник» в ленинградском пейзаже преобладают сумрачные цветовые эпитеты:

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.

(«Если плещется лунная жуть…», 1928)

Герой книги «Тростник» не принимает город, а вбирает в себя весь его ужас и безумие. Ахматова уходит от предметности описания города к обобщенной символической его характеристике.

Адресатами посвящений в книге «Тростник» становятся Осип Мандельштам, Борис Пастернак, В. Маяковский и Данте.

По свидетельству современника Ахматовой В. Виленкина, к имени Мандельштама она возвращалась часто, «и всегда <…> в беглом замечании <…> подробности, в эпитете было что-то новое, еще не сказанное о нем. Кажется, из всех своих современников-поэтов только к одному Мандельштаму Анна Андреевна относилась как к какому-то чуду поэтической первозданности, чуду, достойному восхищения» [5]. Ахматова находила в Мандельштаме что-то детское, открытое и непосредственное, и в то же время поражалась широте и глубине его суждений, обширности знаний. Знакомство А. Ахматовой и О. Мандельштама состоялось весной 1911 года на «башне» Вяч. Иванова. Анна Андреевна была свидетельницей поэтического расцвета таланта Мандельштама и страшных событий в его жизни в конце 1930-х годов. Она чувствовала его поэзию, особую музыку стихов. Гибель Мандельштама Ахматова переживала мучительно. Мандельштам был ее самым близким современником, близким на всех этапах жизни и к ее творчеству и к ее житейской судьбе.

В книге «Тростник» О. Мандельштаму посвящено стихотворение «Воронеж», в котором обобщается судьба опального поэта.

Воронеж в одноименном стихотворении представлен Ахматовой через призму Мандельштама. Поэт, с одной стороны, с особой остротой ощущает, как прекрасен мир, поэтому первая часть стихотворения – это историко-культурное описание города. С другой стороны, поэт прико-

ван к месту своей ссылки, он несвободен в этом холодном и оледенелом городе. Поэтому вторая часть стихотворения передает напряженную атмосферу заточения поэта и переносит читателя к личности Мандельштама.

Таким образом, перед читателем предстает культурно-историческое воспроизведение города, связанное с именем опального поэта Осипа Мандельштама.

Данте занимает особое место в поэтическом мире О. Мандельштама и А. Ахматовой. Его поэзия стала предметом историко-литературного и поэтического осмысления у обоих поэтов.

А. Ахматова в 1936 году пишет стихотворение «Данте», повествующее о последних минутах изгнания Д. Алигьери из Флоренции. В стихотворении показана драматичная ситуация ухода поэта из родного дома. Создается впечатление, что поэт покидает родной дом не по своей воли. Жизнь Данте была Ахматовой хорошо известна. В стихотворении с точностью показан обряд покаяния, который должен был совершить Д. Алигьери, чтобы обрести флорентийское гражданство. Данте не пошел в рубахе покаянной, держа в руках свечу грешника, по вероломной, низкой, но долгожданной Флоренции.

Вопль судьбы в стихотворении можно охарактеризовать как крик от страшной душевной боли, которую невозможно позабыть ни в раю, ни в аду.

В книге «Тростник» имеется посвящение Борису Пастернаку («Поэт (Борис Пастернак)»). Это стихотворение написано 19 января 1936 года в Ленинграде. Удвоение заголовка не случайно. Ахматова, желая как можно точнее показать личность адресата в стихотворении, использует его реминисценции и миницитаты, составляет поэтический образ Пастернака как мозаику из тем, образов, мотивов основных произведений поэта.

Это стихотворение – попытка Ахматовой показать восприятие мира истинным художником с помощью его же мотивов и образов.

Владимир Маяковский знал и ценил поэзию А. Ахматовой. Об этом свидетельствуют записи Л.Ю. Брик. В статье «Чужие стихи» она вспоминает, какие из ахматовских стихов особенно нравились Маяковскому [3]. Маяковский подарил Ахматовой портрет Велимира Хлебникова своей работы, который хранится в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме. Однако известно, что Маяковский не раз давал несправедливую критическую оценку творчеству Ахматовой. Но она как будто не замечала грубых выпадов Маяковского.

Обратимся к стихотворению 1940 года − «Маяковский в 1913 году», написанное на десятилетие со дня смерти Маяковского. Ахматова в разговоре с Чуковской отмечала, что «Маяковский силен и велик только до революции, это божественный юноша, явившейся неизвестно откуда» [7]. Наверное, поэтому в стихотворении ведется разговор о тематике и проблематике его ранних произведений.

Со времен античности образ Клеопатры постоянно волновал поэтов и художников. В разные эпохи у разных авторов изображались разные грани ее трагической судьбы. В одноименном стихотворении Ахматовой присутствует мотив «женщины-змеи», которая убивает своим ядом и погибает сама от него. Перед нами несломленная женщина, которая предпочитает смерть рабскому существованию, добровольному заточению. Образ Клеопатры спроецирован на саму судьбу Ахматовой. Нищета, невозможность публикации своих книг десятилетиями, трижды без вины арестованный сын, без вины расстрелянный муж. У Ахматовой было свое представление о нравственных ценностях, к сожалению, не вписывающихся в тогдашнюю действительность. Но ничто не смогло сломать жизненных принципов поэта.

Таким образом, имена собственные в книге «Тростник» участвуют в развертывании основных тем, формировании художественного времени и пространства. Всю книгу А. Ахматовой пронизывает тема исторического прошлого и неразрывно связанная с ней тема творчества, назначения художника на земле.

Литература

1. Алигер, М. В последний раз / М. В. Алигер // Воспоминания об Анне Ахматовой : Сборник. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 360.

2. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга : Очерки / Н. П. Анциферов ; Послесловие А. Марголиса; Рис. А.П. Остроумовой-Лебедевой. – Л. : Дет. лит., 1990. – 256 с.

3. Брик, Л. Ю. Чужие стихи / Л. Ю. Брик // Маяковский в воспоминаниях современников : Сборник. – М. : Советский писатель, 1963. – С. 333.

4. Вербловская, И. С. Горькой любовью любимый : Петербург Анны Ахматовой / И. С. Вербловская. – СПб. : Издательство «Журнал "Нева"», 2002. – 336 с.

5. Виленкин, В. Я. В сто первом зеркале (Анна Ахматова) / В. Я. Виленкин. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 52.

6. Кудасова, В. В. Сады и парки А. Ахматовой / В. В. Кудасова // Истоки, традиция контекст в литературе : Межвузовский сб. науч. тр. – Владимир : ВГПИ, 1992. – С. 87–96.

7. Чуковская, Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. / Л. Чуковская.– СПб. Нева, 1989. – Т. 2. – С. 275.

8. Чуковский, К. Из воспоминаний. Из дневника / К. Чуковский // Воспоминания об Анне Ахматовой : Сборник. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 55.

Источники

1. Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / А. А. Ахматова ; Вступ. статья М. Дудина ; Сост., подг. текста и комментр. В. Черных. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Худож. лит., 1990. – 526 с.

Н.Е. Никитина
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка
e-mail: ttt.iii@mail.ru

УДК 81'373.21

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НАРОДА

Ключевые слова: *белорусско-русское двуязычие, дрионимы, комонимы, ойконимы, топонимы, топонимическое пространство, художественный текст, этимология.*

В статье дается характеристика топонимического пространства произведений И. Мележа, В. Быкова и В. Козько. Представлена семантическая классификация топонимов по объекту номинации. Обосновывается выбор писателем названий вымышленных географических объектов в рамках реального топонимического пространства Беларуси и белорусского-русского двуязычия.

N.E. Nikitina
Belarussian State Pedagogical University named after M. Tank

TOPONYMIC SPACE OF LITERARY WORK AS A REFLECTION OF THE ETHNIC AND CULTURAL SPECIFICS OF THE NATION

Key words: *Belarusian-Russian bilingualism, drionyms, komonyms, oikonyms, toponyms, toponymic space, literary work, etymology.*

The article describes the toponymic space of literary works written by I. Melezh, V. Bykov and V. Kozko. The semantic classification of toponyms based on the naming object is submitted. The writer's choice of the names of fictional geographical objects within the real toponymic space of Belarus and the Belarusian-Russian bilingualism is substantiated.

Изучение топонимического пространства художественных текстов в настоящее время является одним из актуальных и перспективных исследовательских направлений как в литературоведении, так и в лингвистике. В названиях географических объектов заложен определенный смысл, в котором и отражается этнокультурная специфика народа. Так как в художественном тексте чис-

ло таких объектов ограничено, писатель вынужден тщательно подбирать топонимы, опираясь при этом на свой языковой опыт. Закономерным является предположение о том, что в процессе подобной номинации происходит концентрация языковых особенностей, характерных для топонимических моделей описываемой местности.

Предметом нашего исследования стали 82 топонима из произведений 3 ведущих белорусских прозаиков 2-й половины XX в. – И. Мележа («Мінскі напрамак»), В. Быкова («Сотнікаў») и В. Козько («Суд у Слабадзе»).

Семантическая классификация данного типа онимов по объекту номинации [3] позволяет разделить их на две группы: названия природных объектов и названия объектов, созданных человеком. Охарактеризуем единицы, входящие в каждую группу.

I. Названия природных объектов (14):

1. **Гидронимы** – названия водных объектов (8):

а. *Потамонимы* – названия рек (6): *Бярэзіна*, *Днестр*, *Дон*, *Паўднёвы Буг* и др.;

б. *Гелонимы* – названия болот (2): *Гнілое балота*, *Чорныя Выгары*;

2. **Оронимы** – в широком смысле – названия сухопутных объектов (6):

а. *Дрионимы* – названия лесных массивов (4): *Баркоўскі лес*, *Загальскі лес*, *Крыжоўскі лес*, *Рылёўскі лес*;

б. ***Оронимы*** – в узком смысле – названия гор (2): *Капцова гара, Карпацкія горы*;

II. Названия объектов, созданных человеком (68):

1. **Хоронимы** – названия больших областей, стран, обширных пространств (21): *Азербайджан*, *Арктыка*, *Беларусь*, *Германія*, *Краснадарскі край*, *Куршчына*, *Старадубскі раён* и др.;

2. Ойконимы – названия поселений (40):

а. ***Астионимы*** – названия городов (23): *Беласток*, *Берлін*, *Брэст*, *Варшава*, *Жлобін*, *Ленінград*, *Рагачоў*, *Сталінград* и др.;

б. *Комонимы* – названия сельских поселений (17): *Драгуны*, *Забалоцце*, *Забор'е*, *Каржоўка*, *Лясіны* и др.;

3. **Дромонимы** – названия путей сообщения (1): *Магілёўская шаша*;

4. **Урбанонимы** – названия внутригородских объектов (6):

а. *Годонимы* – названия улиц (2): *Савецкая*, *Ленінская*;

б. *Огоронимы* – названия площадей, парков, садов (3): *парк імя Чэлюскінцаў*, *Тэатральны сквер* и др.;

в. ***Ойкодомонимы*** – названия зданий (1): *Дом друку*.

В художественной литературе в основном используются два вида топонимов – реальные и вымышленные. Первые придают повествованию большую реалистичность, вторые служат для воплощения художественного замысла. Именно вымышленные топонимы, как и антропонимы, являются результатом деятельности и воплощением языковой личности автора.

Большинство топонимов (62 единицы – 75%) в исследуемых художественных текстах являются наименованиями реальных географических объектов. К вымышленным предположительно относятся большинство комонимов (*Азярышча*, *Гліняны*, *Дзягцярня*, *Драгуны*, *Забалоцце*, *Забор'е*, *Каржоўка*, *Лясіны*, *Паплавы*, *Прохараўка*, *Сасноўка*, *Стараселле*, *Сучок*, *Сялюцічы*, *Уклеіна*), дрионимы (*Баркоўскі лес*, *Загальскі лес*, *Крыжоўскі лес*, *Рылёўскі лес*), гелонимы (*Гнілое балота*, *Чорныя Выгары*), 1 потамоним (*Іслянка*), 1 астионим (*Слабада*), 1 ороним в узком смысле (*Капцова гара*).

Согласно данным «Краткого топонимического словаря Белоруссии» [2], этимология большинства вымышленных комонимов (8 из 15) связана с местоположением населенного пункта (названия-ориентиры *Азярышча* (Озерище) – поселение у озера; *Забалоцце* (Заболотье) – селение, расположенное за болотом; *Забор'е* (Заборье) – место за бором) или с характеристикой близлежащей местности (*Гліняны* (Глиняны) – от основы «глина», *Лясіны* (Лесины) – производное от основы «лес», *Сасноўка* (Сосновка) – от основы «сосна»). Некоторые комонимы имеют терминологическое происхождение: *Паплавы* (Поплавы) – от бел. «поплаў» – заливной луг; *Стараселле* (Староселье) – ‘старое, первоначальное поселение’.

Второе место в количественном отношении занимают названия сельских поселений, образованные от антропонимов (4 из 15): *Дзягцярня* (Дегтярня) – от термина «дегтярь» (смолокур), в топонимии чаще всего происходит от фамилии [2, 95]; *Каржоўка* (Коржевка) – от фамилии Корж; *Прохараўка* (Прохоровка) – от имени Прохор; *Сялюцічы* (Селютичи) – от фамилии Селютич.

В ряде случаев связь с производящей основой утрачена: *Драгуны* – вероятно, происходит от бел. «дрыгва» – трясина; *Уклеіна* (Уклеина) – возможно, сопоставимо с балтийской основой, представленной в литовском «ukas» – туман, муть (ср. Укла – село в Браславском районе).

Все перечисленные комонимы названы вымышленными лишь условно, поскольку на территории Беларуси существуют реальные поселения с аналогичными наименованиями. Например, по данным поисковых систем сети Интернет, названия *Лесины* и *Селютичи* встречаются только в Беларуси. В ходе сравнения количества реальных сельских населенных пунктов, названия которых зафиксированы не только на территории нашей страны, но и (или) в России и Украине (Глиняны, Драгуны, Заболотье, Заборье, Коржевка, Поплавы, Прохоровка, Староселье), были получены следующие результаты: Беларусь – 129, Россия – 190, Украина – 25. Учитывая, что территория России более чем в 80 раз превосходит территорию Беларуси, можно сделать вывод о том, что данные комонимы более характерны для нашей страны. Кроме того, они в значительно меньщей степени свойственны для Украины, что, вероятно, объясняет их выбор авторами, жившими в условиях белорусско-русского двуязычия.

Выявленная тенденция нарушается лишь в отношении комонима *Сосновка*, который более типичен для России (140) или Украины (34), но не для Беларуси (14). Объяснение этому факту находим у В.А. Жучкевича: в прошлом основа «сосна» была крайне редкой и нетипичной для белорусской топонимии, число названий с такой основой быстро увеличивалось лишь с середины XX в. за счет переименований [2, 357].

Названия *Дегтярня* и *Уклеина* встречаются сегодня лишь в России, однако в Беларуси существуют поселения с однокоренными наименованиями – Дегтяревка, Дегтяри, Укла и др. [2, 95, 384].

Можно утверждать, что комоним *Сучок* и астионим *Слабада* (Слобода), являются вымышленными, так как не обнаружено реальных населенных пунктов с такими названиями. Например, слово «слобода» в топонимии употребляется лишь в сочетании с определением, которое указывает на ее местоположение, особенности, правовое положение (Боровая слобода, Казимировская слобода, Новая слобода и т. д.) [2, 349–350]. Оба названия встречаются в повести В. Козько «Судный день» («Суд у Слабадзе») и являются средством художественного обобщения, типизации.

С грамматической точки зрения ойконимы соотносятся с именами существительными единственного (*Дзягцярня*, *Каржоўка*, *Прохараўка*, *Слабада*, *Стараселле*, *Уклеіна* и др.) либо множественного (*Гліняны*, *Драгуны*, *Паплавы*, *Сялюцічы* и др.) числа.

Для образования названий лесов (дрионимов) типична модель метонимической номинации – от ойконима [1] с добавлением суффикса -ск-: Баркоўскі лес *(село Борки, Борково)*, Загальскі лес *(село Загалье, Загальское)*, Крыжоўскі лес *(село Крыжи, Крыжовка)*, Рылёўскі лес *(поселок Рылевский, Рылево). Грамматическая форма данных дрионимов схожа с относительными именами прилагательными.*

Названия болот и гор также перекликаются с именами прилагательными: качественными (***Чорныя*** *Выгары*), относительными (***Гнілое*** *балота*) и притяжательными (***Капцова*** *гара*). Их семантика типична для данных категорий топонимов: *черный, гнилой, выгар* (горелое место) – слова с негативной окраской, употреблены при номинации болот как мест гиблых, опасных. «Копцами» называли межевые знаки [2, 73], поэтому *Копцова гора* могла служить границей какой-либо территории.

Потамоним *Іслянка* (Ислянка) перекликается с названием реки *Ислочь* (производного от *Свислочь*) [2, 148], а уменьшительно-ласкательный суффикс *-янк-* может быть показателем того, что это река неглубокая, маленькая.

Таким образом, топонимы в произведениях И. Мележа, В. Быкова и В. Козько выполняют три функции: придают реалистичность повествованию, служат для воплощения художественного замысла и являются средством типизации и обобщения. Названия вымышленных географических объектов соответствуют реальному топонимическому пространству Беларуси, представляют собой

один из аспектов воплощения языковой личности автора, в ряде случаев – белорусско-русского двуязычия. Изучение топонимики художественных текстов имеет большое лингвокультурное значение, поскольку дает представление о реальном топонимическом пространстве целого этноса.

Литература

1. Арнаутова, А. А. Названия лесов Болховского района Орловской области / А. А. Арнаутова // Топонимика : материалы 50-й науч. студ. конф., Москва, 25 марта 2015 г. / Институт географии РАН [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://www.familii.ru/onomastika/toponimica/6101-arnautova-aleksandra-aleksandrovna-nazv aniya-lesov-bolkhovskogo-rajona-orlovskoj-oblasti-tezisy-doklada-na-50-j-nauchnoj-studenc heskoj-konferentsii-po-toponimike-2015-ghttp://bp21.org.by/ru/art/a041031.html. – Дата доступа : 12.12.2015.

2. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Мн. : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.

3. Кондакова, И. А. Теоретические предпосылки изучения образных средств, содержащих топонимы / И. А. Кондакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.jourclub.ru/24/ 1338/4/. – Дата доступа : 12.12.2015.

С.Д. Окуловская
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
e-mail: Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

УДК 811.161.1’373.23(470.317)

ПРОЗВИЩНАЯ ЛЕКСИКА В ПОУНЖЕНСКИХ ГОВОРАХ (на материале произведений И.М. Касаткина)

Ключевые слова: *прозвище, костромские говоры, этнографическая зона, диалектная лексика, тамойки, литературный источник, И.М. Касаткин.*

В статье рассматриваются личные и коллективные прозвища, зафиксированные в рассказах костромского писателя И.М. Касаткина. Важность изучения данной лексической группы продиктована глубокой информационной наполненностью прозвищ, раскрывающих языковую специфику региона и особенности этнокультурной зоны.

S.D. Okulovskaya
Kostroma state university named after N.A. Nekrasov

NICKNAME LEXIS IN KOSTROMA DIALECTS ON THE UNZHA RIVER (on material of the I.M. Kasatkin’s stories)

Key words: *nickname, Kostroma dialects, ethnographic zone, dialect lexis, tamoiki, literary source, I.M. Kasatkin.*

The article is dedicated to the personal and collective nicknames found in short stories by a Kostroma writer I.M. Kasatkin. The importance of this lexical group research is motivated by the deep informative value of the nicknames revealing linguistic specificity of the region and peculiarities of the ethnocultural zone.

Многие произведения костромского писателя И.М. Касаткина (1880–1938), уроженца д. Барановицы Кологривского уезда, отличаются документально точным воссозданием картин жизни крестьян поунженских деревень начала XX века. Отражается это во многом в использовании характерной для региона лексики, в том числе антропонимической. Местная специфика особенно ярко проявляется в прозвищах, которые в изобилии представлены в рассказах писателя. Исследователи кологривских говоров отмечают, что прозвища активно использовалась жителями поунженских деревень, являясь «дополнительным именем человека, которое могли дать ему зем-

ляки в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии и другим мотивам» [10, 9]. Этнограф и краевед А.В. Хробостов, описывая жизнь крестьян Верхнеунжья отмечает, что прозвища были актуальны для всех деревень края, и называет их при упоминании некоторых жителей: «Знаменитым плотником в деревне считался М.С. Смирнов по прозвищу «Синеморе»; Пользовался славой и сапожник Алексей Веселов по прозвищу «Каталага»; Все Тихомировы носили одно прозвище Каряки за то, что из поколения в поколение ходили как увальни» и т. п. [17, 104–113].

По словам А.В. Суперанской в прозвищах «представлена живая народная традиция, сохранившаяся от древнейших времён» [15, 189]. В них более чётко, по отношению к другим антропонимам, прочитывается экстралингвистическая информация, так как за ними стоят реальные этнографические, исторические, географические факты. М.В. Карпенко подчёркивал, что «способы наименования людей и сам материальный именной ассортимент наглядно показывает социальную структуру общества, быт и характер народа. Заряд этнографической информации в имени, возможно даже не меньший, чем в самых традиционных предметах изучения этнографии» [7, 5].

В произведениях И.М. Касаткина, посвящённых описанию жизни, быта, сельского уклада крестьян поунженских деревень, содержится большое количество разнообразных прозвищ. Они принадлежат как отдельному человеку: мужчине (*Данило Скворчик, Епифан Богова Дылда, Оська Слон, Андрейка Чемиза, Иван Белка, Гараська Пыжик, Сёмка Гнузд и др.*) или женщине (*Егориха, Вавилиха, Тыриха, Жучиха, Кабачиха*), семье (*Жуки*), так и целому коллективу соседних поселений (*тамойки, голодранцы, лапотники*).

Женщины на селе не имеют отдельного прозвища, их называют по имени или прозвищу мужа, добавляя формант -их(а): «В Брагине, у богатея Вавилы – старики уж – ребят нет. Рожала-рожала *Вавилиха*, – мрут как мухи» [9, 147]. Для большинства мужских прозвищ основным мотивом при выборе средств номинации является указание на особенности внешности. Нередко они основаны на метафорическом сравнении с животным миром (*Скворчик, Слон, Белка, Жук*) или с предметами, актуальными в повседневном использовании и вызывающими соответствующие ассоциации (*Уключка, Шитик, Пыж*). Многие прозвища содержат забытые или диалектные слова, что позволяет реконструировать значительный пласт нарицательной лексики, существовавшей в живой речи крестьян поунженских деревень. Таково, например, прозвище *Скворчик*: *Помощником в делах был её сожитель, здоровенный солдат Данило, − Скворчиком он у нас прозывается, но это прозвище как-то не подходит к его несуразной, в косую сажень, богатырской фигуре* [9, 25]. Данное прозвище отражает словообразовательные особенности говора (Скворчик – «Ласк. Скворец. *Галич. Костром.* [14, 37, 407]). Прозвище *Уключка* в рассказе Касаткина И.М. получил мужик «за кривые свои ноги» [9, 103]. Данное слово отсутствует в лексикографических источниках, однако Словарь В. Даля приводит лексему *уключина*, которая интерпретируется следующим образом: «вырезка в борту лодки или два кочетка, в которых ходит весло [4, 4, 296]. В рассказе упоминается река Вонза, где местные жители ловили рыбу. Из контекста становится понятно, что река и все связанные с ней реалии были неотъемлемой частью жизни местного населения: *А по ней убегал быстрый челнок рыбака. Колгушкин действовал двухконцовым веслом как крыльями <…> Как дух, он появлялся из-за кустов бесшумно. Чертил Вонзу вдоль и поперёк, выщупывал глубокие бочажины и возился с вершами да переметами, запуская и вынимая их с особой молитвой* [9, 108]. Словарь морских терминов и определений приводит словарную статью: «уключина – элемент гребного судна, в котором подвижно закрепляется либо судовой руль, либо весло». [13]. Здесь же находим эскиз данного приспособления, имеющей U-образную форму, которая вполне могла послужить ассоциацией связанной с кривизной ног человека. Описание внешности другого персонажа, Прохора Шитика, сопоставимо с описаниями соответствующей прозвищу реалии: *Росту он был небольшого, точно катышек, голову же имел обширную, лицо курносое и злое, в крупных корявинах* [9, 120]. Опыт областного великорусского словаря и Словарь В. Даля приводят описание *шитика* – разновидности небольшого речного судна, отличающегося некоторыми деталями в разных говорах: «род небольшой ладьи, поднимающей до тысячи пуд грузу. *Арханг.*; плоскодонное речное судно, покрываемое выпуклою палубою, как Тихвинская лодка. *Астрах, Камч.,*

Перм.» [11, 266]; «*волж.* Мелкое речное судно, крытое округлою палубою, как тихвинки; *сиб.* Лодка с нашивами, набоями, с нашитыми бортами» [4, 4, 427]. Показанные прозвища имеют в своей основе специальные термины, отражающие условия проживания описываемого Касаткиным коллектива, где река как главный источник заработка и пропитания занимала центральное место в жизни людей.

Также при оценке человека обращается внимание на особенности его характера и речи. Один из рассказов И.М. Касаткина – «Тимофей Жвака» – повествует о жизни «непутящего» деревенского бедняка, который постоянно просит в долг продукты у местного богача Петрухи. Автор не раскрывает причины появления данного прозвища. При обращении к СРНГ видим, что слово *жвака* употребляется в качестве характеристики человека в буйском районе костромской области в значениях «человек, говорящий вяло, неразборчиво», «человек, который постоянно всем недоволен, постоянно ворчит» и в ярославской области – «плохой, нестоящий человек» [14, 9, 89]. Возможно, мотивом к именованию героя стало его недовольство жизнью и постоянные рассуждения о несправедливости мироустройства: *Вот, мол, сидит тут человек, по прозвищу Жвака, и мнёт во рту какую-то сырь – ни сыт, ни голоден… И вот живёт рядом другой человек, богачом Петрухой прозывается…Как же это так?* [9, 206].

Касаткин довольно часто подчёркивает невероятную бедность населения поунженского края, называя людей «*голью перекатной*». Данное несчастье он связывает с основным родом занятий – сплавным промыслом: *Летние заработки с лихвой забираются ещё зимой, а зимние – ещё летом. Поля вспаханы и засеяны бывают у редких хозяев, потому что всякое время года, вертись не вертись, оказывается уже продано купцу-лесопромышленнику и съедено…* [9, 25]. Из истории Костромского края нам известно, что условия, в которых работали сплавщики леса, были тяжелейшими. При этом их труд относился «к наиболее дурно оплачиваемым» [1, 91]. Население междуречья Унжи и Ветлуги считалось беднейшим в губернии [18]. В одном из рассказов появляется прозвище *голодранцы*, данное горожанами-«лапотниками» деревенским жителям: *К концу попойки как-то само собою выходит, что люди разделяются на две стороны – «голодранцев» и «лапотников»* [9, 27]. Бедственное положение жителей костромского края того времени подтверждает Словарь В. Даля, где зафиксирован факт употребления прозвища *голодраные* по отношению к костромичам [4, 4, 220]. Несмотря на улучшение экономической ситуации, в говорах до сих пор сохраняется огромное количество номинаций, соотносящихся с понятиями «голод», «бедность»: *голендай*, *голендуха*, *голодай*, *голодаевка*, *голодайка*, *голодарь*, *голодня*, *голодовать*, *голодовка*, *голодун*, *голодуха*, *голодранец* [8].

Такие прозвища, относящиеся к «группе лиц, представляющих собой географическое или этнографическое целое» [6, 38] особенно ярко прочерчивают границы лингвокультурной зоны. В них подмечаются отличительные черты ближайших соседей. В.Г. Долгушев называет такие слова микроэтнонимами и отмечает, что они выделяют «из основной массы населения отдельные этнографические группы»[5, 21]. Предметом осмеяния зачастую становится непривычный выговор слов, который показывает лингвистическую разнородность подобных групп. Н.С. Ганцовская приводит пример такого явления в Парфеньевском районе, где среди повсеместного оканья выделяется акающее население Матвеевского сельсовета, прозванного агафонами-рябинниками [3, 65]. Своеобразный говор жителей с. Долгова был отмечен прозвищем *каюры* [16, 117]. В рассказе И.М. Касаткина встречается прозвище *тамойки,* которым сплавщики леса в слободке Колоколихе называют живущих выше по течению Унжи соседей. Во время начала сплава они становятся конкурентами в борьбе за единственный возможный источник заработка: *«Настоящий колокольник всегда заряжен ярой ненавистью к «лешим тамойкам» − мужикам, верховым сгонщикам плотов и барок, перехватывающим работы, на которых выросла Колоколиха и живёт, извёртываясь с хлеба на квас»* [9, 24]. Словарь В. Даля раскрывает мотивацию данного прозвища и территорию его распространения: «Костромичи ***(от Костр. вниз по Волге, до Юрьевца)*** – голодраные, острокопытники, тамойки ***(говорится тамойко вместо там)*** [12]. Ссылаясь на В. Даля, Ю.Б. Воронцова интерпретирует прозвище *тамойки* как принадлежащее жителям части Костромской губернии, находившейся в нижнем течении р. Волга [2, 316]. Однако судя по географии сло-

ва *тамой* в значении «там, в том месте» (часть Ярославской и Костромской области: Антроповский, Буйский, Галичский, Костромской, Сусанинский районы) [19, т.9, 87], данным прозвищем могли называть и жителей других территорий. Заметим, что в рассказе И.М. Касаткина *тамойки* – верховые сгонщики, кроме того они – *лешие*, то есть пришедшие из леса. Поэтому можно сделать вывод, что *тамойки* – это также жители глухой лесной деревни в верховьях Унжи, которые вместо «там» говорят «тамой».

Прозвища в произведениях И.М. Касаткина представляют собой уникальный класс ономастической лексики. Автор запечатлел и сохранил в них не только традиции русского народа, историко-культурные особенности ареала, но и остатки старых диалектных слов. Лексический материал, представленный в рассказах, пополняет наши представления о языке поунженских крестьян начала XX века.

Литература

1. Владимирский, Н. Н. Костромская область : Историко-экономический очерк / Н. Н. Владимирский. – Кострома : Костромское кн. изд-во, 1959. – 355 с.
2. Воронцова, Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ / Ю. Б. Воронцова. – М. : АСТ-Пресс, 2011. – 448 с.
3. Ганцовская, Н. С. Каюры, шихвосты, агафоны-рябинники… / Н. С. Ганцовская // Губернский дом. – 1998. – №4. – С. 65–67.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. Долгушев, В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономасиологическом аспектах: Монография / В. Г. Долгушев. – М. : МПГУ, 2006 – 415 с.
6. Зеленин, Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии / Д. К. Зеленин // Избранные труды по духовной культуре 1901–1903. – М. : Индрик, 1994. – 400 с.
7. Карпенко, М. В. Русская антропонимика : Конспект лекций спецкурса / М. В. Карпенко; Одесский гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 1970 – 39 с.
8. Картотека костромского областного словаря.
9. Касаткин, И. М. Мужик / И. М. Касаткин. – М. : Советский писатель, 1991. – 382 с.
10. Образцова, О. А. Личные имена поунженской деревни начала XX века (на материале произведений Е. В. Честнякова и живых кологривских говоров) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Образцова; ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2007. – 23 с.
11. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
12. Пословицы русского народа. В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://enc-dic.com/word/k/Kostromichi-golodrane-ostrokoptniki-tamoki-52951.html. – Дата доступа : 27.12.2015.
13. Словарь морских терминов и определений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.marineterms.ru. – Дата доступа : 26.12.2015.
14. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1-41. М., Л., СПб., 1965–2007.
15. Суперанская, А. В. Сбор ономастического материала / А. В. Суперанская // Теория и методика ономастических исследований. – М. : Наука, 1986. – С. 187–195.
16. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Составитель А. В. Костров. – Кострома : Фабрика сувениров, 2015. – 308 с.
17. Хробостов, А. В. Лебединая песня моего сердца. (Серия «Наша земля»). – Кострома : Фабрика сувениров, 2015 – 408 с.
18. Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vehi.net/brokgauz/. – Дата доступа : 26.12.2015.
19. Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1990. – Вып. 9. С-Тятя. – 128 с.

О.Б. Переход
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: rexo61@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РОМАНЕ-ФЭНТЕЗИ М.Г. УСПЕНСКОГО «НЕВИННАЯ ДЕВУШКА С МЕШКОМ ЗОЛОТА»

Ключевые слова: *литературная ономастика, идиостиль писателя, жанр фэнтези, окказиональные имена собственные, приемы каламбурного словообразования, фиктонимы, языковая игра, комический эффект.*

В статье рассматриваются окказиональные имена собственные как одна из составляющих индивидуально-авторского стиля М. Успенского. Характеризуются приемы каламбурного ономастического словообразования. Определяются функции окказионализмов-онимов в художественном тексте.

O.B. Perekhod
Brest State University named after A.S. Pushkin

OCCASIONAL PROPER NAMES IN M. USPENSKY'S NOVEL FANTASY «THE INNOCENT GIRL WITH A GOLD BAG»

Key words: *literary onomastics, individual style writer, fantasy genre, occasional proper names, ways of play word formation, fictonyms, language game, comic effect*

The article is devoted to the research of the occasional proper names as one of components of individual and author's style of M. Uspensky. Ways of play onym's word formation are characterized. Functions of nonce words-onyms in the art text are defined.

Литературная ономастика, сформировавшаяся как особая отрасль ономастики во 2-й половине XX в., изучает функционирование онимов в текстах художественной литературы. По мнению А.Ю. Карпенко, «литературную (неэтническую) ономастику можно определить как субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем «игру» общеязыковыми ономастическими нормами» [1, 34–40].

Целью нашего исследования является изучение имён собственных как элементов идиостиля современного русского писателя-фантаста М. Успенского; определение функциональной значимости и оригинальности фиктонимов как компонентов художественного мира романов-фэнтези; характеристика каламбурного ономастического словообразования.

Писатель М. Успенский вошёл в литературу недавно и практически сразу же сделался знаменитым благодаря своему оригинальному таланту. В своих необычных произведениях он пародирует классиков, смело изменяет фольклорные сюжеты, общезначимые символы, создаёт особую лексику, смешивает современную культуру и народное творчество, гармонично сочетает реалии сегодняшнего дня и бытовые детали прошлого. Как писатель он приобрел популярность с выходом романа «Чугунный всадник» (литературная премия «Бронзовая улитка-92»). Затем были повесть «Дорогой товарищ король» и знаменитый роман «Там, где нас нет» (литературная премия «Странник-1995»), впоследствии выросший в трилогию, романы «Устав соколиной охоты», «Время Оно», «Кого за смертью посылать», «Посмотри в глаза чудовищ» (литературная жанровая премия «Меч в зеркале» в 1999 г.), «Гиперборейская чума» (в соавторстве с Андреем Лазарчуком), «Белый хрен в конопляном поле» и др. [2, 3].

Функционирование имён собственных в художественном тексте имеет свою специфику, так как имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. В задачи авторов произведений жанра фэнтези входит создание их собственного виртуального мира, который должен быть максимально реальным и убедительным. В этом им помогают, прежде всего, антро-

понимы и онимы других семантических групп. Особое значение в литературных произведениях жанра фэнтези придается фиктонимам – именам собственным персонажей: они являются сюжетообразующими звеньями, ориентиром во времени и пространстве, заданном автором. Языковая информация фиктонима всегда используется писателем жанра фэнтези как дополнительная характеристика персонажей. Онимы в литературных произведениях жанра фэнтези почти всегда коннотативны, то есть имеют сопутствующее значение и сообщают о литературном персонаже дополнительную информацию; «несут в себе заметно выраженную смысловую нагрузку, имеют необычный звуковой облик, обладают скрытым ассоциативным фоном» [3, 347]. Без адекватного восприятия и интерпретации имён собственных возникают сложности в оценке литературного произведения данного жанра.

Мы проанализировали состав онимов романа «Невинная девушка с мешком золота» М. Успенского и установили, что роман насыщен именами собственными – 269 единиц: из них 69 топонимов (60 ойконимов, 6 гидронимов, 3 оронима); 147 персональных имён (128 антропонимов, 16 теонимов, 3 зоонима); астрономических названий – 6; хрематонимов – 5; хоронимов – 12; 30 имён собственных выделены нами в группу «иное», куда входят названия орденов (Орден Поджидаев (Поджидаи)), неземных сил (Морская Душа), органов власти (Страшный Суд), народов (Ляхи) и т. п. Онимы в тексте романа образуют собственную художественную подсистему, значимую в смысловом, функциональном, идейно-художественном плане произведения.

Особое мастерство писатель проявляет в каламбурном словообразовании, создавая индивидуально-авторские неологизмы-онимы. Творя онимы, играя словом, М. Успенский умело добивается комического эффекта. Он использует лингвистические и общекультурные знания читательской аудитории, полагая, что читатель, будучи носителем языка, имеет (пусть на интуитивном уровне) представления о производном слове, его мотивирующей базе (а это чаще всего прецедентные имена), о структуре производного слова, о возможных морфонологических явлениях при словопроизводстве, о словообразовательных нормах и т. д. [4, 212–215]. Создавая своё творение, М. Успенский интерпретирует уже известные имена собственные в нужном для себя и удобном для читателя русле, а также создаёт новые, ещё неизвестные онимы. Окказионализмы Успенского создаются либо по аналогии с отдельным словом, т. е. по конкретному образцу, либо с нарушением законов словопроизводства, действующих в языке. Экспрессия подобных дериватов усиливается в результате их антонимического отталкивания от слова-образца.

Главный герой романа «Невинная девушка с мешком золота» Лука Радищев – молодой дворянин – не только по фамилии и сословию, но и по политическим взглядам имеет сходство со знаменитым русским писателем-революционером А.Н. Радищевым. Оба отстаивали интересы бедного крестьянства. А.Н. Радищев в своём произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» разоблачает самодержавно-крепостнический строй России. О Луке автор сообщает: «Молодой дворянин и в городе никакой работой не гнушался – дрова по дворам колол, колодцы копал. Так он чувствовал себя ближе к народу, о свободе которого постоянно думал» [5, 311]. Неслучайно возникает на страницах романа и аналог «Путешествия из Петербурга в Москву» – «Путешествие из Анучина в Кислое» арапа Тиритомбы. Обращаясь к Луке, Тиритомба с пафосом произносит: «Крепись, друг! Восходя на эшафот, выскажи тирану и сатрапам его всё, что о них думаешь! Жертва твоя не будет напрасной! Я напишу возмутительную поэму «Путешествие из Анучина в Кислое», и тогда бунт Пугача покажется детскою забавою!» [5, 45].

В окказиональном словообразовании автор использует разного рода фонематические преобразования, выступающие в качестве единственного словообразовательного форманта: добавление фонем, произвольную перестановку, изменение порядка, удаление фонем, а также комбинацию этих приёмов. Например, знаменитый мореплаватель и открыватель новых земель Христофор Колумб превращается путём фонетических замен и морфологических добавлений в Кристобаля Колона: «С тех пор как адмирал Моря-Океана дон Кристобаль Колон открыл Новый Свет…» [5, 353]. Герой романа «Невинная девушка с мешком золота» Чурила Сысоевич Троегусев восходит к пушкинскому помещику Троекурову Кириле Петровичу. Оба помещика обманным путём завладевают землёй соседа-недруга: «Этим и воспользовался сосед ваш, небезызвестный Чурила

Сысоевич Троегусев. Подкупленные им судейские ярыжки откопали где-то (а скорее всего, подделали) бумагу, согласно которой деревенька ваша испокон веков принадлежит ему, мерзостному Чуриле Сысоевичу» [5, 348]. Созвучные фамилии отличаются концовками: -куров и -гусев. Эта замена стала возможной благодаря отношению обоих слов к одному семантическому ряду домашних птиц. М. Успенский добавляет новый оттенок смысла и создаёт нечто новое, опираясь на общеизвестное. Главная функция пародии в использовании онима – игровая.

Игру значений слов находим и в именах пособников обидчика Папы: «А пособников тех было много: и Орсини, и Сфорца, и Медичи, и Феррари, и Ламборджини, и Фиат убогий, и Альфа-Ромео, и Бета-Джульетта, и бессчётные кардиналы» [5, 334]. Имена Орсини, Сфорца и Медичи – это имена реально существовавших людей. Все они были из знатных и богатых итальянских родов. А вот: Феррари, Ламборджини, Фиат и Альфа-Ромео – это марки итальянских машин.

Смысловой окказионализм «мстители из Эльзаразо» перекликается с названием фильма 30-х годов XX в. «Мститель из Эльдорадо, или Robin Hood of El Dorado», в котором так же, как и в романе, шайка благородных разбойников мстит угнетателям. Комического эффекта автор добивается, заменяя Эльдорадо на Эльзаразо: часть «-заразо», созвучная с бранным «зараза», привносит комический смысл: «А мы будем – мстители из Эльзаразо! – добавили панычи» [5, 327]. Изменение фонемного состава слова создает направленную ассоциацию.

Мастерски обыграл в своём произведении М. Успенский и имена таких знаменитых бунтовщиков, как Степан Разин и Емельян Пугачёв. На страницах романа мы встречаем Степана Разиню: «На двойной реке Потудани-Посюдани промышлял лихой Степан Разиня. Прозвище своё он получил за то, что по пьяному делу проворонил пленную персидскую княжну, за которую рассчитывал получить неслыханный выкуп» [5, 321]. А Емельян Пугачёв стал именоваться Емелька Пугач: «В степях гулял до поры Емелька Пугач. Он придумал такое оружие, которое стреляло оглушительно, но вреда никому не приносило…» [5, 322]. Подчёркивая именами особенности героев, автор создаёт эффект комического, который достигается благодаря бурлеску, т. е. изложению высокой темы, низкими способами, в данном случае изменение настоящих фамилий на вымышленные, несущие негативную окраску.

Меняется в романе М. Успенского «Невинная девушка с мешком золота» состав названия Собора Парижской Богоматери: Нотр-Дам-де-Пари. Теперь вместо части -Дам- автор вставляет -Сир-: «Как вспомню я собор Нотр-Сир-де-Пари, где святые и апостолы поменялись местами с химерами и горгульями, так и начнёт меня колотить!» [5, 385]. Антонимичные Дам и Сир у М. Успенского могут и вправе замещать друг друга, придавая новый оттенок смысла, делая из известных понятий неизвестные, зашифрованные.

Слиянием предлога, местоимения и существительного образовано название рек Потудань, Посюдань от «по сю дань – по ту дань»: «И рек таких нет, чтобы звались Тигр и Евфрат, а есть реки Посюдань и Потудань, и даже не реки, а одна река…» [5, 301].

В семантическом окказионализме Орден Поджидаев значение лежит на поверхности: «Чего стоил, к примеру, один Орден Поджидаев, нарваться на которых можно было в любом укромном месте» [5, 321]. Образовано по аналогии с Орденом Крестоносцев, Меченосцев и т. п. «Поджидаи» образовано от глагола ждать с помощью приставки под- и суффикса -j- (йот).

В основу многих номинаций положены характеризующие признаки: 1) характер занятий героя: Емелька Пугач, получивший такое прозвище за изобретённое им оружие, которое не стреляло, а пугало; 2) внешняя характеристика героя: Брыластый, Афонька Киластый, Усатий, Полосатий; 3) особенности характера героя, отражение его внутреннего мира: Хотен Блудович – «Одно только и отличало его от прочих – лютость и ярость до женского рода» – вот основная характеристика героя, данная автором. Степан Разиня – получил такое имя за невнимательность; 4) отражение основной особенности, свойства персонажа: Разгонятельница Собраний, Прекратительница Наслаждений; 5) свойства, отражающие негативную сторону жизни: Бессудная Яма – место, куда кидали без суда и следствия за провинность. Всем Злым Делам Начальник – имя говорит само за себя.

С помощью широкого диапазона созданных или трансформированных имен собственных (имена исторических лиц, мифологических персоналий, литературных героев, ссылки на истори-

ческие события) текст романа реализует признаки ретроспекции и интертекстуальности, «как бы “привязывается” к людям и событиям различных эпох, культур, а также к другим литературным текстам» [1, 123]. Реализация подобных аллюзий предъявляет повышенные требования к осведомленности, эрудиции читателя, уровню читательской культуры. В случае успешной реализации аллюзии усиливают эстетическое воздействие художественного текста на читателя. Это воздействие основано на ассоциативных связях, соединяющих данный текст с внеязыковой реальностью.

Подробнее следует остановиться на фиктонимах, т. е. вымышленных именах собственных, а также на цели их использования автором. Условно все фиктонимы могут выполнять следующие функции: служат для создания ирреального мира произведения; акцентируют внимание читателя на характере персонажа; формируют интертекст, создают комический эффект, тонкую иронию.

В текстах М. Успенского большинство фиктонимов содержат в себе иронию: Жмуриковичи, Редко Редич, Хворомир Супница, Недослав Недашковский, царь Жмурик, Патифон Финадеич, матушка Венерея, Жмурик-Строитель, Финадей Колизеич, Филька Брыластый, Афонька Киластый, Сенофонд Пятеримыч, Бета-Джульетта, Фантомасо Нуэво, Чурила Сысоевич Троегусев, дон Белисарио Бермудо де Агилера-и-Орейро, Липунюшка Патифоныч, Восьмирамида Акулишна, князь Мира Сего, боярин Лягушата Исполатьевич Краснодевкин-Небитый, Яким Новая Изба, Простатило и др.

Довольно часто автор использует приём бурлеска при создании фиктонимов. Снижение стиля мы наблюдаем в именах Степан Разиня и Емелька Пугач. Тут комический эффект бурлеска создается контрастом возвышенной темы и вульгарным характером ее изложения. Ведь на Руси имена Степана Разина и Емельяна Пугачёва не только не вызывали смех, а скорее наоборот – горечь, страх, скорбь.

Частым приёмом в произведениях М. Успенского стал приём травестии. Например, Чурила Сысоевич Троегусев является заимствованным персонажем из произведения А.С. Пушкина, но несёт уже не серьёзный характер, а переработанный сниженный, комический. Так же и с именами Эльзаразо вместо Эльдорадо, Жмуриковичи вместо Рюриковичи, Кристобаль Колон вместо Христофор Колумб, Жмурик, Синеуст, Трупер. В них мы наблюдаем эффект комической имитации, при котором автор заимствует темы, сюжетные мотивы или отдельные образы известного чужого сочинения и применяет к ним абсурдно «низкие» литературные формы, трансформирует их смысл.

Таким образом, использование имен собственных – реальных и вымышленных – характерная особенность индивидуально-авторского стиля М. Успенского. Созданные писателем имена собственные усиливают личностное, авторское начало в художественной речи, повышают ее выразительность, способствуют обострению интриги, привлекают внимание к миру героев произведения. Обыгрывание имен собственных, потенциальных слов и окказионализмов, характеризующихся необычностью формы и семантики, используемые автором приемы каламбурного словообразования создают комический эффект и способствуют поддержанию читательского интереса.

Литература

1. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // НДВШ. Филол. науки. – М., 1986. – №4. – С. 56–58.

2. Успенский, М. Г. Там, где нас нет : Фантастические романы / М. Г. Успенский. – М. : Эксмо, 2005. – 309 с.

3. Михайлов, В. Н. Словообразовательная специфика собственных имён в художественной речи / В. Н. Михайлов // Русское языкознание : сб. науч. тр. – Киев, 1986. – Вып. 13. – С. 43–56.

4. Годуйко, Л. А. Авторский ономастикон М. Успенского (на материале романа «Белый хрен в конопляном поле») / Л. А. Годуйко // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы респуб. науч.-методич. конф. ; Брест, 22–23 ноября 2007 г. – Брест, 2008. – С. 115–117.

5. Успенский, М. Г. Невинная девушка с мешком золота : Фантастические романы / М. Г. Успенский. – М. : Эксмо, 2007. – 505 с.

Т.А. Сироткина
Сургутский государственный педагогический университет
e-mail: sirotkina71@mail.ru

УДК 821.161.1

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ТУАПСЕ» В СТИХАХ МЕСТНЫХ ПОЭТОВ

Ключевые слова: *Туапсе, концепт, концептуальное поле, концептуальная область, урбаноним, гидроним, ороним.*

В статье осуществляется исследование средств вербализации концептуального поля «Туапсе» в региональной поэзии. Определяются основные концептуальные области и семантические линии, с которыми связана их репрезентация. Делается вывод о том, что репрезентация ономастического концепта «Туапсе» в региональной поэзии определяется, с одной стороны, его системными связями с макро- (Кавказ, Кубань) и микроконцептами (Туапсинка, Звездная, Кадош), с другой – семантическим наполнением образующих его концептуальных областей (город-порт, город воинской славы), что создает в текстах цельный, яркий образ Черноморского города, столь любимого не только его жителями, но и представителями других регионов России.

T.A. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University

CONCEPTUAL FIELD "TUAPSE" IN THE VERSES OF LOCAL POETS

Key words: *Tuapse, concept, conceptual field, conceptual area urbanonim, hydronym, oikonym.*

The article made a study of means of verbalization conceptual field "Tuapse" in the regional poetry. It identifies the main conceptual and semantic field line, which is related to their representation. It is concluded that the representation of onomastic concept "Tuapse" in the regional poetry is determined, on the one hand, his links with the system macro (Caucasus, Kuban) and mikrokontseptami (Tuapsinka, Star, Kadosh), the other – the semantic content of its constituent concepts regions (the port city, a city of military glory), which creates a whole texts, a vivid image of the Black Sea city so beloved not only its residents but also representatives of other regions of Russia.

Как и многие замечательные места России, Туапсинский район Краснодарского края упоминается в многочисленных художественных произведениях. В настоящей статье на материале стихотворных текстов, опубликованных в сборнике «Поем о городе родном» (Туапсе, 2004), рассмотрим средства вербализации концептуального поля «Туапсе».

По нашим наблюдениям, данное концептуальное поле образуется на основе нескольких основных концептов, предметом нашего анализа будут являться лишь ономастические.

Макроконцепт Кавказ отражает местоположение одного из южных городов России и включенность его в пространство кавказской культуры: *Стоит на морском побережье, / В соседстве с Кавказской грядой, – / С годами прекрасней, прекрасней, / Мой город, всегда молодой… (Город-труженик, город-матрос. Слова В. Лопатина, муз. Т. Березняка)* [1, 7]; *Если ни разу у нас на Кавказе кто-то еще не бывал, / Значит, он в жизни милой отчизны лучших красот не видал: / Всплески лазури теплого моря, чаек стремительный гон, / Белые яхты в синем просторе – все это наш район! (Туапсинский район. Слова и муз. С. Воронина)* [1, 14].

В сочетании Кавказский хребет актуализируется ассоциативная составляющая концепта, связанная с миром и покоем, южным ветром и счастьем: *Что снятся им: высота синих гор, / Поход на Кавказский хребет, / Простор голубой и ветер тугой, / Волны черноморской привет (Самое родное (песня о Туапсе). Слова Ю. Богомолова, муз. С. Соснина);* [1, 63]; *Там величавые снежные чистые горы, / Там у людей из души льется искренний свет. / Вот и уйду, где ни ссор, ни обил, ни раздоров, / Где дожидается Главный Кавказский хребет (Желание. Слова Ю. и М. Богомоловых, муз. С. Соснина)* [1, 77].

Еще один макроконцепт, связанный с концептом Туапсе, – Кубань: *На Кубани есть город приветный, / Я не знаю его в чем сравнить. / Он всегда в моем сердце заветный, / Этот город нельзя не любить (Туапсе – город юности моей. Слова и муз. И. Сычева)* [1, 79].

Концепт «Черное море» является одним из тех, которые получают широкую репрезентацию в исследуемых текстах. Он отражает следующие основные семантические линии:

– море – романтика: *Море, море, синее море – / Мир любви и надежды, / Море, море, нежное море – Романтический край. / Море, море, теплое море – / Ширь желаний безбрежных… / Море, море, Черное море, / Красоту мне свою передай! (Черное море. Слова и муз. С. Воронина)* [1, 14];

– море – детство: *Напевало мне в детстве беспечно / Море Черное песни свои. / Полюбил Туапсе я навечно – / Это юности годы мои (Туапсе – город юности моей. Слова и муз. И. Сычева)* [1, 79].

Концепт «Туапсе» состоит из нескольких основных концептуальных областей.

Область «город-порт» репрезентирует следующие семантические линии:

– «встреча моряков»: *На кончик мачты серп луны присел, / Залюбовался звездным хороводом. / Открытым сердцем город Туапсе, / Как хлебосол, встречает мореходов (За дальним молом. Слова П. Столярова, муз. Т. Березняка)* [1, 10];

– «портовая молодость»: *Наш город портовый – родной Туапсе, / Все душу тревожишь бедовую. / Тебя не забыть никогда и нигде, / И молодость нашу портовую (Наш город портовый. Слова и муз. А. Краснощека)* [1, 45];

– «родной маяк»: *Живи в веках, мой Туапсе! / Здесь каждый камень сердцу дорог. / Пусть свет родного маяка / Горит всегда для моряка (Живи в веках, мой Туапсе! Слова П. Столярова и Ю. Богомолова, муз. С. Чернобая)* [1, 98].

Область «город воинской славы» имеет следующее семантическое наполнение:

– «Туапсе – один из многих городов, в которых рождаются герои»: *Один моряк родился в Туле, / Его считали старшим все; / Другой моряк был из Барнаула, / А третий был из Туапсе. / Всегда в походе вместе были, Гордились славой боевой, / И не тужили, и немцев били, / Втроем выходили на бой (Земляки. Слова А. Софронова, муз. С. Каца)* [1, 36];

– «Туапсе – город, хранящий память о погибших на войне»: *Как будто в сказке вырастая / Из гор во всей своей красе, / Гостей взволнованных встречая, / Раскрыл объятья Туапсе. / Здесь каждый дом и каждый камень / Под шорох ласковой волны / Хранит, хранит живую память / О не вернувшихся с войны (Город помнит. Слова Я. Захарова, муз. Г. Мая)* [1, 51].

Концептуальная область «Родной город» также актуализируется во многих текстах. Она представлена такими семантическими линиями, как:

– «маленький, но самый лучший»: *Как хотел бы я лет через сто / Снова в маленький город вернуться, / Покружиться опавшим листом, / Удивляясь, что вечно живу, / Или капелькой прямо с небес / Вместе в радугой моря коснуться / И, пронзив этот сказочный лес, / Туапсе увидать наяву (Возвращение через 100 лет. Слова и муз. П. Захарченко)* [1, 27];

– «уютный»: *Пусть поют о дальнем Бухаресте, / Об Одессе и ее красе. / Все же я считаю, лучше места / Нет, чем здесь, в уютном Туапсе (Песня о городе. Слова Р. Шипулина, муз. Н. Ровнева)* [1, 55];

– «мой»: *Маленький город, мой Туапсе, / Ты для меня – не такой же, как все. / Как я люблю черноморский прибой, / Ты в моем сердце, со мной (Песня про Туапсе.О. Титков)* [1, 121].

Одной из центральных является концептуальная область «туапсинцы», представленная в текстах следующими аспектами семантики данного имени:

– туапсинцы – особое звание: *Во дворах твоих и скверах / Отдохну от суеты. / Улечу от мыслей серых / В твои светлые мечты. / И, решив с тобой остаться, / Я уверовал в одно: / Туапсинцем называться / Здесь не каждому дано (Песенка о Туапсе. Слова и муз. П. Захарченко)* [1, 29];

– туапсинки – самые красивые: *Зачем ты, дождь, размыл тропиночку / На черноморском берегу? / Ах, полюбил я туапсиночку, / Найти покоя не могу (Найти покоя не могу. Слова П. Столярова, муз. С. Соснина)* [1, 69];

– туапсинцы – герои войны: *Ты, конечно, запомнил лихую годину. / Лютый недруг хотел нас с тобой растоптать. / Вместе с нашею армией фронтом единым / Туапсинцы стояли за Родину-мать (Мы гордимся тобой. Слова А. Краснокутского, муз. В. Тернавского)* [1, 89].

Структурными элементами, образующими рассматриваемое поле, являются многочисленные топонимические единицы:

– Звездная (урбаноним): *Там, где ночью ласково / Качает звезды волна, / Свой улов вытаскивал / Всегда счастливый рыбак. / И отсюда запросто / Над Звездной просинь видна. / Давно надо б нам встретиться – Всё не заеду никак (По платановой аллее. Слова А. Журбы, П. Захарченко, муз. П. Захарченко)* [1, 30];

– Туапсинка (гидроним): *И повсюду, где б я не был, / Мне чужим казалось небо. / Неродной земля родная / Мне казалась иногда. / И не надо мне ни ада, / И не надо мне ни рая – / Из родимой Туапсинки / Мне нужна была вода (По платановой аллее. Слова А. Журбы, П. Захарченко, муз. П. Захарченко)* [1, 32];

– Кадош (ороним): *Мне хотелось окунуться / В эту синь морского блюдца. / И над скалами Кадоша / Спился бешеный закат. / И как загнанная лошадь, / Я местами спотыкался, / Над собою сам смеялся, / Поворачивал назад (По платановой аллее. Слова А. Журбы, П. Захарченко, муз. П. Захарченко)* [1, 32] и многие другие.

Таким образом, репрезентация ономастического концепта «Туапсе» в региональной поэзии определяется, с одной стороны, его системными связями с макро- (Кавказ, Кубань) и микроконцептами (Туапсинка, Звездная, Кадош), с другой – семантическим наполнением образующих его концептуальных областей (город-порт, город воинской славы), что создает в текстах цельный, яркий образ Черноморского города, столь любимого не только его жителями, но и представителями других регионов России.

Литература

1. Поем о городе родном. – Туапсе, 2004. – 128 с.

Т.П. Слесарева
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail slestp@yandex.ru

УДК 811.161.1’37 (075.8)

СОЧЕТАЕМОСТЬ АНТРОПОНИМОВ С ГЛАГОЛАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Ключевые слова: *антропоним, художественный текст, тематическая группа глаголов, семантический признак, лексическая сочетаемость, коррелятивная связь.*

В статье описывается индивидуальная семантика некоторых русских имен, обозначающих персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», на основании учета лексической сочетаемости этих имен, вычисляется также коррелятивная связь между теми сопоставляемыми значениями имен, которые проявляются в предикативных конструкциях через сочетаемость с глаголами.

T.P. Slesareva
Vitebsk state University named after P.M. Masherov

COMBINING PERSONAL NAMES WITH VERBS IN LITERARY TEXTS (on the material of F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov")

Key words: *the anthroponym, artistic text, thematic group of verbs, semantic feature, lexical collocation, correlation.*

The article describes an individual the semantics of some Russian names, indicating the characters of the novel F.M. Dostoevsky "the Brothers Karamazov", on the basis of lexical compatibility of these names also calculated the correlation between the mapped values of names which occur in predicative constructions through composition with verbs.

В качестве названия героя имя собственное является доминантным словом художественного текста и реализует всевозможные качества носителей имени через сочетание с другими словами, в частности с глаголами в предикативных конструкциях.

На основании совпадающих семантических признаков разные глаголы можно сгруппировать в следующие тематические группы: глаголы состояния, глаголы мысли, глаголы речи, глаголы чувств, глаголы движения, глаголы разрушения, глаголы созидания, глаголы изменения состояния, глаголы контактирования и глаголы, обозначающие биологические процессы [2].

Данные тематические группы глаголов распределяются при сочетании с собственными именами лиц в зависимости от семантических особенностей последних, что может служить эмпирической опорой для интерпретации соответствующих характеристик персонажей.

Так из текста романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» нами выписано 14185 глаголоупотреблений, из которых 1343 встретилось в сочетании с именем *Федор Павлович*, 1232 – с именем *Смердяков*, 2574 – с именем *Иван*, 3484 – с именем *Алеша* и 5552 – с именем *Дмитрий*.

Произведения Достоевского – это романы чувств и идей. С ним в мировую литературу вошел особый способ активизации жизни, ориентирующийся в первую очередь на психологию героев, поэтому на первом месте в сочетании со всеми именами главных героев романа, кроме *Смердякова*, носитель которого оказался самым разговорчивым, стоят глаголы чувств. На фоне карамазовского сладострастия Смердяков выглядит символически бесплодным. Он ненавидит весь мир, он трус, безбожник, всегда готовый любого предать из страха за свою шкуру.

В романе Ф.М. Достоевского среди десяти самых частых глаголов чувств нами зафиксирован глагол *верить* (85 глаголоупотреблений или 3%). Это можно объяснить через черты характера тех героев, с именами которых сочетается этот глагол.

Самый «верующий» из героев романа Алеша. На долю глагола *верить* у него приходится 7,7% (50 словоупотреблений), и это не случайно, ведь Алеша уже в ранней юности обнаруживает стремление уйти из суетного мира, потому что земные страсти чужды ему. Он находит выход из страдания в радостном приятии «мира божьего» и единении со всем и всеми. Алексей – воплощение кротости, смирения и всепрощающей любви. В произведении имя этого героя неоднократно сближается с так называемым Алексеем, божьим человеком из «Жития святых». Этим «житийным» именем в романе называют Алексея Карамазова и ненавидящие, и любящие его. С завистью и ненавистью говорит о нем Ракитин: «Алешенька, божий человечек». И этим же именем с огромной любовью называет его Дмитрий Карамазов: «Алексей, божий ты человек. Я тебя больше всех люблю».

В 2 раза реже (3,6% или 23 словоупотребления) подобный глагол встретился в сочетании с именем *Иван Карамазов*. В переводе это имя означает «благодатный», «дар бога». И именно этот герой поднимает бунт против религии. Он не верит, что когда-нибудь наступит царство божие и люди, испытав множество страданий, простят друг друга и на земле установится всеобщее примирение и гармония.

Отец Алексея – Федор Павлович – антиклерикал и атеист, хотя бог приемлем для него в корыстных целях. Неудивительно, что с его именем глагол *верить* сочетался в 5 раз реже, чем с именем *Алеша* (1,4% или 4 словоупотребления). Несмотря на то, что в переводе с греческого имя *Федор* означает «божий дар», Карамазов-отец словно нарочно искушает, провоцирует и детей, и посторонних безобразием своего облика. Начиная с первой книги романа, Ф.М. Достоевский упорно именует Федора Павловича шутом. В качестве шута он изображен все время кривляющимся, подхихикивающим, глумящимся над нормально-нравственными человеческими чувствами и отношениями. Федор Павлович не терпел благообразия, порядка, уважения к людям и все взрывал своими вздорными и бессмысленными выходками. Поведение этого героя характеризуется такими глаголами, как *безобразничать, буянить, ломаться, кутить, дебоширить, пьянствовать, шутить, разыгрывать*.

Старший из братьев – Дмитрий – казалось, всегда верил в бога, но религия не мешала ему обижать слабых мира сего. В сочетании с его именем на долю данного глагола приходится лишь 0,7%.

В переводе с греческого имя *Дмитрий* означает «принадлежащий богине плодородия». Исповедуясь брату Алексею, Дмитрий цитирует стихи из стихотворения Шиллера «Элевзинский

праздник» иговорит: «И когда мне случалось погружаться в самый, в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Цецере и о человеке читал».

Латинская Цецера, греческая Деметра – богиня земного плодородия, мать-земля, и Дмитрий чувствует себя этой матери сыном, хотя порою и блудным. И Алексей его таким, земляным, воспринимает: «Тут земляная карамазовская сила, как отец Паисий намедни выразился, земляная и неистовая, необделанная».

Да, Дмитрий – человек необузданный, страстный. Сильно бурлит в нем стихия сладострастия, которая и надевает на Дмитрия непроницаемую для окружающих маску безобразных деяний. С его именем в тексте сочетаются такие глаголы, как *кутить* (1% или 10 словоупотреблений), *пьянствовать* (0,3% или 4 словоупотребления), *бушевать, куражиться, развратничать*. У остальных героев романа подобных глаголов не зафиксировано.

Как отмечали критики, для главных героев произведений Ф.М. Достоевского сперва «необходимо мысль разрешить» (1, 99–100). Но мы выделяем существенные колебания в сочетании отдельных собственных имен с глаголами мысли. Так у *Алексея Карамазова* слова этой темы находятся на втором месте, что и следовало ожидать от свойств носителя этого имени – самого «бестелесного» и духовного среди всех персонажей романа. Наименьшее количество отмеченных слов, как и можно было предположить, судя по характеру и поступкам героя, встретилось в сочетании с именем *Федор Павлович* (7,9%).

Имя *Дмитрий* находится по сочетаемости с данными глаголами рядом именем своего отца (8,6%). Почти совпадают по количеству сочетаний с глаголами мыслительной деятельности имена *Иван Карамазов* (11,4%) и *Смердяков* (11,9%), что вряд ли можно назвать случайностью.

Иван – мыслитель. Мир идей – это его мир, вне которого мы его и представить не можем. У него были блестящие способности, он успешно закончил образование в университете и уже успел обратить на себя внимание как начинающий ученый. Иван где-то в подсознании понимает, что одна лишь жажда жизни, без ответа на вопрос, для чего и для кого жить, может привести его на неверный путь.

Поэтому глаголы мысли в сочетании с именем *Иван* занимают четвертое место (11,4%).

Невозможность для Ивана, с его умом, решить, где правая, а где левая сторона, отчуждает его от людей. Иван не может понять, как можно любить своих ближних. Поэтому с его именем глаголов контактирования в романе встретилось 171 глаголоупотребление, а располагаются они на седьмом месте.

Смердяков в этом плане служит своеобразным отзвуком Ивана и является исполнителем его замысла.

М. Бахтин подчеркивает, что для произведений Ф.М. Достоевского характерна также «катастрофическая скорость действия», «динамика». Эта особенность, безусловно, должна проявляться в соответствующих действиях и перемещениях героев. Глаголы движения по абсолютной численности употреблений занимают в сочетании с основными собственными именами романа третье место – 1848 глаголоупотреблений, а вместе с близкими им по значению глаголами изменения состояния – 3392 употребления, что составляет почти 24% всех глаголов. Как и ожидалось, самым «подвижным» оказался *Дмитрий* – на группы глаголов в сочетании с данным именем приходится более 25% всех глаголоупотреблений. Наименьшее количество глаголов движения встречается в сочетании с именем *Федор Павлович* (около 9% всех словоупотреблений).

Слова таких малочастотных групп, как глаголы состояния, созидания и разрушения находятся в сочетании со всеми именами романа на последних позициях.

Дмитрий верил в бога и признавал нравственные правила, начиная с библейских десяти заповедей. Но религия и нравственность у него были сами по себе, а поведение – само по себе. Наибольшее количество глаголов разрушения (364 глаголоупотребления или 6,5%) встретилось в романе именно с его именем, хотя в совершенном преступлении Дмитрий не замешан. Глаголы разрушительного воздействия на объект стоят у *Дмитрия* на седьмом месте.

Опираясь на лингвистические данные, извлеченные из романа путем сплошной выборки, можно не только описать главных героев, но и установить связи между ними. Для этого группы

глаголов распределяются по рангам (местам в списках сравниваемых групп глаголов) и по формуле подсчитывается коэффициент ранговой корреляции между глаголами попарно сопоставляемых двух героев [4].

Как показывают данные, самая тесная связь наблюдается между *Иваном* и *Алексеем* (р = 0,94), *Смердяковым* и *Иваном* (р = 0,92). И это не случайно. Ведь Алеша и Смердяков являются своеобразными двойниками Ивана: Алеша воплощает его «доброе» начало, Смердяков – его «злое» начало.

Ивану дороги и близки мечты Алеши о человеческом счастье, об уничтожении человеческих страданий, о единении людей на основе любви друг к другу. Так глаголы чувства занимают у обоих героев первое место (635 глаголоупотреблений в сочетании с именем *Иван* и 647 – в сочетании с именем *Алексей*). Алеша чувствует, что жизнь не только внутри человека. Человек живет в объективном мире, он частица объективного бытия, и прежде всего человек среди других людей.

Субъективизм и эгоизм делают Ивана одиноким, а одиночество вселяет в него недоверие к другому человеку.

Но, несмотря на это, глаголы контактирования занимают одинаковую, седьмую, позицию как в сочетании с именем *Алексей* (224 глаголоупотребления или 6,4%), так и в сочетании с именем *Иван* (171 глаголоупотребление или 6,6%).

На восьмом месте у данных героев находятся глаголы состояния (на их долю приходится 6,5% в сочетании с именем *Иван* и 6,1% – с именем *Алексей.)*.

Но если Алеша за смирение, за веру в бога, за идею бессмертия, то его брат Иван против смирения – он бунтарь, против веры – он атеист, против идеи бессмертия – он материалист, знающий только земную жизнь. Эти убеждения приводят Ивана к цинизму, к мысли о том, что на этом свете «все позволено». Алеша не был расколот внутренними противоречиями, как Иван.

Так глаголы мысли в сочетании с именем *Иван* занимают четвертое место (296 глаголоупотреблений), а в сочетании с именем *Алексей* – второе (605 глаголоупотреблений), т.е. разница в две позиции.

Иван по изначальной природе своей добр. Но со временем он перестал видеть разницу между добром и злом. Однако, несмотря на то, что в сочетании с именем *Иван* на долю глаголов разрушительного воздействия на объект приходится 2,7%, а в сочетании с именем *Алексей* – 0,9% (т.е. в 3 раза меньше), разница между занимаемыми рангами всего одна позиция: у *Ивана* глаголы разрушения стоят на девятом месте, а у *Алексея* – на десятом.

Между рангами, занимаемыми остальными ЛСГ, разница тоже в одну позицию.

Проповедь Ивана нашла отклик в душе Смердякова, а сам Смердяков оказался исполнителем ивановских замыслов. Поэтому не случайно глаголы мысли у *Ивана* и *Смердякова* занимают четвертое место (на их долю в сочетании с именами данных героев приходится 11,4% и 11,9% соответственно). Совпадают по занимаемым рангам глаголы, обозначающие биологические процессы. Глаголы созидания занимают последнюю позицию.

Федор Павлович был женат два раза, однако, правильной семьи не создал. Дети были брошены им на произвол судьбы, воспитывались по чужим людям, в случайной и непрочной обстановке. Поэтому ни с одним из сыновей у *Федора Павловича* тесной связи не зафиксировано: между *Федором Павловичем* и *Алексеем* р =0,6, а между *Федором Павловичем* и *Иваном* р=0,71, между *Федором Павловичем к Дмитрием* р =0,73.

Несмотря на то, что у *Федора Павловича* и *Алексея* на одинаковых позициях находятся глаголы чувств (первое место), глаголы речи (третье место), глаголы, обозначающие биологические процессы (пятое место), глаголы созидания (девятое место) и глаголы разрушения (десятое место), для Федора Павловича не существует ничего на свете, что бы он не решился подвергнуть хуле и осквернению. А Алексея характеризует религиозное смирение и самоотверженная доброта, на редкость альтруистические мотивы поведения.

Отмечена большая разница между рангами, занимаемыми глаголами мысли, сочетающимися с именами этих героев. Так, у *Федора Павловича* глаголы этой ЛСГ находятся на восьмом месте (107 глаголоупотреблений или 7,9%), а у *Алексея* – на втором (605 глаголоупотреблений или 17,3%), т.е. разница в шесть позиций.

Четырьмя позициями различаются глаголы изменения состояния: в сочетании с именем *Фе-*

дор Павлович они занимают второе место (на их долю приходится 14%), а в сочетании с именем *Алексей* – шестое место (9,2%).

Таким образом, учет лексической сочетаемости имени в текстах дает возможность не только описывать его семантические свойства, но и характеризовать конкретными языковыми данными качества носителей этих имен, или героев художественных произведений.

Кроме того, учет лексической сочетаемости имен персонажей позволяет провести количественные измерения, указывающие на степень связи между теми сопоставляемыми значениями имен, которые проявляются через глагольные сочетания.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1979.
2. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола : Глаголы речи, звучания и поведения : Учеб. Пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : Башк. ун-т, 1981. – 71с.
3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы /Ф. М. Достоевский. – Мн., 1980. – 880 с.
4. Плотников, Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений / Б. А. Плотников. – Мн.,1979.

М.Ю. Федурко
Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка
e-mail: mfedurko@ukr.net

УДК 821.161.2’373.231

ВЛАСНЕ ІМ’Я В ДЕННИКУ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

Ключевые слова: *Тарас Шевченко, дневник, «Журнал», ономастикон, топонимы, антропонимы, мифонимы, библионимы, теонимы.*

В статье проанализированы онимы, встречающиеся в тексте дневника украинского поэта Тараса Шевченко «Журнал». Показано, что эти единицы становят важную составляющую лексикона автора. Охарактеризованы группы использованных им онимов (антропонимы, топонимы, мифонимы, библионимы, теонимы), описаны способы их введения в текст. Установлены функции разных групп онимов в анализированном художественном произведении – номинативно-идентификационно-дифференцирующая и стилистическая, выявлены факторы такой функциональной спецификации. Подтверждена существенная роль имени собственного в репрезентации Т. Шевченко как интеллигентной, духовно богатой личности.

M.Ju. Fedurko
Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University

THE PROPER NAME IN A DIARY OF TARAS SHEVCHENKO

Key words: *Taras Shevchenko, diary, "Journal", onomasticon, toponyms, anthroponyms, mifonyms, biblionyms, theonyms.*

In the article analyzes onims in the text diary of Ukrainian poet Taras Shevchenko "Journal." It is shown that these units are becoming an important component of the lexicon of the author. Described groups used them onims (anthroponyms, toponyms, mifonims, biblionims, theonyms), describes methods of their introduction into the text. Installed functions of different groups onims to analyze a work of art – nominative-identification differentiating and stylistic, identified factors such functional specification. It reaffirmed the important role of proper name in the representation of Shevchenko as the intelligent, spiritually rich personality.

2014 світове українство святкувало знаменну дату – 200-ліття від дня народження Тараса Шевченка. Знаменну, бо в його історії ця постать важить чи не найбільше. Це вичерпно засвідчив у своєму слові про поета Михайло Грушевський: «Ні одне ім’я в нашій довговіковій, повній бага-

того змісту традиції не панує так абсолютно, так нероздільно і повно над нашими симпатіями, не тішиться такою безмежною любов'ю, свобідною від усяких застережень і обмежень, як се благородне ім'я великого співця великого горя українського люду і його великих надій. Ні одне ім'я не в'яже нас в одну національну цілість, як воно» [1, 198].

Селянська дитина, кріпак, хоч і козацького роду, пана Енгельгардта, сирота убогий, якому, здавалося б, судилися вічні найми, наш Тарас Провидінням Божим був піднятий на висоту пророка і світоча, що не дає змиритися з рабством, горить і кличе до змагу за волю, вказує народові своєму «шлях великих націй» [2, 205].

Доля не була ласкавою до нього: із 47 років життя лише 13 відносної свободи. А то: 24 роки рабства в кріпаччині, 10 років солдатської каторги. Але ні ті перші 24, ні останні 10 не змогли зламали його бунтарського духу, виплеканого козацькими піснями та оповідями діда-гайдамаки. Невже таке можливе? Що тримало нашого поета на силі? Відповідь на ці питання криється, на наш погляд, у таких рядках письменника Павла Загребельного: «Шевченко в історії свого народу був інтелігентом більшим за Ярослава Мудрого, Хмельницького й Сковороду» [3, 14]. Те, що Тарас Шевченко був великим інтелігентом, тобто людиною знаючою, знаною і шляхетною, хочемо потвердити, скориставшись ономастиконом одного з російськомовних творів поета – ономастиконом «Щоденника», або, за назвою його творця, – «Журналу».

На сьогодні доведено, що і в мові, і в мовленні власне ім'я є вагомим складником словника. Про його природу сперечаються дослідники віддавна, висловлюючи нерідко кардинально протилежні думки [6; 11; 12; 13]. Проте для нашої розвідки актуальніші ті праці, що розглядають особливості функціонування й роль власного імені в художньому тексті [4; 9; 12]. Їхні автори єдині в думці, що оніми слугують з'єднувальною ланкою між автором, текстом та позатекстовою реальністю і є невід'ємним складником індивідуально-авторської картини світу, пор. з думкою П. Флоренського: ім'я – найтонша плоть, за допомогою якої оприявлюється духовна сутність [13, 201].

Денник Тараса Шевченка, попри зацікавленість ним і літературознавців [8; 10], і мовознавців [5], ще таїть в собі чимало дослідницьких загадок, декодування яких допоможе з'ясувати його роль і місце не лише в творчості Кобзаря, а й у історії української літератури [5, 177]. До таких ще не вповні вивчених належить проблема власного імені в Тарасовому деннику, хоч до неї дослідники частково вже зверталися. Скажімо, Н. Момот виявила вжиті Шевченком антропоніми, згрупувала їх за соціальною ознакою (письменники, художники, скульптори, архітектори, композитори, урядовці, декабристи) й відповідно описала [8, 6]. Т. Космеда особливо закцентувала на прагматичному ореолі власної назви і під таким поглядом проаналізувала концепти *русский город, Москва, Петербург, Україна, Володимир Даль* [5, 253–287]. Проте ономастикон «Щоденника» як феномен, що засвідчує ерудицію автора, його інтелектуальні, морально-етичні, естетичні, культурологічні спромоги й устремління, ще не розглядався. Власне це й засвідчує актуальність нашої розвідки.

Тарас Шевченко вів свій денник (його автор іменував по-різному: дневник, памятная книга, хроника, верная хроника, правдивые сказания, записная тетрадь) упродовж майже року: перший запис зроблено 12 червня 1957 року, останній регулярний – 20 травня. У першому записі «Журналу» йдеться про, здавалось би, цілком прозаїчну подію: Тарас Шевченко, обрізаючи зошит для записів, зламав складаний ніж. Проте це був непростий для поета час: від друзів він отримав звістку про звільнення – і почався тривожний період очікування офіційного документа, а далі – тривала зупинка в Нижньому Новгороді через «непорозуміння» щодо дозволу жити в Петербурзі, затримка в Москві через хворобу й насамкінець – перші місяці насолоди свободою й увагою друзів після довгої вимушеної розлуки.

Денник (щоденник) – особливий літературний жанр, такою мірою, що дослідники часом вагаються в його «літературності» [10, 66]. Будучи текстом вторинним, створеним унаслідок інтимізованої індивідуальної діяльності з інформативно-фатичною метою й нерегламентованим чи регламентованим частково, він відзначається своєрідністю й стосовно уживання/функціонування в ньому власних імен: наявність вторинних (створених автором) онімів не є його визначальною прикметою, як і стилістична функція не є їхньою гіперфункцією. Домінує все

таки функція номінативно-ідентифікаційно-диференційна: люди, з якими зустрічався/знайомився/ у яких шукав підтримки/яким допомагав/на яких рівнявся/ яких осуджував у період написання щоденника, місця, у яких бував, книги, які читав, вистави, які дивився, – усе це вимагало найменування/ототожнення, тому оніми становлять суттєвий відсоток лексикону «Журналу».

У тексті щоденника вражає насамперед багатство **антропонімів**. Це прізвища чи імена і прізвища, а часом по батькові друзів (*Михайло Лазаревский, Бр. Залесский, Кухаренко, Н.И. Костомаров, Кулиш, Семен Гулак-Артемовский, Бюрно, Герн, Михайло Семенович Щепкин, О[сип] М[аксимович] Бодянский, Аксаков)* товаришів по нещастю (поляки *Мостовский, Фиалковский,* земляк *Андрий Обеременко, В.М. Белозерский,*), людей, які толерували поетові (графиня *Настасия Ивановна Толстая,* граф *Федор Петрович Толстой,* к[няжна] *Варвара Николаевна Репнина*) чи з якими щойно завів дружбу (*Улыбашев, капитан Петрович, Дмитрий Егорович Мин*), письменників (*Байрон, Беранже, Марко Вовчок, Дант, Гете, Гоголь, Пушкин, Островский, Салтыков, Лев Толстой, Ф. Тютчев*), композиторів (*Мейербер, Бетговен, Доницетти, Шопен, М.И. Глинка*), художників (*Карл Брюллов, Гюден, Гогарт, Гварчино, Иванов, Брюно*), відомих учених (геолог *Роде*, математик *М.В. Остроградский*, природознавець *Гумбольдт,* історики *Г. Попов* і *Соловйов*, економіст *Николай Тургенев,* подорожник *Петр Егорович Ковалевский*), акторів (*Татаринов, Климовский, Пиунова*,) виконавців (*Антоний Кон[т]ский*), керівників, урядовців (генерал-губернатор *Катенин,* губернатор *Н.А. Муравьев,* комендант *Ираклий Александрович Усков*), історичних постатей – імператорів, царів, гетьманів, бунтівників (*Августин, Юлий Цезарь, Богдан Хмельницкий, Николай, Сенька Разин).* Не всім симпатизує Шевченко, він особливо критичний в оцінках тих, хто не дбає про всезагальне благо, не завжди чесний у своїх вчинках, пор.: *Я благоговею перед* ***Салтыковым***. *О* ***Гоголь****, наш бессмертный* ***Гоголь****! Какою радостию возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих* [14, 117] и *Он извиняется рассеянность[ю] и делами. Чем хочешь извиняйся, а все-таки ты сухой немец и большой руки дрянь* (це про Даля) [14, 159]. Беззастережно жорсткий Шевченко в оцінці російських царів, передусім Миколи І; його він незмінно називає *Тормозом*, а Івана Грозного – *Іваном Лютим*.

У тому, що Тарас Шевченко глибоко знав літературу й мистецтво, виявляв жвавий інтерес до найважливіших відкриттів у тогочасній науці, переконують нас численні **ідеоніми** – назви художніх, публіцистичних і наукових творів *(«Пророк», «Дон Жуан», «Впечатление после боя», «Гугеноты», «Каменный гость», «Дочь второго полка», «Детство Багрова внука», «О времени происхождения славянских письмен», «Космос»*); театральних постановок, вистав *(«Станционный смотритель», «Дообеденный сон», «Парижские нищие», «Фауст», «Бронзовый конь», «Вильгельм Телль», «Жизнь за царя», «Королева Варвара Радзивилл»*); художніх полотен: «*Мария Магдалина», «Иоанн Креститель*»,

Не поступаються активністю антропонімам і ідеонімам також **топоніми**. Вони репрезентують той світ, у якому жив поет, який спостерігав, осягав і відтворював. Серед них виділяємо **хороніми** *(Германия, Крым, Україна, Малороссия, Восток, Персия, Мангишлак, Кос-Арал, Киевская губернія; Флорентийская республика, Южный полюс*); **гідроніми** *(Волга, Каспийское море, Аральское море, Сыр-Дарья, Урал, Днепр, Дон, Кутум, Хорол)*; **ойконіми** *(Астрахань, Гурьев, Казань, Мадрид, Москва, Нижний Новгород, Оренбург, Петербург, Рим, Самара, Симбирск, Уральск,)*; **урбаноніми** *(Гостиный двор, Московская улица, башня Сумбеки, церковь Покрова, Сенная площадь, Козиха, Мещанские и Подьяческие улицы, Кремль, храм Спаса, Эрмитаж, Летний сад)*; **ергоніми** *(«Меркурий», Академия, Дерптский университет, Петербургский университет)*. Домінують найменування тих локусів (бо ж трапляються лише пригадувані – у сні: *Видел во сне* ***Межигорского Спаса, Дзвонковую Криницю*** *и потом* ***Выдубецкий монастир*** [14, 18] чи в зв'язку з певними обставинами: *думал проехать через* ***Крым, Харьков, Полтаву, Киев в Минск, Несвиж*** *и, наконец, в село* ***Чирковичи****…* [14, 14]), через які проїжджав Шевченко дорогою з заслання в Петербург. Серед тих місць і міст трапляються різні: великі й не дуже, багаті на історичні пам'ятки і ні. У контексті нашого аналізу важливі не так вони, як ті оцінки, які дає їм Тарас Шевченко. Щодо природних об'єктів (річок), то письменник загалом милується ними, на що вказують вжиті при їхніх номенах прикметники-епітети, скажімо: *благочестивий Урал, свя-*

тый Днепр, славный тихий Дон. Інша річ міста, через які пролягав шлях Шевченка: *Астрахань, Самара, Казань, Нижній Новгород* тощо. Ставлення до них у Кобзаря не таке рівне, точніше, негативне. Ось пароплав дійшов Астрахані. Наш поет очікував зустрічі з нею, сподівався, що вона здивує його, бо ж знав про її унікальне розташування. Астрахань вразила, але цілком іншим – невпорядкованістю, пор.: *Мне представлялась Венеция времен дожей, а оказалось – гора мышь родила; А проток Волги, окружающий Астрахань и сообщающий ее с Каспийским морем, глубиной и шириной Босфору не уступит. Но проток этот омывает не Золотой Рог, но огромную кучу вонючего навоза* [14, 66]. Або ж про Самару: *Ровный, гладкий, набеленный, нафабренный, до тошноты однообразный город; Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан! И нет порядочного трактира. О Русь!* [14, 95]

Наведені мікротексти демонструють, що Т. Шевченко в своїх описах вдається до прийому контрастного порівняння – прямого (*Босфору не уступит, омывает не Золотой Рог)* й метафоричного (перифраз *приволжский Новый Орлеан)* із використанням прецедентних імен *(Босфор, Золотий Ріг, Новий Орлеан)*. Такі оніми підтверджують широту ерудиції поета, його обізнаність із світовою історією, географією, політикою, розвинуте вміння схвалити, позитивно оцінити те, що є набутком людства, поповнює його культурну скарбницю (див., для прикладу: *Гостиный двор, несмотря на массу, здание легкое и даже грациозное, здание во вкусе* ***Гваренги*** [14, 77] – це теж про Астрахань) й покритикувати те, що заслуговує осуду, скажімо: *Храм* ***Спаса*** *вообще, а главный купол в особенности безобразен. Крайне неудачное произведение. Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилася напоказ среди белокаменной* [14, 165].

Тарас Шевченко прекрасно знав не лише європейську історію (у записі про Астрахань він згадує не просто Венецію як місто на воді, а Венецію в період її розквіту, тобто в часи, коли Венеційською республікою правили дожі; див. також запис від 19.06, у якому згадано доісторичні часи: *Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему писать и рисовать* [14, 19]), а й античну міфологію: **міфоніми** – імена давньогрецьких і давньоримських богів, героїв, муз, подій і місць, з ними пов'язаних, він вправно вплітає в свої записи, то для надання описові гумористичного забарвлення, то для увиразнення якоїсь події чи постаті, пор.: *О ветер, ветер, если бы ты мог сочувствовать моему неусыпному горю … сегодня я бы уже сидел с карандашом в руке на палубе аргонавто[м] татарского корабля, идущего к берегам* ***Колхиды****, т. е. к Астрахани* [14, 55]; *… я задремал и на крыльях волшебника Морфея [перелетел] в Орскую крепость…*[14, 61]; *Баталионный командир, подобно тучегонителю* ***Крониону****, грядет на тебя во облаце мрачне …* [14, 21]; *А наш почтенный* ***Гиппократ*** [лікар Нікольський – М.Ф.], *несмотря на зной и холод, целые часы просиживает у калитки и любуется унижением себе подобного* [14, 19]; *друг его* [полковник Киреєвський – М.Ф.] *отправился на пароходе* ***Харона*** *прогуляться в Елисейском парке* [14, 23]; *вступил … в скромный кружок поклонников* ***Мельпомены*** *…*[14, 34]; *суровые сыны* ***Беллоны*** [14, 54]; *невозмутимо летущего старика* ***Сатурна*** *…*[14, 22].

Аналіз онімів у деннику Шевченка не можна вважати повним, якщо в ньому не згадано **теонімів**. Важко стверджувати, що це активні одиниці ономастикону аналізованого твору, однак вони особливо виразні. Найчастіше звертається Шевченко до Бога, пор.: *Господь, Бог, Всемогущий и Премилосердый Господь, Милосердый Господь, Бог Всемогущий, Всемогущий Человеколюбец, Податель добра и красоты*. Згадувано й Діву Марію: *Пресвятая Матерь Всех Скорбящих.*

Отже, у деннику Тараса Шевченка власні імена вирізняються частотністю й допомагають читачеві змоделювати образ його автора – людини освіченої, ерудованої і духовно багатої.

Література

1. Грушевський, М. Слово в сорок восьмі роковини смерти Шевченка : на Шевченковому святі у Львові, дня 2. березня 1909 р. / М. Грушевський // Грушевський М. Вибрані праці: видано з нагоди 25-річчя з дня його смерти (1934–1959). – Нью-Йорк, 1960. – 2643 с.

2. Донцов, Д. Незримі скрижалі Кобзаря / Д. Донцов. – Стрий, 2008. – 230 с.

3. Загребельний, П. Три долі. Шевченко / Павло Загребельний // Шевченкіана. – К. : Український пріоритет, 2011. – С. 12–22.

4. Карпенко, Ю. А. О семантике собственных имен / Ю. А. Карпенко // Актуальные проблемы лексикологи : тезисы докладов и сообщений Всесоюз. науч. конф., Минск, 17–20 июля 1970 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : Изд-во БГУ, 1970. – С. 89.

5. Космеда, Т. А. Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу : монографія / Т. А. Космеда. – Дрогобич : Коло, 2012. – 272 с.

6. Критенко, А. П. До теорії власних назв / А. Критенко // Ономастика. – К., 1966. – С. 16–26.

7. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 251–288.

8. Момот, Н. М. Щоденник Т. Шевченка як творчо-психологічний та жанровий феномен : автореф. дис. … канд. філол. Наук : 10.01.01 / Н. М. Момот; Кіровоградський педаг. ун-т. – Кіровоград, 2006. – 18 с.

9. Николаева, Т. М. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) / Т. М. Николаева // Имя : внутренняя структура, семакнтическая аура, контекст : тезисы междунар. науч. конф., Москва, 30 января–2 февраля 2001 г. : в 2 ч. / Ин-т славяноведения ; редкол.: Т. М. Николаева (пред.) [и др.]. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 188–192.

10. Рубчак, Б. Живописний Шевченко «Журнал» як текст / Б. Рубчак // Світи Тараса Шевченка : зб. ст. до 175-річчя з дня народження поета / ЗНТШ : Філологічна секція. – Т. 214. – Нью-Йорк, 1991. – 654–90.

11. Толстой, Н. И. Еще раз о семантике имени собственного / Н. И. Толстой // Актуальные проблемы лексикологии : тезисы докл. и сообщ. Всесоюзн. науч. конф., Минск, 17–20 июня 1970 г. – Минск : Изд-во БГУ, 1970. – С. 200–201.

12. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103, [1] с.

13. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский // Опыты : Литературно-философский ежегодник. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 351–412.

14. Шевченко, Т. Зібрання творів : У 6 т. / Тарас Шевченко. – К., 2003. – Т. 5. – С. 9–187.

М.Г. Цинкобурова
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
e-mail: maschek@mail.ru

УДК 81’33:82.311.9.Ефремов

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА И.А. ЕФРЕМОВА «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»

Ключевые слова: *И.А. Ефремов, Туманность Андромеды, названия географических объектов, Час Быка.*

В статье проводится анализ топонимов, упоминаемых в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды». По мнению автора, выбор названия места действия у И.А. Ефремова не случаен, а носит дополнительную смысловую и символическую нагрузку и является изобразительно-выразительным средством языка писателя.

M. Tsinkoburova
National Mineral Resources University (Mining University)

THE TOPONYMIC SPACE IN THE NOVEL OF EFREMOV "ANDROMEDA: A SPACE-AGE TALE"

Key words: *Efremov, Andromeda: A Space-Age Tale, names of geographical objects, The Bull's Hour.*

The article shows an analysis of toponyms taken from the novel of Efremov "Andromeda: A Space-Age Tale". By author's opinion, the Efremov’s choice of the scene of action was not a random one. The scene of action carries additional semantic and symbolic meanings and appears as the figurative-expressive means of writer's language.

«В литературу приходят по-разному... Я пришел сюда от науки – научных проблем, гипотез, которые волновали меня. ...бывает и так, что для доказательства недостает фактов, и вы не можете четко обозначить весь путь, весь ход вашей мысли. В таком случае остается только отложить свою гипотезу "в долгий ящик" в надежде, что когда-нибудь будут найдены, наконец, недостающие факты...»

И. Ефремов «На пути к роману
"Туманность Андромеды"»

По собственному признанию фантастика, как и вся художественная литература, давали Ефремову возможность уйти из жестких рамок науки в свободное пространство фантазий в любых, даже не рассматриваемых официальной наукой областях. Именно этим и объясняются его уникальные «научные предсказания» в «Рассказах о необыкновенном», отражающих «*те проблемы и гипотезы, которые занимали, волновали*» ученого. Одной из побудительных причин вызвавших уход Ефремова в космическую фантастику было «*отчетливое и настойчивое желание дать свою концепцию, свое художественное изображение будущего*». Таким образом, в романах И.А. Ефремова причудливым образом переплетаются особенности геологических работ, для которых крайне важна конкретная географическая привязка и характеристика описываемого явления, процесса, события, и фантастическая составляющая, что вместе придает романам большую реалистичность. В фантастических романах Ефремова часто фигурируют не конкретные географические объекты, а абстрактные, возникшие «*на стыке каких-то зрительных ассоциаций и научных данных*» [6]. Так по собственному признанию писателя [6], описывая погибшую от повышенной радиации планету Зирда, И.А. Ефремов видел перед собой «черный панцирь» Гоби, ассоциировавшийся у него с «*царством смерти*».

В романе «Час Быка» достаточно подробно описывается путь к плоскогорью Реват, с которого стартовала экспедиция на несчастную планету Торманс. *«Место отправления ЗПЛ «Темное Пламя» выбрали так, чтобы его могло проводить наибольшее количество людей. Степная равнина в кольце низких холмов на плоскогорье Реват в Индии оказалась в этом смысле идеальной...»* [1]. Подобное название неоднократно встречается на географических картах. Так называется перевал в Фанских горах (юго-запад Памира) и река в Башкирии, однако не то, что плоскогорья Реват, но даже и местности с подобным названием на карте Индии нет. Почему же путешественник Иван Ефремов описал несуществующее плоскогорье? Вероятно, надуманность даже пункта отправки экспедиции должна была подчеркнуть вымышленность сюжета. Подробные географические несоответствия встречаются в фантастических романах Ефремова неоднократно.

В романе «Туманность Андромеды» географическая погрешность была вызвана особенностями советской идеологии того времени. Достаточно подробно автор описывает место подводных раскопок, которые проводит Веда Конг: *«...теперь мы ведем работы на побережьях восточного Средиземноморья, Красного моря и у берегов Индии. Поиски сохранившихся под водой сокровищ культуры, начиная с Крито-Индии и кончая наступлением Темных веков...»* [2]. Но потом, после обнаружения могилы древнего поэта, совершенно очевидным становится местоположение базы археологов: побережье не Средиземного, а Черного моря, Крым, а тот древний поэт «*Эры Разобщенных миров*» – любимый Ефремовым Максимилиан Волошин:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли!..

В то время, когда вышел в свет роман (1957 г.) имя замечательного русского поэта было практически вычеркнуто советской цензурой из русской литературы (с 1928 по 1961 года в СССР не было опубликовано ни одного стихотворения М. Волошина).

Таким образом, для геолога, палеонтолога Ивана Ефремова упоминанию тех или иных географических объектов придается особое, авторское значение. Описание места действия становится еще одним изобразительно-выразительным средством языка писателя. Это отчетливо проявляется при описании острова отверженных или отвергших рай Большого Мира – острова Забвения. «*Глиссер пересекал Палкский пролив при сильном встречном ветре, прыжками преодолевая гряды плоских волн. Еще тысячу лет назад здесь проходила гряда отмелей и коралловых рифов, называвшаяся Адамовым Мостом...*» [2]. Палкский (Полкский) пролив – самая северная и узкая часть пролива, отделяющего остров Шри-Ланка (Цейлон) от юго-восточного берега Индостана. Адамов Мост – цепь отмелей и небольших коралловых островов между полуостровом Индостан и островом Цейлон, маленьких фрагментов некогда гигантского суперматерика Гондваны. В недавнем геологическом прошлом в районе Адамова моста существовал перешеек, соединявший остров с материком. После катастрофического землетрясения и последующего за ним цунами (конец XV века) перешеек был разрушен и приобрел близкий к современному вид. Длина «моста» около 30 ***км.*** Наибольшая глубина между островами около 1,5 м. **Парадокс некогда имевшейся сухопутной связи Цейлона и Индии пыталась объяснять индийская мифология. Перешеек – мост рассматривался как рукотворное произведение, сооруженное по приказу императора Рамы. Однозначно под островом Забвения следует понимать остров Шри-Ланка («благословленная земля» – санскрит.). Куполовидная гора, высочайшая вершина острова Забвения это гора Пидуруталагала:** «*...Африканец был принят в общину скотоводов в центре острова и уже два месяца пас стадо огромных гауробуйволов у подножия громадной горы с нелепо длинным названием на языке народа, в древности населявшего остров...*» [2]. **Возвышаясь на 2524 м над уровнем моря, этот древний гранитогнейсовый купол действительно имеет характерную форму.**

Помня о скрупулезности Ефремова – ученого, не позволяющей явно выдуманным событиям происходить в реально существующих местах, не означают ли указания на конкретные географические объекты некий тайный географический символизм, с помощью которого писатель хотел передать еще одну идею? По мусульманским легендам по отмелям пролива изгнанный из рая за вкушение запретного плода Адам бежал на остров Шри-Ланка [3]**. Так и тысячелетия спустя Мвен Мас, также нарушивший запрет, будет плыть к острову Забвения. Здесь прослеживается явная параллель Ефремова между раем первозданным и раем фантастическим: «***Этот громадный остров, окруженный теплым океаном, был природным раем. Рай в примитивных, религиозных представлениях человека – счастливое посмертное убежище, без забот и труда. И остров Забвения тоже был убежищем для тех, кого не увлекала уже напряженная деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми...*» [2].

Среди непривычных для человека цивилизованного мира тягот острова Забвения герою приходиться испытать схватку с дикими зверями – тиграми. Однако эти опасные хищники не обитают на острове Шри-Ланка. Почему же их поселил туда писатель, прекрасно знающий особенности расселения не только современной, но и ископаемой фауны? Краткость описания встречи Мвена Маса с тиграми подчеркивает символичность сцены, необходимой не столько для усиления драматичности повествования, сколько для передачи еще одной завуалированной мысли автора. В Европе тигры становятся известны после походов Александра Македонского, достаточно быстро тигры вместе с леопардами изображаются как атрибуты бога виноделия Диониса и бога ветра Зефира и символизирует, тем самым, дикие, необузданные силы природы. **В культурах Азии и Индии тигр – символ сокрушительной мощи бога, божественного и звериного начала, зла и победы добра, жизни и смерти** [5].

Короткая, но такая символичная сцена – встреча одного из героев с опасными хищниками является ключевым моментом романа. Еще один «нарушитель заповедей» эгоистичный, жестокий Бет Лон неожиданно приходит на помощь в этой схватке: «*– Я с тобой, товарищ! Высокая тень метнулась на поляну из тьмы склона, угрожающе поднимая корявый сук. Изумленный Мвен Мас на секунду забыл о тиграх, узнав математика. Бет Лон, почти бездыханный от бешеной гонки, встал рядом с Мвеном Масом, ловя воздух раскрытым ртом. Громадные кошки, отпрянувшие сначала назад, опять начали неумолимо придвигаться. Тигр слева был уже в*

тридцати шагах. Вот он подтянул под себя задние лапы, готовясь прыгнуть...» [2]. В момент опасности при столкновении с дикими силами природы происходит окончательное переосмысление учеными своих проступков, в **результате назад, к людям возвращается не один, а двое «отверженных» героев.**

Теологические мотивы в романе Ефремова вызывают естественный вопрос: «А кто же бог этого нового мира Эры Великого Кольца? Естественно предположить, что Бог, Создатель Мира – сам человек, *Homo sapiens efremovi*, формирующий не только мир вокруг себя, но и себя самого. Нет, человек разумный у Ефремова это закономерный виток, а не конечная ступень эволюции, как и все во Вселенной подчиненное логике общих законов развития. И эту мысль писатель настойчиво проводит в повестях, которые сам Ефремов оценил как «продолжение «Туманности Андромеды» – «Звездные корабли» и «Сердце Змеи». Идея вселенской гармонии и некоторой предопределенности процесса развития появляется еще в трудах античных ученых. И тогда же «мудрейший из мудрых» Протагор навеки отметает всю бессмысленность последующих споров науки и религии: *«О богах не могу знать ни то, что они есть, ни то, что их нет. Ибо многое мешает знать это – неясность предмета и краткость человеческой жизни..»* [4]. Так и спустя столетия писатель – ученый Иван Ефремов только легкими мазками – символами обозначает контур главнейших философских и исторических проблем человечества. Возможно, это недосказанность вызвана тем, что «*...вопрос о существовании Бога вне области науки*» (Бидл). Как бы то ни было, «*Ученый – это не тот, кто дает правильные ответы, а тот, кто ставит правильные вопросы*» (Клод Левистросс), так и Ученый, Писатель, Человек Иван Ефремов в своих романах ставит перед нами – читателями вопросы, осмысление которых потребует не одной Эры.

Литература

1. Ефремов, И. А. Час Быка / И. А. Ефремов. – М. : Дружба народов, 1994. – 430 с.
2. Ефремов, И. А. Туманность Андромеды / И. А. Ефремов. – М. : АСТ, 2004. –477 с.
3. Ибрагим, Т. К., Ефремова, Н. В. Мусульманская священная история. От Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках Божиих / Т. К. Ибрагимов, Н. В. Ефремова. – М. : Ладомир, 1996. – 392 с.
4. Лункевич, В. В. От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии / В. В. Лункевич. – М. : Учпедгиз, 1960. – Т. 1. – 479 с.
5. Соколова, З. П., Культ животных в религиях / З. П. Соколова. – М., 1972. – 214 с
6. Ефремов, И. А. На пути к роману “Туманность Андромеды” / И. А. Ефремов // Вопросы литературы. – 1961. – № 2 – С. 142–153.

О.В. Шеверинова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: olsheverinova@yandex.ru

УДК [81.161.1+811.112.2]-112

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. АСТАФЬЕВА И Г. БЁЛЛЯ

Ключевые слова: *прецедентное имя, языковая картина мира, социокультурные сферы-источники, национальный характер.*

Статья посвящена специфики репрезентации национального социокультурного пространства в художественных дискурсах. Рассмотрены прецедентные имена как основные элементы когнитивной базы лингвокультурных сообществ русских и немцев. Установлены доминирующие сферы-источники прецедентности. Выявлены особенности моделирования и концептуализации картин мира.

O.V. Sheverinova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

FUNCTIONAL AND SEMANTIC PRECEDENTIAL SEGMENT OF ONOMASTICAL SPACE IN WORKS BY V.P. ASTAFJEV AND H. BÖLL

Key words: *precedential names, linguistic picture of the world, social and cultural spheres, national character.*

The article is devoted to the specificity of representation of national social and cultural space in literary discourse. Precedential personal names as the basic elements of cognitive sphere of linguistic and cultural societies of the Russians and Germans are defined. The leading spheres of precedential phenomena are revealed. The peculiarities of modeling and conceptualizing the pictures of the world are studied.

Художественный текст представляет собой коммуникативную единицу высшего уровня, обладающую познавательной направленностью, набором мотивов и коммуникативных целей, подчиняющихся намерению автора, который выступает субъектом воплощения информации, интерпретирует ее в соответствии со своими культурологическими и мировоззренческими интенциями, в силу чего текст приобретает огромный когнитивный потенциал. Иными словами, текст художественного произведения выступает одним из источников накопления знаний об окружающей действительности в определенный исторический период и способов ретрансляции культурного и языкового опыта конкретного этносоциума.

Ярким маркером специфики национального характера в художественном тексте выступает конструируемое автором ономастическое пространство, в котором наряду с именованиями героев произведения функционируют также прецедентные имена, являющиеся ядерными компонентами когнитивной базы лингвокультурного сообщества. Д.Б. Гудков отмечает, что такие имена играют ведущую роль в формировании национального языкового сознания, определяют шкалу ценностей и модели поведения его членов [1, 142]. По мнению Е.А. Нахимовой, прецедентные имена репрезентируют прецедентные концепты, которые используются для представления, категоризации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов [2, 4]. Таким образом, обобщенно-системное представление прецедентных имен, используемых автором в художественном пространстве, позволяет, на наш взгляд, конструировать лингвокультурное пространство той или иной общности, в котором реализованы существующие или ирреальные социокультурные объекты. При этом компаративный анализ данного функционально-семантического сегмента ономастического пространства произведений двух авторов дает возможность выявить общее и специфическое в репрезентации культурного фона тех общностей, представителями которых они выступают.

Целью нашей статьи является установление специфики репрезентации национального социокультурного пространства в художественном дискурсе разных лингвокультур.

Предметом исследования выступают прецедентные имена, функционирующие в произведениях В.П. Астафьева и Г. Бёлля как крупных представителей русскоязычного и немецкоязычного литературного процесса вт. пол. XX в.

Прецедентный функционально-семантический сегмент ономастического пространства исследуемых произведений В.П. Астафьева и Г. Бёлля представлен **175** и **161** номинативной единицей соответственно.

Источниками социокультурного пространства, сформированного прецедентными единицами и реализованного в художественных произведениях В.П. Астафьева, выступают **4** сферы: «Наука», «Религия», «Искусство», «История», которые тематически тождественны **4-м** социально-культурным сферам-источникам, выявленным при анализе прецедентных единиц, используемых Г. Бёллем.

При сопоставлении сфер-источников прецедентности, используемых авторами, по количественному параметру, была установлена относительная квантитативная релевантность единиц,

входящих в сферу-источник «Наука» (**7 %** – в произведениях В.П. Астафьева и **8 %** в произведениях Г. Бёлля). При этом в данной сфере устанавливается общность представленности таких областей научного знания, как философской (*Карл Маркс, Лассаль, Ницше; Hegel, Herodot, Kierkegaard* и др.) и теологической (*Блаженный Августин; Bonaventura, Cusanus, Newman, Thomas von Aquin*), что отражает специфику литературного процесса вт. пол. XX в., для которого характерна комплексность философско-эстетических и социолого-культурологических проблем.

Разную количественную наполняемость имели следующие сферы-источники: «Искусство» (**53 %** – в произведениях В.П. Астафьева и **38 %** в произведениях Г. Бёлля), «История» (**29%** и **15%** соответственно), «Религия» (**11 %** и **39 %**).

Максимальный дисбаланс в соотношении прецедентных единиц в рамках одного социокультурного источника наблюдается в сфере-источнике «Религия». Самой многочисленной является совокупность прецедентных имен религиозного происхождения, функционирующих в ономастическом пространстве художественных произведений Г. Бёлля. Отметим также, что подгруппа прецедентных онимов «именования библейских персонажей», составляющая **50 %** от общего количества всех единиц сферы-источника «Религия», отсутствует в ономастическом корпусе, используемом В.П. Астафьевым. Установленные различия в рассматриваемом корпусе прецедентных имен связаны, на наш взгляд, с концептуально-тематической направленностью художественных произведений двух авторов и аксиологическими различиями двух этнокультур. Так, с одной стороны, религиозность мировоззрения немецкого этносоциума и сформировавшаяся соответствующая этическая позиция Г. Бёлля проецируются на его творчество и реализуются в рамках сюжетной канвы произведений, которая отражает конфликт социальных, религиозных и абсолютных ценностей (см. работы Г. Вирта (G. Wirth) [6], М. Нилена (M. Nielen) [5], Г. Юргенберинга (H. Jürgenbehring) [4] и др.). С другой стороны, государственные идеологические доктрины, существовавшие в России и характеризовавшиеся ярко выраженной атеистической направленностью, обусловили ограниченную представленность религиозного содержания в художественной русскоязычной литературе.

Прецедентные имена, соотносящиеся со сферами-источниками «Искусство» и «История», репрезентированы в художественных текстах Г. Бёлля в меньшей степени, в то время как в произведениях В.П. Астафьева они занимают приоритетные позиции.

Прецедентные онимы из области искусства в произведениях В.П. Астафьева представлены наряду с национально-прецедентными именами (например, имена сказочных и литературных персонажей, героев фильмов – *Александр Яшин, Алёнушка, Коленька Иртеньев, Кощей Бессмертный, Мустафа* и др.) также именами представителей искусства, имеющих широкую известность и входящих в культурный фонд человечества: *Бах, Бетховен, Гейне, Гете, Данте, Рубенс, Шопен* и др.

Прецедентные имена, функционирующие в ономастическом пространстве произведений Г. Бёлля, имеют ярко выраженный национальный колорит. Автор активно обращается к таким прецедентным именам, как *Benn* (*Готфрид Бенн* – немецкий эссеист), *Dehmel* (*Рихард Демель* – немецкий поэт и писатель), *Hofmannsthal* (*Гуго фон Гофмансталь* – немецкий писатель), *Hölderlin* (*Фридрих Гёльдерлин* – немецкий поэт), *Karl May* (*Карл Фридрих Май* – немецкий писатель), *Klee* (Пауль Клее – немецкий художник), *Leibl* (*Вильгельм Лейбль* – немецкий художник) и др. При этом прецедентные имена используются Г. Бёллем не только для именования уникального референта и создания ассоциативного фона, который отсылает читателя к определенным временным отрезкам, историческим событиям, культурным достижениям, но и в качестве средства для концептуального осмысления создаваемой им системы образов. Например, появление прецедентного имени *Grock* (Грок), как нам представляется, связано с центральным мотивом произведения Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns» («Глазами клоуна»), главным героем которого является клоун Ганс Шнир. Введение в текстовое пространство имени швейцарского клоуна *Grock*, получившего признание во всем мире, позволяет автору не только связать изображаемую действительность с реальностью, но и определить парадигму поведения главного героя, его ценностные ориентиры:

Dann kam Marie auf den fürchterlichen Gedanken, mit mir Ferien zu machen an einem Ort, wo Künstler Urlaub machen. Natürlich waren es lauter künstlerische Menschen, und ich hatte am ersten Abend schon eine Schlägerei mit einem Schwachsinnigen, der im Filmgewerbe eine große Rolle spielt und mich in ein Gespräch über ***Grock*** *und Chaplin und den Narren in Shakespeares Dramen verwickelte. Ich wurde ganz schön zusammengeschlagen...* [3, 131] */ Затем у Марии возникла кошмарная идея провести со мной отпуск в таком месте, куда приезжают отдыхать художники. Конечно, там были только «творческие» люди, и в первый же вечер я уже вступил в перепалку с каким-то идиотом, который играет якобы важную роль в киноиндустрии, и вовлек меня в спор о* ***Гроке*** *и Чаплине и о шутах в шекспировских трагедиях. Меня разделали в пух и прах…*

Сфера-источник «История» представлена в художественных текстах двух авторов **3-мя** тематически тождественными подгруппами онимов:

1) руководители государств (*Брежнев, Гитлер, Сталин; Adenauer, Fidel Castro, Heinrich der Achte* и др.);

2) государственные и политические деятели (*Бенеш, Чемберлен, Берия; Anne Frank, Chamberlain, Dulles* и др.);

3) военачальники (*Ватутин, Гуртьев, Кирпонос; Erwin / Erwin Rommel, Hindenburg* и др.).

Прецедентные имена анализируемой сферы отсылают читателя к реально существующему внешнему миру и соотносят изображаемые в произведениях события с историческими периодами, которые связаны с обострением политической ситуации на международной арене. При этом в ономастиконе произведений В.П. Астафьева зафиксирована подгруппа, включающая имена известных представителей народных движений (*Ванцетти, Сакко, Пугачев, Стенька Разин, Тельман, Щетинкин*). Такие прецедентные имена отражают специфику общественно-политических процессов, на фоне которых происходит развитие сюжета.

Таким образом, прецедентные имена служат средством концептуализации и оценки действительности при моделировании реальной картины мира, реализованной посредством художественных знаков. Функционирование прецедентных онимов помогает в раскрытии национальной ментальности и характера того или иного народа. Национальные концептосферы В.А. Астафьева и Г. Бёлля, репрезентированные социокультурными конституентами, имеют схожесть в ориентированности на мировое культурное наследие посредством употребления универсально прецедентных имен (*Толстой, Шекспир, Бах, Шопен, Гёте* и др.). Вместе с тем концептосфера Г. Бёлля характеризуется более выраженной национальной окрашенностью, что эксплицировано в превалировании употребления прецедентных именований, носителями которых выступают немцы, и конфессиональной обусловленностью (использование теонимов).

Литература

1. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 149 с.

2. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2007. – 207 с.

3. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 346 S.

4. Jürgenbehring, H. Liebe, Religion und Institution : ethische und religiöse Themen bei Heinrich Böll / H. Jürgenbehring. – Mainz : Matthias-Grünewald-Verl., 1994. – 217 S.

5. Nielen, M. Frömmigkeit bei Heinrich Böll / M. Nielen. – Annweiler : Plöger Verl., 1987. – 149 S.

6. Wirth, G. Heinrich Böll. Essayistische Studie über religiöse und gesellschaftliche Motive im Prosawerke des Dichters / G. Wirth. – 2., erg. Aufl. – Berlin : Union Verl.,1969. – 248 S.

Г.В. Юдзянкова
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: sajtmzr@mail.ru

УДК 811.161.3’373.23

ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ АСПЕКТ УЖЫВАННЯ ПАЭТОНІМА

Ключавыя словы: *паэтонімалогія, уласнае імя, паэтонім, антрапонім, прэцэдэнтнае імя, рэпрэзентатыўная функцыя, поліфункцыянальнасць.*

У артыкуле разглядаюцца асноўныя падыходы да вызначэння функцый уласных імёнаў у мастацкім тэксце і творах фальклору, праводзіцца параўнальны аналіз ужывання антрапаэтонімаў і прэцэдэнтных антрапонімаў.

H.V. Yudziankova
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

FUNCTIONAL ASPECT OF POETHONYM USAGE

Key words: *poethonymology, proper name, poethonym, anthroponym, precedential name, representative function, polyfunctioning.*

The article deals with the main approaches to the definition of proper name function in the belles-lettres and folklore works, the comparative analysis of usage of anthropoethonyms and precedential anthroponyms is carried out.

Прадметам паэтонімалогіі як асобнага напрамку анамастычнай навукі з’яўляецца паэтонім – спецыфічная трансфармацыя ўласнага імені, што функцыянуе ў мастацкім творы і, акрамя намінатыўнай, выконвае характарыстычную, стылістычную і іншыя функцыі [3, 121]. В.М. Калінкін, гаворачы пра антыномію онім – паэтонім, вылучае наступныя адрозненні гэтых паняццяў: 1) паэтонімамі, як правіла, абазначаюцца не рэальныя, а існуючыя ў творчым мысленні аўтара і (праз тэкст твора) ва ўспрымальнай свядомасці чытачоў ідэальныя вобразы выдуманых ці рэальных аб’ектаў, названых уласным іменем; 2) уласныя імёны адрозніваюцца прынцыповай дынамічнасцю зместу, няўстойлівасцю адносна прыналежнасці да анамастычнай ці апелятыўнай лексікі; 3) гегемонія эстэтычнай функцыі паэтоніма і дамініраванне ў семантычнай сферы “паэтычных” канатацый [5, 97].

Галоўная задача паэтонімаў – працаваць на мастацкі тэкст, на яго разуменне чытачом, адэкватную інтэрпрэтацыю, у тым ліку і на падтэкст. І калі рэальна існуючыя антрапонімы – гэта так званыя сацыяльныя знакі, асноўнай функцыяй якіх з’яўляецца ідэнтыфікуючая, то ў паэтыцы оніма на першы план вылучаецца стылістычная функцыя. Ужыванне анамастычных адзінак у мастацкім тэксце поўнасцю суадносіцца з аўтарскай задумай і мастацкай канцэпцыяй твора, адлюстроўвае пэўную гістарычную эпоху і літаратурны напрамак. Адно і тое ж імя можа быць падпарадкавана розным мэтам.

Так, уласнае імя ў вуснапаэтычных тэкстах часцей за ўсё выконвае рэпрэзентатыўную функцыю і ўжываецца замест азначальных займеннікаў усякі, кожны: *Што будзе, тое будзе, а Саўка (Грышка) на куце не будзе; Я яму пра Фаму (Кузьму, Хомку), а ён мне пра Ярому (Яромку); Па Сеньку (Хомку, Юрку) і шапка.* Як адзначае Н.П. Лобань, некаторыя імёны ў прыказках, прымаўках і фразеалагізмах паўстаюць з ацэначным, характарыстычным падтэкстам і нават набываюць абагульнена-сімвалічнае значэнне: *аднаго Юрку запусцілі, а ўся хата заюрылася; набрацца як Марцін за рубля; Антось да Тадора – што лапаць ды абора; якая Агатка, такая ў яе і хатка; гэты Яўхім і з вады вылезе сухі*м [7, 38].

Г.І. Басава выявіла, што ўласныя імёны ў парэміялагічных адзінках могуць дапаўняць чалавека як пэўную асобу і, становячыся значымымі, валодаць пэўнымі этнапсіхалагічнымі характарыстыкамі: *Хадот і Халімон* уяўляюцца беднымі сялянамі: *Багаты Хадот: сабака ды*

кот; І Халімон танцуе, калі яму шанцуе; Сава, Апанас, Марцін – з пэўнымі недахопамі: *Які Сава, такая і слава; Пайшоў Апанас па квас, дык ні Апанаса, ні кваса;* для *Сымона* і *Барыса* характэрны ўпартасць і незгаворлівасць: *Каму што, а Сымону селядца; Каму што, а Барысу ладкі;* кемлівыя, практычныя *Зміцер, Саўка: Хіцёр Зміцёр, але ж і Саўка не дурны* [1, 40]. Такім чынам, з'яўляючыся першапачаткова чыста намінатыўнай адзінкай і ідэнтыфікуючы пэўную асобу, уласнае імя ў прыказках і прымаўках набывае абагульнены сэнс, які замацоўваецца за іменем і становіцца яго значэннем.

Г.В. Параскевіч, разгледзеўшы ўжыванне антрапонімаў у прыказках (у 6000 прааналізаваных парэміях даследчыца выявіла 296 асабовых імёнаў), апісала асноўныя стылістычныя функцыі ўласных імёнаў у іх (ацэначна-сімвалічную, якая звязана з дэанімізацыяй, і аб'ектыўна-інфармацыйную) і прыйшла да высновы, што ў прыказках уласныя імёны губляюць прамое намінатыўнае значэнне, захоўваючы толькі знешнюю форму, і, па сутнасці, ператвараюцца ў патэнцыяльныя словы [8, 71].

Даволі поўна даследаваны функцыянальны аспект паэтоніма, што звязана з апісаннем уласных імёнаў у мове твораў пісьменніка і вывучэннем дынамікі семантычных змен у гэтых адзінках у працэсе іх ужывання ў мастацкім тэксце. Так, В.М. Калінкін сцвярджае, што паэтонім як многафункцыянальная адзінка паэтычнага маўлення праз кожнае канкрэтнае ўжыванне актуалізуе толькі частку функцый з ліку патэнцыяльна ўласцівых яму ці рэалізаваных у мастацкім тэксце" [4, 86]. А.В. Супяранскай вылучана каля 30 функцый уласных імёнаў у маўленні, асноўнымі сярод якіх з'яўляюцца: 1) камунікатыўная (паведамленне, рэпрэзентацыя), калі імя, вядомае суразмоўцам, выступае асновай паведамлення; 2) апелятыўная (заклік, уздзеянне); 3) экспрэсіўная (выяўленчая), уласцівая шырокавядомым імёнам, якія знаходзяцца на шляху да агульных; 4) дэйктычная (указальная) і іншыя. Даследчыца звярнула ўвагу і на асаблівасці сінтаксічнага ўзроўню ўласнага імені, адзначыўшы, што ўсім онімам уласціва сінтаксічная валентнасць назоўніка і таму ва ўласных імёнах максімальна прадстаўлены функцыі дзейніка і дапаўнення. Акалічнасць месца – спецыфічная функцыя тапонімаў [9, 268–269].

В.І. Супрун адзначае, што ўласне імя ў мастацкім тэксце выконвае наступныя функцыі: 1) тэкставай вяхі – абазначае галоўнага (-ых) персанажа (-аў); 2) анамастычнага фону; 3) апазнавальнага знака факультатыўнага характару [10, 50]. Амаль такія ж функцыі паэтоніма вылучае і Г.М. Дзеравяга: 1) прагназуючая (функцыя загалоўка); 2) тэкставай вяхі; 3) анамастычнага фону [2, 178]. Функцыя тэкставай вяхі лічыцца галоўнай і сістэмаўтвараючай, паколькі вяха заўсёды вылучае самае каштоўнае ў сэнсавых адносінах імя, самае складана арганізаванае, а таму неабходнае для арганізацыі ўнутранай і знешняй формы мастацкага твора. Да фонавых паэтонімаў традыцыйна адносяць тапонімы і хранонімы, аднак у такой функцыі часта ўжываюцца і прэцэдэнтныя антрапонімы.

Даследчыкамі паэтонімалогіі падкрэсліваецца, што прыярытэтнай функцыяй уласнага імені ў мастацкім тэксце з'яўляецца стылістычная. Ю.А. Карпенка вылучыў дзве разнавіднасці гэтай функцыі: інфармацыйна-стылістычную і эмацыянальна-стылістычную. Выразнікам першай выступае "ўнутраная форма (этымалагічнае значэнне) уласнага імені, яго праекцыя на існуючыя ў мове анамастычныя мадэлі і варыятыўнасць наймення" [6, 37]. Другая разнавіднасць стылістычнай функцыі паэтоніма вызначаецца Ю.А. Карпенкам як эмацыянальна-стылістычная, паколькі яна выклікае ў чытача пэўныя пачуцці, фарміруе яго адносіны да таго, што адлюстроўваецца. Галоўным сродкам выражэння гэтай функцыі ў мастацкім тэксце з'яўляецца фанетычная форма ўласнага імені. Аднак у працэсе рэалізацыі стылістычнай функцыі мастацкай анамастыкі на першы план выходзіць то інфармацыйны, то эмацыянальны бок і выкарыстоўваюцца самыя разнастайныя аспекты ўласных імёнаў, а не толькі "гаваркая" аснова ці гукавая абалонка.

Паводле В.І. Фаняковай, уласнае імя і антрапонім – універсальныя, функцыянальна-семантычныя катэгорыі назоўнікаў, асаблівы тып моўных знакаў, прызначаны для вылучэння і ідэнтыфікацыі адзінкавых аб'ектаў (істот і неістот), якія вызначаюць адзінкавыя паняцці і агульныя ўяўленні пра гэты аб'ект у мове, маўленні і культуры народа [11, 21]. У адрозненне ад

паўсядзённай маўленчай камунікацыі, дзе гэтыя адзінкі ў асноўным выконваюць ідэнтыфікуючую функцыю, іншую асаблівасць уяўляюць яны ў творах мастацкай літаратуры, дзе антрапонімы здольны сумяшчаць намінатыўную функцыю з эстэтычнай, выяўленчай, характарыстычнай, сацыяльнай, гістарычнай і інш. і адыгрываць вядучую ролю ў стварэнні "семантычнай кампазіцыі" тэксту разам з іншымі стылістычнымі сродкамі.

Прэцэдэнтныя імёны характарызуюцца поліфункцыянальнасцю. Гэтыя адзінкі акрамя асноўных функцый, выконваюць кумуляцыйную, ідэйна-эстэтычную і некаторыя іншыя: першая з іх знаходзіць сваё выражэнне ў адметным для ўсіх уласных імёнаў нацыянальна-культуралагічным кампаненце, другая – у яго ідэйна-эстэтычным аспекце, што дазваляе пісьменніку праз агульнавядомыя, канатацыйна насычаныя онімы, ужытыя ў кантэксце мастацкага твора, выражаць свой светапогляд і ацэнку адлюстраванага ў творы, перадаваць думкі і пачуцці персанажаў (Я.М. Верашчагін, В.Р. Кастамараў). Выкарыстанне прэцэдэнтных адзінак у спалучэнні з іншымі лексічнымі сродкамі, што характарызуюць самыя розныя паняцці і катэгорыі этнакультурнага зместу, дазваляе аўтару стварыць мастацкі тэкст, насычаны багатай інфармацыяй, якая спрыяе ўздзеянню на чытача і данясенню да яго задуманай пісьменнікам ідэі.

Такім чынам, адметная роля ўласнага імені ў мастацкім творы вызначаецца яго паэтычнай функцыяй, якая рэалізуецца як тэкстаўтваральны фактар. Аксіяматычным з'яўляецца сцверджанне лінгвістаў пра тое, што, функцыянуючы ў тэксце, паэтонім непарыўна семантычна ўзбагачаецца і "насычаецца" інфармацыяй пра аб'ект намінацыі. Гэта інфармацыя можа быць прадстаўлена эксплiцытна (у самім тэксце) ці імплiцытна (у падтэксце). Аднак прэцэдэнтныя антрапонімы ўжываюцца ў тэксце як "гатовыя" ўласныя імёны з пэўным наборам устойлівых асацыяцый і аналогій.

Літаратура

1. Басава, Г. "Ні сюды Мікіта, ні туды Мікіта": уласнае імя як носьбіт нацыянальна-культурнага кампанента значэння слова / Г. Басава // Род. слова. – 2001. – № 10. – С. 40–41.
2. Деревяго, А. Н. Имя собственное в художественном тексте : учеб.-метод. пособие / А. Н. Деревяго. – Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2008. – 195 с.
3. Калинкин, В. Пролегомены к истории поэтонимологии / В. Калинкин // Наук. вісн. Чернівец. ун-ту. Сер. Слов'ян. філологія. – 2007. – Вип. 356–359. – С. 117–121.
4. Калинкин, В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В. М. Калинкин // Λογος όνομαστική. – 2006. – №1. – С. 81–87.
5. Калинкин, В. М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки / В. М. Калинкин // Λογος όνομαστική. – 2008. – № 2. – С. 96–101.
6. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филол. науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
7. Лобань, Н. "Лёсу кірунак, долі выснова" : уласнае імя ў мастацкім тэксце / Н. Лобань // Род. слова. – 2001. – № 12. – С. 38–41.
8. Параскевіч, Г. В. Назоўнік у беларускіх прыказках / Г. В. Параскевіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 107 с.
9. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
10. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. И. Супрун ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2000. – 76 с.
11. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. Пособие / О. И. Фонякова. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 104 с.

V. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

О.С. Вербовецька
Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка
e-mail: Oksana_Werbowetska@ukr.net

УДК 81’373.231: 81’373.2

НЕОФІЦІЙНІ КОЛЕКТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНІ НАЗВИ ОСІБ (на матеріалі антропонімії Тернопільщини)

Ключевые слова: *прозвище, топоним, катойконим, мотив номинации, коллективно-территориальное именование.*

В статье проведен анализ неофициальных коллективно-территориальных именований жителей Тернопольской области (Украина). Исследованы мотивы номинации жителей населенных пунктов неофициальными катойконимами, а также прослежены мотивы возникновения названий лиц по названиям улиц, уголков, частей села. Проанализированы особенности функционирования коллективно-территориальных именований в антропонимиконе сельской местности.

O.S. Werbowetska
Ternopil Volodymyr Hnatyuk National Pedagogical University

UNOFFICIAL TERRITORIAL AND COLLECTIVE NAMES (based on the anthroponymy of Ternopil region)

Key words: *nickname, toponym, demonym, nomination motive, collective and territorial naming.*

The article analyzes unofficial collective and territorial names of residents of Ternopil region (Ukraine). Nomination motives of using demonyms for residents’ names are studied. Moreover, the origin of motives for the names of streets, corners, parts of the village is traced back. The features of the functioning of collective and territorial names in the anthroponymicon of rural areas are defined.

Назви окремих людських угрупувань постають на підставі окреслення різних рис, притаманних не окремій особі, а цілій групі осіб, тобто «носієм яких є не тільки якийсь один індивід, а декілька членів колективу, група». П. Чучка вважає, що групові назви, крім об’єднання родичів, можуть називати особу і за місцем проживання; і вказує на близькість назв цієї групи із катойконімами [13, 166].

Звичай називати людину за її територіальним походженням належить до одного з найдавніших у слов’янській, та й не тільки у слов’янській антропонімії [13, 429].

У науковій літературі немає єдиної думки щодо статусу відтопонімних утворень. Хоча офіційні катойконіми і ад’єктоніми в українській мові вважаються загальними назвами (пишуться з малої літери), однак учені відзначають їх специфічний характер і ряд ознак, що наближають їх до власних назв. І це наближення спричинене не тільки тим, що вони утворюються від власних назв – топонімів, але й тим, що «ці обидві групи слів без своїх етимонів (топонімів) жити в мові не можуть» [1, 23-24]. Українські офіційні назви жителів населених пунктів – катойконіми та ад’єктоніми – ґрунтовно досліджено у праці В. Горпинича «Відтопонімний словотвір в українській мові» (Дніпропетровськ, 2013).

Відтопонімні деривати на означення жителів села функціонують не тільки в офіційній сфері, але і в неофіційній. Проте остання нерідко користується такими колективними назвами жителів населеного пункту (чи його частини), які лише віддалено натякають на етимон, а ще частіше – не мають ніякого стосунку до назви населеного пункту.

Найчастіше неофіційні катойконіми несуть інформацію про те, «де живе носій?», «як живе?», «біля чого живе?», «живе як хто?». Г. Сеник зазначає, що такі назви, як правило, «є відображенням ставлення мешканців одного населеного пункту до іншого, уявлень одного колективу про інший і несуть у собі інформацію про історію створення та розвитку поселень» [7, 25].

В ономастичній літературі назви жителів за місцем проживання (за неофіційною назвою вулиці, населеного пункту, регіону та ін.) кваліфікують як неофіційні колективно-територіальні іменування; часто вживають термін «колективно-територіальні», «колективні (або групові)» прізвиська. Такі назви існують майже у кожному населеному пункті, проте мають місце лише у мовленні жителів сусідніх сіл і є дуже образливими для денотатів. Ці іменування описано у роботах Г. Аркушина [8], А. Коваль [2], М. Микитин-Дружинець [4], М. Наливайко [5], П. Поротникова [6], Г. Сеник [7], В. Тагунової [10], Н. Фєдотової [11], В. Чабаненка [12], П. Чучки [13], Н. Шульської [14] та ін.

Найпоширенішими неофіційними груповими назвами осіб на Тернопільщині є колективні назви жителів села або його частини, що мають прізвиськовий характер. Мотиви їх виникнення і послужили метою нашої статті. Зібраний нами матеріал (120 колективно-територіальних неофіційних назв з території Тернопільщини) поділяємо на неофіційні назви жителів населеного пункту та неофіційні назви жителів окремих вулиць, кутків і т. ін. Окрім зазначених, фіксуємо також неофіційні назви жителів певних областей, держав: наприклад, *Волиняки* – жителі Волинської області і прилеглих територій, *Гоцули* – жителі Івано-Франківської області і прилеглих територій, *Кацапи* – росіяни, *Твердолобі* – жителі Хмельницької області.

Мотивами виникнення неофіційних колективно-територіальних іменувань жителів населених пунктів Тернопільщини стали:

– офіційні назви населеного пункту: *Деркани / Деркуни* (<жителі с. Дедеркали), замість дедеркальці, *Дикарі* (< с. Дичків), *Іваняри* (<с. Іванівка), *Конюшани* (< с. Конюхи), *Криваки* (<с. Криве), *Кровіняки* (<с. Кровінка), *Помірки* (<с. Помірці), *Пшенярі* (<с. Мшанець), *Раківчуки* (<с. В. Раковець), *Солончаки* (<с. Солоне), *Таращани* (< с. Ст.Тараж), *Татари* (<с. Татаринці), *Шкрабуни* (<с. Шкроботівка), *Хлопівовецькі* (<с. Хлопівка), *Яблуняки* (<с. Яблунів). Усі вони утворені не за зразком офіційних катойконімів, мають асоціативний компонент, тому розглядаємо їх серед неофіційних іменувань. Мотивом неофіційного іменування можуть бути як сучасні офіційні назви населених пунктів, так і давні: *Чорторії* – назва жителів с. Миролюбівка (давня назва села Чортория);

– особливості населеного пункту, зокрема його розташування чи топографічна характеристика: *Білі* (’жителі села, що знаходиться на пагорбі, який називають Біла Гора’), *Заокеанці* (’жителі села, яке далеко розташоване від інших населених пунктів, шлях до нього пролягає через річку, ліс, поле’), *Крисачі* (’жителі села, яке розташоване між полями, люди живуть, як миші в норах’, пор. миші, криси), *Підплитники* (’жителі села живуть біля річки, пор. плити’), *Позаплитники* (’жителі села живуть біля річки’, пор. плити), *Підкамінники* (’жителі села зі скелястою місцевістю’), *Хачияни* (’жителі невеликого села, на місці якого колись був хутір з декількох хат’); *Калабоньки* (’жителі села, де багато калюж’, пор. діал. калабаня «ковбаня» [9, IV, 74]), *Корея* (’жителі довгого і вузького села’, асоціація з топографічною формою держави Корея);

– особливості жителів конкретного поселення за такими ознаками:

- густота населення: *Дикі* (’жителі малолюдного населеного пункту’), *Китайці* (’жителі густонаселеного села’), *Китайці* (’у селі багато багатодітних родин’), *Кишаї* (’у селі багато багатодітних родин’, пор. кишіти);
- етнічна приналежність: *Лемки* (’у селі багато переселенців з Лемківщини’);
- діяльність: *Галстуки* (’жителі села в середині ХХ ст. не працювали на фермі, а займалися неважкою працею’, пор. «ходити в галстуці»), *Ґандарі* (’жителі займались торгівлею’, пор. ґандлювати), *Гончарі, Різуни* (’жителі вирізали ліс’), *Цибулєнники* (’жителі вирощували багато цибулі для продажу’);
- особливість господарства (його розмір чи спосіб господарювання): *Господарі* (’жителі мали великі земельні ділянки’), *Торбаї* (’жителі мали невеликі земельні ділянки’); *Гарбузи* (’у селі вирощували гарбузи’), *Ягодєнники* (’у селі вирощували ягоди’);

• особливість мовлення, вживання нетипових для етнічної території лексем: *Баняки* (пор. діал. баняк), *Бульбаки* (пор. діал. бульба), *Лемки* (’говорять «руков», «ногов, «головов», пор. в сусідніх населених пунктах – «руком», «ногом», «головом»), *Шкарпитники* (пор. діал. шкарпита);

• уподобання у їжі чи одязі: *Малаї* (’жителі пекли малай’ – пиріг з кукурудзяної муки), *Налисники, Паляничники* (’жителі пекли часто палянички’), *Прулі* (’у селі багато сливових дерев’, пор. сливи-прулі), *Булешники* (’варили кулешу, перекручено – булешу’); *Кабати* (’носили кабати’ – різновид одягу), *Хальоші* (’всі ходили в калошах’);

• звички: *Флєшкарі* (’жителі багато п’ють’, пор. пляшка), *Галаї* (’голосно говорять, бо хати були колись далеко одна від одної’, пор. галайкати «галакати» [9, II, 18]) *Міхоноші* (’жителі колись ходили з прив’язаними міхами за спинами’);

• внутрішні якості: *Бандери* (’жителі агресивні’), *Баняки* (’нерозумні’), *Твердолобі* (’тупі’), *Вовки* (’войовничі’), *Татари* (’войовничі’), *Татари* (’голосно говорять, рішучі’);

• зовнішня характеристика: *Рижаки* (’багато жителів мають руде волосся’).

Випадки з історії села стали мотивом номінації колективно-територіальних назв: *Гони* (’монголо-татари переганяли через територію села полонених’, пор. гонити), *Татари* (’жителі, на території села яких колись стояв татарський полк’), *Татари* (’жителі, через село яких татари гонили полонених і у селі найпоширенішим є прізвище Татарин’).

У частини колективно-територіальних назв нам не вдалося з’ясувати мотиви номінації: *Австріяки, Барзуки, Берки, Бітарі, Вовчкурі, Гаївські бомки, Галані, Гепи, Глухарі, Гуцьки, Дичина, Дріщівці, Душмани, Каруби, Кацапи, Курчії, Лапаївка, Логи, Міщани, Москаляки, Палавеги, Радикали, Ремінчики, Румуни, Телемони, Фільварки, Французи, Фуни, Цигани* та ін.

Жителі деяких сіл на Тернопільщині мають дві та більше неофіційні колективні назви: *Вовки* або *Татари* (с. Сновидів), *Цигани* або *Шкарпитники* (с. Улашківці), *Татари, Гуцьки, Цибулєнники* (с. Вербів), *Берки, Каруби, Татари* (с. Августівка). Назва *Татари* притаманна жителям восьми населених пунктів і має різні мотиви номінації: 1) від топоніма на основі звукової асоціації (с. Татаринці); 2) ’жителі голосно говорять, рішучі’ (с. Августівка); 3) ’на території села колись стояв татарський полк’ (с. Кальне); 4) ’через село татари гонили полонених і у селі найпоширенішим є прізвище Татарин’ (с. Говилів); 5) ’жителі войовничі, як татари’ (с. Вербів, с. Годів, с. Коцюбинці, с. Сновидова).

П. Чучка пише, що частина назв за територіальними ознаками вказує «не на територіальне походження носія у прямому значенні слова, а лише на вулицю, куток, частину села, поля, лісу, де мешкає ця особа чи родина» [13, 192]. На Тернопільщині, окрім неофіційних колективно-територіальних назв жителів населених пунктів, виділяють і назви, які номінують жителів вулиць, кутків і т. ін. Вони утворюються так, як і найменування від назви населеного пункту: *Рісні* (<жителі вул. Рісна с. Слов’ятин). Мотивами таких неофіційних вуличних колективно-територіальних назв найчастіше виступають:

– неофіційні назви вулиць, кутків села: *Горбачі* (’жителі вул./к. Горб’), *Горини* (<вул. Гора), *Горинці* (<вул. Гора), *Загоринці* (<вул. Загоринь <’за річкою Горинь’), *Замостянці* (<вул. Заміст), *Капиляни* (<вул./к. Капилія), *Качурівці* (<вул./к. Качурівка), *Кінчани* (<вул./к. Кінець <’кінець села’), *Мазури* (<вул. Мазури <’на ній жили поляки’), *Мохунівці* (<вул. Мохунівка), *Підлісні* (<вул./к. Підліс), *Підприсяни* (<вул./к. Підприски), *Раковляни* (<вул./к. Раків Кут), *Собаки* (<’вул. Псяча’), *Старокутські люди* (<вул./к. Старий Кут), *Японеси* (<’вул. Японія’). Такі назви вулиць як *Гора, Горб, Кінець, Підліс* і т. ін. виникли внаслідок прямої номінації території або частини села: кінець села > вул./к. Кінець. Так носії номінують саму вулицю/кут – живуть в Кінці не означає, що живуть в кінці села, а живуть на території, яка називається Кінець;

– особливості жителів: *Китайці* (’жителі вулиці, де багато дітей’), *Молодіжні* (’жителі вулиці, де проживають молоді сім’ї’);

– особливості місцевості: *Закарпатяни* (’жителі вулиці в кінці села під горбом’, пор. Закарпаття), *Майданці* (’жителі вулиці біля майдану’), *Муровані* (’жителі, що живуть біля

дороги-мурованки’), *Плебанівці* (’жителі вулиці в напрямку до с. Плебанівка’), *Полюхи* (’жителі вулиці, що розташована в кінці села, на полі’).

У час, коли міські жителі активно переселяються у села, в окремих населених пунктах створюються цілі вулиці жителів, які переселились із міста в село. Зважаючи на те, що вони мають інший спосіб життя, ніж корінні мешканці, то часто отримують найменування за назвою попереднього місця проживання – *Тернопільські* (< переселились із міста Тернопіль), *Чортківскі* (< переселились із міста Чортків) і т. под.

Причиною виникнення неофіційних колективно-територіальних, як і усіх інших колективних назв, є чітка диференціація «свій» – «чужий», і у цьому випадку «свої» пов’язані спільним місцем проживання. У с. Передмірка жителі іменуються *Передмірчанами*, але частина жителів села, за річкою Горинь, іменуються ще і *Загоринцями*, бо живуть на вулиці Загоринь (неофіційна назва вулиці). Остання вживається лише жителями с Передмірка.

Отже, неофіційні колективно-територіальні іменування осіб належать до групових назв, номінують усіх жителів села або його частини і майже завжди є пейоративними. Найпоширенішими мотивами номінації виступають характерні особливості жителів – спосіб ведення господарства, їх характер, мовлення, уподобання та ін.; зрідка вони несуть інформацію про особливості населеного пункту, його розташування.

Список умовних скорочень

вул. – вулиця

к. – куток

с. – село

Література

1. Горпинич В. О. Відтопонімний словотвір в українській мові / В. О. Горпинич. – Дніпропетровськ: Нова ідеологія, 2013. – Вип. 39. – 360 с.
2. Коваль А. П. Життя і пригоди імен / А. П. Коваль. – К.: Вища шк., 1988. – 240 с.
3. Кравченко Л. О. Українська ономастика: Антропоніміка: наук. посіб. / Л. О. Кравченко. – К.: Знання, 2014. – 239 с.
4. Микитин-Дружинець М. Л. Мотиваційна база сімейно-родових та колективно-територіальних прізвиськ Стрийщини / М. Л. Микитин-Дружинець // Записки з ономастики. – Одеса, 2010. – Вип. 13. – С. 84-91.
5. Наливайко М. Я. Неофіційна антропонімія Львівщини: автореф. дис ... канд. філол. наук: 10.02.01 / М. Я. Наливайко. – Київ, 2011. – 19 с.
6. Поротников П. Т. Групповые и индивидуальные прозвища в говорах Талицкого р-на Свердловской области / П. Т. Поротников // Антропонимика /[отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская]. – Москва: Наука, 1970. – С. 150-154.
7. Сеник Г. В. Прізвиська Наддністрянщини / Г. В. Сеник // Записки з ономастики: зб. наук. праць. – Одеса: Астропринт, 2005. – Вип. 8. – С. 22-30.
8. Словник прізвиськ північно-західної України: у 3-х т. Т. І. А-И / [упорядник Г. Л. Аркушин]. – Луцьк: РВВ «Вежа», 2009. – 412 с.
9. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970-1980.
10. Тагунова В. И. Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли // Ученые записки Рязанского и Муромского институтов. – М., 1967, т. 40. – С. 43-63.
11. Фєдотова Н. Сучасні прізвиська Луганщини: когнітивна прагматика творення тексту оніма: автореф. дис..... канд. філол. наук 10.01.01 / Н. Фєдотова; Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2008. – 20 с.
12. Чабаненко В. А. Прізвиська в системі експресивних засобів народнорозмовної мови (на матеріалі говірок Запорізької та Дніпропетровської областей) / В. А. Чабаненко // Повідомлення Української ономастичної комісії: зб. наук. ст. – К.: Наук. думка, 1976. – Вип. 14. – С. 16-20.
13. Чучка П. П. Антропонімія Закарпаття: [монографія] / Павло Чучка. – К.: ТОВ «Папірус», 2008. – 671 с.
14. Шульська Н. М. Неофіційна антропонімія Західного Полісся: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Н. М. Шульська; Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки. – Луцьк, 2011. – 20 с.

И.М. Ганжина
Тверской государственный университет
e-mail: emmaus1961@yandex.ru

УДК 811.161.1+81’373.21

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ УРБАНОНИМЫ Г. ТВЕРИ КАК КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: *урбаноним, микроурбоним, мотивация, вариативность, апеллятив, онимизация, референтная коннотация.*

В статье исследуются неофициальные названия городских объектов, занимающие особое место в топонимическом пространстве современного города. Отмечается их соотнесённость с различными понятийными сферами, вариативность, экспрессивность, способы их соотношения с официальными названиями, рассматриваются пути их создания. Намечаются наиболее актуальные проблемы и перспективы изучения этого класса онимов.

I.M. Ganzhina
Tver State University

INFORMAL URBAN TOPONYMY IN THE CITY OF TVER AS A CULTURAL-LINGUISTIC PHENOMENON: PROSPECTS FOR STUDYING

Key words: *urbanonym, microbank, motivation, variability, appellative, onymization, reference connotation*

The article examines the informal names of urban objects, which occupies a special place in the toponymy of the contemporary city. Celebrated their correlation with different conceptual spheres, variability, expressivity, the ways they interact with official names, the ways of their creation. Outlines the current problems and prospects of studying this class of names.

Актуальным направлением современных лингвистических исследований является изучение языка города, в том числе городской ономастики. Особое место в современном топонимическом пространстве города занимают уникальные собственные имена различных городских реалий, которые употребляются в разговорной речи намного чаще тех, что находят отражение в документах, и составляют оппозицию официальному языку города. Для подобных обозначений А.Г. Широковым был предложен термин микроурбоним – «неофициальное наименование внутригородского объекта, не зависящее от его размеров и имеющее устную форму употребления» [12, 71].

В последнее десятилетие этот феномен языковой системы изучается достаточно активно, нередко рассматривается как фольклорное, сленговое явление [3; 4; 6; 7; 8; 9 и др.] и периодически включается в словари жаргонов [1; 5; 11 и др.]. Однако проведенные научные исследования подобной лексики, проведенные отечественными лингвистами на материале разных территорий, являются достаточно хаотичными и всё более свидетельствуют о необходимости глубокого детального осмысления неофициальных городских ономастиконов разных регионов для создания в дальнейшем системного, полного типологического описания.

Тверские микроурбонимы не подвергались научному исследованию, между тем они вызывают живой интерес у пользователей Интернета. Языковое пространство Твери объединяет разные лексические микросистемы, имеющие полевое устройство и соотносимые в языке с различными понятийными сферами. Пласт народных городских наименований включает в себя самые разнообразные реалии:

- топонимические объекты (улицы, переулки, бульвары, площади, микрорайоны и их части, мосты, дороги и их части, водоемы): ***Бани / У бани*** (район Московской площади), ***21-я ветка*** (отрезок от окружной дороги до Желтикова монастыря), ***Пески*** (исторический район около Христорождественского монастыря), ***Болото*** (место, где заканчивался Артиллерийский пер.), ***Вагон-***

ный (район у вагонного завода), ***Южный парк*** (парк на ул. Королева в микрорайоне Южный), ***Зольник*** (территория под гаражными кооперативами в районе Московского шоссе), ***Исайка*** (район застройки около Исаевского ручья), ***Залиния*** (район б-ра Профсоюзов), ***Конопля*** (ул. З. Коноплянниковой), ***Поповка*** (пл. Конституции), ***Полтинник*** (пр. 50 лет Октября), ***Речка-вонючка*** (Хлебный ручей около Бобачёвской рощи), ***Хлам*** (район у гимназии № 8), ***Торфушка*** (2-й поселок городского торфопредприятия), ***Вал*** (насыпь напротив Первомайской рощи);

– социально-бытовые объекты: ***Под бочкой*** (пивной бар на ул. Советской), ***Фурманова*** (психиатрическая больница на одноименной улице), ***Штапельный*** (название остановки у бывшего штапельного завода; производства давно нет, а название держится), ***Торгушка*** (торговый центр на ул. Орджоникидзе), ***Пирдуха*** < «пир духа» (кафе «Пир») и др.;
– научные и учебные учреждения: ***Мусорка*** / ***Мусор*** (музыкальный колледж им. М.П. Мусоргского), ***Мед*** (медицинская академия), ***Универ*** (ТвГУ), ***Венециановка*** (художественное училище им. Венецианова), ***Кадетка*** (Суворовское училище), ***Кулёк*** (культпросветучилище) и др.;
– культурно-исторические объекты: ***Афоня*** (памятник Афанасию Никитину), ***Баба с дырой*** (памятник напротив стадиона «Химик»), ***Голова*** (памятник А.С. Пушкину на Театральной пл.), ***Жаба*** (скульптура на пересечении б-ра Радищева и ул. Трехсвятской, место встреч), ***Конь*** (статуя Михаила Тверского на Советской пл.), ***Под часами в центре*** (церковь Вознесения господня, бывшее место свиданий), ***Три исповедника*** (Воскресенская церковь на ул. З. Коноплянниковой), ***Химбарахло*** (ДК «Химволокно») и т.п.;
– городские предприятия: ***Чермет*** (металлобаза вторсырья на ул. Карбышева);
– городские сооружения: ***Свечка*** (Вечный огонь), ***Полиграф*** (здание полиграфического комбината) и др.

Перспективным представляется изучение способов создания подобных образований, в которых чувствуется отношение говорящего к слову как к чему-то лёгкому, весёлому, установка на языковую игру, стремление избежать единообразия, создать ситуацию непринуждённого общения.

На наш взгляд, интересно было бы проследить типологию подобных названий, причины их появления, общие черты и отличия на разных территориях, свидетельствующие в какой-то степени о самоидентификации горожан, об их стремлении вписать себя в топонимическое пространство города, выразить свое отношение к называемым объектам. Сравнение с исследованиями подобных онимов на других территориях показывает, что даже одни и те же лексемы для обозначения городских реалий имеют разную мотивацию. Так, в Барнауле ***Три поросенка*** – дом с тремя куполами [2, 261], а в Твери – помещение, где находится кафе «Спорт» (в прошлом – столовая, где обедали студенты трёх тверских вузов); ***Бутылка*** в Санкт-Петербурге – морская следственная тюрьма, по созвучию с московской *Бутыркой* [10, 135], а в Твери – гостиница-долгострой на Смоленском, напоминающая по форме вкопанную в землю бутылку и т.д.

Будучи незакрепленными юридически, неофициальные номинации отличаются вариативностью – ср.: ***Шайба*** / ***Барабан*** / ***Круглый*** (магазин на остановке «Речной вокзал»), ***Квадрат*** / ***У четырех козлов*** / ***Точка*** (пересечение б-ра Радищева и ул. Трехсвятской), ***Сороконожка*** / ***Дом на сваях*** (дом № 11 по Комсомольскому пр., долгое время стоявший на открытых опорах), ***Пьяная роща*** / ***Стакановая роща*** (пойма на правом берегу Тьмаки), ***Шалман*** / ***ПНИ*** < «**п**ивнуха **н**апротив **и**нститута» и др.

Ждет своего исследования механизм появления неофициальных урбанонимов, вопрос о том, как вовлекаются в разговорную речь официальные наименования, каковы способы соотношения их с новыми, разговорными названиями. Так, нередко при создании последних происходит трансформация документального имени, связанная с законом экономии речевых усилий – это может быть простое усечение (***Ров*** < кафе «Ровесник», ***Луза*** < кафе «Лузитания»), усечение с добавлением разговорного суффикса (***Скворцуха*** < ул. Скворцова-Степанова, ***Пятнаха*** < ул. 15 лет Октября др.), аббревиация (***ДОФ*** < Дом офицеров), замена слова по созвучию (***Швабра*** / ***Кошмары*** / ***Капешка*** < пл. Капошвара, ***Мусорка*** < ул. Мусоргского и музыкальная школа им. М.П. Мусоргского) и т.д.

Однако немалая часть микроурбонимов никак грамматически и фонетически не связана с исходными официальными названиями. Многие из них являются весьма экспрессивными, нередко они не столько называют сам объект, сколько выражают отношение к нему человека, мнение об объекте. Интерес для лингвистов они представляют прежде всего как пример метафорического и метонимического переноса. Даже поверхностное знакомство показывает, что перенос значения может быть основан на внешнем сходстве двух объектов (***Сороконожка*** – дом на открытых опорах, ***Шайба*** **–** магазин на Речном, ***Аквариум*** – кафе с большими окнами у входа в горсад, ***Рюмка*** – гостиница, форма которой напоминает рюмку, ***Крест*** – место слияния Тьмаки и Волги), на сходстве функциональных свойств (***Пожарка*** – Пожарная площадь, ***Торгушка*** – торговый центр на ул. Орджоникидзе и др.), за счет ассоциаций с фонетическим звучанием (***Кулёк*** – культпросветучилище, ***Трёшка*** – ул. Трёхсвятская и др.), по смежности (***Привокзалка*** – площадь перед вокзалом, ***Силикатка*** – район Силикатного завода, ***Стекляшка*** – район стекольного завода, ***Вагонный*** – район у вагонного завода и т.п.). Интересно было бы исследовать, каким образом происходит онимизация апеллятивов в данном классе онимов и какие отличительные признаки объекта ложатся в их основу.

Можно заметить, что неофициальные наименования городских объектов часто отражают ироническое отношение номинаторов к ним: пивная ***В мире животных***; столовые ***Язва***, ***Морилка***; район коттеджей ***Долина нищих***; пивная ***Мутный глаз***; кафе ***Гадюшник***; улицы ***Грабиловка*** (ул. Макарова), ***Пьяная дорога*** (ул. в пос. Вагонников); магазин ***Клоповник*** и т.д.

Актуальным представляется рассмотрение вопросов вовлечения собственных имен в процессы вторичной номинации, исследование экстралингвистических и языковых факторов, влияющих на приобретение онимами референтных коннотаций. Так, среди тверских микроурбонимов немало прецедентных имен (отдельные из них встречаются периодически в неофициальной урбанонимии и других городов): ***Белый дом*** (большое здание бывшего правления ДСК), ***Париж*** (Морозовские казармы на Пролетарке), ***Лужники*** (стадион «Центральный»), ***Бастилия*** (универмаг «Тверь»), ***Красная поляна*** (самое известное место Комсомольской рощи), ***Ласточкино гнездо*** (здание бывшей Аваевской богадельни), ***Малая земля*** (район бывшей пивной в Южном), ***Пентагон*** (дом на Склизкова, 70), ***Дом на набережной*** (ФСБ) и др. За каждым прецедентным именем стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Сравнительное исследование таких онимов в разных российских городах позволит говорить как об общности принципов и способов именования, так и об индивидуальных, возможно, территориально ограниченных реализациях способов номинации в лексике языка города.

Изучение подобных онимов было бы интересно и в плане историко-культурном. На наш взгляд, тверская неофициальная микротопонимия многослойна, она отражает различные периоды жизни города, и, по-видимому, такие названия в лингвоисторическом плане представляют собой отдельные пласты, соответствующие разным эпохам и культурно-речевым ситуациям. Старые названия городских объектов нередко обнаруживают большую жизнеспособность: так, в современном топонимическом пространстве Твери можно обнаружить названия уже не существующих объектов, некоторые из которых когда-то были официальными, другие же изначально функционировали только в устной речи горожан: магазины ***Ласточка*** (любопытно, что это название некоторое время назад официально было дано вновь открытому в этом здании магазину, который просуществовал недолго), ***Дружба***, ***Молочный*** (хотя в этом здании в настоящее время находится магазин парфюмерии и косметики), ***Милицейский***, ***Инвалидский***, ***Богатырь*** (когда-то официальное название магазина, где продавали одежду больших размеров, а сейчас – магазин света «Эдисон»); бывшая столовая ***Три поросенка***, остановка ***Штапельный***, пивная ***Шалман*** и т.д.

Надо отметить, что неофициальная городская топонимия постоянно развивается, обогащается новыми именованиями, поэтому в настоящее время стоит вопрос о необходимости создания сводного словаря микроурбонимов России, так как изучение подобных названий позволяет лучше представить языковую картину мира русского города. Как отмечают исследователи, «совокупность уникальных городских объектов и их неофициальные наименования создают неповторимое городское пространство, выделяющее данный город в ряде других, обусловливающее специфику восприятия города» [2, 263]. Топоним, как и имя собственное в целом, – это своеобразный социо-

культурный маркер, а потому чрезвычайно важным представляется лингвокультурологическое исследование подобных разговорных собственных имен, воссоздающих закрепленный в народном сознании образ города и отражающих разные типы речевой культуры.

Литература

1. Вахитов, С.В. Словарь уфимского сленга / С.В. Вахитов. – Уфа : Вагант, 2004. – 236 с.
2. Дмитриева, Л.М., Позднякова, Е.Ю. Языковое топонимическое пространство города Барнаула / Л.М. Дмитриева, Е.Ю. Позднякова // Язык города. – Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. – С. 256-270.
3. Дубровина, С.Ю. Микротопонимы Тамбова / С.Ю. Дубровина // Современный городской фольклор. – М. : РГГУ, 2003. – С. 477-484.
4. Клубков, П.А., Лурье, В.Ф. Разговорные топонимы как явление фольклора / П.А. Клубков, В.Ф. Лурье // Современный городской фольклор. – М. : РГГУ, 2003. – С. 450-459.
5. Липатов, А.Т., Журавлев, С.А. Региональный словарь субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). / А.Т. Липатов, С.А. Журавлев. – М. : ООО «Изд-во Элпис», 2009. – 288 с.
6. Николина, Н.А. Неофициальные урбанонимы в современной русской речи / Н.А. Николина // Язык современного города: Восьмые Шмелевские чтения. М. : ИРЯ РАН, 2008. – С. 125-128.
7. Отин, Е.С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка / Е.С. Отин // Λογος όνομαστική. – 2009. – № 3. – С. 59-63.
8. Потанахина, И.Н. Городская неофициальная топонимика / И.Н. Потанахина // Русский язык в школе. – 2008. – № 10. – С. 65–68.
9. Разумов, Р.В. Неофициальная номинация городских объектов в системе урбанонимов Рыбинска в 1970–2000-е гг. / Р.В. Разумов // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 17–19 марта 2006 г. – М. : ООО «Изд-во Элпис», 2008, С. 445–448.
10. Синдаловский, Н.А. На языке улиц. Рассказы о петербургской фразеологии. / Н.А. Синдаловский. – М. : Центрполиграф, 2006. – 263 с.
11. Синдаловский, Н.А. Словарь петербуржца. / Н.А. Синдаловский. – СПб. : Норинт, 2003. – 320 с.
12. Широков, А.Г. Городская неофициальная микротопонимия / А.Г. Широков // Ономастика Поволжья : тезисы докладов VIII Междунар. конф., Волгоград, 8-11 сентября 1998 г. – Волгоград : Перемена, 1998. С. 71-73.

Л.А. Годуйко, Н.Р. Якубук
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: smalusha@yandex.by

УДК 81'373.2:7.097(476)

НАЗВАНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММ: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *телепрограмма, телеоним, периферийные имена собственные, двуплановость семантики, принцип номинации.*

В статье проводится исследование лексико-семантической организации названий ТВ-программ основных белорусских каналов. Рассматриваются группы телеонимов в зависимости от соотношения их доономастического и ономастического значений; от принципа номинации, определяются особенности образования отобъектных и отадресатных наименований.

L.A.Goduiko, N.R.Yakubuk
Brest State University named after A.S. Pushkin

THE NAMES OF TELEVISION PROGRAMS: NOMINATIVE ASPECT

Key words: *TV program, teleonim, peripheral proper nouns, the semantics of duality, the principle of nomination.*

The article presents a study of lexical-semantic organization of the names of TV programs on major Belarusian channels. We consider the groups of teleonims depending on the ratio of their preonomastic and onomastic meanings; the principle of the nomination. The authors determine the building means of object-based and audience-based naming units.

Заглавие произведения – ключ к его интерпретации, именно поэтому читателя или зрителя по праву можно назвать коммуникативным соавтором: каждый адресат, произвольно или непроизвольно, строит собственный прогноз относительно содержания произведения уже на первоначальном этапе восприятия названия (Н.А. Кожина, Н.А. Николина, В.А. Лукин и др.) [6, с. 3]. Степень изученности наименований произведений разных видов искусства неодинакова: достаточно многочисленные работы, посвященные заголовку художественного и публицистического текста. Номинации кино- и телепроизведений внимание лингвистов привлекли в меньшей степени – из наиболее значимых работ назовем диссертации Ю.Н. Подымовой [6], М.С. Дудниковой [2], А.Н. Бертяковой [1] (на белорусском материале подобные исследования практически отсутствуют).

Мы обратились к последней группе онимов – интересной, подвижной, чутко реагирующей на различные языковые и экстралингвистические процессы. Это около 300 названий ТВ-программ (обозначим их как телеонимы), которые выходят в эфир на основных каналах нашей страны: «Беларусь-1», «Беларусь-2», «Беларусь-3», «Беларусь-5», «Беларусь-24», «НТВ-Беларусь», «ОНТ», «СТВ».

В научной литературе отражена неоднозначность взглядов на семантику онимов, в том числе периферийных. Ряд исследователей говорит о двуплановости подобных имен собственных, наличии у них двух значений. Первое – **доономастическое** – значение слова/слов, положенных в основу имени и отражающих различные свойства денотата. **Ономастическое** значение проявляется в способности имени соотноситься с определенными реалиями [3, с. 11], в нашем случае – телепрограммами. Актуализации этого значения помогает в том числе родовой термин: ***программа об армии*** *«Арсенал»,* ***ток-шоу*** *«Здоровье»,* ***познавательно-развлекательная программа*** *«Разрушители мифов»,* ***документальный цикл расследований*** *«Экстрасенсы-детективы»* и т.д.

В зависимости от соотношения названных значений зафиксированные телеонимы составляют две группы. В первую входят **реальные имена**, прямо указывающие на свойства телепрограммы: *«Размовы пра духоўнае», «Калыханка», «Суд присяжных», «Астропрогноз», «Навіны надвор'я», «Спортлото 6 из 49. КЕНО», «Музеі Беларусі», «Музыкальные вечера в Мирском замке», «Песни прошлого века», «Гандбол. Лига чемпионов»* и др.

В основе **символического** телеонима, как правило, лежит сходство/ смежность с именуемым объектом: *«Святло далёкай зоркі»* (передача памяти ушедших из жизни писателей, композиторов, ученых и других звезд), *«Подых струн»* (музыкальная программа), *«Открытый формат»* (ток-шоу), *«Дыхание планеты», «Автобус»* (участники реалити-шоу путешествуют на этом виде транспорта), *«Орел и решка»* (ведущие трэвел-шоу перед поездкой бросают монетку и определяют, кому из них достанется всего сто долларов, а кому золотая карта с неограниченными возможностями), *«100 миллионов»* (интеллектуальная игра на деньги) и др.

Важным условием функционирования наименований телепрограмм (как и других РИ) является стремление к сохранению прозрачной внутренней формы. Причем ситуация называния – в силу сложности и разнообразия возможных отношений между ее элементами [5, с. 47] – отображается в исследуемых онимах множественностью форм.

Значительный пласт зафиксированных имен содержит сведения об **именуемой телепрограмме**. Так, в ряде названий присутствуют компоненты с общим значением ‘информация (в том числе жанр, формат, в котором она подается)’ или/и общим значением ‘время’: *«Главный* ***эфир****»,* *«"Центральное* ***телевидение****" с Вадимом Такменевым», «XXL Woman* ***TV****»* (женский журнал), *«****Новости*** *спорта», «Актуальное* ***интервью****», «Специальный* ***репортаж****», «****Документальный*** *проект», «Столичные* ***подробности****», «****Пропаганда****», «Самые шокирующие* ***гипотезы****»;* *«****Время****», «Белорусское* ***времечко****»,* *«Наше* ***утро****», «****Субботнее утро****», «****Воскресная проповедь****», «****Сегодня****», «Акценты* ***недели****», «****24 часа****»;* *«****Телеутро****», «****Ночные новости****»* и др. Практически все приведенные примеры – названия новостных, информационно-аналитических программ.

О проблематике телепроизведений, их участниках, героях, целевой аудитории сообщают зрителю наименования типа: *«Існасць»* (программа о христианстве), *«Клуб редакторов»*, *«Мой бизнес»*, *«Революции XXI века»*, *«Контрольная закупка»*, *«Брэйн-ринг»*, *«Свет прыроды»*, *«Врачебные тайны плюс»*, *«Фазенда»*, *«Дача»*, *«Идеальный ремонт»*, *«Главная дорога»* (для автолюбителей), *«Белорусская кухня»*, *«Время футбола»*, *«Мир Английской премьер-лиги»*, *«1/2 финала Международной лиги КВН»* и др.

Обращают на себя внимание имена «авторских» программ: *«В гостях у **Бориса Аверина**»*, *«Тайны **Чапман**»*, *«"Простые вопросы" с **Егором Хрусталевым**»*, *«Утро с **Юлией Высоцкой**»* и др. Игры с фамилиями нашли отражение в названиях *«**Козел** про футбол»* (матчи с участием белорусских команд глазами Кристины Козел)) и *«"Время **Г**" с **Вадимом Галыгиным**»*.

В целом отобъектные телеонимы опираются на устоявшиеся традиции, требуют от именующего субъекта минимум усилий.

Названия программ, ориентированные на **привлечение внимания адресата,** характеризуются поиском нетрадиционных средств. Для этого, во-первых, употребляются языковые обороты, побуждающие адресата отождествлять себя с участниками/зрителями передачи. Эффективны в этом отношении местоимения личные, притяжательные, а также определительное местоимение *все*: *«**Я** пою!»*, *«**Твой** город»*, *«**Мой** бизнес»*, *«**Наши**»*, *«**Наше** дело»*, *«**Ваше** лото»*, *«Хоккей для **всех**»* и др.

Во-вторых, высокой прагматической направленностью на зрительскую аудиторию характеризуются онимы, включающие в свой состав обращения (*«Доброе утро, **Беларусь**!»*, причем *Беларусь* – каждый из зрителей); названия, представляющие собой восклицательные и/или побудительные предложения, например: *«Я хочу это увидеть**!**»* (о мотопутешествиях по интересным местам нашей страны); *«**Дазвольце** расказаць!»*, *«**Едим** дома!»*, *«**Смотреть** всем!»*, *«**Пусть** говорят»* и др.

В-третьих, для установления эмоционального контакта с потенциальным зрителем номинаторы стремятся деавтоматизировать восприятие телеонима адресатом, вовлечь его в лингвокреативную деятельность. Как результат – среди исследуемых названий телепрограмм отмечены случаи **языковой игры** [3] (ЯИ) на различных уровнях.

Примерами **графической ЯИ** служат онимы, в которых наблюдаем: а) **идеографизацию**, когда используются знаки из латиницы, других семиотических систем: *«PRO спорт»*, *«Пин_код»* (молодежный интерактивный проект); б) **интеграцию**, т.е. снятие пробелов между словами: *«НашПотребНадзор»* (от *наш* и *потребнадзор*); в) **капитализацию** – игру со строчными и прописными буквами (в предыдущем примере она скорее для четкой, выразительной подачи трехкомпонентного окказионального деривата). Более интересны случаи выделения сегмента слова, когда обыгрываются несколько связей номинации с мотивирующей базой. Например, в телеониме *«АРТиШОК»* одна связь – с названием диковинного растения, пищей людей не простых, избранных, а вторая – со словами *арт, шок* (программа рассказывает об искусстве, о новостях культуры, вызывающих, по мнению ее создателей, «культурный шок»). В наименовании шоу *«ДОстояние РЕспублики»*, на котором звучат песни, ставшие историей, в результате капитализации появляется второй план – музыкальный (*до* и *ре* – ноты).

Целый **комплекс средств ЯИ** (в том числе словообразовательной) – включение знака из интернет-сферы и замена последнего компонента мотивирующего слова *дыялог* – обнаруживаем в ониме *«Дыя@блог»*. И это не случайно: основной канал общения ведущей со зрителями – блог.

Словообразовательная ЯИ репрезентована неолексемами, часть которых создана узуальными способами: суффиксацией – *«Научное шоу профессора **Открывашкина**»* (детская познавательно-развлекательная программа; антропоним мотивируется глаголом *открывать* 'найти, установить путем исследований') и сложением – *«Телебарометр»*, *«Автопанорама»*, *«ТВ-такси»* (в этом шоу события разворачиваются в такси), *«СТВ-спорт»* и др. Из окказиональных способов отмечена **заменительная деривация**: *«Дабр**аранак**»* (ср. с бел. *дабранач*, в котором последний компонент заменили на антонимичный), *«**Бард**-парад»* (ср. с *хит-парад*, где вместо первого компонента – основа слова из той же тематической группы «Музыка»).

Примером **семантической деривации** служит телеоним *«Кипяток»* – название юмористической программы, как утверждают ее создатели, «о горячих новинках Всемирной паутины, жарких новостях блогов и хай-тек-примочках самого высокого градуса». Мотивирующее существительное (его узуальные значения – ‘кипящая или вскипевшая вода’ и ‘перен. об очень горячем, вспыльчивом человеке (разг. фам.)’) расширяет свою семантику и приобретает новое значение – ‘горячая информация’.

Номинаторы телепрограмм используют **ЯИ**, основанную на **антонимии:** в названиях *«Квартирный вопрос»* и *«Дачный ответ»* противопоставлены существительные *вопрос – ответ*; также контекстуальными антонимами представляются прилагательные *квартирный – дачный.*

Игры с многозначностью лексемы приводят к возникновению двусмысленности, актуализации обоих значений слова, в том числе прямого. В наименованиях *«Дело **вкуса**»* и *«Азбука **вкуса**» вкус* означает и ‘способность эстетической оценки’ и ‘смак’ – в результате удачно отражается ориентация кулинарных шоу на формирование культуры питания телезрителей.

Интересные результаты дают **игры с омонимией**, например: *«По**е**дем, поед**и**м!»* (кулинарно-познавательная программа) и *«Жить здорово!».* По поводу последнего названия ведущая Елена Малышева подчеркивает, что оно совсем не случайно: «В русском языке слова “зд**о**рово” и “здор**о**во” пишутся абсолютно одинаково, а для нас важно, чтобы оба этих понятия стали для зрителей синонимами». Омонимия компонентов фразеологизмов, послуживших базой для наименований *«Коробка передач»* и *«Первая передача»*, приводит к появлению у устойчивых единиц новых значений: онимы, помимо отсылки к автомобильному делу, содержат указание на сферу телевидения (*передача*). Последняя номинация также намекает на место именуемой программы среди других (*первая*).

В-четвертых, для привлечение внимания зрителя, апеллирования к его фоновым знаниям, создания необходимых оценочных ассоциаций номинаторы обращаются к **прецедентным феноменам.** Целый ряд телеонимов – это фразеологизмы, номинативные словосочетания, цитаты из песен, художественых произведений, традиционные приветствия, расхожие фразы: *«Такова жизнь», «Званый ужин», «Горячий лед», «Крупным планом», «Секрет фирмы», «Дело принципа», «Обратный отсчет», «Чудо техники»* (цикл о новейших разработках ученых), *«На том же месте в тот же час», «Жди меня», «Поле чудес», «Дорогая передача», «Здравствуйте, доктор!», «Родителей в школу!», «Сделано в Беларуси», «Время покажет»* и др.

Устойчивые единицы в кругу телеонимов не просто репродуцируются, нередко они становятся объектом **ЯИ**. В частности, возможны различные их **трансформации**. Трансформацию **структурную** (сокращение) и **морфологическую** (изменение времени глагола) отражает оним *«Следствие вели…»*. Он возвращает зрителя в СССР, рассказывает о совершенных в ту эпоху громких преступлениях (ср. с названием известного сериала о советской милиции *«Следствие ведут знатоки»*).

При **лексической** трансформации наблюдаем замену одного из компонентов фразеологизма на антоним (*«Наедине со **всеми**»* – ср. с узуальным *наедине с собой*) или на слово из иной ЛСГ, в том числе созвучное: *«Добро пожаловаться»* (ср. с узуальным *добро пожаловать*), *«День в большом городе»* (ср. с названием нашумевшего сериала *«Секс в большом городе»*). Телепроект *«Понять и обезвредить»* учит разрешать конфликтные ситуации: зрителю предлагают интересные факты, мнения, советы экспертов, но он должен сделать выбор сам; отсюда и название программы (ср. с узуальным *найти и обезвредить*). Для наименований кулинарного шоу *«50 рецептов первого»* и информационной программы *«50 оттенков. Бел**о**ва»* мотивирующими выступили названия известого романа и его экранизации. В последнем примере омонимия совмещена с графической ЯИ: точка снимает вопрос о статусе последнего слова – это фамилия ведущей. Интересна номинация *«Непутевые заметки»*, в которой переплелись омонимичные и окказионально антонимичные прилагательные: *путев**ы**е* (от *путь*) и *пут**ё**вые/непут**ё**вые* (т.е. ‘легкомысленные’). А именно так непринужденно, будто бы несерьезно ведет свою передачу Дмитрий Крылов.

В целом отадресатные телеонимы предполагают определенные интерпретаторские усилия со стороны зрителя.

Таким образом, лексико-семантическая организация исследуемых онимов связана с выполняемыми ими функциями (номинативной, информативной, рекламной, эстетической, экспрессивной и др.), одна из которых оказывается ведущей. Яркой чертой исследуемых номинаций является их прозрачная внутренняя форма, метафоричность, метонимичность, лаконичность, клишированность, ориентированность на языковую игру.

Литература

1. Бертякова, А.Н. Лексико-семантические и синтаксические особенности заголовков телевизионных передач : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Н. Бертякова ; Таганрогский гос. пед. ин-т. – Таганрог, 1997. – 22 с.

2. Дудникова, М.С. Номинативная парадигма англоязычного телевизионного дискурса (на материале названий развлекательных передач Британии и США) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / М.С. Дудникова ; Самарский гос. ун-т. –Самара, 2004. – 20 с.

3. Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 296 с.

4. Крюкова, И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / И.В. Крюкова ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1993. – 21 с.

5. Крюкова, И.В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.

6. Подымова, Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 205 с.

И.К. Жилина
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Irinka_ZHILINA@mail.ru

УДК 811.161.1’373.2:336.71:659.1:347.772

БАНКОНИМ: ПРАГМАТОНИМ ИЛИ ИДЕОНИМ

Ключевые слова: *ономастика, оним, нейминг, прагматоним, коммерческая номинация, продукт, идеоним, банконим.*

В статье описывается проблема идентификации банконима как объекта ономастических исследований. Противопоставляются два подхода к определению места банконима в ономастической системе: банконим – разновидность прагматонима, банконим – разновидность идеонима.

I.K. Zhilina
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

BANKONYM: PRAGMATONYM OR IDEONYM

Key words: *onomastics, onym, naming, pragmatonym, commercial nomination, product, ideonym, bankonym.*

The article describes the problem of identification of bankonym as an object of onomastics research. There are two approaches to defining the place of bankonym in onomastics system: bankonym is a kind of pragmatonym, bankonym is a kind of ideonyom.

Имя собственное представляет собой весьма значимое явление в жизни общества, поскольку человек окружен различными субъектами и объектами живой и неживой природы, которые имеют свои названия. Ученые-ономасты, исследуя имена, обращались к различным сферам чело-

веческой деятельности, в том числе ко всевозможным видам бытовых услуг. Поэтому закономерным становится изучение словесных товарных знаков, которые представляют собой наименования различных продуктов, поступающих к потребителю. Данной проблематике посвящены работы Л. А. Введенской, О. В. Глуховой, М. В. Голомидовой, Т. В. Евсюковой, Н. П. Колесникова, З. П. Комоловой, И. В. Крюковой, А. М. Мезенко, М. Е. Новичихиной, Т. П. Романовой, Е. А. Рябовой, Т. А. Соболевой, Т. П. Соколовой, Н. А. Стадульской, А. В. Суперанской, О. С. Фоменко, Н. Л. Шведовой, Н. В. Шимкевича, О. Е. Яковлевой и др.

С давних времен люди ставили на своих товарах специальные отметины, которые указывали на изготовителя данного продукта, а также служили гарантом качества. Именно из них в дальнейшем сформировалось рекламное название (коммерческое имя, словесный товарный знак, прагматоним, прагмоним, товароним).

Номинации товаров (прагматонимы) представляют собой объекты интеллектуальной деятельности человека и регистрируются законом. Они являются искусственными, часто весьма оригинальными названиями, сочетаниями букв, цифр, которые именуют предметы, практически значимые в жизнедеятельности человека и общества в целом. В. А. Суперанская подчеркивала, что товарные знаки составляют отдельный сектор собственных имен, который тесно связан с практической деятельностью человека. Как правило, это вторичные искусственные образования, в которых давно известные слова (имена нарицательные и собственные) используются не в своем прямом значении и соседствуют со специально придуманными подобиями слов [5].

Важной особенностью коммерческой номинации является априорный, запланированный номинатором прагматический эффект. Активно продвигаются различные названия продуктов средствами массовой информации. И для того, чтобы выгодно продать, необходимо красиво «упаковать», т.е. продумать маркетинговую стратегию, включающую множество аспектов, среди которых нейминг (от *англ.* “name” – имя) – процесс создания рекламного имени продукта. Кроме маркетологов и экономистов, активно изучают коммерческую номинацию ученые-лингвисты.

С развитием постиндустриального общества все большую роль начинают играть банки, которые помогают сохранить и преумножить капитал. Вместе с ними развивается и перечень услуг, которые они предоставляют. На данный момент банковские продукты настолько прочно вошли в повседневную действительность, что большинство людей уже не представляет без них своей жизни. Поэтому возникает необходимость в обращении к такой разновидности онима, как банконим (названия вкладов, кредитов и т.д.). Такие важные для потребителя категории, как названия банковских продуктов, остаются мало исследованными с точки зрения номинации. Об этом свидетельствует тот факт, что не определено их положение в ономастической системе. Важно отметить, что под банковским продуктом понимается конкретный вид определенной услуги (кредитование – услуга, кредит – продукт и т.д.).

В отличие от прочих нематериальных продуктов, которые могут быть направлены на потребителя или принадлежащую ему вещь, банковские продукты обращены на деньги, поскольку плата за продукт поступает в денежной форме. И банковская организация, и сами потребители (клиенты) способствуют генерации денежных потоков. Именно банк, работая с платежными средствами, вовлекает в процесс их потребления все общество.

При изучении банконимов нами были выявлены два подхода к определению их места в ономастической системе: банконим представляет собой подвид прагматонима, банконим – подвид идеонима.

В своем исследовании мы полагали, что банконим относится к разряду прагматонимов (от греч. *pragma* – “вещь”, “товар”), поскольку называет продукт, хотя и нематериальный. В настоящее время многие явления стали именовать продуктами, что связано с развитием сферы услуг, коммерческих отношений и, как результат, формированием общества потребления.

При дальнейшем изучении появляется еще один взгляд на название банковского продукта относительно его места в ономастической системе: банконим представляет собой идеоним. Термин «идеоним» находим в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [2]. Под ним понимают имя собственное объекта, который относится к умственной, идеологиче-

ской и художественной сферам деятельности. Сюда относятся названия различных произведений искусства и литературы, научных трудов, средств массовой информации и т.п. Совокупность таких имен собственных называется идеонимией.

Сам термин «идеоним» представляет собой родовое понятие, поскольку включает онимы, относящиеся к различным видам искусства. По этой причине данный сектор ономастического пространства подвергается внутренней дифференциации. Выделяют библионимы – названия книг и произведений художественной литературы, артионимы – названия произведений изобразительного и музыкального искусства, названия кинофильмов (Ю. Н. Подымова именует их фильмонимами) и т.д. Изучением идеонимов занимались следующие ученые: А. В. Антропова, Е. А. Бурмистрова, Н. В. Губина, Н. В. Кныш, Н. В. Кожина, Ли Лицюнь, Д. В. Майданюк, Д. Н. Медриш, Ю. Н. Подымова Н. А. Фатеева и др.

Данные разряды имен собственных являют собой сложный языковой феномен, который связан с решением множества вопросов. Важно подчеркнуть, что идеонимы представляют собой автономную, но не изолированную единицу всей ономастической системы, поэтому она подчиняется общелингвистическим законам, однако отличается уникальным лингвокультурным содержанием. Это обусловлено значительным влиянием экстралингвистических факторов, поскольку имя дается не самому предмету, а идее.

Если говорить о банковском продукте, то он представляет собой явление нематериального деятельности человека, которое включает совокупность финансовых предложений (идей), отражающих процентные ставки, сроки вклада или кредита и т.д. Именно эта особенность роднит банконим с идеонимом. Однако лишь в редких случаях можно встретить банконимы с ярко выраженным культорологическим содержанием, например, *«Мороз и солнце»* (отсылка к стихотворению А. С. Пушкина «Зимнее утро»), *«Шкварка на картку»* (*шкварки* – небольшие сильно зажаренные кусочки сала или жареного мяса, которые считаются белорусским и украинским деликатесом) и т.д., по этой причине считаем, что нельзя однозначно причислить банконим к классу идеонимов.

Различаются цели словесного товарного знака и названия произведений умственной деятельности. Произведения искусства отличаются своей единичностью, неповторимостью, в то время как товарные знаки схожи с фирменными и сортовыми названиями. Еще раз подчеркнем, что идеонимы отражают культуру, которая содержится в языке. Так, А. В. Суперанская в книге «Общая теория имени собственного» [4] приводит в качестве примера название картины Шишкина *«Утро в сосновом лесу»* (артионим) и говорит о том, что, сколько бы копий данного произведения не было, название не станет товарным знаком. Хотя он может включать номинации произведений искусства для рекламирования товара, для создания дополнительных положительных ассоциаций от продукта, например, конфеты *«Утро в сосновом лесу»*. Так образуются имена-омонимы.

И прагматоним, и идеоним индивидуализируют объекты, однако первый индивидуализирует его особое свойство быть чьей-либо собственностью, создается с рекламной целью, чтобы лучше продавался продукт; второй не нуждается в особой рекламе, поскольку объекты духовной, художественной деятельности первостепенно не ориентированы на деньги, они призывают лишь к созерцанию прекрасного. Хотя с развитием массового, низкосортного искусства, даже книги, картины и прочее становятся товаром, и тем самым теряют свою художественную ценность, превращаясь лишь в средство (способ) для зарабатывания денег. Поэтому можно сделать вывод, что подобные номинации могут переходить из разряда идеонимов в прагматонимы, поскольку меняется их назначение.

Подобное пограничное (переходное) состояние видим и в номинациях кредитной сферы. Нельзя однозначно определить место наименования банковского продукта. На наш взгляд, банконим занимает промежуточное положение между прагматонимом и идеонимом, поскольку название банковского продукта невозможно приравнять к названиям произведений искусства. Это можно объяснить тем, что данные номинации служат не просто именем, а выступают своего рода меткой, которая рекламирует и помогает выгодно продать товар. Она всегда содержит положительную оценку, хотя не всегда характеристика продукта соответствует истине.

Важно отметить, что идеонимы включают имена, относящиеся к умственной деятельности человека. Создание оригинальных названий банковских продуктов – это, безусловно, процесс

мыслительной работы маркетологов и PR-менеджеров, однако их целью является лишь продвижение и реализация продукта на рынке.

Таким образом, мы пришли к выводу, что банконим не вписывается в четкие рамки прагматонима или идеонима, он находится на их границе и вбирает в себя свойства как одного разряда ономастики, так и другого. Данная особенность обусловлена тем, что банконимы относятся к периферии ономастической пространства. А для нее типично наличие нехарактерных для ядерной части онимов особенностей, таких как: отсутствие или недостаточная разработанность единых общепринятых принципов для классификации, вероятность сохранения их внутренней формы. Кроме того, под влиянием экстралингвистических факторов онимы данного корпуса могут отличаться неустойчивостью и изменчивостью, зачастую они функционируют в виде многокомпонентных наименований и даже аббревиатур.

Литература

1 Мазняк, В. М. Управление банковским продуктом : учебно-методическое пособие / В. М. Мазняк. – Ростов-на-Дону : Ростовский гос. экономич. ун-т, 2007. – 82 с.

2 Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с

3 Разработка и виды банковских продуктов // Банковский информационный портал Банк-Инфо.РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа : http ://xn----7sbc4airdi7c.xn–p1ai/bank-teoriya/published/bankovskie-produkty.html. – Дата доступа : 14.12.2015.

4 Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Либроком, 2012. – 368 с.

5 Суперанская, А. В. Товарные знаки / А. В. Суперанская, Т. А. Соболева. – М. : Либроком, 2009. – 192 с.

И.А. Лисова
ГБОУ СШ № 374 Московского района Санкт-Петербурга
e-mail: Reallisowa@mail.ru

УДК 811.161.1'373

НАИМЕНОВАНИЯ МЯГКИХ ИГРУШЕК И КУКОЛ: ОСОБЕННОСТИ НЕЙМИНГА

Ключевые слова: *неофициальный антропоним, зооним, модели именования, деминутив, форма имени, нейминг.*

В статье анализируются названия мягких игрушек и кукол, предлагаемых Интернет-сайтами и магазинами Республики Беларусь, определяются их структурно-семантические разновидности, прослеживается взаимосвязь с доминантами и основными тенденциями региональной неофициальной антропонимии и зоонимии.

I.A. Lisova
GBOU school № 374 of the Moscow District of St. Petersburg

NAMES OF SOFT TOYS AND DOLLS: PECULIARITIES OF NAMING

Key words: *unofficial anthroponym, zoonym, the naming models, deminutiv, the name form, naming.*

The article analyzes the names of the soft toys and dolls offered by Internet sites and shops of the Republic of Belarus, are defined by their structural and semantic variations, observed their relationship with dominants tendencies and main regional informal antroponyms and zoonyms.

Человек-творец как объект антропоцентрической парадигмы в нейминге проявляет себя наиболее ярко, не просто отражая особенности своего внутреннего мира, но и преобразуя окружающий мир, что обусловливает ***актуальность*** предпринятого исследования. ***Целью*** статьи яв-

ляется отражение номинативных приоритетов и их связей в группах «хрематоним – антропоним – зооним», функционирующих в одном коммуникативном пространстве.

Материал и методы. Материалом наших изысканий стали **201** номинация мягких игрушек и кукол, предлагаемых Интернет-сайтами и магазинами Республики Беларусь (shop.by; poigraika.by; buslik.by; vinny.shop.by; mamazin.by), а также неофициальные антропонимы и зоонимы, актуальные для речи Витеблян. Выявление актуализаторов нейминга мягких игрушек и кукол позволит сравнить их с приоритетами в бионимии, функционирующей в исследуемом ареале, что способствует установлению привлекательности названия товара.

В качестве региона, в котором проведено исследование материала, было избрано Белорусское Поозерье, где реализуются избранные нами товары. В 2012-2013 гг. было зафиксировано **219** прозвищных номинаций (антропонимов, не связанных словообразовательными отношениями с официальным именем респондента).

Методика работы представлена совокупностью таких методов и приемов, как анкетирование, морфологический, структурно-семантический, этимологический и корреляционный анализ, элементы статистического метода. ***Новизной*** подхода стало установление когнитивных связей элементов исследуемых онимных групп.

Результаты и их обсуждение. Кукла представляет собой аналог фрагмента окружающего нас мира, порой мало напоминающий этот мир или передающий его достаточно условно. «Деление имен на одушевленные и неодушевленные даже в языках, где эта категория четко выражена, не отражает полностью существующее в науке деление на живое и неживое» [1,7], но транслирует представления о мире и верованиях человека, зафиксированные в языке. К примеру, достаточно вспомнить детскую забаву – кукол из одуванчиков, незначительно схожих с людьми, но в игре их заменяющих. «Говоря о кукле, мы имеем в виду любые антропо- и зооморфные фигурки, употреблявшиеся в традиционных обрядовых и необрядовых практиках и способные в условно-игровых формах заменять человека, выступать в его функции, а также их аналоги в современном быту, в том числе детских играх» [9, 10]. Названия кукол и мягких игрушек относятся к **хрематонимам** (именам объектов материальной культуры). Особенность этого пласта ономастической лексики состоит в том, что он активно взаимодействует с бионимной системой, моделью которой является.

Н.Д. Голев и М. Дебренн под «**бионимами**» понимают «наименования видов флоры и фауны» [5, 80]. Проприальный сегмент бионимной лексики представлен антропонимами и зоонимами. Процесс наречения в ономастической литературе обозначен терминами «**номинация**» или «**нейминг**». Однако в последние десятилетия проявляется процесс дизъюнкции данных терминов. Под номинацией в лингвистике чаще всего понимают «процесс называния, в котором языковые элементы соответствуют объектам, которые они обозначают» [3, 74]. В дефиниции термина «нейминг» подчеркивается прагматизм, коммерциализация направленности данного процесса: нейминг – это «создание имени в коммерческой деятельности» [6, 374]. Это обусловливает ***практическую*** перспективу нашего исследования, которая заключается в разработке рекомендаций по регионально ориентированному неймингу.

Состав хрематонимного материала сформирован из названий кукол (111 ед.), пупсов (10 ед.), а также игрушек-животных, самыми популярными из которых являются названия псов – 13 ед., медведей – 10 ед., лошадей – 9 ед., котов – 8 ед., зайцев – 7 ед. и др. В структурном отношении большинство названий однословные (**55,22%**) и двухсловные (**30,85%**), что облегчает их запоминание. Однословные названия выражены преимущественно именами существительными (*Дракоша*), две номинации – прилагательными (*Осенняя* – название куклы). Двухсловны в основном названия мягких игрушек (обозначающие животных), состоящие из двух существительных (апеллятивной и проприальной части: *Динозавр Литтлфут*) или существительным с прилагательным (*Конь Богатырский, Сонный Тигруля*), реже существительным с числительным (показателем места игрушки в линии товаров: *Маринка 2*). Другие номинации (из трех, четырех и пяти слов – **9,95%**, **2,49%**, **1,49%** соответственно) представлены различными предложно-падежными сочетаниями, описывающими внешний вид игрушки (*Бегемотик со шваброй; Мягкая кукла Божья коровка* – пупс в костюме божьей коровки; *Овечка белая с голубыми копытцами*).

Субъективность выбора неофициального имени, как и названия игрушки, определяется его **прагмакомпонентом**. Нейминг кукол и мягких игрушек ориентирован на особенности общения с детьми, в котором значительное место занимают уменьшительно-ласкательные формы и прозвища. Это также определяет наличие лепетных форм в названиях мягких игрушек и кукол (*Бяшка Валерка, Лалалупси*). Наиболее распространены в образовании зоонимов Белорусского Поозерья форманты **-к-а** (*Сонька*), и **-очк-а** (*Белочка* ← белая) [7, 154], а антропонимов – **-к-а** (*Дунька*),**-очк-а** (*Козочка*) и **-ик** (*Барсик*). Наиболее популярно образование названий игрушек при помощи формантов **-к-а** (щенок *Тимка*) и **-ик** (*Котенок-Круглик*). Однако названия игрушек зачастую не создаются в языке заново, а формируются при помощи первичного или вторичного переноса готовой лексики. Перенос в нейминге обусловлен прагматической целью производителя – стремлением сделать продукт привлекательным. Среди актуализаторов переноса бионимов в названия игрушек нами выявлены следующие:

1) типичность именований человека или животного (как наиболее используемых в том или ином социуме: кукла *Маша, Медведь Сашка, Дружок*);

2) их прецедентность и ассоциативный фон номинации (*Пятачок, Антошка*).

Мотивационные принципы названий мягких игрушек и кукол, реализующихся на территории Республики Беларусь, обусловливают их связь с бионимной лексикой. Прямой (первичный) ее перенос осуществляется в следующих группах элементов хрематонимии. Антропоморфный код культуры в наименованиях кукол транслируют отантропонимные названия (в том числе и антропозоонимы) – **60,70%:** *Игрушка мягконабивная Лиза, Лошадка Шурка*. Еще **7,46%** представлено отзоонимными номинациями (одно от мифозоонима): *Мягкая кукла-повторюшка Козлик, Русалка*.

А.В. Балабанова называет путь образования в художественной речи антропозоонимов «**зоонимическим олицетворением**» [2, 55]. Сообразно этому, для описания комплексного мотивационного процесса перехода в хрематонимы можно использовать термин «**прагматическое олицетворение**», а его объектами антропо- и зоохрематонимы.

Сема «животное» фиксируется в прецедентных названиях персонажей мультфильмов, русских и зарубежных (**8,46%:** *Котенок Гав, Бонифаций, лев Алекс*). Немаловажную роль в нейминге кукол и мягких игрушек играет ассоциативный фактор, направленность на лингвокультурную ассоциацию, «форма репрезентации лексического значения слова, представляющая собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул» [4, 146] (*Собачка Йорик* – хрематоним от названия породы собаки йоркширский терьер; ассоциативно персонажу пьесы У. Шекспира «Гамлет»). Ассоциативный переход происходит обычно и по линии «зооним – антропоним» в том случае, когда человек получает прозвище: «образ может создаваться посредством ссылки на птиц и животных, которым человек приписывает различные качества» [3, 76].

Вторичный перенос наименований осуществляется в группах хрематонимов или их элементов, мотивированных их отличительными особенностями (**26,37%**):

1) видом костюма или его назначением, общей его оценкой (*Карла Гольфистка, Кэрол Невеста, Вишенка, Лето, Стильный Роман*) и сопровождающими игрушки предметами (*Овечка стоящая, с бантиком, Конь в пальто*);

2) внешними характеристиками игрушек: вид, строение тела, размер, раса, цвет (*Дракон двухголовый, Зебра Ryan большая, Нора африканка, Красный дракон*);

3) функциональными признаками игрушек: ароматом игрушки (*Фруктовая Соня, Малиновая Кэрри*), состоянием и выполняемыми действиями (*Сонный Ушастик, Хохотун-пупс, Винни-сказочник*).

Редкими мотиваторами номинации мягких игрушек и кукол являются наименования детей (*Карапуз, Голыш*), место объекта номинации в социальной или родовой структуре (*Братик, Бабушка; Обезьянка-Лангур*), топонимы (*Медвежонок Чиба с зайцем*, Чиба – город в Японии на острове Хонсю; *Котенок Cancun*, город в Мексике на полуострове Юкатан), названия торговой марки (*Palace Pets* – питомец Авроры котенок; *Котик Басик* от компании BUDI BASA).

Соотнесенность мотивационных принципов вторичного переноса названий можно проследить на примере сравнения названий игрушек, прозвищ и зоонимов. Исследованием зоонимии

Белорусского Поозерья занимается А.С. Марудова, которая установила, что «самым высоким фреквентативным показателем характеризуется называние домашних животных по их внешнему виду (**43,5%**), поскольку чаще всего человек замечает в животном именно его внешние отличительные признаки» [8, 81]. Большинство прозвищ, по нашим данным, мотивированы:

1) реалиями флоры и фауны (**25,71%:** *Белка, Кенгуру, Бусел; Фиалка, Укропчик*);

2) внешними признаками именуемого (**23,81%:** *Белый, Толстый*);

3) социальными ролями или статусными отношениями коммуникантов (**13,33%:** *Бро* от брат, *Шеф, Классуха*);

4) прецедентными именами персонажей художественных и мультипликационных фильмов (**11,43%:** *Вэйдер, Смурфик, Болик*).

Важно отметить, что называние человека зоонимом или фитонимом, в отличие от игрушки, происходит по характерным особенностям именуемого, аллегорически.

Помимо реалий социума, актуализирующих элементы названия игрушки, привлекательность наименования обусловлена его внешним (фонетическим) обликом, зависящим от языка, из которого оно заимствовано. Иноязычное происхождение характеризует **30,35%** названий мягких игрушек и кукол, собранных нами (**72,13%, 9,84%, 6,56**% из английского, немецкого и арабского языков соответственно: *Черепашка ниндзя Leonardo*, куклы *Рапунцель, Ясмин*). В неофициальном именовании людей также встречаются иноязычные формы, которые обозначены респондентами как модные (*Эндрю ← Андрей*). Названия игрушек, пришедших из английского, в отличие от антропонимов, передаются как с помощью транслитерации (кукла *Дейзи*), что более характерно для названий кукол, так и собственно иноязычным вариантом (*My Little Pony*). Объяснением широкого употребления англицизмов является глобализация информационного пространства, обеспечивающая и приток англоязычных зоонимов, зафиксированных А.С. Марудовой [8, 164].

Выводы. Таким образом, нейминг мягких игрушек и кукол ориентирован на основные особенности бионимии: общим мотивационным принципом прозвищных, зоонимных и хрематонимных (названий игрушек) номинаций являются внешние особенности именуемого; структурно-семантические модели номинации выделенных групп практически совпадают. Нейминг содействует глобализационным процессам и подвержен им: создатели названий игрушек руководствуются механизмами социализации детей, ориентируются на их речь и активно пользуются заимствованиями, которые становятся модными. Вопрос о том, в какой мере в региональной коммуникации адаптируется хрематонимная лексика, остается открытым, поэтому перспективой нашего исследования является сбор информации о функционировании названий мягких игрушек и кукол в детской речи исследуемого региона.

Литература

1. Байдак, А. В. Средства выражения одушевленности/неодушевленности в селькупском языке / А. В. Байдак // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 7–12.

2. Балабанова, А. В. Структурно-семантическое своеобразие зоонимических олицетворений в художественном дискурсе Е. И. Носова / А. В. Балабанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70. – С. 54–58.

3. Ван Несс, С. Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований / С. Р. Ван Несс // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 16. – С. 74–77.

4. Волобуева, Ю. С. Формы репрезентации обыденной семантики бионимической лексики (на материале метаязыковых рефлексий и ассоциаций рядовых носителей русского языка) / Ю. С. Волобуева // Вестник КемГУ. – 2011. – № 2 (46). – С. 145–149.

5. Голев, Н. Д., Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации / Н. Д. Голев, М. Дебренн // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 80–91.

6. Маринова, Е. В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке (нормативный аспект) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы : сб. статей / М. В. Китайгородская и др.; отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2006 – С. 371–383.

7. Марудова, А. С. Массовая культура – зоонимикон: проблемы влияния / А. С. Марудова // Русский язык в современном мире : материалы международной научно-практической конференции, Смоленск, 28 мая 2015. – Смоленск, 2015. – С. 161–164.

8. Марудова, А. С. Особенности репрезентации основных принципов номинации в зоонимии г. Витебска / А. С. Марудова // VI Международная научно-практическая конференция «Мир языков: ракурс и перспектива» (22 апреля 2015 г.). В 7 т. – Т. 2. – Минск : БГУ, 2015. – С. 80–85.

9. Морозов, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма) / И. А. Морозов. – М. : Индрик, 2011. – 352 с.

А.С. Марудова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: marudova.anna@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2:636(476.5)

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *неофициальная номинация, зооним, Белорусское Поозерье, эмоциональный аспект, коннотация.*

В статье анализируются неофициональные клички домашних животных жителей Белорусского Поозерья с точки зрения эмоциональной характеристики. Устанавливаются основные особенности и значения неофициальных зоонимов и причины их возникновения.

A.S. Marudova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

INFORMAL NOMINATION OF PETS OF BELARUSIAN POOZERYE: THE EMOTIONAL ASPECT

Key words: *informal nomination, zoonym, Belarusian Poozerye, the emotional aspect, connotation.*

The article analyzes informal nicknames of pets of the inhabitants of Belarusian Poozerye from the point of view of an emotional characteristic. Determine the main features and meaning of informal zoonyms and reasons of its origin.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что неофициальные наименования домашних животных Белорусского Поозерья представляет собой малоизученный пласт ономастики, так как несмотря на распространённость и определённую универсальность зоонимной лексики, исследования в данной области носят частный и ограниченный характер. В связи с этим значительный пласт зоонимов может не войти в поле зрения исследователей и просто исчезнуть вместе с уходом животного.

Анализ эмоциональных характеристик неофициальной номинации домашних животных ценен для изучения зоонимии и развития зоонимики, так как неофициальные формы кличек животных в речи используются с различными семантическими приращениями, которые формируются под влиянием восприятия модификатов в определённой социальной среде. Модификат может быть воспринят именуемым положительно, отрицательно или нейтрально. Как отмечает А. Вежбицкая, есть группы и даже целые пласты слов, вызывающие у большинства людей разнообразные, иногда довольно сильные эмоции, вплоть до отторжения [1, 54].

Цель исследования – выявление системы неофициальных кличек домашних животных, способов их образования, ранжирование их эмоциональных характеристик.

Объектом данного исследования выступили 368 неофициальных кличек домашних животных жителей Белорусского Поозерья. Материалом исследования стали результаты психологического анкетирования и интервьюирования городских и сельских жителей Белорусского Поозерья разного возраста и социального статуса.

Для интерпретации полученных результатов были использованы структурно-семантический, формантный, а также описательный метод с элементами обобщения и теоретизации, элементы количественной интерпретации полученных данных.

Результаты и их обсуждения. Анализ собранного материала показал, что способность иметь прозвище рядом с основным именем сближает зоонимы с именами людей. Сходство с антропонимами проявляется и в том, что в зоонимии можно встретить упрощённые, трансформированные клички, которые функционируют наряду с официальным, паспортным именем, например, **собаку** нарекли именем *Вейс*, но вскоре хозяева стали называть собаку по-домашнему *Васька*.

Официальная кличка домашнего животного это, как правило, его имя, а не прозвище. Такая кличка выполняет только номинативную функцию, не характеризуя особенности поведения, повадки и т.д. Например, кличка **кошки** *Графиня Марго* может подчёркивать, во-первых, чистокровность животного и его благородство, во-вторых, непохожесть и неповторимость кошки, хозяин тем самым возносит своего питомца.

Сопоставление официальной клички с неофициальной даёт возможность увидеть, что прозвище прямо или косвенно характеризует объект номинации по многим характеристикам (умственные способности животного, особенности его поведения, повадки, внешний вид и др.).

Официальная номинация домашних животных во многом обусловлена объективными причинами и клички могут быть мотивированы такими качествами, как окрас, цвет шерсти, форма тела (**собака** *Серая Шейка*, **корова** *Жемчужина*, **декоративная крыса** *Тучка*, **кот** *Лопоух*), поведение и повадки животного (**бык** *Игрун*, **кот** *Буян*, **кобыла** *Егоза*, **кошка** *Ласка*), время рождения (**кот** *Мартик*, **кобыла** *Майя*, **декоративный кролик** *Август*), особенности нрава (**собака** *Ураган*, **корова** *Шалунья*, **волнистый попугай** *Смерч*) и др.

Неофициальная номинация домашних животных связана не с внешними качествами, особенностями поведения животного, а с психологическим восприятием клички хозяевами, их настроением и отношением к своему домашнему питомцу. Например, на территории Белорусского Поозерья встречаем зоонимы, отражающие отношение человека к животному: **собаки** – *Лапуля*, *Счастливчик*; **волнистый попугай** *Любимчик*; **конь** *Талисман* и т.д. Как правило, такие клички обладают ярким экспрессивным оттенком значения.

Встречаются случаи употребления клички только в определённых условиях, например, дома, когда хозяева остаются наедине со своими питомцами. Такие клички выражают чаще всего ласку или недовольство, реже – упрёк: **кот** *Балбес*, **хомяк** *Обжора*, **декоративная крыса** *Чокнутая*, **собака** *Лапочка*, **кошка** *Красавица* и т.д.

Неофициальные формы кличек домашних животных употребляются достаточно часто в повседневной коммуникации, чем паспортные, официальные. Кроме номинативной функции, неофициальные клички выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

В кличках с положительной коннотацией преобладают уменьшительно-ласкательные суффиксы, подчёркивающие маленький размер или возраст животного, ласку и нежность хозяева к своему питомцу и многое другое. К числу таких суффиксов относятся следующие:

-суффикс, представленный морфом -к(а) и рядом других морфов, включающих -к(а) элемент: **корова** *Любка,* **декоративная крыса** *Лариска,* **кот** *Филька,* **собака** *Динка.*

Большинство антропонимов с формантом ***-ка*** содержат дополнительный оттенок непринуждённости, фамильярности, иногда грубоватости, но в составе кличек данный формант не имеет этих оттенков значения, отмечается семантическое изменение деминутивности в сторону нейтрализации. Например, кличка *Катька* не имеет уменьшительного или фамильярного оттенков значения и может принадлежать как котёнку, так и взрослой кошке;

-очка-(-ечка-): **кошка** *Аллочка,* **декоративный кролик** *Сёмочка,* **кошка** *Марточка*;

-ик: **корова** *Светик,* **конь** *Тарасик,* **волнистый попугай** *Юрик;*

-еньк-(-оньк-): **кошка** *Асенька,* **кот** *Кузенька,* **кошка** *Дусенька,* **декоративный кролик** *Васенька*;

-ечк-(-очк-): **кошка** *Сонечка,* **декоративный кролик** *Бонечка,* **кобыла** *Валечка*;

-юня: **декоративная крыса** *Манюня,* **волнистый попугай** *Петюня;*

-ыч: **бык** *Потапыч*;

-ун: **кошка** *Дашуня,* **хомяк** *Гришуня*;

- уш-(-юш-): **собака** *Кирюша,* **хомяк** *Андрюша,* **корова** *Марфуша.*

Следует отметить, что наиболее распространённой кличкой, выражающей положительную оценку, является кличка *Лапочка* и её варианты (*Лапуля*, *Лапка*, *Лапуся* и т.д.). Среди отрицательных наименований доминируют клички *Балбес*, *Дурак*, *Злюка*, *Лентяй*, *Вредина*, *Задира* и др.

Встречаются случаи употребления прозвищ, выражающих синкретичные эмоции. Например, прозвище «животное» может иметь как положительную, так и отрицательную оценку: «ты моё дорогое и любимое животное» – подчёркивается нежность и любовь хозяина к своему питомцу; «какое вредное животное, портит, грызёт всё подряд» – выражается недовольство хозяина поведением своего питомца.

В настоящее время хозяева придумывают огромное количество кличек для своих питомцев, что объясняет тот факт, что со временем животное становится не только другом, но и членом семьи – **кошка** *Сестрёнка*, **корова** *Матушка,* **конь** *Братец* и т.д.

Иногда в процессе функционирования зоонимы, как и антропонимы, образуют гипокористические формы, которые употребляются наряду с официальными, паспортными именами [3, 163]. Например, **лошади** *Гиацинт* на тренировке становится *Гошей*, *Капитал – Капой*, *Ракета – Раей*; **кошку** *Нефертити* зовут по-домашнему *Тишкой*; **немецкую овчарку**, в паспорте которой значится имя всемирно известного художника – *Винсент Ван Гог*, хозяева называют ласково – *Винсуля*.

Ряд зоонимических гипокористик можно продолжить, продемонстрируем это на примере иппонимов: *Крапинку* неофициально называют *Крапкой*, *Лигатуру – Лигаткой*, *Репутацию – Путашкой*, *Рупию – Рупкой*, *Таганку – Таганой*, *Тропиканку – Тропкой* и т.д. Конечно же, в речи употребляется не одна форма зоонима: **корову** *Зорьку* в зависимости от ситуации могут назвать *Зоря, Зоренька, Зорюня, Зорюша, Зорюха* и др.; **кошку** *Лиску – Лиса, Лисонька, Лисуля, Лисулька, Лисуня, Лисунька* и др.; **собаку** *Тузика – Тузя, Тузька, Тузяха, Тузяшка, Тузило, Тузилко* и т.д.

Как видно, образуются зоонимические гипокористики подобно антропонимическим. Однако по составу и количеству подобных форм зоонимы значительно уступают антропонимам. В некоторых случаях количество антропонимических гипокористик исчисляется сотнями, например, у самого распространённого русского мужского имени *Александр* – 126 гипокористических форм, у имени *Николай* – 106, у имени *Иван* – 104. «Своеобразие зоонимов как особого класса собственных имён заключается и в том, что, в отличие от антропонимов, клички типа *Васька*, *Машка*, *Димка* являются нейтральной формой имени, а не уничижительным его вариантом» [2, 82].

Заключение. Таким образом, неофициальная номинация домашних животных Белорусского Поозерья представляет собой достаточно богатый и разнообразный состав лексики, который требует пристального внимания и изучения. Это оригинальная и неповторимая система, которая чётко выделяется среди других систем ономастики. Её материал не всегда поддаётся чёткому объяснению и классификации, так как в нём отражено комплексное восприятие животного человеком.

Можно сказать, что в кличке животного отражено психоэмоциональное и интеллектуальное состояние человека, поскольку она несёт в себе как положительную, отрицательную, так и нейтральную коннотации, отражая таким образом эмоции, чувства и отношения хозяев к своим питомцам. Тем не менее, анализ материала показал, что бо´льшая часть неофициальных кличек домашних животных имеет нейтральную и положительную коннотации, что связано с огромной значимостью животных в нашем мире, поскольку они всё чаще становятся членами семей и порой восполняют недостаток общения хозяина с другими людьми.

Решающим основанием выбора неофициальной клички становится коммуникативный опыт говорящего, формирующийся под влиянием распространённости имени и его форм и многих факторов.

Литература

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.

2. Рядченко, Н.Г. Из наблюдений над русской зоонимией / Н.Г. Рядченко // Русская ономастика: сборник научных трудов – Одесса, 1984.

3. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Ю.В. Менжинская
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: menshinskaja@mail.ru

УДК [811.161.1+811.112.2+811.161.3]’373.2:664.68

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ТОВАРОВ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И ГЕРМАНИИ (на материале кондитерских изделий)

Ключевые слова: *товарный знак, прагматоним, антропоним, топоним, аппелятивная лексика.*

В статье осуществляется сопоставительное исследование наименований товаров в Беларуси, России и Германии. Определяются источники и модели образования словесных товарных знаков. На основе результатов структурно-семантического анализа устанавливаются национально-культурные особенности номинации товаров в названных странах.

Y.V. Mianzhynskaya
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NATIONAL-CULTURAL FEATURES OF PRODUCT NAMING IN BELARUS, RUSSIA AND GERMANY (based on the trademarks of confectionery)

Key words*: trademark, pragmatonym, anthroponym, toponym, appellative vocabulary.*

The article is devoted to the comparative research of the product names in Belarus, Russia and Germany. The sources for the naming and the patterns of trademarks are defined. Based on the results of structural and semantic analysis national and cultural features of the nomination in these countries are defined.

Сознание человека этнически обусловлено, т.к. в основе мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, стереотипов и схем [1, 20]. В условиях глобализации на первый план выходит взаимодействие языков и культур. По мнению Н.А. Стадульской, мыслительная материя составляет интеллектуальную сферу языка, которая получает выражение в структурах внешней формы, и прежде всего в номинативных единицах товарных знаков [5, 220].

Национально-культурные особенности товарных знаков объясняются своеобразием лингвокреативного мышления и этноязыковой спецификой интерпретации мира отдельным народом [4, 1495]. Человеку свойственны представления об окружающем мире, определяющие как жизненные ценности, так и значимые объекты. При разработке наименования товара учитываются субъективные черты целевой аудитории, обусловленные характером общества, а также универсальной системой образов, воплощенной в его культуре.

Цель нашего исследования – выявить особенности наименований товаров в Беларуси, России и Германии на примере кондитерских изделий. Материалом послужили названия продукции предпри-

ятий названных стран, которые были собраны путем сплошной выборки из различных источников: базы зарегистрированных товарных знаков Германии, каталогов кондитерских предприятий России (Сергиево-Посадская кондитерская фабрика, «АККОНД» и др.) и Беларуси («Спартак», «Коммунарка», «Идеал», «Красный мозырянин» и др.), и путем записи названий товаров, представленных в магазинах и супермаркетах Беларуси. Общее количество проанализированных единиц – 772.

Морфолого-синтаксический анализ собранного материала позволил нам установить основные структурные модели словесных товарных знаков: отдельные слова, словосочетания и предложения.

Для трех стран характерно широкое использование имен существительных и имен прилагательных в форме как единственного, так и множественного числа (исключение составили наименования в Германии: не было выявлено имен прилагательных, ставших самостоятельными названиями продукции). В России и Беларуси преобладают имена существительные женского рода (*Пташечка, Коровка, Орхидея; Буренушка, Заря, Зебра*), в Германии – мужского (*Ritter, Diplomat, Rubin, Smaragd*). В Беларуси и России более четко прослеживается ориентация на женщин как основных потребителей кондитерских изделий. Использование имен существительных среднего рода (*Барокко, Соло; Купалле, Сонейка; Kloster, Paradies*) и имен существительных в форме множественного числа в трех странах относительно невелико (*Korallen, Gemini*; *Карасики, Васильки; Цитрики, Пятачки*). Нет принципиального ограничения для использования любой части речи в качестве товарного знака, данный вид номинации предполагает обязательную субстантивацию (*Му-му, Ton-mon, Salut*).

С целью привлечения более широкого круга покупателей разработчики используют не только отдельные слова естественного языка, но и свободные и связанные сочетания слов, поскольку они позволяют создать более запоминающийся и неповторимый образ в сознании потребителя (*Театр Карабаса, Серенада ласточки; Аромат киви, Сливочки из крыночки; Mutti's Stiefel, Poesie der Sinne*).

Необходимо отметить, что количество словосочетаний в основе немецких товарных знаков значительно меньше, чем среди словесных товарных знаков Беларуси и России, что связано с особенностями немецкой словообразовательной системы: широким распространением определительного словосложения, которое делает использование словосочетаний излишним (*Goldschmuck, Glückswürfel, Glücksstunde, Tagesgespräch*).

Не выявлено среди немецких товарных знаков конструкций с приложениями, поскольку в естественной речи они обычно присутствуют в форме дескриптивных указателей или же передаются в форме придаточного предложения, что становится невозможным при создании легко запоминающегося наименования. В России конструкции с приложениями довольно распространены (*Попрыгунья-стрекоза, Гуси-лапушки, Ива-краса*).

Желая выделить товар в ряду аналогичных, разработчики наименований все чаще используют предложения. Несмотря на свою возможную громоздкость, предложения обладают значительным преимуществом, в том числе и набором выразительных средств, которые могут быть использованы для воздействия на потребителя.

Товарные знаки-предложения выявлены в трех странах. Если товарные знаки России представлены односоставными глагольными и односоставными именными предложениями (*Вот задачка; Браво! Ярче!*), то предложения в составе товарных знаков Германии отличаются своей полнотой, что обусловлено особенностью немецкого синтаксиса: необходимое наличие подлежащего и сказуемого (как минимум, формальное) (*So Dickmann' ist keiner! Und wieder blüht der Mohn*). Кроме того, в Германии используются предложения с определительной придаточной частью (*Schokolade, die verzaubert; Geschmack, der verbindet*). В Беларуси было выявлено лишь одно предложение в качестве наименования товара (*Все хорошо*).

Отличаются использованные предложения по характеру. В русской культуре чаще используются побудительные и оптативные предложения, что связано с целью привлечь внимание адресата (*Съешь-ка! Вкуси-ка!*). В немецкой культуре аналогичное ярко выраженное побуждение будет воспринято с большей вероятностью негативно и в глазах потребителя будет связано с попыткой манипуляции. По этой причине разработчики наименований обращаются к описанию качеств и свойств товара, а если и обращаются к потребителю, то делают это осторожно, не используя резких призывов.

Национально-культурная специфика номинации отражается в выборе для создания словесного товарного знака слов с определенной семантикой. Основой выступает онимическая и апеллятивная лексика.

Ведущее место среди вербальных товарных знаков, выступающих носителями национально-культурной специфики, занимают антропонимы, представленные личными именами, фамилиями, распространенными на территории Беларуси, России и Германии, именами и фамилиями известных людей, персонажей фольклора и художественной литературы, географические реалии-топонимы, природные реалии, включая анималистический компонент. В качестве же языковой категории, которая отражает национально-культурную специфику в первую очередь российских товарных знаков, выступает категория экспрессивности, представленная использованием эмоционально-оценочной лексики.

Существуют определенные отличия между использованием антропонимической лексики в Беларуси, России и в Германии. На постсоветском пространстве, как правило, используются женские имена, актуализирующие адресата: в России – *Мария, София, Алиса, Марианна*; в Беларуси – *Вита, Амели*. В русской словообразовательной системе имеется большое количество уменьшительных и ласкательных суффиксов. Их употребление выражает уважение, позитивное отношение к окружающим и, в том числе, к потребителю: *Маричка, Маргаритка, Машенька, Настенька.*

В Германии абстрактные антропонимы в наименованиях продукции встречаются реже, что связано со стремлением к собственной индивидуализации. Зачастую продукция получает товарный знак, образованный от фамилий и имен основателей фирмы-производителя или их родственников: *Viba, Schwermer, Windel.* Подобные наименования способствуют созданию положительного образа не только товара, но и производителя. Разумеется, если товар качественен. Кроме того, в Германии разработчики наименований стремятся к завоеванию доверия потребителя и к привлечению его внимания, используя имена известных людей, изобретателей, деятелей искусства: *Maximilian, Graf Metternich, Hans Sachs, Albrecht Dürer, Martin Behaim.*

К культуроносным единицам можно отнести имена литературных героев, персонажей телепередач: *Чебурашка* – один из главных героев книги «Крокодил Гена»; *Попрыгунья-стрекоза* – героиня басни И. Крылова «Стрекоза и Муравей»; *Мальвина* – персонаж книги А.Н. Толстого «Золотой ключик или Приключения Буратино» и др. Среди белорусских товарных знаков количество таких единиц невелико, и они связаны во многом с русской культурой: *Петрушка* – один из персонажей русских народных кукольных представлений. Вымышленные имена представлены среди немецких товарных знаков: *Buddenbrook* – фамилия героев произведения Т. Манна «Buddenbrook: Verfall einer Familie»; *Sandmännchen* – «фольклорный персонаж, который, согласно поверьям, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать» [3, 104]; *Werther* – персонаж романа в письмах И. Гете «Die Leiden des jungen Werthers» и др.

Использование топонимов в составе словесных товарных знаков зависит от менталитета и культурно-исторических традиций страны-производителя. Российские производители используют оттопонимические названия, указывающие как на национальные, так и на географические объекты иных стран, что связано с позитивными ассоциациями, которые данные объекты вызывают: *Прага, Рио, Парижские тайны.* Среди товарных знаков Беларуси был выявлен ряд наименований, образованных от географических объектов данной страны: *Минский грильяж, Беловежская пуща* и др. В немецких товарных знаках, как правило, используются национальные и европейские топонимы, которые выступают чаще всего не самостоятельно, а в сочетаниях: *VENEZIANISCHE NÄCHTE, PARISER NÄCHTE, BERLINER NÄCHTE.*

В состав товарных знаков трех стран входит и апеллятивная лексика, при этом группы наименований во многом перекликаются.

Апеллятивную лексику в составе товарных знаков можно разделить на две основные группы: конкретизирующую, которая указывает на ингредиенты, виды и разряды продукции; художественную, выступающую средством эстетизации наименования [2, 14–15].

Обширную группу среди российских и белорусских товарных знаков составляет конкретизирующая лексика (*Сырное, Ореховое, Луковый, Палочки-считалочки; Миндаль в шоколаде, Сахарное, Апельсиновое)*.

В немецких товарных знаках наблюдается стремление уйти от описания качественных характеристик товаров. В это же время национальное представление о культуре страны передается с помощью разнообразных средств, что придает им характерные черты, отличая их от товарных знаков России и Беларуси.

Художественная отапеллятивная лексика предоставляет большее пространство для креативной деятельности, что является необходимым для привлечения широкого круга покупателей. Группы апеллятивной лексики могут как совпадать для трех стран (названия живых существ, растений и плодов, явлений природы, абстрактных понятий и т.д.), так и быть характерными для двух (для Беларуси и России: названия праздников и иных поводов; для Беларуси и Германии: названия космических объектов, зданий и т.д.) или лишь для одной из названных стран (для России: названия профессий; для Германии: названия драгоценных камней; для Беларуси: названия, обозначающие место, и т.д.).

Таким образом, выбор лексики естественного языка для создания словесных товарных знаков Беларуси, России и Германии имеет ряд сходств, что определяется общими тенденциями на экономическом рынке, связанными с процессами глобализации. Национальные особенности номинации значительно проявляются в использовании онимической лексики, которая в наибольшей степени определяет образы носителей языков и культур.

Литература

1 Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – С. 16–21.

2 Мордвинова, Н.Г. Словесные товарные знаки алкогольных напитков (на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Г. Мордвинова; Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2008. – 28 с.

3 Романчук, Л.А. Демонизм. Зверь Апокалипсиса (Литературные мифы, версии, реалии) / Л.А. Романчук, Д.Н. Щитов. – М.: Мэйлер, 2012. – 288 с.

4 Стадульская, Н.А. Британские и американские товарные знаки как отражение ценностного отношения к окружающей действительности / Н.А. Стадульская // Фундаментальные исследования. – 2013. – №8-6. – С. 1495-1500.

5 Стадульская, Н.А. Товарные знаки в языке и внеязыковой действительности Великобритании и США: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Стадульская. – Пятигорск, 2014. – 367 с.

С.В. Насакина
Одесский государственный аграрный университет
e-mail: nasakinas@mail.ru

УДК 81’373.21-112:659.131:615.45

ТОПОНИМЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ (диахронический аспект)

Ключевые слова: *топонимы, онимное пространство, фармацевтические препараты, рекламный текст, диахронический аспект.*

В статье рассматриваются топонимы в рекламных текстах фармацевтических препаратов. Выделяются номинативная, информационно-рекламная, эмоционально-экспрессивная и культурно-символическая функции топонимов. Предпринимается попытка произвести сравнительный анализ использования топонимов в рекламных текстах фармацевтических препаратов в разные исторические периоды. Анализируются роль топонимов в рекламных текстах фармацевтических препаратов. Теоретические положения иллюстрируются примерами топонимов из рекламных текстов XIX–XXI вв.

S.V. Nasakina
Odessa State Agrarian University

TOPONYMS IN PHARMACEUTICAL ADVERTISING TEXTS (diachronic aspect)

***Key words**: toponyms, onym space, pharmaceuticals, advertising text, diachronic aspect.*

The article deals with the toponyms in pharmaceutical advertising texts. It is eliminated nominative, information and advertising, emotional and expressive, cultural and symbolic functions of toponyms. An attempt to carry out a comparative analysis of the toponyms using in different historical periods is made. The role of the toponyms in the pharmaceuticals advertising texts is analyzed. Theoretical positions are illustrated by the examples of toponyms taken from advertising texts in XIX–XXI centuries.

Топонимы традиционно привлекают внимание многих исследователей: лингвистов, историков, этнографов, географов, что «подтверждает межотраслевой характер топонимики как науки» [7, 471]. Лингвистов интересует происхождение, структура и значение топонимов, историки изучают онимы, в которых отражается история региона и народа, заселявшего данную территорию, этнографы видят в топонимах слова, характеризующие особенности культуры, для географов топонимы отображают географические понятия. Изучению топонимов посвящены работы Е. Л. Березович, Д. Г. Бучко, С. А. Вербич, И. А. Воробьевой, Л. М. Дмитриевой, В. А. Жучкевича, Ю. А. Карпенко, В. В. Лучика, Э. М. Мурзаева, А. М. Мезенко, В. А. Никонова, Е. С. Отина, А. В. Суперанской, В. Н. Топорова и др.

Объектом исследования в настоящей статье выступают топонимы. Материалом для исследования послужили рекламные тексты фармацевтических препаратов из газет «Одесский листок» (1898-1900 гг.), «Одесские новости» (1904-1905 гг.), рекламные буклеты и листовки (2010-2015 гг).

Топоним – это собственное имя природного или созданного человеком объекта на Земле [1, 173], при этом, по характеру именуемых объектов топонимы разделяются на ойконимы, гидронимы, микротопонимы, оронимы, инсулонимы, урбанонимы, хоронимы и т.д. [1, 173]. Поскольку исторические эпохи характеризуются своим «топонимическим словарём» [4, 53], а также «отражают исторические перипетии этой территории и нередко ясно показывают происхождения неясных топонимов» [5, 17], исследования топонимов в разные исторические периоды помогают выявить «изменения топонимической системы данной территории» [5, 17].

Как политическая, так и коммерческая реклама остаются в сфере интересов современных лингвистов. Рекламные тексты являются особым типом медиа-текстов, которые квалифицируют как «универсальные и гетеросуггестивные» [10, 67], кроме того, рекламу лекарств относят к аргументированным текстам, в которых переплетаются рациональные и эмоциональные доводы [6, 65]. В последние годы в ономастике возрастает интерес к функционированию собственных имён в рекламных текстах, о чём свидетельствует появление ряда диссертационных работ (Ю. А. Грушевская, О. В. Кирпичёва, И. В. Крюкова, С. Н. Кудыба, А. А. Никитина и др.).

Исследователи отмечают, что к числу наиболее часто рекламируемых товаров относятся предметы косметики и парфюмерии, продукты питания и лекарственные препараты, бытовая техника, одежда, автомобили [2, 165]. Рекламный текст фармацевтических препаратов, на наш взгляд, является особым полем функционирования онимов, образующими самостоятельное онимное пространство.

Существует мнение, что термины **фармацевтический препарат** и **лекарственный препарат** являются взаимозаменяемыми, однако мы поддерживаем исследователей, которые в понятие **фармацевтический препарат** включают не только готовые лекарственные препараты, вакцины, но и ветеринарные препараты, диагностические медицинские приборы [12, 5]. Кроме того, поскольку, по мнению исследователей, основная черта современного производства косметики состоит в приближении её к фармацевтической промышленности [11, 650], то под понятием **фармацевтические препараты** также следует понимать группы гигиенической и врачебной косме-

тики, в которые соответственно входят средства для ухода за кожей, волосами, полостью рта, ногтями [11, 651].

Чаще всего в рекламных текстах фармацевтических препаратов встречаются следующие группы топонимов:1) хоронимы; 2) ойконимы; 3) урбанонимы. В рекламных текстах конца XIX – начала XX века, как и в современных рекламных текстах они выполняют прежде всего номинативную и информационно-рекламную функции, например:

Capilliper

Средство для укрепления луковиц волос и уничтожения перхоти

***Варшава, Иерусалимская аллея**, 76*

«Одесский листок», 18 января, 1898 г.

Собственные имена вызывают разные эмоции у аудитории, что зависит от многих факторов. Так, для некоторых людей, *Пекин* – столица Китайской империи, для других – это китайская архитектура, одежда [14, 21]. Топонимы, фигурирующие в исследуемом материале, вызывают ассоциацию с георафическим объектом, информация о котором заложена в фоновых знаниях адресата, например:

*Большая золотая медаль в **Париже***

«Араго» Гурскаго

Известное по своему качеству, уничтожает мозоли с корнем

«Одесские новости», № 10, 1905 г.

Использование ойконимов в рекламных текстах привлекает внимание, настраивая на определённое восприятие, поэтому можно предположить, что использованный выше ойконим выступал в качестве одного из приёмов воздействия на адресат в начале XX века. Исследователи утверждают, что «более глянцевая» современная реклама практически не отличается от рекламы полувековой давности [13, 31], а на наш взгляд, методы воздействия в рекламных текстах не имеют срока давности.

Большинство топонимов в исследуемом материале обладает дополнительным семантическим потенциалом. По мнению В. Н. Михайлова, на основную функцию любого собственного имени – номинативно-индивидуализирующую – наслаиваются в практике повседеневного общения многие традиции и иные факторы, осложняющие употребление имён, создающие в них дополнительные стилистические оттенки и «приращение смысла» [9, 33].

Одной из важнейших функцией топонимов в рекламных текстах фармацевтических препаратов является эмоционально-экспрессивная. Как известно, повторы – это те эмоциональные доводы, которые действуют на адресат независимо от его логики [6, 66], например:

Высшая награда на Международной выставке в Лионе 1894 г.

*Вне конкурса. Член жюри на Межд. Выст. в **Бордо** в 1895 г.*

Зубныя средства

*Эликсир, порошок и паста бл. Отц. Бенедектинцев Аббатства Суллак. Продажа оптом: Сегэн, **Бордо***

«Одесский листок», № 4, 1898 г.

Урбаноним ***Дерибасовская*** в следующем примере выполняет культурно-символическую функцию, поскольку, являясь главной улицей Одессы, выступает атрибутом определённого исторического периода, например:

Саговое Мыло Провизора В. Лапицкаго

Лучшее средство для белизны и нежности кожи, против загара, прыщей, угрей и жёлтых пятен

*Главный склад у Н. Адерскаго, **Дерибасовская ул.,** дом Эльмана*

«Одесский листок», № 28, 1898 г.

Улица *Дерибасовская* первоначально имела название *Гимназская (Гимназическая),* затем *Городского сада*. Следующим названием является *Дерибасова* улица, при этом, по мнению некоторых исследователей, данное название связано с именем Феликса Дерибаса, занимавшим большой участок в границах будущей улицы Дерибасовской [8, 396]. С апреля 1812 года название

улицы было видоизменено на *Дерибасовская.* В 1920 году улица была переименована в улицу *Ф. Лассаля*, в честь ученика К. Маркса, немецкого философа, основателя первой социалистической рабочей партии Германии. После гибели советского лётчика-испытателя В. П. Чкалова, командира экипажа самолёта, совершившего в 1937 году первый беспосадочный перелёт через Северный полюс, улицу в 1939 г. переименовали в улицу *Чкалова*, но 19 ноября 1941 г. улице вернули название *Дерибасовская*.

Примечательно, что в рекламных реквизитах, в отличие от сорвеменных рекламных текстов, часто встречаются собственные названия отдельных домов, например:

Лаполь-Клемецкаго

Уничтожающий веснушки и пятна, изнеживает кожу и придает лицу мягкость и красоту

Склад у Р.Н. Аудерского, ***ул. Ришельевская, дом Бродскаго****, 10*

«Одесские новости», № 8, 1905 г.

В некоторых рекламных текстах отсутствуют названия улиц, а в рекламные реквизиты включены только ойконим и имя владельца аптечного склада, например:

Американския капли и эликсир против зубной боли Ипполита Маевского

Находятся в продаже в аптеках и аптекарских магазинах всей Империи. Склад в ***Одессе*** *у Зильбермана и К*

«Одесский листок», № 1, 1898 г.

Топонимы входят в число собственных имён, которые можно встретить в рекламных текстах фармацевтических препаратов любой страны и эпохи, например:

Актавит – витамините за пълноценно ежедневие

Меките желатинови капсули СА произведении във ***Франция***

(рекламная листовка)

Сравнительный анализ топонимов в разные исторические отрезки показал, что в рекламных текстах конца XIX – начала XX века чаще встречаются ойконимы, тогда как в рекламе лекарств XXI века – хоронимы, что можно объяснить разными принципами организации пространства человека в данные временные отрезки, например:

Нейромультивіт

Нейромультивіт впливає безпосередньо на нервову тканину, покращуючи процеси її функціонування. Вироблено в ***Австрії***

(рекламная листовка)

Таким образом, к топонимам можно применить тезис В. фон Гумбольдта о том, что «язык насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» [3, 82], поэтому изучение региональной топонимии с учетом диахронии актуально, поскольку топонимы обладают знаковым характером и отражают как культурно-символический, так и исторический фон различных эпох.

Литература

1. Бучко Дмитро, Ткачова Наталія Словник української ономастичної термінології / [уклад.Бучко Д.Г., Ткачова Н.В.]. – Х.: Ранок-НТ, 2012. – 256 с.302.

2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи): [монография] / Добросклонская Т. Г. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288с.

3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. – С. 35-298.

4. Жучкевич, В. А. Общая топонимика : учеб. пособие / В. А. Жучкевич. – 3-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 1980. – 288 с.

5. Карпенко Ю. А. Проблема вариантов в топонимике / Ю. А. Карпенко // Всесоюзная конференция по топонимике СССР (28 января-2 февраля 1965 г.). Тезисы докладов сообщений. – Ленинград, 1965. – С. 17-20.

6. Клушина Н. И. Реклама, которая лечит? / Клушина Н. И. // Русская речь. – 2004. – № 1. – С. 64-67.

7. Лучик В. В. З досвіду укладання «Етимологічного словника топонімів України/ В.В.Лучик // Записки з ономастики: збірник наукових праць / відп. ред. О. Ю. Карпенко. – Вип.18. – Одеса: Астропринт, 2015.– С. 465-473.

8. Майстровой Я.Я. История Одессы в названих улиц: топонимический справочник Одессы / Майстровой Я.Я. – Одесса, Пласке, 2012. – 440 с.

9. Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имён в русской литературе/ В. Н. Михайлов // Антология поэтонимологической мысли / В. Н. Михайлов. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т.1. – С.32-49.

10. Олексюк О. М. Лекико-семантичні домінанти сугестивного дискурсу реклами : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Олексюк Олеся Миколаївна; Одеський національний університет. – Одеса, 2012 – 214 с.

11. Тихонов А. И. Технология лекарств: [учеб. для фармац. вузов и фак.-ов] / А.И. Тихонов, Т.Г. Ярных. – Х.: НФАУ, Золотые страницы, 2002. – 704 с.

12. Anderson S. Making Medicines: A Brief History of Pharmacy and Pharmaceuticals / Stuart Anderson. – London : Pharmaceutical Press, 2005. – 318 p.

13. Apple R. D. Vitaminia: Vitamins in American Culture / Rima D. Apple. – Rutgers University Press, 1996. – 245 p.

14. Whitney W. D. Language and The Study of Languages: Twelve Lectures on The Principles of Linguistic Science / Whitney W. D. – London: N.Trübner& Co, 1870. – 504 p.

И.Э. Ратникова, Хоанг Тхи Бен
Белорусский государственный университет
ratnikova@list.ru; hoangbenbsu@gmail.com

УДК 81’373.2

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ЭРГОНИМИЧЕСКОГО ЗНАКА
(на материале эргонимов городов Минска и Ханоя)

Ключевые слова: *имя собственное, эргоним, конвенциональные и мотивированные знаки, прямая и косвенная мотивированность, мотивационные типы и группы, внутренняя форма, онимизация.*

Выявлены и охарактеризованы мотивационные группы эргонимов на русском, белорусском и вьетнамском языках. Показано, что типы смысловой мотивированности являются общими для белорусской и вьетнамской эргонимии. Различия в выборе конкретных мотиваторов связаны а) с национальными особенностями лингвокультур; б) с особенностями антропонимических систем (четкой оппозицией антропонимов и апеллятивов в русской и белорусской лингвокультурах; открытостью списка вьетнамских личных имен, совпадением их с апеллятивами).

I.E. Ratnikova, Hoang Thi Ben
Belarusian State University,

CONVENTIONALITY AND MOTIVATION OF ERGONYMIC SIGN
(based on ergonyms of Minsk and Hanoi)

Key words*: proper name, ergonym, convetntional and motivated signs, direct and indirect motivation, motivation types and groups, inner form, onymization.*

Motivation groups of Russian, Belarusian and Vietnamese ergonyms were been outlined and derscribed. The types of semantic motivation were shown to be common for Belarusian and Vietnamese ergonymy. The differences in choosing certain motivators are related to a) specific character of national linguocultures; б) peculiarities of anthroponymic systems (clear opposition between anthroponyms and appellatives in Russian and Belarusian linguocultures; openness of the list of Vietnamese proper names as well as the fact that they match the apellatives).

Эргонимы, будучи феноменом экономики, права и культуры в той же мере, что и фактом языка, имеют словесную форму и, следовательно, обнаруживают природу языковых знаков. В

этом качестве они выполняют такие важнейшие «знаковые» функции единиц языка, как репрезентативная (предъявление информации в словесной форме), обобщающая или дейктическая (введение конкретного объекта / признака в ряд подобных или выделение из ряда), прагматическая (экспрессивная, т. е. выражение отношения, и собственно прагматическая, т. е. воздействие). Соответственно на имена собственные принято проецировать классификацию знаков Ч. Пирса и Р.О. Якобсона, т. е. по соотношению формы и содержания или формы и функции, и различать иконические (отношения естественного сходства), индексальные (отношения естественной смежности) и символические (отношения конвенциональной, т.е. произвольной, смежности при отсутствии естественной связи с обозначаемым объектом) знаки. Ср., как О.В. Глухова комментирует иконическую природу характеризующего поэтонима: «Говорящее» имя, будучи «знаком знака» или «кодом кода», отсылает к тому образу, который запечатлен внутренней формой слова. «Говорящие» имена дают пример метафорической (слабой) иконичности в отличие от сильной (образной) и «средней» (диаграмматической), при которой сходство между означаемым и означающим касается только отношений между частями» [2, 76]. В качестве примеров диаграмматического иконизма Е.Ю. Махницкая приводит эргонимы и прагматонимы, выражающие принадлежность фирме-производителю [1, 226]; индексальную знаковость А.С. Щербак считает характерной для локативных имен собственных [3, 9–10], тогда как в целом онимам присуща природа знаков-символов [3, 7].

Объектом исследования в данной публикации выступают эргонимы гг. Минска и Ханоя (общее количество проанализированных единиц составляет соответственно 1517 и 1502 эргонимов); предметом – их свойства как знаков, прежде всего способ связи формы и содержания и характер мотивированности в случае ее наличия. Цель статьи – установить сходство и различия характера мотивированности белорусских (русско- и белорусскоязычных) и вьетнамских эргонимов.

План выражения эргонимического знака включает номенклатурную (*ООО, ЧТУП* и др.) и собственно ономастическую части (ср. термин «апеллятивно-онимический комплекс», предложенный А.Г. Широковым); план содержания – понятийно-номинативные и коннотативные элементы. Информация классификационного характера («вводящая в ряд», по В.А. Никонову) передается номенклатурным компонентом; собственно ономастический (индивидуализирующий) компонент при наличии ясной внутренней формы может передавать объективную и/или аксиологическую информацию о референте. Денотативный аспект семантики эргонима проявляется в соотнесенности последнего с обозначаемым им предприятием; сигнификативный – с представлением о нем (единичным понятием); внутренняя форма (при возможности ее осознать) отражает признак, положенный в основу номинации, причину, по которой данный объект получил именно это название. Прагматика как свойство эргонимического знака реализуется эмоциональными, оценочными или национально-культурными коннотациями и может быть непосредственно связана с его внутренней формой.

Конструирование или выбор имени собственного для индивидуализации объекта, как известно, является специфической разновидностью вторичной номинации. Она может осуществляться посредством словообразования или заимствования, а также посредством семантических и функциональных трансформаций, не подкрепленных морфологическими словообразовательными средствами. Причем эти трансформации не вполне корректно квалифицировать как лексико-семантическую деривацию, поскольку это особый вид переноса, который принято называть онимизацией, а в рамках ономастического пространства – трансонимизацией (хотя и в этих случаях можно увидеть черты сходства с метафорой и метонимией).

Говоря о мотивированности собственно ономастического компонента эргонима, мы имеем в виду возможность объяснить употребление той или иной языковой единицы (конструкции) для индивидуализирующего именования данного предприятия некоторыми объективными факторами (такими, как характер деятельности, тип и характеристики продукции, адресат, локализация и т.п.). Очевидно, что мотивированность имен собственных – явление иного характера, нежели мотивированность апеллятива: она предполагает большую или меньшую очевидность ассоциативных связей между ономастическим и дооономастическим значением языковой единицы в функции имени собственного.

Составляющие акта номинации, в том числе мотив и само имя, можно рассматривать с позиций субъекта номинации (имядателя) и с позиций воспринимающего название коммуниканта (клиента или потребителя). В нашем случае мы оцениваем мотивационные признаки эргонимов с позиций носителя языка, не участвовавшего в номинативной ситуации и декодирующего «послание» имядателя исключительно на основе знания языка и общеизвестных в данном социуме сведений. При этом мы не ставим задачу оценить реальную коммуникативную эффективность эргонимов, а лишь реконструируем типичное их «прочтение».

Итак, с точки зрения понятности связи формы и содержания эргонимические знаки делятся на мотивированные (иконические и индексальные) и конвенциональные (символические). Подчеркнем, что эта дифференциация базируется на актуальном непосредственном восприятии знаков носителями языка, а не на целенаправленном выявлении истинных побуждений номинатора, создающего мотивированное «для себя» и заведомо непрозрачное для потребителя имя (например, стремление зашифровать посредством аббревиации имена партнеров-совладельцев предприятия, как в белорусских русскоязычных эргонимах *Вигорос, Виталюр* и др.; ср. также очень популярный вьетнамский бренд *Canifa* – гибридную аббревиатуру, где *Ca* – первые буквы имени владельца, *ni* – сокращенная форма имени его жены, *fa* – первый слог английских слов *family* и *famous*).

Иконичность эргонимических знаков, как и любых других, может быть выражена в большей или меньшей степени (ср. прямо и метафорически информирующие названия *Цветы* и *Райский сад*). В рамках прямо информирующих эргонимов рассмотрим несколько мотивационных групп, выделяемых на тематическом основании.

Названия, обусловленные производственной специализацией предприятия, могут быть предельно лаконичны и содержать только обозначение производимого изделия или продаваемого товара: *Абутак, Орхидея* (цветочный магазин), *ОДО Головные уборы*; *Cửa hàng quần áo* ‘магазин одежды’; *Cửa hàng dụng cụ thể thao* ‘магазин спортивных снарядов’; *Mỹ phẩm* ‘косметика’, *Đồ chơi thông minh* ‘умные игрушки’. Особую подгруппу формируют названия-трансонимы, воспроизводящие имя торговой марки (СТЗ, или прагматонима) – ср. названия магазинов в Минске и Ханое: *Адидас* / *Adidas* (немецкий бренд спортивной обуви, фиксирующий имя и первый слог фамилии создателя Ади Дасслера); *Найк* / *Nike, Puma* (соответственно американский и немецкий бренды спортивной обуви), *Пьер Карден* / *Pierre Cardin* (французский бренд моды появившийся в 1950 г. после создания соответствующего модного дома в Париже), *Марко* (белорусский бренд обуви по названию Белорусской кожевенно-обувной компания «Марко»); *Alcado, Calla* (вьетнамские бренды моды).

Переход эргонимов в прагматонимы и наоборот – типичные модели ономастической номинационной практики в разных лингвокультурах. Это связано, во-первых, с реальной смежностью по линии «производитель – произведенный товар – реализация товара» и, во-вторых, со сходством данных классов имен собственных по семантическим и прагматическим характеристикам, ономастическим и социальным функциям. Кроме того, продуктивной и частотной моделью наименования предприятий торговли является перенос «производитель или владелец производства – фирменный магазин»: *ОДО Виталюр* – супермаркет *Виталюр*; *ИООО Аладэн* магазин обуви *Аладэн*; ООО *Баден* – салон-магазин обуви *Баден* (*Baden*); *СООО Белвест* – магазин *Белвест* (*Belwest*); *ЧТУП Вигорос* – фирменный магазин *Вигорос* (*Vigorous*); *ЧТУП Еврошуз* – магазин обуви *Еврошуз*; *Công ty TNHH Thiết Kế Thời Trang Quốc Tế Alcado* ‘ООО Дизайн международной моды Alcado’ – магазин *Alcado, Công ty TNHH thời trang Calla* ‘ООО Мода Calla’ – магазин *Calla*.

Составные наименования данной группы включают компоненты с оценочным значением: *ЗАО Элитная мебель, ЧТУП Мебельный бум, ООО Мебель со вкусом, ООО Престиж-обувь, ЧТУП Цветы любви плюс, ЧП Цветочная феерия, ООО Долина цветов, Планета цветов* (магазин),*ЧТУП Страна цветов плюс; Hoa Hạnh Phúc* ‘Цветы счастья’ (предприятие по продаже цветов), *Bạc đẹp* ‘серебро красивое’, *Bạc cao cấp* ‘серебро высокого уровня’ (предприятия по продаже серебряных изделий), *Ngôi Nhà Hạnh Phúc* ‘счастливый дом’, *Nhà Xinh* ‘дом красивый’ (агентства недвижимости; *Giầy xinh* ‘Красивая обувь’.

Регулярная воспроизводимость подобных квалификаторов – одно из очевидных свидетельств системности эргонимов (рус. элементы *престиж, комфорт, элит*, лекемы *планета,*

страна, мир, империя, королевство и др.; вьет. слова *xinh* ‘красивый’, *đẹp* ‘хороший’, *hạnh phúc* ‘счастливый’, *cao cấp* ‘выскокий уровень’ и др.). Кроме того, выявляются целые парадигмы названий, объединяемых компонентами *трейд* или *торг* (указание на торговую деятельность); *ритейл* и *bán lẻ* (специализация предприятия на розничной торговле); *инвест* (специализация на импорте товаров), *строй* (указание на характер деятельности или предназначенность товаров); *bán buôn* (указание на торговлю оптом): *ООО Суоми**трейд**, Медиамаг**трейд**, ООО Данко**трейд**, ЧУП Кв-**Трейд**, ООО Евро**тор**г, ООО Фут **Ритейл**, ООО АкваЛюкс **Ритейл**, ООО Спорт **Ритейл** Проект, ООО Элекмаркет **Ритейл**, ООО Табак-**инвест**, ООО **БравИнвест**, ООО **Астомстрой***; *Cửa hàng bán lẻ Fashion Meagstore* ‘розничный магазин Fashion Meagstore’, *Cửa hàng bán lẻ đồ thể thao chuyên biệt Sports Wold* ‘розничный магазин специальных спортивных товаров Sports Wold’, *Bán buôn giày VNXK* ‘оптовая торговля обувью VNXK’.

Названия, информирующие об адресате, преимущественно мотивированы обозначениями возрастной (детской, подростковой, молодежной) или гендерной группы и образованы как онимизацией исконных и иноязычных единиц, так и морфологическим способом (в том числе в сочетании с синтаксическим): минские предприятия *ОДО Малыш, Планета Кидс, Чилдрен Фэшн, Суоми Кид, Бебика плюс, Бэбилон, Беремушка* и вьетнамские *Cửa hàng Thiên Thần Nhỏ* ‘магазин Маленький Ангел’ *Cửa hàng Mẹ Nhím* ‘магазин Мама Ёжика’ (*Nhím* ‘Ёжик’ – типичное ласковое домашнее имя малыша), *Mẹ & Bé* ‘Мама & Малыш’ занимаются продажей обуви и одежды для детей, а также беременных и новорожденных; ср. также *Thế Hệ Trẻ* ‘молодое поколение’, *Cửa hàng sinh viên 1* ‘магазин Студенты 1’. В рамках адресатного типа следует отметить феномен прономинальных эргонимов (*Для Вас* – один из магазинов ЧТУП «1100 прелестей»; *Của bạn* ‘Твой’– магазин одежды), которые не содержат объективной информации, но, указывая прямо на адресата, управляют его вниманием и внушают, что он и есть потенциальный потребитель.

Эргонимы, мотивированные местонахождением предприятия, обычно не обладают аттрактивным и суггестивным потенциалом, но хорошо запоминаются, поскольку апеллируют к пространственному мышлению и вызывают в сознании конкретный образ места, связанный непосредственно с данным объектом (в отличие от сугубо символических эргонимов-локативов, как, например торговый центр *Ленінград* в Минске). Это знаки, тяготеющие к индексам. Ср.: *ПТО «Полесье», ООО Торговый дом «На Немиге», Центральный* (книжный магазин ОАО *Белкнига*); *Hà Nội* ‘Ханой’, *Hà Đông* ‘Хадонг’ (название одного из районов Ханоя), *Hồ Gươm* ‘Озеро Возвращенного меча’ (в центре Ханоя). Эргонимы этой группы могут представлять собой гибридные вербально-нумерологические образования, формально совпадающими с адресом предприятия (координатные): *Красная 18, Московская 7* (магазины обуви); супермаркет *33 phố Huế* ‘улица Хуэ 33’, магазины оптики *215 Khâm Thiên* ‘Хам Тхиен 215’ и *66 chùa Bộc* ‘Чуа Бок 66’.

Названные мотивирующие признаки часто комбинируются, и значительная часть синтагматических эргонимов относится к комбинированным типам со сложной мотивацией. Так, во внутренней форме названий могут быть отражены одновременно а) производимый продукт / товар + место (*Пинский трикотаж, Кветкі Беларусі, Căn nhà mơ ước Hà Nội* ‘дом мечты в Ханое’ (агентство недвижимости), *Cửa hàng Vàng bạc Thăng Long* ‘магазин Золото + Серебро Тханг Лонг’ (Тханг Лонг – бывшее название столицы Вьетнама); б) продукт / товар + адресат (*Дети и книга, Цветы для любимых, Новый дом для Вас, Мебель для внуков*; *Đồ chơi của bé* ‘игрушки у детей’, *Cửa hàng Váy bầu* ‘магазин платья для беременных’, *Cửa hàng giày dép nữ đẹp* ‘магазин красивая женская обувь’ и т. д.

Остановимся еще на одной группе эргонимов, в которых ярче всего проявляется национально-культурная специфика, – трансонимах, производных от личных имен. С точки зрения номинатора, такие эргонимы всегда мотивированы, причем связаны с его личностью и его близким кругом. С точки зрения потребителя, это случайные или низкоинформативные знаки (подобно тому как мотив метонимической личной номинации «в честь» абсолютно нерелевантен за рамками ситуации наречения). Признаки адресатной мотивированности можно увидеть лишь в номина-

циях типа *Алеся, Надежда, У Елены*, *Алешка* (указание на гендерную или возрастную группу). Во вьетнамской эргонимии аналогичные единицы не дают даже гендерной информации в силу отсутствия четкой противопоставленности мужского и женского именников. Более того, во вьетнамском языковом материале невозможно провести дифференциацию отантропонимных и отапеллятивных эргонимов (список вьетнамских личных имен является открытым и практически совпадает со списком соответствующих апеллятивов), поэтому мы выделяем группу конвенциональных эргонимов, которые предположительно могут быть образованы как от нарицательных, так и собственных имен: *Công ty TNHH* ***Đăng Thành*** ‘ООО Данг Тхань’, *Công ty TNHH* ***Giang Nguyên*** ‘ООО Занг Нгуен’, *Công ty TNHH* ***Hải Sơn*** ‘ООО Хай Шон’ (предприятия моды, где *Đăng Thành, Giang Nguyên, Hải Sơn* можно воспринимать как антропонимы).

Симметричными являются в обеих лингвокультурах группы эргонимов, являющихся результатом трансонимизации различных видов прецедентных имен в том числе поэтонимов и мифонимов. Будучи семантически богатыми трансляторами культурных ценностей, такие единицы не обнаруживают в своей внутренней форме признаков связи с обозначаемым объектом: *ОАО Купалинка*, магазины *Душечка*, *Садко*; *Shop Thời trang thể thao Thánh Gióng* ‘магазин спортивной одежды Тхань Зонг’ (*Тхань Зонг* – герой вьетнамской легенды, сильный, храбрый юноша, который освободил страну от врагов), *Cửa hàng quần áo Lụa Cô Tấm* ‘магазин одежды Шёлк Там’ (*Там* – имя героини вьетнамской сказки, доброй красивой девушки; ее образ соотносим с образом Синдереллы / Золушки в европейской культуре). В минской эргонимии очень продуктивна конвенциональная модель трансонимизации имен героев древнегреческой мифологии: магазины *Деспина* (эпитет дочери Деметры и Посейдона Гиппии), *Даная* (дочь Акрисия, царя Аргосского, и Евридики) и др. В некоторых случаях «доэргонимическое» энциклопедическое значение имени содержит намек на мотив выбора названия, «выводя» последнее на границу или даже периферию мотивированных знаков: магазин мебели *Веста* (богиня, покровительница семейного очага в Древней Греции и Древнем Риме); аптека *ООО Панагия* (*Панаги́я* (греч. ‘всесвятая’) – образ Богоматери (реже Спасителя, Троицы и др.), носимый архиереями на груди), ветеринарная аптека *Стрелка* (по кличке одной из двух собак, которые совершили орбитальный космический полёт).

Как показывает языковой материал, общими для белорусско-, русскоязычной и вьетнамской эргонимии являются типы смысловой мотивированности (и даже ряд конкретных мотиваторов) и обусловленная глобализацией тенденция к выбору в качестве мотиваторов прагматонимов, имеющих международное распространение, и иноязычных единиц (вкраплений). Своеобразие выбора конкретных мотиваторов связано с национальными особенностями лингвокультур и антропонимических систем (четкой оппозицией антропонимов и апеллятивов в русской и белорусской лингвокультурах; открытостью списка вьетнамских личных имен, совпадением их с апеллятивами).

Литература

1. Махницкая, Е.Ю. Терминология сквозь призму иконичности / Е.Ю. Махницкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 222 – 227.

2. Ражина, В.А. Ономастические реалии : лингвокультурологический и прагматический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / В.А. Ражина. – Ростов-на-Дону, 2007. – 156 с.

3. Щербак, А.С. Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте / А.С. Щербак // Вестник ТГУ. – 2007. – № 7 (51). – С. 7 – 11.

В.И. Супрун
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
e-mail: suprun@vspu.ru

УДК 81’373.2

ПОРЕЙОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПОЛЕ: ИНТРА- И ИНТЕРЪЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ключевые слова: *порейонимы, наутонимы, товарный знак, ономастическое поле, экспрессивные формы, текстообразование.*

В статье осуществляется исследование названий транспортных средств, устанавливается, что первыми возникли названия кораблей, по образцу которых стали возникать порейонимы у других средств транспорта (космических кораблей, поездов, самолётов). Рассматриваются речевые экспрессивные преобразования наименований, их текстообразующая функция.

V.I. Suprun
Volgograd State Socio Pedagogical University

THE NAMES OF THE VEHICLES IN THE ONOMASTIC FIELD: INTRA- AND INTERLINGUAL COMMUNICATION

Key words*: the names of the vehicles, the ships name, trademark, onomastic field, expressive forms, creating texts*

The article is an examination of the names of vehicles, it is determined that the first were formed the names of the ships. In their sample began to appear the names of other vehicles (space ships, trains, planes). Considered expressive speech conversion names of vehicles, their text-formation function.

Ономастика относится к числу лингвистических наук с чёткой разработанной терминологией. Для каждой группы единиц ономастического пространства выработан отдельный термин. Терминотворчество постоянно продолжается, при этом у создателей новых терминоединиц проявляется порой гиперувлечённость [20, 133], всё более мелкие объединения имён собственных получают собственный термин. Этот процесс ономастического терминообразования можно назвать дивергентным. Параллельно происходит конвергентное рассмотрение онимического пространства языка как единого целого, стремление определить общие функции у онимов разных разрядов, выявить лингвокультурологические, социо-, психо- и этнолингвистические, коммуникативные, дискурсивные, текстовые, лингвокогнитологические, полевые и пр. параметры имён собственных [21, 39].

Порейонимы – собственные имена единичных экземпляров любого вида транспортных средств [16, 108] – относятся к периферии ономастического поля. Термин образован от греческого πορεῖον ‘орудие, служащее для передвижения; машина, повозка’ [5, 1034] и основного термина *-оним* < ὄνυμα ‘имя’. Они редко становятся объектом ономастического анализа, хотя имеются статьи и монографические исследования, в которых прямо или косвенно затрагиваются проблемы формирования и функционирования единиц этого разряда [8; 11; 13; 14]. Как это нередко бывает при изучении периферийных единиц, анализируя порейонимы, исследователи не разграничивают имена собственные и нарицательные, объединяют их под одним термином. Так, в работе О.И. Быковой порейонимом определяется немецкая единица das Schiff, являющаяся этноконнотированной лексемой, принимающей участие в номинации денег ‘денежная купюра достоинством в 10 марок’ как знак индексального типа (изображение корабля на купюре) и номинирующая обычай, ритуал в составе сложного слова das Schifferlsetzen ‘расстановка корабликов’ – старинный обычай в Австрии накануне праздника святого Николая [4]. Подобная ситуация царит и при изучении других периферийных разрядов ономастики: зоонимии, фитонимии и пр. Подавляющее большинство диссертаций, содержащих в названии термин *зооним* и *фитоним*, посвящены изучению апеллятивной лексики.

При изучении названий транспортных средств иногда не учитывают различие между собственно онимом и товарным знаком, который в лучшем случае может считаться онимоподобным речевым образованием [16, 127; 19]. Во многих работах слова типа *мерседес, жигули, лада, самолёт Ту-134* рассматриваются в числе порейонимов [9; 18]. О неустоявшемся статусе этих единиц свидетельствует разнобой в их орфографии. В новом полном академическом справочнике имеется §200, в котором определено, что названия производственных марок технических изделий заключаются в кавычки и пишутся с прописной буквы (*автомобили «Москвич-412», «Волга», «Вольво», «Жигули», «Тойота», «Мерседес-Бенц», самолёты «Боинг-707», «Руслан»*), однако названия самих изделий пишутся в кавычках со строчной буквы (*«москвич», «тойота», «вольво»*), при этом второе примечание гласит: «В бытовом употреблении названия средств передвижения могут употребляться и без кавычек, напр.: *приехал на стареньком москвиче, на роскошном кадиллаке*» [17]. Простому носителю языка разобраться в этих правилах не так просто.

Названия кораблей, видимо, являются первичными в порейонимии, наименования других транспортных средств возникли позже и строились по их образцу. Современные исследователи предлагают для имён кораблей неудачный термин *каронимы* [12] и удачный – *наутонимы* [18], ср. греческие слова ναύτης ‘моряк, матрос’, ναυβάτης ‘плывущий на корабле, мореходец’, ναύαρχος ‘начальник флота, адмирал’, ναύσταθμον ‘место стояник для кораблей, гавань, рейд’ и мн. др. [5, 834-836]. Одним из первых дошедших до нас порейонимов является «Арго» – название корабля, на котором предводитель отряда эллинов Ясон отправился в Колхиду за золотым руном. Героические сказания и песни об аргонавтах сложились в древнегреческом мире задолго до Гомера (VIII в. до н. э.). В те же времена была заложена традиции трансонимизации, корабль получал имя человека: строителем корабля «Арго» был мифический герой Аргос (Ἄργος), имя которого и стало наутонимом [1; 7]. Иные традиции были заложены в Древнем Египте: суда фараонов получили название «Явление в Мемфисе» и «Дикий бык».

С развитием кораблестроения и мореплавания порейонимы становятся неотъемлемой частью ономастического поля любого языка. Складываются традиции образования названий кораблей.

Первые корабли русичей, на которых они плавали по Днепру, Волге, Днестру и другим рекам, а также по Азовскому и Чёрному морям, видимо, имели какие-то имена, однако они не дошли до нас. Впрочем, эти названия могли быть только неофициальными, поскольку письменности в это время не существовало, эти порейонимы никак не фиксировались.

Со времени принятия христианства и начала письменности на Руси должны были записываться в разных документах наименования кораблей, однако реально до нас дошли порейонимы с петровских времён. Возможно, это было связано с размерами судна, поскольку бóльшая часть судов тогдашнего русского флота была представлена небольшими лодками, которым не имело смысл давать отдельное название. Так, исследователь русского мореплавания на Севере М.И. Белов отмечал, что в 1710 г. в Архангельске на морские промыслы отправилось 190 судов, в т. ч. «68 крытых больших карбасов, 87 лодей, 7 сойм, 22 шняки, 11 каюков, 1 яхта и 1 кочмара» [2]. Поскольку эти суда давно вышли из употребления, их нарицательные обозначения нуждаются в пояснении: *карбас* ‘на Белом море и реках, в него впадающих: грузовое гребное или небольшое парусное судно’, *каюк* ‘грузовое одномачтовое парусно-гребное судно’, *ладья* (на севере *лодья*) ‘судно, большая гребная и парусная лодка’ [3, 418, 424, 485], *коча* и *кочмара*, арх. ‘палубное двухмачтовое мореходное судно, поменьше лодьи’, *шняка*, арх. ‘рыбопромышленная морская лодка, поменьше лодьи <…>, шняка ходит даже в океан, на ней 4 человека: кор(м)щик, весельщик, тяглец и наживотчик’ [6], *сойма* ‘одномачтовое палубное грузовое судно’ [22]. У этих судов, вероятно, были бытовые наименования, которыми они обозначались при выходе в море, однако вряд ли эти единицы фиксировались официально.

В петровские времена традиции трансонимизации при образовании наутонимов усилились, корабли получали наименования по святым. Известно, что ботик Петра I получил название в честь покровителя моряков и мореплавания «Святой Николай». Использовались также абстрактные слова

с положительной коннотативной семантикой: в музее на горе Гремяч около Переславля выставлен ботик «Фортуна».

Среди военных кораблей появились оттопонимические наименования: «Севастополь», «Петропавловск», парусный 84-пушечный линейный корабль Черноморского флота «Силистрия» был назван в честь взятия 20 июня 1829 года турецкой крепости Силистрия (ныне портовый город в Болгарии). Судна-батареи получили оригинальные названия «Первенец» и «Не тронь меня». Броненосные канонерки именовались в честь мифических героев, военных профессий, природных явлений и пр.: «Тифон», «Перун», «Колдун», «Вещун», «Единорог», «Стрелец», «Латник», «Броненосец», «Лава», «Ураган», «Смерч». Закрепилась традиция именования кораблей в честь исторических личностей и деятелей морского флота: «Князь Пожарский», «Минин», «Герцог Эдинбургский», «Адмирал Спиридов», «Адмирал Чичагов», «Адмирал Грейг», «Адмирал Лазарев». Встречались парные наименования: броненосцы «Русалка» и «Чародейка». С 1902 г. эскадренным миноносцам стали давать в качестве названий имена прилагательные с положительной или устрашающей семантикой: «Скорый», «Спешный», «Правый», «Храбрый», «Осторожный», «Лёгкий», «Счастливый», «Страшный».

По данным архива Волжского речного пароходства, первые суда с названиями появились на Волге в 1636 и 1669 годах: «Фредерик» (назван в честь герцога Голштинского) и «Орёл» [12]. Впоследствии здесь возникли порейонимы, образованные по устойчивым моделям: от антропонимов («Фельдмаршал Суворов», «Механик А. Губырин», «Бернадаки»), от топонимов («Миссисипи», «Алабама», «Аллегани»), от нарицательных слов («Царь», «Царица», «Переворот», «Амазонка») и др. [12; 24]. Каждое пароходство развивало свои ономатургические традиции.

Сразу после низложения царя суда получили новые наименования: «Гражданин» < «Цесаревич», «Республика» < «Император Павел I», «Заря свободы» < «Император Александр II», госпитальное судно «Товарищ» < «Император Николай II»; на Черноморском флоте линейные корабли «Воля» < «Император Александр III», «Свободная Россия» < «Императрица Екатерина Великая». Эта тенденция усилилась после октябрьского переворота: броненосец «Князь Потёмкин-Таврический» > «Борец за свободу», транспорт «Император Николай II» > «Вече» > «Ильич» (1924). На Волге корабли тоже получили революционные названия: «Царицын» > «Товарищ», «Ольга» > «Авангард революции», «Пересвет» > «Борец за коммуну», «Олень» > «Борец за свободу». В Балтийском море плавали подводные лодки «Рабочий», «Батрак», «Пролетарий», «Коммунар», «Товарищ», «Краснофлотец», «Красноармеец», «Комиссар», «Большевик». При изменении отношения к революционному деятелю могло произойти вторичное переименование: «Троцкий» > «Гарибальди», «Рыков» > «Капитан Керн», «Тухачевский» > «Водопьянов» и др.

Помимо названий морских и речных кораблей имена собственные получают космические корабли, некоторые поезда [25], в последнее время самолёты в некоторых авиакомпаниях получили порейонимы в честь известных людей (авиакомпания «ЮТэйр»: «Николай Байбаков», «Василий Бахилов», «Фарман Салманов», «Борис Щербина» и др.).

Как и ядерные имена собственные, порейонимы способны в разговорной речи получать экспрессивные усечённые и людические (игровые) формы: *Парижанка* < линкор «Парижская коммуна»; *Туркмен* < корабль «Советский Туркменистан»; *кыр-кыр-кыр* < *«кр. Кр. Кр.»* < крейсер «Красный Крым»; *Слава* < крейсер «Молотов» (от имени Вячеслав), *Лазарет* < «Лазарь Каганович», *Октябрина* < «Октябрьская революция» и др. [23; 18, 29].

Порейонимы становятся текстообразующими единицами в художественных произведениях. По подсчётам И.В. Крюковой, в сборнике рассказов М. Веллера «Легенды Невского проспекта» встречаются 11 порейонимов, в двух сборниках повестей и рассказов В. Токаревой – 7 порейонимов [15].

Изучение порейонимов открывает для нас ономатургические традиции народа, особенности трансонимического взаимодействия единиц, интра- и интеръязыковые связи названий средств передвижения

Литература

1. Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Перевод Н. А. Чистяковой / Аполлоний Родосский. М.: Ладомир; Наука, 2001. 244 с.

2. Белов, М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко / М.И. Белов. М.: Морской транспорт, 1956.

3. Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

3. Быкова, О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации. Автореф. дисс. <…> д-ра филол. наук / О.И. Быкова. Воронеж, 2005.

4. Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V изд. 1899 г. / А.Д. Вейсман. – М.: Греко-лат. Кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 стлб.

5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4 / В.И. Даль. М.: Русс. яз., 1989-1991.

6. Дионис А. Аргонавты / А. Дионис. Минск: Валев, 1994. 551 с.

7. Домрачева, Н.И., Дьяконова, В.Б. Лексико-семантические группы названий волжских пароходов / Н.И. Домрачева, В.Б. Дьяконова // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8-9.

8. Емельянова, А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): Автореф. дисс. <…> канд. филол. наук / А.М. Емельянова. Уфа, 2007.

9. Емельянова, А.М., Кобыскан, А.С. Названия улиц как культурная память территории (на примере годонимов г. Уфы) / А.М. Емельянова, А.С. Кобыскан // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: матер. Всеросс. конф. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. С. 202-204.

10. Ильенко, В.В., Ткачук, В.И. Имена морских и речных судов в русском языке советской эпохи / В.В. Ильенко, В.И. Ткачук // Исследования по русскому языку. Выпуск 3. Днепропетровск, 1973.

11. Ильина, И.И. Лексико-семантическая и структурная характеристика каронимов: на материале названий волжских пароходов: дисс. <…> канд. филол. наук / И.И. Ильина. Самара, 1998. 168 с.

12. Исаева, Т.А. Поволжье в названиях волжских пароходов / Т.А. Исаева // Диалекты и топонимия Поволжья. Вып. 1. Чебоксары, 1972.

13. Исаева, Т.А. Названия волжских пароходов / Т.А. Исаева // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976.

14. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. <...> д-ра филол. наук / И.В. Крюкова. Волгоград, 2005.

15. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Ответ. ред. А.В. Суперанская / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1978. – 199 с. 2-е изд., перераб. и доп. – 1988. – 192 с.

16. Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М: АСТ, 2009. – 432 с.

17. Стрельцова, М.Ю. Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дисс. <…> канд. филол. наук / М.Ю. Стрельцова. Владивосток, 2010.

18. Суперанская, А.В. Товарные знаки и знаки обслуживания в России / А.В. Суперанская // Metodologia badań onomastycznych. Olsztyn, 2003. S. 527–542.

19. Супрун, В.И. Размышления над ономастической терминологией / В.И. Супрун // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серии «Педагог. науки», «Филол. науки», «Соц.-эконом. науки и искусство». 2011, №8(62). С. 133-138.

20. Супрун, В.И. Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: Матер. XIII Междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2012. С. 39-42.

21. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. 2-е изд. М.: ГИИНС, 1947-1948.

22. Чуприн, К.В. «Как вы судно назовете …»: У кораблей бывают не только имена, но и прозвища / К.В. Чуприн // Независимое военное обозрение. 25-31 мая 2007 г., №16.

23. Шубин, И.А. Волга и волжское судоходство / И.А. Шубин. М., 1997.

24. Honl, I. O jménech vlaků / I. Honl // Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV. 1970. № 11. S. 9-15.

П. Томасик
Университет Казимира Великого (г. Быдгощ, Польша)
e-mail: piotrust@poczta.onet.pl

УДК 81’373.2

СТОИТ ЛИ ВКЛЮЧАТЬ В ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОМИНАЦИИ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ЦИФР?

Ключевые слова: *названия-кодировки, номинация, ономастические школы, цифры*

В статье рассматривается возможность ономастического анализа номинаций, составленных из цифр. Приводятся примеры такого рода названий: топонимов, антропонимов, названий торговых марок. Анализу подвергается мотивация таких единиц. Автор ищет границу между собственными названиями, представляющими интерес для языковедов, и техническими обозначениями – кодировками, которые находятся за пределами языкознания.

P. Tomasik
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

IS THE TECHNICAL SYMBOL A PROPER NAME?

Key words: *numbers, proper names, technical symbols.*

The paper focuses on the status of the names made up of numbers. The names in question, taken from place names, personal names, brand names. The author is trying to answer the following questions: is the difference between technical symbols and proper names?

Интерес к науке проявляется не только путём тщательного анализа предмета исследований. О том, что данная наука является популярной, современной, «живой», свидетельствуют тоже действия «на полях». К таким действиям можно причислить работы над определением поля предмета, границ интересов.

Дискуссии о границах ономастики проводятся непрерывно уже (как минимум) десятки лет. Разные взгляды на проблему характерны для стыка так называемых ономастических школ, но и «внутри», то есть среди представителей одной ономастической школы, часто нет единогласия. Одной из спорных точек является отношение к номинациям, составленным из цифр. Некоторые исследователи считают их полноценными собственными названиями, другие не дают им право называться онимами. Эта проблема характерна для всех славянских ономастик (или, иначе говоря, для ономастики всех славянских языков). В этом месте необходимо подчеркнуть, что в связи с терминологическими различиями ономастических школ, в настоящей статье во многих случаях термины пропускаются намеренно. Примеры для анализа – российские (и советские), но они описываются нами с точки зрения иностранца.

В польской ономастической традиции одним из первых сторонников учитывания единиц, составленных из цифр, был Артур Левандовский [3, 43-46]. Среди российских ученых на роль чисел в ономастике обращал внимание Александр Константинович Матвеев [4, 133-134]. Но до сих пор складывается впечатление, что многие исследователи в своих трудах избегают номинаций, составленных из цифр, в лучшем случае считая их далекой ономастической периферией.

Цель настоящего доклада – принять участие в решении вопроса: стоит ли включать в ономастические исследования номинации, состоящие из цифр. Вопрос не простой и рождает следующие. Постараемся их рассмотреть.

Примеры номинаций подобраны случайно. Они не искались специально. Это свидетельствует о том, что такие единицы образуют достаточно большую группу. Номинации, состоящие из

цифр, есть во многих разрядах ономастики. Кажется, самое большое их количество связано с названиями товаров и продуктов. Примером может служить советский портвейн *777*. В наше время сорта пива Балтика тоже выделяются с помощью цифр (напр. *3, 7, 9*). Номинации, состоящие из цифр или смешанные (с употреблением цифр и букв), очень часто используются для обозначения моделей машин, самолетов, бытовой техники, например, машины *Audi A2, Mazda 323,* самолеты *Ил-62, Ту-154*, принтер *HP DescJet 3636*. Стоит тоже упомянуть фильм Никиты Михалкова *12.* Среди антропонимов обязательно надо поместить «имена» персонажей романа Евгения Замятина «Мы», напр. *Д-503, I-330.* Герой серии приключенческих фильмов – Джеймс Бонд, тоже широко известный как агент *007*. Есть и современные примеры из реальной жизни. В 2002 году в России родители хотели зарегистрировать своего сына под «имением» *БОЧ рВФ 260602*. Отец ребёнка намерен был менять своё имя на *БОЧ рВП 250856* [2]. В обоих случаях имена являются кодировкой-аббревиатурой, соответственно: Биологический Объект Человек рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26 июня 2002 года и Биологический Объект Человек рода Ворониных-Пархоменко, родившийся 25 августа 1956 года. В топонимии тоже есть примеры. В Иркутской области находится местность *5155-й километр ВСЖД*. В Московском районе Измайлово улицы *1-я Парковая, 2-я Парковая, 16-я Парковая*. Один из мостов через реку Енисей в Красноярске носит название *777*. К этой группе можно причислить также названия железнодорожных платформ и остановок, напр. *2000 км*.

Во многих случаях возникает проблема с произношением номинации из цифр. Как правильно читать цифры – все вместе, образуя большие числа; разделять на мелкие части (если да, каким образом) или, вообще, произносить каждую отдельно? Чем больше знаков – тем больше возможностей. Упомянутый портвейн в народе часто назывался «три семерки», название модели машины ВАЗ 2107 часто читается «два-сто семь». В этом месте появляется следующая трудность. Как найти официальный вариант названия (его произношения), а которые варианты считать неофициальными, народными? Употребление цифр в названиях вызывает дополнительную проблему. Форма записи часто не указывает на грамматические черты. Сравним два заглавия – упомянутого уже фильма Никиты Михалкова *12* и романа Джорджа Орвэлла *1984*. Первое заглавие читается как количественное числительное – двенадцать. Оно указывает на количество (это и подсказывает рабочее название 12 разгневанных мужчин). Заглавие романа Джорджа Орвэлла, это порядковое числительное: тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый, указывающее на год.

Названия, состоящие из цифр, близки техническим кодам. Технические кодировки надо уметь читать. Такими знаниями обладают не все, но кодировки зачастую являются сжатыми, несущими довольно большую информацию. Возникает следующий вопрос – где находится граница между обозначениями, состоящими из цифр (которые можно подозревать в том, что они являются собственными названиями) и чисто техническими кодировками? Существует ли вообще такая граница? Возможно, переход между этими типами номинации плавный. Есть ещё следующий вариант – разницы нет. В этом месте стоит рассмотреть вопрос, кому служат номинации, составленные из цифр, для кого они предназначены, кто ими пользуется? Машины *ВАЗ 2107* продавались под торговым названием *Жигули*, позже, *Лада* (в других странах принималось тоже обозначение *Lada 1500*). В таком случае номинацию *ВАЗ 2107* можно было бы отнести к техническим кодировкам. Немецкие машины *Ауди (Audi)* сегодня продаются с обозначением моделей *A2, A5, A8*. В этом случае нельзя говорить лишь о технических кодах. Кодировку ВАЗ 2107 можно было менять словесным обозначением, единицы *ВАЗ 2107* и *Жигули* являлись (почти) синонимами. В случае моделей *Ауди* вариантов нет. Для названия (выделения) модели необходимо употреблять номинацию, содержащую цифру. Как заметно, примеры обозначения машин не образуют параллели.

Ближе к собственным названиям обозначения, построенные при помощи цифр, которые даны не по порядку, а имеют определенную мотивацию. Не стоит ожидать, что портвейн *777* – это следующий (по порядку) сорт после *776*, а продолжением фильма *12* будет фильм под заглавием 13. Стоит подчеркнуть, что отличать кодировки от собственных названий по «порядку» – метод, далеко небезошибочный. Еще до строительства красноярский мост *777* назывался «объектом

777». Возможно, параллельно велись работы над объектами 776 и 778, не обязательно мостами. Объекты (те. проекты строительства) могли получать номера по порядку. Номер (название) 777 мог показаться красивым (напр. благодаря удачному совпадению цифр) и его перенесли с названия объекта на название моста. В поисках порядковых номеров не стоит забывать о том, что определенные номера могли быть присвоены вещам, которые не вошли в производство, остались лишь проектами (возможно, мало или вообще неизвестными), и их обозначения в «цепи» могут отсутствовать, быть пропущенными.

Сходство названий-кодов с собственными названиями особую актуальность проявляет в контексте языковой игры. Надписи, вывески иногда построены наподобие ребуса. Многие собственные названия строятся таким образом, чтобы привлечь внимание. Одним из способов является употребление цифр вместо букв. Примеры можно найти среди названий продуктов, напр. *7я* (фруктовой напиток) и даже в именах нарицательных, напр. *100матология*.

В последнее время можно наблюдать попытку авторов торговых названий к сближению названий и технических кодов. Названия, состоящие из хорошо подобранных цифр, легко запоминаются, привлекают внимание (выделяются на фоне словесных). Названия с использованием цифр вошли в пейзаж городов. Не удивляют уже аптечная сеть 36,6; сеть ювелирных магазинов 585. Это (адаптируя литературоведческий термин) «говорящие названия», с яркой, прозрачной мотивацией. Цифры 36,6 относятся к температуре тела здорового человека. Борьба за здоровье это и есть главный принцип работы аптеки. Название магазина с украшениями из драгоценных металлов ассоциируется с высокой пробой золота. К этой группе можно причислить и следующие номинации. Магазин продажи алкоголя назван *100 грамм*. Сто грамм – порция алкоголя, которая не должна еще вызывать вредные действия. Цифры 71 в заглавии городского информационного портала *71.ру* мотивированы цифровым кодом региона, который употребляется тоже в номерных знаках машин (государственных номерах).

Так как не удалось найти способ различения технических кодировок и названий, содержащих цифры (не сработали ни функционально-прагматические ни структурные методы), в итоге можно предложить ответ на поставленный в заглавии вопрос: стоит включать в ономастику номинации, построенные с помощью цифр. Такую мысль необходимо дополнить, следующим образом: даже если эти названия могут казаться внеязыковыми, то, согласно принципу смешивания научных дисциплин важно расширять поле интересов. Это и гарантирует, что ономастика будет современной, интердисциплинарной наукой.

Литература

1. Gałkowski, A. Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej. Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim / A. Gałkowski, 1-е изд., Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2008. – 388 с.

2. Зеничев, Я. Семилетний БОЧ РВФ 260602, Новые Хроники, 19.02.2009, [Электронный ресурс]. – Режим доступа :. http://novchronic.ru/3145.htm – Дата доступа : 26.12.2015.

3. Lewandowski, A. Współczesne polskie nazwy firmowe / A. Lewandowski, 1-е изд., Zielona Góra : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Tadeusza Kotarbińskiego, 1992. – 285 с.

4. Матвеев, А. К. Эволюционные процессы в ономастике / А. К. Матвеев, // Вопросы ономастики – 2008. – №6. – С. 130–136.

5. Czachorowska, M. Nominacja konwencjonalna w nazwach modeli samochodów / M. Czachorowska // Onomastyka polska a nowe kierunki językoznawcze. Materiały z XI Ogólnopolskiej Konferencji Onomastycznej 15-17 czerwca 1998 Bydgoszcz-Pieczyska / WSP Bydgoszcz; редкол.: M. Czachorowska, L. Szewczyk, Bydgoszcz, 2000. — C. 151-156.

С. Томасик
Университет Казимира Великого в Быдгоще (Польша)
e-mail: s.tomasik@rambler.ru

УДК 81-119; 347.471.032.1

НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ УЛИЦЕ ГОРОДА. ОНОМАСТИКОН ГЛАВНЫХ УЛИЦ МАЛЕНЬКИХ ГОРОДОВ ПОЛЬШИ

Ключевые слова: *названия предприятий, хрематонимы, названия в городе, дескриптивные названия*

Настоящая статья является пробой показать самые популярные номинативные тенденции, касающиеся названий торговых точек, расположенных на главной улице польского горада средней величины. В статье дается характеристика собранного ономастикона, а также рассматриваются его социолингвистические аспекты.

S. Tomasik
Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy

ON THE MAIN STREET IN THE TOWN. PROPER NAMES ON THE MAIN STREET IN THE POLISH SMALL TOWNS

Key words: *onomastics, proper name, chrematonomastics, small towns, descriptions.*

This article shows the most popular types of nominalisation of the companys, which are located on the main street in the small or quite big towns in Poland. Theese names are analised from social linguistic point of vue.

Настоящая статья посвящена ономастикону главной улицы небольшого польского города. Источник материала – вывески и надписи, находящиеся на центральной улице старой части польского города Иновроцлав, улице Крулёвой Ядвиги (Królowej Jadwigi). Мы решили проанализировать тот материал, который попадает в глаза гуляющему по центру города туристу или спешащему по делам жителю города. Все эти названия (онимы) печатаются на вывесках. Создают они определенный ландшафт, колорит. Примером для данной работы послужил город Иновроцлав, но (после многочисленных наблюдений) мы пришли к выводу, что ономастиконы разных польских городов, схожих по величине и статусу, очень похожи друг на друга. Иновроцлав – это город, находящийся в Куявско-Поморском воеводстве, входит в Иновроцлавский повят, является его столицей. Имеет статус городской гмины. Население составляет около 70 тысяч человек – город небольшой. Раньше в городе работали горные предприятия, добывалась соль; функционировали большие химико-промышленные заводы. За последние годы обстановка резко изменилась. Большинство предприятий закрыто. В Иновроцлаве большой уровень безработицы. В городе нет высших школ. Он остается в тени соседних – Быдгощя и Торуни. Зато Иновроцлав становится все более популярным курортом, во многих санаториях лечатся, прежде всего, пенсионеры.

Ономастическому анализу подвергались названия торговых точек (магазинов и мастерских, мест оказания услуг населению) разного типа. Рассматривались названия аптек, обувных, книжных магазинов, банков, магазинов одежды, ресторанов и многих других предприятий. Мы не выбирали материал, а фиксировали все единицы, определяющие магазин или мастерскую, которые давались на вывесках. Сбор материала проходил в декабре 2015 года. Собранные названия исследовались с ономастической и социологической точек зрения. Постараемся ответить на вопрос, о чем свидетельствует ономастикон главной улицы города.

Самую большую группу составили дескриптивные названия, т.е. описательные названия. В этом месте можно ставить вопрос – относятся ли эти лексические единицы к собственным назва-

ниям. Здесь можем выделить две группы, так как данные названия показывают разные типы информации, касающейся предлагаемых товаров и услуг:

1. Описательные названия, указывающие на тип предлагаемых товаров:

AGD, Apteka, Artykuły Niemieckie, Atelier Urody, Bielizna Skarpety Rajstopy, Delikatesy Rybne, Diament Złoto, Elektrosprzęt, Fotograf, Gabinet Kosmetyczny, Kancelaria Prawno-Podatkowa, Kancelarie Radców Prawnych, Kurczak z różna, Lombard, Obuwie, Odzież Zachodnia, Pasmanteria, Piekarnia Ciastkarnia, Restauracja, Restauracja_32, Sklep Chiński Sklep Zielarsko-Medyczny, Tania Odzież, Zabawki Obuwie Odzież Chemia;

2. Описательные названия, указывающие на работающего в заведении мастера:

Jubiler, Jubiler Złotnik, Optyk Okulista.

Такие надписи (из групп 1 и 2) дают покупателю информацию о характере магазина, о сфере его деятельности, спектре предлагаемых услуг. Указание на вывеске лишь надписи *Обувь* выделяет магазин среди других магазинов, торгующих иным товаром. Можно говорить о выполнении подобными номинациями двух функций – они информируют об объекте и индивидуализируют его. Такая индивидуализация условная, она характерна лишь для небольших местностей или работает внутри одного района, жилого массива (в случае, когда на определенной территории находится один такой магазин). В Иноврoцлаве магазинов, в которых продается обувь, несколько. Стоит задуматься, почему владельцы таких торговых точек не хотят выделить свой магазин. Согласно польскому закону, у каждой фирмы должно быть свое название. В определенных случаях оно заменяется имением и фамилией владельца фирмы в сочетании с названием рода деятельности. Возможно, у некоторых магазинов официальное (юридическое) название именно такое, но почему оно не дается на вывесках? Видимо, владельцу и клиенту (покупателю) такой информации достаточно. Такое ограничение значительно усложняет идентификацию объекта, создает прагматические трудности. Определение магазина, о котором идет речь в разговоре, требует описаний (напр. названия адреса), появляется возможность перепутать магазины. Ведь владелец должен быть заинтересован в однозначной идентификации своего магазина, что обеспечит, так называемую, устную рекламу.

3. Названия, совмещающие прямую характеристику предлагаемых товаров и услуг:

Kaprys Niskie Ceny, Kredyty w 15 minut, Obuwie. Super Tanio!, Obuwie zawsze tanie, Tani Armani, Świat Taniej Odzieży, Twoja Kasa.

В номинациях этой группы на первом месте характеристика, но они уже позволяют однозначно идентифицировать торговую точку.

Следующей группой являются названия, составленные с использованием имени или фамилии, напр. *Betty, Carmen, Gzella, Jóźwiak, Fotograf Krzysztof Pałasz, Kleopatra, Lizuraj, Urszula*. Чаще всего это именования владельцев данных заведений. Названия предприятий, образованные от антропонимов, являются также своего рода подтверждением качества предлагаемых в данном заведении услуг. Такое характерно, прежде всего, для реальных имен и фамилии. Названия – фамилии являются как будто подписью, которую владелец ставит только в случае полнокачественного продукта или услуги. Функция имен, заимствованных из других языков (*Carmen*), и имен исторических персонажей (*Kleopatra*) другая. Они указывают на престиж, элегантность. Наименования, при образовании которых были использованы лишь формы имен, ассоциируются с кем-то знакомым, с другом. Дескриптивный элемент, который присутствует в части анализируемых онимов, является уточнением характера предприятия.

Большую группу составляют названия торговых точек, образованные с помощью абстрактных существительных, напр. *Euforia, Jawa i Sen, Modomania, Natura, Smak, Panorama, Pokusa, Róże, Fiołki i Aniołki*. Встречались также названия, мотивированные чертами людей или их связями, напр.: *Między nami, Modna Pani, Skąpiec*.

Особого подхода требуют названия сетевых предприятий. Они встречаются во многих городах. Такие названия относятся не к одной торговой точке, а к целой сети, напр. *Credit Agricole,*

Eurobank, Eurooptical, Getin Bank, Jackpol, Nordhaus, Reiffaisen Polbank, Santander Consumer Bank, Westhaus. Довольно редко сетевые названия имеют в своем составе дополнительные квалификаторы, напр. *ABC Maraton, ABC po sąsiedzku, Kaprys-ART, Kaprys-Niskie Ceny, SKOK Stefczyka, Wielkopolska SKOK, Żabka, Żabka Cafe*. Номинации такого типа, как правило, встречаются во многих городах страны и их связь с Иноврославем намного слабее.

Собранный ономастикон, кажется, не отвечает полностью самым современным тенденциям, согласно которым большинство из названий – это интернационализмы или заметна в них связь с иностранными (чаще всего западными) языками. В анализируемой группе названий лишь некоторые являются заимствованиями. Здесь используется как графическое, так и звуковое сходство. Это прежде всего названия предприятий сетевого типа, а также салонов одежды, обуви, нижнего белья, напр.: *Betty, Carmen, Cristal, Club Black Note, Desu* (от фр. *dessous* ‘ниже, нижнее’), *Jackpol, My Shop, She Fashion*. В этой группе были зафиксированы и сложные по содержанию единицы, напр.: *Gallux, Viando* (от фр. *viande* ‘мясопродукт’). Это доказывает, что жители небольших городов хотят подчеркнуть свой социальный статус, придать своему заведению престижность.

Подытоживая, заметим, что самую большую группу собранного материала составляют дескриптивные, описательные названия. Из этого вытекает, что у жителей небольшого города нет необходимости употреблять или создавать большое количество названий.

Вполне возможно, что качество жизни в небольших городах Польши, отличающееся от качества жизни в мегаполисах, выражается в подборе названий, которые можем встретить на главной улице. Она и должна быть самым лучшим местом в городе. Главная улица – это визитная карточка города. О ней заботятся больше всего, именно на ней больше праздничных украшений.
На центральной улице высокие цены аренды торговых помещений, что и должно гарантировать, что именно там помещаются самые хорошие магазины.

В наше время, кроме главных улиц, большое скопление магазинов и разного рода предприятий во вездесущих торговых центрах. Можно попытаться сравнить названия торговых точек на главной улице и в торговом центре. Продолжением настоящей работы может стать анализ «ономастикона улиц других городов» или анализ «ономастикона деревень». Интересными могут оказаться исследования, сравнивающие малые и крупные города в Польше, а также работы, сопоставляющие названия магазинов и мастерских городов в похожих (по величине, функции, статусу) городах разных стран. Как исследовательские перспективы можно также принять желание рассмотреть похожие названия в больших городах или сравнить сегодняшний ономастикон с ономастиконом 90-х лет.

Литература

1. Gałkowski, A. Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej. Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim / A. . Gałkowski. – Łódź, 2008.

2. Górny, H. Tendencje onimiczne w nazwach krakowskich aptek / H. Górny // Acta Onomastica 2, XLIV, 2003. – C. 15-28.

3. Harvalík, M. Nové tendence v rozvoji současné české onymie, [в:] David J., Čornejová M., Harvalík M., Mnohotvárnost a specifičnost onomastiky / M. Harvalík. – Ostrava, 2009. – C. 179-186.

4. Pluskota, T. Aktualne tendencje w nazewnictwie moskiewskich księgarń i innych punktów sprzedaży książek / T. Pluskota // Prace Komisji Językoznawczej Bydgoskiego Towarzystwa Naukowego / Laskowska E. (ред.), Język. Biznes. Media., т. XIX. – Bydgoszcz, 2009. – C.47-56.

5. Матвеев, А. К. Эволюционные процессы в ономастике / А.К.Матвеев // Вопросы ономастики. – 2008. – № 6. – С.130-136.

Р.Б. Яцків
Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка
e-mail: r.kotuk@rambler.ru

УДК 811.373.23.161.2.

ДО ПИТАННЯ ПРО МАЛОДОСЛІДЖЕНІ ГРУПИ ОНІМІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Ключевые слова: *оним, антропоним, топоним, теомним, прозвище, микротопоним, библион.*

В статье рассмотрены антропонимический, топонимический и теонимический фреймы ономастики. Определены основные достижения в этих областях и сакцентировано внимание на наименее исследованных группах онимов украинского языка. К таким отнесены среди антропонимов – современные школьные прозвища, среди топонимов – микротопонимы, среди теонимов – библионимы. Отмечена необходимость разработки этих и других групп малоисследованных онимов украинского языка.

R. B Yatskiv
Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko

ON THE UNEXPLORED GROUP OF DUMB UKRAINIAN LANGUAGE

Key words*: onym, anthroponym, toponim, teonim, nickname, microtoponyms, biblionim.*

In the article to consider the anthroponimical, toponimical and teonimical frames onomastics. The basic achievements in these areas and given to attention to the the least researched groups onyms Ukrainian language. To such enlisted among anthroponyms – modern school nicknames, among toponyms – microtoponyms, among teonims – biblionims. To need to develop of these and other groups omonyms hardly explored onims Ukrainian language.

Ономастичний простір мови – сукупність усіх власних назв, відкрита мовна система, яка постійно змінюється, бо одні оніми перестають побутувати або переходять у розряд лексики пасивної, інші – активно з'являються в мові через появу нових об'єктів і в зв'язку з потребою їх називати. В онімах акумулюється історія народу, його національний колорит, звичаї, традиції, спосіб мислення тощо. Тож закономірно, що сьогодні в межах ономастики виокремлено низку дисциплін, які широко досліджуються: антропоніміку, топоніміку, ергоніміку, поетоніміку тощо.

Однак на сучасному етапі розвитку мовознавчої науки величезна група власних назв ще залишається малодослідженою галуззю ономастики. Якщо спиратися на виділені О. Карпенко дев'ять фреймів: антропонімічний, топонімічний, ергономічний, зоонімічний, теонімічний, космонімічний, хрононімічний, хрематонімічний, ідеонімічний [2, 112], то в українській ономастиці в межах кожного із них є багато дослідженого, однак ще немало й незібраного, несистематизованого, неописаного.

Мета нашої розвідки – простежити, які групи онімів з-поміж антропонімів, топонімів та теонімів сьогодні найменш опрацьовані в українській ономастиці.

Антропонімічний фрейм. Початки наукового вивчення української антропонімії припадають на другу половину XIX – початок XX ст. Тут варто назвати поодинокі праці А. Степовича, М. Сумцова, В. Щарбини, В. Ястребова, В. Охримовича і єдину з ономастичних, однак дуже ґрунтовну роботу І. Франка "Причинки до української ономастики" [8].

Системного аналізу українські антропоніми дістали дещо пізніше – в працях відомих українських мовознавців Л. Гумецької, І. Ковалика, М. Корниловича, З. Ніколаєнка, Ю. Редька, В. Сімовича, В. Німчука, І. Сухомлина, О. Ткаченка, Р. Керсти, П. Чучки, Л. Каракалії, М. Худаша, М. Демчук, Г. Бучко. До цієї плеяди плідно долучаються сучасні вчені, досліджуючи прізвища, прізвиська, власні особові імена, псевдоніми тощо. Однак окремі групи антропонімів

потребують насамперед збору та систематизації, а рівночасно й ґрунтовного теоретичного та фактичного опрацювання.

Сьогодні з-поміж антропонімів найретельніше опрацьовано прізвища, немало робіт присвячено іменам (особливо в плані складу та динаміки особових чоловічих та жіночих імен окремих регіонів України).

Словесне визначення людини повинне максимально точно відповідати ідентифікаційним потребам конкретної мовленнєвої ситуації, бути актуальним для кожного окремо взятого комунікативного акту [1, 20]. Тому цікавим та потрібним є збір, систематизація та опрацювання великої групи малодосліджених на сьогодні антропонімів – прізвиськ.

Прізвиська вважаються неофіційними найменуваннями особи, засобами вторинної номінації, однак вони становлять собою помітний пласт антропонімікону національної мови українського народу. Різні неофіційні іменування стали свого часу об'єктом дослідження Н. Павликівської (псевдоніми), П. Чучки (неофіційні іменування жителів Закарпаття), Н. Федотової (прізвиська мешканців Луганщини), В. Чабаненко (прізвиська жителів Нижньої Наддніпрянщини). Прізвиська належать до живомовної антропонімії. Вони активно побутують, як правило, у сільській місцевості, де можуть сягати як віку кількох поколінь, так і бути своєрідними неологізмами, створюватися ситуативно.

Різноманітність народних прізвиськ, як зазначає М. Лесюк, свідчить про велику словоутворювальну фантазію народу, про лексичне багатство мови, величезні потенційні можливості антропонімійної системи мови [4, 227]. Особливо малодослідженим залишається величезний пласт прізвиськ, який однаково частотний як у сільському, так і в міському середовищі, – шкільні прізвиська. Вони народжуються в шкільному колективі і часто супроводжують дитину протягом усього її навчання, а іноді вже й дорослу людину – протягом усього життя.

Мотиви появи шкільних прізвиськ, закономірності, які лежать в основі відповідних номінативних процесів, принагідно розглядали у своїх працях В. Чабаненко, М. Наливайко, В. Тихоша, О. Антонюк, Г. Сеник, Н. Шульська, беручи до уваги ілюстративний матеріал з різних територій України. Віковий чинник та його вплив на мотиваційне групування неофіційних назв школяра (на матеріалі прізвиськ школярів Львівщини) став об'єктом аналізу А. Чучвари.

Сучасні шкільні прізвиська, створені учнями, виконують номінативну, комунікативну та оцінну функції. Це жива категорія мови, яка активно розвивається і поповнюється новими лексемами, твориться як за традиційними, так і за новітніми мовними моделями і потребує активного лінгвістичного опрацювання.

Топонімічний фрейм. Топонім – це соціальне явище, яке не просто відображає властивості об'єкта, а подає їх крізь призму людського уявлення про цей об'єкт, розкриваючи реалії колишньої матеріальної і духовної культури населення. Топонімія являє собою систему понять, які формувалися протягом тривалого часу, відображає не лише географічне середовище, а й ставлення суспільства до нього. Людина відзначає в середовищі насамперед ті аспекти, які на цей час найважливіші для неї, для її діяльності та існування.

Народ, помічаючи одиничне, індивідуальне серед масового й типового, дає назву географічному об'єктові за найхарактернішою ознакою, яка виділяє його серед інших подібних об'єктів. Поява топонімів зумовлювалася необхідністю розрізняти географічні об'єкти в процесі трудової діяльності людей та з метою орієнтації щодо них. Цими географічними назвами послуговується у своїх дослідженнях і географ, й історик, і лінгвіст. Тому топонімія в Україні вивчена чи не найповніше, першочергово – гідронімія та ойконімія.

Гідроніми найповніше з-поміж усіх топонімів зберегли архаїку своїх основ, структуру, деривaційні моделі. Ґрунтовне вивчення української гідронімії, частково започатковане Я. Рудницьким та М. Кордубою, відображено у працях І. Муромцева, О. Стрижака, М. Трубачова, А. Корепанової, Є. Отіна, Л. Масенко, З. Франко, І. Желєзняк, О. Карпенко, В. Шульгача, В. Лучика, С. Вербича, Я. Редькви, Л. Костик та інших мовознавців.

Ойконімійна система України, її структура, закономірності виникнення, розвитку та функціонування – це об'єкт дослідження відомих ономастів Д. Бучка, Ю. Карпенка, О. Купчинського, В. Лободи, Я. Пури, М. Торчинського, М. Худаша, В. Шульгача та багатьох інших.

До найменш вивчених шарів топонімії України належать мікротопоніми – власні назви невеликих найчастіше природних фізико-географічних, рідше створених людиною об'єктів. Між тим мікротопонімія є невід'ємною і дуже вагомою частиною онімного простору. Збір та систематизація мікротопонімів – справа дуже потрібна, бо це жива скарбниця народної мови. Найновіші дослідження в цій царині належать В. Банньої, Л. Білінській, Н. Вебер, О. Заінчковській, Н. Лісняк, О. Михальчук, О. Проць, Н. Сокіл та ін.

Мікротопоніми обмежені вузькою сферою вживання – функціонують у мовленні нешироко-го кола людей, які мешкають поряд із названим топооб'єктом. На жаль, поширеним є уявленням про те, що так званий ступінь стійкості власних географічних назв залежить від величини топооб'єкта, тобто давнішими, а отже, цікавішими з погляду історично-лінгвістичного аналізу є назви великих річок і населених пунктів, тоді як із-поміж мікротопонімів таких архаїчних назв небагато. Така думка справедлива лише частково, оскільки мікротопонім акумулює надзвичайно цікавий матеріал з того чи того терену, а відповідно й мови тутешнього населення, зберігаючи інформацію про топографію місцевості в її минулому, тип господарювання на ній, її мешканців тощо. Цінність мікротопонімів зростає, коли поглянути на них крізь призму діалектології, адже, входячи в сферу говіркової лексики окресленого ареалу й побутуючи в живому мовленні його населення, місцеві географічні назви повніше й точніше зберігають самобутні лексичні, фонетичні й граматичні форми українських говорів.

Мікротопонімна лексика відображає найважливіші етапи історії матеріальної та духовної культури народу. І одночасно в ній з'являються мовні закономірності, у зв'язку з чим цей лексичний пласт становить інтерес і як історико-географічний матеріал, і як лінгвістичне джерело. Мікротопоніми будь-якої місцевості являють собою особливий матеріал для наукового дослідження, так як цей пласт лексики містить найбільш цільну і багату інформацію про історію самої території, про історію країни, про розвиток культури, а разом з тим, що дуже важливо, – про українську мову.

Теонімічний фрейм. Теонім – власна назва Бога, божества в будь-якій релігії, міфології, пантеоні. В українській мові існують теоніми язичницькі (слов'янські) та християнські (запозичені). В цілому, теоніміка в Україні ще не дістала достатнього розвитку, хоча теомнім є важливим компонентом мовної дійсності будь-якого етнокультурного утворення. Відомі окремі праці І. Огієнка, О. Горбача, В. Німчука, І. Железняк, Є. Отіна, роботи молодших учених О. Михайлової, Г. Тимошик, Н. Павлюк. Остання з названих дослідників наголошує, що оніми міфологічного й біблійного походження входять до системи будь-якої мови, становлять окремий складний розряд власних назв. На відміну від онімів, які позначають реально існуючі об'єкти, вони мають більш широкий зміст, що можна пояснити багатою екстралінгвальною інформацією, яку вони містять, а також використанням їх як у мовленні мовних колективів, так і в художньому мовленні, тобто оказіональним індивідуально-авторським вживанням. Це важливо для виражальних можливостей пропріальних одиниць, оскільки кожний випадок використання їх в художній літературі та інших видах мистецтва вносить додаткові конотативні компоненти у їх значення [6, 3].

За слушним спостереженням Г. Тимошик, бібліоніми, або ж оніми біблійного тексту, потрапили в українську мову книжним шляхом (через посередництво перекладних текстів Святого Письма). За своєю природою біблійна пропріальна лексика належить до царини неавтентичних, а тому в перекладі не змогла зберегти ні особливого семантичного наповнення, котре притаманне їй в оригінальному тексті, ні стилістичних доповнень. Однак упродовж тривалого побутування в корпусі перекладних текстів біблійна пропріальна лексика сформувала значний фрагмент

українського іменника. Зважаючи на це, варто окреслити різновимірні процеси, які супроводжували входження біблійних пропріатем в україномовний вимір [7, 204].

Отже, в межах трьох галузей ономастики – антропоніміки, топоніміки, теоніміки – виділяємо три групи онімів – прізвиська (сучасні шкільні прізвиська), мікротопоніми та бібліоніми, які сьогодні потребують глибокого лінгвістичного аналізу.

Література

1. Вербовецька О. До питання структурного аспекту аналізу офіційних та неофіційних іменувань (на матеріалі антропонімії Тернопільщини) / Оксана Вербовецька // Наукові записки ТНПУ. Серія : Мовознавство. – Тернопіль : ТНПУ імені Володимира Гнатюка, 2014. – Вип. 1 (23) 2014. – С. 20-26.
2. Карпенко О. Ю. Проблематика когнітивної ономастики: [монографія] / О. Ю. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2006. – 325 с.
3. Корнієнко І. З історії української антропоніміки [Електронный ресурс]. – Режим доступу : http://www.interklasa.pl/portal/dokumenty/ridna_mowa_uk/index.php?page=rm34_03
4. Лесюк М. Прізвиська жителів гуцульських сіл / Микола Лесюк // Przezwiska i przydomki w jezykach slowianskich. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie – Skladowskiej, 1998. – С. 227–240.
5. Наливайко М.Я. Українські дитячі прізвиська [Електронный ресурс]. – Режим доступу : http://lib.chdu.edu.ua/pdf/novitfilolog/11/116.pdf
6. Павлюк Н. В. Власні назви міфологічного й біблійного походження та їх роль у поетонімогенезі : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.15 / Н. В. Павлюк; Донецький національний ун- т. – Донецьк, 2006. – 23 с.
7. Тимошик Г. Біблійна пропріальна лексика в перекладі Святого Письма П. Куліша та І. Пулюя / Галина Тимошик // Вісник Львівського університету. Серія : Філологія, 2004. – Вип. 34. Ч. ІІ. – С. 204-208.
8. Франко І. Я. Причинки до української ономастики / Іван Франко // Зібрання творів : У 50-ти т. – К.: Наукова думка, 1982. – Т. 36. – С. 391-427.

VI. ОНОМАСТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.С. Васілеўская, М.А. Вагулька
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка
e-mail: alena08@tut.by

УДК 811.161.3’373.21

ДА ПРАБЛЕМЫ ФАРМІРАВАННЯ АНТРАПАНІМІЧНАЙ КАМПЕТЭНЦЫІ МАЛОДШЫХ ШКОЛЬНІКАЎ

Ключевые слова: *антропонимическая компетенция, антропоним, младшие школьники, структура антропонимической компетенции.*

В статье впервые описана сущность и структура антропонимической компетенции, обоснована необходимость ее формирования у младших школьников.

A.S.Vasilevskaya, M.A.Vagulko
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

ON THE PROBLEM OF FORMATION OF JUNIOR PUPILS` ANTHROPONYMIC COMPETENCE

Key words: *anthroponymic competence, anthroponym, junior pupils, the structure of anthroponymic competence.*

The article for the first time describes the nature and structure of anthroponymic competence, the necessity of its formation in junior pupils.

Мадэрнізацыя сістэмы адукацыі, уступленне Беларусі ў Балонскі працэс дыктуюць новыя патрабаванні да якасці падрыхтоўкі спецыялістаў. Сёння мэта адукацыі акрэсліваецца не як набыццё сукупнасці ведаў, а як здольнасць выконваць пэўныя задачы, выкарыстоўваючы набытыя веды [3, с. 33]. Такое змяшчэнне акцэнтаў становіцца асновапалагальным у канцэпцыі кампетэнтнаснага падыходу і павінна ўзняць адукацыйны працэс на новую якасць [1].

Праблемы кампетэнтнаснага падыходу актыўна распрацоўваюцца вучонымі Расіі і Беларусі. У першую чаргу вучоныя размяжоўваюць паняцці ***кампетэнцыя*** і ***кампетэнтнасць***. Пад ***кампетэнцыяй*** разумеюцца веды, уменні і вопыт, неабходныя для рашэння тэарэтычных і практычных задач, а ***кампетэнтнасцю*** называюць здольнасць прымяняць гэтыя веды і ўменні [3, с. 36-37]. Аднак застаецца нявырашаным пытанне аб ключавых кампетэнцыях, іх колькасці і структуры. Як адзначае А.В.Хутарскі, кампетэнцыі – гэта перш за ўсё заказ грамадства да падрыхтоўкі яго грамадзян, а значыць пералік кампетэнцый, які трэба сфарміраваць у вучня школы залежыць ад сацыяльных патрэб у той ці іншай краіне [5].

На нашу думку, адной з важных кампетэнцый, якая павінна быць сфарміравана ў малодшых школьнікаў школ, з’яўляецца антрапанімічная. Гэтая кампетэнцыя разглядалася ў навуковай літаратуры толькі ў дачыненні да студэнтаў-замежнікаў, якія вывучаюць рускую мову. А.В.Чаркасава адзначае, што антрапанімічная кампетэнцыя павінна ўключаць наступныя ўменні і навыкі: 1) веданне кампанентаў рускай антрапанімічнай сістэмы і ўменне іх ужываць у адпаведнасці з сацыякультурным кантэкстам; 2) веданне асаблівасцей утварэння розных форм асабовых імён і ўменне іх ужываць у сітуацыях зносін; 3) веданне этнакультурных асаблівасцей рускіх антрапонімаў; 4) уменне супастаўляць факты роднай і рускай культуры, якія праяўляюцца

ў асаблівасцях функцыянавання антрапонімаў; 5) веданне ўстойлівых выразаў, якія ўключаюць антрапонім, і навык іх выкарыстання ў вусным і пісьмовым маўленні; 6) уменне аналізаваць у мастацкім тэксце асноўную інфармацыю, звязаную з этнакультурным зместам антрапонімаў; 7) уменне аналізаваць вобраз літаратурнага персанажа на аснове этнакультурнага зместу яго імя [4].

Аднак, на нашу думку, фарміраванне гэтай антрапанімічнай кампетэнцыі з'яўляецца не менш важнай і для носьбітаў мовы. У нашай краіне ва ўмовах білінгвізму ўменні і навыкі, звязаныя з ужываннем уласных імёнаў, набываюць яшчэ большае значэнне.

Паколькі праблемы фарміравання антрапанімічнай кампетэнцыі не атрымалі дастатковага навуковага абгрунтавання, мы паспрабавалі апісаць структуру гэтай кампетэнцыі, карыстаючыся распрацоўкамі А.В.Хутарскога [5]:

• ***назва кампетэнцыі***: антрапамінічная;

• ***тып кампетэнцыі ў агульнай іерархіі:*** антрапанімічную кампетэнцыю можна аднесці да прадметных, якія маюць канкрэтнае апісанне і магчымасць фарміравання ў межах вучэбных прадметаў. Антрапонімы традыцыйна разглядаюцца як частка лексічнай сістэмы пэўнай мовы, таму фарміраванне антрапанімічнай кампетэнцыі адбываецца на ўроках мовы і чытання. Але не трэба забываць, што ўласныя імёны людзей уключаюць у сваё значэнне этнаграфічную, гістарычную, культуралагічную і сацыяльную інфармацыю, таму фарміраванне кампетэнцыі можа адбывацца і на ўроках па іншых прадметах;

• ***кола рэальных аб'ектаў, па адносінах да якіх уводзіцца кампетэнцыя***, складаюць асабовыя імёны людзей. У навуковай літаратуры вылучаюцца розныя тыпы антрапонімаў: уласнае імя, імя па бацьку, прозвішча, мянушка, псеўданім, нік і інш. У пачатковай школе ўвага скіроўваецца толькі на чатыры асноўныя тыпы – асабовае імя, імя па бацьку, прозвішча, мянушка. Э.А.Гаўрыкава апісвае этапы асваення антрапанімічнага фонду мовы дзецьмі дашкольнага ўзросту: спачатку дзіця засвойвае сваё ўласнае імя, імёны блізкіх людзей, потым сваё прозвішча і прозвішчы людзей з бліжэйшага асяроддзя, потым імя па бацьку і мянушку [2]. Школьнае жыццё патрабуе ад вучня дакладанага ведання гэтых чатырох тыпаў антрапонімаў і дакладнага размежавання афіцыйных і неафіцыйных форм намінацыі;

• ***сацыяльна-практычная абумоўленасць і значымасць кампетэнцыі:*** фарміраванне антрапанімічнай кампетэнцыі дазволіць не толькі замацаваць уяўленне пра сістэму ўласных імёнаў Беларусі, пра асабовае імя як частку лексічнай сістэмы беларускай мовы, але і паспрыяе фарміраванню камунікатыўных і выхаваўчых навыкаў, звязаных з культурай маўленчых паводзін, правільным ужываннем моўных сродкаў з мэтай рэалізацыі пэўных камунікатыўных задач, далучэннем да агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцей. З другога боку, апісанне ведаў, уменняў і навыкаў, якія складаюць змест антрапанімічнай кампетэнцыі, можа стаць своеасаблівым арыенцірам для дзіцячых пісьменнікаў пры напісанні мастацкіх твораў. Гэты аспект фарміравання антрапанімічнай кампетэнцыі нам падаецца вельмі важным. Аналіз падручнікаў па беларускай мовы і літаратурным чытанні паказвае, што імёны, якія ўжываюцца ў творах дзіцячай літаратуры, не заўсёды адпавядаюць сучаснаму стану беларускага антрапанімікону;

• ***сэнсавыя арыентацыі вучня ў адносінах да дадзеных аб'ектаў***: фарміраванне антрапанімічнай кампетэнцыі будзе спрыяць сацыяльнай адаптацыі дзіцяці, што праявіцца ў магчымасці правільнага звароту да асобы ў вусным і пісьмовым маўленні ў зносінах як паміж носьбітамі адной, так і розных моў;

• ***веды пра дадзенае кола рэальных аб'ектаў:*** на нашу думку, вучні першай ступені атрымання агульнай сярэдняй адукацыі павінны ведаць: 1) афіцыйную і неафіцыйную сістэму найменняў Беларусі, 2) чатыры тыпы антрапонімаў і спецыфіку іх ужывання, 3) асноўныя асаблівасці і адметнасці беларускага антрапанімікону, 4) асаблівасці ўтварэння розных форм асабовых імёнаў (поўных і кароткіх), 5) правапіс асабовых імёнаў;

• ***уменні і навыкі, якія адносяцца да гэтага кола рэальных аб'ектаў:*** вучні пачатковых класаў павінны ўмець: 1) ужываць розныя тыпы антрапонімаў у залежнасці ад сітуацыі зносін, 2) правільна выкарыстоўваць розныя тыпы антрапонімаў у пісьмовым маўленні, 3) утвараць кароткія формы асабовых імёнаў, 4) адрозніваць славянскія і неславянскія імёны, 5) адрозніваць

уласныя імёны, аманімічныя з агульнымі, 6) прагназаваць спецыфіку вобраза літаратурнага персанажа на аснове інфармацыі, закладзенай ў асабовым імені;

• ***спосабы дзейнасці ў адносінах да дадзенага кола рэальных аб'ектаў:*** пад спосабамі дзейнасці мы разумеем у першую чаргу метады і прыёмы працы з антрапанімічнай лексікай. На сённяшні дзень формы працы з уласнымі імёнамі не адрозніваецца разнастайнасцю. Фактычна заданні, накіраваныя на фарміраванне акрэсленых уменняў і навыкаў, прапануюцца толькі пры вывучэнні правапісу вялікай літары ва ўласных імёнах. У падручніку мы сустракаем наступныя заданні: *выпішыце імёны людзей, растлумачце, з якой літары трэба пісаць выдзеленыя словы, якое значэнне мае слова* ***прозвішча*** *ў рускай і беларускай мовах*. Аднак заданні такога тыпу дазваляюць вырашаць пастаўленыя праблемы толькі часткова. На наш погляд, падручнікам не хапае заданняў на ўтварэнне кароткіх форм асабовых імёнаў пры дапамозе суфіксаў (*Галіна – Галя, Галінка, Галка, Міхал – Міхась, Міхаська, Міхалка* і інш.) і выяўленне іх стылістычных адрозненняў; на ўтварэнне імёнаў па бацьку. Неабходным падаецца і культуралагічны каментарый да імёнаў тыпу *Рыгорка, Зося, Міколка, Янка* і інш. Адзначаныя формы з'яўляюцца спецыфічна беларускімі і не заўсёды зразумелыя сучаснаму школьніку. Неабходна даваць каментарый і да дастаткова рэдкіх імёнаў, тыпу *Гэля, Груня.* У сучасных падручніках практычна адсутнічаюць тэксты з неславянскімі імёнамі. Аднак заданні, звязаныя з размежаваннем форм найменння чалавека ў розных краінах, падаюцца неабходнымі ў сучасным адкрытым грамадстве. У падручніку па літаратурным чытанні неабходна дадаць пытанні, звязаныя з пачатковым аналізам інфармацыі, закладзенай у асабовым імені, што будзе спрыяць раскрыццю характару персанажаў. Думаецца, што прыняцце антрапанімічнай кампетэнцыі павінна прывесці да пашырэння спосабаў дзейнасці вучняў на ўроках мовы і чытання;

• ***мінімальна неабходны вопыт дзейнасці вучня ў сферы дадзенай кампетэнцыі:*** для фарміравання антрапанімічнай кампетэнцыі ў вучняў пачатковых класаў трэба ўлічваць, што малодшыя школьнікі ўжо маюць пэўны запас ведаў па ўсведамленні сутнасці ўласнага імя, уменняў ужывання асабовых імёнаў ва ўласным маўленні [2]. Аднак трэба памятаць, што гэты вопыт часцей за ўсё будзе недастатковым ва ўжыванні і ўтварэнні спецыфічных беларускіх антрапонімаў;

• ***індыкатары-прыклады, узоры вучэбных і кантрольна-ацэначных заданняў:*** на нашу думку, раскрыццё гэтага кампанента кампетэнцыі патрабуе асобнага даследавання, заснаванага на аналізе праграм па мове і чытанні, падручнікаў па гэтых прадметах.

Такім чынам, вылучэнне антрапанімічнай кампетэнцыі ў якасці асобнай ставіць канкрэтныя задачы як перад настаўнікамі пачатковых класаў, так і перад выкладчыкамі вышэйшых навучальных устаноў, якія рыхтуюць настаўнікаў. З аднаго боку, пры распрацоўцы падручнікаў па мове і чытанні неабходна ўлічваць спецыфіку фарміравання гэтай кампетэнцыі і ўключаць у вучэбны матэрыял заданні, звязаныя з выпрацоўкай уменняў і навыкаў, якія адносяцца да сферы ўласных імёнаў. З другога боку, будучыя настаўнікі пачатковых класаў павінны атрымаць неабходнае кола ведаў, якое дазволіць працаваць над фарміраваннем антрапанімічнай кампетэнцыі.

Літаратура

1. Жук, А.И. Модернизация высшей школы Беларуси созвучна идеям Болонского процесса / А.И.Жук // Вышэйшая школа. – 2009. – № 2. – С. 3-6.

2. Гаврикова, Э.О. Формирование антропонимии в детском речевом сознании : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Э.О.Гаврикова; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень, 2005. – 22 с.

3. Тонкович, И.Н. Компетентностный подход в высшем образовании: содержательно-логический анализ / И.Н.Тонкович // Инновационные образовательные технологии. – 2011. – № 3. – С. 33-38.

4. Черкасова, Е.В.. Обучение иностранных студентов-филологов русским антропонимам (Продвинутый этап) : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / Е.В.Черкасова; Российск. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена. [Электронный ресурс] – СПб., 2003. Режим доступа http://www.: dslib.net/teoria-vospitania/obuchenie-inostrannyh-studentov-filologov-russkim-antroponimam.html. Дата доступа : 18.12.2015.

5. Хуторской, А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал "Эйдос". – 2005. – 12 декабря [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm. Дата доступа : 21.12.2015.

Л.Н. Верховых
Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
e-mail: lverhovyh@mail.ru

УДК 372.8:811.161.1

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Ключевые слова: *имена собственные, ономастика, ономастическое лингвокраеведение, воспитание патриотизма.*

В статье рассматривается вопрос о необходимости изучения ономастического лингвокраеведения в средней школе и педагогических вузах на филологических, историко-филологических и исторических факультетах для решения учебно-воспитательных задач.

L. N. Verkhovykh
Candidate of philological sciences, Assistant Professor of department of philological disciplines and methods of their teaching of Bsk VSU, Russia, Borisoglebsk

ONOMASTIC LOCAL AREA LINGVOSTUDY AT SECONDARY AND HIGH SCHOOL

Key words: *proper names, onomastics, onomastic lingvostudy of local area, education love of country.*

The question on the importance of the onomastic local area lingvostudy at secondary school and on the faculties of phylology, history, history and phylology in Pedagogical Higher Educational Schools for solving the educational and teaching problems is arisen in this article.

Любовь к родному краю, знание его истории –
основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней.

Д.С. Лихачев

Изучение русского языка, родного языка, его региональных особенностей, воспитание любви к родному краю, уважения к традициям разных народов, населяющих Российскую Федерацию, – вот непреходящие задачи системы российского образования, и особую актуальность они приобретают в настоящее время.

В государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы отмечено, что одним из приоритетных направлений реализации государственной политики в данной сфере деятельности является «гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи» [4, 31]. Это важные аспекты образования и воспитания. Однако и гражданское образование, и патриотическое воспитание подрастающего поколения невозможно осуществить без изучения русского языка, родного языка, историко-культурных особенностей родного края.

Современные федеральные стандарты, разработанные для разных ступеней обучения, особое внимание уделяют патриотическому воспитанию, развитию толерантности, ценностных ориентиров обучающихся. Так, действующий Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования ориентирован в том числе и на становление следующих личностных характеристик выпускника: «любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества; активно и заинтересованно познающий мир, осознающий ценность труда, науки и творчества» [17, 3].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») указывает, что выпускник должен обладать в том числе и следующими компетенциями: «готовностью к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям» (общекультурная компетенция); «способностью решать задачи воспитания и духовно-нравственного развития личности обучающихся» (профессиональная компетенция); «способностью выявлять и использовать возможности региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительской деятельности» (профессиональная компетенция) [18, 6-8].

В рамках приоритетных направлений реализации государственной политики в сфере образования полагаем, что ономастическое лингвокраеведение – изучение имен собственных края в соотношении с историко-культурными, географическими, этнографическими и иными особенностями региона – приобретает особую значимость.

Как верно считает профессор Г.Ф. Ковалев, в основе возрождения России – возрождение культурных традиций русского народа, воспитание чувства искреннего патриотизма, искренней любви к родному краю, бережное отношение к языковому и литературному наследию [9, 3-4]. Здесь «одним из главных компонентов, составляющих параметры задачи истинного познания своей Малой Родины, призвано для современной российской школы стать лингвокраеведение. Оно гармонично сливается с таким сравнительно новым понятием, как «региональный компонент базового образования» [8, 85].

Лингвокраеведение – интегративная дисциплина, обладающая высоким научным, культурным, воспитательным, социально значимым потенциалом своего применения в образовании. Данная дисциплина, безусловно, способствует и формированию у обучающихся перечисленных выше компетенций. Лингвокраеведение или отдельные его составляющие изучаются во многих школах и вузах в рамках вариативной части образовательной программы, на занятиях лингвистических кружков в школах, на занятиях в рамках дополнительного образования детей.

В настоящее время активно развивается лингвокраеведческое направление изучения языка Воронежского края. Воронежская лингвокраеведческая школа, возглавляемая проф. Г.Ф. Ковалевым, вносит значительный вклад в развитие лингвокраеведения в регионе.

Учеными кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета подготовлено значительное число статей, учебных пособий и словарей по проблемам воронежского лингвокраеведения, вышли в свет два выпуска «Словаря воронежских говоров» (полностью подготовлен третий выпуск), Г.Ф. Ковалевым выпущен словарь «Микротопонимия Воронежской области. Словарь» (Серия «Ономастическая энциклопедия Воронежской области»), закончено издание М.Т. Авдеевой «Словарь украинских говоров Воронежской области» (в двух выпусках), под руководством Г.Ф. Ковалева защищен рад диссертаций по региональной лексике.

В помощь ученым-лингвистам, школьным учителям и краеведам издается сборник научных работ «Воронежское лингвокраеведение», продолжается издание международного научного сборника «Материалы по русско-славянскому языкознанию» (отв. ред. Г.Ф. Ковалев).

Активная лингвокраеведческая работа ведется и учеными Воронежского государственного педагогического университета и Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета.

В Воронежской области в школьную программу уже включены курсы по географическому, историческому и историко-культурному краеведению. Курс «Ономастическое лингвокраеведение» не менее важен.

Ономастическое лингвокраведение – одно из важных направлений лингвокраеведения, предметом рассмотрения которого являются все имена собственные, так или иначе относящиеся к краю. Термин ономастическое лингвокраеведение, предложенный Г.Ф. Ковалевым, используется нами для указания на одно из направлений лингвокраеведения наряду с диалектологоэтнографическим. Ономастическое лингвокраеведение является тем увеличительным стеклом, которое позволяет разглядеть глубинную сущность языковых процессов, увидеть истоки языково-

го, историко-культурного формирования конкретного региона, особенности его географического положения, этнического состава.

Имея интегративный характер и объединяя различные научные дисциплины (лингвистика, история, краеведение, география, литература края, фольклор, этнография, социология, психология и др.), ономастическое лингвокраеведение решает не только образовательные, но и важнейшие воспитательные задачи, поскольку позволяет воспитывать у обучающихся патриотизм, толерантность, любовь к родному языку, уважение к истории, культуре всех народов, населяющих родной край.

В лингвистике используется и термин краеведческая ономастика (В.И. Супрун, 1994). Профессор В.И. Супрун описал направления развития краеведческой ономастики; ученый совершенно справедливо считает, что «комплексное исследование краеведческой ономастики позволяет соединить различные приемы и методы анализа имен собственных и раскрыть краеведческую специфику этих языковых единиц», «все разряды ономастики нуждаются в детальном изучении во взаимосвязи с краеведением» [15, 142, 144].

В рамках ономастического лингвокраеведения должны привлекаться данные основных направлений ономастики – региональной, исторической и литературной, или поэтической, ономастики края, при этом изучение ономастики края должно базироваться на достижениях теоретической ономастики и учитывать данные прикладной ономастики.

Ономастическое лингвокраеведение может и должно иметь практическую направленность – формировать умения обучающихся собирать, классифицировать и описывать местную ономастическую лексику на различных уровнях обучения: базовом и профильном в зависимости от степени изучения; уметь правильно писать и употреблять имена собственные; выполнять исследовательские проекты по дисциплине. Результат учебной исследовательской работы, проекта может быть представлен в виде доклада, статьи, проектной работы и др. Например, результатом исследовательской работы по сбору микротопонимии может быть небольшой словарик. Приведем фрагмент словарика гидронимов села Пески Поворинского района Воронежской области.

Хопре́ц – ерик, место для перехода. [хапре́ц / эт там п’ьрхади́т’ / ну там вады́-т ма́ла / хапре́ц / эт ɣде вот шко́ла / там како́й-т там быва́лъ мо́ с’тик был / пиряхо́дют’//](Апарина Клавдия Ивановна, 1931 г.р., 7 кл., свинарка); [хапре́ц / эт зна́иш /прътяка́ит’ с-по́ля хапре́ц / ръзлива́итцъ тут / вада́ была́ / зълива́лъ зна́иш как / а щяс там / то быва́л зна́иш он хапре́ц/ стра́шнъ / а щяс...] (Евтушенко Александра Ивановна, 1921 г.р., 7 кл., свекловичница).

Результатом исследовательской работы по изучению архивных документов может быть словарик фамилий определенного населенного пункта. Приведем фрагмент словаря фамилий, образованных от прозвищ по профессии, села Красного Новохоперского района Воронежской области.

Бердник. Фамилия Бердник происходит от прозвища Бердник из слова *бердник* – мастер, делающий бёрда (деталь ткацкого стана) или сам ткацкий стан. Раннее упоминание – 1647 г. [12, 49]. *Бе́рдник, бе́рденик, бе́рдечник* – «мастер, делающий берда» [14-2: 243]; *берденник, бердник* – «мастер, делающий берда» (гребни ткацких станков) [2, 62]. «Словарь воронежских говоров» фиксирует лексему *берда́* в значении «часть ткацкого стана; гребень»; *бердо́ (бёрда)* в значениях: 1) часть ткацкого стана; гребень; 2) вал ткацкого стана, на который наматывается пряжа; 3) домотканый холст. Кроме этого, слово *бердо́* может обозначать и «часть руки от кисти до локтя», «голень» [13-1, 97-98].

Безусловно, при изучении региональной онимии особого внимания заслуживают процессы взаимовлияния различных языков и культур. Подобный материал является ценнейшим источником для учителя, преподавателя: это не только интересный материал для языкового анализа, но и прекрасное средство воспитания у обучающихся толерантности, уважения к родному языку, языкам и культуре других народов.

Исторические источники, архивные документы, публикации в местных газетах, записи бесед с информантами могут стать материалом для изучения различных языковых процессов в ономастической системе региона. Привлечение исторических источников, архивных документов дает возможность обучающимся «прикоснуться» к истории региона, к древним названиям родного края, что, несомненно, воспитывает настоящий патриотизм. Результатом такого исследования мо-

гут быть сообщения, доклады, сравнительные таблицы и др. Приведем небольшой отрывок из сообщения «Русско-украинские межъязыковые контакты в антропонимии села Красного Новохопёрского района Воронежской области».

«В книге-справочнике «Населенные места Воронежской губернии» указано, что население с. Красного (ранее слобода Красненькая) состояло из малороссиян [19, 224], подтверждением этому является и само название – слобода. В «Списках населенных мест Российской империи…» встречаем объяснение термина *слобода* – поселение пригородное, а также местность, населенная малоруссами, имеющая церковь» [21: XLVIII].

Синтез русско-украинской культуры довольно последовательно представлен в антропонимии сельчан. Официальные именования в большей степени отражают русскую традиционную культуру, русскую модель фамилии, поскольку украинская часть населения с. Красного стремилась русифицировать и закрепить документально свои фамилии (об этом говорят информанты).

Диахронический подход (анализ фамилий жителей села в ревизских сказках) позволил установить главные особенности фамильной системы с. Красного начала XIX века: функционирование фамилий с доминирующей моделью образования: основа фамилии + *-енк/инк(о) + ов*: *Агафоненков, Василенков, Гавриленков, Ермолаенков, Игнатенков, Ильенков /Ильченков* и многие другие, что наглядно отражает процесс русификации украинских фамилий; функционирование фамилий украинского происхождения: *Великодной* (укр. *велико́дній* – пасхальный), *Верещагинков* (укр. *верещáть* – визжать, пронзительно кричать; громко плакать), *Зозулин* (укр. *зозу́ля* – кукушка), *Калюжной* (укр. *калю́жа* – лужа) и другие.

Таким образом, анализ официальных фамилий жителей села Красного Новохоперского района Воронежской области позволяет сделать следующий вывод: воронежская антропонимия отражает процесс русско-украинского взаимовлияния».

Полагаем, именно краеведческие, лингвокраеведческие знания являются теми корнями растения под названием *культура*, о которых писал Д.С. Лихачев: «Культура как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней» [11].

Считаем, что лингвокраеведение, в том числе и ономастическое, должно изучаться как в школе, так и в педагогических вузах на филологических, историко-филологических и исторических факультетах.

Литература

1. Авдеева, М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области / М.Т. Авдеева. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008 – 2012. Т. 1–2.

2. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М.: Астрель, АСТ, 2001.

3. Верховых, Л.Н. Ономастическое лингвокраеведение как способ изучения региона / Л.Н. Верховых // Педагогическое регионоведение. – Борисоглебск, 2014. – №1-2 (5-6). – С.74–76.

4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы (в новой редакции), 2013 (утв. 15.05.2013 №792-р) // Режим доступа (свободный). URL: http://минобрнауки.рф/документы/3409 [Дата обращения: 19.12.2015].

5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т.1 – 4 / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Даль.

6. Ковалев, Г.Ф. Инструкция по собиранию регионального ономастического материала/ Г.Ф. Ковалев // Край Воронежский: история и традиции. Межвузовский студенческий сборник. – Воронеж, 1996. – Вып. I. – С. 64-65.

7. Ковалев, Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, 2007 (Серия «Ономастическая энциклопедия Воронежской области»).

8. Ковалев, Г.Ф. Об изучении региональных особенностей микротопонимии Воронежской области/ Г.Ф. Ковалев // Педагогическое регионоведение. – 2014. – №1-2 (5-6). – С.84–93.

9. Ковалев, Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение. Вып.1. Межвузовский сборник научных трудов/ Г.Ф. Ковалев // Воронеж, 2005. С.3–23.

10. Королева, И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2006.

11. Лихачев, Д.С. Любить родной край [Электронный ресурс] / Д.С. Лихачев. – Режим доступа: http://annales.info/other/ot1_pred.htm [Дата доступа: 17.12.2015].

12. Полякова, Е.Н. Словарь пермских фамилий /Е.Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005.

13. Словарь воронежских говоров. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2004; Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 2007.

14. Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 46. – М. – Л.: Наука, 1965-

15. Супрун, В.И. Краеведческая ономастика / В.И. Супрун // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция. 11–14 мая 1994. Тезисы докладов. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры, Сыктывкар, 1994. С.142–144.

16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и доп. О.Н.Трубачева: В 4-х т./ М.Фасмер. – М.: Прогресс, 1971.

17. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, 2010.

18. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»), 2011.

Источники

19. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства: Типо-Литография В.И. Исаева, 1900.

20. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-18, оп.1, д.205. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 10 марта – 6 августа 1816 г. – с. Красное. – лл. 716 – 915.

21. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Т. IX. Воронежская губерния. – Санкт Петербург, 1865.

А.А. Лазуркин
Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования»
e-mail: anatoly.lazurkin@tut.by

УДК 373.5.016:811.161.1’374.7:373.2

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОНОМАСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Ключевые слова: *ономастические учебные словари, виды предметных компетенций, типология знаний, формы и виды работы со словарями*

Статья посвящена описанию имеющегося в лингводидактике Беларуси опыта использования ономастических словарей (в том числе учебных) в работе учителей-предметников на уроках русского языка и внеклассной деятельности по предмету, важности интегрированных знаний из истории, социологии, лингвокультурологии, географии при формировании предметных компетенций с применением словарей в учебном процессе по русскому языку в 5-9- х классах.

A.A. Lazurkin
Scientific-methodical establishment «National Institute of Education»

FORMATION OF THE STUDENTS’ VARIOUS COMPETENCIES BY MEANS OF USING ONOMASTICAL DICTIONARIES

Key words: *onomastical dictionaries, types of subject competencies, typology of knowledge, forms and types of dictionaries.*

The article describes the experience of using onomastical dictionaries being used in modern Belarusian linguistics in the work of school teachers at Russian lessons and extra-curricular activities on that subject. The importance of integrated knowledge of history, sociology, cultural linguistics, geography in the formation of subject specific competences based on dictionaries and used at the Russian language lessons of the 5-9th grades is marked.

Учебно-воспитательный процесс по русскому языку в учреждениях общего среднего образования на современном этапе достаточно интересен с точки зрения комплексности. Эта комплексность предполагает включение в когнитивно-познавательную базу учащихся необходимых знаний из различных областей гуманитарного, естественнонаучного и социального компонентов. На этой основе и формируются предметные компетенции, позволяющие ученику «погружаться» в языковую систему, что в конечном итоге повышает уровень речевой, коммуникативной, языковой, лингвокультурологической и социокультурной компетенций. Как справедливо отмечает М.В. Смородинова, взаимодействию элементов всей системы предметных компетенций способствуют «принципы с логически выстроенными операциями по сбору и систематизации информации; педагогические условия, которые сопровождают образовательный процесс; приемы и методы (дискуссия, проект, игра); формы урочной и внеклассной деятельности» (цит. по [5, с. 72-75]).

В статье мы рассмотрим один из аспектов формирования предметных компетенций, связанный с использованием ономастических словарей. Данный раздел современной науки о языке, бесспорно, обладает познавательной ценностью, ибо каждый хочет знать происхождение своего имени, фамилии, города, поселения и т.д. К сожалению, учебная школьная программа не предусматривает изучение данного раздела. Мы проанализировали опыт работы учителей, например, витебской гимназии № 2, бешенковичской гимназии № 1. И результаты этого анализа указывают на необходимость включения в образовательный процесс по русскому языку ономастических знаний. А наиболее эффективным приемом является работа с ономастическими словарями, основная функция которых – познакомить учащихся с культурой, историей, географией, традициями народа, отраженными в языке. Если говорить еще об одном важном элементе использования ономастических словарей при обучении русскому языку, то это, на наш взгляд, формирование фоновых знаний, необходимых каждому индивиду того или иного языкового социума и цементирующих основу общения [1, с. 498]. Значит, работа со словарями комплексно решает учебные задачи. Здесь мы руководствуемся определением проф. Максимчук Н.А, которая знания понимает, как «приобретенную в результате познавательной (в широком смысле) деятельности систему сведений, обеспечивающих ориентацию в окружающей действительности, в том числе адекватное социальное поведение» [3, с. 15]. Типология таких личностнообразующих знаний подвергается различным классификациям, перечислим основные. 1. По источнику формирования знания: *врожденные и благоприобретенные* (знания, отражающие опыт практической деятельности; знания, почерпнутые из текстов; знания, полученные в результате деятельности мышления; знания, полученные в результате овладения родным языком). 2. По отношению содержания знания к отражаемой в нем действительности: *элементарные, донаучные, житейские, художественные и научные* (эмпирические и теоретические). 3. По отношению знания и языка: *языковые и неязыковые* (умения, навыки). 4 По форме языкового выражения знания: *собственно языковые* (апеллятивные и ономастические) и *текстовые*. 5. По принадлежности носителю знания: *индивидуальные и коллективные*. 6. По степени осознаваемости знания его носителем: *эксплицитные* (явные, наличные) и *фоновые* (неявные). 7. По степени распространенности знания: *общенациональные и региональные* (краеведческие) (цит. по [2, с. 12]). Обучение русскому языку с учетом всех перечисленных типов знаний носит комплексный характер, что очень важно для современной образовательной среды. Базовой единицей знаний является слово, зафиксированное в словарях и выступающее носителем разноплановой информации о социальной жизни народа. Далее в статье опишем элементы методики использования ономастических словарей. Знакомство людей друг с другом изначально предполагает называние себя: для разных социальных ролей, выполняемых в течение жизни, такое называние носит широкий спектр, от формул *имя; имя + фамилия* до *имя + отчество + фамилия* и под. Как сделать, например, интересным первый урок учителя в новом классе? Желательно, чтобы учитель, называя себя, рассказал о значении своего имени, откуда появилась фамилия. Домой же учащиеся получают задание написать миниатюру-знакомство «Знакомьтесь: я…». Главной методической установкой будет обязательное использование словаря личных имен, отчеств, фамилий. Ученики не только учатся работать со словарем, быстро находить необходимую информацию, но и вырабатывают желание постигать ценности своего рода и семьи, что способствует развитию их социокультурной компетенции. Включая в учебный процесс и родителей, школь-

ники при изучении темы «Притяжательные прилагательные» узнают о происхождении своей фамилии. В случае, когда в семье не обладают такой информацией, можно предложить пофантазировать и сочинить легенду. Подчеркнуть в ней притяжательные имена прилагательные и обозначить способ образования. Уместным здесь будет привести высказывание В.К. Чичагова, который отмечает: «Ни одна область языковой деятельности русского народа не была так тесно и непосредственно связана с его историей, как область ономастики» [6, с.8]. Благоприятный ономастический материал из словаря можно почерпнуть также при изучении следующих языковых тем: «Несклоняемые имена существительные» ***(поэма «Мцыри», роман Дюма, стихи А. Барто),*** «Род несклоняемых имен существительных»; а к текстам включить задания на правописание, склонение собственных имен. Например, запишите предложение: *Улицы моего города о многом могут рассказать*. Расширьте предложение до текста в жанре путевых заметок по улицам своего города, включив в него названия улиц, носящих имена героев войны, известных жителей. За помощью обращайтесь к следующему словарю-справочнику: Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: у 2 ч. [4].

Можно подсказать школьникам заглянуть в словарь имен также при изучении литературных произведений. Это сделает урок русского языка интегрированным, т.е., уроком словесности, что неоднократно в своих исследованиях отмечают Л.А. Мурина и Р.С. Сидоренко. И если пропедевтическая работа на уроке русского языка перед изучением творчества того или иного писателя будет организована через знакомство со значением фамилии, то в последующем на уроках литературы учащиеся быстрее войдут в творческий мир писателя, его взгляды будут понятны им. Например, можно предложить учащимся попробовать определить, из какого языка заимствована фамилия И.С. Тургенева (от имени татарина-золотоордынца Тургенея. «Турген», «тюрген», что в тюрко-монгольских языках означает «быстрый, скорый» и «вспыльчивый»). В конце знакомства с биографией русского писателя целесообразно предложить составить характеристику И.С. Тургенева, подтвердить или опровергнуть тот факт, что имя объясняет характер, человеческие качества и дает разгадку многих идейных установок писателя.

Понятно, что контроль за ономастическими знаниями не может быть осуществлен на уроках в школе из-за отсутствия в программе и стандарте ономастического направления, однако предлагать учащимся подготовку сообщений и рефератов, тестов по определению в словарях тех или иных номинаций, безусловно, возможно. Для обобщающих уроков можно предложить следующую тематику сообщений: *Топонимические и ономастические словари (автор/ы словаря; структура словаря; пример словарной статьи). Имена, популярные у разных народов мира. Мода на имена. Наиболее известные псевдонимы русских писателей. Имена литературных персонажей – особый вид антропонимов. Словари топонимов и морфологическая характеристика в них названий городов твоего региона и страны. Районы и улицы, названные по профессиям. Словари онимов.* Подготовка учащимися самостоятельных тестов с помощью ономастических словарей (тесты идентификации, опрос, тесты на соответствие, тесты с заданиями на группировку информации, тесты с заданиями установления последовательности, тесты на дополнение, тесты с заданиями на исключение лишнего) способствуют развитию когнитивной базы учеников, выработке таких операций логического мышления, как поиск, отбор, структурирование и классификация словарного материала.

Региональный ономастический материал обладает огромным учебно-воспитательным потенциалом. И на уроках русского языка обращение к нему расширяет познавательную, коммуникативную функции изучаемых языковых и речевых явлений. Приведем один из комплексов упражнений при изучении темы «Непроверяемые написания».

1. Определите отличие этимологического анализа от морфемного и словообразовательного.
2. Найдите словари по этимологии. Выпишите из них необходимую информацию о назначении и структуре словаря по алгоритму: автор (авторы) словаря; пример словарной статьи; назначение приложений к словарю (если есть).
3. Подберите из регионального словаря любую тематическую группу по краеведению из десяти слов.
4. Подготовьте сообщение об истории происхождения и первоначальном значении выбранных слов.

5. Продумайте этапы работы над краеведческим непроверяемым словом и объясните своему соседу по парте, применяя для иллюстрации фрагменты из текстов и произведений искусства.

6. Придумайте упражнения с использованием словарных статей из краеведческих словарей по развитию культуры речи, обогащению и активизации словарного запаса.

Таким образом, обращение к ономастическим словарям на уроках русского языка позволяет в совокупности разнообразных знаний и представлений об окружающей действительности реализовать в языковом сознании учащихся определенную культурно-языковую группу и формировать из индивида личность.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

2. Бубнова, Н.В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян : монография / Н.В. Бубнова. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2013. – 245 с.

3. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х ч. / Н.А. Максимчук. – Смоленск : Изд-во СГПУ, 2002. – Часть 1. – 204 с.

4. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2008. – Ч. 1. – 363 с. Ч. 2. – 254 с.

5. Смородинова, М.В. Формирование предметных компетенций учащихся основного общего образования : дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / М.В. Смородинова. – М., 2015. – 128 с.

6. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий / В.К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 129 с.

С.В. Николаенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ns-lk@mail.ru

УДК 373.5.016:811.161.1'373.2:39(=161.3)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: *виды онимов, имя собственное, духовная сфера учащегося, лингвокультурологический словарь-справочник формы и виды работы с ономастическими единицами.*

Ономастика предоставляет учителю русского языка интересный и богатый материал для формирования духовной сферы современного ученика. В статье описывается одна из форм использования на уроках лингвокультурологического словаря, в котором представлены лексические единицы для работы по расширению фоновых знаний, представлению основных онимов и внедрению их в когнитивно-познавательную базу учащихся.

S.V. Nikolaenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NATIONAL-CULTURAL COMPONENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE LESSON WITH THE USE OF ONOMASTICAL ELEMENTS

Key words*: types of onymes, the proper name, a student's spiritual sphere, lingvocultural dictionary, forms and methods of work with onomastical elements.*

As a branch of science onomastics provides a Russian language teacher with interesting and rich data for the development of a student's spiritual sphere. One of the forms used for such a development is described in the article. It's the use of a lingvocultural dictionary at the Russian language lessons that contains lexical units for further development of students' background knowledge, representation of new basic onymes and their input into students' cognitive sphere.

В современной картине мире, пожалуй, немногие языковые единицы обладают богатейшей культурной информацией о духовной жизни народа. И среди них имя собственное, которое содержит национально-культурный компонент. Русский историк и священник М.Я. Морошкин так образно и поэтично характеризует данную единицу: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово, там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [4, с. 6].

Для образовательного процесса по русскому языку постоянное обращение к теории и практики ономастики является актуальным по нескольким причинам. Основная из них – это реализация социокультурного развития учащихся в процессе показа функций языка, рассмотрения национально-языкового своеобразия с использованием той или иной ономастической единицы. Способов, приемов и форм работы в этом отношении уже достаточно накоплено учителями учреждений образования всех регионов страны. По данным проводимых конкурсов научно-исследовательских работ учащихся, 45% всех исследований составляют именно те, которые посвящены проблемам ономастики. Для современной молодежи интересны все области данной науки, особенно предпочитаемы личные имена, фамилии, прозвища, топонимические названия, в последнее время усилился набор по литературной ономастике. Но, самое главное, учителя понимают региональность таких исследований, поэтому многие из представленных работ и имеют высокую результативность. Основные теоретические положения, которые используют учащиеся об имени собственном, описаны в работах А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, А.М. Мезенко и др. [3]. И это «следующие положения:

– имя собственное является единицей языка, причем относится к номинативным, а не к коммуникативным языковым единицам;

– специфика имени собственного касается как его структурно-языковой стороны.., так и функций;

– имя собственное имеет основные и второстепенные функции, при этом к основным функциям относятся номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая, к второстепенным – социальная, эмоциональная, кумулятивная, дейктическая, функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая» [1, с. 20-21].

Знакомство учащихся с разрядами онимов в учреждениях образования происходит в основном на уроках изучения лексики. И это оправдано, так как приводит к увеличению предметно-терминологического словаря школьника. Морфемные и словообразовательные возможности онимов, а также их морфологические свойства эпизодически рассматриваются на уроках грамматики. К сожалению, работа учителя ограничивается только предоставлением языковой информации, а ведь «содержание имени собственного составляет энциклопедическая информация, которая характеризуется тем, что в имени пересекаются информационные потоки социального, национально-культурного, этнографического, социологического, политического и т. п. характера. Оттолкнувшись от одного имени и используя его ассоциативно-тематические связи, выявляющие сопутствующие имени фоновые знания, можно построить огромное информационное поле, соотношение единиц и фрагментов которого можно регулировать в зависимости от информационных и учебно-методических запросов» [2, с. 21]. Такая энциклопедическая информация и содержится в лингвокультурологических словарях, одним из которых является «Краткий учебный лингвокультурологический словарь-справочник. Культурное пространство Витебщины», предназначенный для учащихся 5-11-х классов и рекомендованный Национальным институтом образования [5]. В кратком учебном справочнике описаны персоналии и реалии, в нем есть сведения об истории, географии, архитектуре, природных феноменах региона, которые можно рассматривать как широкий культурный контекст, нашедший отражение в языке как важнейшем носителе социальной памяти отдельной языковой личности и нации в целом. В нем отражено основное в культурном пространстве Витебщины, поэтому это краткий учебный справочник фиксирующего типа с ориентирующей функцией, в котором представлено все то, что, следует знать любому учащемуся учреждений образования не только региона, но и учащимся других регионов. В словаре-справочнике размещены учебным материалы для учителей и обучающихся, которые могут быть использованы на уроках русского и белорусского языка при формировании социокультурной компетенции, а также для самостоятельной

работы. Этот краткий словарь предназначен для всех, кто интересуется вопросами истории, архитектуры, литературы, народной культуры уникального региона Беларуси, кто любит свою «малую родину», а потому должен знать о ней как можно больше. Словарь необходим также иностранцам, изучающим русский язык в Республике Беларусь, так как нельзя жить в регионе и ничего не знать о его истории, экономике и культуре. В данный словарь включены феномены, которые лучше всего репрезентируют культурное пространство региона. Под культурным пространством мы понимаем форму существования культуры в сознании носителей языка, то информационное поле, в котором человек живет и действует, т.е. это культурное пространство в пушкинском понимании. В культурное пространство входят все существующие представления о феноменах культуры у языковой личности данного региона, полученные ею в процессе социализации.

Использование словарных статей, размещенных в 4 основных его разделах (Прецедентные имена. Природные объекты. Материальная культура. Духовное пространство), поможет учителю организовать учебно-познавательную деятельность своих учеников в рамках формирования и развития всех предметных компетенций. Так, например, из каждого раздела выбираются словарные статьи и предлагается учащимся дополнить имеющуюся в них пристатейную информацию (писатель, поэт, город, замок и т.п.) характеристикой ономастических единиц. Вот как может быть сформулировано задание. Прочитайте статьи для словаря. Для характеристики заголовочного слова в первой части необходимо использовать следующую ономастическую терминологию: ойконим (греч. oikos – «дом» и oikeo – «населяю») – названия населенных пунктов (городов, поселков, деревень); урбаноним (лат. urbanus – «городской») – названия внутригородских объектов – замков, крепостей, улиц, памятников; гидронимы – названия водных объектов; дримонимы (греч. drymos – «лес», «роща») – наименование лесов, пущ, заповедников; антропонимы (греч. anthropos – «человек» и onyma – «имя») – имена людей, гелонимы – названия болот, экклезионимы – названия церквей, часовен, монастырей., комонимы – названия поселений в сельской местности. Вставьте название онима вместо знаков вопросов.

Быков Василь [родился 19 июня 1924 в деревне Бычки Ушачского района Витебской области в крестьянской семье – умер 22 июня 2003 г.] (*Антропоним*) – о войне в книге воспоминаний «Долгая дорога домой» (2003) вспоминал так: *«Предчувствую сакраментальный вопрос про страх: боялся ли? Конечно, боялся, а, может, порой и трусил. Но страхов на войне много, и они все разные. Страх перед немцами – что могли взять в плен, застрелить; страх из-за огня, особенно артиллерийского или бомбежек. Если взрыв рядом, так, кажется, тело само, без участия разума, готово разорваться на куски от диких мук. Но был же и страх, который шел из-за спины – от начальства, всех тех карательных органов, которых в войну было не меньше, чем в мирное время. Даже больше».* Повести и романы: «Абяліск», «Пайсці і не вярнуцца», «Альпійская балада», «Стрэл у тумане», «Мертвым не баліць», «Аблава».

Днепр (*гидроним*) – река в России, Беларуси (в Витебской, Гомельской и Могилевской областях) и Украине. Есть ряд предположений о происхождении названия. Наиболее вероятна связь с иранскими языками, в которых дон – общее название реки (сравн. современные осетинские Ардон, Гизелодон и др.). Многие реки, впадающие в Азово-Черноморский бассейн, имеют в основе своих названий тот же термин: Дон, Донау (Дунай), Донастрас (Днестр), Донаприс (Днепр). Трансформация из Донаприс вполне возможна. Другое предположение о происхождении названия Днепра менее аргументировано. Древнегреческое название Днепра – Борисфен, вероятно, одна из форм передачи славянского названия Березина. Вполне допустимо, что славяне распространили название Березина до самого устья Днепра. Остров с производным от него названием сохранился в устье Днепра до наших дней.

Национальный парк «Браславские озера» (*агороним*) – образован в 1995 году в месте, где в результате таяния гигантского ледника сформировались системы озёр и равнин с многочисленными группами холмов.

Красный бор (*дримоним*) – республиканский ландшафтный заказник «Красный бор» создан в 1997 году на территории Россонского района Витебской области и занимает более 34 тысяч га. Заказник расположен на ландшафтах последнего обледенения в зоне южной тайги.

Докшицы (*ойконим*). Возникли не поздней XIV в. Как село в составе Хорецкой волости, часть которой была подарена великим князем Великого княжества Литовского Витовтом виленскому наместнику Войцеху Манивиду. Впервые в документах Докшицы упоминаются в 1407 г., когда Минивид получил подтверждение на село и крестьян-данников в Хорецкой волости, среди которых названы «доксичане». После смерти Манивида местечко переходило к его потомкам. Позже Докшицами владели представители шляхетских родов Радзивилов, Кишек, Остиков, Гольшанских.

Музей белорусского книгопечатания (*урбаноним*) – музей был открыт в 1990 году. Располагается в отреставрированном здании бывшей православной школы Свято-Богоявленского монастыря, являющемся памятником архитектуры конца XVIII века. Основные тематические разделы экспозиции: развитие письменности и рукописная книга на Беларуси, жизнь и деятельность Франциска Скорины, книгопечатание второй половины XVIX – VIII веков и XIX – начала XX века, история книжной иллюстрации, развитие полиграфии. В музее воссозданы интерьеры мастерской переписчика XVI века и типографии XVII века.

Бернардинский монастырь в Орше (*экклезионим*) – с 1636 года в Орше основан бернардинский монастырь. В нём находился костёл Рождества Богородицы. Костёл не сохранился, но жилое здание используется до сих пор городской больницей.

Таким образом, давая лингвокультурологическую паспортизацию лексики, учащиеся выполняют работу, при которой составляется комплексное описание как информации о предметах и явлениях, так и совокупность языковых данных (лексический класс, некоторая грамматическая информация), с помощью которых реализуются внеязыковые сведения.

Литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Бубнова, Н.В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян : монография / Н.В. Бубнова. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2013. 245 с.
3. Мезенко, А.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с. Ч. 2. – 254 с.
4. Морошкин, М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М.Я. Морошкин. – СПб : Изд-во СПбГУ, 1867. – 357 с.
5. Николаенко, С.В. Витебщина в социокультурном контексте (дидактические материалы для уроков русского языка) / С.В. Николаенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 172 с.

Н.А. Максимчук
Смоленский государственный университет
e-mail: nmaximchuk@yandex.ru

УДК 811.161.1'373

АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ И СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВНЕЯЗЫКОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Ключевые слова: *имя собственное, микротопонимы, ассоциативно-культурный фон (АКФ), полевые исследования, лингвокраеведческий словарь, способы представления АКФ.*

В статье обсуждается проблема внеязыкового содержания имени собственного, которое характеризуется с помощью понятия ассоциативно-культурный фон (АКФ). На материале топонимии пограничных районов России и Белоруссии рассматриваются способы выявления и описания АКФ микротопонимов данного региона. Подчёркивается ведущая роль полевых исследований для установления происхождения большого количества местных названий. Предлагается вариант представления АКФ микротопонимов с лингвокраеведческом словаре.

N.A. Maksimchuk
Smolensk State University

ASSOCIATIVE-CULTURAL BACKGROUND AS A FORM OF EXISTENCE AND WAY OF PRESENTING THE CONDUIT CONTENT PROPER NAME

Key words: *proper name, mikrotoponimy, associative and cultural background (ACF), field research, linguo-cultural dictionary, ways of presenting the ACF.*

The article discusses the conduit content proper name, which is characterized by using the notion of associative and cultural background (ACF). On the material of the toponymy of the border areas of Russia and Belarus discuss ways to identify and describe the ACF mikrotoponims of the region. Highlights the leading role of field studies in order to determine the origin of a large number of local names. ACF submission option is offered with mikrotoponims, linguo-cultural dictionary.

Общепризнанная сегодня трактовка имени собственного как культурного знака предполагает наличие у онима определённого внеязыкового содержания, которое формируется, прежде всего, информацией энциклопедического толка. Очевидно, что такая информация, в зависимости от разряда онима, традиционно раскрывается в соответствующих энциклопедических словарях, в которых имя собственное, как правило, выступает в качестве номенклатурной единицы определённой области знаний или сферы деятельности (астронимы, космонимы – в астрономических, хрононимы, документонимы, политонимы, хрематонимы – в исторических, топонимы – в географических словарях и т.д.) или обозначает персоналии, имеющие то или иное отношение к данной сфере (антропонимы). Однако очевидно и то, что цели традиционных энциклопедических словарей формулируется не в терминах описания имени собственного как культурного знака, следовательно, содержащаяся в них информация, будучи важным источником объективных сведений о носителе имени, не может быть механически перенесена в словари лингвокультурологического типа, одна из основных задач которых состоит в том, чтобы приблизить практические результаты ономастических (лингвокультурологических) исследований к широкому адресату и тем самым способствовать реализации огромного культурно-просветительского потенциала ономастики.

Для раскрытия содержания онима с лингвокультурологических позиций необходимо определить характер внеязыковой информации, носителем которой является имя собственное, способы её выявления и установить количественные и качественные параметры этой информации, отражение которых раскрывает лингвокультурный потенциал имени в объёме, отвечающем целям конкретного описания.

Понимание имени собственного как культурного знака предполагает, что эта характеристика свойственна онимам как лексико-грамматическому классу. Однако проявление свойств культурного знака у онимов различно. С одной стороны, объём и характер лингвокультурной информации, сопряжённой с конкретным именем, может различаться в зависимости от нескольких позиций, в числе которых разряд онима, его тип, уровень преимущественного бытования (*общенациональный, региональный, локальный* и т.д.), принадлежность к *ядру* или *периферии* данного ономастического пространства и др. С другой стороны, имена собственные различаются степенью доступности заключённой в них внеязыковой информации: у одних культурная составляющая находится на поверхности и вполне очевидна (хотя бы в общих чертах) для современного носителя языка, у других она скрыта под языковыми, временными, территориальными и другими наслоениями, и её выявление требует аналитической работы специалиста, национально-культурная специфика онимов третьего типа в полной мере проявляется лишь на фоне смежных единиц и т.д. Учёт этих свойств имён собственных необходим при их лингвокультурологическом исследовании.

Исходным понятием для определения онима как объекта лингвокультурологии является понятие *лингвокультурной ценности,* характеризуемой как *способность языковой единицы отражать в своём содержании сведения о культуре народа – носителя языка*. Перечень таких сведений практически неисчерпаем (что связано с особенностями культуры как таковой), однако основные сферы их приложения общеизвестны и универсальны: это *среда обитания, природная* и

социальная (*ландшафт*, *флора*, *фауна*, *общественное устройство*, *традиции*, *обычаи* и т.д.), *межличностные* и *межгрупповые отношения*, *производственная* и *сельскохозяйственная деятельность*, *история*, *религия*, *искусство* и т.п. Эти сферы, как известно, были выделены уже в рамках первой классификации лексики с культурным компонентом значения Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, предложившими в качестве способа раскрытия содержания культурно маркированных единиц лингвострановедческое комментирование [2], на основе которого были созданы первые лингвострановедческие словари русского языка [3, 6]. Тематика словарей («Народное образование» и «Художественная культура») и их основной адресат (иностранные учащиеся, изучающие русский язык) обусловливали выбор в качестве основных источников сведений при описании единиц словаря разного рода профильной литературы.

Дальнейшее развитие лингвострановедческой теории слова, выделение лингвокультурологии в самостоятельную область лингвистических исследований, расширение влияния антропоцентрического подхода в лингвистике в целом и в лексикографии – в частности приводит к необходимости поисков новых подходов к выявлению и описанию языковых единиц (в данном случае – имён собственных), обладающих лингвокультурной ценностью.

В основе одного из таких подходов лежит представление о том, что важнейшая часть внеязыкового содержания имени собственного существует в форме его *ассоциативно-культурного фона* [4], следовательно, как основной способ выявления актуального лингвокультурного содержания ономастической единицы можно рассматривать ассоциативный метод.

Этот метода (его применение) может варьироваться в зависимости от типа онима и задач исследования. При работе с официальными онимами работа может проводиться в форме классического ассоциативного эксперимента или анкетирования. Такой подход реализован Н.В. Бубновой при анализе ассоциативно-культурного фона топонима Смоленщина [1], проводимого в рамках исследования ономастической составляющей картины мира, что предполагает обращение не только к её центральной, ядерной, части, но и к периферии, особое место в которой принадлежит региональным фрагментам. В структуре региональных фрагментов русской картины мира важное место занимает ономастикон Смоленского края, богатая история и культура которого формировались в условиях его особого географического и административно-политического положения. В свою очередь, в рамках смоленского ономастикона особый интерес представляют топонимы и микротопонимы приграничных смоленско-белорусских территорий как наиболее древние и устойчивые из ономастических единиц.

Особенности микротопонимов в значительной мере определяются устной формой их бытования. Это ставит в центр работы с этим типом ономастических единиц полевые исследования, что позволяет не только выявить значительную часть местных наименований, но и получить нигде не зафиксированные сведения о лингвокультурном содержании данных онимов. Применяемый при этом ассоциативный метод приобретает специфические черты и может быть обозначен как *метод расширенного ассоциирования*. Его суть, в отличие от классического ассоциативного эксперимента, заключается в том, что местное название рассматривается не как стимул к мгновенной и, по преимуществу, однословной реакции, а как своего рода «подключатель» респондента к обширному ассоциативному полю, в котором отражены ассоциативные связи исходного названия, характеризующиеся разной степенью лингвокультурной ценности как в индивидуальном, так и в общезначимом аспектах. Задача исследователя в таком случае – не только зафиксировать эти связи, но и установить их иерархию. Последнее достигается сопоставлением содержания ассоциативно-культурного фона онима, выявленного в работе с разными респондентами (практика показывает, что после беседы с двумя – тремя информантами новых общезначимых сведений об объекте, как правило, не поступает).

На основе полученной таким образом информации формируется специальная *Зона ассоциативно-культурного фона* лингвокраеведческого ономастического словаря (в словарной статье обозначается специальным знаком, в приводимых примерах выделяется курсивом) [5]. Она содержит сведения об объекте, не относящиеся к его основным характеристикам, а также текстовые иллюстрации. Фамилии респондентов могут указываться после конкретных текстовых иллюстра-

ций, если они носят личностный характер, или не указываться, если приводимая информация личностно не окрашена.

Авдо́тьин ху́тор – место бывшего хутора в окрестностях деревни **Бычки**. · «*Авдотья была инвалидом. Жила беднее всех в деревне. Избёнка у неё была маленькая, но дети любили собираться по вечерам в её доме. На столе у неё всегда лежала гора соевых блинов. Играя, дети съедали все блины, но она ни разу никому не попеняла. С тех пор я понял, что можно быть бедным и не скупым*.» (Д.А. Костенич)

Батаре́я – первое поле от бывшей фермы деревни **Чёртовщина** по дороге на **Явкино** и кусты за этим полем. · *По воспоминаниям старожилов, в 1812 году здесь стояла батарея русских войск, а поодаль Могилёвская кухня. В земле сохранились остатки кирпичной кладки*.

Объём данной словарной зоны может быть различным, в некоторых статьях она может отсутствовать. Это говорит, с одной стороны, о роли и месте называемого объекта в структуре ассоциативно-культурного фона жителей края, а с другой – об утрате знаний об объекте.

Содержание АКФ онима может быть представлено и другими способами в разных зонах словарной статьи. Так, частью АКФ микротопонима является народная версия его происхождения (независимо от того, как она соотносится с официальной версией), например:

Зато́н – место поворота **Острa** у деревни **Палом.** *Этим*. Затон – 1. Вдавшийся в берег речной залив, заводь. (Словарь Ожегова); 2. Защищённое от ветра место на реке, озере (Словарь Мурзаева); *местные жители считают, что название связано с глаголом тонуть и предупреждало пловцов об опасности этого места.*

Многие топонимы и микротопонимы имеют диалектные основы, поэтому важным источником сведений об их этимологии является Словарь смоленских говоров (ССГ). В то же время проведённая работа подтвердила и существование заметных различий в толкованиях немалого количества слов на общесмоленском и местном материале, что даёт основания рассматривать такие толкования также в рамках АКФ онима. В таких случаях приводятся оба толкования с пометой *Ср*. (сравни), например:

Загоро́дка – место к юго-западу от деревни **Гневково**, где находился бывший *заповедник* помещика. *Этим*. *Загородка – огороженное место*. *Ср*. Загорода – изгородь (ССГ).

Значительную часть топонимов и микротопонимов составляют названия отантропонимического происхождения, образованные от имён, прозвищ, фамилий людей, так или иначе связанных с этим местом. Есть целые разряды названий, в которых этот тип наименования преобладает. К ним относятся прежде всего хутора, называемые по хозяину, а также названия лугов, полей, лесных участков, урочищ и т.п. Уровень знаний об источнике таких наименований позволяет судить о процессах, происходящих в сфере коллективной памяти, связи поколений, об отношении к прошлому и, следовательно, к настоящему. Здесь выделяются три условных уровня сведений о происхождении онима в структуре его АКФ: 1) полные или достаточные, 2) неполные или частичные, 3) отсутствие сведений, например:

1) **Тимо́хов (Тимо́шкин) ху́тор** – место бывшего хутора под **Комиссаровкой**, у самого леса. *Этим*. *Принадлежал Тимофею Семёновичу Игнатову.*

Алга́нов ху́тор – место бывшего хутора *Ильи Никитича Алганова* к югу от деревни **Галеевка**.

Кли́мов ху́тор – место бывшего хутора *жителя деревни* ***Селюты*** *Клима Нититьевича Антонова* в **Березняке**.

Стреми́нщина – урочище в километре к югу от деревни **Иванов Стан**, где *жил помещик Стремицкий*.

2**) Бобро́во** – место расположения бывшего хутора в окрестностях деревни **Иолово**. *Этим*. *Название по фамилии хуторянина*.

Са́вкин зава́л – место бывшего хутора у деревни **Осово-1**. *Этим*. Название *по имени владельца хутора крестьянина Саввы*.

Усти́нов мыс – участок леса **Заказник** от деревни **Абакумовка** к деревне **Поповна**. *Этим*. Название по имени владельца Устина.

Гра́ськин ров – небольшой ров в деревне **Снегирёвка**, проходит между **Казацким** и **Шибневским рвами.** *Этим*. Назван по имени жившего у рва хуторянина Герасима.

3) **Са́вкин рово́к** – первый ров от деревни **Прудовая Поляна** по правому берегу речки **Дунайка**. По рву течёт родниковый ручей, впадающий в Дунайку у деревни **Комаровичи.**

В состав АКФ онима входят и сведения о производных формах имён и фамилий, характерных для жителей данной местности, например:

Авла́сов ху́тор – место бывшего хутора между деревнями **Большая Буда** и **Штаб-Загустино.** *Этим*. Назван по имени (фамилии) владельца Влас(ов) – *в местном произношении Авлас*(*ов*).

Арсёнов ху́тор – место бывшего хутора к югу от деревни **Загустино**, напротив **хутора Рюха.** *Этим*. В основе названия *народная форма имени Арсений – Арсён*.

Таким образом, выявление и раскрытие в лексикографической форме ассоциативно-культурного фона имён собственных регионального и местного уровня можно рассматривать как эффективный способ получения достоверной информации о лингвокультурной ценности данных языковых единиц с учётом их места в структуре регионального фрагмента картины мира и языковой личности. Построенный на описанных принципах словарь можно считать экспликацией коллективного ассоциативно-культурного фона ономастической составляющей регионального фрагмента картины мира.

Литература

1. Бубнова Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Н.В. Бубнова / Смоленский гос. ун-т. – Смоленск, 2011. – 23 с.

2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

3. Денисова М. А. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь / М.А. Денисова / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1978. – 277 с.

4. Максимчук Н.А. Ассоциативно-культурный фон личного имени и его лексикографическое отражение // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности: сб. статей / Н.А. Максимчук / под ред. Г.С. Меркина. – Смоленск, 2000: Изд-во СГПУ. – С. 251–263.

5. Максимчук Н.А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Ч. 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю / Н.А. Максимчук. – Смоленск: Изд-во «Маджента», 2012. – 280 с.

6. Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР. Лингвострановедческий словарь / Т.Н. Чернявская / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1984. – 355 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. ***Abramowicz Zofia,*** *докт. филол. н. (хаб.), проф., Uniwersytet w Białymstoku, Polska.*
2. ***Gimpelevich Zina,*** *докт. филол. наук, полный проф., University of Waterloo, Canada.*
3. ***Tomasik Piotr,*** *doktor nauk humanistycznych, uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska.*
4. ***Tomasik Samuela,*** *магистр, uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska.*
5. ***Бароўка Ванда Юльянаўна,*** *докт. філал. н., праф., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*
6. ***Бачинская Галина Васильевна,*** *канд. филол. н., доц., Тернопольский национальный педагогический университет им. Владимира Гнатюка, Украина.*
7. ***Бекасова Елена Николаевна,*** *докт. филол. н., проф., Оренбургский государственный педагогический университет, Россия.*
8. ***Бубнова Нина Викторовна,*** *канд. филол. н., доц., Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, Россия.*
9. ***Бураго Елена Геннадьевна,*** *аспирант, Институт языкознания Украинской национальной академии наук, Украина.*
10. ***Бут-Гусаім Святлана Феадосьеўна,*** *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*
11. ***Бутеев Дмитрий Валерьевич,*** *канд. филол. н., доц., Смоленский государственный институт искусств, Россия.*
12. ***Вардомацкий Леонид Михайлович,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
13. ***Васильева Татьяна Юрьевна,*** *Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, Беларусь.*
14. ***Вагулька Марыя Аляксандраўна,*** *студэнтка, Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Беларусь.*
15. ***Васілеўская Алена Станіславаўна,*** *канд. філал. н., дац., Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Беларусь.*
16. ***Вербовецкая Оксана Степановна,*** *аспирант, Тернопольский национальный педагогический университет имени Владимира Гнатюка, Украина.*
17. ***Вертейко Екатерина Евгеньевна,*** *аспирант, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.*
18. ***Верховых Людмила Николаевна,*** *Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, Россия.*
19. ***Винокуров Александр Иванович,*** *канд. психол. н., доц. Смоленский государственный институт искусств, Россия.*
20. ***Галковская Юлия Михайловна,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
21. ***Ганжина Ирина Михайловна,*** *канд. филол. н., доц., Тверской государственный университет, Россия.*

22. ***Ганцовская Нина Семеновна,*** *докт. филол. н., проф., Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.*
23. ***Гапоненка Ірына Алегаўна,*** *докт. філал. н., праф., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларусь.*
24. ***Генкин Владимир Максимович,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
25. ***Годуйко Людмила Алексеевна,*** *канд. филол. н., доц., Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Беларусь.*
26. ***Горегляд Елена Николаевна,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
27. ***Горнак Валерий Владимирович,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
28. ***Деревяго Анна Николаевна,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
29. ***Дзядова Алена Сяргееўна,*** *канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*
30. ***Дмитрук Людмила Александровна,*** *канд. филол. н., доц., Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.*
31. ***Дорофеенко Марина Леонидовна,*** *старший преподаватель, младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
32. ***Евсеева Ольга Сергеевна,*** *аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Смоленский государственный университет, Россия.*
33. ***Ещенко Наталия Александровна,*** *канд. филол. н., доц., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Институт филологии, Украина.*
34. ***Жданович Наталья Владимировна,*** *канд. филол. н., доц., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.*
35. ***Жилина Ирина Константиновна,*** *магистрант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
36. ***Зайцава Кацярына Аляксандраўна,*** *выкладчык, малодшы навуковы супрацоўнік навукова-даследчага сектара, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*
37. ***Кавалёва Алена Валер'еўна,*** *канд. філал. н., дац., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. Шамякіна, Беларусь.*
38. ***Калинкин Валерий Михайлович,*** *докт. филол. н., проф., Донецкий национальный медицинский университет, Украина.*
39. ***Канцавая Марыя Уладзіміраўна,*** *аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. Шамякіна, Беларусь.*
40. ***Касцючык Валянціна Міхайлаўна,*** *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*
41. ***Кірпічэнка Вікторыя Аляксандраўна,*** *магістрант, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*
42. ***Климкова Людмила Алексеевна,*** *докт. филол. н., проф., Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Россия.*

43. ***Клундук Святлана Сяргееўна,*** *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*
44. ***Ковалев Геннадий Филиппович,*** *докт. филол. н., проф., Воронежский государственный университет, Россия.*
45. ***Копач Олег Игоревич,*** *канд. филол. н., доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.*
46. ***Королёва Инна Александровна,*** *докт. филол. н., проф., Смоленский государственный университет, Россия.*
47. ***Королевич Станислава Антоновна,*** *канд. филол. н., доц., Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.*
48. ***Косолапов Владимир Власович****, краевед, г. Геленджик, Россия.*
49. ***Котович Вира Васильевна,*** *канд. филол. н., доц., Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Украина.*
50. ***Кураш Сергей Борисович****, канд. филол. н., доц., Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, Беларусь.*
51. ***Лавицкий Антон Алексеевич,*** *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
52. ***Лазуркин Анатолий Анатольевич****, аспирант, научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь, Беларусь.*
53. ***Ланге Нина Витальевна,*** *канд. филол. н., доц., Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации им. А.М. Василевского, Россия.*
54. ***Леванцэвіч Лена Васільеўна,*** *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*
55. ***Лисова Инна Александровна,*** *учитель русского языка и литературы, средняя школа № 374 Московского района Санкт-Петербурга, Россия.*
56. ***Лукашанец Аляксандр Аляксандравіч,*** *член-карэспандэнт НАН Беларусі, докт. філал. н., праф., ДНУ "Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры" Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Беларусь.*
57. ***Лукина Ольга Анатольевна,*** *канд. филол. н., доц., Полоцкий государственный университет, Беларусь.*
58. ***Максимчук Нина Алексеевна,*** *докт. филол. н., проф., Смоленский государственный университет, Россия*
59. ***Мартынкевіч Святлана Васільеўна,*** *канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*
60. ***Марудова Анна Сергеевна,*** *аспирант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
61. ***Марчук Людмила Николаевна,*** *докт. филол. н., проф., Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина.*
62. ***Маслова Валентина Авраамовна,*** *докт. филол. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
63. ***Мезенко Анна Михайловна,*** *докт. филол. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

64. ***Менжинская Юлия Владимировна***, *преподаватель*, *Витебский государственный университет имени П.М. Машерова*, *Беларусь.*
65. ***Міцкевіч Вольга Уладзіміраўна,*** *канд. філал. н., старшы навуковы супрацоўнік ДНУ "Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры" Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*, *Беларусь.*
66. ***Муратова Елена Юрьевна,*** *канд. филол. н., доц.*, *Витебский государственный университет имени П.М. Машерова*, *Беларусь.*
67. ***Мызников Сергей Алексеевич,*** *докт. филол. н., проф., Институт лингвистических исследований РАН, Россия.*
68. ***Насакина Светлана Викторовна,*** *канд. филол. н., Одесский государственный аграрный университет, Украина.*
69. ***Неганова Галина Дмитриевна,*** *канд. культурологии Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.*
70. ***Некоз Олеся Александровна,*** *преподаватель, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации им. А.М. Василевского, Россия.*
71. ***Никитина Надежда Евгеньевна,*** *аспирант, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.*
72. ***Николаенко Сергей Владимирович,*** *канд. пед. н., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова*, *Беларусь.*
73. ***Окуловская Светлана Дмитриевна,*** *аспирант*, *Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.*
74. ***Переход Ольга Борисовна,*** *канд. филол. н., доц.*, *Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.*
75. ***Пухначёва Светлана Владимировна,*** *аспирант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова*, *Беларусь.*
76. ***Разумов Роман Викторович,*** *канд. филол. н., доц., Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия.*
77. ***Ратникова Ирина Энгелевна,*** *докт. филол. н., проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.*
78. ***Рогалев Александр Фёдорович,*** *докт. филол. н., проф., Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины*, *Беларусь.*
79. ***Родина Надежда Андреевна,*** *канд. филол. н., Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации им. А.М. Василевского, Россия.*
80. ***Романовская Алла Алексеевна,*** *канд. фил. н., доц., Минский государственный лингвистический университет*, *Беларусь.*
81. ***Руденко Елена Николаевна,*** *докт. филол. н., проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.*
82. ***Рябинина Ирина Николаевна,*** *канд. филол. н., доц., Донбасский государственный педагогический университет, Украина.*
83. ***Свистун Нина Александровна,*** *канд. филол. н., Тернопольский национальный педагогический университет имени Владимира Гнатюка, Украина.*
84. ***Семянькова Галіна Канстанцінаўна,*** *канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава*, *Беларусь.*

85. ***Сергей Владимир Николаевич**, канд. филол. н., доц., Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, Беларусь.*
86. ***Синкевич Татьяна Ивановна**, старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
87. ***Сироткина Татьяна Александровна,** докт. филол. н., доц., Сургутский государственный педагогический университет, Россия.*
88. ***Скребнева Татьяна Владимировна,** канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
89. ***Слесарева Татьяна Петровна,** канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
90. ***Соловьёв Алексей Николаевич,** канд. филол. н., доц., Смоленский государственный университет, Россия.*
91. ***Солодовникова Татьяна Владимировна,** канд. филол. н., доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.*
92. ***Супрун Василий Иванович,** докт. филол. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия.*
93. ***Трофимович Тамара Григорьевна,** докт. филол. н., проф., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.*
94. ***Федурко Мария Юлиановна,** докт. филол. н., проф., Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Украина.*
95. ***Хоанг Тхи Бен,** аспирант, Белорусский государственный университет, Беларусь.*
96. ***Цветкова Елена Вячеславовна,** канд. филол. н., доц., Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.*
97. ***Цехмистренко Ольга Викторовна,** преподаватель, Черкасский государственный технологический университет, Украина.*
98. ***Цинкобурова Мария Георгиевна,** Горный университет г. Санкт-Петербурга, Россия.*
99. ***Череватый Сергей Юрьевич,** студент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
100. ***Шеверинова Ольга Валерьевна,** старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*
101. ***Шийка Светлана Владимировна,** канд. филол. н., Национальный университет водного хозяйства и природопользования, Украина.*
102. ***Шур Васіль Васільевіч,** докт. філал. н., праф., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*
103. ***Юдзянкова Ганна Віктараўна,** канд. філал. навук, Мазырскі дзяржаўны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*
104. ***Якубук Наталья Романовна,** канд. филол. н., доц., Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Беларусь.*
105. ***Яцкив Роксолана Богдановна,** аспирант, Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Украина.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Abramowicz Z. 6
Gimpelevich Z. 222
Бароўка В. Ю. 209
Бачинська Г. В. 154
Бекасова Е. Н. 46
Бубнова Н. В. 10
Бураго Е. Г. 213
Бутеев Д. В. 49
Бут-Гусаім С. Ф. 215
Вагулька М. А. 343
Вардомацкий Л. М. 219
Васильева Т. Ю. 52
Васілеўская А. С. 343
Вербовецька О. С. 296
Вертейко Е. Е. 157
Верховых Л. Н. 346
Винокуров А. И. 49
Галковская Ю. М. 161
Ганжина И. М. 300
Ганцовская Н. С. 56
Гапоненка І. А. 164
Генкин В. М. 61
Годуйко Л. А. 303
Горегляд Е. Н. 226
Горнак В. В. 230
Деревяго А. Н. 233
Дзядова А. С. 236
Дмитрук Л. А. 240
Дорофеенко М. Л. 65
Евсеева О. С. 69
Ещенко Н. А. 71
Жданович Н. В. 202
Жилина И. К. 307
Зайцава К. А. 168
Кавалёва А. В. 76
Калинкин В. М. 79, 243
Канцавая М. У. 247
Касцючык В. М. 83
Кірпічэнка В. А. 87
Климкова Л. А. 15
Клундук С. С. 90
Ковалев Г. Ф. 19
Копач О. И. 23
Королёва И. А. 94
Королевич С. А. 171
Косолапов В. В. 98
Котович В. В. 100
Кураш С. Б. 251
Лавицкий А. А. 175
Лазуркин А. А. 350
Ланге Н. В. 254
Леванцэвіч Л. В. 177
Лисова И. А. 310
Лукашанец А. А. 180
Лукина О. А. 104
Максимчук Н. А. 356
Мартынкевіч С. В. 185
Марудова А. С. 314

Марчук Л. М. 107
Маслова В. А. 110
Мезенко А. М. 27
Менжинская Ю. В. 317
Міцкевіч В. У. 114
Муратова Е. Ю. 259
Мызников С. А. 118
Насакина С. В. 320
Неганова Г. Д. 120
Некоз О. А. 262
Никитина Н. Е. 265
Николаенко С. В. 353
Окуловская С. Д. 268
Переход О. Б. 272
Пухначёва С. В. 188
Разумов Р. В. 30
Ратникова И. Э. 324
Рогалев А. Ф. 124
Родина Н. А. 190
Романовская А. А. 34
Руденко Е. Н. 126
Рябініна І. М. 154
Свистун Н. О. 193
Семянькова Г. К. 87, 196
Сергей В. Н. 129
Синкевич Т. И. 133
Сироткина Т. А. 276
Скребнева Т. В. 199
Слесарева Т. П. 278
Соловьёв А. Н. 137
Солодовникова Т. В. 141
Супрун В. И. 329
Томасик П. 333
Томасик С. 336
Трофимович Т. Г. 202
Федурко М. Ю. 282
Хоанг Тхи Бен 324
Цветкова Е. В. 146
Цехмистренко О. В. 205
Цинкобурова М. Г. 37, 286
Череватый С. Ю. 175
Шеверинова О. В. 289
Шийка С. В. 150
Шур В. В. 42
Юдзянкова Г. В. 293
Якубук Н. Р. 90, 303
Яцків Р. Б. 339

Научное издание

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Составители:
МЕЗЕНКО Анна Михайловна
ЗАЙЦЕВА Екатерина Александровна
ШЕВЕРИНОВА Ольга Валерьевна

Под научной редакцией **А.М. Мезенко**

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать 01.02.2016. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 42,32. Уч.-изд.л. 34,06. Тираж 120 экз. Заказ 6.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.